РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт лингвистических исследований

Лексический атлас русских народных говоров

Материалы и исследования 2018

Санкт-Петербург
ИЛИ РАН
2018

УДК 81.28
ББК 81.2Рус67

Печатается по решению Ученых советов
Института лингвистических исследований РАН
и Института славяноведения РАН

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 16-04-00065а и за счет средств, полученных
от Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»
в рамках проекта по Договору № 15/2018-И

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018 / Отв. ред. С. А. Мызников. — СПб.: ИЛИ РАН, 2018. — 692 с.

ISBN 978-5-6040925-7-6
ISSN 2658-6150 **DOI: 10.30842/265861502018**

В сборнике опубликованы статьи и материалы участников проекта «Лексический атлас русских народных говоров». В работах освещен широкий круг вопросов исследования диалектной лексики, семантики, структуры отдельных тематических групп и словообразования. Значительную часть книги составляют статьи по диалектной фразеологии, синонимии, истории слов и ономастике. Освещаются также практические вопросы картографирования и некоторые теоретические проблемы лингвогеографии.

Сборник вносит вклад в теорию и практику лингвогеографических исследований и представляет интерес для широкого круга исследователей русского языка.

УДК 81.28
ББК 81.2

Содержание

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 9–26. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201801

Фольклорные тексты как источник самарского регионального словаря*

Т. Е. Баженова

Рассматривается проблема включения в региональный словарь диалектных слов, извлеченных из произведений устного народного творчества. Основное внимание уделяется критериям отбора диалектной лексики и приемам словарного толкования диалектных лексем. Выделяются тематические группы лексики народной духовной культуры, определяется ареальная специфика этой лексики и её место в лексико-семантической системе самарских говоров.

Ключевые слова: диалектная лексика, Поволжье, самарские говоры, фольклор, тематическая группа, диалектный словарь.

Фольклорные записи, сделанные в селах самарского края — территории, относившейся в XIX–XXI вв. к Самаре по административному признаку, — можно рассматривать как один из источников регионального словаря. При всей дискуссионности вопроса о включении лексики фольклорных произведений в диалектный словарь, бесспорным является положение о диалектной природе языка произведений устного народного творчества. Нельзя не согласиться с тем, что язык русского фольклора представляет собой функционально-стилевую разновидность диалектной речи [Баранникова 1965: 252]. Многие составители региональных словарей рассматривают фольклорно-этнографические тексты как дополнительный фактологический источник, принимая во внимание нетождественность языка устно-поэтических произведений и диалектного языка носителей этого фольклора.

*Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Самарской области проекта № 18-412-630004 «Диалектное слово в русских говорах самарского Поволжья».

Язык фольклорных текстов представляет собой сложное образование системного характера, в котором представлены и элементы диалектного языка, и местные особенности конкретных говоров, и общенародный язык в целом, причем не только в их современном состоянии [Оссовецкий 1975: 71]. Целесообразность использования фольклорных текстов как вспомогательной базы эмпирического материала для диалектной лексикографии подтверждена опытом составителей региональных словарей (например, словаря говоров костромского Заволжья [Ганцовская 2016]).

Произведения традиционной народной культуры обогащают выборку из полевых записей диалектной лексики иллюстративным материалом и сведениями энциклопедического характера. Как отмечают составители «Словаря русских народных говоров», в лексикографической работе должны использоваться встречающиеся в языке фольклорных произведений диалектные слова, зафиксированные также в процессе полевого сбора [Филин 1961: 40].

Фольклорные источники должны соответствовать уровню достоверности полевых записей диалектной лексики. Из всего многообразия разножанровых фольклорных источников мы выделяли в первую очередь словарные примечания в научных изданиях, а также комментарии фольклористов-собирателей, в которых нашли отражение лексические особенности местных говоров, отдельные речения и тексты-комментарии исполнителей фольклорных произведений о значении отдельных слов и их употреблении в сценарии обряда. Особенно привлекательными для диалектолога являются оригинальные фольклорные тексты, в которых диалектные особенности находят адекватное (непротиворечивое) отражение, соблюдаются правила паспортизации записей. Под непротиворечивостью мы понимаем соответствие диалектизмов, извлеченных из текстов с точным указанием места фиксации, локальным языковым особенностям, определяемым на основании лингвогеографических данных.

Все источники нашего исследования можно разделить на две группы: научные публикации, содержащие описание реалий традиционной духовной культуры (например: [Ведерникова 2007; Бикметова 2009; Мачкасова 2015]), и включенные в научный оборот этнографами и исследователями песенного фольклора ранее не публиковавшиеся рукописные тексты XIX–XX вв., содержащие эмпирический материал по традиционной обрядности русских самарского края ([Носков 2008; Куприянова 2009; Михеев 2015] и другие).

Мы также считаем, что без выборки из фольклорно-этнографических текстов региональную лексику в полном объеме представить невозможно, поскольку помимо традиционного склада диалектного языка в народнопоэтической речи находят отражение наименования регионально маркированных этнографических реалий, сведения о которых в условиях полевых наблюдений получить не всегда удается, так как многие из них составляют пассивный запас диалектного словаря. И всё же вопрос о включении в региональные словари диалектной лексики, извлеченной из произведений устного народного творчества, не имеет однозначного решения [Хроленко 2010: 91–100]. Прежде всего не утратил актуальности вопрос о критериях включения диалектной лексики, относящейся к сфере традиционной духовной культуры, в словник регионального словаря.

В нашем случае особую остроту приобретает проблема адекватного соответствия диалектно-языковых особенностей фольклорных текстов, зафиксированных на данной территории (имеется в виду одна из территорий позднего освоения русскими), локальным особенностям словаря. В языке фольклора возможно существование таких языковых фактов, которые имеют широкое распространение в современных говорах или не встречаются на данной территории. И. А. Оссовецкий обращает внимание на то, что произведение народного поэтического творчества может содержать как лексику той местности, в которой оно было записано, так и лексику

той территории, на которой оно было создано или бытовало длительное время [Оссовецкий 1982: 27]. Это наблюдение по отношению к традиционным говорам иногда не находит подтверждения [Сороколетов 2011: 223–233], но применительно к переселенческим говорам является «естественной» характеристикой многих фольклорных диалектизмов.

Так, по лингвогеографическим данным, в самарских говорах почти повсеместно отсутствуют диалектные варианты наименований кукушки, за исключением спорадических фиксаций по северо-западу области лексико-фонетического варианта ***коку́шка*** и табуистических наименований ***пусту́шка*** и ***годо́вка***, зафиксированных как дополнение с основному общеупотребительному варианту. В фольклорных текстах нам встретился единичный факт употребления слова ***зозу́ля***/***зязю́ля*** вместо обычного ***кукушка***:

Лятели пташки в ряд по рядочку,
А ***зязюля*** *впередочку.*
Все пташки сели, сели, запели,
А ***зязюля*** *закукала.* <...>
Чего, ***зозуля***, *чего серая,*
Да чего ж ты кукуешь?
(«Летели пташки», с. Васильевка Борского р-на)

В данном случае, на наш взгляд, нет оснований для включения данного слова в словарь, потому что оно совершенно не соответствует общему лексическому фону лингвистического ландшафта и живет только в рамках отдельного варианта текста свадебной песни. Но подобные случаи употребления диалектных слов в фольклорных текстах всё-таки немногочисленны, гораздо чаще встречающиеся в произведениях устного народного творчества диалектные слова бытуют и в разговорной речи носителей диалектов, хотя и имеют некоторые отличия.

В самарских говорах слово ***ха́та*** со значением ‘обмазанный глиной дом из самана’ имеет единичные фиксации на юге и востоке области в южнорусских говорах Кинельского, Богатовского, Большеглушицкого и Большечерниговского районов. Слово ***ха́та*** в современных самарских говорах существует, как правило, в пассивном запасе, но кое-где сохраняются некоторые особенности в обозначении частей дома, интерьера жилого помещения, которые указывают на существование в прошлом различий между строениями среднерусского (***избы́***) и южнорусского типа (***ха́ты***), и эти различия в целом соответствуют типологии говоров. В фольклорных текстах оба этих слова встречаются одинаково редко (по сравнению со словами ***го́рница*** (***го́ренка***), ***се́ни*** (***се́нюшки***), ***дом***) и не имеют тех ареально-типологических характеристик, которые у них возможны в том случае, если они служат общим наименованием жилой постройки. Ср. записанные в с. Михайло-Овсянка Пестравского р-на (южнорусский говор) отрывки из песен:

Милый мой, твои родители
Богатую беруть.
Не светлей ув ***избе*** *будя,*
Не два солнышка взойдуть.
(«Милёночек, твоя мать»)
Не твою ли, бедняк, ***хату***
Ветер пошатнул?
(«Уж ты, доля моя, доля»)

В данном случае мы наблюдаем лексико-семантические варианты данных лексем, которые являются употребительными в бытовой диалектной речи на нашей территории. Словом ***ха́та*** современные носители самарских говоров могут называть любой плохой, бедный, ветхий дом, а словом ***изба́*** — любое жилое помещение в доме (***пойдем в и́збу***, ***передняя изба́***, ***возьми в избе́*** и т. п.), при этом производные варианты обладают большей устойчивостью, чем варианты

основные, и имеют другую локализацию. Следовательно, иллюстративный материал, извлеченный из фольклорных текстов, в данном случае может быть использован при отражении в словаре «жизни» диалектных слов на территории самарского края.

В ряде случаев отмеченные в фольклорных источниках лексемы имеют другое значение, которое в устно-речевой практике носителей говоров не зафиксировано. В самарских говорах лексема ***го́рница*** обозначает одно из помещений в ***до́ме***, состоящем из двух (реже из трёх) комнат и ***сене́й***. К ***веня́м*** нередко примыкает крыльцо на улицу или во двор. ***Се́ни*** (***се́нцы***) обычно перегорожены на две части дощатой либо фанерной стеной, за которой располагалась ***го́рница*** — так называлось холодное помещение для хранения имущества и продуктов типа кладовой или чулана. В других говорах, если речь идет о постройке среднерусского типа, ***го́рница*** — сруб в пятистенном доме по другую сторону от сеней, без печи, используемое зимой как хозяйственное помещение, а летом для жилья. Икон в горнице не было. Лучшая комната в таком случае — это комната с русской печью, иконами в красном углу, которая называется ***пере́дняя изба́***, ***изба́***, ***пере́дняя***. В говорах Самарской области, бытующих южнее условной линии, образуемой реками Самара и Чагра, ***го́рницей*** называют парадное помещение в доме, тоже часто нежилое, в котором сохраняется святой угол с иконами. В фольклорных текстах слова ***го́рница*** и ***го́ренка*** могут употребляться как обозначение всего дома и жилого помещения вообще, в этом случае оно часто сопровождается постоянным эпитетом *новая*. Ср. словарные иллюстрации, взятые из текстов песен: *Во* ***горнице***, *во светлице Лежат доски тонки, хлёстки* (Падовка Пестравского р-на, Семеновка Нефтегорского р-на); *Настасьюшка испужалася, Васильевна испужалася, да Закидалась, забросалася, Что из* ***горницы*** *в* ***горницу***. *Что из* ***горницы*** *в* ***горницу***, *да К красным девкам на высок терём* (Идакра Пестравского р-на); *Свет*

Авдотьюшка-душа, Ивановна-госпожа По ***горенке*** *ходила, эх По новой гуляла* (Михайло-Овсянка Пестравского р-на); *Он поехал вдоль улицы во конец, Он подъехал всё ко тестеву двору, ко тёщевой новой* ***горенке*** (Курумоч Волжского р-на); *Во* ***горенке*** *во новой, во новой Стоял столик дубовой* (Аделаидовка Шенталинского р-на, Максимовка Богатовского р-на); *Прилетали ясны соколы, Они взошли во нову* ***горенку*** (Васильевка Шенталинского р-на); *Наша Валя испугалася Во* ***горенке*** *возметалася* (Покровка Нефтегорского р-на); *А Галюшка испугалася, По* ***горенке*** *возметалася, Ох, из* ***горенки*** *во* ***горенку***, *Подруженькам на высокий теремок* (Первокоммунарский Алексеевского р-на); *Он из* ***горенки*** *во* ***горенку*** *похаживает, Он сапог об сапог поколачивает* (Кашпир Приволжского р-на); *По* ***горенке*** *ходит, По новой гуляет* (Усманка Борского р-на) и т. п. Слово ***се́ни*** также часто встречается в фольклорных текстах и тоже служит обозначением любого жилого помещения в доме, ср.: *Ой, Марьюшка по новым* ***сеням*** *Ходила, Она родного своего батюшку Будила* (Красная Поляна Пестравского р-на); *Растворилися* ***Сени*** *новые, Расступитеся, люди добрые* (Языково Борского р-на) и т. п. примеры. В данном случае мы имеем особую категорию слов, обозначающих конкретные реалии в говорах, но имеющих особое значение в народнопоэтическом контексте, — фольклоризмы. Включение фольклоризмов в региональный словарь тоже целесообразно, поскольку они извлечены из текстов, записанных примерно в том же временном отрезке, что и основной диалектологический материал по самарским говорам, и их можно рассматривать как проявление диалектного языка в его эстетической функции, т. е. «жизни» диалектных слов. Подобные случаи фольклоризмов должны сопровождаться соответствующими лексикографическими пометами.

С осторожностью, на наш взгляд, следует относиться к фольклоризмам, не функционирующим в бытовой речи носителей самарских говоров, от которых записаны тексты

устного народного творчества. Например: лексемы ***жа́ркий*** («*Есть и **жаркие** конфеты для ребят*» — с. Тяглое Озеро Пестравского р-на), зафиксированная в говорах других территорий со значениями 'производимый летом, в жаркое время', 'красно-оранжевый, огненный, красный' и др. (СРНГ 9: 79–80); ***пора́да*** («*Кричит парень девчоночку К себе на **пораду***» — с. Тростянь Пестравского р-на) 'беседа, совещание, своё мнение, совет' (СРНГ 30: 35); ***прича́линка***, ***прича́лочка*** («*Прилетали ясны соколы, Они взошли во нову горенку,… Они сели на **причалинку***» — с. Васильевка Шенталинского р-на; «*Да **причалочка** обломилася, Да ясный сокол встрепенулся, полетел*» — с. Усманка Борского р-на) 'доска, прибитая над окном, наличник' (СРНГ 32: 55); ***съя́ть*** («*Александровска берёза Среди Кремля стояла, Она листьями шумела, Она ветвями веяла, Золотым вянком **съяела***» — с. Падовка Пестравского р-на) 'сиять' (СРНГ 43: 182) и др. Некоторые из подобных фольклоризмов известны современным носителям говоров только по текстам песен, описанию обрядовых действий (***вере́я***, ***тано́к***, ***с о́твесью***, ***кро́са***). Знакомо обычно слово, а его значение либо остается без толкования («*Не знаю, так уж в песне поется*», «*Так раньше у нас говорили*»), либо толкуется наугад. Например, во время исполнения песни «Полно, полно вам, ребята» в с. Тростянь Пестравского р-на были записаны слова: «*У нас солод-от на вини, а хмель на тачине*», содержание которых не смогли истолковать ни сам исполнитель, ни собиратель, опытный фольклорист. Выяснилось, что в строчке из песни оказалось зашифрованными лексема ***ови́н***, очень часто употребляемая в фольклорных текстах, но обозначающая изначально отсутствующую в степных заволжских селах реалию, и слово ***тычи́на*** 'шест, кол, жердь в середине стога' (СРНГ 46: 5), вместо которого в самарских говорах употребляются слова ***слега́***, ***ба(й)стры́к***, ***холуди́на***. Понятно, что не подкрепленные речевой практикой диалектные слова живут только в текстах определенного жанра, теряют связь с конкретны-

ми реалиями, переосмысливаются и переводятся в идеальный план. Считаем, что их присутствие в региональном словаре оправдано культурно-экологическими соображениями, так как в силу своей частотности в фольклорных текстах подобные диалектные слова приобрели статус своеобразных народно-поэтических концептов, и должны сопровождаться толкованием как предметного значения (забытого), так и вторичного (переосмысленного), с которым они продолжают жить в фольклорных произведениях. Очевидно, что теперь в контексте традиционной обрядности слово ***овин***, которое обозначает реалию, давно ушедшую в прошлое, символизирует богатство и достаток, так как в свое время обозначало постройку, которая предназначалась для хранения снопов, обмолота и сушки зерна. Ср.:

Приходила коляда накануне Рождества,
Кто даст пирога, — тому полон хлев скота,
Овин *с овсом, жеребца с хвостом.*
(с. Чубовка Кинельского р-на)

Всё это осложняет лексикографическую обработку диалектизмов, извлеченных из фольклорных текстов.

Особый, наддиалектный статус имеют, на наш взгляд, разнообразные лексико-словообразовательные варианты, служащие функциональными маркерами народнопоэтической речи: ***сва́хонька***, ***кучеро́чек***, ***куде́рышки***, ***сро́днички***, ***ма́точка*** ‘матица’, ***гру́шица***, ***раскорми́лец*** (батюшка), ***распухо́вая*** (шляпа), ***разру́бчатая*** (коса), ***шелу́шьицы*** ‘шелуха’, ***воскраша́ть*** ‘украшать’, ***по-манёхоньку*** и т. п. Они должны рассматриваться отдельно и объектом диалектного словаря не являются.

Тематически диалектная лексика самарского края, извлеченная из фольклорных текстов, очень разнообразна. Прежде всего следует отметить тематические группы слов с предметным и процессуальным значением.

1. Наименования выпечных изделий: ***пиро́г*** ‘каравай белого хлеба, которым родители благословляли молодоженов’, ***лапше́нник*** ‘запеканка из лапши, сваренной на молоке’, ***ма́ковцы/ма́ковницы*** ‘выпечное изделие из кусочков дрожжевого теста, обмакнутых в топленое масло и запеченных в глиняной посуде’, ***дрочё́на*** ‘запеканка из муки, манной или пшенной каши на молоке или на воде’, ***ку́рник*** ‘пирог с мясом, луком и кашей, обязательное угощение на свадебном столе’, ***парижё́нчик*** ‘пресный пирог с мясом’, ***жамо́к*** ‘пряник, угощение, которое часто присутствовало на вечерках и девичниках’, ***аля́киш*** ‘низкий, жесткий, непропеченный хлеб’ и др.

2. Наименования одежды, обуви, украшений: ***наря́да*** ‘одежда’, ***руба́шка*** ‘основная, значимая часть традиционного русского костюма; подарок невесты жениху накануне свадьбы’, ***рукава́*** ‘верхняя часть женской рубахи из тонкой ткани’, ***запо́н*** ‘женский фартук’, ***капо́тик*** ‘женская одежда’, ***портки́*** ‘штаны’, ***кла́дочный тулуп*** ‘шуба, в которой невеста шла под венец’, ***поддё́вка*** ‘суконная жилетка со сборами на поясе’, ***подпо́лка*** ‘вышивка на мужской рубахе около ворота’, ***сак*** ‘женское зимнее пальто’, ***сертучо́к*** ‘верхняя мужская одежда, зимнее длинное пальто’, ***коты́*** ‘женская обувь на каблуке’, ***чё́санки*** ‘валяные сапоги из тонкой шерсти, остроносые, более легкие, чем обычные валенки, которые носили с галошами’, ***ува́ль*** ‘женский свадебный головной убор’, ***косничо́к*** ‘небольшой вышитый или парчовый треугольник, привязываемый к ленте, которую вплетали в косу’, ***волосни́к*** ‘повседневный женский головной убор замужней женщины в виде чепчика или наколки с завязками сзади на уложенные в узел волосы’, ***пово́йник*** ‘старинный головной убор замужних женщин в виде холщовой шапочки с небольшим околышем или сборками на темени и завязками сзади’, ***косоплё́тка*** ‘полоска материи, используемая для заплетания косы вместо ленты’, ***се́точка*** ‘женский головной убор, вязанный из ниток крючком’, ***бу́серы*** ‘украшение из

мелкого разноцветного бисера на женском головном уборе’, ***ле́нда*** ‘лента’, ***пыжи́*** ‘сборки на плечах’, ***кума́шний*** сарафан и др.

3. Наименования полотняных бытовых принадлежностей: ***шепта́лка*** ‘одеяло из дерюги, покрывало’, ***дерю́га*** ‘простыня’, ***утыма́лка*** ‘кухонная тряпка, «чтобы чугун вытаскивать из печи»’, ***това́р*** ‘отрез материи’, ***столе́шник*** ‘скатерть’, ***кваше́нник*** ‘накидка на квашню’, ***утира́льник*** ‘вышитое полотенце, которым подвязывались сват и дружка’, ***рушни́к*** ‘полотенце для торжественных случаев, с бахромой и вышивкой’, ***ути́рка*** ‘праздничное расшитое полотенце, которым украшали божницу, то же, что и утиральник’, ***подзо́р*** ‘самодельная занавеска с кружевом на кровать’, ***ду́мка*** ‘нарядная подушка с вышивкой, главный предмет приданого невесты, который постельные девушки несут в руках’, ***хребту́г*** ‘торба’ и др.

4. Лексика трудовой деятельности человека: ***коклю́шка*** ‘деталь ткацкого стана, палочки, соединяющие нитченки с подножками’, ***подно́жка*** ‘деталь ткацкого стана — одна из прикрепляемых к нитченкам дощечек, которыми поднимают и опускают нити основы’, ***про́шест*** ‘вал, деталь ткацкого стана, на который накручивается готовая ткань’, ***рушни́к*** (***рушничо́к***) ‘полное напряденное веретено, мера напряденного’, ***кросна́*** ‘ручной ткацкий стан’, ***шпигарь*** (удар.?) ‘большой гвоздь’, ***тяжо́вка*** ‘веревка для скрепления и поднятия бревен’, ***це́вки сучи́ть*** ‘наматывать пряжу на цевки — трубочки, деталь ткацкого стана’, ***обо́рочка*** ‘веревка’.

5. Наименования человека по признаку родства, семейным отношениям: ***большу́ха*** ‘старшая сестра’, ***молоду́ха*** ‘девушка до замужества’, ***тя́тя*** ‘ласковое, почтительное обращение к отцу’, ***сро́дники*** ‘родственники’, ***другоже́нец*** ‘мужчина, женатый вторым браком’ и др.

6. Слова, содержащие характеристику человека по чертам характера, внешним признакам, особенностям поведения: ***стано́вный*** ‘статный, стройный’, ***беля́вый*** ‘белоли-

цый', ***ласкли́вый*** 'ласковый', ***ро́вненькая*** 'упитанная, полная (о женщине)', ***чумови́тый*** 'озорной, шумный', ***коренно́й*** 'настоящий, истинный', ***подлюбе́зная*** (подружка) 'любимая, близкая', ***стра́нний*** 'посторонний, чужой, приезжий' и др.

В изучаемых текстах богато представлены группы слов, объединенных тематикой свадебного обряда.

Наименования элементов свадебного обрядового действа

Лексика и фразеология свадебного обряда богато представлена в исследованиях свадебных песен и подробных этнографических описаниях процесса сватовства и свадьбы в самарских селах. Вот некоторые примеры: ***смотри́ны*** 'посещение женихом и его родней просватанной невесты'; ***сво́душки*** 'застолье, во время которого знакомились семьи жениха и невесты, "пропивание невесты", помолвка'; ***вечере́нька*** 'вечернее гуляние молодежи в доме невесты в ходе подготовки к свадьбе'; ***кро́йки*** 'вечерние собрания молодежи в доме просватанной невесты, во время которых подружки помогали готовить приданое невесте, пели'; ***горны́е*** 'званые гости на свадебном застолье в первый день свадьбы'; ***гляде́льщики*** 'гости, не участвующие в свадебном застолье в первый день свадьбы и не получившие особого приглашения, соседи (шабры), наблюдающие за весельем со стороны'; ***дя́дька*** 'родственник со стороны невесты, участник свадебного поезда'; ***дру́жка*** 'родственник со стороны жениха, участник свадебного поезда; ***ко́лышки*** (***углы***) ***счита́ть***, ***гляде́ть печу́рки***, ***со́хи ме́рять***, ***кио́тку замеря́ть*** 'осматривать дом и хозяйство жениха накануне свадьбы'; ***иго́лочки счита́ть*** 'осматривать процесс подготовки приданого невесте'; ***меня́ть су́слы*** 'обряд продажи жениховой рубашки, который происходил за день до свадьбы'; ***причужа́ться*** 'притворяться, выдавая себя за невесту'; ***кла́сть на ко́су*** 'обряд выкупа невесты, торг сватов с подружками'; ***заки́нуть за́йца*** 'преградить проезд свадебному поезду по до-

роге в церковь (или из неё) свадебному поезду’; ***же́чь ови́н*** ‘обряд сжигания пучка соломы в доме невесты во время венчания, чтобы она больше не возвращалась в родительский дом’; ***туши́ть ови́н*** ‘заключительное действо свадебного обряда: прыжки через большой костер и тушение его’; ***хорони́ть сва́дьбу*** (***си́дора***) ‘пародирование похорон с непристойными шутками и песнями, заключительный обряд свадьбы, знаменующий, что молодые женятся раз и навсегда’.

В словарную статью фольклорные диалектизмы включаются с указанием на место фиксации, если это современные записи, и с указанием на время фиксации, если это архивные материалы. См. примеры словарных статей:

Кня́зъ. Новобрачный. *Серг. Иванушка Васильевич — князъ молодой, Ой, Марьюшка да Ивановна — княгиня его* (*Пестр.*).

Кла́дка. 1. Договор о денежных и других расходах на свадьбу. *Краснояр., Б. Черн., Шигон., Приволж. На сговоре сватъя договаривались о кладке — кто сколько денег выложит* (*Б. Глуш.*). 2. Денежный выкуп за невесту. *Жених должен дать какой-нибудь выкуп за невесту, кладку* (*Шигон.*). *По воспоминаниям, это был настоящий торг: невесту продавали за кладку* (*Пестр.*). 3. Приданое невесты. *Б. Глуш. Жених говорит: «Вы с них кладки больше берите»* (*Нефт.*). *Сговорятся, садятся договариваться о кладке, ну и водку пьют, конечно* (*Приволж.*). *Кладка — это шуба, не беличья, с овцы, ботинки с калошами* (*Краснояр.*).

Красота́, *ж.* Обрядовое деревце, символ просватанной невесты, наряжалось накануне свадьбы, во время девичников, когда подружки невесты приносили веник, мыло и полотенце, чтобы вымыть в бане невесту, а также во время свадьбы, когда выкупали невесту. *Краснояр. В селе люди в окна глядят: «У кого-то девичью красоту́ теря́ют!»* (*Шигон.*). ☐ ***Кро́са***, *ж. Кросу продавали* (*Шигон.*). ☐ ***Кро́ста***, *ж. На стол перед невестой подруги ставят кро́сту* (сокращение слова красота), *цветок или березку, убранную конфетками*

и лентами. Крестный и отец невесты подносят дружке стакан вина и ведут его в избу выкупать кросту и девичью косу, а поезжане с женихом ожидают во дворе. Девушки, получив выкуп, расступаются, убирают кросту (Самарский уезд, 1895).

Сно́сная *в знач. сущ.* Второй день свадьбы. *Второй день свадьбы назывался сносная — с обеих сторон сносили, делали совместный стол* (*Алекс.*).

Хода́тый. Сват, мужчина, сватающий невесту по поручению жениха или его родителей. *Создай, Боже, лютого морозу на дворе Заморозь, заморозь ходатого свата на коне* (*Пестр.*).

Принима́ть зако́н. Вступать в брак, венчаться. *Со ревнивой женёнкой закон принимал, Закон принимал, ох Венцы надевал* (*Пестр.*).

Лома́ть карава́й. Обычай благословлять молодых перед началом свадебного пира. *Молодых сажали за стол, благословляли, над их головой дружка ломал каравай* (*Ставр.*)

Лексика песенного творчества

Общими наименованиями являются глаголы ***игра́ть*** и ***пе́ть***, состоящие между собой в синонимических отношениях в некоторых значениях. В самарских говорах слово *играть* имеет несколько значений:

Игра́ть, *несов., перех.* 1. Петь (песни). *Красноарм., Пестр. Песни играют* (*Ч.-Верш.*). *Та тётка на улицы намедни песни играла* (*Нефт.*). *У нас всякие песни играют* (*Исакл.*). *Айда на улицу, там девки песни играют* (*Хвор.*). 2. *неперех.* Ухаживать за кем-либо; находиться в близких, интимных отношениях. *А которы девки с парнями играют, те вдвоём идут* (*Ставр.*) ◊ ~ ***свадьбу***. Процесс бракосочетания. *Нефт., Ставр., Пестр., Приволж., Красноарм., Краснояр.*

В комментариях собирателей содержится своеобразное толкование диалектного лексико-семантического варианта:

«Вот собрались два–три человека — чего делать? Давайте песни ***играть****». И* ***заиграют****.* ***Играть*** *песню в Падовке не означало какого-либо действия, а было синонимом слова “петь”»* [Носков 2008: 5].

Картографирование лексем показало, что на территории Самарской области лексема ***игра́ть*** (наряду с общеупотребительным ***петь***) локализуется в южной половине современной территории, ограниченной реками Большой Кинель и Чагра, — там, где у нас бытуют южнорусские говоры. В северных районах отдельные фиксации слова ***игра́ть*** встречаются в пределах былого «южнорусского острова», отмеченного на карте МДК 1915 г. [Баженова 2015: 33].

В современных южнорусских говорах Самарской области глаголы ***пе́ть*** и ***игра́ть*** (в 1-м знач.) не имеют ни семантических, ни функциональных различий. Ср. употребление этих слов в тексте комментария исполнительницы к песням с. Падовка Пестравского р-на:

«У нас какая-то семья — как рождёна, что ли, она на это — песни ***петь****. Что песню* ***заиграем*** *с отцом, что молитву* ***запоём****. Только постом мама отца окорачивала. Вот сидим: мать ткёть, сноха прядёть, я цевки всё время сучила, прясть ещё не умела. Ну, вот отец скажа: “Знашь, давайте* ***сыграем****, что ли, какую-нибудь”. А мама: “Я тебе всю башку челноком расшибу — постом* ***петь****…”. “Да ладно, старух, — маленько…”»* [Носков 2008: 8].

Помимо родовых обозначений песенного действия в самарских говорах существуют видовые: ***припева́ть***, ***крича́ть***, ***голоси́ть***, ***загина́ть***, ***пригола́шивать***, ***причи́тывать***, ***зёва́ть***, ***поба́чить***. Дифференциальными признаками значения данных глагольных слов являются способ исполнения и жанровые признаки песни. Например:

Голоси́ть. Петь протяжно и жалобно, при расставании с девичеством или с умершим. *И вскоре в пение подруг вплетался ещё один голос — невеста начинала* ***голоси́ть****… Тех, кто умел хорошо* ***голоси́ть****, приходили слушать* (*Пестр.*).

Загина́ть. Петь осмысленно, выводить, соблюдая интонационный рисунок мелодии. *Ты немножко лишнего **загинаешь*** (*Пестр.*).

Крича́ть. Петь календарные песни (заклички). *С детства помню эти заклички, и сам не раз их **кричал*** (*Пестр.*).

Пригола́шивать. Петь протяжно и жалобно, например, свадебную песню на девичнике. *А утром устаёт она (невеста) раньше их, умоется, уберётся и садится к ним в ногá на коленки и **пригола́шивает*** (*Пестр.*).

Припева́ть. 1. Подпевать. *Вы сыграйте, не утойте, Моё сердце успокойте. Вы сыграйте горну, пьяну, **Припевать**, девчонка, стану* (*Пестр.*). 2. Петь частушки и припевки. *Ты подружка моя мила, Ты **припой** ещё разок. До чего я уважаю Твой веселый голосок* (*Пестр.*).

Причи́тывать. Петь, причитая. *Я поутру встава́ю, девки спят тут на полу, я сажуся около девок, начинаю их будить, начинаю, не хуже, **причи́тывать*** (*Пестр.*).

Еще одно из таких действий отражено в сочетании ***тано́к води́ть***, т. е. петь хороводную песню. В описании хоровода также содержатся элементы игры: «*Трёх участников хоровода — обычно детей — ставили друг против друга (как бы на вершинах воображаемого треугольника), а остальные “завядуть эдакий вот **танок**, вот все и ходють кругом этих трёх-то, и вот он назывался косой **танок**, и вот эту песню-то играли...”* (из рассказа *Носковой А. М.*)» [Носков 2008: 511].

Разнообразие песен по жанрам и по содержанию отражено в лексемах-прилагательных, которые обычно связаны синтагматическими связями со словом *песни*: ***тя́гальные*** (***тягови́е***) ‘протяжные’, ***алелё́шные*** ‘свадебные величальные, содержащие припев «алилей-лёли»’, ***вечё́рошние*** ‘исполняемые на свадебных вечёрках’, ***шуте́йные*** ‘шутливые игровые’, ***пляса́лешные*** ‘плясовые, частушки’, ***обы́грышные*** ‘исполняемые во время обрядовых действий, свадебных игр’.

В русском песенном фольклоре очень велика роль традиции. Устойчивость сюжета, сложившийся набор поэтических средств, минимальное отклонение от общепринятой повествовательной манеры не позволяют шагнуть за незыблемую границу жанра. Тем не менее сравнение диалектной лексики, извлеченной из фольклорных текстов, с данными словарей русского языка позволило обнаружить специфические черты, которые можно классифицировать как территориальные особенности, способные представить картину региональной традиционной культуры в языковом воплощении.

Сокращенные названия районов Самарской области

Алекс. — Алексеевский
Богат. — Богатовский
Б. Глуш. — Большеглушицкий
Б. Черн. — Большечерниговский
Красноарм. — Красноармейский
Краснояр. — Красноярский
Нефт. — Нефтегорский
Пестр. — Пестравский
Приволж. — Приволжский
Ставр. — Ставропольский
Хвор. — Хворостянский
Ч.-Верш. — Челно-Вершинский
Шигон. — Шигонский

Литература

Баженова Т. Е. Самарские говоры в интерпретации атласов русского языка // Научный диалог. 2015. № 12(48). С. 28–37.

Баранникова Л. И. Народнопоэтическая речь и ее место в системе функционально-стилевых различий диалектной речи // Вопросы теории и методики изучения русского языка. Саратов: СГУ, 1965. С. 251–259.

Бикметова Н. В. Семантика свадебного обряда русских селений побережья реки Самары // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 11. № 4(6). Самара, 2009. С. 1626–1630.

Ведерникова Т. И. Русские Самарского края: история и современная культура: учебное пособие. Самара: СГАКИ, 2007. 203 с.

Ганцовская Н. С. Язык произведений устного народного творчества в диалектной лексикографии // Диалектная лексика 2016

(К 90-летию со дня рождения О. Д. Кузнецовой). СПб.: Нестор-История, 2016. С. 124–132.

Куприянова Л. Л. Песни Поволжья для детей // Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: Антология. Т. III. Самара: ПГСГА, 2009. С. 175–183.

Мачкасова Т. А. Локальные особенности свадебного обряда сел Приволжского, Хворостянского и Алексеевского районов Самарской области (по материалам полевых исследований 2013–2014 гг.) // Самарский край в истории России. Вып. 5: Материалы V межрег. науч. конф., посв. 190-летию со дня рожд. П. В. Алабина. Самара: [б. и.], 2015. С. 278–282.

Михеев М. Я. Свадебные обрядности в Бузулукском уезде Самарской губернии с песнями, причитаниями и приговорками. 1895 // Духовное наследие народов Поволжья: живые истоки: Антология. Т. IV. Русская свадьба Самарской губернии. Ч. I. Самара: [б. и.], 2015. С. 655–661.

Носков А. К. Деревня, деревнюшка: Сб. песен. Самара: Книга, 2008. 543 с.

Оссовецкий И. А. О языке русского традиционного фольклора // Вопросы языкознания. 1975. № 5. С. 66–77.

Оссовецкий И. А. Лексика современных русских народных говоров. М.: Наука, 1982. 198 с.

Сороколетов Ф. П. Избранные труды / Сост. О. Д. Кузнецова, Е. Ф. Сороколетова; отв. ред. С. А. Мызников. СПб.: Наука, 2011. 477 с.

Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 198 с.

Хроленко А. Т. Введение в лингвофольклористику: учебное пособие. М.: Флинта, Наука, 2010. 192 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 27–36. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201802

«Мысли, высказанные и изложенные в тетради» (записки жительницы д. Грезино Лежневского р-на Ивановской обл. Л. Г. Мольковой)

Л. П. Батырева

В статье содержится анализ записок жительницы д. Грезино Лежневского р-на Ивановской обл. Л. Г. Мольковой, определяется их жанровая принадлежность, характеризуется тематика, содержание. Материалы дневника Л. Г. Мольковой оцениваются как лингвистический источник, отражающий характерные черты шуйских говоров; как исторический источник, позволяющий глазами сельского жителя увидеть повседневную жизнь русской деревни.

Ключевые слова: русская диалектология, говоры Ивановской области, письменные источники, наивное письмо, дневник.

Л. Г. Молькова, 1935 года рождения, жительница д. Грезино Лежневского р-на Ивановской обл., бывшая работница прядильного цеха Новогоркинской фабрики, ныне пенсионерка, предоставила нам две общие тетради с записями, сделанными ею в 2015, 2016 гг. Их можно назвать дневником, поскольку они «составлены данным лицом о событиях своей внешней и внутренней жизни»; «ведутся в хронологическом порядке, по мере развития событий, правда, иногда с более или менее значительными перерывами, обусловленными либо внешними обстоятельствами, либо душевным состоянием автора дневника»; «записи не ретроспективны: они современны соответствующим событиям»; «рассказ о событиях ведется всегда от первого лица, выбор темы всегда явно зависит от личных интересов автора» [Литературная энциклопедия].

Записи в дневнике не являются ежедневными, но всё же они регулярны и хронологически упорядочены. Причем женщина непременно фиксирует не только число и месяц, но и всякий раз — год. Каждая запись озаглавлена.

Специфика дневника состоит в форме изложения — стихотворной. Поэтически оформленный текст призван выразить возвышенные чувства автора, его эмоции и переживания, а не только описать те или иные явления окружающего мира, констатировать те или иные факты.

Записки Л. Г. Мольковой, по её собственному выражению, — «*мысли, высказанные и изложенные в тетради*», мысли по разным поводам, на разные темы, при этом тематический спектр её записей тоже не вполне обычен. Главное, что волнует женщину и о чём она пишет постоянно, — красота и гармоничность *Матушки-природы*, *Земли-матери*, окружающего *Мира*, который *радует душу*, которым нужно *любоваться*, *наслаждаться*, который нужно беречь, трепетно к нему относиться, быть ему благодарным. См., например:

Жизнь нам дана, чтобы прожить, на всё любоваться, дивиться...;

А управившись с делами, выйти за порог, любоваться этим миром, наслаждаться этим миром...;

Живя, природой любоваться, ней есть, что нам дарить, и с нежностью руками прикасаться, за всё подаренное лишь благодарить[1].

Тематика записей Л. Г. Мольковой формулируется в заглавии каждой из них. Самый частотный заголовок — «Наблюдения», использован 12 раз. Может называться объект наблюдений: «Наблюдения за погодой», «Наблюдения за природой», «Наблюдения о Весне», «О природе», «О погоде

[1] Фрагменты дневника даются курсивом, в нормативной орфографии и пунктуации. Сохраняется авторская грамматика и особенности орфографии, выявляющие диалектные черты речи Л. Г. Мольковой, отражается также специфика использования ею прописных букв. Разные примеры отделяются точкой с запятой.

и природе», «С просьбой к природе», «О погоде», «О природе и жизни».

Описываются все времена года (см., например, такие заголовки: «О наступлении Весны», «О начале Весны», «Об наступлении осени», «Об осени», «Об осеннем походе в лес и наблюдении», «О предстоящей осени», «О начале зимы, о природе», «О зиме», «Об уходе лета», «О конце лета»). Объектом внимания автора записок становятся разные природные явления, всё, чем *Природа* богата, всё, что она дарит, чем *щедрится*:

С крыши движется лавина и висит наполовину, если только упадёт, много дела принесёт. Надо будет отгребать, а несёт, несёт опять, заметает всё кругом, и сугроб растёт под дом. Утром встанешь — та ж картина, снова движется лавина, нет опять тебе пути, не проехать, не пройти. До колодца надо чистить и пройти чтоб в магазин, а за зиму сколько будет снежных вот таких лавин. Снегом щедрится природа, во сто крат ещё теплом, ходят тучи, словно летом, все набухшие дождём. Вдруг под минус ночью будет, берегись, чтоб не упасть, у природы все законы, дарит щедрость и напасть;

Пришёл к нам Сентябрь с дождями и ветром, и этому, кажется, нету конца. Но вот на Востоке сквозь тучи могучей проснулося солнце, стоит у крыльца. И чуть за порог — в лицо улыбается, становится сразу теплей, но дни пролетают, и месяц кончается, Октябрь стоит у дверей. Кончается день, румяной зарёю уходит на Запад закат, и лишь пожелтевшие листья, гонимые ветром, летят. Ещё не совсем, и зелени много, зелёным ковром покрыта дорога, но кое уж где желтизна появляется, пора золотая к нам приближается;

Месяц второй лета уходит, осень и темень околицей бродят. Где-то вдали чуть громыхнуло, дождик прошёл, солнце взглянуло, капли-дождинки, словно слезинки, блестят на кустах и на тропинке. Весёлый ручей побежал по

дороге, лужи и грязь стоят на пороге, это не плохо, влага нужна, лишь не с избытком, наделав вреда. Скоро и август наступит, на два часа будет день покороче, станут темней и прохладнее ночи.

Женщина отмечает, что *Год, разделённый на части, оставляет разный след*, что каждое время года замечательно по-своему:

Весна подарила, Лето носило, Осень — обноски, поносишь, возьмёшь да сбросишь. Наступает Осень золотая, и Природа золотом горит. Дуб — Осине, Ясень — Липе голосом тревожным говорит: «Скоро сбросим мы свою одежду, а Зимою надолго заснём, а как только вновь весна вернётся, новую себе приобретём».

Автору дневника интересны не только метеорологические явления, но и флора и фауна (см.: «Про листик», «Про цветок», «Поход в лес», «Поход в лес и наблюдения», «О птицах»). Вот несколько фрагментов записок на эту тему:

Кустик маленький коринки у столба растёт, нынче ягод на нём много, всех к себе зовёт. Ходят мимо его люди, ягоды срывают, а как чуть наступит утро, птички прилетают. И вороны да сороки драки затевают: неохота отступать и обед врагу отдать. Все наелись, улетели, вроде, всё в порядке, хвать, глядишь, они опять в огородной грядке;

Вянет и сохнет всё понемножку, лениво скачет лягушка дорожкой, видно, её донимает жарой, скорее укрылась в углу, за копной. На лавке вёдра, водой налитые, стоят, как приманка, вдруг птички прибыли, попили, потом искупались, только пёрышки ихи остались. Жарко нам всем: людям и лягушкам, и птичкам, траве и цветам-погремушкам, а тем, что повыше, давно наклонились почти до земли, то ли поднимутся, то ли останутся в этакой позе они.

Л. Г. Молькова часто пишет о себе, о собственном состоянии здоровья — не очень хорошем (см.: «О себе», «Про себя», «О себе и о наблюдении», «О себе любимой», «Немного для себя», «О себе и работе», «Для себя», «Исповедь для себя»,

«О личной жизни своей»), потому что *пришла старость — непокорный слуга*, *ушли года*, *и прыть ушла*, и *сыплется на голову одна проруха*, и уже *берёт одышка* и *ходишь косолапым мишкой*, и *ноги слушаться не хочут, приросли к дороге*, и *тело вялое, как сено, голова всегда болит.*

Не остается без внимания жизнь современной деревни («О людях, о нас», «О людях», «О жизни на деревне», «О нашей жизни»), вызывающая нерадостные мысли: деревня умирает, *всё ушло, улетело, то время пропало*, нет прежней радости от труда, от его результатов. Настоящее не выдерживает сравнения с прошлым, обращение к которому анонсируют такие заголовки, как «Воспоминания», «Воспоминания о прошлом», «Воспоминания о прожитом», «О прошлом и настоящем». См., например:

Жили у бабуси два весёлых гуся. Эту песню пели раньше, а теперь боюся. Потому что нет скотины и больших сельских дворов, лишь сарайки возле дома, клетки дров для пауков. Вил не сыщешь, нет граблей, всё ушло куда-то встарь, только водится один магазинный инвентарь, ненадёжный и непрочный, поработал — и сломались. Починить кого попросишь — сразу напрочь отказались. Не хотят, скорей, не можем и ничем вам не поможем. Мастера куда-то делись. То учиться не хотят, встало дело, нет работы, мёртвым грузом все лежат;

Полей не стало, и не пашут, едим чужое всё, не наше. Не колосится больше рожь, от ветра не шуршит овёс, гречиху сеять перестали, и с клевером поля пропали, а это медонос. Когда-то в детстве, вспоминается, идёшь по полю, и до колен касается гречиха с розовыем цветом и запахом пленит при этом. А сколько пчёл над ней летают, нектар богатый добывают. Скотины нет, пропал совхоз, и дефицитом стал навоз, на химикатах всё сажают и только этим почву отравляют.

Взгляд женщины направлен в будущее («На будующее», «О будующем», «О настоящем и на будующее», «О будую-

щем и настоящем», «Пожелания на будующее», «Что будет», «О сбыточной и несбыточной мечте», «О настоящем и на будующее», «О прошедшем и будующим»), причем это всегда ближайшее будущее — наступающее новое время года и связанные с ним новые домашние заботы:

Что можно видеть за окном? Качаются былинки. Тропинки снег припорошил, предзимний вид картинки. Как таковой пока что нет, но скоро будет, нам шлёт уже привет, едва ли позабудешь. Её седой, суровый вид, с метелью и морозом, пошлёт не только нам, а всем, принесшие угрозы. Завоет, занесёт, засвищет и каждый уголок отыщет. Сугробы будет наметать, чтоб не ленились мы, а стали разгребать. Всё это впереди, и всё нас ждёт, работать будешь, а не стоять, раскрывши рот;

Лето приходит. Каким оно будет: али обидит, аль приголубит? Что нам подарит: радость, веселье или уныние аль сожаленье? Жизнь — она хитрая штука, что нас всех ждёт — не предсказать, только на лучшее будем надеяться, будем хорошего ждать. Новое всё нам весна подарила, чтоб лето всё это дальше продлило.

Очень мало Л. Г. Молькова пишет о детях, о друзьях. Детям посвящены 2 записи, одна — правнучке, одна — подруге. Отсутствует описание любовных чувств, переживаний личного характера. Вероятно, это связано и с неудачным замужеством (см. реплику: *...как назло, с замужеством не повезло*; или: *А было ль счастье, эта радость, чтоб кто-нибудь когда-нибудь цветов букетик подарил?*), и с природной крестьянской целомудренностью, не позволяющей выставлять личное напоказ даже в дневнике. Наконец, дело не только в нежелании, но и, по-видимому, в неумении говорить на лирические темы, в недостаточности лексического багажа для передачи этого пласта переживаний.

Стихотворные тексты Л. Г. Мольковой, их стилистика и образность, несут на себе печать школьного образования с его определенным набором авторов, сформированными

литературными клише, эстетическими ориентирами. В них слышатся наивные перепевы мотивов Пушкина, Есенина, Лермонтова, Некрасова, знание стихов Чуковского, отзвуки известных советских песен. См., например:

Ходят по небу тучи, как странники, гонит их ветром, словно изгнанников;

Унылая пора, и холодно, и сыро. Колышет ветер рыжею траву;

А скоро в золото оденутся леса, придёт и к осени краса;

Федорино горе одно, посуда не мыта давно, от пыли полы побелели, и шли не дни, а недели. Что же Федоре мешало пол подтереть, посуду помыть? Али покинули силы, али решила про всё позабыть?;

Велика страна Россия, много в ней морей и рек, и прекрасного всего, где проходит человек;

По времю скоро Новый Год, декабрь идёт, а на дворе как будто бы апрель открыл себе широко дверь. И вдруг подснежник молодой нам покачает головой? Но это только в сказке так бывает, что и зимой подснежник расцветает.

Л. Г. Молькова активно использует тропы: метафору (*время пулею несётся*; *жизнь на месте не стоит, а большой волной бежит*; *страх в тебе стоит порой недоступною горой*; *ходят по небу тучи-колечки*); олицетворение (*улыбнулся мир зелёный*; *вот и солнышко проснулось, к нам в окошко заглянуло, на душе повеселело, и взялись скорей за дело*; *вот и туча уплыла волной могучей, потихоньку собралась и до леса поплелась*; *холод всё ближе крадётся, ветер, срывая с деревьев листву, бросая, куда-то несётся*; *на берёзке белоствольной будут почки набухать, потом клейкие листочки станут плечи расправлять*; *зеленеют ивы, нет ещё берёзы, льют они, бедняги, вешним соком слёзы*; *одуванчики закрылись, спрятали головки, их чуть дождичком смочило, видно, им неловко*; *и душистыми кистями будет кланяться сирень, а колючими усами хмель цепляться за плетень*

и др.); эпитеты (*жгучием морозом серебристым*; *терновник цветёт, весь одет в бело-нежный наряд* и др.); перифразы (*Новый год придёт с Красавицей из леса*; *улыбнулся мир зелёный*; *Лес — он есть богатство наше. Где найдёшь местечка краше? Можно здесь всего покушать, леса музыку послушать, этот наш зелёный друг радость создаёт вокруг*; *дуб — лесной великан*). Разнообразны сравнения: *всё улетело в никуда, как через сито*; *а мысли кружатся, как рой улетевший*; *а у сломанной макушки — сыроежки, как ватрушки*; *облака, как бахрома, повисли.*

К фольклорной традиции можно возвести употребление деминутивов (*Три часа в лесу гуляла, еле ноженьки таскала, на пенёчке посидела и на небо поглядела*; *солнышко*, *дождик*, *молочко* и т. п.), других лексем, которые квалифицируются лексикографами как народно-поэтические (*Это будет всё Весной, когда Май наступит, вдруг расщедрится тепло и всех* ***приголубит***; *Нынче солнышко светит, оседают сугробы, словно март в феврале у зимы, у* ***зазнобы***). Отметим также элементы экспрессивного синтаксиса, характерные для фольклорных текстов, например, повтор предлогов: *Нынче голая рябина у соседских у дверей*; *А на нашем на столе остаётся крошка, не забудьте покормить птичий мир немножко*; *От осенней от поры вихри рыжие травы снова ото сна проснулись*; *А на влажной на лужайке зацветёт гусиный лук, золотистый одуванчик цветом солнышка вокруг.*

Дневник интересен тем, что фиксирует местные языковые черты. Среди фонетическиих особенностей речи Л. Г. Мольковой, носящих диалектный характер, можно назвать заударное яканье (*Дни идут, летят недели, под окном шумят метели, но недолго им гулять,* ***таят*** *снег, стал оседать*); стяжённые формы (*На тропинке вязнут ноги, нет почти совсем дороги, и приходится сидеть, из окна* ***своею*** *глядеть*; *Лишь один одуванчик, не совсем, но проснулся, солнцу, брату* ***свому,*** *пробудясь, улыбнулся*; *Белеет голова*

моя, нет расторопности ни в чём, и ты вот целый день в тени лежишь да лишь ***помахиваешь*** *хвостом*); начальное *ро-* (*Всё то, что ты* ***ростила,*** *к чему ты приложила силы, не только для тебя достанется, и тварь земная тут как тут, в накладе не останется*) и др.

Отражены такие морфологические особенности говоров, как двусложное окончание имен прилагательных (*Зима пока что не спешит, похоже, что готовит силы метелям, чтобы пронеслись со свистом да* ***жгучием*** *морозом серебристым*; *Сыроежки и маслята, и пузатый боровик — очень дружные ребята, хоть и ростом не велик. И в* ***сосновыем*** *бору, и в березняках, где растут и дуб с осиной, будут выглядеть красиво. Но пока ещё не время, они крепко спят, только дождь грибной пробудит* ***спящиех*** *ребят*; *Когда-то в детстве, вспоминается, идёшь по полю, и до колен касается гречиха с* ***розовыем*** *цветом и запахом пленит при этом*); начальный [н’] личного местоимения 3-го лица при употреблении его без предлога (*Живя, природой любоваться,* ***ней*** *есть, что нам дарить, и с нежностью руками прикасаться, за всё подаренное лишь благодарить*) и др. В области синтаксиса отметим, например, следующий случай управления: предлог ***сквозь*** используется с родительным падежом существительного (*маленький лучик пробился* ***сквозь тучек***; *Прекрасный летний день, 20-е число. Хоть утро выглядит уныло и солнца луч* ***сквозь серых туч*** *чуть пробивается игриво*; *Пришёл к нам Сентябрь, с дождями и ветром, и этому, кажется, нету конца. Но вот на Востоке* ***сквозь тучи могучей*** *проснулося солнце, стоит у крыльца*).

Речь женщины, и письменная, и устная, включает диалектные лексические единицы, например: ***борови́к*** ‘гриб подосиновик’; ***коро́вик*** ‘белый гриб’; ***сосно́вик*** ‘гриб маслёнок’; ***дрема́*** ‘гвоздика пышная (diánthus supérbus)’; ***бот*** ‘ботва’; ***веть*** ‘ветвь, ветка’; ***гумно́*** ‘приусадебная территория, задворки, на которой растёт трава для покоса’; ***уса́д***

‘дом и территория вокруг него со всеми постройками’; ***я́блонь*** ‘яблоня’; ***е́жа*** ‘еда’; ***заду́мка*** ‘задумчивость’ и др.

Дневник Л. Г. Мольковой акцентирует внимание на важных для женщины из глубинки событиях, фактах, явлениях, раскрывает мир чувств представителя определенного социального круга, определенной среды, определенного времени, но при этом индивидуальности с присущими только ей чертами. Он позволяет глазами сельского жителя увидеть повседневную жизнь русской деревни, происходящие в ней изменения.

Литература

Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов: В 2-х т. / Под ред. Н. Бродского, А. Лаврецкого, Э. Лунина, В. Львова-Рогачевского, М. Розанова, В. Чешихина-Ветринского. М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель, 1925. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://literary_terms.academic.ru/159/%D0%94%D0%BD%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%B8%D0%BA.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 37–45. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201803

История становления термина «приток» в русской географической науке

А. Г. Беляев, Е. И. Шубницина

Русское Географическое Общество обратило внимание на то, что многия русския слова, обозначающия географические предметы, остаются неизвестными и что взамен их употребляются слова иностранныя или изобретаются новыя; посему оно предложило заняться, между прочим, разработанием географической терминологии и для трудов по сему предмету учредило особую комиссию...

Из отчета Русского Географического общества за 1846–1847 гг. [Отчет 1849: 12].

В статье рассматривается история появления в русском языке и российской географии термина, обозначающего «реку, впадающую в другую реку». Прослежены все варианты обозначения этого понятия в исторических источниках: *рассоха*, *падун*, *товарищ*, *отрасль*, *падучие реки*, *сторонние реки*, *приток*. Определены время появления и авторы современного термина «приток».

Ключевые слова: приток, рассоха, падун, падучий, река, география, гидроним, впадающий.

Для определения реки, впадающей в другую реку, то есть того, что сегодня мы называем *притоком*, устоявшегося термина в русском языке не существовало вплоть до начала XIX в. До этого притоки обозначались либо по ассоциации, либо глагольными формами: так, в летописи Нестора приток Западной Двины река Полота описывается просто как река,

втекающая в Двину: «...и нарекошася Полочане, речки ради, яже втечетъ въ Двину, именемъ Полота» [Беляев 1852: 5].

Само слово *приток* существовало в русском языке как минимум с XV в., но имело другие значения — например, ‘рыбные угодья’ (СлРЯ XI–XVII 20: 55). Встречались в это время и близкие по смыслу слова с корнем *ток* (*тек*, *течь*): например «притекати — достигать в своем течении какого-либо места (Промеж славными реками славнейшая Портореал имянуется, потому так имянуется, что притекеть к пристанищу королевскому)» (Там же: 52), «а сверху реки Птицы притекла река Ухна и пала в реку Ыжму» [КБЧ: 164]. Здесь слово *приток* было «совсем рядом» и вполне могло использоваться в современном значении, но в исторических документах это не зафиксировано.

В жалованной грамоте нижегородского князя в 1393 г. встречается отглагольная форма, описывающая приток, — «*падучая* река»: «и все озера отъ речки отъ Курмышки вниз Сурою, источные и глухие, и роздерти и заводи, и пески, и съ падучими реками» [ААЭ I: 7]. Столетие спустя, в конце XV в., в жалованной грамоте вологодского князя, появляется слово *падун*: «Да отъ их пожни на озере на Лосте и исток в реце в Лосте и ис тово ж озера падуны речки малые в туже реку в Лосту» [АСВР III: 288]. В дальнейшем этот термин часто встречается для обозначения притока, например, в «Отписке Чердынского воеводы» от 1681 г.: «и кто изъ нихъ сверхъ прежняго оброку болши наддастъ, тому тотъ Печерской падунъ, реку Щугоръ и рыбные ловли и отдать» [ДАИ VIII: 322].

В древности реки исследовались людьми снизу вверх по течению, поэтому каждый приток выглядел как развилка на дороге. Такая развилина-рогулька называлась словом *рассоха* (варианты *розсошь*, *россошь*, *рассошина*, *рассошка*) (СлРЯ XI–XVII 22: 61, 62, 209, 216, 218); термин этот закрепился за притоками, например в «Книге Большому Чертежу»: «а другая розсошь тое же речки Везеницы вытекла из лесу» [КБЧ:

69]. Показательно, что в языке коми слово *вож* 'приток' также означает 'ветвь, ответвление' (ССКЗД: 55). Опять же, сходное в одном из своих устаревших значений русское слово *отраслъ* — побег растения, разветвление — приводит в своем географическом словаре Щекатов: «Припеть, нарочитая река и есть знатнейшая отрасль Днепра» (Щекатов 4, 1: 1297).

В XVII в. для обозначения притоков использовали также выражение *сторонние реки*: «...стороннымъ рекамъ, которые пали въ Тунгуску и въ Илимъ реку» [ДАИ II: 243]. В том же веке участник посольства в Китай в 1685–1687 гг. Никифор Венюков составил «Описания новыя земли Сибирского государства...», в которых для обозначения притока он использует слово *товарищ*: «Из того камени на полдень к Московскому государству многия реки, Кама с товарищи,... Яик и иныя реки с товарищи, и Дарья река, которая пошла под Бухарию в великую Хиву с товарищи» [Титов 1890: 60, 61]. Примечательно, что тем же словом Н. Венюков называет и сподвижников Ермака, т. е., видимо, для обозначения понятия *приток* просто подбиралось близкое по смыслу слово.

Но чаще всего притоки назывались как павшие, впавшие в основную реку. Для этого используются слова *пал*, *пала*, *впал*, *впала*, *упалые*: «а ниже Истры пала в Москву речка Ходынка, от царствующего града Москвы 5 верст» [КБЧ: 56]. В «Книге Большому Чертежу» слово *пал* и его производные используется для описания притоков более тысячи раз, несколько раз — слово *розсошъ*, и ни разу — другие варианты.

В XVIII в. слова *падун* и *рассоха* в значении 'приток' из употребления не исчезли. В рукописном «Атласе Пермской губернии» 1800 г. подписи «падун» встречаются у речек неоднократно, в том числе и в вариантах, однозначно указывающих, что это не имя собственное, не топоним, а гидрографический термин: «падун в речку Варган», «падуны безымянные». На листе этого атласа «Верхотурский уезд, часть двенадцатая» одна из рек подписана «Падунъ (Рассоха)» —

таким образом связаны два старых термина, обозначающих приток (рис. 1).

Рис. 1. Фрагмент карты ПГМ Верхотурский уезд, Часть Двенадцатая. «Атлас Пермской губернии» 1800 г. [ПГМ Верхотурский уезд]

Прекратив свое существование как гидрографический термин, слова *падун* сохранилось на карте современной России уже как имя собственное: это слово имеют в своем названии более 60 рек и речушек, в основном небольших, до 10 км длиной. Слово *рассоха* также, пропав из гидрографических терминов, сохранилось в виде гидронима (с многочисленными вариантами и дериватами: *россоха*, *разсоха*, *розсошь*, *розсошина*, *рассошина*, *рассошка*, *розсошка*), причем даже более широко, чем *падун*. Нами была сделана попытка оценить количество и проследить распределение гидронимов со словом *падун* и вариантами слова *рассоха* на современной карте России (рис. 2). Как видно из карты, эти 230 объектов (62 гидронима «падун» и 168 — варианты гидронима «рассоха») распределены по территории страны очень неравномерно. Наибольшая концентрация «рассох» приходится на Северо-Запад, в частности на Республику Коми, и Средний Урал, плюс небольшие «пятна» в Центральном Черноземье, на Тай-

мыре, в Приамурье и на Камчатке. «Падуны» же сосредоточены значительно южнее, в основном на Среднем и Южном Урале и юго-западе Сибири.

В конце XVIII–начале XIX вв., в эпоху бурного развития российской географии, выходит целый ряд географических учебников и словарей: «Географический лексикон Российского Государства» (1773), первый русский (не переводной) университетский учебник по географии «Географическое методическое описание Российской империи» (1776), первый отечественный учебник по географии для народных училищ «Краткое землеописание Российского Государства» (1787), «Всеобщее землеописание» (1788), «Географический словарь Российского Государства» (1801–1809), «Краткое землеописание Российского Государства» (1807). Во всех вышеперечисленных изданиях никакого устоявшегося термина для обозначения притока реки не предлагается.

В 1818 г. выходит учебник «Краткая всеобщая география» К. И. Арсеньева, начинающийся с терминологии, определения понятий, в частности: «Реки, изливающияся в море и принимающия многия другия реки, называются главными; впадающия же в главныя, именуются побочными» [Арсеньев 1818: 37].

Наконец, еще через 18 лет, в 1836 г., в «Гидрографическом обозрении России» К. И. Арсеньева, опубликованном в «Журнале Министерства Внутренних Дел», наряду с «побочными реками» появляется термин *приток*: «Десна важнейший и полезнейший приток Днепра» [Арсеньев 1836: 360].

Однако и это не самое первое использование термина *приток*. «Гидрографическое обозрение России» публиковалось в 1836 г. в «Журнале МВД» тремя частями, в трех номерах: в первой части для притоков используется исключительно термин *побочные реки*, а начиная со второй, помимо *побочных рек*, появляется термин *приток*. В тот же номер I «Журнала МВД» за 1836 г., кроме первой части «Гидрографического обозрения», вошла статья «Статистическое обозрение

Австрии» за подписью Я. Ха-ков, в которой читаем: «Второе место по значительности занимает Эльба со своими ***притоками***» [Ха-ков 1836: 157]. Очевидно, Арсеньев «на ходу освоил» понравившийся термин, использовав его во 2 и 3 частях своей работы: сначала изредка, затем ставя тождество между «побочными реками» и «притоками»: «Алтайския горы, порождающая Обь, должны считаться главным водоспуском, а Уральския, выпускающия только притоки или побочныя реки, могут назваться вспомогательными резервуарами» [Арсеньев 1836: 378], «Судоходные реки Обской системы, Обь притоки ея» [Арсеньев 1836: 379].

Автором «Статистического обозрения Австрии», скрывавшимся под псевдонимом Я. Ха-ков, был 18-летний Я. В. Ханыков — вчерашний лицеист, а в будущем известный географ, картограф, государственный деятель. Получается, что именно он впервые использовал в печатном труде для обозначения реки, впадающей в другую реку, термин *приток*, а Арсеньев ввел его в географическую науку, закрепив своим авторитетом.

Новый термин распространился очень быстро: уже в 1841 г. в «Начертании географии Российской» видим: «§5. Реки, с важнейшими их притоками» [Павловский 1841: 3]. Термин *приток* используется в «Топографическом описании Северного Урала» 1848 г. [Юрьев 1852: 46], в «Военно-статистическом обозрении Российской Империи 1850 г.» [ВСО: 10]. И наконец, в 1865 г. слово *приток* — в интересующем нас значении — зафиксировано в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «Приток, поток, снабжающий водоем или реку водою... Всякая река с притоками своими занимает область, ограниченную сыртами (возвышенностями)» (Даль 3: 468).

Таким образом, годом рождения термина «приток» в русской гидрографии и географии с большой долей уверенности можно считать 1836, а авторами — Я. В. Ханыкова и К. И. Арсеньева.

Рис. 2. Распределение гидронимов, содержащих слова *падун* или *рассоха* (с вариантами), по современной территории Российской Федерации.

Сокращения источников

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи археографическою экспедициею Императорской Академии Наук. Т. I–IV. СПб.: в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1836.

АСВР — *Греков Б. Д., Черепнин Л. В.* Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в. Т. I–III. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952–1964.

ВСО — Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. II. Ч. 3: Вологодская губерния. СПб.: Тип. Деп. Ген. Штаба, 1850. 470 с.

ДАИ — Дополнения к Актам Историческим. Т. I–XII. СПб.: в Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1846–1872.

КБЧ — Книга Большому чертежу / [Подг. к печати и ред. К. Н. Сербиной]. М.—Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. 228 с.

ПГМ Верхотурский уезд — Планы генерального межевания Пермской губернии. Верхотурский уезд [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://poisk.yapl.ru/maps/pgm/Permskaya_2v_Verhoturskiy/Verhoturskiy_12-2.jpg (дата обращения: 30.11.2018).

Литература

Арсеньев К. И. Краткая всеобщая география. СПб.: Медицинская Типография, 1818. 334 с.

Арсеньев К. И. Гидрографическое обозрение России // Журнал МВД. Ч. XIX. 1836. №№ 1–3. С. 1–76, 335–405, 559–589.

Беляев И. Д. О географических сведениях в древней России // Записки Императорского Русского Географического Общества. Кн. VI. СПб., 1852. С. 1–264.

Отчет Русского Географического общества за 1846/47 год // Записки Русского Географического Общества. Кн. III. СПб., 1849. С. 1–19.

Павловский И. Я. Начертание географии Российской Империи для руководства при первоначальном преподавании в уездных училищах Дерптского Учебного Округа. Дерпт: [б. и.], 1841. [4], 40 с., 2 л. карт.: ил.

Титов А. Сибирь в XVII веке: сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях: с приложением снимка со старинной карты Сибири. М.: Издал Г. Юдин: Типография Л. и А. Снегиревых, 1890. XI, 216, XXII, [5] с., [1] л. ил., карт.

Ха-ков Я. Статистическое обозрение Австрии // Журнал МВД. Ч. XIX. 1836. №№ 1–2. С. 156–276, 438–457.

Юрьев Д. Топографическое описание Северного Урала исследованного Уральскою Экспедициею в 1847 и 1848 годах // Записки Военно-Топографического Депо. Ч. XIV. СПб., 1852. С. 25–154.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 46–54. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201804

Семантика срока в русских народных говорах

С. М. Белякова

В статье на материале лексики русских говоров рассматривается понятие «срок», отражающее стереотипное поведение людей, естественные циклы природы и сельского труда.

Ключевые слова: семантика, срок, аксиология, регламентация, русские говоры.

Феномен времени содержит в себе как объективную, так и субъективную составляющую, поскольку воспринимается и оценивается человеком с позиций его внутренних переживаний. Среди различных классов темпоральных обозначений выделяются классы преимущественно субъективной семантики (например, частота или неопределенная длительность) и преимущественно объективной семантики (измерение времени, отсчет времени и др.). Наряду с ними следует выделить лексико-семантическое объединение субъективно-объективной направленности. Это класс «Срок» с его подклассами «вовремя — не вовремя», «раньше срока», «позже срока». В рамках данной статьи он рассматривается на материале русских старожильческих говоров юга Тюменской области с привлечением материалов других говоров (среднеуральских, архангельских и др.).

Значение лексемы *срок* определяется словарями как момент исполнения или наступления чего-либо (МАС 4: 241). Оценка совпадения / несовпадения действия с определенным временем (своевременность / несвоевременность) имеет не только субъективную природу, но и объективную, как в плане соотношения с природными или трудовыми циклами, так и в плане связи со стереотипными представлениями, свойственными данному социуму. Такая оценка очень важна

для диалектоносителя. Основные смыслы, связанные с этим понятием: 1) сам момент: ***срок***; 2) фиксация наступления срока: ***пора***, ***время*** (употребляется в предикативной функции); 3) к сроку: ***ко времю***. Например: 1) *Бейте шишки в срок.* 2) *Пора бы и костям на место. // Хватит, повыгибался ты, пора приматса за работу. // Пора окна отчинять. // Почка отказалася, время ей отказатъся, работыто* (я) *повидела сызмала.* 3) *Не приехал ко времю* (тюмен.).

Одним из значений многозначной лексемы ***время*** является 'пора; срок, благоприятный для чего-либо период, момент'. В литературном языке это значение реализуется в контекстах типа ***подходящее время***, ***выбрать время***. В диалектном дискурсе данное значение весьма актуально, хотя фиксируются в основном отклонения от срока. Это сочетания ***раньше время*** (ср. лит. *раньше времени*, которое не отмечено словарями), ***до время***, ***после время***, ***ко времени***. Напр.: *Не надо покастить шишки раньше время. Бейте шишки в срок, а то раньше время ронжа растаскат. // Не дают вырасти, до время обрывают* (ягоды). *// Теперь чё после время говорить? // А не придёшь ко времени, отес с матерью тебе наказ дадут* (накажут). *// Всю дорогу лошадь-ту понужал, дак ко времю приехали* (тюмен.). Таким образом, событие, произошедшее не в свой срок (раньше или позже), оценивается негативно (не только в говорах, но и в русском языке вообще). Аналогичные сочетания отмечаются и в других русских диалектах.

В южнорусских говорах, а также в фольклорных текстах фиксируется сочетание ***безо время*** 'раньше положенного срока'. Напр., в народной песне: *Царь Николка, что наделал: безо время войну сделал. Безо время, без поры нас на бойню повели*; а также в частушке: *Эх, сирень, сиренечка, завяла безо времечка.* Ср. лит. ***безвременный уход*** (***кончина***). Здесь интерес представляет семантика приставки / предлога *без-*, основное значение которых 'отсутствие чего-л.', ср. *безногий.* Несколько особняком стоит лексема ***безвременье***

'тяжелое время, пора невзгод; время общественного, культурного застоя' (МАС 1: 70). См.: *Безвременье вливало водку в нас* (В. Высоцкий), *В то кручинное, горькое безвременье много я бед приняла, много слёз пролила* (А. Мельников-Печерский); в словаре В. Даля: *Время красит, безвременье старит*; *Было время, осталось одно безвременье.* Отметим также диал. ***безгодье*** в сходном значении: *Какоя тады бязгоддя было!* (брянск.). Таким образом, тяжелый период жизни человека или общества в целом образно отражается как отсутствие времени, прекращение его течения, что становится нарушением установленного свыше порядка и оценивается отрицательно.

Близким по семантике к слову ***время*** в русском языке является слово ***пора***. В словаре В. Даля отражено противопоставление этих лексем: *То было время, а теперь пора*; *дураку что ни время, то и пора*; *не время дорого — пора.* Возможно, это следует рассматривать как оппозицию: неопределенно длительное время — конкретный момент времени, срок. Известна противопоставленность этих лексем в истории русского языка: пора как благоприятное, «положительное» время [Яковлева 1994] или как особо отмеченная, «горящая» точка [Звездова 1997]. Однако имеющиеся в нашем распоряжении данные современных говоров рисуют иную картину, демонстрируя синонимичность этих слов. Ср.: *Были песельницы в то время. — Никто не пил в ту пору. // Предстрадно времечко пришло. — Вот и предстрадна пора подходит* (тюмен.). О синонимичности говорит также Е. А. Нефедова [Нефедова 2008: 123], хотя она же считает, что ***пора*** отражает более объективную семантику, чем ***время***. Слова ***пора*** и ***время*** могут употребляться в данном значении соположенно, в одном высказывании, усиливая его содержание [Там же]. См. в частушках: *Пришло времечко жениться — пора свадебку играть*. Проявлением тождественности семантики этих лексем можно считать фразеологизм ***порой да времем*** со значением 'иногда, время от времени, не всегда': *Порой да*

временем бело платье носят (тюмен.); *Не всё же время робят, а только порой да временем* (урал.). Исключение составляет лишь выражение ***самая пора***, которое можно определить именно как ‘горячее время’: *Самая пора: хлеб, уборка, никаких выходных* (тюмен.). См. также ***впору*** ‘вовремя’: *Впору пришёл, а то б уехали* (тюмен.). Ср. архангельское ***вопору*** с тем же значением: *Тоже мама-то их не вопору оставила*, а также ***впорый*** ‘пришедший вовремя, кстати’: *Впорый гость* (СРНГ 5: 175, без указания места). В данных примерах отражена архаическая мотивированная семантика, особенно явно она выделяется при сопоставлении с литературным значением наречия ***впору*** ‘как раз, по мерке’.

Возможно употребление существительного ***пора*** с определениями, однако они менее разнообразны, чем те, которые относятся к лексеме ***время***. См., например, следующий контекст: *Самая трудная — сенокосная пора. Пауты, комары. Никогда из ума не выходит это стихотворение... Такая деревенская пора* (тюмен.). Среди диалектных употреблений особого внимания заслуживают выражения с семантикой времени зрелости: ***в поре*** ‘в зрелом возрасте, созревший, возмужавший’, ***в пору войти*** ‘возмужать’ (зафиксированы в уральских говорах), ***порелой*** ‘достигший зрелого возраста, в расцвете сил’, ***выпореть***, ***упореть*** ‘вырасти, стать спелым (о растении)’. Например: *Порелой мушшына. // Выпорела тыква-та, можно ись* (есть) (тюмен.). С указанной семантикой можно связать и ФЕ ***на последних порах*** ‘на сносях’: *Мать была на последних порах.* Наряду с общерусской формой ***в ту пору*** функционирует и вариант ***в те поры*** (в литературном языке считается устаревшим). Например: *У меня сапоги были в ту пору. // Мы в те поры небольшие-то были* (тюмен.). Из данных сочетаний образованы наречия ***втупор***, ***тупора***, ***втапор***, ***тапор*** и под. Диалектными также являются сочетания ***до коей поры*** со значением неопределенно долгого времени (*Запишусь на дрова, так до коей поры: то солярки нету, то плуга нету*) и ***в кою пору***

‘быстро, в краткий промежуток времени’ (*Давнишно помнишь, а настоящее в кою пору забудешь*). От существительного ***пора*** в тюменских говорах образовано прилагательное ***разнопорой*** ‘совершающийся в разное время’ (*Лук-от у нас с тобой разнопорой получилса: мы уже давно едим, а у тебя ишшо только прочикатса*).

Обратим внимание также на наречные сочетания ***как раз*** и ***аккурат***, которые, имея в качестве основной сему ‘одновременно’, содержат также некоторую положительную (реже отрицательную) оценку временного совпадения: *Как раз были Спасовы дни. // Это в окурат дело было в Мясоед* (тюмен.). Подобным образом зачастую происходит хронологизация событий, что видно из приведенных примеров. В словарях литературного языка ***как раз*** в значении ‘сразу, мигом’ дается с пометой «устаревшее». ***Аккурат*** (***в аккурат***) МАС приводит с пометой «просторечное» со значением ‘точно, как раз’, не дифференцируя пространственную и временную семантику. Интересно, что, по данным этимологических словарей, прилагательное ***аккуратный***, являясь заимствованием из польского языка, восходит к латинскому *accuratus* ‘старательный, точный’. В русском литературном языке ***аккуратный*** — ‘соблюдающий порядок, точность’, ***аккуратно*** — ‘старательно и тщательно, соблюдая порядок’. Таким образом, в литературном языке этот корень в качестве основной имеет сему ‘порядок’, а в говорах — сему ‘точность’, причем в ее временном понимании.

Наречие ***втупор*** (***втапор***) представляет собой вариант словосочетания ***в ту пору***: *Не погодилося втупор дома-та.* (В это время дома не было йоду, чтобы залить рану.) // *Несказимой холодишшо втапор был* (тюмен.). Вообще вариативность «словосочетание / наречие» чрезвычайно характерна для темпорального пласта лексики говоров.

Смысл ’вовремя — не вовремя’ содержит оценку благоприятного совпадения действия или события с определенным временем, сроком или отсутствия такого совпадения. При

несовпадении может присутствовать указание на то, раньше или позже срока произошло данное событие. Эти смыслы выражаются лексемами: ***вовремя***, ***впору***, ***в срок*** — ***не вовремя***, ***не в срок***. Например: *Когда по погоде, когда вовремя дождик пройдёт, назреет* (земляника). // *Когда в те года вовремя мочит, так в огороде белым-бело* (цветет картошка). // *Картошка в цвету, дождь-то вовремя пал.* // *Нонче дождь вовремя.* // *Впору пришёл, а то б уехали.* // *Бейте шишки в срок, а то раньше время ронжа растаскат.* // *После Троисы заготавливали веники. Когда не вовремя сделашь виник, раз попаришься, и облетат.* // *Ране шибко запрешшалося не в срок чигать шишки, нехто не покастили* (тюмен.). Наш материал дает в основном понятие срока, связанное с природными или погодными условиями.

Подкласс «раньше срока» составляют лексемы и сочетания ***ране***, ***раным-рано***, ***рановато***, ***ворано***, ***до время***, ***раньше время***. Например: *Раным-рано выбирают и ягоды и грибы, не дают поспеть.* // *Ещё рановато, после Петрова* (косить). // *Ране надо, наш автобус не угадывает* (не успевает). // *Не дают вырасти, до время обрывают* (ягоды), *орда.* // *Не надо покастить шишки раньше время* (тюмен.). При этом наречия ***заранее***, а также диалектное ***съспоранки*** (в отличие от выше приведенных) имеют значение ‘заблаговременно’, т. е. содержат положительную оценку действия. *Счас заране наберут детского.* // *Если добрый хозяин, то заранее выедет сено косить.* // *Съспоранки надо билет брать.* // *Одевают его* (покойника) *в наготовлено, у нас, у старых-то, всё заране сделано.* Близким по значению является также наречие ***наперёд***: *Поноровистой* (услужливый) *будёт большой, чичас уж наперёд знат, чё надо матере-то* (тюмен.). Наречие ***заранее*** в изучаемых говорах отмечено и в другом значении — ‘раньше положенного срока’ (с отрицательной оценкой): *Он заранее снял шишку, а это нельзя делать, надо, чтобы она ядрела.*

Особо следует выделить словоформу ***до время*** (с близким значением в литературном языке функционирует сочетание ***до поры до времени***). МАС дает значение «до определенного момента, до известного случая» (МАС 1: 227), «Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» трактует значение как «указание на то, что данная ситуация является преходящей» (НОССРЯ: 328). Однако более точное толкование диалектной семантики приведено в «Словаре говора деревни Акчим Пермской области»: «пока не случится что-либо нежелательное, являющееся следствием совершаемого действия» (Акчим. сл. 1: 154). Например: *Это до время катаются*, т. е. катаются, пока не упадут, не поранятся и т. п. Здесь предполагаемый результат оценивается как нежелательный, но практически неизбежный.

Диалектное наречие ***ворано*** имеет в тюменских говорах два значения. 1) ‘Рановато’: *Ворано сёдни встала, можно было чесок попотегатса. // Ворано тебе, парень, за девкам-то бегать, учитса надо.* 2) ‘Очень рано’: *Ворано на пристаньту пришли, долго придётся ждать катер-от. // Вы сёдни ворано уклалися, гледи, восьми чесов ишо нету-ка. // Ворано ешшо было, уехали робить-то.*

Подкласс «позже срока» реализуется лексемами и сочетаниями ***поздно***, ***поздо***, ***вопоздо***, ***после время***, ***к шапочному разбору*** (***придти***). Примеры: *Картошку поздо обрабатывала. // Поздо чё-то такси-та пришла. // Поздо были откосилися. // Теперь чё после время говорить? // Вызвали скору помочь. Да она уж пришла к шапошному розбору* (тюмен.). Наречие ***вопоздо*** отмечено в двух значениях, соответствующих подобным значениям наречия ***ворано***. См.: 1) *Вопоздо у меня квашонка-та поднялася, а мне-ка надо было ко свинням бежать.* 2) *Ломала руку-ту, дак вопоздо, в консэ мая уж, посияла морковь-ту. // Приди на роботу вопоздо, сёдни ек, завтре так, дак нековo не заробишь, да и выговор, большо присловьё получишь.*

Таким образом, приставка *во-* имеет в данных наречиях энантиосемичное значение. Хотя следует отметить, что в тюменских, а также уральских говорах ее основное значение — неполнота проявления признака (в прилагательных и наречиях). Ср.: ***водорого*** ‘дороговато’: *Не стала у их муку покупать, водорого показалося*; ***водлинно*** ‘длинновато’: *Водлинно пальто-то, искорочку бы покороче*; ***вовогло*** ‘сыровато’, ***вокоротко***, ***вокрасно*** и др.

Итак, субъективно-объективный характер смысла ‘срок’ создает аксиологическую, рационально-оценочную семантику. Основные обозначения данного класса — это лексемы ***время***, ***пора***, ***срок*** (и их модификации), а также лексемы с корнями *позд-* и *ран-*. При этом значение слов с корнем *ран-* может содержать как положительную, так и отрицательную оценку, а с корнем *позд-* — лишь негативную. Диалектные наречия ***ворано*** и ***вопоздо*** развивают оттенки значения, реализующиеся в контекстах разных типов. Аксиология срока отражает стереотипное поведение людей, естественные циклы природы и сельского труда. Так, из природных циклов наиболее важное значение имеет совпадение периода созревания растений и времени сбора плодов, уборки урожая. Второй важный момент — совпадение этапов вегетативного цикла и определенных погодных условий (*дождик пал вовремя*). Из стереотипов поведения существенным является соответствие определенному распорядку дня (точнее, двум основным точкам: времени пробуждения и времени отхода ко сну). Здесь понятия ‘рано’ и ‘поздно’ коррелируют с частями дня (суток). Частным случаем стереотипов поведения является ситуация гощения. Традиционной культурой предписываются временные ограничения этой ситуации: не следовало ходить в гости утром. См.: *Уж больно ты ранний гость, добрые-то люди по утрам не ходют* (М. Шолохов. Тихий Дон).

Представление о такой временной координате, как срок, соотносится с более широкими установками на выполнение

человеком определенных норм, что отражает естественную социальную регуляцию традиционного общества. «Очевидно, что социальную регуляцию нельзя отнести к “зоне актуального внимания сельских жителей”», однако вне целенаправленного осмысления действительности в этом ключе все же несомненно знание носителей русских народных говоров о нормах организации жизни человека в “своем” социуме, понимание того, что поведение человека подчинено установившимся в естественной коммуникации законам общежития, осознание давления общественного мнения и исходящих от окружения ожиданий того, что человек должен участвовать в устройстве быта и отношений» [Леонтьева 2015: 7].

Таким образом, регламентация жизни традиционного сельского общества осуществляется в том числе и при помощи понятия «срок».

Литература

Звездова Г. В. Русская именная темпоральность в историческом и функциональном аспектах: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Саратов, 1997. 38 с.

Леонтьева Т. В. Модели и сферы репрезентации социально-регулятивной семантики в русской языковой традиции: дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2015. 427 с.

Нефедова Е. А. Многозначность и синонимия в диалектном пространстве. М.: МАКС Пресс, 2008. 463 с.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: Гнозис, 1994. 344 с. (Язык. Семиотика. Культура).

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 55–64. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201805

О втором издании «Словаря смоленских говоров»

Л. З. Бояринова

В статье говорится о необходимости фиксации диалектной лексики даже в настоящее время, когда создано большое количество диалектных словарей и завершается издание фундаментального обобщающего труда — «Словаря русских народных говоров». Рассматриваются некоторые принципы составления «Словаря смоленских говоров», играющие существенную роль при его подготовке к переизданию. Описываются основные аспекты, по которым дополняется и уточняется диалектная лексика, представленная в первом издании.

Ключевые слова: диалектная лексика, смоленские говоры, диалектная лексикография, словарь смоленских говоров, принципы лексикографического описания диалектного слова.

Середина XX в. была ознаменована интенсивным сбором диалектного материала для «Диалектологического атласа русского языка» и началом работы над многими диалектными словарями, когда «диалектологи сконцентрировали свои силы на широком ареальном обследовании лексики, что впоследствии дало материальную основу для диалектологических экспедиций и фундаментальных картотек» [Мызников 2016: 93–94]. Тогда же началась работа и над «Словарем смоленских говоров», которую возглавила А. И. Иванова. Прежде всего был определен тип словаря и глубоко продуманы, тщательно разработаны принципы его составления. Принято решение о создании дифференциального синхронного (то есть от Пушкина до наших дней) словаря группы смоленских говоров. Основу словаря должна составить лексика, зафиксированная в ходе полевых исследований; в сло-

варь включались и диалектные слова, имеющиеся во многих трудах начиная от середины XIX в. [Иванова 1964: 103–119].

Работа над созданием «Словаря смоленских говоров», в одиннадцати выпусках которого отражено около 30 тысяч слов, завершилась в 2005 г. В настоящее время коллектив авторов-составителей готовит Словарь к переизданию. Эта работа поставила перед нами ряд задач, которые необходимо решить, и ряд вопросов, на которые необходимо найти ответ. Остановимся на некоторых из них.

Словарь составлен в соответствии с принятыми принципами, однако в течение длительного периода работы в них были внесены некоторые коррективы (ССГ 1: 7–34; ССГ 2: 3–7; ССГ 4: 3–4; ССГ 7: 3). Они не меняли существа принципов и были обусловлены рядом факторов. Один из них хорошо знаком всем составителям диалектных словарей — это поиск оптимальных форм описания диалектного материала, т. е. решение определенных лексикографических задач. Второй фактор — необходимость сокращения объема Словаря, вызванная определенными техническими и финансовыми условиями.

Изменения коснулись принципа отражения лексики, выписанной из источников XIX – начала XX вв.: слово или значение не помещалось в Словарь, если оно не было зафиксировано в смоленских говорах в ходе сбора материала. Так, например, не вошли в ССГ слова ***клю́чница*** ‘ласточка; по народному преданию, открывает золотым ключом весну’ (Добровольский 1914: 326); ***коври́га*** ‘в названиях растений сем. бобовых’: ***коври́га кра́сная*** — ‘trifolium pratense L.; клевер луговой’; ***коври́га бе́лая*** — ‘trifolium montanum L.; клевер горный’ (СМОЛ.) (Анненков 1878), поскольку на момент издания соответствующего выпуска они отсутствовали в картотеке Словаря.

Таким образом, первой задачей, которую мы ставим перед собой при подготовке «Словаря смоленских говоров» к переизданию, является возврат к полной реализации прин-

ципа отражения в нем лексики, выписанной из источников XIX – начала XX вв.

В процессе работы над первым изданием фонетические варианты слова подавались на своем месте по алфавиту с отсылкой к основному слову: ***Андра́к***. См. ***андарак***. При этом в словарной статье на основное слово вариант приводился с иллюстрациями и указанием на территорию распространения. Начиная со второго выпуска, варианты размещаются в конце словарной статьи, представляющей основное слово: ***О́коло***... Вар. ***окол***.

Был изменен характер отражения территориального распространения слова. В первом выпуске ССГ при каждом слове и значении перечислялись все районы и населенные пункты, в которых оно было зафиксировано. При некоторых словах, имеющих широкое распространение, перечень населенных пунктов занимал до полустраницы и более, что, естественно, в значительной степени увеличивало объем Словаря. Этот порядок в дальнейшем был изменен, и с седьмого выпуска указание на район и населенный пункт сохраняется только при иллюстрациях, после этого приводится перечень районов без населенных пунктов. В случаях фиксации слова во многих населенных пунктах всех районов области стала использоваться помета «повсеместно».

Таким образом, второй задачей, которую мы ставим перед собой при подготовке нового издания «Словаря смоленских говоров», является единообразное описание смоленской лексики.

В наиболее полном виде принципы составления «Словаря смоленских говоров» и первоначально принятые формы их отражения реализованы в первом выпуске (ССГ 1).

В настоящее время продолжается активное исследование смоленских говоров по разным направлениям. В ходе осуществления ряда проектов пополняется картотека Словаря.

Данное обстоятельство обусловило нашу третью задачу — введение в научный оборот новых материалов, не отмеченных ранее в лексикографических трудах.

При подготовке Словаря к переизданию появились вопросы, которые необходимо решать тем или иным образом. Приведем два примера.

1. Об орфографии заголовочного слова. Известно, что орфография заголовочного слова — один из сложных вопросов, особенно для акающих говоров, к которым относится смоленский диалект. Сейчас у нас появилась возможность внести некоторые уточнения в орфографию ряда заголовочных слов. Например, слово ***абица́нки*** приведено в первом выпуске в его произносительном варианте (*Абицанки — цацанки, а другому радосъ.* Добровольский 1914; ЭС). В седьмом выпуске представлено устойчивое сочетание со словом ***обеща́нка***: ***обеща́нки дава́ть*** ‘обещать’ (*А я гъварю: «Ты толька и знаиш абишшанки дывать, а ничога ня делыиш»*. СМОЛ. Жуково). Оба примера свидетельствуют о том, что это одно и то же слово. Кстати, в силу неясности внутренней формы слова и невозможности определить его семантику по имеющемуся контексту в первом выпуске ССГ слово ***абица́нки*** дано без значения, только с иллюстрацией. В седьмом выпуске при слове ***обеща́нки*** нет ссылки на Добровольского. Теперь появилась возможность объединить данные статьи в одну. Приведем другой пример. В первом выпуске есть слово ***ба́ут*** ‘полый деревянный стаканчик на палке, которым ударяют по воде во время рыбной ловли, чтобы испугать рыбу’. Орфография этого слова определена произношением, отраженным в иллюстрации (*Стали ани баутать своими длинными баутами.* СМОЛ. Доп. Опыт 1858). Очевидно, что это слово ***болт*** ‘длинный шест с перекладиной на конце, употребляемый во время ловли рыбы’, тоже представленное в первом выпуске. Таких слов оказалось в целом незначительное количество, все они будут помещены на своем месте по алфавиту, однако останутся для удобства чита-

телей Словаря и на прежнем месте с отсылкой: ***Абица́нки***. См. ***обещанки***; ***Ба́ут***. См. ***болт***.

2. Об использовании пометы «устар.» при словах, «значение которых забывается носителями современных говоров (в связи с исчезновением реалий, появлением других слов)» (ССГ 1: 18). Более полувека прошло с момента осуществления первых записей диалектной речи в ходе сбора материала для «Диалектологического атласа русского языка» и ССГ. За это время значительно изменились бытовые условия, да и в целом жизнь носителей диалекта, что, естественно, привело к переходу в пассивный словарный запас большого количества слов. Так, например, перестали использоваться многие предметы быта, поэтому их наименования утратили свою актуальность, иногда перестали быть понятными и перешли в группу устаревших слов: ***бич*** ‘короткая ударная часть цепа, било’, ***бозуме́нт*** ‘нарядная лента для украшения; позумент’, ***юрцы́*** ‘полати’. Перестали употребляться и слова, отражающие некоторые элементы культуры, относящиеся, например, к обрядовой лексике, производственным процессам: ***ба́харя жени́ть*** ‘представление, игра на святках’, ***би́ть ва́ленки*** ‘валять валенки’. Реже стали употребляться многие бытовые разговорные слова: ***вза́быль*** ‘действительно, в самом деле’, ***озы́зать*** ‘замерзать, коченеть от холода’, ***натрава́ть*** ‘вытерпеть, вынести’, ***зо́лкий*** ‘холодный, ледяной, пронизывающий от холода’. Происходящие в говорах изменения значительно расширили круг слов, требующих пометы «устар.», однако только специальные исследования могут с большей или меньшей определенностью установить границы этого круга. В силу данного обстоятельства во втором издании помета «устар.» будет сохранена и использована только при тех словах, при которых она была в первом издании.

Решение первой задачи — возврат к полной реализации принципа отражения в Словаре лексики, выписанной из источников XIX – начала XX вв., — позволило включить в него

все имеющиеся в нашем распоряжении материалы, отмеченные в других источниках: ***водúть свя́точную козý*** ‘игра, в которую играли на святках’ (ДУХ. Шест. 1853); ***вилова́тый*** ‘раскидистый, имеющий раздвоенный конец наподобие вил’ (Добровольский 1914: 68); ***волóжить*** ‘увлажнять, мочить; поливать’ (Даль 1: 234); ***канапе́я*** ‘мягкий диван’ (Добровольский 1914: 310); ***капша́к*** ‘дождевой червь, иногда сороконожка и др. подобные насекомые для наживы удочек’ (Даль 2: 71); ***каýрец*** ‘о лошади каурой масти’ (Добровольский 1914: 828). Многие из таких слов присутствуют в современных смоленских говорах. Например, в «Смоленском областном словаре» В. Н. Добровольского есть слова ***вúшенье*** ‘плод вишни’, ***вы́зреть*** ‘увидеть, усмотреть’ (Добровольский 1914: 70, 100). В материалах, появившихся в картотеке, эти слова также представлены (*У етым годи вишыння нъ бызари дужа дырагии были.* РОСЛ. Крапивна. *Ня вызриш, как вырълстуть дъ и пъразъедуцца детки.* ДЕМ. Переселье. *Рази ж за йими вызриш, за етими бълъуниками.* ДЕМ. Хотеево). В «Словаре русских народных говоров» зафиксированы слова ***кит*** ‘оконная замазка’; ***кла́дья*** ‘пешеходный мостик через ручей, речку’ (СРНГ 13: 239, 264). Сегодня они есть и в нашей картотеке (*Нъ зиму нада пазы в акон китъм зъмазъть.* РУДН. Переволочье. *Касню вам пъ кладдим нада пирихадить.* СЫЧ. Софьино).

Решение третьей задачи, направленной на введение в научный оборот материалов, не отмеченных ранее в лексикографических трудах, позволило включить в Словарь большое количество новых слов: ***вздува́ться*** ‘сердиться, обижаться’ (*Уздувайся ни уздувайся, а йись захочиш — у пътпаски наймесся.* ДЕМ. Заборье); ***взнúзок*** ‘два предмета верхней одежды, надетые одновременно’ (*Кали б ня етыт узнизък, акалела б на першый вярсте.* ДЕМ. Заборье); ***вилови́ще*** ‘деревянная рукоять вил или ухвата’ (*Вилавишша слумалъсь, нада новыя зделыть.* ПОЧ. Карманичи); ***вихри́ться*** ‘носиться, бегать как вихрь’ (*Ни вихрись ты, сять*

пысяди. ВЕЛ.); ***взерца́ть*** ‘смотреть’ (*Пынаехыли художники, пыразули зенки, узирцають ны бярёзы, на возира.* ДЕМ. Заборье); ***воро́б*** ‘воробей’ (*Вона вароп пъд вакном прыгыить, чирикъить. Сериньныя пташка.* СМОЛ. Борок. *Варобы так и шшыбечуть.* РОСЛ. Коски); ***квасни́к*** ‘кувшин для кваса’ (*Квасник нъ стале стаить.* САФ. Билино); ***кали́товка*** ‘калитка’ (*Закрый калитыуку: хлопыить.* ЕЛЬН. Лосиное); ***капе́льник*** ‘сосуд, который ставят под крышу, чтобы туда стекала вода’ (*С капельника патом ваду бяруть и агарот пъливають.* СЫЧ. Муховесово).

У многих слов зафиксированы новые значения: ***вы́резы*** ‘узоры, вышитые на полотенцах, занавесках и т. п.’ (*Выризы дужа красивы нъ пълатенцъх, тока долга их делъть нада: спирва нитки выдёргивъють, тъда в етый сетки усякии вакошычки делъють и ниткъми апшываютъ. Што тваё кружыва пълучаицца.* СМОЛ. Корохоткино). Новое значение слова ‘украшение, вырезанное из чего-либо’ (*Ти вырижыш ты мне выризы нъ вакно?* ЕЛЬН. Данино); ***вы́ползень*** ‘непоседливый, вездесущий ребёнок’ (*Выпылзинь етыт увесь лес выпылзыу, пъка грибы нашоу.* ХИСЛ. Печерск) и новое значение: ‘кожа змеи, наружный покров гусеницы или насекомого, который они сбрасывают во время линяния’ (СРНГ 5: 330); ***квет*** ‘цвет, цветок’ (*Яблынивый квет ужу атыйшоу, ни квятеть уже.* ЕЛЬН. Мелехово) и новое значение: ‘цветение’ (Добровольский 1914: 971); ***волосни́к*** ‘нарыв на пальце’ (*У майго аццa быу выласник. Палиц, как кърънддашык стау.* СМОЛ.) и новое значение: ‘лечебная трава, использующаяся при лечении нарыва на пальце’ (Добровольский 1914: 81); ***присма́к*** ‘вкусное кушание или приправа’ и новое значение: ‘приятный вкус’ (Добровольский 1914: 720); ***па́ли́ца*** ‘деревянная полка возле печи’ и новое значение: ‘валёк для выколачивания белья’ (СРНГ 25: 171).

Появились новые слова-омонимы: ***вы́шка***[1] ‘высота (о росте)’ (*Четвирть в вышку хъдаки были.* ЯРЦ. Семеновская. *Малиц в вышку растеть, а так худиник.* РОСЛ. Буда)

и ***вы́шка***[2] — ‘мн.: полати’ (СРНГ 6: 61; Опыт 1852); ***выть***[1] ‘плакать’ (*Чаво ты усё выиш? Ти балить у тибе што?* РОСЛ. Буда. *Как завёу малиц с вутра выть, спасу нет.* ДЕМ. Понизовье) и ***выть***[2] ‘слово, которым прогоняют свиней’ (*Выть, ня лесьтя, счас кармить буду.* СМОЛ. Коробино. *Выть атсюда!* МОН. Барсуки); ***перебо́ра***[1] ‘охапка сена’ (*Две пиряборы пылажы каню.* ПОЧ. Мадеевка) и ***перебо́ра***[2] ‘о человеке привередливом (чаще в еде)’ (*Етый пирябори тока укусниньктя дывай.* Рудн. Заготино).

Пополнился арсенал устойчивых сочетаний: ***ви́лочки***[3]: ***на ви́лочки ста́вить ребёнка*** ‘учить ребёнка становиться’ (Добровольский 1914: 68); ***води́ть свя́точную козу́*** ‘игра, в которую играли на святках’ (ДУХ. Шест. 1853); ***приста́ть с коро́ткими гужа́ми*** ‘назойливо просить о чем-либо, требовать чего-либо’ (СМОЛ. Радкевщина; СРНГ 31: 404); ***пригна́ть ту́чки до ку́чки*** ‘наказать кого-либо за все провинности’ (СРНГ 31: 172; Добровольский 1914: 706); ***вари́ть в капу́сте*** ‘ждать, пока вырастет’ (*Батька ни хатеу мине так рана замуж адъвать. А я яму и гыварю: «Што ж мяне теперь дъ старъсти у капусти варить?!»* ЕЛЬН.).

С другой стороны, выявились случаи свободного употребления слов, отмеченных ранее только в устойчивых сочетаниях. Например: ***бежа́ть на вы́гонки*** ‘бежать наперегонки’, ***вдолг и по́перек*** (***знать***, ***изучить*** и под.) ‘очень хорошо (знать, изучить и под.)’ (*Пашли мы с Манькый у мыгазин, а нас чуть дош ни зъхватиу. Туча ныйшла чёрныя-причёрныя, мы дывай с ей дамой бечь на выгынки.* РОСЛ. Буда. *Удоух и попирик ужу изучила тябе, ни рызвади зъбабоны.* ДЕМ. Мочары). Новые контексты свидетельствуют о свободном употреблении слов ***вы́гонки***, ***вдолг*** (*У нас раньшы были разныи игры: пахоуки, выгынки, штандыр — усяго многа было.* СМОЛ. Михновка. *Реш у доух, а клинння будиш краить пъ касой.* ТЁМК. Базулино).

Поступление новых материалов из всех районов Смоленской области в значительной степени изменило представления о территории распространения слов: употребление многих из них зафиксировано в тех населенных пунктах, из которых ранее не было соответствующей информации. Например, слово ***взмоты́чить*** ‘обработать землю мотыгой’ было зафиксировано в одном населенном пункте (*Сянни я матыкъла, матыкъла гарот, чуть узматычила.* ДОР. Петрикино); слово ***вершинки*** ‘сливки’ было представлено материалами из одного района (*Целыя мылако, виршынки ни сняты.* ВЕЛ. Лемеши). Сегодня мы имеем сведения об их употреблении в нескольких населенных пунктах разных районов (*Анной кукурузы сем сотък узматычила.* РОСЛ. Бараново; ЕЛЬН., МОН., САФ., ШУМ., ЯРЦ.; *Мылако стопють, зъквасють вяршынкуй. Ета ряжынка.* СМОЛ. Замощье; МОН., ЯРЦ.).

Лексика, вносимая в «Словарь смоленских говоров» при подготовке к переизданию, в значительной степени увеличит его информативность по разным параметрам, позволит расширить сведения о семантических, деривационных и других связях и отношениях между словами в системе смоленских говоров. Новый материал содержит в себе дополнительные сведения о системе концептов, определяющих языковую картину мира носителя смоленского диалекта. Введение новой лексики в научный оборот будет способствовать решению ряда актуальных исследовательских задач, к числу которых «следует отнести вопрос о взаимодействии лексики литературного языка и словарного состава народных говоров, решение которого зависит прежде всего от того, насколько широким по охвату и разносторонним по характеру является привлекаемый в сферу исследования материал» [Сороколетов, Кузнецова 2010: 222].

Литература

Иванова А. И. О принципах составления Смоленского областного словаря // Вопросы грамматики русского языка и методики его преподавания. Смоленск, 1964. С. 103–119. (Ученые записки. Вып. XIII, ч. 1.)

Мызников С. А. Историко-этимологические труды А. С. Герда (в контексте современных проблем русской диалектологии) // Verba magistro. Сборник научных статей памяти профессора Александра Сергеевича Герда / Отв. ред. А. Х. Гирфанова, С. А. Мызников. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 79–102.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии / Под ред. В. В. Колесова. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 232 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 65–76. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201806

Из финно-пермских фитонимических портретов: волчье лыко (волчеягодник) (Daphne mezereum)

И. В. Бродский

В данной работе автор рассматривает все известные народные названия растения волчеягодник (*Daphne mezereum*) в финно-пермских языках, то есть ветви финно-угорских языков, исключающей угорские языки. Подавляющее число названий этого растения концентрируется в прибалтийско-финских языках. Большинство сложных названий волчьего лыка содержат компоненты, указывающие на его ядовитость: в первую очередь, это зоосемизмы со значениями ‘волк’, ‘собака’, ‘змея’. В составе названий волчеягодника встречаются и названия ряда птиц, для которых растение неядовито. Небольшую группу составляют названия этого растения, которые стали результатом номинации по признаку лекарственности.

Ключевые слова: финно-угорские языки, финно-пермские языки, лексика, фитонимы, названия растений, волчье лыко, волчеягодник.

Волчеягодник, или волчье лыко (*Daphne mezereum*) — род кустарников семейства волчниковых (*Thymelaeaceae*). Ареал волчеягодника обширен и везде перекрывает ареалы распространения финно-пермских языков. Названия этого растения имеются во всех языках ветви.

Волчеягодник — ядовитое растение. Применение волчеягодника в медицинских целях запрещено (БФС: 183–184); в народной медицине растение используется ограниченно и только наружно — об этом свидетельствуют и представленные ниже его названия. Растение использовали как своеобразное природное косметическое средство (румяна); см.

в «Словаре Академии Российской»: «Ягодами натираютъ крестьянскія дѣвки себѣ щоки, отъ чего онѣ надуваются и рдѣютъ» (Слов. Акад. 1789–1794 VI: стлб. 1033–1034).

Названия растений рассматриваются ниже отдельно по ветвям финно-пермских языков (прибалтийско-финская, мордовская, марийская, пермская). Все фитонимы объединяются в 43 лексико-семантических гнезда, пронумерованных для удобства навигации. Внутри языковых ветвей и отдельных языков названия волчеягодника даны в алфавитном порядке.

При написании работы автор использовал несколько десятков лексикографических и иных источников по финно-угорским и контактным языкам. Транскрипция в данной работе полностью соответствует транскрипции оригиналов.

Прибалтийско-финские названия волчьего лыка

(1) лив. *àina‖pū* (*åå͜ina‖pū*)

Букв. ‘травяное дерево’.

По-видимому, *àina* (*åå͜ina*) ‘трава’ в этом название имеет значение ‘зелье’ (лекарственное), см. ниже лив. *tèi‖åå͜ina‖pū*. Выбор детерминанта *pū* ‘дерево’ для такого большого и ветвистого кустарника, как волчье лыко, выглядит совершенно естественно.

(2) лив. *drudžliieļp*, *drudž¸lieppaa*

Фитоним представляет собой заимствование из латышского языка (< латышск. диал. *drudžliieļp* ‘волчье лыко’).

(3) вод. *griisi‖marja*, *griizi‖marja*, *griiži‖marja*, *kriisi‖marja*, *krõõž‖marja*, *griizi‖marja‖puu*

Букв. ‘ягоды [от] грыжи’ (‘дерево ягоды [от] грыжи’).

(4) лив. *griŋgìl’‖pussk*

Ср. также *kriŋgìl’‖pussk* ‘календула’.

Букв. ‘крендель-цветок’. Лив. *griŋgìl’*, *kriŋgìl’* ‘крендель’ < ст.-н.-нем. *Kringel* ‘то же’. Семантика этого фитонима не вполне ясна.

(5) эст. *hundi‖marjad*

Букв. ‘волчьи ягоды’.

Распространение подобной модели номинации в отношении волчеягодника в прибалтийско-финских языках невелико. В связи с этим нами предполагается ее русское происхождение. О применении модели к другим растениям см. ниже.

Зоосемизмы со значениями ‘волк’, ‘собака’ маркируют, будучи в составе сложных фитонимов, растения несъедобные, вредные для человека и ядовитые.

(6) эст. *hundi‖marja‖puu*

Букв. ‘дерево волчьей ягоды’.

В отношении номинации см. предыдущий фитоним. Детерминант со значением ‘дерево’ часто входит в состав названий кустарников и даже иногда высоких или массивных растений (ср., напр., фин. *varenja‖puu* ‘ревень’).

Это название может относиться также к калине и крушине.

(7) лив. *ke’k‖päärna*

Букв. ‘кукушкина липа’.

Вероятнее всего, название это основано на похожести собранных в соцветия цветков волчеягодника и липы.

(8) эст. *kibu‖vitsa‖puu*

Букв. ‘дерево шиповника’.

Редкое диалектное название волчеягодника, основанное, скорее всего, на общем красном цвете плодов.

(9) лив. *kri’evõ‖tei̯*

Букв. ‘русский чай’.

Конечно, для производства напитков растение не могло быть использовано, так как оно очень ядовито. Если имеется в виду не чай, а лечебный отвар для наружного применения в ветеринарии (см. ниже лив. *tèi̯‖å̄i̯na‖pū*), то определение *kri’evõ* ‘русский’ может указывать на происхождение знаний о лечебном использовании волчьего лыка. К сожалению, из-

вестные нам источники не дают таких сведений об этом названии.

(10) эст. *kuke‖kuusman*

Букв. ‘жимолость петуха’.

Жимолость обыкновенная — кустарниковое растение, листья и плоды которого очень схожи с листьями и плодами волчеягодника. Именно поэтому название жимолости стало в данном сложном названии волчеягодника детерминантом, определяемой частью. Причиной появления здесь в качестве определяющего компонента зоосемизма со значением ‘петух’ является то, что птицы невосприимчивы к яду растения, в отличие от млекопитающих. Именно птицы, заглатывая плоды волчьего лыка, способствуют его размножению. В образовании фитонима определенную роль могла сыграть и аллитерация (*ku-* — *kuu-*).

(11) эст. *kuke‖mari*

Букв. ‘ягода петуха’.

По поводу модели номинации см. предыдущее гнездо.

(12) кар. собств. *käen‖marja*; вепс. *kägen‖mar’jad*, *kägoin’‖-mar’g’äd*, *kägi‖mar’jad*

Букв. ‘ягода кукушки’.

Слово со значением ‘кукушка’ вошло в название волчеягодника по тем же причинам, что и названия других птиц (см. предыдущие два гнезда).

(13) кар. собств. *käen‖varba*

Букв. ‘ветвь кукушки’. Кар. собств. *varpa*, *varba* имеет значения ‘сук’, ‘ветвь’, ‘вица’ (KKS VI: 503).

(14) вепс. *kägen‖n’in’*, *kägoin’‖n’in’*

Букв. ‘лыко кукушки’.

(15) фин. *kärmeen‖marja‖pensas*

Букв. ‘куст змеиной ягоды’.

Еще одно животное, название которого часто мотивирует как названия волчьего лыка, так и названия других ядовитых растений, — это змея; подробнее об этом см. ниже, после представления всех лексико-семантических гнезд.

(16) эст. *küi‖vits*, *küü‖vits*, *küüs‖vits*, *küi‖vitsa‖puu*, *köö‖vits*
Букв. 'змеиный прут' (также 'дерево змеиного прута').

(17) эст. *maa‖viha‖puu*

Букв. 'дерево [от] «земной болезни»'.

В эстонской народной медицине считается, что болезнь *maaviha* поражает в основном ноги, поднимаясь из земли или болота. Фитоним *maa‖viha‖puu* является типичным названием лекарственного растения, данным «от противного» (название болезни + детерминант).

(18) эст. *maja‖vitsad*

Букв. 'домашние прутья (розги)'.

(19) эст. *mets‖kirsi‖puu*

Букв. 'лесное вишневое дерево'.

Название основано на двух признаках: преимущественном произрастании волчеягодника в лесу, а также наличии у него плодов красного цвета, напоминающих плоды вишни.

(20) эст. *mets‖sirel*

Букв. 'лесная сирень'.

В основе данной модели также два признака: произрастание волчеягодника в лесу и похожесть его цветов на цветы сирени. Кроме того, сильный запах цветов растения напоминает запах, исходящий от сирени.

(21) эст. *mõts‖viigi‖puu*

Букв. 'лесной инжир'.

Название, определенно, имеет позднее, вероятно, городское, происхождение. Растение волчеягодника напоминает фиговое дерево формой листьев.

(22) эст. *naeste‖nasi‖puu*, *naiste‖nasi‖puu*

Букв. ‘женский волчеягодник’.

Название объясняется тем, что женщины использовали растение как средство от выпадения волос[1]. Кроме того, не исключено, что определенную роль в образовании фитонима сыграла аллитерация.

(23) фин. *nasia*, *nasian*, *nasiainen*, *nasin*, *nasina*; *näsen*, *näsin*, *näseniä*, *näsinä*, *näsiäin*; эст. *nasin*, *nasi‖puu*, *nasinad*, *nasina‖puu*, *nasina‖põõsas*; *näsin*, *näsi‖puu*, *näsinad*

Это основное, наиболее распространенное название волчеягодника в финском и эстонском языках. Вариант с передней огласовкой является первичным.

Название *näsi-* в прибалтийско-финских языках имеет германское происхождение, ср. гот. *nati* ‘сеть’, ст.-шв. *næt* ‘сеть’ и др. (EES: 329). Волокна волчеягодника использовались для изготовления сетей.

(24) фин. *nasian‖marjat*, *nasimen‖marja*; *näsenen‖marja*, *näseni‖marja*, *näsinän‖marja*, *näsäm‖marja*

Букв. ‘ягоды волчеягодника’.

(25) фин. *nasja‖niini*; *näsi‖niini*; эст. *naese‖niin*, *nais‖niined*, *naeste nined*, *nasa‖niin*, *nase‖niin*, *nasi‖niin*, *nasi‖niined*, *naes(t)e‖niini‖puu*, *naiste‖niine‖puu*, *naise‖niini‖puu*, *nais‖niine‖puu*, *nase‖niine‖puu*, *nasi‖niinep‖puu*; *näsa‖niin*, *näse‖niin*, *näse‖niinep*, *näsi‖niin*, *näsi‖niinep*, *nässi‖nined*, *näsä‖niin*, *näse‖niine(p)‖puu*, *näsi‖niine(p)‖puu*, *näsä‖niine(p)‖puu*; вод. *näsä‖niini*, *näsä‖niini‖puu*

Букв. ‘лыко волчеягодника’ (‘дерево лыка волчеягодника’), ср. рус. ***волчье лыко***.

(26) эст. *näsi‖vitsa‖puu*

Букв. ‘дерево прута волчеягодника’.

(27) вепс. *paižo‖mar’g’*

[1]HERBA — Eesti rahvameditsiini ravimtaimede andmebaas. URL: http://www.folklore.ee/herba

Букв. ‘нарыв-ягода’. Мезереин, содержащийся в растении, оказывает сильное местно-раздражающее действие на кожу при контакте (волдыри).

(28) фин. *riiden‖marja*, *riien‖marja*, *riihen‖marja*, *riihkin‖marja*, *riis‖marja*

Букв. ‘ягода [от] рахита’.

Многие сложные (составные) названия лекарственных растений не только в финно-угорских, но и других языках построены «от противного», то есть содержат в качестве определяющих компонентов названия болезней. Данное гнездо, как и следующее, представляет именно такие фитонимы (‘рахит-ягода’).

(29) фин. *riihki‖puu*, *riiski‖puu*, *riisin‖puu*

Букв. ‘дерево [от] рахита’.

(30) эст. *surma‖lill*

Букв. ‘цветок смерти’.

По-видимому, в основе данной номинации лежит ядовитость растения.

(5) фин. *suden‖marja*, вод. *susi‖marja*, *suõõ‖marja*, *suõõ‖marjõ*

Букв. ‘волчья ягода’.

Подобная модель номинации, включающая зоосемизм со значением ‘волк’, почти не характерна для прибалтийско-финских языков (см. только эстонские фитонимы), поэтому с большой долей вероятности можно предположить ее русское происхождение.

Это название может также относиться в финском языке к толокнянке и вороньему глазу.

(31) лив. *tèi̯‖åå̯ina‖pū*

Букв. ‘чайное травяное дерево’ или ‘чайное волчье лыко’. Первый компонент *tèi* ‘чай’ имеет в ливском языке немецкое происхождение, однако именно в этом фитониме он обозначает не чай для питься, а отвар, которым в лечебных целях

обмывали животных (коров и свиней), см. (Kettunen 1938: 412).

(32) эст. *ussi‖marjad*
Букв. ‘змеиные ягоды’.

В отношении «змеиной» мотивации названия см. выше фин. *kärmeen‖marja‖pensas*, а также ниже, после представления всех лексико-семантических гнезд.

(33) эст. *ussi‖puu*
Букв. ‘змеиное дерево’.

(34) эст. *ussi‖põõsas*
Букв. ‘змеиный куст’.

Мордовские названия волчьего лыка

(35) эрз. *верьгиз ленге*, *верьгизэнь ленге*
Букв. ‘волчье лыко’.

Возможно калькирование русского фитонима. Название относится также к крушине слабительной.

Все мордовские названия волчеягодника мотивированы названиями волка либо собаки, маркирующими ядовитость растения.

(36) эрз. *верьгизэнь ярсамкат*
Букв. ‘волчье кушанье’.

(37) мокш. *врьгаз ленгакс*
Букв. ‘волчья липа’.

Мокш. *ленгакс* ‘липа’ — суффиксальное производное от основы со значением ‘лыко’.

(38) эрз. *кискань умарь*
Букв. ‘собачье яблоко’.

Это название также может относиться к крушине слабительной.

(39) эрз. *пинень‖бапст* (Paasonens MW: эрз. *ṕińeń baṕś*, *ṕińeń paṕś (baṕś)*, *ṕińiń papś*, мокш. *ṕińeń papś*, *ṕińəń baps*).

Это название относится также к крушине слабительной и паслену черному. Первый компонент *пинень*‖- 'собачий'; второй компонент этимологически связан с глаголом *papśkadoms* (Paasonens MW: 'присесть, чтобы испражняться').

Марийские названия волчьего лыка

(40) мар. *пиры‖вондо*, мар. Г. *пирӹ‖ванды*

Букв. 'волчий куст'.

Это название относится и к крушине ольховидной.

Марийские названия волчеягодника, как и мордовские, мотивированы названиями волка.

(41) мар. *пиры‖гичке*

Букв. 'волчьи плоды'.

Пермские названия волчьего лыка

(42) коми зыр. *вӧр гӧрмӧг*, *вӧр гормег*, *вӧв‖гормӧк*, *вӧл‖гормӧк*; коми перм. *вӧв‖гӧрмӧг*, *вӧл‖гӧрмӧг*

Букв. 'дикий (лесной) перец'.

Названия с первым компонентом *вӧл*‖-, *вӧв*‖- 'лошадиный', очевидно, вторичны по отношению к названиям с компонентом *вӧр* 'лесной', 'дикий'.

См. следующий фитоним; несомненно, название является калькой русского фитонима ***дикий перец***, который сам, по-видимому, имеет германское происхождение, ср. нем. *Berg‖pfeffer*, *Pfeffer‖strauch*.

(42) коми зыр. *дикей переч*

Букв. 'дикий перец'. Оба компонента данного фитонима заимствованы из русского языка.

(5) удм. *кион‖мульы*

Букв. 'волчья ягода'.

(35) удм. *кион‖нин*

Букв. 'волчье лыко'.

По-видимому, это калька русского фитонима.

(43) удм. *кион‖пинь*
Букв. ‘волчий зуб’.
Название может быть вторичным по отношению к *кион‖нин* (результат действия народной этимологии).

(5) коми зыр. *кӧин‖вотыс*
Букв. ‘волчья ягода’.

***

Почти все названия волчьего лыка в финно-пермских языках — сложные по форме, как и названия большинства травянистых и кустарниковых растений в этих языках. Второй компонент чаще оказывается детерминантом (определителем класса объекта номинации), в т. ч. может быть названием самостоятельного растения.

Во многие сложные (составные) названия волчьего лыка в качестве определяющего компонента входят зоосемизмы со значением ‘волк’. Эти зоосемизмы, несомненно, маркируют даже не непригодность растения в пищу, а его ядовитость, ассоциирующуюся с агрессией хищника. В эстонском языке фитоним *hundi‖marjad*, букв. ‘волчья ягода’, имеет, например, следующие значения: ‘белладонна’, ‘бузина’, ‘волчеягодник’, ‘вороний глаз’, ‘калина’, ‘смородина альпийская’, то есть относится к ядовитым и несъедобным растениям. Исключение составляет название альпийской смородины, однако это название, снабженное определением *hundi*‖- ‘волчий’, дано явно в противоположность названиям других видов смородины (плоды этого декоративного растения в пищу употребляются редко, хоть и считаются съедобными). Ср. распространение названия ***волчья ягода*** в русском языке; оно также относится к растениям с ядовитыми плодами или плодами, вызывающими раздражение, например, к белладонне, бузине, воронцу, вороньему глазу, жимолости, крушине и снежноягоднику. Судя по ряду лексикографических источников, мо-

дель ‘волчья ягода’ получила наибольшее распространение в славянских языках; такие же названия имеются в тюркских языках, например, каз. *қасқыр‖жидек*, тат. *бүре җиләге*. Поэтому, несмотря на то, что названия волчеягодника в большинстве ветвей финно-пермских языков мотивированы зоосемизмами со значением ‘волк’, мы предполагаем, что это явление заимствованное.

Наиболее распространенной «волчьей» моделью номинации волчеягодника, конечно, является ‘волчья ягода’, причем в прибалтийско-финских языках она распространена меньше, чем в других языках ветви, ср. фин. *suden‖marja*, эст. *hundi‖marjad*, вод. *susi‖marja*, *suõõ‖marja*, *suõõ‖marjõ*, удм. *кион‖мульы*, коми зыр. *кӧин‖вотыс*. При этом, конечно, распространенность этой модели значительно шире, так как она относится к целому ряду ядовитых и несъедобных растений, например, к белладонне, бузине, вороньему глазу, калине, смородине альпийской, толокнянке.

В состав названий волчьего лыка иногда входят и слова со значением ‘собака, собачий’. Эти зоосемизмы также являются носителями признака ядовитости, несъедобности.

Кроме того, в прибалтийско-финских языках имеется ряд названий волчеягодника, мотивированных названиями змеи: фин. *kärmeen‖marja‖pensas*, букв. ‘куст змеиной ягоды’, эст. *küi‖vits*, *küü‖vits* и др., букв. ‘змеиный прут’, эст. *ussi‖marjad*, букв. ‘змеиные ягоды’, *ussi‖puu*, букв. ‘змеиное дерево’, *ussi‖põõsas* ‘змеиный куст’. Змея, как и волк, обладает в народных представлениях отрицательными чертами, и потому ее названия также маркируют ядовитость растения. Ср. также названия волчеягодника в контактных балтийских языках: лит. *žalčia‖lunkis*, букв. ‘лыко ужа’, а также латышск. *zalktene*, мотивированное *zalktis* ‘уж’.

В составе сложных названий волчеягодника встречаются также названия птиц — петуха, кукушки. По-видимому, эти фитонимы появились в результате наблюдений человека на питанием птиц, для которых волчье лыко не ядовито.

Некоторые названия волчеягодника — результат номинации растения по признаку наличия лечебных свойств. Примеры: вод. *griisi‖marja*, *griizi‖marja*, *griiži‖marja*, *kriisi‖marja*, *krõõž‖marja*, *griizi‖marja‖puu*, букв. ‘ягоды [от] грыжи’ (‘дерево ягоды [от] грыжи’), эст. *maa‖viha‖puu*, букв. ‘дерево [от] «земной болезни»’, вепс. *paižo‖mar’g’*, букв. ‘ягода [от] нарыва’, фин. *riiden‖marja*, *riien‖marja*, *riihen‖marja*, *riihkin‖marja*, *riis‖marja*, букв. ‘ягода [от] рахита’. Эти фитонимы указывают на достаточно разнообразное лекарственное применение волчьего лыка у прибалтийско-финских народов.

Другие модели номинации волчеягодника редки и встречаются почти исключительно в прибалтийско-финских языках.

Сокращения названий языков и диалектов

вепс. — вепсский
вод. — водский
гот. — готский
каз. — казахский
кар. собств. — собственно-карельское наречие
коми зыр. — коми-зырянский
коми перм. — коми-пермяцкий
латышск. — латышский
лит. — литовский
мар. — марийский (мар. Г. — горно-марийский)
мокш. — мокшанский
нем. — немецкий
рус. — русский
ст.-н.-нем. — старонижненемецкий
ст.-шв. — старошведский
тат. — татарский
удм. — удмуртский
фин. — финский
эрз. — эрзянский
эст. — эстонский

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 77–87. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201807

Гиперонимические наименования глубокой впадины на земной поверхности (на материале орловских говоров)

Н. В. Бурко

В статье рассматриваются географические апеллятивы, которые выражают общее, родовое понятие при назывании глубокой впадины на земной поверхности — оврага. Всего в орловских говорах для обозначения оврага употребляется 44 лексические единицы, 14 из них выступают в качестве гиперонимов, при этом лишь одно слово является литературным, остальные гиперонимические наименования — диалектизмы. Изучение диалектных лексических единиц, называющих географические объекты, понимание системных связей между словами позволяет воссоздать традиционно-народное восприятие окружающей действительности и постичь особенности построения языковой картины мира русского человека. В процессе анализа привлекаются данные этимологии и лингвогеографии.

Ключевые слова: русские народные говоры, географическая реалия, географический апеллятив, лексема, семантика, системные связи, гипероним.

Овраги — «глубокие крутосклонные размывы, образованные временными водотоками. Возникают на возвышенных равнинах или холмах, сложенных рыхлыми, легкоразмываемыми породами, а также на склонах балок и лощин» (БСЭ 18: 277).

В орловских говорах среди всех существующих названий глубокой длинной впадины на земной поверхности, оврага, есть такие, которые могут быть использованы, как правило, при назывании любого оврага, то есть могут рассматриваться как гиперонимы.

В этом качестве в литературном языке общепринятым является слово ***овра́г***. ***Овра́г*** — «глубокая, длинная впадина на поверхности земли, рытвина от действия талых вод, ливней» (БАС 8: 598).

По данным Г. П. Смолицкой, этот апеллятив «известен на всей территории Поочья, сосуществуя в некоторых местах... с другими терминами. В бассейне Москвы известен термин ***вра́жек***, по Рязанскому течению Оки — термин ***враг***...» [Смолицкая 1969: 23].

Связь двух лексем — ***овра́г*** и ***враг*** — очевидна. Последняя известна в языке ещё с древнерусской эпохи, с XIV в.: «**врагъ** — овраг. (1372): **И сташа противу себе обѣрати... а промежъ ими бысть врагъ крутъ и глубок зѣло**...» (СлРЯ XI–XVII 3: 93; Срезневский 1: 310). В качестве названий естественных ориентиров отмечен апеллятив ***враг*** и в Памятниках письменности южновеликорусского наречия XVII в. — в Отказных книгах: «...**по дикому полю и по дуброве и промеж пол по врагом дватцат копен**...» (Курск, 1655, л. 152), «...**ѡт дуба вниз ложком к речки Черненки а Черненкою вверхъ да Крутог врага а Крутым врагомъ вверхъ да Куровског вражка**...» (Брянск, 1636, л. 559об.) [Памятники южновеликорусского наречия 1977: 149, 51].

На этимологию слова нет единой точки зрения. Одни связывают его с древнерусским «**виръ** “ключ (вод.), стремнина (в реке)”... Другие предполагали происхождение из чув. *varak* “овраг, долина, дупло”, тюрк. *ő̋z* “внутренность”» (Фасмер 3: 115). У И. Г. Добродомова «возражения против сближения с др.-тюрк. *ограг*, *огруг*, *овруг* — “изгиб”; турец. *убрук* — “глубокая долина”, “низменность”» (Мурзаев 1984: 404). Пожалуй, наиболее приемлемой можно считать точку зрения А. И. Соболевского, полагавшего, что первоначальной должна быть форма ***вьрагъ** (Преображенский 1: 36) от глагола **вьрѣти** — “вздыматься”, “кипеть”» (Черных 1: 591). Следовательно, «первоначальное значение бурный поток, паводок;

отсюда след, им оставленный, ров, обрывистый канал» (Преображенский 1: 636).

Лексема ***овра́г*** более позднего образования, из *о + враг*. Впервые встречается в Актах Северо-Восточной Руси 1492–1503 гг. (СлРЯ XI–XVII 12: 227), а в словарях отмечено с 1771 г. (Черных 1: 591).

Более поздняя по времени образования форма ***овра́г*** закрепляется в литературном русском языке, а форма ***враг*** продолжает жить в устной речи носителей языка и становится территориально ограниченной. По данным СРНГ, лексема ***враг*** в значении ‘овраг’ встречается в ярославских, костромских, нижегородских, симбирских, владимирских, тверских, московских, смоленских, тульских, курских, тамбовских, пензенских, куйбышевских говорах (СРНГ 5: 182). Сохранилась она и в орловских говорах, но зафиксирована лишь во Мценском районе области, видимо, в результате близости тульских и московских говоров: *Раньшы мы чуть падале жыли. Там врах рядъм был. Дык мы чириз ниво хадили у школу — так ближы былъ. Врах-та нони полън ягът стаитъ. А я усё никак ни выбирусь за ними.*

В ряде говоров Московской, Владимирской, Смоленской, Костромской, Саратовской (СРНГ 5: 183), Ярославской областей (ЯОС 1: 16) в значении ‘овраг’ употребляется слово ***вра́жек***. Встречается оно и в Отказных книгах южнорусского наречия: «...а Куровским вражком вниз да вешнеи поточине вверхъ к береѕе што стоит в селецкои дорожки а на береѕе высечены грани...» (Брянск, 1636, л. 559об.) [Памятники южновеликорусского наречия 1977: 51]. На территории Орловской области в живой речи носителей диалектов данная лексема не зафиксирована.

Не встречается в современных русских говорах в значении ‘овраг’ и такое производное от ***враг*** слово, как ***вра́говина***. Оно приведено в словаре В. И. Даля, но без указания места употребления.

В качестве гиперонимической единицы исследуемой группы наше внимание привлекает апеллятив ***верх***.

Слово это, общеславянское по происхождению, известно во всех славянских языках. В современном русском литературном языке употребляется со значением ‘самая высокая оконечность или верхняя часть чего-л.; верхушка (противопол. низу)’ (БАС 1: 200). В современных славянских языках у слова ***верх*** развились переносные значения, в том числе и значение ‘исток, верхнее течение реки (ручья)’, так как «именно на более высоком месте начинается любая река (ручей). Этот перенос значения очень прост и реален», — замечает З. С. Дерягина [Дерягина 1985: 54]. Так же объясним и реален и последующий метонимический перенос названия ‘начало, верховье реки, ручья’ → ‘углубление на земной поверхности; овраг’, известный только в южнорусских говорах и отмеченный В. И. Далем (Даль 1: 183) и Н. И. Толстым как курско-орловский географический термин [Толстой 1969: 101].

Рассматривая ареал апеллятива ***верх*** в живых народных говорах, можно отметить, что он, продолжая оставаться орловско-курским, широко известен и в других говорах: тульских, калужских, воронежских, рязанских, тамбовских, московских (СРНГ 2: 153).

В рассматриваемую группу названий оврагов входит географический апеллятив ***вершина***, известный в орловских говорах в значении ‘овраг’: *А нъ краю диревни у нас виршына. Виршына — этъ аврах* (Лив.). *Ты чириз виршыну-тъ ни хади, а то познъ уш, страшнъ* (Орл.). *Мы в виршыни в том гаду стольъкъ ягът набрали* (Свердл.) [Бурко 1998: 63–68]. Появление значения ‘овраг’ у рассматриваемой лексемы произошло аналогично развитию обозначенной дефиниции у слова ***верх*** [Толстой 1969: 98].

Понятие ‘овраг’ в орловских говорах может быть выражено также апеллятивом ***боча́г***. Названное слово полисемантично. Вполне возможно, что рассматриваемое значе-

ние представляет собой своего рода результат семантического развития: ‘яма на дне реки (озера)’ → ‘яма в земле, заполненная водой’ → ‘яма в земле’ → ‘овраг’ (по материалам СРНГ, СОГ).

В значении ‘впадина, яма, заполненная водой’, ‘глубокая лужа’, ‘омут’, ‘плёс’ рассматриваемый апеллятив встречается в северных и среднерусских говорах (Даль 1: 120; СРНГ 3: 140). «Семантический диапазон слова от “лужа” до “небольшое озеро” — позволяет легко реконструировать основную семантическую ось “углубление, наполненное водой”» [Мокиенко 1972: 143]. Эта сема присутствует в значениях лексемы ***боча́г***, вошедшей в состав научной терминологии: ‘небольшое озерко, представляющее собой остаток реки, пересыхающей или теряющейся в аллювиальных отложениях или в карстовых воронках’, ‘глубокое место в реке’ (ЭСГТ: 44). Однако в результате развития значения признак «наполненность водой» в ряде говоров перестаёт восприниматься как обязательный, и как результат — становится возможным появление нового семантического сдвига: ‘яма в земле’ → ‘овраг’. Такой переход, на наш взгляд, очень логичен, т. к., в низинах, оврагах влага всегда сохраняется дольше, чем на возвышенных и ровных участках почвы. С семантикой ‘овраг’ лексема ***боча́г*** отмечена во владимирских говорах — ‘маленький овраг’ (СРНГ 3: 140), ярославских — ‘яма или овраг в лесу’ (ЯОС 2: 19), орловских — ‘овраг’ (СОГ 1: 19) — *А ягът у нашъм бъчаге, ужас!* (Покр.) Следовательно, ареал слова шире, нежели это было зафиксировано в СРНГ, т. к. включает и южнорусские говоры.

Единой точки зрения на этимологию слова нет. А. И. Соболевский пытался «связать с бок» (Фасмер 1: 202). Возможно, «связано с мочаг — моча» (ЭСРЯШ 1(2): 30). Я. К. Грот объяснял слова ***боча́га***, ***боча́г***, связывая их с «датск. *puds*, шведск. *puss*, др.-нем. *puzza* “лужа”» [Мокиенко 1972: 149]. В. М. Мокиенко предлагает очень логичную и убедительную концепцию о происхождении слова ***боча́г(а)*** от древнерус-

ского *бꙋча "деревянный сосуд" и так представляет славянскую этимологическую модель: «*buk-i-a* > *бꙋча — *боча-г-а*» [Мокиенко 1972: 150]. Исследователь подчёркивает, что возможность существования формы *бꙋча в древнерусском языке очень велика. В подтверждение данной гипотезы он приводит ряд фактов: «Во-первых, во многих славянских языках широко распространены образования от этого слова с суффиксом *-ъка*: русск. *бочка*, укр. *бочка*, ... чешск. *beka* и др. "бочка, чан". Во-вторых, известно латыш. *buca* "бочка", представляющее собой явное заимствование из др.-русск. *бꙋча. Известны также сербохорват. *бўча* "вид сосуда" и словенск. *bȗča* — "тыква", по-видимому, восходящие к той же реконструированной форме. Наконец, вероятно, именно форма *бꙋча послужила основой для образования русского *бочар*...» [Мокиенко 1972: 150].

В ярославских говорах у лексемы ***боча́г*** отмечено значение 'бочка, врытая в землю и наполненная водой' (ЯОС 2: 19). Это, на наш взгляд, служит подтверждением мысли, высказанной В. М. Мокиенко.

Что касается семантического перехода по линии 'посуда' → 'углубление в почве', то подобное развитие значений широко представлено в говорах и подробно проанализировано Н. И. Толстым [Толстой 1969: 218–229] на примере слов ***криница***, ***кринка***, ***кадолб***, ***макотёр*** и др.

Сходную семантическую амплитуду имеет лексема ***бук***, употребляющаяся в ряде орловских говоров со значением 'овраг': *Мы у бук папрячимси, штоп немцы ни нашли* (Соск.). *Учира он заблудилси и папал у бук* (Покр.). С тем же значением отмечены в орловских говорах и однокоренные субстантивы ***бу́кало***, ***буклище***, ***бучки***: *У нас па диревни ночью ни прайдёш, так и баисси, што у яму пъпадеш или у букалъ угадиш* (Урицк.). *Там вакруг диревни такие букалы, што если упадёш, то сам не выбиришся* (Урицк.). ***Буклище*** — суффиксальное образование от ***букало***, является синонимом мотивирующего слова (аналогично литературно-

му *дно — днище* [Русская грамматика 1980, 1: 192]: *С давних вримён буклище пользъвълась дурной славой* (Свердл.) [Бурко 2001: 257–262].

В ряду единиц, выступающих в качестве общего названия оврага, в орловских говорах встречается лексема ***заро́й***. Она отмечена нами на территории Малоархангельского района — *У нас у зарои волки* (СОГ 4: 79). Ни в одном из других известных региональных словарей этого слова нет, поэтому мы можем говорить о том, что этот апеллятив — собственно-орловское слово. Образовано оно по модели префиксальных существительных с нулевой суффиксацией (ср. *доить — удой*, *бить — забой* и др.) от глагола ***рыть*** ‘делать в земле углубление’ (БАС 12: 1635). «О.-с. **ryti*, I ед. **ryjq*. И.-е. корень **reu-*, **reuə-*: **rŭ-*: “рыть”, “вскапывать”» (Черных 2: 131). «Родственно лит. *ráuti*, *ráuju*, *róviau* “дергать, вырывать, полоть”, *rūtis* “картофельная яма, погреб”, лтш. *raût*, *raûju*, *raûnu*, *râvu* “рвать”... ирл. *ruam* “лопата”» (Фасмер 3: 531–532).

К тому же корню восходит слово ***ров***, известное в орловских говорах в значении ‘овраг’. С данным значением лексема была известна и в древнерусскую эпоху: «**Вѣтри силни быша, и дождове, и громове; в Торжку туча на одном часу ровъ учинило и хоромовъ нѣсколко снесло изъ основания**. Лавр. л.» (Срезневский 3: 127). Со значением ‘овраг’ встречается слово ***ров*** в южнорусских Отказных книгах: «**...да по дуброве вернеи розлои ров по ростокам по Ночвино ѕера...**» (Рыльск, 1626 г., л. 173об.) [Памятники южновеликорусского наречия 1977: 269].

В. И. Даль так описал значение рассматриваемого апеллятива: «ров м. рвина. вообще, что вырыто заступом или водою: яма, готовая могила, копань; // канава, окоп, прокоп...» (Даль 4: 98).

В «Словаре современного русского литературного языка» слово ***ров*** зафиксировано со значением ‘длинная глубокая канава, размытая водой или вырытая в земле’ (БАС 12: 1352). Однако в МАСе акцент уже сделан на искусственном

происхождении реалии: ‘глубокая канава, длинное углубление, вырытое в земле’ (МАС 3: 721).

Как видим, название ***ров*** появилось по действию, которое происходило либо в природе, либо производилось человеком.

Однако в литературном языке и говорах получают закрепление различные семантические опоры в развитии значения. В русском литературном языке акцентируется внимание на искусственном происхождении реалии, в говорах же (по крайней мере, орловских) этим словом называют углубление естественного происхождения, появившееся в результате разрушения почвенного покрова водными потоками: *У нас там пъсриди выгъна — ров. Можът быть и глубоким и ниглубоким. Едиш на вилъсипеди, рас в ров и выскъчил* (Новодер.). *Нашу диревню ров ръздиляить. Апхадить йиво далекъ будить, тък мы усигда нъпримки на ту сторъну ходим* (Дмитр.). *Пашли у ров за ягъдъми* (Лив.).

С указанным значением в некоторых говорах Орловщины встречается существительное ***рова́***, употребляющееся только в форме множественного числа — pluralia tantum: *У нас у равах карову привязывъют* (Орл.). *Тада равами хадили* (Залег.).

В ряде орловских говоров у существительного ***ров*** возникает переносное значение ‘трещина’, развивающееся на основе внешнего сходства с географическим объектом: *Усе руки были равами, хъть плач. Дъ ты глянь, у тибя усе пятки у равах. Смаш их што ль чем* (Урицк.).

Апеллятив ***яма*** известен в современном русском языке как полисемичная единица, одно из значений которой ‘углубление, вырытое или образовавшееся в земле’ (БАС 17: 2076).

Н. И. Толстой, исследуя местные географические апеллятивы Полесья, замечает: «Будучи родовым термином, **jama* нередко заменяет видовые, обозначая и “водоворот”... и “овраг”» [Толстой 1969: 229–230]. В орловских говорах лексема ***яма*** также известна со значением ‘овраг’: *Ямъ с каж-*

дым годъм всё большы увиличивълъсь (Залег.). *Мы ямъ гъварим, а йищо верх можнъ сказать* (Верх.).

Известны в русских говорах и другие географические значения: в Западной Сибири ***яма*** — ‘озеро или залив’ (Мурзаев 1984: 649), в Пермской области ***ямище*** — ‘небольшое крутобереговое болотце в зарослях, обычно приуроченное к старым провалам’ (Даль 4: 677), ‘впадина речного дна’ — колымское (Черных 2: 469).

В древнерусском языке слово ***яма*** со значением ‘яма’, ‘ров’ фиксируется с XI в. (Срезневский 3: 1657). Встречается и в Отказных книгах южнорусского наречия: «...**столбъ поставлен, новаи дубовои на нем гран подлѣ ево яма ѿт тово столба пряма поставлен столбъ на диком поли**...» (Мценск, 1630, л. 6об.) [Памятники южновеликорусского наречия 1977: 177]. «О.-с. *_jama_. И.-е. корень *_i̯ăm_- — “копать”, “рыть”» (Черных 2: 469). «Считают родственным греч. ἄμη “лопата, мотыга”» (Фасмер 4: 555).

В том же значении ‘овраг’ известно в местных говорах производное от ***яма*** слово ***ямник***: *На краю сила йимник у нас* (Новос.). *У йимнику-тъ ани и пападъли* (Уриц).

В. И. Даль в своем словаре привёл целый ряд производных от ***яма*** слов: ***ямина***, ***ямурина***, ***ямовина***, ***ямка***, ***ямище*** (Даль 4: 677), но дериват ***ямник*** им не отмечен. Не зафиксирована данная лексема и в известных региональных словарях.

Таким образом, в качестве общего названия глубокой длинной впадины на поверхности земли — оврага — в орловских говорах употребляется целый ряд слов: ***овра́г***, ***боча́г***, ***бука́ло***, ***буклище***, ***бучки***, ***верх***, ***вершина***, ***враг***, ***заро́й***, ***ров***, ***рова́***, ***яма***, ***ямник***.

Всего в орловских говорах для обозначения глубокой впадины на земной поверхности (оврага) употребляется 44 лексические единицы, 14 из них (32%) могут использоваться в качестве гиперонимов. В ряду гиперонимов лишь одно сло-

во является литературным: лексема ***овраг***, остальные 93% гиперонимических наименований — диалектизмы.

Необходимо отметить, что при номинации оврага как объекта физической географии диалектоносители учитывают самые общие признаки реалии:

1. Характер образования реалии:
   - ***овра́г***, ***верх***, ***вершина*** (как правило, ведут своё начало от истока, ручья),
   - ***ров***, ***рова́***, ***заро́й*** (то, что вырыто обычно полой водой, дождями).
2. Сравнение по форме:
   - ***яма***, ***ямник*** (то, что похоже на яму; как яма),
   - ***бочаг*** (то, что похоже на ёмкость, часто с водой).

Каждая из перечисленных лексем выступает как гипероним в определённых говорах Орловщины. В то же время и внутри предложенного ряда мы наблюдаем гиперо-гипонимические отношения. Иерархия между компонентами синонимического ряда основывается на различии в степени употребления лексических единиц: ареале и частотности употребления. С этой точки зрения гиперонимом в рассматриваемом синонимическом ряду является слово ***верх***, поскольку известно и частотно употребительно на всей территории Орловской области.

Среди общих наименований оврага выявлены диалектные лексемы, которые:

- повсеместно распространены в говорах Орловщины: ***верх***, ***вершина***, ***ров***;
- имеют ограниченную территорию распространения: ***бук***, ***рова***, ***яма***, ***ямник***;
- единично зафиксированы: ***враг***, ***бочаг***, ***букало***, ***буклище***, ***бучки***, ***зарой***.

Литература

Бурко Н. В. Названия оврагов с корнем *верх-* в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1996. СПб.: ИЛИ РАН, 1998. С. 63–68.

Бурко Н. В. К вопросу об этимологии и семантической структуре апеллятива *бук* в орловских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1998. СПб.: ИЛИ РАН, 2001. С. 257–262.

Дерягина З. С. Верх и его производные в севернорусской гидрографической терминологии // Вопросы ономастики. Вып. 17: Топонимия Урала и севера Европейской части СССР. Свердловск: [УрГУ], 1985. С. 54–65.

Мокиенко В. М. К этимологии слов *бочага*, *мочага*, *корчага* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. VII / Под ред. Н. М. Шанского. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 147–155.

Памятники южновеликорусского наречия: Отказные книги / Изд. подгот. С. И. Котков, Н. С. Коткова; отв. ред. С. И. Котков. М.: Наука, 1977. 360 с.

Русская грамматика: [в 2-х т.] / [Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с. Т. 2. 710 с.

Смолицкая Г. П. Из терминологии рельефа Поочья // Оронимика: сборник статей / Редкол.: В. Д. Беленькая [и др.]. М.: Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии, 1969. С. 23–26.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды. М.: Наука, 1969. 262 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 88–95. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201808

Из новых диалектологических комментариев к лексике «Слова о полку Игореве». *Дунай**

А. А. Бурыкин

Статья продолжает исследования автора по анализу лексических параллелей из словарного состава «Слова о полку Игореве» и лексики русских народных говоров и украинских говоров, представленные в предшествующих выпусках настоящего сборника. Лексема *Дунай* / ***дунай*** в «Слове» выступает и как гидроним, и как географический апеллятив «разлившаяся река, половодье, паводок на реке». Данное значение подтверждается показаниями ряда современных среднерусских говоров и украинских говоров: сходный семантический перенос «большая река» > «обилие, изобилие чего-л.» выявлен для лексемы *Дон* / ***дон*** в смоленских говорах. Употребление слова ***дунай*** в значении имени нарицательного в «Слове» позволяет разобраться в необычной образной системе памятника: по всем словарным данным, «зегзица» — это кукушка, но кукушка, летающая над речным разливом, выступает в тексте как символ катастрофы, нарушившей основы миропорядка.

Ключевые слова: русский язык, украинский язык, лексика, «Слово о полку Игореве», диалектная лексикография.

Настоящая статья продолжает исследования лексического состава «Слова о полку Игореве» в сравнении с лексикой русских и украинских народных говоров. Итоги наших исследований, существенно расширившие количество сходств в словарном составе «Слова» и в лексике современных русских и украинских говоров по материалам словарей 1960-х–2010-х годов по существу с момента начала издания «Словаря-справочника “Слова о полку Игореве”», а также снявшие вопрос о ряде потенциальных гапаксов «Слова», представ-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00065а.

лены в недавно вышедшей книге [Бурыкин 2017]. В данной работе мы обращаем внимание на факты лексики и топонимики «Слова», приобретающие иное понимание и требующие новых комментариев в свете новых или не привлекавшихся ранее сведений из восточнославянской гидронимики и диалектной лексики.

Традиционно лексема *Дунай* в тексте «Слова о полку Игореве» рассматривается как гидроним — как имя собственное, относящееся к реке, протекающей по территории Восточной Европы. В трех контекстах *Дунай* — это известный нам Дунай, нем. *Donau*, болг., серб. *Дунав*, хорв. *Dunav*, венг. *Duna*, рум. *Dunărea*, словац. *Dunaj*.

Из пяти фиксаций лексемы *Дунай* в «Слове» три приходятся на известный гидроним: *Дунай* — *Дунаи* (5) 1. Крупная река, берущая начало в центре Европы и впадающая в Черное море: **Галичкы Осмомыслѣ Ярославе!.. подперъ горы Угорскыи своими желѣзными плъки, заступивъ Королеви путь, затворивъ Дунаю ворота, меча бремены чрезъ облаки, суды рядя до Дуная**. 30. **Дѣвици поютъ на Дунаи — вьются голоси чрезъ море до Кіева** (СССПИ 2: 56–57).

В оставшихся двух случаях употребления лексемы *Дунаи*, приходящихся на плач Ярославны, почти все исследователи, в том числе и авторский коллектив СССПИ, усматривают обобщенное эпическое наименование реки: «2. Эпич. О реке вообще: **На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычеть: “Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ”**» (СССПИ 2: 56–57).

Ю. Ю. Гордова в своем исследовании топонимии бассейна Оки отмечает важные для понимания истории данной лексемы диалектные значения слова ***дунай*** в значении имени нарицательного: «При освоении этническими группами новых мест проживания на отдаленных территориях, с иным рельефом и, как следствие, иным природным окружением, привычная для них географическая терминология претерпевала изменения. Часть терминов в связи с отсутствием при-

родных реалий утрачивалась, часть получала новое осмысление. Такие изменения претерпели, в частности, апеллятивы группы *брус-*, относящиеся к утраченному лексическому фонду. ... Аналогичные семантические изменения претерпели апеллятивы группы *дунай*-13, в условиях большой воды имевшие значения ‘река’, ‘поток’, а в условиях равнинного рельефа и спокойных мелководных рек — ‘разлив, сырость’, ‘приток, ручей’. История термина полно представлена в исследованиях Г. П. Смолицкой [Смолицкая, 2002: 98]» [Гордова 2018: 247–248, 448]. Согласно М. Фасмеру, славянские формы *Дунай* восходят к гидрониму ***Dānuvius***, т. е. к имени собственному (Фасмер 1: 553), и в этом заключено их принципиальное отличие от названий, гомогенных с известным гидронимом иранского происхождения *Дон*, явственно восходящих к иранскому же апеллятиву. В трудах польских ученых гидроним *Дунай* и десятки сходных с ним названий возводятся к общеславянской форме ****dunajь*** ‘большая вода’ [Lehr-Spławiński 1946: 73–75; Gołąb 2004: 213–215], и наши материалы подтверждают такое предположение.

Значимость показаний рязанских говоров в отношении интересующей нас лексической единицы в сочетании с редкой встречаемостью побуждает внимательно изучить все фиксации слов *Дунай*/***дунай*** в русских и украинских говорах.

Русские народные говоры сохранили то нетопонимическое значение слова ***дунай***, которое с определенностью свидетельствует либо об очень раннем переходе лексемы *Дунай* в разряд имен нарицательных, либо представляют исходное значение общеславянского слова:

1) ДУНАЙ, -ая, м. Знач.? / КАК ДУНАЙ. О большом, широком пространстве. *У меня пожня севодня, каг Дунай, росцишшэна.* (АОС 12: 359).

2) Дунай. Дунай-дунаем, в знач. *нареч.* О быстрорастущей, буйной растительности. *Бахчи дунай-дунаем стоит, от как зеленеется.* **Урал.,** Малеча (СРНГ 8: 257).

Исключительно интересный пример содержится в Словаре смоленских говоров, где значение ‘изобилие, большое количество чего-л.’ выражается лексемой ***дон***: «ДОН, нареч. Очень много, в изобилии. У том лясу дон ягът. ДОР. Быково. У том-та гаду снегу було дон. УГР. Каменка. У том бярезники дон грибоу. ДОР. Подмошье; РОСЛ. Каталино. + Добров. 1914. (ССГ 3: 131).

Аналогичная дисперсия значений гиперлексемы *Дунай* / *дунай* характерна для украинских говоров. Словарь Б. Гринченко фиксирует 2 значения: «Дунай 1) разлив воды, вообще большое скопление воды; 2) река Дунай» (Грінченко 1: 456).

Апеллятивные употребления лексемы *дунай* как имени нарицательного отмечаются для украинских говоров в довольно редких случаях:

1) Дунай ‘широкая река’ (Онишкевич 1984 1: 238);

2) Дунай; 1) *Donau* 2) *jedergrosse Wasser, grosse Strom* (Желеховский 1886 1: 209).

В литературе по истории украинской топонимии отмечается, что гидроним *Дунай* восходит к имени нарицательному (Янко 1998: 130), что противоречит приведенному выше мнению М. Фасмера.

В словарях белорусских говоров лексема *дунай* пока не обнаружена.

В литературе о лексике «Слова о полку Игореве» имеются попытки связать Дунай «Слова» с местными топонимами Центральной России, о которых писали позднее Г. П. Смолицкая и Ю. Ю. Гордова. Ср.: «Под 1630 годом в брянской отказной книге упомянута речка Дунайка (ф. 1209, оп. 158, кн. 10236, л. 196об.); о речке Дунайце в Курском уезде свидетельствует местный источник 1632 года (ф. 1209, оп. 188, кн. 15684, л. 21об.–22); в том же уезде был зарегистрирован колодезь Дунаецкий Затон (там же, л. 357). Не о местном ли каком Дунае, течение которого вело в ту сторону, где находился Игорь, говорится в плаче Ярославны? Река Дунаец (или Дунайка) в более раннюю эпоху могла быть более

полноводной, а потому и слыть Дунаем. Так, например, современный Орлик, впадающий в Оку, еще в XVII веке по „Книге Большому Чертежу“ значился как Орел» (СССПИ 6: 215; со ссылками на С. И. Коткова) — как раз к имени реки Дунаец Г. П. Смолицкая привязала свои этимологические разыскания о Дунае.

О. В. Творогов, автор статьи «Дунай» в «Энциклопедии “Слова о полку Игореве”», полагает, что все упоминания Дуная в «Слове» относятся к хорошо известной европейской реке и связаны с какими-то формами русской активности на берегах Дуная (ЭСПИ 2: 149–150), однако, ссылаясь на основательную работу Д. А. Мачинского [Мачинский 1981], указывает, что Дунай в плаче Ярославны, как во многих образцах фольклора, является общим обозначением реки: «...большинство исследователей склоняется к мысли, что наименование Д<унай> употреблено здесь в значении реки вообще» (ЭСПИ 2: 151).

Вопрос о том, что слова «На Дунаи Ярославнынъ гласъ слышитъ, зегзицею незнаемь рано кычетъ» относятся к началу цитируемой фразы, а не к концу предшествующей (по пунктуации издания 1800 г.), что связано с особой метрической организацией плача Ярославны, на наш взгляд, не находит однозначного решения. Не вступая в полемику с А. Ю. Черновым, ныне главным специалистом по ритмике «Слова», мы покажем ненадежность выкладок в этой области на примере возможности редактирования текста плача Ярославны — слова, взятые в скобки, могут признаваться позднейшими вставками: «<На Дунаи> Ярославнынъ гласъ ся слышить, <зегзицею> Незнаема рано кычеть: «Полечю <рече, зегзицею> по Дунаеви, Омочю <бебрянъ> рукавъ въ Каялѣ <рѣцѣ> Ѹтру князю <кровавыя> его раны На жестоцѣмъ его тѣлѣ». В результате мы видим пять строк, близких к современному восьмисложнику (признается общеславянским размером [Летарова-Гистер 2001]) или четырехстопному хорею, при устранении ряда слов текст не теряет связности. Повторим — это не опыт

реконструкции стиха «Слова», а одно из наблюдений и иллюстрация возможных результатов поисков стиха в прозе.

В рассуждениях О. В. Творогова, Д. А. Мачинского и их достойных предшественников, ссылавшихся на фольклорные материалы, в которых имя *Дунай* превращалось в имя нарицательное, обозначающее любую реку, не находят отражения собственно языковые данные, свидетельствующие о том же самом, но с большей степенью надежности. Догадка о том, что в плаче Ярославны присутствует некая обобщенная река — водное пространство (граница членения мира или средство связи его частей, это уж как кому будет угодно), как нам представляется, находит свое подтверждение среди многочисленных деталей самого главного события «Слова» — похода дружины Игоря и Всеволода. По обобщению А. Г. Боброва, день последней битвы Игоря с половцами — 5 мая, а некоторые авторы называют даже 28 апреля (ЭСПИ 4: 166).

Вот что мы знаем о гидрологическом режиме бассейна Дона: «Уровень воды в реке Дон в основном зависит от объема сбросов воды Цимлянского водохранилища. Поздняя весна и быстрое масштабное потепление в верховьях Дона и его притоках сейчас дает значительное поступление в чашу водохранилища, которая уже значительно заполнена и в скором будущем должна набрать свой нормальный рабочий уровень. Но паводковые явления на севере только набирают силу и пик их прогнозируется на 1–2 декаду мая. Во избежание излишнего наполнения, Цимлянское водохранилище должно освободить часть объемов для новых притоков в будущем. С 16 апреля сброс воды в нижний бьеф постепенно увеличивается и к 19 апреля составит 1000 куб. м/с, что под собой обуславливает подъем уровня воды в реке Дон и его притоках: Северский Донец, Сухой Донец, Кундрючья. Пик половодья прогнозируется на 20–21 апреля. Затем вода будет “стоять” по ориентировочным прогнозам вплоть до 10 мая»[1].

[1] Официальный сайт Усть-Донецкого района. URL: http://ust.donland.ru/Blog/ViewPost.aspx?pageid=118107&ItemID=225971&mid=120176

Эти данные говорят о том, что дружина Игоря и Всеволода, очевидно, успела форсировать лежащие на ее пути реки до начала паводков — видимо, проявилось знание местности. Однако получение известия о разгроме дружины — начало мая 1185 г.[2] — приходится на время половодья, возможно, как раз на время «стояния» полой воды.

Эта малозначимая на первый взгляд деталь позволяет более адекватно понять лексическое наполнение и самое содержание плача Ярославны. Во-первых, словоупотребление — использование именования ***дунай*** для обозначения разлившейся реки (или рек) снимает топографические противоречия и хорошо соответствует известному нам диалектному узусу. Во-вторых, и это неожиданно, мы приближаемся к решению проблемы, кто такая «зегзица» плача Ярославны и «Слова» как текста — *кукушка* (по данным истории слова в русских говорах) или *чайка* (по тексту и некоторым данным украинских говоров [Шарлемань 1997: 27–29]) [Бурыкин 2017: 367, 97, 112–113]. По мнению Н. В. Шарлеманя, украинская *чайка* — пигалица или чибис: «...кукушка — лесная птица и лететь ей к воде совершенно неестественно, тогда как для зегзицы-пигалицы, болотной и луговой птицы, этот образ вполне подходит» [Шарлемань 1997: 29]. Логика ученого-зоолога, разумеется, безупречна. Но если, по изложению автора «Слова», уже «**връжеся Дивъ на землю**», т. е. все перевернулось даже в природе, и Ярославна видит перед собой стоящие паводковые воды (дунай), то образ кукушки, стремящейся лететь над чуждой для нее водной стихией, выражает гораздо большую степень драматизма («Далеко, а надо...»), чем летающий в своей среде чибис.

Таким образом, проблема значения лексемы *Дунай* / ***дунай*** в тексте «Слова о полку Игореве» из особенностей по-

[2] Мы не принимаем во внимание результаты перевода дат на современный григорианский календарь, поскольку начало половодья и время его «стояния» не составляют постоянных величин и находятся в пределах разницы календарей. Остается открытым вопрос: как все же Ярославна узнала о том, что Игорь жив, хотя и схвачен половцами?

этики художественных текстов преобразуется в чисто лингвистическую проблему семантики лексемы в тексте, и сделанные наблюдения поддерживаются данными современных русских и украинских говоров, пусть эти данные и не слишком значительны в объеме. Значение 'весенний разлив реки, паводок', которое можно видеть в плаче Ярославны для слова *Дунай* / ***дунай***, отчасти снимает противоречие «кукушка/чайка», не устранимое другими способами, хотя как русск. диал. и укр. диал. ***дунай***, так и русск. диал. и укр. диал. ***зегзица*** требуют дальнейшего внимания лексикологов.

Литература

Бурыкин А. А. «Слово о полку Игореве»: текст, язык, автор. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2017. 416 с.

Гордова Ю. Ю. Лингвистические проблемы региональной ономастики в исторической перспективе (на материале рязанской топонимии и антропонимии). Дис. ... докт. филол. наук. М., 2018. 573 с.

Летарова-Гистер М. А. Санта Клаус и святой Егорий. (Рец.) Джеймс Бейли. Избранные статьи по русскому народному стиху / Пер. с англ. под общ. ред. М. Л. Гаспарова. М.: Языки славянской культуры, 2001. 416 с. (Studia poetica). URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/letarova1.htm

Мачинский Д. А. «Дунай» русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север: Проблемы этнографии и фольклора / [Отв. ред.: К. В. Чистов, Т. А. Бернштам]. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1981. С. 110–171.

Шарлемань Н. В. Природа и люди Киевской Руси / Сост. В. Е. Борейко, коммент. В. И. Грищенко. Київ: [б. в.], 1997. 164 с. (История охраны природы. № 13).

Gołąb Z. O pochodzeniu Słowian w świetle faktów językowych / Tłumaczenie: Maria Wojtyła-Świerzowska. Kraków: Universitas, 2004. 408 s.

Lehr-Spławiński T. O pochodzeniu i praojczyźnie Słowian. Poznań: Wydawnictwo Instytutu Zachodniego, 1946. 236, [2] s.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 96–113. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201809

«Лексический атлас русских народных говоров» о динамике русской диалектной лексики*

Т. И. Вендина

Статья посвящена анализу процессов, происходящих сегодня в русских диалектах. Автор доказывает, что свежий, достоверный материал «Лексического атласа русских народных говоров», рассмотренный в структурном и лингвогеографическом аспектах, дает возможность по-новому взглянуть на прогнозы об отмирании русских диалектов в условиях социальной интеграции и индустриализации общества, поскольку эти прогнозы вступают в противоречие с процессами, реально протекающими в русских диалектах. Карты Атласа являются яркой иллюстрацией динамики русской диалектной лексики, которая нередко ведет к утрате архаизмов и появлению новых диалектизмов.

Ключевые слова: диалекты, лингвогеография, мотивационные модели.

Публикация «Лексического атласа русских народных говоров» открыла перед исследователями большие перспективы в изучении и осмыслении богатейшего диалектного материала. К сожалению, этот материал долгое время оставался в тени при описании русского диалектного ландшафта и тех языковых процессов, которые протекали в русских диалектах в прошлом и имеют место сегодня. Картографирование языкового материала на огромном пространстве Европейской части России придало картам Атласа статус особо цен-

*Статья подготовлена в рамках научно-исследовательского проекта Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 17-04-00013 «Личные черты человека в славянских диалектах. Лингвогеографический аспект»).

ного источника лингвистической информации, так как чем больше территория обследования, тем вероятнее получение новых сведений о дифференциации диалектного континуума. Карты Атласа убедительно доказали, что широкий круг проблем, связанных с пространственным изучением лексико-семантического уровня языка, может быть решен только при условии всестороннего охвата диалектного материала и более углубленного подхода к его собиранию и описанию. Сегодня со всей очевидностью стало ясно, что для изучения диалектного ландшафта русских народных говоров необходимо создание лексических атласов принципиально нового типа. В их основе должен лежать не дифференциальный, а системный подход к принципам отбора и картографирования материала. Существовавший долгое время в лингвогеографии дифференциальный подход к картографическому освоению диалектной лексики должен быть преодолен, поскольку он «не дает возможности рассматривать диалектную лексику в системном плане и затрудняет, а иногда и делает невозможным ее исследование в сравнительно-типологическом» [Толстой 1997: 245].

Как известно, при дифференциальном подходе к диалектному слову предметом внимания являются лишь регионализмы, слова же, имеющие общерусское распространение, в исследовании не учитываются, потому что априори принимается презумпция повсеместного распространения литературной лексики. Это отсутствие в большинстве диалектных словарей и атласов литературной лексики не позволяет проследить динамику диалектных процессов в области лексики и словообразования и тем самым определить направление диалектных потоков в истории формирования литературного словаря. Между тем вопрос о динамике русской диалектной лексики имеет чрезвычайно важное значение, ибо он позволяет внести коррективы в лингвистические прогнозы об отмирании русских диалектов в условиях социальной интеграции и индустриализации общества.

Карты Атласа дали возможность реально увидеть то, что трудно уловимо при монографическом описании русских диалектов или при составлении словарей. Фактор пространства, а также неравномерность развития диалектных систем, сохраняющих архаические элементы языка, предоставляют исследователям уникальную возможность восстановить причинно-следственные отношения в эволюции того или иного языкового феномена в виде последовательных стадий его исторической динамики и проследить общее направление развития. Именно карта позволяет оценить ареал с точки зрения его функциональной нагруженности, ибо чем больше зафиксировано форм в том или ином ареале, тем больше оснований говорить о нестабильности и динамике языкового явления в этом ареале. Поэтому карты Атласа являются яркой иллюстрацией динамичности процессов, протекающих в русских диалектах, которые нередко ведут к утрате архаичной лексики и появлению новых диалектизмов.

Особенно ярко динамика русской диалектной лексики проявляется в **вариативности** словообразовательных моделей, связанных эпидигматическими отношениями параллельной или последовательной деривации (ср., например, распространение лексем ***репей***, ***репейка***, ***репейник***, ***репешок***, ***репея***, ***репник***, ***репьях*** на карте «**Репейник**»; или ***мертвень***, ***мертвечатина***, ***мертвешник***, ***мертвина***, ***мертвяк***, ***мёртнище***, ***сухара***, ***сухарина***, ***сухарник***, ***сухарняк***, ***сухат***, ***сухняк***, ***суховник***, ***суходол***, ***сухолесье***, ***сухольё***, ***сухоподстой***, ***сухоподстойник***, ***сухопостой***, ***сухопостойник***, ***сухостав***, ***сухостой***, ***сухостойка***, ***сухостойник***, ***сушарник***, ***суши***, ***сушильник***, ***сушина***, ***сушинник***, ***сушки***, ***сушляк***, ***сушник***, ***сушняк***, ***сушнина***, ***сушняжник***, ***сушь*** на карте «**Мертвый лес с засохшими на корню деревьями**» и т. д.).

Вариативность словообразовательных моделей диалектного языка связана, как правило, с отсутствием кодифицированной нормы, характерной для литературного языка,

что дает возможность более полной реализации в диалекте тех тенденций, которые в литературном языке сдерживаются стабильностью действующих в нем правил употребления языковых средств. Возникающие инновации являются, таким образом, результатом саморазвития диалектов.

Вместе с тем вариативность словообразовательных моделей позволяет проследить динамику словообразовательных процессов, в частности, выяснить, как происходит развитие или наоборот угасание продуктивности тех или иных формантов, поскольку практически каждая карта ЛАРНГ свидетельствует о том, что диалектный язык в этом плане значительно богаче литературного. На картах Атласа можно обнаружить диалектные словообразовательные модели, которые не только не характерны для литературного языка, но и не отмечены в таком фундаментальном академическом словаре, как СРНГ (см., например, карту «**Молочай**», где представлено множество таких моделей, которые находятся друг с другом в отношениях корреляции: ***молокай*** ~ ***молочай***, ***молокайник*** ~ ***молочайник***, ***молокальник*** ~ ***молочальник***, ***молокан*** ~ ***молочан***, ***молоканник*** ~ ***молочанник*** и т. д.).

Особенно показательны такие словообразовательные модели, которые построены по принципу «нанизывания» словообразовательных морфем, причем, как показало исследование, более сложная словообразовательная модель имеет, как правило, ареальные ограничения в своем распространении, ср., например, распространение лексем ***молокан*** (пп. 52, 80, 181, 189, 206, 215, 223, 239, 259, 289, 292, 314, 325, 370, 471, 473–474, 513, 516, 523, 550–552, 578, 640, 676, 685, 826, 853, 869, 886, 909–910, 920, 930–931, 947, 949, 952, 975) и ***молоканка*** (пп. 219, 753, 852, 944–945, 953, 960, 963, 969, 974, 981) или ***молоче́й*** (пп. 16, 19, 24, 85, 196, 199, 201, 262, 303, 614) ~ ***молочейник*** (пп. 38, 68, 111, 144) на карте «**Молочай**»; или ***молочай*** (пп. 5, 13, 51, 158, 167, 222, 336, 358, 640, 714, 871, 896, 917) ~ ***молочайник*** (пп. 264, 286) на карте «**Одуван-**

чик»; ***шипига*** (пп. 7, 24–25, 36, 41, 69, 89, 91–92, 110, 114, 121, 133, 136–137, 139, 142, 144, 149, 153, 159–160, 166, 187, 190, 197, 202, 207, 209, 215–216, 230, 241, 248, 251, 254–258, 260, 262, 265–266, 281, 285, 296, 303, 306–307, 310, 312–314, 316, 318, 321, 338–339, 341, 343, 354, 358, 366, 369, 384, 416, 433, 440, 457, 459–460, 472, 475–476, 478, 459, 503, 507, 509, 511, 592, 594, 596, 612, 733, 743, 800, 831, 867–868, 877, 942, 949, 1036) ~ ***шипижник*** (пп. 91, 119, 216, 310, 313) на карте «**Шиповник**» и т. д.

Вариативность, но уже когнитивная, прослеживается и в многообразии мотивационных моделей. Так, например, на карте «**Подорожник**» представлены следующие мотивационные признаки: **локативный**, актуализирующий сему ‘место произрастания’ подорожника: а) ‘растущий вдоль дороги’ (***подорожка***, ***подорожник***, ***придорожник***); б) ‘растущий вдоль тропинки’ (***тропинник***, ***тропняк***, ***отропник***); в) ‘растущий по пути передвижения’ (***попутник***, ***попутчик***, ***путик***, ***путник***, ***рипутник***, ***сухопутник***); г) ‘растущий по следам’ (***последник***); **акторный** признак, актуализирующий сему ‘результат действия’: а) ‘то, что топчут’ (***топтун***, ***топтунец***, ***конотоп***, ***перетоп***, ***топтотел***, ***вытопошный листок***); б) ‘то, что треплют’ (***трепутник***); в) ‘то, по чему ездят и мажут дёгтем’ (***дёготник***); **функциональный** признак, указывающий на назначение растения: а) лечить (***лечебник***, ***лечебная трава***); б) заживлять раны и порезы (***ранник***, ***порезник***, ***апорез-трава***); в) останавливать кровь (***кровавик***, ***кровепуск***, ***кровехлёб***, ***кровопой***); г) размягчать и вытягивать (***вытягушник***, ***тягунец***, ***тягуха***, ***тягушки***, ***лопушка-тягушка***, ***чирьевая трава***, ***чирья трава***, ***занозная трава***); **реляционный** признак, устанавливающий отношения подобия: а) антропоморфный (***бабка***, ***баба***, ***доктор***); б) зооморфный (***собачий язык***); в) фитоморфный (***лопушник***, ***лопушок***); **качественно-** и/или **предметно-характеризующий**, указывающий на особенности строения ли-

ста (***жиленник***, ***жильник***, ***семижильник***, ***жилистый листок***, ***жильная лапушка***) и другие признаки.

С когнитивной вариативностью тесно связана семантическая вариативность, которая заключается в том, что диалектные слова способны к развитию новых значений. Об этом свидетельствуют сами карты Атласа, в легендах которых представлены такие значения, которые не фиксировались ранее. Так, в частности, на семантической карте «**Зелье**» у лексемы ***зелье*** выявились такие новые значения, как 'злой человек', 'зябь', 'заговоренный напиток' и т. д.

Таким образом, материал «Лексического атласа русских народных говоров» свидетельствует о том, что в диалектах идет процесс перманентного обновления их лексического состава. Одни лексические единицы с течением времени теряют свою образность и свежесть и уходят на периферию, тогда как на их место приходят другие, более яркие и выразительные.

Вместе с тем следует отметить, что карты Атласа свидетельствуют и о консервативности русских диалектов, на протяжении многих веков успешно противостоящих внешним влияниям, а также тенденции к стандартизации. Сочетание в лексической системе диалектов двух прямо противоположных тенденций — динамики и консерватизма — является следствием общего механизма эволюции словарного состава любого языка, основанного на кумулятивном принципе. Именно этот принцип позволяет сохранять лексическую систему диалектов во времени в значительно большей степени, чем фонетическую или морфологическую. И это хорошо видно на картах Атласа, которые продемонстрировали высокую степень сохранности не только древнерусского, но и праславянского лексического элемента (ср., например, такие праславянские лексемы, как **lěsъ*, **dǫbrava*, **gǫba*, **gribъ*, **gribьnica*, **berza*, **smola*, **sěra*, **borъ*, **borovina*, **vьrba*, **listъ*, **opsa*, **větъka*, **sǫkъ*, **šišьka*, **sosьnja*, **jagoda* и др.).

Эта сопротивляемость русских диалектов в процессе их контактирования между собой и с литературным языком способствовала консервации отдельных узколокальных лексем, что привело к появлению эксклюзивов. Более того, наличие эксклюзивных образований свидетельствует не только о высокой степени сопротивляемости русских диалектов, но и об их **саморазвитии**, так как возникает некая новая диалектальность, связанная с утратой архаичной лексики и появлением новых диалектизмов, имеющих существенные отличия как от литературного языка, так и от других диалектов. И в этом также проявляется **динамичность** русских диалектов, поскольку все они способны к активному порождению отличительно характеризующих их лексем. В этом отношении чрезвычайно благодатным материалом являются карты «Общеславянского лингвистического атласа», третий том которого посвящен растительному миру. Сопоставление материала «Лексического атласа русских народных говоров» с картами этого тома позволило определить следующие эксклюзивные лексемы:

1) эксклюзивные лексемы, выделяющие русские диалекты на всем пространстве Славии, ср.: ***чаща***, ***чащара***, ***чащина***, ***чащоба***, ***частик***, ***частель***, ***частельник***, ***сузём***, ***глушь***, ***бор***, ***боровина*** к. «**Чаща, дремучий лес**»; ***поганыш***, ***поганец***, ***поганюха***, ***погануха***, ***погонушка***, ***поганица***, ***поганик***, ***собачняк***, ***мышак***, ***благушка***, ***опенок***, ***мухоморка*** к. «**Несъедобный гриб**»; ***лесина*** к. «**Растущее дерево**»; ***сера***, ***сок***, ***ладан*** к. «**Смола хвойных деревьев**»; ***ляд***, ***лядина*** к. «**Лес**»; ***мянда*** к. «**Верхний слой древесины**»; ***олиха***, ***олиша***, ***елха***, ***елша*** к. «**Ольха**»; ***вереск***, ***вересина***, ***можжак***, ***можжевел***, ***можжуха***, ***брежжевельник*** к. «**Можжевельник**»; ***ежевица***, ***комоника***, ***сорбалина*** к. «**Ежевика**»; ***земляница***, ***землянка***, ***пазобника***, ***клубника*** к. «**Земляника**»; ***брушника***, ***брусена***, ***брусенка*** к. «**Брусника**»; ***орешня***, ***орешье*** к. «**Орешник**»; ***пух***, ***пушок***, ***пушо-***

чек, ***фонарик***, ***обдуванчик***, ***поддуванчик***, ***раздуванчик*** к. «**Одуванчик**»; ***путник***, ***путничек***, ***попутник***, ***дорожник***, ***подорожница***, ***поддорожник*** к. «**Подорожник**»; ***боровой***, ***печура***, ***дубовик***, ***поддубовик***, ***поддубник***, ***белянка***, ***коровка***, ***коровушка***, ***коровятка***, ***коровник***, ***коровенник***, ***коровятник***, ***коровяк***, ***моховик***, ***обабок***, ***дорогой гриб***, ***толстокоренник*** к. «**Белый гриб**»; ***блицы***, ***обабок***, ***губина*** к. «**Съедобный гриб**»; ***губица***, ***трудовица***, ***трутень***, ***трудашка***, ***труданешка***, ***курущка***, ***куравка***, ***поганка***, ***натек***, ***выплавок***, ***наростень***, ***нарост***, ***чага***, ***чамга*** к. «**Гриб трутовик**»; ***выплавок***, ***нарост***, ***паккула***, ***скрипка***, ***курка***, ***курашка*** к. «**Грибной нарост на стволе дерева**»;

2) эксклюзивные лексемы, выделяющие русские диалекты в восточнославянском ареале, но находящие продолжение за его пределами, ср.: рус., чеш., плс. ***ветвь*** к. «**Ветвь дерева**»; рус., серб. ***листовье*** к. «**Листва, листья, крона дерева**»; рус., слн. ***губина*** к. «**Съедобный гриб**»; рус., слн., хрв. ***губа*** к. «**Белый гриб**»; рус., хрв. ***печура*** к. «**Белый гриб**»[1].

Примечательно, что некоторые из эксклюзивных лексем имеют обширные ареалы, что является еще одним свидетельством **пассионарности русских диалектов**, ср., например, обширные ареалы таких эксклюзивных лексем, как ***чаща*** к. «**Чаща, дремучий лес**»; ***подорожник*** к. «**Подорожник**»; ***чага*** к. «**Гриб трутовик**» и др.

Мы привели лишь небольшую часть эксклюзивных лексем, нашедших отражение на картах «Общеславянского лингвистического атласа», понятно, что число их значительно больше.

[1]Эксклюзивные лексемы из других томов «Общеславянского лингвистического атласа» приведены в монографиях Т. И. Вендиной «Русские диалекты в общеславянском контексте» [Вендина 2009] и «Типология лексических ареалов Славии» [Вендина 2014].

Объяснить явление широкого распространения эксклюзивной лексемы можно, по-видимому, тем, что данная лексема стала достоянием литературного языка (помимо приведенных лексем можно отметить также такие русские эксклюзивы, представленные на картах «Общеславянского лингвистического атласа», как ***аист***, ***бабочка***, ***огурец***, ***ужин***, ***чешуя*** и т. д.). Именно это обстоятельство во многом способствовало укреплению их «жизненной силы» и соответственно распространению. Благодаря этим лексемам происходило «портретное» оформление русского языка.

Однако в целом таких случаев отмечено сравнительно немного, значительно чаще встречаются островные или даже точечные ареалы эксклюзивных лексем, причем в локализации этих ареалов прослеживается определенная повторяемость. Более того, в русских диалектах существуют своеобразные **очаги** эксклюзивных образований, т. е. эти диалекты обладают **высокой степенью «пассионарности»**, ярко выраженным стремлением к «индивидуальности», склонностью к образованию отличительно характеризующей их лексики. Изучение русских диалектов в этом аспекте показало, что эксклюзивные лексемы встречаются чаще всего **в северноруcских архангельских и вологодских говорах**, значительно реже они встречаются в **среднерусских новгородских**, **псковских** и **тверских** говорах, кроме того, высокая концентрация их отмечена в русских старожильческих говорах в Эстонии. Из других русских диалектов можно выделить южнорусские тульские и орловские говоры.

Причем в русских диалектах можно и сегодня наблюдать процесс образования эксклюзивных лексем, о чем свидетельствуют их **микроареалы**, которые, как известно, являются величинами позднего времени. Именно такой тип ареала характерен, например, для лексем ***частель*** (п. 343), ***частельник*** (пп. 243, 719) к. «**Чаща, дремучий лес**»; ***поганюха*** (пп. 43, 100–101), ***собачник*** (п. 27), ***мышак*** (пп. 176, 661) к. «**Несъедобный гриб**»; ***трудовица*** (пп. 845, 897,

938), ***трудашка*** (п. 440), ***поганка*** (п. 848) к. «**Гриб трутовик**» и др.

При этом следует отметить, что все эти эксклюзивные лексемы находятся в отношениях вариативности с лексемами, имеющими более широкое распространение. Так, например, наряду с лексемами ***частель***, ***частельник***, представленными в одном–двух пунктах, в русских диалектах широко распространены лексемы ***чаща***, ***дебри***, ***трущоба*** к. «**Чаща, дремучий лес**»; наряду с лексемой ***сок***, имеющей ограниченный ареал, широко представлены лексемы ***смола*** и ***сера*** к. «**Смола хвойных деревьев**». Все эти эксклюзивные лексемы обладают **эквивалентной**, т. е. совпадающей дистрибуцией и **нулевой** оппозицией. Микроареалы эксклюзивых лексем говорят о том, что в диалектах идет процесс постоянного обновления их лексического состава. И в этом также проявляется динамика русской диалектной лексики.

С чем связано появление эксклюзивов?

Основная причина появления эксклюзивов связана с когнитивным освоением окружающего мира, с особенностями его восприятия и осмысления, **с той номинативной логикой, в соответствии с которой происходила его лексическая параметризация**. Своеобразие в восприятии и категоризации мира носителями тех или иных диалектов, углубленная детализация мотивационных признаков, положенных в основу названий и, соответственно, разная сегментация их языковым сознанием одного и того же семантического участка привели постепенно к образованию отличительно характеризующей лексики. Давление же языковой системы способствовало тому, что освоение окружающего мира проходило по тем языковым моделям, которые были актуальными для данных диалектов.

Это своеобразное видение внешнего мира особенно ярко проявляется в мотивационных признаках, лежащих в основании эксклюзивных лексем, ср., например, вариативность мо-

тивационных признаков в названии строевого леса (к. «**Здоровый, высокий прямой строевой лес**»), где представлены такие признаки, как функциональный (***избняк***, ***мачтовник***, ***корабельник***), качественный (***стройняк***, ***ровняк***, ***прямострой***), оценочный (***здоровяк***, ***деловая лесина***) и др. признаки.

Другая причина появления эксклюзивных лексем связана нередко с культурно-историческим влиянием других языков. Причем в севернорусских диалектах особенно часто прибалтийско-финских языков (ср., например, лексемы ***пинда*** и ***мянда*** в значении 'верхний слой древесины', которые имеют прибалтийско-финское происхождение (к. «**Верхний слой древесины, расположенный непосредственно под корой**») или лексему ***паккула*** на карте «**Грибной нарост на стволе дерева**»); финно-угорскому происхождению обязана русская эксклюзивная лексема ***векша*** в значении 'белка' (Фасмер I: 287); русская эксклюзивная лексема ***аист*** связана с немецких диалектизмом *Heister* (Шапошников 2010 1: 19). Фонетическое и морфологическое освоение иноязычного слова в соответствии с языковой системой «принимающих» диалектов нередко приводило к образованию эксклюзивной лексемы (ср., например, лексемы ***чемпион*** и ***шпион*** на карте «**Шампиньон**» или лексем ***гоноболь***, ***гонобобель***, ***гонобоб***, ***голобоб***, ***гнобой*** и др. на карте «**Голубика**»). Сам этот факт говорит о том, что появление этих эксклюзивных лексем относится к периоду самостоятельного существования языка и является результатом позднего культурного заимствования.

Когда возникли эксклюзивы?

Ответить на этот вопрос чрезвычайно сложно, так как практически каждая эксклюзивная лексема имеет свою историю, особенно когда речь идет о взаимодействии языков и культур.

Вместе с тем карты «Лексического атласа русских народных говоров» дают возможность не только выявить эксклюзивные образования, но и рассмотреть их во временном плане. Возможность пространственной визуализации ареалов эксклюзивных лексем делает реальной их относительную хронологию, подобно той, которой располагает славистика, предлагая относительную и даже абсолютную хронологию для многих фонетических и грамматических явлений праславянского языка, ибо в соответствии с постулатом лингвистической географии карта, являясь пространственной проекцией элементов языковой системы диалектов, позволяет исследователю описать формирование диалектных различий в их исторической перспективе, поскольку фактор пространства всегда неразрывно связан с фактором времени. Языковые различия в пространстве тождественны языковым различиям во времени: «существование языка в пространстве и существование языка во времени — одно и то же явление существования языка во времени-пространстве» [Степанов 1975: 304].

И здесь чрезвычайно важную роль играют топографические признаки ареала той или иной эксклюзивной лексемы, а именно: какова степень его плотности, является ли он сплошным, размытым, островным или даже мерцающим, точечным? Объективность топографического критерия связана с тем, что он дает возможность выявить **закономерности** в формировании ареальных сценариев, существующих в разных пространственных контекстах.

Ареалогический анализ русских эксклюзивных лексем позволил выявить следующие особенности в распределении их ареалов:

1. **Ареал эксклюзивной лексемы характеризуется высокой плотностью** ее распространения, при этом контуры его оказываются практически ровными, часто совпадающими с государственными границами. Именно такой тип ареала имеют лексемы ***чаща*** к. «**Чаща, дремучий лес**»;

подорожник к. «**Подорожник**»; ***чага*** к. «**Гриб трутовик**».

Такой тип ареала, несмотря на то, что он может быть довольно обширным, в соответствии с теорией лингвогеографии, является свидетельством, скорее всего, позднего происхождения данной лексемы. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что некоторые из эксклюзивных лексем, имеющих обширные ареалы, стали достоянием литературного языка, что также указывает на то, что их утверждение в данном языке относится к национальному периоду его развития.

2. **Ареал эксклюзивной лексемы является ограниченным**, нередко мерцающим. Именно такой тип ареала имеют лексемы ***частель*** (п. 343), ***частельник*** (пп. 243, 719) к. «**Чаща, дремучий лес**»; ***поганюха*** (пп. 43, 100–101), ***собачник*** (п. 27), ***мышак*** (пп. 176, 661) к. «**Несъедобный гриб**»; ***трудовица*** (пп. 845, 897, 938), ***трудашка*** (п. 440), ***поганка*** (п. 848) к. «**Гриб трутовик**».

Эти островные или микроареалы, существующие в рамках диалектов лишь русского языка, являются, как правило, территориальными величинами позднего времени, поскольку репрезентируемое ими языковое явление как новое, только нарождающееся, не получило еще в них широкого распространения из-за наличия других, более употребительных и лингвистически активных форм. Напомню, что по теории волн И. Шмидта, каждое языковое нововведение является сначала в виде маленького пятна, которое постепенно расплывается во все стороны и становится настоящей площадью, пока оно не охватит целую территорию данного языка. «Естественно, что явление более древнее занимает большую площадь, чем явление позднее, ибо оно начало распространяться уже раньше» [Теньер 1966: 118].

При определении относительной хронологии эксклюзивной лексемы, кроме топографических признаков, чрезвычайно важное значение имеют и собственно лингвистические

критерии, позволяющие проследить динамику словообразовательной структуры данной лексемы. Так, в частности, если обратить внимание на словообразовательную структуру эксклюзивов, то нетрудно заметить, что в большинстве своем они представлены **производными лексемами, причем не только второй, но и третьей ступени производности, что само по себе свидетельствует об их позднем образовании**, ср., например, такие лексемы, как ***чащара***, ***чащина***, ***чащоба***, ***частик***, ***частель***, ***частельник*** к. «**Чаща, дремучий лес**»; ***поганыш***, ***поганец***, ***поганюха***, ***погануха***, ***поганушка***, ***поганица***, ***поганик***, ***собачняк***, ***мышак***, ***благушка***, ***опенок***, ***мухоморка*** к. «**Несъедобный гриб**». Особенно показательны эксклюзивы, демонстрирующие усложнение своей словообразовательной модели за счет «нанизывания» словообразовательных морфем, ср. ***дуван***, ***дуванчик***, ***обдуван***, ***обдуванчик***, ***одуван***, ***одуванец***, ***одуванчик***, ***поддуванчик***, ***надуванчик***, ***раздуванчик***, ***молокан***, ***молоканка*** и т. д. к. «**Одуванчик**»; ***белик***, ***беловик***, ***короватик***, ***коровaтник***, ***коровятник***, ***коровятка***, ***коровка***, ***коровушка***, ***коровник***, ***коровенник***, ***бабка***, ***обабок***, ***печура***, ***печурик*** и т. д. к. «**Белый гриб**» и др. Такие эксклюзивные лексемы являются, по сути дела, вторичными новообразованиями от праславянских основ.

Нередко семантическая структура того или иного эксклюзива является результатом семантического развития слова (см., например, семантическую карту «**Дубрава**», на которой, помимо значения ‘лес’, представлены такие видовые значения, как ‘дубовый лес’, ‘березовый’, ‘ольховый’, ‘хвойный’, ‘смешанный лес’, а также ‘густой, непроходимый лес’, ‘молодой лес’, ‘старый лес’ и др.).

Ярким примером такого семантического эксклюзива может служить значение ‘ячмень’ у лексемы ***жито*** в севернорусских и в западной группе среднерусских говоров. На остальной славянской территории эта лексема известна либо в значении ‘рожь’ (в западнославянских, украинских, бело-

русских и в некоторых южнорусских диалектах), либо в значении ‘пшеница’ (в болгарских, в некоторых сербских, словацких и чешских диалектах) (см. к. 60 **žito* т. 4 «Сельское хозяйство» «Общеславянского лингвистического атласа»).

Вторичный характер значения отмечен и у русского эксклюзива ***ужин***, первоначальное, более древнее его значение ‘еда после полудня’ (Черных II: 285; Шапошников 2010 2: 450).

Метафорический характер значения эксклюзивной лексемы также указывает на поздний характер ее образования.

На позднее происхождение эксклюзивной лексемы нередко указывают и данные исторических и этимологических словарей. Так, например, эксклюзивная русская лексема ***бабочка*** в русском языке появляется лишь в нач. XVIII в. (Шапошников 2010 1: 40), а лексема ***подсолнечник*** в современном значении лишь в XIX в. (Шапошников 2010 2: 153); лексема ***ужин*** впервые фиксируется в XVII в. (Черных II: 285) и получает широкое распространение в XVIII в. (Шапошников 2010 2: 450).

Кроме того, многие из эксклюзивных лексем **либо отсутствуют в памятниках письменности** (ср., например, такие русские эксклюзивные лексемы, как ***клуха***, ***клуша***, ***клушка*** в значении ‘курица, которая высиживает яйца’; ***поганыш***, ***поганец*** в значении ‘ядовитый гриб’; ***жнитвина*** в значении ‘поле, с которого убраны хлеба’; ***косовище***, ***косовьё*** в значении ‘палка, на которую насажена коса’; ***простокиша***, ***простоквашка*** в значении ‘сырое кислое молоко’), **либо фиксируются, но в ином значении** (ср., например, лексемы ***водонос*** в значении ‘деревянная дуга для ношения ведер на плече, коромысло’ и др.-рус. **водоносъ** ‘ведро’ (Срезневский I: 278); ***скотница*** в значении ‘женщина, которая доит коров’ и др.-рус. **скотьница** ‘казнохранилище’ (Срезневский III: 388); ***поддорожник*** в значении ‘подорожник’ и др.-рус. **поддорожникъ** ‘грабитель на дорогах, разбой-

ник' (СлРЯ XI–XVII 15: 252 и др.); ***сера*** 'смола хвойных деревьев' и др.-рус. сѣра 'жир' (Срезневский III: 899) и т. д.

О позднем образовании многих эксклюзивных лексем и соответственно о динамике русских диалектов говорит и тот факт, что многие из них не зафиксированы не только в словаре Даля, но и в таком фундаментальном академическом словаре, как «Словарь русских народных говоров» (ср., например, такие лексемы, как ***голощёка***, ***прогал***, ***прогалина***, ***елань***, ***междулесица***, ***междулесье***, ***палестина***, ***палестинка*** к. «**Поляна**»; ***бачажинник***, ***бачажник*** к. «**Густые заросли кустарника**»; ***горчуха***, ***горькуха***, ***горькуша***, ***горькушка*** к. «**Сыроежка**»; ***клей*** к. «**Смола хвойных деревьев**» и т. д.).

О динамике русской диалектной лексики свидетельствует и такой интересный факт, как ее проникновение в литературный язык, ср. в связи с этим пример, который приводит в своей статье В. Н. Шапошников. Говоря о нормализаторской и унифицирующей установке местной прессы (г. Шуя, бывш. Владимирская губ.), автор отмечает сохранение в ней многочисленных диалектизмов (таких, например, как ***лавы*** 'легкий сезонный мост через реку', ***мытилка*** 'род плота для полоскания белья в реке'), которые «являются неотъемлемым элементом письменной и электронной прессы, так как обозначаемые ими реалии являются существенной частью хозяйственного ландшафта, а потому они являются устойчивыми компонентами языкового сознания» [Шапошников 1999: 53].

Наконец, об этом свидетельствуют и такие диалектные новообразования, которые являются обозначениями реалий современной жизни (ср. ***чемпион***, ***шпион*** к. «**Шампиньон**»; ***парашютики***, ***фонарики*** к. «**Одуванчик**»; ***пороховик***, ***пороховник***, ***табак***, ***табачник*** к. «**Дождевой гриб**» и др.)[2].

[2]Интересный пример приводит в своей статье А. Д. Черенкова: в воронежских говорах под влиянием мексиканского сериала «Богатые тоже

Таким образом, несмотря на различный характер ареалов эксклюзивных лексем, как обширные, так и ограниченные ареалы являются чаще всего величинами позднего времени, т. е. фактом собственной истории русского языка, отражающим динамику его диалектов. Большинство эксклюзивных лексем сформировалось в период становления национального самосознания и оформления государственности. Процесс созревания этно-политического самосознания, стремление отличить себя от соседей и подчеркнуть свою культурную специфику, осознание своей общности и вместе с ней исключительности обретал в этих именах дополнительный стимул.

Изложенный материал, как представляется, свидетельствует о том, что состояние лексико-семантической системы русских диалектов представляет собой динамическую устойчивость. Это связано с действием двух противоположных тенденций — динамики и консерватизма. С одной стороны, стремление к постоянному обновлению, словотворчеству, достижению максимальной точности и наибольшей выразительности, а с другой — стремление к сохранению старого, консерватизм. Поэтому новые элементы в течение длительного времени сосуществуют со старыми, исконными для прежней диалектной системы, порождая ее повышенную вариативность. И эта возможность длительного сосуществования старых и новых элементов — одна из важнейших особен-

---

плачут» (который транслировался в начале 90-х гг.) имена героев сериала Марианна и Луис Альберто попали в название нового сорта картофеля ***луис альберто-и-марианна***). По мнению автора, такие инновации возникают, как правило, тогда, когда «денотат обладает высокой степенью социализации» [Черенкова: рукопись 2018], ср. также: ***лобогрейка*** ‘жнейка простой конструкции без сбрасывания сжатого хлеба’ Дон. [Стародубцева, Тупикова 2016: 444]; ***рушилка*** ‘приспособление для сдирания шелухи с зерна’ Дон. [Стародубцева, Тупикова 2016: 444, 445]; ***пряха*** ‘простейшая машина для ручного прядения’ Дон. (Донское слово 2015: 214); ***оболонка*** ‘застекленная часть оконной рамы’ Дон. (Донское слово 2015: 161); ***пахталка*** ‘ручная маслобойка’ Дон. (Донское слово 2015: 214, 161, 181) и т.д.

ностей диалектных лексических систем, свидетельствующих об их динамике. Динамическая устойчивость русских диалектов позволяет, таким образом, внести коррективы в лингвистические прогнозы об их отмирании в условиях социальной интеграции и индустриализации общества.

Литература

Вендина Т. И. Русские диалекты в общеславянском контексте (лексика). М.: Институт славяноведения РАН, 2009. 532 с.

Вендина Т. И. Типология лексических ареалов Славии. М.: Институт славяноведения РАН; СПб.: Нестор-История, 2014. 692 с.

Стародубцева Н. А., Тупикова Н. А. Наименования орудий и процессов сельскохозяйственного труда в речи старшего поколения носителей донских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 439–452.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 312 с.

Теньер Л. О диалектологическом атласе русского языка // Вопросы языкознания. 1966. № 5. С. 110–120.

Толстой Н. И. О некоторых возможностях лексико-семантической реконструкции праславянских диалектов // Избранные труды. Т. 1: Славянская лексикология и семасиология. М.: «Языки русской культуры», 1997. С. 111–113.

Шапошников В. Н. О территориальной и функциональной структуре русского языка к концу XX столетия // Вопросы языкознания. 1999. № 2. С. 50–57.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 114–125. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201810

Тексты В. Я. Шишкова о костромском крае как материал для Лексического атласа русских народных говоров

Н. С. Ганцовская, Г. Д. Неганова

Рассматривается диалектная лексика, которую В. Я. Шишков записал во время поездки по костромскому краю и затем использовал в очерках «Приволжский край». В очерках выявлены примеры лексики с иллюстрациями практически на все темы Программы ЛАРНГ. Отмечается, что собственно диалектной лексики, тем более экзотизмов, в них оказалось не так много, преобладает лексика достаточно широкого, общерусского распространения, схожая с лексикой литературного языка. Однако благодаря выразительным текстам писателя удалось увидеть в ней определённые отличия, главным образом в области семантики и особенностей употребления, от слов литературного языка. Приведены конкретные материалы из записей В. Я. Шишкова с обозначением индексов, принятых в Программе ЛАРНГ, по разным её разделам. Основное внимание уделено лексике крестьянского жилища.

Ключевые слова: Программа ЛАРНГ, костромские говоры, тематические группы лексики, В. Я. Шишков, очерки «Приволжский край».

В 1917 г. исполнилось 135 лет со дня рождения В. И. Смирнова, основателя и бессменного председателя Костромского научного общества (КНО), директора краеведческого музея и этнологической станции в Костроме. Именно по его замыслу — усилиями местных краеведов и столичных деятелей культуры совместно обследовать природу, быт и культуру костромского края — в 1924 г. В. Я. Шишков совершил путешествие вверх по реке Костроме в сторону Буя.

Свои впечатления он отразил в ряде очерков под заглавием «Приволжский край»[1].

Тексты очерков изобилуют местными словами и выражениями, которые писатель мастерски доносит до своего читателя. Почти все они представляют диалектную лексику говоров Костромской низины, современных говоров Костромского и Буйского районов по реке Костроме, и могут быть использованы как дополнительный материал при составлении карт Лексического атласа русских народных говоров (ЛАРНГ).

Диалектная лексика и фразеология хорошо семантизирована авторскими контекстами и без труда может быть отнесена к тому или иному разделу Программы ЛАРНГ с присвоением им соответствующего индекса, что мы и сделали ниже. Особая ценность их в том, что они отражают подлинное состояние народного языка в тот период, когда основы крестьянской жизни ещё не были сломлены и в речи крестьян естественно и свободно звучала областная лексика, свойственная говорам центра России к северо-востоку от Москвы (северо-западной части костромских говоров). Как мы полагаем, именно эти говоры являются эпицентром Костромской группы говоров, выделенной в составе говоров севернорусского наречия (по диалектному членению 1964 г. на основании данных лингвогеографии ИРЯ РАН). К тому же они обладают всеми признаками говоров северо-восточной диалектной зоны и говоров центра. Лингвоэтнографические наблюдения были сделаны замечательным стилистом и любителем народного слова, умеющим услышать и точно воспроизвести народное слово, о чём свидетельствует следующее высказывание писателя: «А верно, я имею обыкновение заносить в записную книжку образные выражения, оригинальную структуру живой фразы. Иной раз такое сло-

[1]Более детально об истории публикации очерков, этнографических наблюдениях писателя см. в публикациях Н. С. Ганцовской [Ганцовская 2007; 2017].

вечко вскочит в уши — грех не записать» [Шишков 2007: 536]. По-видимому, такое внимание к устной народной речи с её «динамикой разнообразнейших понятий и эмоций на живой основе» [Булаховский 1937: 49] отражало стремление В. Я. Шишкова видеть в русском литературном языке тот универсальный язык, который возникал от скрещения книжной и обиходной речи. Такую тенденцию развития русского литературного языка в течение XIX–XX вв., отражённую в произведениях художественной литературы, видели наши выдающиеся лингвисты Л. А. Булаховский, Г. О. Винокур, В. В. Виноградов, Л. В. Щерба, В. Д. Левин, Б. А. Успенский, В. М. Живов и др. Необходимой предпосылкой для этого является внимательное изучение диалектной базы русского языка. Сейчас стало обычным рассматривать тексты художественных произведений в качестве источников изучения диалектной лексики как материала для лексикографии, естественно, они могут быть полезными и для диалектной лингвогеографии.

В. Я. Шишков начал свой путь с Зарецкой стороны под Костромой, около Ипатьевского монастыря. Там он вместе с В. И. Смирновым участвовал в раскопках древнейших славянских поселений на территории бывшего «Мерьского стана», затем от устья Костромы на пароходе он попал в Мисково (в очерках «Приволжский край» — Миссково), затем, повредив ногу около села Павловского Буйского уезда, вынужден был закончить своё путешествие. Кроме диалектной лексики и фразеологии, его интересуют древнейшие славянские имена, топонимы, история заселения края: «Такие названия в крае, как Судиславль, Горесловка, Гридины, Китоврасово, Шеломец, Здемирово, дышат глубокой стариной. В седые времена приходили сюда и новгородцы, сначала в качестве ушкуйников, а позднее с торговыми целями» [Шишков 2007: 501]. Кроме Шунгенской волости, откуда начиналось его путешествие, он посетил район хмелеводства — сёла Мисково и Спас-Вёжи, деревни Шоды (родину деда Мазая), Жар-

ки, деревню Овсянкина уже Буйского уезда, село Павловское в пятнадцати верстах от Овсянкина, село Железный Борок со знаменитым Иаково-Железоборовским монастырём, уже разорённым местными властями.

Из очерков В. Я. Шишкова, несмотря на их относительно небольшой формат, удалось выписать примеры лексики с иллюстрациями практически на все темы Программы ЛАРНГ. Как оказалось, собственно диалектной лексики, тем более экзотизмов, в них оказалось не так много, преобладает лексика достаточно широкого, общерусского распространения, схожая с лексикой литературного языка. Однако благодаря выразительным текстам писателя удалось увидеть в ней определённые отличия, главным образом в области семантики и особенностей употребления, от знакомых нам слов литературного языка. Становится ясным, что именно лексика данных мест, где сложилась русская государственность и где формировались нормы русского литературного языка, вошла как составная часть в основной лексический фонд русского литературного языка. Говоры Костромского и Галицкого княжеств, вошедшие впоследствии в состав Московского, ставшие центральными, среднерусскими, характеризуют и территорию Костромского Приволжья, описываемую В. Я. Шишковым в очерках. Хотя первоначально, как отмечает В. Я. Шишков, здесь побывали «новгородские ушкуйники», но теперь следы периферийных, новгородских, говоров оказались стёртыми, а возобладали особенности речи более позднего ростово-суздальского потока заселения, говоров центра, Низовой Руси. Центральные, среднерусские говоры С. А. Соболевский называет «московским народным говором» и характеризует их следующим образом: «Московский народный говор XIV в., когда возникла в Москве литература, а может быть и письменность, был почти тожествен с говором старого Ростова, особенности которого мы знаем по рукописям начала XIII в.; равным образом он почти совсем не отличался от говоров Твери, Ярославля, Переяславля, Ряза-

ни. Таким образом, он был не только московским, но вообще среднерусским говором. Он был сравнительно чист, т. е. не имел никаких резких особенностей, которые бы выделяли его из ряда других говоров. Он не знал ни мены *ц* и *ч*, как новгородский, ни мены *з* и *ж*, *с* и *ш*, как псковский, ни даже мены *в* и *у*, как южно- и западнорусские. Эти исключительно отрицательные черты делали его вполне удобным и благозвучным для говоривших на других говорах, и ни один из них не мог находить в нём ничего для себя чуждого или смешного» [Соболевский 1980: 45]. Слова С. А. Соболевского, как мы полагаем, актуальны и для говоров территорий Костромского Поволжья, описываемых В. Я. Шишковым.

Приведём конкретные материалы диалектной лексики из записей В. Я. Шишкова с обозначением их индексов, принятых в Программе ЛАРНГ, по разным её разделам (ответы на вопросы Программы ЛАРНГ из материалов В. Я. Шишкова даём курсивом, сами же вопросы — прямым шрифтом).

В компендиуме лексики очерков В. Я. Шишкова широко представлена лексика крестьянского жилища.

Крестьянское жилище

Л 16 007. Постройки, относящиеся к одной усадьбе, принадлежащие одному крестьянскому двору (о. н.).

Изба*. У меня избу не на кого бросить, одна баушка слепая…*

ЛСЛ 16 008. Крестьянская жилая постройка.

Изба*. Вступили в село. По дороге не пройти. Плетёмся возле изб, хватаясь за стены, чтобы не кувыркнуться в густой кисель.*

Я понимаю, почему здесь так скучены постройки. Всю окрестность, ровную как блин, топит весною вода, и на небольшом пригорке, где расположено село Мисскова, постройки жмутся друг к другу, как Мазаевы зайцы. Иногда расстояние между смежными избами столь невелико, что

бабы могут передать из окна в окно ухват, горшок, а нет — так и головешку разжечь печь.

Избёнка ‘жилая постройка худшего качества’. *Есть и деревянные избёнки, видимо уцелевшие от пожара, или хозяева которых боялись перейти на новшество.*

Избушка ‘постройка на пасеке хозяйственного назначения и временного жилья’. *В избушке пахнет мёдом. Лежит вощина, стоят рамки из-под мёду, кадушки, центробежный аппарат. — «Здесь у нас зимой ульи спасаются, а летом караульщик живёт».* (Но абзацем выше автор очерков называет это строение избой: «Среди пасеки — опять на курьих голяшках — стоит новая ***изба***»).

СМ 16 009. Что означают слова: а) дом — ‘любая постройка для людей’; ‘жилая постройка определенного типа, качества’; ‘крестьянское хозяйство’; ‘крестьянская семья и ее хозяйство’; б) изба — ‘жилая постройка’; ‘жилой сруб в составе постройки’; ‘жилое помещение’; ‘жилая постройка и жилое помещение’; ‘одно из жилых помещений’ (какое?); в) избушка — ‘маленькая жилая постройка’ или ‘постройка определенного хозяйственного назначения’ (какого?)...

Дом — ‘хорошая постройка’. *Дома, действительно, один к одному, красные, под драничной, тесовой, иногда железной крышей. Встречаются дома двухэтажные, с террасой, балкончиком.*

Изба — ‘жилая постройка и жилое помещение’. *После четвёртого пожара — в 1910 году — порешили мужики строить кирпичные избы, благо суглинок у нас богатеющий. Теперь без малого все село каменное. Сами и кирпич обжигаем. Да оно и дешевле лесу. На избу в три-четыре окошка надо двадцать–тридцать тысяч кирпичей; раньше он по три рубля с тыщи был, теперь до шести рублей. Оно и красиво глядеть, бытто город, и опасности меньше, и страховка дешевле.*

Вот у нас ещё какой обычай живёт: перед тем, как в новую избу перебираться, накануне сажают туда на ночь двух хозяев: петуха и кошку.

Я как-то спросил тётку Дарью, — полна изба была гостей, — есть ли у них колдуны.

Из примеров В. Я. Шишкова чётко видно, что в говорах Костромского Приволжья различаются понятия ***изба*** как обозначение дома, жилища людей, и внутреннего помещения его, возможности использовать эту лексему и лексему ***избушка*** в значении ‘постройка определенного хозяйственного назначения’, а деминутив ***избёнка*** — в значении ‘жилая постройка худшего качества’. В то же время употребительно и слово ***дом*** как обозначение качественного крестьянского жилища.

Чердак и подполье. Помещения и пристройки, примыкающие к жилой части дома

ЛСЛ 16 180. Жилое помещение на чердаке дома.

Мизинет. *Есть избы... с затейливыми мизинетами (мезонинами).*

ЛСЛ 16 187. Холодные сени в доме.

Сенцы. *Вот схвачу за бороду и выволоку в сенцы!..*

Бабку унесли в сенцы, смочили голову.

Постройки, помещение для скота

Л 16 264. Холодная постройка для скота в виде крытой части двора, навеса.

Хлев. *А под поветью — хлев, слышно, как пыхтят коровы, похрюкивает боровок, вздыхают овцы...*

Другие хозяйственные строения, большею частью не связанные с жильём

ЛСЛ 16 369. Настил для сена в верхнем ярусе двора, часто над скотным двором.

Поветь. *Тогда пожалуйте уж к нам ночевать, на поветь, на сенце там.*

Идите через поветь, там ворота увидите. Не спускаясь вниз, я повернул в дверь направо, прошёл через поветь по бревенчатому полу, представляющему потолок над обширным хлевом, и постучал в огромные ворота.

Спал я на повети, на сене: отворишь из избы дверь, перейдёшь сенцы — тут тебе поветь.

ЛСЛ 16 377. Рубленый амбар для зерна.

Житница. *Там бани по край села все на высоченных столбах стоят, на сваях, как на куричьих голяшках. И житницы так же самое.*

В очерках В. Я. Шишкова как синонимы употреблены два слова — ***палатка*** и ***балаган***: *«Это куда же, на покос, в палатки?» — «Туда, в балаганы».* Оба слова есть в словаре В. И. Даля. Палатка — «намёт, шатёр, лёгкий остов, обнесённый и покрытый холстом или тканью, для какого-либо приюта» (Даль 3: 10); балаган (с пометой *юж.*) — «шалаш, всякое пристанище под кровлей, для рабочих и сторожей» (Даль 1: 41). География слова ***балаган***, как представлено в СРНГ, имеет более широкое распространение, при этом приводятся более узкие, конкретные толкования: «временная лёгкая жилая постройка в лесу, в поле; шалаш, шатёр, землянка для различных надобностей» (Дон., 1866, Верхотур. Свердл., Том.) и «шатер, палатка в поле для защиты от дождя, зноя, для ночевки во время полевых работ» (Перм., 1850; Южн., Дон., Куйб., Пск., Смол., Ленингр.); со значением ‘палатка на покосе’ лексема зафиксирована в Свердл., Челяб., Тюмен., Курган., Кемер., Енис., Прибайкал. Приводимая в СРНГ в соответствующей словарной статье иллюстрация даёт представление о реалии: «В хорошую погоду обыкновенно в поле ночуют в балаганах. Для устройства балагана необходим холщовый полог, который натягивается на шести невысоких колышках, образуя закрытое со всех сто-

рон помещение для двух или трех человек» (СРНГ 2: 68). Эта характеристика коррелирует с описанием, которое даёт В. Я. Шишков, называя, как сторонний наблюдатель, балаганы палатками: «На крутом чистом берегу за рекою белели многочисленные палатки, выстроившись в ряд, как холщёвая деревня. Это дальние крестьяне выбрались недели на две косить луга. <...> Женщины деловито сновали от костров к палаткам».

В Программе ЛАРНГ данная лексема входит в вопросы тематических подгрупп «Охотничье-промысловые и иные постройки вне селения» (**ЛСЛ 16 019.** Избушка для рыбаков, охотников, косарей; **ЛСЛ 16 020.** Шалаш); «Постройки, помещение для скота» (**Л 16 266.** Большая постройка для крупного рогатого скота); «Другие надворные постройки» (**ЛСЛ 16 295.** Помещение для разного сельскохозяйственного инвентаря); «Другие хозяйственные строения, большею частью не связанные с жильем» (**ЛСЛ 16 363.** Строение для хранения соломы). Однако семантика слова, записанного В. Я. Шишковым в костромском селе Мискове, не связана с постройками, и слово, вероятно, следует рассматривать **СМ 16 405**. Употребляется ли и в каких значениях слово балаган? Обозначает ли оно: 1) временную жилую постройку в лесу, полуземлянку; 2) шалаш в лесу, поле; 3) неряшливо сделанную постройку; 4) постройку для крупного рогатого скота; 5) сарай для хозяйственного инвентаря; 6) сарай для фуража, соломы; 7) деревянный настил на дереве в лесу для охотника, караулящего зверя; 8) остов стога из поставленных наклонно жердей; 9) полог у кровати..? В связи с этим отметим: согласно материалам картотеки Костромского областного словаря, лексема ***балаган*** со значением ‘временный шалаш в лесу, на покосе’ зафиксирована в говорах Костромского (Сандогора), Кологривского (Тодино), Красносельского (Конново) и Вохомского районов.

Так же широко, как тема «Материальная культура», в очерках В. Я. Шишкова представлены темы «Человек», «Трудовая деятельность», «Природа», из которых мы здесь пока выборочно представим некоторые лексические явления.

Анатомические названия

Л 1060. Хрящевая часть переносья: ***стропила*** — *Да задаром разве будут хорошо лечить, просто дадут мази какой ни то дешёвой для отвода глаз. Это ни к чему. Самое большое, что «стропила» в носу рухнут. А так — ничего.*

Народная медицина

ЛСЛ 3064. Нарыв: ***желвак*** — *«Желвак наболел, — сказала она, — жила сшевелилась».*

ЛСЛ 3076. Оспа: ***вошпа*** — *Это не холера и не вошпа.*

Птицеводство

Л 9053. Отгонные слова для коров: *«Ксы! Ксы!.. Ишь вы, ошалели... Гуляй, гуляй!» — покрикивал он на коров.*

ЛСЛ 10021. Курица-наседка: ***клуша*** — *У хозяйской избы клуша с многочисленным выводком крупных цыплят...*

ЛСЛ 10058. Издавать крики (о гусях): ***гоготать*** — *В пруду гогочут гуси.*

Пчеловодство

ЛСЛ 11014. Долблёный улей: ***колодка*** — *Ужо я медку принесу вам. Знатный мёд. Две колодки у меня.*

Зерновые культуры. Процессы, связанные с их возделыванием и обработкой

Л 6047. Плодородная земля; **ЛСЛ 6048.** Плодородная (почва): ***суглинок*** — *Благо суглинок у нас богатеющий.*

ЛСЛ 6 049. Неплодородная земля (о. н.); **ЛСЛ 6 050.** Неплодородная (почва); **ЛСЛ 6 051.** Непригодная для полеводства земля: ***неродимая земля*** — *Потому земля «неродимая», хлеба мало, нечем жить*; ***неудобная земля*** — *Страсть сколько из губернии народу уходит. Потому у нас земля неудобная.*

Демонология

Л 5 001. Общее название нечистой силы: ***неумытик*** — *...думал, ведьма нечто среднее между бабой-ягой и неумытиком, а это просто обыкновенная богова старушка, да она и не ведьма, не знахарка, а деревенская костоправка*; ***нечистик*** — *...это самое электричество не от бога, а от нечистика.*

Л 5 016. Персонаж в лесу: ***лесовик*** — *Девки как взвоют, думают, лесовик явился.*

Ландшафт (рельеф, почвы, водоёмы)

Л 389. Небольшая возвышенность: ***горка*** — *А к Петрову дню, в конце июня, снова встречаются на этой самой горке*; ***сопка*** — *Вот там, за рекой, есть сопка. Она называется Сопливая горка*; ***пригорок*** — *На пригорке три пастуха.*

Л 396. Вершина (горы, холма): ***бровка*** — *Промеряйте шагами от бровки холма, до озера и до завода.*

СМ 406. Употребляются ли и в каких значениях слова *грива, гривка*? ***Грива***: 1. *На песчаной, намытой гриве — деревня.* 2. *Хмель мы садим на гривах, т. е. на более или менее возвышенных местах, где воды бывает не больше полутора аршин, и быстрее скатывается, чем с низин.*

ЛСЛ 461. Омут, яма, впадина; **ЛСЛ 466.** Водоворот: ***омутина*** — *...парня-то спас, а самого утянуло в омутину...*

Литература

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к литературному русскому языку. Харьков; Киев: Радяньска школа, 1937. 320 с.

Ганцовская Н. С. Творчество писателей, связанных с костромским краем, как источник изучения живой народной речи (А. Н. Островский и В. Я. Шишков) // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2007. Т. 17. С. 108–112.

Ганцовская Н. С. По замыслам В. Я. Смирнова. В. Я. Шишков и этноязыковое обследование костромского края // Костромской край и сопредельные территории в древности, Средневековье и в Новое время. К 135-летию со дня рождения В. И. Смирнова: сб. науч. тр. / Под ред. И. С. Наградова и В. Л. Щербакова. Кострома: Линия-График, 2017. С. 17–22.

Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л.: Наука, Ленинград. отд-ние, 1980. 193 с.

Шишков В. Я. Приволжский край (очерки) // Костромская земля: Краеведческий альманах Костромского общественного фонда культуры. Вып. 6. Кострома: [б. и.], 2007. С. 498–572.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 126–141. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201811

Языковое выражение народного взгляда на супружество в пословицах, собранных В. Далем

Е. А. Гольцова, В. Н. Гришанова

В статье рассматриваются собранные В. И. Далем пословицы, посвященные семье и семейным отношениям. В ходе семантического, лексического и синтаксического анализа выявляются характерные для традиционного русского крестьянского уклада жизни взгляды на брак, нормы супружеских отношений, представления о супругах.

Ключевые слова: Даль, пословица, супружество, отношения в семье.

Устное народное творчество, в частности пословицы, — незаменимый материал для лингвистического исследования. Пословица фиксирует накопленный жизнью исторический опыт народа, его традиции и обычаи, представления о добре и зле, любви и дружбе и одновременно служит «учебником жизни». Одним из первых, кто проявил живой интерес к пословицам русского народа, был В. И. Даль. Результатом его работы стал сборник «Пословицы русского народа», в котором отразились народные суждения о жизни, запечатленной во всём многообразии её проявлений. «В том-то и достоинство сборника пословиц, — писал В. И. Даль, — что он даёт не однобокое, а полное и круглое понятие о вещи, собрав всё, что о ней, по разным случаям, было высказано» [Цит. по: Аникин 1988: 167]. Большой интерес, по нашему мнению, представляют актуальные по сей день пословицы, выражающие взгляд русского человека на семью и семейные отношения. В сборнике В. И. Даля зафиксировано 98 таких

пословиц, тематическое разнообразие которых весьма показательно.

К первой группе относятся пословицы, характеризующие семью и семейные отношения (30 единиц). В группе выделяется несколько подгрупп.

1. Пословицы, характеризующие хорошие семейные отношения (10 единиц).

1.1. Неразлучность: «*Промеж мужа и жены нитки не проденешь*», «*Муж — голова, жена — душа*», «*Что гусь без воды, то муж без жены*», «*Без мужа, что без головы, без жены, что без ума*», «*Без жены, что без кошки, а без мужа, что без собаки*» (5 единиц).

1.2. Благополучие: «*Семейная каша погуще кипит*», «*Своя себе семейка — свой простор*», «*Одному не страшно, а двоим веселей*» (3 единицы).

1.3. Лад в семье: «*Живут рука в руку, душа в душу*», «*Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад*» (2 единицы).

2. Пословицы, характеризующие плохие семейные отношения (13 единиц).

2.1. Ссоры, размолвки: «*Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится*» (1 единица).

2.2. Битьё жены: «*Шубу бей — теплее, жену бей — милее*», «*Кто вина не пьёт, пьян не живёт; кто жены не бьёт, мил не живёт*», «*Чем больше жену бьёшь, тем щи вкуснее*», «*Обошел муженёк жёнушку дубинным корешком*», «*Люби жену, как душу, тряси её, как грушу*», «*Жена не горшок, не расшибёшь*», «*Бей жену обухом, припади да понюхай: дышит да морочит, ещё хочет*», «*Всем бита, и об печь бита, только печью не бита*», «*Бей жену до детей, бей детей до людей*», «*Учи жену без детей, а детей без людей*», «*Муж жену бьёт, а жена своё поёт*», «*Жена — сердцем, а муж с перцем*» (12 единиц).

3. Пословицы, характеризующие преимущество семейной жизни (7 единиц).

3.1. Для мужчины: «*Холостой — полчеловека*», «*Холостому помогай боже, а женатому хозяйка поможет*», «*Холостой много думает, а женатый больше того*», «*Семья воюет, а одинокий горюет*», «*Одному спать — и одеяльце не тепло*», «*Любовь холостого, что вешний лёд*» (6 единиц).

3.2. Для женщины: «*Не та счастлива, которая у отца, а та счастлива, которая у мужа*» (1 единица).

Таким образом, пословица характеризует семейные отношения как с хорошей, так и с плохой стороны, причём количество пословиц о хороших и плохих отношениях примерно одинаково.

Среди пословиц о плохих отношениях преобладают те, где говорится о битье жены, это свидетельствует, что избиение жены было типичным явлением в крестьянской среде. При этом оно не только не осуждалось, но и рассматривалось как проявление любви, более того, в пословицах содержится совет бить жену, т. к. это способствует лучшему выполнению домашних обязанностей. Пословицы со всей очевидностью свидетельствуют о подчиненном, бесправном положении женщины в семье.

Однако примерно столько же пословиц характеризуют хорошие семейные отношения, при этом ценятся прежде всего такие свойства, как неразлучность жены и мужа (этой теме посвящено 5 из 10 пословиц), благополучие, лад в семье, то есть, несмотря на отрицательные проявления, в основе семьи, по мнению русского человека, должны лежать позитивные отношения.

Об этом же свидетельствуют пословицы, характеризующие преимущества семейной жизни. Причём 6 пословиц констатируют необходимость создания семьи для мужчины и лишь 1 — для женщины. Это подчеркивает, что русскую женщину не надо убеждать в необходимости семейной жизни, это сама собой разумеющаяся сторона её жизни. А вот мужчиной семейная жизнь осознается как нечто обременительное, и народная мудрость убеждает его в том, что это не

так, семейная жизнь имеет преимущества. Квинтэссенцией такого взгляда является пословица *Холостой — полчеловека*, т. е. полнота жизни человека проявляется именно в семье.

Ко второй группе относятся пословицы, характеризующие жену (38 единиц).

1. Пословицы, характеризующие внешние качества (1 единица).

1.1. Красота: «*Жена красавица — безочному (слепому) радость*».

2. Пословицы, характеризующие внутренние качества (35 единиц).

2.1. Пословицы, характеризующие положительные качества (12 единиц).

2.1.1. Доброта: «*С доброй женой горе — полгоря, а радость вдвойне*», «*Доброю женою и муж честен*», «*Добрую жену взять — ни скуки, ни горя не знать*», «*Добрая жена да жирные щи — другого добра не ищи*», «*Красна пава пером, а жена нравом*» (5 единиц).

2.1.2. Хозяйственность: «*Муж возом не навозит, что жена горшком наносит*», «*Без мужа голова не покрыта, без жены дом не крыт*», «*От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом*», «*Баба да кошка в избе, мужик да собака во дворе*» (4 единицы).

2.1.3. Ум: «*Умная жена, как нищему сума*».

2.1.4. Здоровье: «*На что мне корова, была бы жена здорова*».

2.1.5. Главенство: «*Жена мужа не бьёт, а под свой нрав ведёт*», «*Без жены как без шапки*», «*Муж задурит, половина двора горит, а жена задурит, и весь сгорит*» (3 единицы).

2.2. Пословицы, характеризующие отрицательные качества (23 единицы).

2.2.1. Общая характеристика свойств жены, т. е. плохая: «*От плохой жены состареешься, от хорошей помолодеешь*», «*У плохой бабы муж на печи лежит, а хорошая сгонит*» (2 единицы).

2.2.2. Неверность: «*Муж того не знает, что жена гуляет*», «*Мужнин грех за порогом остается, а жена всё домой несёт*», «*Муж по дрова, а жена со двора*», «*Муж в дверь ногою, а жена в окно и с головою*», «*Муж за хлеб да скатерть, а жена за избу да пляшет*», «*Жена поёт, а муж волком воет*», «*Муж в поле пахать, а жена руками махать*», «*Муж в голях, а жена в бусовых серьгах*» (9 единиц).

2.2.3. Злобность: «*Перед злой женой сатана — младенец непорочный*», «*Лучше жить со змеёю, чем со злою женою*», «*Лучше хлеб есть с водою чем жить со злою женою*», «*Лучше камень долбить, нежели злую жену учить*», «*Железо уваришь, а злой жены не уговоришь*», «*От пожара и от злой жены, боже, сохрани*», «*От злой жены одна смерть спасает да пострижение*», «*Все девушки хороши, а отколь берутся злые жёны*» (8 единиц).

2.2.4. Хитрость: «*Жена ублажает — лихое замышляет*», «*Нет в лесу столько поверток, сколько у бабы уверток*», «*Утро вечера мудренее, жена мужа удалее*» (3 единицы).

2.2.5. Сварливость: «*Сварливая жена — в доме пожар*».

Подавляющее большинство пословиц посвящено внутренним качествам жены, только одна говорит о красоте. Это свидетельствует о том, что для русского человека гораздо важнее внутренние свойства характера супруги, чем её внешность. Но интересно, что большая часть пословиц (23 из 35) посвящена отрицательным качествам жены.

Отрицательными свойствами являются неверность, злобность, хитрость, сварливость. Это свидетельствует, с одной стороны, о том, что для русского человека эти качества неприемлемы, а с другой стороны, отражает то, что является нормой: поскольку пословица говорит о неверности как об отрицательном свойстве, то, естественно, что нормой является верность; если злобность осуждается в пословицах, то надо полагать, что в сознании русского человека женщина — это носитель доброты.

Об этом можно сделать вывод, идя не только от противного, но и основываясь на пословицах, в которых говорится о положительных качествах жены. Среди них лидирующее место занимает доброта (5 пословиц из 15), умение главенствовать в семье, хозяйственность, ум и здоровье.

К третьей группе относятся пословицы, характеризующие мужа (20 единиц).

1. Пословицы, характеризующие положительные качества (6 единиц).

1.1. Муж — добытчик: «*От хозяина чтоб пахло ветром, от хозяйки дымом*», «*Баба да кошка в избе, мужик да собака во дворе*».

1.2. Защита дома: «*Мужéнек хоть всего с кулачок, да за мужниной головой — не боюсь никого*», «*Худ мой мужилка, а завалюсь за него — не боюсь никого*».

1.3. Главенство: «*Муж в дому, что глава на церкви*», «*Не петь куре петухом, не владеть бабе мужиком*».

1.4. Ум: «*У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана*».

2. Пословицы, характеризующие отрицательные качества (7 единиц).

2.1. Общая характеристика свойств мужа, т. е. плохой: «*Плохо стужа да нужа, а всё лучше худого мужа*», «*За плохим жить, только век должить*».

2.2. Неверность: «*Жена прядет, а муж пляшет*», «*Жена верховодит, так муж по соседям бродит*».

2.3. Ревность: «*За ревнивым мужем быть — не в корысти свою молодость износить*».

2.4. Глупость: «*У умного мужа жена выхолена, у глупого по будням затаскана*».

2.5. Лень: «*Жена мелет, а муж спит*».

3. Пословицы, характеризующие возраст мужа: «*За молодым жить весело, а за старым хорошо*», «*По старом муже молода жена не тужит*», «*Старого мужа соломкой прикрою, молодого сама отогрею*», «*Стар муж, так удушлив,*

молод, так не сдружлив», «*За старым жить — только век должить*», «*Старый муж ворчит — журит, раздевать, разувать велит*», «*От белого света отстану, а старого любить не стану*» (7 единиц).

Среди пословиц, характеризующих мужа, совершенно отсутствуют описывающие внешние качества, у женщин об этом идёт речь хотя бы в одной пословице.

Положительно характеризуют мужа добычливость, способность защитить дом, умение главенствовать, ум.

Из отрицательных свойств отмечается неверность, как и для жены, а также глупость и лень, не отмеченные в пословицах о жене.

Знаменательно количественное соотношение пословиц: жена — положительные качества — 12, отрицательные — 23; муж — положительные качества — 6, отрицательные — 7. Очевидно, что в русской крестьянской семье к жене предъявлялось намного больше требований, чем к мужу: женщина не только продолжательница рода и хранительница домашнего очага, именно она создает атмосферу дома, которая является стимулом, чтобы мужчина стремился защищать и оберегать семейные отношения.

Нельзя не отметить, что в пословицах, характеризующих мужа, 7 из 20 говорят о возрасте. Следовательно, возраст мужа является маркированным качеством, действительно, муж зачастую был намного старше жены. Причем в русской пословице этот факт в большинстве случаев оценивается отрицательно.

Четвертую группу составляют пословицы, характеризующие вдовство (12 единиц).

1. Пословицы, характеризующие вдову: «*Горькие проводы — жена мужа хоронит*», «*На вдовий плач глядя, и мужик убивается*», «*В девках приторно, в женах натужно, а во вдовьей чреде, что по горло в воде*», «*Шей, вдова, широки рукава, было б во что класть небылые слова*», «*Вдовицу бог бережет, а люди не берегут*», «*Сирая вдова — круглая*

сирота», «*Не дай бог возиться с монастырями, да со вдовами, да с малыми сирами*», «*На вдове жениться, что старые штаны надевать: не вошь, так гнида*», «*Вдову взять — спокойнее спать*», «*Не видал беды, кто не сватал молодой вдовы*» (10 единиц).

2. Пословицы, характеризующие вдовца: «*Вдовец — деткам не отец, а сам круглый сирота*», «*Возьми, вдовец, себе жену, а деткам мачеху!*».

Примечательна большая разница в количественном соотношении пословиц о вдове и вдовце. Очевидно, потеря супруга для женщины была большим испытанием, чем для мужчины. Но и овдовевший мужчина сравнивается с сиротой, следовательно, в русской ментальности муж и жена рассматриваются как родные, самые близкие люди.

Представления о браке, складывающиеся на основе тематической классификации пословиц, находят яркое подтверждение при анализе языкового материала.

В рассматриваемых паремиях ключевыми словами являются *семья* (*семейка*), *муж* и *жена*. Самые частотные — *жена*, повторяется 59 раз, причем оно употребляется в именительном падеже 31 раз, т. е. жена в этих контекстах выступает как субъект действия, выполняющий много работы, в винительном падеже — 15 раз; лексема *муж* повторяется 36 раз, в большинстве случаев *муж* выступает как субъект действия, что свидетельствует о его главенстве в семье, но это слово ни разу не употреблено в винительном падеже, таким образом, в роли объекта, на который направлено действие, выступает прежде всего жена. Эти слова употребляются также в уменьшительно-ласкательной форме: *женушка*, *мужененк*; с суффиксами, имеющими негативную окраску, не встретилось ни одного употребления. Этот факт свидетельствует о том, что у русского человека существует преимущественно доброжелательное, сердечное отношение к супругам.

Для наименования женщины используются также существительные *девушка*, *девка*, *красавица*, *баба*, *хозяйка*, *мачеха*, *вдова*. Интересен тот факт, что в пословицах о браке ни разу не употреблено слово *мать*, вероятно, потому, что оно означает главные статус и назначение женщины, что является само собой разумеющимся и не требует обозначения. Ситуация, когда женщина оказывается для детей неродной матерью, достаточно редкая и требует обозначения, но, заметим, слово *мачеха* встретилось только один раз.

Жена в пословицах сравнивается с домашними животными, такими как *кошка*, *корова*, *курица*, а также с представителем дикой природы *змеёй*. Это свидетельство того, что жена, с одной стороны, осознается как хозяйка дома, хранительница домашнего очага, ведь в мировосприятии русского крестьянина «*кошка* — домашнее животное, наделяемое в народных представлениях двойственной символикой ... Кошке присущи черты домашнего покровителя. Присутствие её в доме благоприятно сказывается на хозяйстве и скоте» [Славянская мифология 2002: 255]; «*корова* — наиболее почитаемое из домашних животных, требующее особой защиты от нечистой силы, ... корова — объект постоянной заботы» [Там же: 248]. С другой стороны, жена ассоциируется со змеёй, что свидетельствует о её характере, так как «*змея* — один из ключевых персонажей народной зоологии. ... Змея сочетает в себе мужскую и женскую, водную и огненную символику, отрицательное и положительное начала. ... Она ядовита и целебна; нечистая тварь, источник зла и в то же время наделяется целебной силой» [Там же: 187].

Для наименования мужчины в пословицах используются существительные *мужик*, *мужилка*, *хозяин*, *глава*, *отец*, *вдовец* и субстантивированные прилагательные *холостой*, *одинокий*, *женатый*. Слова *хозяин*, *глава*, *отец* подчеркивают главенствующую роль мужчины, его высокий социальный статус, субстантивированные прилагательные характеризуют его по отношению к семейной жизни. Заметим, что

ни в одной пословице не говорится о том, что женщина может быть одинокой или замужней, т. е. замужество женщины является само собой разумеющимся фактом, тогда как мужчине жениться вроде бы как и необязательно или его надо в этом убеждать, поэтому встречаются слова *холостой*, *одинокий*.

Как и жена, муж сравнивается с домашними животными: *собакой*, *петухом* и *гусем*, но здесь прослеживаются уже другие функции, ведь мужчина — это прежде всего защитник, хранитель дома. Тем не менее он неразлучно связан с женой, недаром жена сравнивается с кошкой, а муж с собакой, ведь в русском языковом сознании «*собака* — животное, ... часто выступающее в паре с кошкой. Собака и кошка часто объединяются или, наоборот, противопоставляются друг другу. ... Собаку и кошку роднят черты домашнего покровителя» [Там же: 440]. Муж сравнивается и с диким зверем — *волком*, который в мировосприятии русского человека понимается как «одно из мифологизированных животных. В народной трактовке близок медведю и другим хищникам и тесно связан с собакой» [Там же: 86].

При характеристике жены и мужа встречаются соматизмы, причем, когда речь идет о жене, употребляются соматизмы *голова*, *горло*, *руки*, а когда речь идет о муже — *ноги*, *кулак*. Это тоже свидетельствует о свойствах, качествах и действиях каждого из супругов. Жена осознается думающим, говорящим, что-то делающим человеком, а муж — добытчик (ср. *волка ноги кормят*) и защитник семьи.

По частотности употребления частей речи в рассматриваемых пословицах второе место после существительного занимает глагол. Взаимоотношения мужа и жены обозначают такие глаголы, как *любить*, *жить*, *браниться*. Заметим, что преобладают всё же глаголы, обозначающие физические действия. В менталитете русского человека жизнь ассоциируется с постоянным движением, действием, которое так или иначе связано с работой. При этом большее количество глаголов,

связанных с физическим трудом, использовано для обозначения действий, выполняемых женой. Сравним: жена *шьет*, *прядет*, *носит*, *молотит*; муж *пашет*, *возит*, *долбит*. Хотя все эти глаголы обозначают действия, связанные с выполнением какой-либо работы, у них есть некоторое различие: глаголы, обозначающие действия жены, связаны с ведением домашнего хозяйства, муж же выполняет тяжелую физическую работу.

Несмотря на тяготы повседневной жизни, супруги находят время и для отдыха, в пословицах встречаются глаголы *гулять*, *плясать*, *махать*, *бродить*.

Среди глаголов, обозначающих действия, направленные на жену, самым употребляемым является глагол *бить*, в паремиях он повторяется 8 раз. Это дает основание полагать, что женщина в крестьянской семье занимала положение не только беспрекословной работницы, но была и объектом постоянного физического воздействия со стороны мужа. Наряду с глаголом *бить* употребляются также глаголы физического воздействия *расшибить*, *трясти*, *обойти*. В значении ‘бить’ употребляется и глагол *учить* — пословицы свидетельствуют, что по отношению к женщине битьё осознавалось как своеобразное обучение жизни, воспитание, наставление.

Жена, не имея силы, как у мужчины, по-другому проявляет своё преимущество, она воздействует на супруга на моральном уровне, о чем свидетельствуют глаголы *дурить*, *замышлять*. Очевидно, что жена с помощью хитрости, ласки, свойственных ей, воздействует на супруга ничуть не меньше, чем он на неё физической силой. Отсюда и глаголы *верховодить*, *владеть*, которые употребляются только для обозначения действий, совершаемых женой.

Знаменательно, что только для обозначения действий, выполняемых мужем, используются глаголы *есть*, *пить*, *спать*. По отношению к жене эти глаголы не употреблены ни разу. Напрашивается вывод: поскольку мужчина выполняет

тяжелую физическую работу, то необходимость и питаться, и утолять жажду, и отдыхать для него важнее. Так опосредованно проявляется гораздо более низкий статус женщины в семье. Об этом же свидетельствуют глаголы, обозначающие действия, направленные на мужа: *раздевать*, *разувать*, *ублажать*. Эти действия выполняет жена. Русское языковое сознание удостоверяет, что жена должна заботиться о муже, ухаживать за ним, холить и лелеять.

Только один глагол называет процесс, который выполняет и жена, и муж, и семья в целом, — *жить*. В представлении русского человека муж и жена связаны неразлучно и выступают как единое целое.

Существенное значение для понимания народного взгляда на супружество имеют и прилагательные. Для характеристики жены используются слова, как положительно оценивающие её (*добрая*, *умная*, *хорошая*, *молодая*, *непорочная*), так и отрицательно (*злая*, *плохая*, *сварливая*). При этом наблюдается явное противопоставление качеств, которыми обладает жена: *добрая* — *злая*, *хорошая* — *плохая*. Важно заметить, что эти прилагательные являются и самыми употребительными в рассматриваемых пословицах.

Прилагательные, характеризующие мужа, также имеют противоположное значение: *умный* — *глупый*, *молодой* — *старый*, *плохой* — *хороший*. Самое частотное среди них — *старый*.

Таким образом, жена воспринимается русским человеком двояко: с одной стороны, женщина наделена положительными качествами и характеризуется как хорошая хозяйка, добрая, умная, здоровая женщина, продолжательница рода, с другой стороны, жена имеет массу негативных качеств, она предстает плохой, злой, сварливой женой. Муж имеет больше негативных качеств, нежели положительных, особо подчеркивается возраст — *старый*. Выход замуж за старого мужа оценивался отрицательно, недаром *старый муж* в пословицах характеризуется как *ворчливый*, *удушливый*.

Формы синтаксической организации пословиц, посвященных семье и семейным отношениям, весьма разнообразны, используются практически все основные схемы предложений живого русского языка.

1. Простое предложение — 25 пословиц.
   1.1. Односоставное предложение — 10.
      1.1.1. Определенно-личное предложение — 6.
      1.1.2. Неопределенно-личное предложение — 2.
      1.1.3. Безличное предложение — 2.
   1.2. Двусоставное предложение — 15.
2. Сложное предложение — 67 пословиц.
   2.1. Сложносочиненное предложение с противительным значением — 28.
   2.2. Сложноподчиненное предложение — 17.
      2.2.1. С придаточным определительным — 1.
      2.2.2. С придаточным изъяснительным — 2.
      2.2.3. С обстоятельственными придаточными — 14:
         — с придаточным сравнения — 9,
         — с придаточным сопоставления — 2,
         — с придаточным меры и степени — 1,
         — с придаточным условия — 1,
         — с придаточным следствия — 1.
   2.3. Бессоюзное предложение — 22.
      2.3.1. Со значением противопоставления — 8.
      2.3.2. Со значением сопоставления — 8.
      2.3.3. Со значением следствия — 2.
      2.3.4. Со значением цели — 1.
      2.3.5. Со значением последовательности — 1.
      2.3.6. Синкретичные условно-следственные отношения — 2.
3. Сложная синтаксическая конструкция — 6 пословиц.

Таким образом, в пословицах, посвященных семье и семейным отношениям, преобладают сложные конструкции.

Пословиц с конструкцией простого предложения относительно немного. Они употребляются прежде всего при ха-

рактеристике хороших семейных отношений, как бы констатируя их наличие, но не разворачивая мысль.

Двусоставные предложения представлены в большем количестве по сравнению с односоставными. Пословицы с такой синтаксической конструкцией характеризуют, главным образом, жену, причем нередко простые предложения осложняются однородными членами, что необходимо для полного раскрытия как положительных, так и отрицательных качеств жены.

Среди односоставных предложений большую часть составляют определенно-личные, причем сказуемое в них выражено непременно глаголом 2-го лица единственного числа, т. к. объектом обращения, высказанного в пословице, выступает муж. Пословица пытается обратить внимание мужчины на его действия, поступки, зачастую направленные на жену.

В неопределенно-личных предложениях объектом выступают и муж, и жена как единое целое.

Безличные предложения в анализируемых пословицах употребляются мало: представляя действия-состояния вне их отношения к лицу, они обладают меньшими конструктивными и выразительными возможностями в структуре пословиц.

Итак, в пословицах, характеризующих хорошие семейные отношения, наблюдается равное соотношение простых и сложных конструкций. Хорошие отношения не требуют сложного развернутого обоснования. Пословицы, характеризующие плохие отношения, напротив, представлены чаще сложными конструкциями, т. к. в этом случае необходимо объяснить суть отношений, показать их характер, для чего необходимы высказывания с несколькими предикативными центрами, в том числе и придаточные предложения.

Среди сложных предложений большую часть составляют сложносочиненные конструкции исключительно с противительным значением. Синтаксические конструкции такого рода, с одной стороны, отражают неразрывную связь супругов, т. к. характер отношений между ними выражается сложным

предложением, представляющим единое целое, но, с другой стороны, мужское и женское начало в русской семье противопоставлены, что и выражается синтаксически в противительных отношениях в сложном предложении.

Сложноподчиненные предложения представлены более разнообразными конструкциями. Больше всего пословиц, имеющих эти конструкции, характеризуют жену. Это связано с тем, что женщина в семье имела множество обязанностей, о которых говорится в придаточных предложениях. Кроме того, много пословиц посвящено негативным качествам жены, что также требует своего рода разъяснения, описания, для чего и используются придаточные предложения разного типа.

Бессоюзные предложения также представлены довольно разнообразными конструкциями. Интересно отметить, что только в бессоюзных предложениях встречаются синкретичные отношения, причем они используются для характеристики и жены, и мужа.

Синтаксический анализ приводит к убеждению, что пословица, несмотря на ограниченность форм, традиционно закрепившихся за нею, оказывается чрезвычайно емкой и способной охватить широкий диапазон значений и их оттенков.

Семантический, лексический и синтаксический анализ пословиц, посвященных семье и семейным отношениям, позволяет увидеть, что пословица раскрывает взгляд русского человека на брак, констатирует нормы семейных отношений, характеризует статусное положение каждого из супругов, реалистично отображает житейские противоречия в семейной жизни.

Литература

Аникин В. П. К мудрости ступенька: О русских песнях, сказках, пословицах, загадках, народном языке. Очерки. М.: Детская литература, 1988. 176 с.: ил.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. XXVIII, 992 с.

Славянская мифология: Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. / [Редкол.: С. М. Толстая (отв. ред.), Т. А. Агапкина, О. В. Белова, Л. Н. Виноградова, В. Я. Петрухин]. М.: Международные отношения, 2002. 512 с.: ил.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 142–152. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201812

Наименования печи и ее элементов в русских говорах на территории Республики Мордовия

Л. Н. Денисова

В статье рассматривается диалектная лексика, обозначающая наименование печи и ее элементов, особенности использования лексических и фразеологических единиц в русских говорах Республики Мордовия. Представлены синонимические ряды диалектизмов, характеризующих устройство печи и ее функции. Анализ диалектного материала позволяет понять традиционную народную культуру русского человека, проживающего на территории Мордовии.

Ключевые слова: диалектная лексика, печь, синонимические ряды, наименование, значение.

Изучение материала различных говоров позволяет описать диалектную картину мира и представить ее во всем территориальном многообразии. Анализ диалектного материала приближает исследователей к пониманию особенностей культурно-исторического развития русского народа и дает возможность составить более полную картину представлений о народной жизни. Анализируя специфику жилых и хозяйственных построек, особенности крестьянского быта, исследователи отмечают исключительную важность печи [Паникаровская 1984; Шубина 2004; Киселева 1998 и др.]. Как и на других территориях России, в Республике Мордовия печь являлась обязательным предметом обихода в русском жилище: она обогревала избу, в ней готовили еду, пекли хлеб, на печи спали в холодное время; горячие кирпичи были незаменимым средством при лечении простудных заболеваний [Народы Мордовии 2012: 62]. В традиционной народной культуре сохранилась информация о многочисленных функциях пе-

чи в доме русского человека. По словам исследователей, основные разновидности печи были связаны со способом топки избы (с трубой или без трубы) и характером используемого для постройки материала (глина или кирпич). Топливом для печей были дрова и самодельный кизяк.

В русских говорах Республики Мордовия зафиксировано несколько видов печей в зависимости от их функциональности. Для наименований русской печи представлены немногочисленные диалектизмы типа ***ко́жу́х***, ***кашла́нка***, ***су́шка***; печь в бане может называться ***кожу́к***. Ср: *Я фсё боли нъ къжухе сплю, этъ печкъ, кажух-тъ* (Пушкино, Ромодановский р-н). *У нас в бани-тъ печьку къжуком завут* (Стародевичье, Ельниковский р-н). Несколько наименований имеет небольшая железная печка, буржуйка, или времянка: ***вагоне́тка***, ***го́хман***, ***тача́нка***, ***туту́р***, ***угля́нка***, ***че́инка***, ***чиге́нка***, ***чие́нка*** (***чиёнка***) и т. п. Различные названия находим даже в речи жителей одного населенного пункта. Например: *А мы па-разнъму их нъзывам, печьки-тъ: въганеткъми, углянкъми, чюгункъми, чиенкъми. Въганетку мы толькъ зимой топим* (Ивановка, Ромодановский р-н). Следует заметить, что иногда наименование печи зависит от названия вида топлива. Так, ***угля́нка*** обозначает ‘железная печка, которую топят углем’. Например: *Зътапилъ углянку, а дым как пашол!* (Ивановка, Ромодановский р-н).

Преимущество небольших железных печек было в том, что для обогрева дома в зимнее время дров использовалось немного, так как железная печь нагревалась быстрее, например: *Зимой-тъ нас тачянкъ спасалъ. С тачянкъй-тъ типлей. Нъ тачянку чюгун ставили* (Большое Чуфарово, Ромодановский р-н). *С тутуръм хърашо. Как холъднъ, так ы затопиш* (Тепловка, Кочкуровский р-н).

В летнее время года временную печку чаще всего ставили на огороде или во дворе; на ней варили корм скоту или грели воду: *Воду-тъ грели фсё на чеинкъх. У нас чеинкъ нъ дваре стаялъ летъм* (Трофимовщина, Ромодановский р-н).

Нъ тутурки-тъ мы скатини корм варим (Тепловка, Кочкуровский р-н). *Скатинъ-тъ у нас многъ, чиянку два разъ таплю* (Владимировка, Лямбирский р-н). В наших материалах встретилась лексема ***пра́чка*** для обозначения небольшой летней печки: *Ф прачки картошку варим, воду кипитим* (Софьино, Ельниковский р-н). *Лёнь, ф синях прачькъ, приниси, варить щи на сорък чилавек надъ* (Кучкаево, Большеигнатовский р-н).

Наряду с традиционными печами на территории Мордовии повсеместно в домах имелись комнатные печки голландки, которые строились из кирпича. Такие печки начали появляться позднее, когда стали строить пятистенные дома или пристраивать к домам дополнительные комнаты, требующие дополнительного отопления. Для наименования голландской печи в исследуемых говорах чаще всего используется диалектное слово ***подто́пок*** (***подто́пка***), реже встречаются другие диалектизмы, типа ***цыге́йка***, например: *Голанку поттопкъй звали* (Куракино, Ардатовский р-н). *Многъ дроф надъ: и печки зимой топим, и паттопки* (Софьино, Ельниковский р-н). *В диривнях-тъ бътареиф нету, мы цыгейку топим* (Горяйновка, Кочкуровский р-н). Голландская печь, дверца которой герметически закрывается винтом, в русских говорах Мордовии называется ***винто́вкой***; лексема ***фи́нка*** обозначает голландку, устроенную на финский лад: с дымоходами, проходящими по бокам. Например: *Винтофкъф в диревни малъ, фсё большы паттопки* (Болтино, Ромодановский р-н). *Ф финку любые драва клади, хъш сырыи, фсё згарит* (Марьевка, Торбеевский р-н).

В наших материалах имеется несколько наименований кирпичных печей для отопления, иногда с лежанкой, типа ***гру́бка***, ***гру́дка***, например: *Каторъ ис кирпичей — групкъ, жылезнъ — та кътраманкъ* (Марьяновка, Большеберезниковский р-н). В ходе анализа диалектного материала были выявлены лексемы типа ***лежа́нка***, ***оча́г***, ***горе́лка*** со значением ‘небольшая печь в избе, служащая для дополнительно-

го отопления зимой; иногда в нее вделана плита, на которой готовят пищу’, например: *Надъ лижанку бы пъттапить, холъднъ сталъ* (Веденяпино, Теньгушевский р-н).

В диалектных материалах представлен процесс возведения русской печи. Так, сначала печники кладут деревянное основание, имеющее в русских говорах Мордовии несколько наименований: ***ле́жень***, ***лежни́к***, ***обе́чка***, ***опе́чек***, ***под*** и т. п. Например: *Фчара зделъли абечку, а нынчы печ начнут класть* (Вырыпаево, Ромодановский р-н). Обычно деревянное основание русской печи красили, чтобы защитить от сажи и грязи. Например: *Вань, лежни-тъ гълубой краскъй пакрась* (Башкирцы, Теньгушевский р-н). *Ты большъ заслон к апешнику ни стафь, а то весь апешник сажъй извачъкъш* (Каймар, Краснослободский р-н).

Довольно многочисленны диалектизмы, обозначающие пространство под русской печью, подпечек, куда обычно складывали домашнюю утварь: ***батма́р***, ***ле́жень***, ***казёнка***, ***камо́рка***, ***подла́з***, ***подма́р***, ***подма́рк***, ***подма́рка***, ***подпе́чка***, ***потма́рка***, ***растру́б*** и т. п. Чаще всего это пространство служило для хранения ухватов, кочерег и т. п. Например: *Раньшъ у фсех пицэй были лежни. А в лежни-тъ у нас фсяво пално: там и драва складъвъм, и къцырёшки* (Елизаветинка, Большеберезниковский р-н). Под печью могли хранить чугуны, кастрюли, сковородники; иногда в холодное время года там же держали мелкий скот и птицу, например: *В нынишню зиму куры ни мёрзли, а то бывалъ то адну даржу в раструби, то другу* (Куликово, Теньгушевский р-н). *Пърасёнкъ купили, ну и даржали в батмари* (Дмитриев Усад, Атюрьевский р-н).

Такое пространство под печью могло быть разным по размеру: обычно было узким, в некоторых домах оно могло быть шире, о чем свидетельствуют примеры: *У нас падмыр был ускъй, пралесть мок толькъ рабёнък* (Монастырская 2-я, Лямбирский р-н). *У нас падмаркъ бальшая, и пълажыть кой-чё можнъ туды. — И у миня тожъ, и лук нъ*

симяна ф карзинки ф падмарки храниццъ, дъ и так сё разнъ мелъчь там (Грачевник, Краснослободский р-н).

В наших материалах имеются лексемы, обозначающие ‘углубление в наружной стене печи, куда кладут мелкие вещи для просушки (носки, рукавицы и т. п.)’. Практически повсеместно на территории Республики Мордовия для обозначения такого углубления используется диалектное слово ***печу́рка***, встречаются и другие наименования типа ***столбу́шка***, ***печу́рок***, ***батма́рка*** и т. п. Например: *Палош цулки ф сталбушку, там высъхнут* (Бугро-Ключи, Старошайговский р-н). *Махоркъ твая в батмарки* (Новоямская Слобода, Ельниковский р-н). Несколько диалектизмов типа ***горнушка***, ***корну́шка***, ***печу́рка*** и т. п. обозначают ‘небольшое углубление в печной стене для спичек, мелких вещей’. Например: *Спичъки в гарнушки вазъми* (Сумаруково, Ромодановский р-н).

Как правило, дома русских на территории Мордовии были небольшие по площади, причем пол-избы занимала печь, поэтому все свободное пространство вокруг печи использовали для разных целей. В русских говорах Мордовии особое название имеет пространство между стеной и русской печью (обычно между задней стенкой русской печи и стеной дома): ***заку́то́к***, ***запе́чек***, ***запе́чье***, ***руча́т***, ***чело́***, ***шалма́н*** и т. п. Например: *Ф шалмани ставют кравать или коник, если уместиццъ. А нет, то ф шалмани вешъют адёжу. Нъ шалман вешъли зънавеску, штобы ничяво ни виднъ былъ* (Петровка, Дубенский р-н). *Мы в запечик обуфь ставим. Там ни мишат и ни виднъ* (Тазино, Большеберезниковский р-н). *В запечъки казлят привязывъли* (Рязановка, Старошайговский р-н). Кроме того, лексема ***казёнка*** обозначает ‘пространство между русской печью и стеной, иногда загороженное, куда зимой помещают молодой скот’. Например: *Зимой, када хъладно, тялка ф казёнки доржым* (Шаверки, Краснослободский р-н). Иногда одно и то же название служит для наименования различных частей русской печи. Так,

лексема ***казёнка*** также обозначает ‘деревянные нары для спанья между русской печью и стеной; под ними зимой помещался молодой скот’. Например: *Мы-тъ нъ казёнки спали, а пад нами тиляты дъ ягняты нъ палу* (Ключарёво, Рузаевский р-н). Такое пространство может быть обозначено фразеологизмами типа ***тёмный у́гол***, ***запе́чный ход*** и т. п. Например: *Мам, ты не знаш, где мое туфли? — Пъсмотри ф тёмнъм углу, туда я их вроди клала* (Ведянцы, Ичалковский р-н).

Для наименования пространства между стеной и дымоходом русской печи используются диалектные слова ***горнушка***, ***горн***, ***запе́чник***, ***кужу́к*** и т. п. Например: *Горн слажыли ис краснъвъ кирпичя* (Соколов Гарт, Чамзинский р-н). *А нъ горнушку-тъ лук кладём, коли мокрый* (Большие Поляны, Ардатовский р-н). *Валинки-тъ пълажы ф кужук. Ф кужуке-тъ мы и драва сушым* (Петровка, Большеберезниковский р-н).

В исследуемых материалах представлен синонимический ряд лексем со значением ‘углубление сбоку шестка русской печи, куда загребают угли’: ***за́дорга***, ***жарну́шка***, ***горнушка***, ***загнёт***, ***загне́тка***, ***заза́сторонка***, ***за́сторона***, ***за́сторонка***, ***за́сторонок*** и т. п. Кроме того, такое углубление может служить для хранения чугунов, кастрюль и т. п. Например: *Пецы фсе з застърънкими делъют, с ними удобний, есть куда што пълажыть. Мы в застърънки-тъ сё угли зъгрябаим* (Ефаево, Краснослободский р-н). *Угли-тъ ръзгриби па застърънкъм и стафь чюгунки* (Гумны, Краснослободский р-н). *Драва маненькъ пръгарят, и тады жар-тъ в застърънку выгриби, а то как бы пираги ни згарели* (Шаверки, Краснослободский р-н).

Русская печь служила местом для сна чаще всего пожилых людей и детей. Несколько диалектных слов обозначает верхнюю часть русской печи; Таковы лексемы ***корну́шка***, ***за́дорга***, ***ко́жу́х***, ***стлань*** и т. п. Например: *Дет спит нъ карнушки* (Хилково, Торбеевский р-н). В русских говорах

Мордовии имеется несколько названий передней верхней части русской печи: ***ко́жу́х*** (***кожу́к***), ***коше́ль***, ***напы́льник***, ***рунду́к*** и т. п. Обычно использовали названную часть печи для просушки чего-либо (обуви, семян и т. п.); ***за́дрожка*** обозначает ‘край верхней части русской печи’. Например: *Ад жърила дъ трубы кашэль-тъ* (Большой Азясь, Ковылкинский р-н). *Иш как нъ пичи устроился: голъву к стенки, ноги нъ рундук* (Моревка, Большеигнатовский р-н). *Я на задръшки пълежу, а то дальшъ-тъ жаркъ* (Горки, Большеигнатовский р-н).

В русских говорах Республики Мордовия ряд лексем типа ***лежа́нка***, ***дры́дорга***, ***за́дорга***, ***за́дрожка***, ***за́дрыга***, ***при́толока***, ***приче́линка*** (***прице́линка***) и т. п. используется со значением ‘деревянная планка, прибиваемая к краю русской печи; за нее держатся, когда влезают на печь’. Например: *Уцыпасси за задъргу и нагами нъ приступък, а патом на печьку* (Кулишейка, Рузаевский р-н). *Как влазию на печку, так зъ прицэлинку держусь* (Красный Яр, Теньгушевский р-н).

Рядом с печью устанавливали небольшую скамью или приступок, с помощью которых поднимались на печь. Нами зафиксированы лексемы ***приле́пка***, ***поро́г***, ***кут*** и т. п. Например: *Прыгниш бывалъ на кут, а патом на печьку, а с печьки апять на кут* (Сиалеевский Майдан, Инсарский р-н). Кроме того, в наших материалах имеются диалектизмы ***казёнка***, ***порог***, ***у́печь*** и т. п. со значением ‘лавка, лежанка у печи’. Например: *Дет зимой на упичи сидел и лапти плёл, а как солнышкъ пригрет — нъ завалинки* (Рязановка, Старошайговский р-н). *Ныни ни у каво уш нет казёнки, так уш печьки ни кладут. Кто сичяс знат казёнки?* (Большое Чуфарово, Ромодановский р-н).

Внутренняя часть русской печи, куда закладываются дрова, имеет несколько наименований в исследуемых говорах: ***чело́***, ***челу́шка***, ***шкату́лка***, ***духо́вка*** и т. п. *Ф чиле стаит суп, вынь яво и паеш* (Гуляево, Ичалковский р-н).

Вот сичяс драва в духофку пълажу и пъгъварим (Яковщина, Рузаевский р-н). Традиционно в печи готовили пищу, сушили грибы, ягоды, траву, при этом выдерживали определенную температура в печи, имевшей особые названия: фразеологизм ***во́льная пе́чка***, лексема ***пе́рша*** и т. п. использовались для обозначения недавно истопленной русской печи с закрытой трубой, иногда освобожденной от горячих углей, пепла или золы, например: *Хлебы нъ паду в вольнъй печьки пякла* (Усыскино, Инсарский р-н). *Щи в вольну печьку паставилъ* (Троицк, Ковылкинский р-н). *Паставлю в вольну печьку грибы пъсушыть* (Ожга 2-я, Старошайговский р-н).

В исследуемых говорах несколько диалектизмов функционируют со значением ‘свод русской печи’: ***жерело́***, ***свинья́***, ***сво́ды*** и т. п., лексема ***нёбо*** имеет значение ‘верхняя часть свода русской печи’. В следующем контексте приводится описание частей печи: *Печкъ кладёццъ, ложыццъ свинья — этъ свот. Потом нъ свинье кладёццъ боръф — этъ стояк, пъ нёму дым проходит* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Для наименования устья русской печи используются лексемы ***жерело́***, ***ко́жу́х***, ***хайло́*** и т. п. Например: *Дым ис печьки чирис хайло ф трубу пъпадат — вот пъчиму хайло фсигда ф сажъ* (Кулишейка, Рузаевский р-н). Над устьем печи при строительстве традиционно выкладывали выступ.

Довольно многочисленный синонимический ряд представлен лексемами, обозначающими ‘выступ (узкий выступ) над устьем русской печи’: ***ко́жу́х***, ***колпа́к***, ***лежа́нка***, ***напы́льник***, ***пле́чико***, ***приче́линка***, ***рубе́жка***, ***рубежо́к***, ***рубе́чик***, ***стамичо́к*** и т. п. Например: *У каво нету причелинки, и печь-ат как коръп, ни смотриццъ, а с причелинкъйти пъкрасифша* (Петровка, Дубенский р-н). Такой выступ предназначался обычно для хранения спичек, лучин, т. е. предметов, способствующих разжиганию огня в печи. Например: *Вот выступ нът чалом, вот те и калпак* (Красногорное, Чамзинский р-н). *Напыльник-тъ узинькъй, нъ няво,*

крамя спичик и мыла, ничяво ни паложыш (Челмодеевский Майдан, Инсарский р-н).

Заметим, что для обозначения выступа в верхней части голландки используются другие диалектизмы: ***брусо́к***, ***фли́нтуз*** и т. п. Например: *Стали галанку делъть, а я и гъварю: «Ты мне флинтус павышы зделъй». А уш как мне флинтуза нравюццъ* (Новая Карачиха, Ромодановский р-н).

Перед устьем русской печи обычно находилась площадка, шесток, имеющая в русских говорах Мордовии такие наименования, как ***загне́тка*** (***загнё́тка***), ***шо́стка*** и т. п. Например: *Ты, када драва паткладывъш, нъ загнетку стили атымалку, а то виш какеи рукава стали* (Куликово, Теньгушевский р-н). Сбоку шестка русской печи имелось углубление, которое называлось ***скула́***, ***чело́***, ***загне́тка*** и т. п. Например: *Дъставай цугун с кашъй дъ стафъ ф цало, штоб астудилси* (Софьино, Ельниковский р-н). Над устьем русской печи обычно располагалась перекладина для сушки дров, которая называлась ***напы́льник***, ***наче́льник*** и т. п. Например: *Наложым полън напыльник дроф, сушым. Ани удобны, напыльники-тъ, на них драва сушуццъ зимой и в дощ* (Стрелецкая Слобода, Рузаевский р-н).

В русских говорах Мордовии зафиксировано несколько наименований заслонки в русской печи: ***сковорода́***, ***посторо́нок***, ***ко́жу́х***, ***закры́шка***, ***загне́тка***, ***закро́й***, ***заслоо́нок*** и т. п. Например: *Аль загнетку никада ни видали? Вон жылезный лист с ручкъй, печку им зъкрывам* (Виндрей, Торбеевский р-н).

Многочисленными являются диалектизмы, обозначающие печные трубы. В исследуемых говорах со значением ‘дымоход русской печи’ используются такие лексемы, как ***колпа́к***, ***го́рло***, ***жерело́***, ***ко́жу́х***, ***рука́в***, ***чело́*** и т. п. Например: *Раньшъ-тъ кълпакоф и гарнушкъф не былъ, па-цорнъму тапили* (Никольское, Торбеевский р-н). *Бальшоя жырило, дъ дым захлёстывът в ызбу, пишник какой-тъ нисрушный клал печьку-ту* (Нижняя Вязера, Инсарский р-н). Дымовая

труба на крыше дома называлась ***вьюшка***; прямой участок печной трубы, идущий от борова и поднимающийся над крышей, ***дигель*** (***дигиль***); часть дымохода русской печи от потолка до крыши называлась ***кошель***. Например: *Печкъ гатовъ уш, пичник нынчы кашэль даложыт* (Кушки, Темниковский р-н). *Дигель ръзвалилси, с крышы упал уш верх-тъ* (Заречное, Краснослободский р-н).

В доме обычно выводили часть дымохода, соединяющую голландку с русской печью. Нами зафиксированы лексемы ***рукав***, ***шейка*** и т. п. с указанным значением. Например: *Жылезный рукаф съидинят паттопък с печью, патом дым идёт в адну пичьную трубу* (Скрябино, Лямбирский р-н). Для обозначения верхней части голландки, от которой идет труба, используется диалектное слово ***чехол***, например: *Чяхла щи нъ галанки ни склали* (Кушки, Темниковский р-н).

Для сохранения тепла в доме необходимо было вовремя закрыть отверстие в печной трубе, а перед тем, как затопить печь, следовало его открыть, отодвинув задвижку. В исследуемых говорах диалектизмы со значением ‘задвижка, закрывающая отверстие в печной трубе, или вьюшка’, являются довольно многочисленными: ***латка***, ***закрой***, ***загнетка***, ***баран***, ***засов***, ***колпак***, ***нахлобучка***, ***нахлучка***, ***ствола*** и т. п. Например: *Трубу зъкрывам засовъм. Засоф бывaт жылезный* (Софьино, Ельниковский р-н). *Кълпаком трубу зъкрывают, штоп тяпло былъ* (Лухменский Майдан, Инсарский р-н). *Ой, я драва-тъ ръзажгла, а баран-тъ забылъ атадвинуть* (Марьевка, Торбеевский р-н).

Анализ лексических и фразеологических единиц русских народных говоров является действенным средством описания значимого фрагмента языковой картины мира. Сегодня традиционное жилище русских на территории Республики Мордовия претерпело значительные изменения, связанные с современным жизненным укладом. Строятся дома повышенной комфортности, меняется внутренняя планировка жилища; в связи с этим диалектная лексика и фразеология,

обозначающая печь и ее части, является уникальным материалом для этнокультурного исследования жизни русского населения, проживающего на территории Республики Мордовия.

Литература

Киселева Г. В. Русская печь как явление духовной культуры // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 1995. СПб: Изд-во ИЛИ РАН, 1998. С. 73–76.

Народы Мордовии: историко-этнографическое исследование / Л. И. Никонова [и др.]; под ред. В. А. Юрченкова, Л. И. Никоновой. Саранск, 2012. 608 с. + 80 л. вкл.

Паникаровская Т. Г. Названия реалий крестьянского быта в вологодских говорах: (русская печь и ее части) // Эволюция лексической системы севернорусских говоров: сборник статей / Отв. ред. Ю. И. Чайкина. Вологда: ВГПИ, 1984. С. 20–25.

Шубина Н. Г. Наименования жилых и хозяйственных построек в говоре села городище Старооскольского района Белгородской области: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Елец, 2004. 22 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 153–162. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201813

Основания номинации в диалектной микросистеме названий человека (на материале говоров Омской области)

Л. Н. Донина

В статье рассмотрены названия человека в старожильческих русских говорах Омской области, представленные в соответствии с теми основаниями номинации, которые, судя по языковому материалу, выделяются носителями этих говоров как наиболее важные и даже обязательные: по роду деятельности; социальному, экономическому положению; по возрасту; родственным, семейным отношениям; по национально-культурной; религиозной принадлежности. Основанием номинации могут быть также факультативные, ситуативные признаки, в этих случаях человек номинируется как участник какого-либо события, как обладатель физического недостатка или примечательной внешности, но чаще всего основой номинации этого типа является указание на какие-либо черты характера, личные качества, сопровождающееся оценочным компонентом значения.

Ключевые слова: наименования человека, основание номинации, русские старожильческие говоры Омской области.

Программа ЛАРНГ предлагает основные направления собирания лексики по важнейшим темам (в том числе и по теме «Человек»), которые должны способствовать созданию комплексного представления в Атласе русских народных говоров. Говор конкретной местности по-своему отражает эти универсальные критерии, оставляя какие-то «клетки» схемы практически не заполненными диалектными словами, в каких-то, наоборот, концентрируя большой объем диалектных номинаций. Поэтому представляется возможным выделить те критерии наименования человека, которые дикту-

ются самим языковым материалом. В говорах Омской области зафиксированы особые названия человека (см. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья — СРСГСП; сплошная выборка). Диалектные номинации человека основаны на различных сторонах его личности и деятельности. Поскольку в фокус наименования попадает всегда только определенный параметр личности, анализ самих аспектов характеристики лица дает представление о том, что в мировоззрении изучаемого социума выделяется в качестве наиболее ценного.

Первые две позиции «примерной структурации микросистемы антропонимов» в русском литературном языке занимают лексемы, которыми называется «человек, характеризуемый по его трудовой деятельности», и «человек, характеризуемый как специалист какой-либо отрасли знаний или практической деятельности» [Роль человеческого фактора в языке 1988: 126]. Говоры Омской области основывают номинации на тех же двух основных критериях: ***балага́нщик*** ‘циркач’, ***ба́тька*** ‘священнослужитель’, ***карау́льник*** ‘сторож’, ***колдо́вка***, ***колёсник***, ***коного́н***, ***конопа́рь*** ‘тот, кто конопатит’, ***копново́з***, ***кора́бщик*** ‘матрос’, ***корми́льщик***, ***кормови́к*** ‘рулевой’, ***корчажни́ца*** ‘женщина, изготовляющая глиняную посуду’, ***кра́сельщик*** ‘мастер по крашенью одежды’, ***кулду́н***, ***куря́тница*** ‘работница птичника’, ***ле́ка́рка*** ‘знахарка; женщина-врач’, ***лёново́д***, ***лёново́дка***, ***ложка́рь***, ***ломовщи́к*** ‘ломовой извозчик’, ***мётальщик***, ***мётчик*** ‘тот, кто мечет стог, скирду и т. п.’, ***моди́стка***, ***молока́н*** ‘работник молокозавода, принимающий молоко у населения’, ***музука́нт***, ***музыка́нщик***, ***мы́тница*** ‘посудомойка’, ***мя́тница*** ‘женщина, занимающаяся мятьём льна’, ***надсмо́трщик*** ‘воспитатель’, ***нори́льщик*** ‘человек, который продвигает невод подо льдом’, ***овча́рка*** ‘женщина-овцевод’, ***отделе́нщик***, ***отдели́тель*** ‘работник молокозавода, сепарирующий молоко’, ***охра́нщик***, ***пимока́т***, ***посало́мщик***, ***посу́дник*** ‘мастер, который изготовлял дере-

вянную посуду', ***почтальо́ниха***, ***почта́рка***, ***поя́рка*** 'телятница', ***присказúтель*** 'предсказатель', ***приска́тель*** 'человек, работающий на прииске', ***провожа́тка*** 'проводница', ***промы́шленник*** 'охотник', ***райба́ба*** 'женщина-руководитель районного масштаба', ***рестора́нец*** 'швейцар', ***рукоприкла́дчик*** 'человек, ставящий подпись за неграмотных', ***сы́щик*** — *Круг нас были деревни, у них был голод, и люди уходили, искали зе́мли, их звали сыщики. Они пилу, топор носили, семьи с собой вели. Сыщики искали, где им пристроить жизнь* (Тар. Екат.); ***учи́тельша***, ***шва́чка***, ***шве́йка*** 'швея' и др. Эмоциональное отношение к человеку, названному по роду деятельности, выражено в небольшой группе лексем: ***ко́валь*** и ***ковале́нько***, ***рыба́лочек*** (*фольк.*, с оценочными суффиксами), ***мент*** (*презрит.*, ср. ***мильцане́р***), ***причанда́лы*** (*унич.*) 'мелкие служащие' — *Всех соберут: и учителей, и продавцов, и там какие есть всякие причандалы* (Тар. У.-Тара) и т. п. Количественное преобладание наименований по признаку того, какой «труд человека кормит», указывает на важность этого основания для номинации человека. К этим наименованиям близки номинации, характеризующие человека по социальному, экономическому положению: ***шляч***, ***копы́лец*** (*фольк.*) 'бедняк', ***ни́щиха***, ***кошёлочник*** 'нищий', ***однoли́чник***, ***одиноли́чный*** — *Раньше были единоличники, те, которы себе работали* (Мур. Берг.); ***пострáдка*** 'батрачка', ***наймова́я***.

Одной из основных, обязательных, является характеристика по возрасту, каждый человек в любой момент своей жизни находится в определенном возрастном статусе и имеет соответствующее наименование, от слов ***роде́нец*** 'новорожденный', ***наро́дика*** 'новорожденная' через все возрастные рубежи: ***ребёнчишка***, ***ребятёнок***, ***ребятёшки***, ***ребяти́шечки***, ***робёнок***, ***робёночек***, ***пацанёк***, ***паца́нчик***, ***паца́нка*** 'девочка-подросток', ***раб*** — *Мальчика старше двенадцати лет звали отроком, а старше пятнадцати — рабы́* (Мур. Берг.); ***па́ря***, ***баба́й*** и ***пим дыря́вый*** 'старик'.

Человек включается в систему межличностных отношений, в первую очередь семейных, брачных, родственных: ***молода́йка***, ***молоду́шка***, ***молоди́ца*** ‘молодая замужняя женщина’, ***молода́я***, ***молодёжка***, ***молодёна***, ***моло́дка***, ***молоду́ха***, ***молоду́шенька***, ***ба́ба*** — *Молодуха, а девочку родишь — баба называют* (Тар. Орл.); ***безба́бный*** — *Безбабный — нету у его жены, овдовец, разошёлся* (Б.-реч. Н.-Лог.); ***обру́чник*** ‘обрученный жених’, ***о́тча***, ***о́тчий*** ‘отчим’, ***роди́теля*** ‘мать’, ***ро́днички*** ‘родственники’, ***овдова́***, ***овдове́ц***, ***овдово́й***; ***разжени́ха***, ***разже́нцы***, ***разже́ня***, ***разжёнка*** и ***рассри́га***, ***расхо́жий*** ‘расторгнувший брак’; ***свекро́ва́***, ***свёкрушка***, ***свекрёшка***; ***нале́пыш*** и ***прима́к***, ***при́мя*** ‘муж, поселяющийся в доме родителей жены’, ***лёлька***, ***лёля***, ***малы́шка*** ‘младший сын в семье’ — *Ивану-малышке уж сорок* (Н. Ом. Рад.); ***нахо́дка*** ‘ребенок-подкидыш’, ***крапи́вник***, ***крапи́вница*** и ***кувъ*** ‘внебрачный ребенок’, ***кресто́ва*** ‘названая сестра’, ***миля́ш*** (*неодобрит.*) ‘поклонник’, ***правде́д***, ***правде́душка*** и ***пра́вдушка***, ***пра́вды*** ‘прадеды’, ***пра́ведник*** — *Праведника качала — у внука родился* (У.-Иш. Загв.), ***пра́внушка***, ***правнучо́нок*** ‘правнук’; ***робя́тница*** ‘многодетная женщина’, ***све́де́нники***, ***сведёныши*** и др. Обращают на себя внимание зафиксированные в фольклорных текстах существительных с ласкательными суффиксами в этой группе обозначений, основанием которых являются семейные, родственные, любовные отношения: ***насле́дичек*** ‘наследник’, ***това́рочка*** ‘подруга’, ***лиходе́ечка*** и ***невдо́вушка*** ‘соперница’, ***ро́внюшка***, ***неро́внюшка***, ***полюби́мчик*** ‘любовник’ и т. д.

Признак национальности, укорененности, времени и причины появления в Сибири также представлен в сибирских говорах своеобразно, отражая культурно-исторические и этнографические факторы формирования русских старожильческих говоров Омской области. Отмечены как лексемы, неактуальные для других диалектных зон и литературного языка, так и лексемы, известные за пределами Сиби-

ри, но отличающиеся семантически или фонетически: ***чалдо́н***, ***чалдо́нец***, ***чалдо́нка*** ‘коренной житель Сибири русской национальности’ — *А мы-то не российски, здесь родились, родчие; Мы называемся чалдо́ны — это вечные сибиряки* (Знам. У.-Шиш.); ***кувади́нец*** ‘человек нерусской национальности’ — *Нет, мы лапти не носили. Мы русские были. А вот кувади́нцы, хохлы — эти лапти носили* (Мур. Берг.); ***лапото́н*** ‘презрительное название крестьян-новоселов’ — *Лапото́ны-то русские* (Тар. Орл.); *Лапотоны — это всё больше белорусы* (У.-Иш. Кайлы); ***колтуча́ны*** ‘выходцы из России’ — *Уезжали колтуча́ны далеко* (Тар. Екат.); ***коча́г*** ‘кочевник’ — *Коча́ги с Краснoярки кочевали // Мы ведь не кочаги, а чалдоны* (У.-Иш. У.-Иш.); ***казанча́к*** ‘казанец’; ***кыргы́зка***, ***причалдо́н*** ‘коренной житель Сибири’; ***нацме́н*** ‘татарин’, ***нацме́нка*** — *Татары не любят, когда их татарами зовут, надо «нацмены»* (Мур. Курн.); ***астре́ец***, ***астрия́к***; ***нае́зжий***, ***наездно́й***, ***нае́здный***; ***кутора́ны*** ‘хуторяне’ — *Были и эстонцы, латыши, они кутораны* (Тар. Зал.); ***ходо́к***, ***самохо́д***, ***самохо́дка*** — ‘человек, по своему желанию переселившийся в Сибирь в XIX–XX вв.’ — *Самоходы лапти носили, а мы, челдоны, черки* (У.-Иш. Орех.). *Самоходы — приезжает человек в Сибирь и пошёл место искать. «Кто такой?» — «Ходок, ходок пришёл учаски искать». Вот самоходы и называли* (Тар. Чёкр.); *Чалдоны — сибиряки, а самоходы — хохлы* (Кол. Кол.) и др. При образовании названия жителя сибирской деревни от составного наименования основой номинации могут быть разные слова словосочетания, например, ‘политический ссыльный, осужденный на поселение в данной местности’, именуется существительными ***политика́нт***, ***поселе́нщик***, ***посе́льщик*** — *Поселенщиков много было в нашей деревне* (Исил. Лук.).

Основой наименования могут оказаться различия в вероисповедании, в частности, в говоре присутствуют и общерусские, и сибирские наименования старообрядцев: ***кержа́к***, ***кержа́ч***, ***кержа́чка***, ***ча́шечник***, ***старове́р***, ***раско́льник***:

А это были староверы, кержачи. Табак они не курют (Тар. Зал.); *Кержаки всегда в Сибири жили — и деды, и прадеды. Все, в общем* (Мур. Берг.); *Чалдоны чёкают. Чалдоны от кержаков отличаются разговором* (Кол. Кол.), *А я и муж тётки не кержачили, так нас отдельно кормили* (Мур. Низ.); *Кержа́чки, раскольники, значит, там жили долго* (Мур. Берг.); *Чашечники вместе с нами не молятся, не ись из одной чашки* (У.-Иш. Красн.); есть фонетические варианты названия, так, баптистов нызывают ***бакти́ст***, ***бакти́стка***, ***бакси́ст***.

Рассмотренную систему номинаций можно условно определить как состоящую из «обязательных» оснований, вне которых не остается ни один человек, т. к. каждого можно назвать по занятию, национальности, вере, возрасту, семейному положению и др. указанным признакам. Диалектные наименования позволяют выделить также некоторые «факультативные» характеристики, которые тоже могут стать при определенных условиях основанием для присвоения человеку определенной номинации. Например, специальное наименование может быть присвоено лицу как участнику бытового события, обряда, игры: ***очеви́дка*** — *Я сама очевидка: всё видела, сама это всё испытала* (Б.-реч. Н.-Лог.); ***ночёвушка*** — *Ночёвушка — женщина ночует у кого-либо* (Тар. Черн.), ***роди́лка*** — *Родилка — толко что родила. Только что, так мы родилкою, али родильницей, зовём* (У.-Иш. Кайлы); ***роди́ха***; ***наря́дчик*** ‘ряженый’, ***набе́жник***, ‘участник набега’. Обширная группа лексем называет, как и в других говорах, участников свадебного обряда: ***свадебжа́не(ы)***, ***разгля́д*** ‘сват со стороны жениха’, ***сва́тальщик***, ***сватовщи́к***, ***сватовщи́ца***, ***свату́н***, ***свату́нья***, ***свату́ха***, ***сва́тушка***, ***сва́хальни*** ‘те, кто сватает’ (антоним ***разво́женица***); ***поддру́жка*** и ***полудру́жка***, ***полудру́жьё*** ‘заместитель дружки на свадьбе’; ***сва́шка***; ***светня́ка***, ***светёлка***; ***поджени́шник*** ‘друг жениха’ — *Были дружки, святёлка у невесты, у жениха — подже-*

нишники (Кал. Кул.); ***прида́нник***; ***провожа́тка***; ***рушни́ца*** ‘женщина, которая режет на свадьбе хлеб, пироги’ и др.

Наличие физических недостатков, болезней редко служит основанием для диалектной номинации: ***немту́шка***, ***нему́шка***, ***немты́рь*** — *Немтушка — немтыръ. Немой старичок жил у нас* (Тар. Черн.). Номинации, основанные на внешних особенностях обозначаемого лица, прическе, одежде часто сопровождаются оцениванием этих особенностей как приятных или неприятных: ***белёночка***, ***беля́ночка*** (*ласкат.*) ‘о белокурой, белолицей девушке’; ***поперёк то́лще*** (*ирон.*) ‘об очень толстом человеке’; ***недоде́лыш*** (*уничиж.*) ‘о человеке недостаточно высокого роста’; ***космату́ха*** ‘без головного убора’; ***раскосма́тка*** — *Раскосматкой не пойдёшь, как она. Плетёшь две косы* (Мур. Окун.); ***обдерга́й***, ***одерга́й*** (*неодобр.*) ‘неряха’; ***рямо́к на рямке́*** ‘о бедно одетом человеке’; ***мазу́рик*** (*неодобр.*) ‘испачкавшийся в грязи человек’.

Основанием для создания значительного количества номинаций человека служат характер, поведенческие привычки, поступки, склонности — многочисленные и разнообразные (***пе́сельник***, ***пе́сельница***). В этом смысле сибирская деревня ничем не отличается от других мест, например от Невского проспекта: «Человек такое дивное существо, что никогда не можно исчислить вдруг всех его достоинств, и чем больше в него всматриваешься, тем более является новых особенностей, и описание их бесконечно» (Н. В. Гоголь).

Номинации, построенные на этом основании, как правило, отличаются экспрессивностью: ***летя́га*** ‘неусидчивый’ — *Отец дочь называл летягой, если она не умела ткать* (Мур. Берг.); ***пиву́к***, ***пьянчу́тка***, ***алка́ш***; ***кричу́ха***, ***реву́н***; ***лазу́н***; ***мерза́чка*** ‘женщина, слишком чувствительная к холоду’; ***моту́ха*** — *У нас девочки скровные были, а которы были мотухами, так и пошли* (Тар. Чёкр.); ***копу́ха***, ***мизу́шка*** — *Мизушки — изба́ловались как вроде. Измаза́лась вся, на ногах ногти красит. Ишь кака мизушка-то* (Мур. Берг.); ***на-***

хра́тка. В основу наименования может быть положено отсутствие каких-либо качеств (чаще таких, которые диалектоносителям представляются желательными, как стыдливость для мужчин и женщин, послушание для детей); как и в литературном русском языке, для создания диалектной номинации используются приставки *без-*, *не-*: ***бессо́вестник***, ***бессо́вестница***, ***не́слуши*** — *Раньше все дети послушные, а сейчас стали какие-то неслуши* (Мур. Берг.). Значения ‘неумный’, ‘безрассудный’ в смягченном «половинном» варианте присутствуют в наименованиях ***полови́на дурака́*** (*пренебр.*), ***полоу́мка***, ***простоу́мка*** — *Это же половина дурака, чё с им разговаривать* (Омск); *Были Фомины, меня, молодую, за Петра отдали полоумку, они все там простоумки* (Мур. Берг.) (ср. ***приду́рок*** (*бран.*) ‘о работнике, уклоняющемся от физического труда’).

Этическая оценка может быть одним из основных компонентов значения: ***наси́льник*** ‘уголовник, убийца’; ***кровопи́вец*** — *А бригадир кровопивец был, бессовестный* (Б.-реч. Н.-Лог.); ***людове́д*** ‘злой человек’; ***мирое́д*** ‘тот, кто высылал кулаков из деревни, раскулачивал’ — *Они сами ссылали людей. Первы мироеды были* (У.-Иш. Колп.). Однокоренные номинации показывают развитие значения в зависимости от того, называют ли ими ребенка, мужчину, женщину: ***блудни́к*** ‘тот, кто не сидит дома, любит погулять, не занимается делом’ — *Блудником был в молодости старик* (Тар. Орл.); ***блу́дня*** 1. (*неодобр.*) ‘о том, кто слоняется без дела’ — *Вот блудня-то* (о девочке) (Ом. Ач.), 2. (*бран.*) ‘распутная женщина’ (от безделья до порока, как и в *блудить*). Изучение коннотативного элемента значения лексем, имеющих в качестве основания номинации личные качества человека, выявляет свойства характера, ценимые и неодобряемые языковым коллективом, например, относительно сдержанности в словесном выражении эмоций: ***обла́йка*** (*неодобр.*) ‘сварливая, крикливая женщина’ — *Тётка-облайка, всё время орёт, и на ребёнка моего орала. // Облайка она. Облаяла моего сына ни*

за что. Уж орала, орала! (Мур. Берг.); ***наругáтельница*** ‘женщина, склонная к ругани’ — *Она не наругательница была, золота баба была* (У.-Иш. Куш.).

Привлеченный к исследованию диалектный материал заставляет говорить о двух типах оснований, по которым производится номинация человека в русских старожильческих говорах Омской области. На базе оснований первого типа образуются объективные и характеризующие каждого из членов языкового коллектива наименования. Человек получает то или иное имя в зависимости от его занятий и рода деятельности; социального, экономического положения; возраста; родственных, семейных отношений; национально-культурной и религиозной принадлежности. Основания номинаций второго типа фиксируют факультативные, ситуативные признаки; человек номинируется как участник какого-либо конкретного события, как обладатель физического недостатка или примечательной внешности. Чаще всего основанием наименования второго типа является указание на какие-либо черты характера, личные качества человека; именно эти номинации, как правило, сопровождаются оценочным компонентом значения, выражающим отношение языкового коллектива к человеку, в той или иной мере обладающему определенным качеством.

Сокращения названий районов Омской области

Б.-реч. — Большереченский
Знам. — Знаменский
Исил. — Исилькульский
Кал. — Калачинский
Кол. — Колосовский
Мур. — Муромцевский
Н. Ом. — Нижнеомский
Ом. — Омский
Тар. — Тарский
У.-Иш. — Усть-Ишимский

Сокращения названий населенных пунктов Омской области

Ач. — Ачаир (Ом.)
Берг. — Бергамак (Мур.)
Екат. — Екатерининское (Тар.)
Загв. — Загваздино (У.-Иш.)
Зал. — Заливино (Тар.)
Кол. — Колосовка (Кол.)
Колп. — Колпаково (У.-Иш.)
Красн. — Красноярка (У.-Иш.)
Кул. — Куликово (Кал.)
Курн. — Курнево (Мур.)
Куш. — Кушма (У.-Иш.)
Лук. — Лукерьино (Исил.)
Низ. — Низовое (Мур.)
Н.-Лог. — Новологиново (Б.-реч.)
Окун. — Окунёво (Мур.)
Орл. — Орлово (Тар.)
Рад. — Радищево (Н. Ом.)
У.-Иш. — Усть-Ишим (У.-Иш.)
У.-Тара — Усть-Тара (Тар.)
У.-Шиш. — Усть-Шиш (Знам.)
Черн. — Черняево (Тар.)
Чёкр. — Чёкрушево (Тар.)

Литература

Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / [Б. А. Серебренников, Е. С. Кубрякова, В. И. Постовалова и др.]; Отв. ред. Б. А. Серебренников. М.: Наука, 1988. 212, [3] с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 163–170. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201814

Лексический атлас русских народных говоров и корпус русских говоров Удмуртии*

Е. А. Жданова

Статья посвящена взаимодействию лексического атласа русских народных говоров и корпуса, созданного на базе лингвогеографической информационной системы «Диалект» (http://dialect.manuscripts.ru/). ЛГИС «Диалект» разработана на основе программы ЛАРНГ и материала, собранного для него в Удмуртской Республике. Корпус русских говоров Удмуртии размечен в соответствии с вопросником ЛАРНГ, дополненным разработчиками, что дает возможность пополнить этим материалом картотеку атласа, а также более подробно изучить лексический состав русских говоров междуречья Камы и Вятки.

Ключевые слова: ЛГИС «Диалект», электронный корпус, диалектная лексика, русские говоры Удмуртии, лексикография.

Работа над Лексическим атласом русских народных говоров, в которой участвуют представители многих вузов России, дала толчок развитию региональной лингвогеографии и лексикографии. В результате такой работы появились региональные атласы, отражающие лексические различия в русских народных говорах. В XXI в. в нашей стране стали появляться электронные системы обработки, хранения и картографирования диалектной лексики.

Одним из первых информационных ресурсов такого рода была разработанная в 2003 г. в Удмуртском государственном университете лингвогеографическая информационная система «Диалект» (ЛГИС «Диалект»). База данных системы бы-

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Удмуртской Республики в рамках научного проекта № 17-14-18006-ОГН.

ла предназначена для хранения информации, полученной во время экспедиций по сбору материала для ЛАРНГ: в ней содержалась паспортизованная в соответствии с требованиями атласа лексика и приведенные собирателями контексты. Целью создания ЛГИС «Диалект» было составление на основе собранного материала карт, иллюстрирующих лексические, словообразовательные и семантические особенности русских говоров Удмуртии.

В 2012 г. была произведена доработка системы: добавлен лексикографический модуль, позволяющий представлять диалектные лексемы, их значение (соответствующее вопросу программы ЛАРНГ), «паспортные данные» и примеры употребления в виде словарных статей; база данных была усовершенствована для хранения материалов иного типа: скан-копий транскрибированных текстов и аудиозаписей, представляющих живую речь информантов, записанную в ходе диалектологических экспедиций, проводившихся в Удмуртии с 1970-х гг. Также в этот период появилась возможность отмечать в скан-копиях текстов диалектные слова, являющиеся ответами на вопросы программы ЛАРНГ, с целью отражения их в лексикографическом модуле [Баранов и др. 2013].

ЛГИС «Диалект» продолжает совершенствоваться в соответствии с развитием современных информационных технологий. В 2017 г. на базе ЛГИС «Диалект» началось создание мультимедийного полнотекстового корпуса русских говоров Удмуртии второй половины XX–начала XXI в. [Жданова 2018].

Корпус составляют диалектные тексты, содержащиеся в базе данных системы, а также оцифрованные аудиозаписи речи диалектоносителей. Корпус русских говоров Удмуртии имеет специфическую разметку, цель которой — выявление диалектной лексики для последующего описания в словаре и атласе русских говоров Удмуртии. В основе этой разметки лежит программа ЛАРНГ, которая отражает лексические,

семантические и словообразовательные особенности основных тематических блоков лексического состава русских народных говоров.

Такая разметка позволяет подобрать контексты для уже отмеченных на территории Удмуртии диалектных слов, зафиксировать их в тех районах, которые не были обследованы по каким-либо тематическим разделам программы. Например, в записях, сделанных для ЛАРНГ, лексема ***гу́бница*** / ***губни́ца*** ‘Грибная похлебка’ (№ 1176) / ‘Грибной суп, похлебка’ (№ 19077) отмечена в Балезинском, Вавожском, Воткинском, Завьяловском, Кезском, Красногорском, Увинском, Якшур-Бодьинском районах Удмуртии, однако ни одного примера употребления не записано. В материалах создаваемого корпуса обнаружены многочисленные случаи использования данного слова в речи информантов, в том числе в Каракулинском районе, который не был обследован по программе «Питание»: *Из грибов губницу варили* [Каракулинский р-н, с. Арзасмасцево, 1979 г.].

Кроме того, разметка тестов корпуса позволяет обнаружить новые лексемы, отсутствующие в материале, собранном для ЛАРНГ. Например, в результате работы над корпусом в русских говорах Удмуртии было обнаружено слово ***со́чник*** ‘Приспособление для раскатывания теста’ (№ 19184) / ‘Деревянный валик для раскатывания теста’ (№ 17090): *Сочником тесто раскатать или чо, его ещё пирожником называют* [Кезский р-н, д. Бузмаки, 1977 г.]. Это слово не было зафиксировано в ходе сбора материала по программе ЛАРНГ, а также не отмечено в данном значении в Словаре русских народных говоров. Таким образом, созданный на основе ЛГИС «Диалект» корпус позволяет пополнять сведения для ЛАРНГ.

Необходимо отметить также, что в ходе обработки текстов корпуса русских говоров Удмуртии были обнаружены специфические диалектные слова, которые не являются ответами на вопросы программы ЛАРНГ. Складывается доста-

точно обширный круг диалектной лексики, находящейся за пределами вопросника ЛАРНГ. Это связано с тем, что цель программы — фиксация лексем, формирующих диалектные противопоставления в русских народных говорах Европейской части России, однако для полного представления картины лексического состава русских говоров Удмуртии необходимо обратить внимание и на слова, специфические для данного региона, но выходящие за пределы программы ЛАРНГ. Для фиксации такой лексики в ЛГИС «Диалект» была введена опция создания нового вопроса: в каждый тематический раздел программы ЛАРНГ, которая введена в ЛГИС «Диалект», может быть внесен соответствующий тематике раздела вопрос, представляющий дефиницию отмеченного в тексте диалектного слова. Например, помимо общего названия ватрушки ***ша́ньга*** в русских говорах Удмуртии есть специфические наименования для ватрушки с творогом (***творо́жник*** *Творожник — шаньга с творогом* [Каракулинский р-н, с. Черново, 1979 г.]) и для ватрушки с начинкой из сметаны или простокваши с мукой (***налё́вная ша́ньга*** *Шаньги налёвные — нальёшь простокиши, мукой подобьёшь и шаньги делаешь* [Каракулинский р-н, с. Арзасмасцево, 1979 г.]), такая начинка называется ***налё́вка*** (*Шанежки делаю небольшиё, наливаю творог, налёвка картонна али сметанна* [Кезский р-н, с. Кулига, 1978 г.]), а слово ***ватру́шка*** отмечено в Каракулинском районе только в качестве названия ватрушки из пресного теста: *Муки покупаем, дрожжей покупаем, творишь, месишь тесто и печёшь шаньги с картошкой; задумашь из пресного теста — это ватрушки, тонки таки* [Каракулинский р-н, с. Арзасмасцево, 1979 г.].

В раздел «Питание» ЛГИС «Диалект» было внесено более 20 вопросов, дополняющих программу ЛАРНГ, для фиксации наименований блюд, зафиксированных в русских говорах Удмуртии. Не имея прямого отношения к составлению ЛАРНГ, они, тем не менее, помогают при анализе данных,

собираемых для него. Например, пирог с рыбой на севере Удмуртии называют ***ры́бник*** (*Сутки, двое, трое пировали, пиво, брагу пили, рыбники ели* [Кузский р-н, с. Кулига, 1977 г.]), что подтверждает широкое использование словообразовательной модели с суффиксом *-ник* для образования названий пирогов в русских говорах Удмуртии [Жданова 2016: 14].

В ряде случаев для более точного анализа и представления материала слова, не соответствующие вопросам ЛАРНГ, но записанные собирателями в качестве ответов на вопросы программы, в текстах фиксируются как ответы на те же вопросы или на два вопроса. Например, слово ***болту́шка*** в материалах для ЛАРНГ, собранных в Удмуртии, отмечено в 14 населенных пунктах разных районов как ответ на вопрос программы «Питание» «Суп с мукой» (№ 19087), пример употребления приведен лишь один, причем довольно сомнительный, в то же время обнаруженные нами контексты указывают на то, что так называли приготовлявшийся в голодное время суп из травы, в который подмешивали небольшое количество муки или молока: *Травой питались в войну. Сын был маленький, ступай, говорю, крапиву нарви, сворим. Отольёшь и молоком заваришь, болтушку подболтаешь молоком, муки-то мало* [Каракулинский р-н, с. Арзамасцево, 1979 г.]. Чтобы отразить единство этих значений, не пропустить при анализе ни одного примера употребления, мы отметили лексему ***болту́шка*** в текстах как ответ на вопрос «Суп с мукой» и на вновь созданный вопрос «Похлебка с травой».

Во многих случаях бывает сложно определить значение диалектного слова по одному контексту, в таких ситуациях необходим корпусный подход: выборка всех употреблений данного слова, анализ его сочетаемости, определение семантики в контексте и формулировка значения. Такой подход обеспечивается в рамках создаваемого корпуса русских говоров Удмуртии. Например, значение слова ***суррога́т*** при его

первых фиксациях в русских говорах Удмуртии было определено как ‘Хлеб, испеченный из муки со значительной примесью травы’ (*Колды есь нечево было, суругат ели, траву измельчат, мукой пересыплёт и едят* [Кезский р-н, с. Карпушата, 1977 г.]). Однако в дальнейшем его потребовалось уточнить в связи с обнаружением, к примеру, следующих контекстов: *Лутошки — суррогат, то, из чего лапти плетут, мелем, мелем, муку делаем, лепёшки пекли* [Кезский р-н, с. Кулига, 1977 г.], *Суррогат — гречишная одержка, тогда и хлеб печли* [Завьяловский р-н, с. Дуброво, 1978 г.].

В текстах корпуса при разметке в описании свадебного обряда неоднократно зафиксировано наименование ***курно́й пиро́г*** или ***курни́к***: *Девки продают курной пирог, в цветах весь украшенной, выносят на стол, а девки потом у невесты редятся, денежку отдай, тарелку в эту деньги сложат и начинают величать, ну песни петь; курной пирог продают, тонкими цветами весь украшенной, обыкновенный такой, высокой, но сдобной* [Каракулинский р-н, с. Арзамасцево, 1979 г.], *На свадьбу курник срядят, репей цветам украсят. На второй день этот курник продают; из ржаной муки в войну пироги делали, а я в 37-м выходила, так пироги-то из пшеничной пекли, из повидлы, малины, клубники* [там же]. Исходя из данных употреблений, значение этого слова сформулировано как ‘Свадебный пирог, украшенный цветами’. Однако в других контекстах пирог уже не упоминается, речь идет только об украшенном цветами репье, с которым ходили подружки невесты в первый день свадьбы и который продавали на второй день свадьбы: *Курник — срубают его (репей) украшают бумагами всякими цветными, украшают его под обрученье, потом свадьба, в какой день свадьба, подруг с курником катают без невесты, потом заезжают к жениху с курником, заедут, их угостят, курник оставят у жениха и едут за невестой* [там же]. Возникает вопрос, связанный с таким употреблением слова: перед нами метонимический перенос, неполнота речи информанта или неполно-

та записи собирателей? Этот вопрос, как и аналогичные, еще предстоит решить. Для этого необходим анализ максимального числа контекстов, которые могут быть оперативно получены только в результате работы с электронным корпусом текстов. В ходе такого анализа будет уточнен вопрос-дефиниция, внесенный в ЛГИС «Диалект».

Удмуртия представляет собой относительно небольшой регион, однако и на этой территории, имеющей сложную историю заселения и многонациональный состав жителей, есть диалектные различия, которые целесообразно картографировать. Внесение в ЛГИС «Диалект» новых вопросов и фиксация ответов на них дают возможность найти материал для диалектологических карт региона. Например, распространение в Удмуртии такого блюда, как пельмени, родиной которых считается именно наша республика, привело к повсеместному использованию специального приспособления для вынимания пельменей из кипящей воды. При этом данное орудие имеет разные названия: на северо-востоке Удмуртии распространено образование ***пельме́нница*** / ***пельмя́нница*** (*Пельмени-то пельмянницей достают, она белая из проволоки, на черень долгий надевают* [Кезский р-н, д. Юклята, 1978 г.]), на юго-востоке региона зафиксированы наименования ***коши́к*** (*Кошиком вытаскиваем вареники, али пельмяни, больше варениками называем* [Воткинский р-н, д. Черная, 1974 г.]), ***коё́к*** и ***шамо́вка*** (*Коёк или шамовка* (*чем пельмени достают* — примечание собирателя) [Каракулинский р-н, с. Каракулино, 1976 г.]), а на юго-западе отмечено диалектное слово ***плету́шка*** (*Варили и пельмени, плетушкой доставали* [Граховский р-н, с. Новогорское, 1975 г.]). По данным Словаря русских народных говоров, диалектные лексемы, зафиксированные в восточной части Удмуртии, известны в уральских, пермских и вятских говорах. Образование ***плету́шка*** в указанном значении в данном лексикографическом источнике не отмечено.

Таким образом, создание корпуса русских говоров Удмуртии является нужным инструментом для изучения лексики диалектов нашего региона и русского диалектного языка в целом методами лингвистической географии и лексикографии, также корпус дает материал для лексикологических, семантических, деривационных, этимологических, лингвокультурологических, краеведческих научных изысканий. В основе ЛГИС «Диалект» лежат идеи разработчиков ЛАРНГ, программа Лексического атласа русских народных говоров послужила основой для базы данных ЛГИС «Диалект». В свою очередь созданный на этой платформе Интернет-ресурс может стать источником сведений для Лексического атласа русских народных говоров и, возможно, для Словаря русских народных говоров. Подчеркнем, что ЛГИС «Диалект» (http://dialect.manuscripts.ru) находится в открытом доступе и к корпусу русских говоров Удмуртии может обратиться любой желающий.

Литература

Баранов В. А., Жданова Е. А., Кожевников Д. Б., Белых А. А. Лингвогеографическая система «Диалект»: история создания, новые возможности, технологические решения, демонстрация данных // Интеллектуальные системы в производстве (Ижевск). 2013. № 1(21). С. 171–175.

Жданова Е. А. Субстантивная лексика тематической группы «Питание» в русских говорах Удмуртии (лингвогеографический и системный анализ) // Вестник Удмуртского университета. 2016. Т. 26: Серия история и филология. Вып. 5. С. 11–20.

Жданова Е. А. Электронный корпус русских говоров Удмуртии: новые возможности // Вестник ИжГТУ им. М. Т. Калашникова. 2018. Т. 21. № 1. С. 99–103.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 171–186. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201815

Названия саней в воронежских говорах

Т. В. Карасёва

В статье анализируется лексика, связанная с названиями саней и их частей в воронежских диалектах: приводятся словари указанных номинаций, выясняются их этимология и мотивировочные признаки, рассматриваются другие особенности данной тематической группы: разнообразие вариантов, наличие уменьшительно-ласкательных форм и составных наименований, преобладание существительных pluralia tantum.

Ключевые слова: название, волокуша, сани, часть саней, воронежские говоры, словарь, тематическая группа.

Известно, что сани используются преимущественно в сельской местности и передвигаются обычно при помощи запряжённых лошадей. Их специфику составляет то, что это повозка на полозьях: *На палозъях — эта сани* (РБШ. Аннин.); *Палозъя делаютъ из дерева, из дуба* (СЛВ. Лиск.), в связи с чем сани используются только в зимнее время: *Уже на санях ездитъ можна: снех выпал, марос малинъкий, а естъ* (СДВ. Аннин.) [Бердникова 1992: 104]. Сани делятся на *грузовые*, предназначенные для транспортировки грузов, и *пассажирские* — для перевозки людей; среди последних можно особо выделить *выездные*, служащие для торжественных случаев: поездок в гости и в город, а также для праздничных катаний. В прошлом сани являлись непременным атрибутом различных обрядовых действий, в первую очередь, свадебных: *Как ис саней жаних с нявестай вылазютъ, так йим пад ноги кидаютъ цвяты, денъги* (ГРМ. Хохол.); а также масленичных: *На Маслинису на санях ездютъ, жгутъ щущу* (чучело) (ПЧЛ. Бобр.). При этом обычно *Сани ладютъ* (приводят в готовность) *с осини* (ОСТРОГ.).

Диалектные названия саней уже становились предметом научного внимания учёных, рассматривавших их особенности в пинежских [Антушева 2008] и ивановских [Батырева 2015] говорах. Объектом нашего исследования послужили наименования саней в Воронежской области. Материал был выбран из картотеки «Словаря воронежских говоров», хранящейся на кафедре славянской филологии Воронежского госуниверситета, из картотеки Центра региональных лингвистических исследований при кафедре теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы Воронежского госпедуниверситета, а также из других источников (см. список литературы к статье) и полевых записей автора.

Исторически сани возникли на основе *волокуши* — транспортного средства для перевозки, обычно грузов, волоком. Это «примитивная повозка, состоящая из двух скреплённых поперечной связью жердей, передние концы которых служат оглоблями, а задние волочатся по земле (употреблялась на севере в болотистых, лесных районах для вывозки сена, брёвен и т. п.)» (МАС, 3-е изд. 1: 206). В воронежских говорах выявлено два наименования этого транспортного средства.

Волоку́ха, *ж.* Повозка с особо переплетёнными палками для крепления сена и др., которую лошадь тащила по земле. *Валакуха тож была — сена вазили* (МЧТ. Бобр.).

Тащи́лка, *ж.* (Знач.?) (ДНК. Кашир.).

В СРНГ слово ***тащи́лка*** имеет следующую семантику: ‘сани, дровни, волокуши на жердях, на которых ездят летом по болотам’ (арх., волог.) (СРНГ 43: 317). Однако в источнике, где встретилась данная воронежская номинация, прямое толкование отсутствует, указывается лишь, что «слова, называющие средства передвижения, перевозки и переноски грузов, находящихся на крестьянском дворе, бытуют в говоре села Данково и в настоящее время: ***тачка***, ***тащилка***, ***возилка***, ***бричка***» [Любимов 1988: 62]. В связи с этим воронежская лексема ***тащилка*** вполне может обозначать

как волокушу, так и тачку или подобное приспособление для транспортировки грузов.

Если же говорить непосредственно о разновидностях саней, то В. И. Даль, у которого сани — это «зимняя, езжалая повозка на полозьях», приводит их многочисленные виды и названия: «*сани открытые*; *сани с вéрхом*, болочек или кибитка; *сани троичные*, *парные*, *одиночные*. *Дорожные сани*, пóшевни, óбшевни; *крестьянские сани*, дровни; *маленькие*, *городские*, козыречки, козыркú, сиб. скачкú; *сани под карету*, полозки; *ручные санки*, или для катанья с гор, салазки, первые также чýнки. *Оленьи*, *собачьи сани*, нарта; в кмч. *сáнка* ж. собачьи сани» (Даль 4: 139). В воронежских говорах также зафиксированы номинации различных видов саней, которые могут быть представлены в виде словаря.

Бандю́ги, *мн.* Сани для перевозки соломы. *Бандюги сафсем развалились* (Б.ПРВ. В.-Хав.).

Бегункú, *мн.* Лёгкие сани. *Бигунки — малинькие: два чилавека сядуть* (Б.ВРК. Рам.); *На бигунках мы быстра даедим* (ПДЛ. В.-Хав.).

Бендю́ги, *мн.* Сани для перевозки соломы и навоза. *Бяндюги тады дюжа выручали людей* (М.ЯСР. Эрт.).

Бурдýшки, *мн.* Санки (сани?). *Кали маслиницу дажыдали, гатовили бурдушки* (ГНЛ. Семил.).

Дрóвни, *мн.* Сани. *Зямой ране на дровнях каталися* (ПСК. Повор.; ЗТН. Бутур.). || Грузовые сани. *То сани апшыты, а дровни* (знач.?) — *бúлы* (отводы) *навиты* (БРД. Аннин.); *Йищё для груза дровни бывают* (РБШ. Аннин.). || Сани для перевозки дров или навоза. *Дровни стаять у правленья* (КРЧ. Рам.); *Паехал в лес на дровнях* (ЩУЧ. Эрт.). || Сани для перевозки кормов. *Рабочии сани — дровни. То з затком, а эта нет. Ани ш ы кармавые* (Н.КРЛ. Аннин.).

Дровнúшки, *мн.*, *уменьш.-ласк.* Сани для перевозки дров или навоза. *Летам чинила дравнишки, а зимой на дравнишках навос вазила* (ПР.ХВ. Н.-Усм.).

Дро́жки, *мн.* Сани для перевозки людей. *Ани, сматри, как на дрошках паехали — быстра!* (СДВ. Аннин.) [Бердникова 1992: 79].

Е́зденки, *мн.*, *уменьш.-ласк.* Выездные сани. *Вот езенки выязные* (ДВЦ. Остр.).

Е́здни, *мн.* Сани. *А сани йишшо называли «езни»* (АНШ. Лиск.). || Выездные сани. *У езний задок бываить пакрашанный* (В.ТРВ. Нж.-Дев.); *Раньшы багатыи ездили — езни, и пакрашаны эти езни чёрнай краскаю, а ззади́ дасками абиты, а зза́ду букеты нарисованы; есть даселе. Раскрашеныи ретка увидиш* (ДВЦ. Остр.) [Зайцева 1964: 373].

Зу́ни, *мн.* Сани. *Каталися на зунях* (НЖ.ММН. В.-Мам.).

Ко́зли, *мн.* Старинные сани с козырьком. *У каво пабагаче, козли были* (БРТ. Терн.).

Козырёк, *м.*, чаще *мн.* Сани. *Казырьки стали у дома* (БГС. Аннин.); *Как сани, такия и казырьки бываютъ* (СДВ. Аннин.) [Бердникова 1992: 86]; *Зимой сани-казырьки: дваим сесть, а на переднім сиденье — кучер* (СТ.ТД. Аннин.); *Паехал притсядатель на казырьках* (Там же) [Зайцева 1964: 383]. || Выездные сани. *Паехали, снегу многа — кавырнулись с казырька* (КРШ. Бобр.; РБШ. Аннин.). || Небольшие красивые выездные сани. *На казырьках паедиш или ищё на чём?* (ЗТН. Бутур.); *Калхос купил новыи казырьки* (НЖ.КТХ. Н.-Усм.); *На казырьках фсяды блигадир ездия* (СТДК. Липецк.); *Бывалыча, князь ездил на казырьках* (ТД. Пан.); *Приехал на казырьках* (ТЛЦ. Аннин.; ШСТ. Бобр.). || Свадебные сани. *Маладые черес фсё сило праежжали на расписных казырьках* (Бобр.); *Казырьки — раскошная павоска: сани абиты жалезам, пакрашены. Маладых катали. Крышы нет. Тройкею запрягались ани* (СТ.ТД. Аннин.); *Мы-та на свадьбу на казырьках катались* (СТ.ЧГЛ. Аннин.). || Сани с передней изогнутой частью полозьев; с головками (ШСТ. Бобр.).

Козыри (***ко́зыри***, ***козыри́***), *мн.* 1. *Песен.* Сани. *Запрягу я тебе ворона коня, Ворона коня, сани-козыри, узды с блёстками, Хомут в золоте, шлея в серебре* (Без указ. места) [Зайцева 1964: 383]. || Выездные сани. *Козыри, или казырькú йищё — на них начальники выйижжают куда-нибуть* (РБШ. Аннин.). || Свадебные сани. *А на свадьбах весела была, казыри разукрашаны, а там маладые* (БРТ. Терн.); *Запрягают козыри — за нивестой едут* (ТД. Пан.). || Выездные сани со спинкой (СРНГ 7: 76). || *Песен.* Сани с передней изогнутой частью полозьев; с головками. *Я бы летам, я бы летам Ва калясачке вазил, А зимою, а зимою Ва козырях, ва санях* (СТ.ТД. Аннин.) [Зайцева 1964]. 2. Небольшие «вырезанные» (резные?) санки (сани?). *Ох, едя на казырях!* (ЗРЧ. Терн.).

Козы́рики, *мн.*, *уменьш.-ласк.* Сани. *Снех выпал — гатофъ казырики* (КЗЛ. Бутур.). || Выездные сани, санки со спинкой (СРНГ 14: 76).

Козы́рки, *мн.* Сани со спинкой. *Запрягу сваи казырки* (ПРЛП. Белг.).

Козыря́, *мн.* Небольшие резные сани. *А зимой на казырях ездили — харашо бы’ла!* (БРТ. Терн.).

Кре́сла, *мн.* Сани со спинкой. *Кресла — эта са спинкай сани* (РБШ. Аннин.).

Лету́чки, *мн.* Лёгкие сани. *Лёхкия сани — летучки* (СЛД. Остр.).

Подса́нки, *мн.* 1. Короткие сани, используемые как прицеп к основным саням. *Штобы брёвна ни тинулись, цыпляют патсанки* (РБШ. Аннин.). 2. Деревянные полозья (короткие сани, прицеп?). *На патсанках драва вязли* (КРТ. Остр.) [Шаповалова 2011: 47].

Разво́ды. Сани для перевозки леса. *Были сани разводы — лес вазили* (СЛД. Остр.).

Ро́звальни, *мн.* 1. Широкие сани. *На розвальнях каталися* (КРТ. Остр.) [Шаповалова 2011: 49]. || Сани для перевозки грузов. *Бальшую паклажу штобы вазить, есть розвальни* (РБШ. Аннин.); *Карзину плитёную ставили на роз-*

вальни и вазили (Там же). 2. «Состоят из деревянных полосок, типа саней» (СНН. Рам.) [Ширяева 1991: 20].

Сала́зки, *мн.* 1. Сани. *Хвараст рубили да на саласках вазили* (ЧБЗ. Борис.). 2. Санки (сани?), на которых в праздник катались с горы. *Харашо на саласках с гары ехать!* (ПЗВ. Бутур.).

Са́ни, *мн.* ◊ ***Бы́чьи сани.*** Низкие сани, в которые запрягался бык (на таких санях зимой часто катались с горы) (НКЛС. Калач.). ◊ ***Задковые*** (удар.?) ***сани.*** Выездные сани (с задком). *Есть сани выязныя з затком — затковые сани* (СТ.НКЛС. Хохол.). ◊ ***Козы́ревые сани.*** *Песен.* Сани с загнутыми впереди полозьями (?). *Я бы летам, я бы летам Ва калясачке вазил, А зимою, а зимою Вы казыревых санях На вбраных на каняx* (ШСТ. Бобр.). ◊ ***Писаные*** (удар.?) ***сани.*** Сани с разукрашенным задком (СРНГ 36: 118). *Писаныи сани — сани з затком, разукрашыныи разными рисунками* (НЖ.КСЛ. Бутур.); *Я бы летам, я бы летам Ва калясачке вазил, а Зимою, а зимою Ва писаных ва санях* (песня) (Без указ. места) [Зайцева 1964: 372]. ◊ ***Рабо́чие сани.*** Сани для перевозки кормов. *Рабочии сани — дровни. То з затком, а эта нет. Ани ш ы кармавые* (Н.КРЛ. Аннин.) [Шестакова 1967: 341].

Са́нки, *мн.* Ручные санки для перевозки грузов и для катания. *Ани што для груза, што кататца — фсё санки* (РБШ. Аннин.). ◊ ***Дышловы́е санки.*** Сани с дышлом (?) (КЧГ. Нж.-Дев.). ◊ ***Подрезны́е санки.*** Сани для перевозки людей. *А зимой раньшы на санях ездили — санки падрязныя* (СДВ. Аннин.) [Бердникова 1992: 100]. ◊ ***Санки-писанки*** (удар.?). Расписные лёгкие сани для поездки в гости, в город и т. п. (Липец.) (СРНГ 36: 119). ◊ ***Санки с зало́мом.*** Свадебные сани. *На свадьбу санки з заломам запригали* (СЛД. Остр.).

Сла́си, *мн.* Ручные санки для перевозки грузов и для катания; салазки (НЖ.БЫК. Бутур.).

Перейдём к рассмотрению названий составных частей саней. Помимо корпуса (*кузова*), состоящего из *передка*, *задка* и *спинки*, у саней есть следующие детали: *полозы* — деревянные полосы, которые имеют *головки* — изогнутые передние части, и *подрезы* — металлические полосы, прикреплённые снизу; *копылья* — небольшие деревянные бруски, вбиваемые в полозья, которые крепятся как продольно с помощью *нахлёстки* — набиваемого на них бруса, так и поперечно, при помощи *вязка* из гибких прутьев; *отводы* — брусья, идущие от передка, которые увеличивают ширину саней и удерживают груз; *облучок* — место для возчика; *оглобли* — круглые жерди, в которые впрягается лошадь; *завёртка* — приспособление для прикрепления оглобель к саням и др. Представим выявленные в воронежских говорах названия частей саней в виде словаря.

Би́лы, *мн.* Брусья, начинающиеся от передка и увеличивающие ширину саней; отводы. *То сани апшыты, а дровни — билы навиты* (БРД. Аннин.).

Ви́бжа, *ж.* Оглобля саней. *Диржы вибжу крепче!* (ДНК. Кашир.).

Вобжа (***во́бжа***, ***вобжа́***), *ж.* Оглобля саней. *Кто вабжы сламал?* (ДНК. Кашир.); *Вобжа у саней, и у сахе вобжа.* (СР.КРЧ. Гриб.; повсеместно).

Вожба́, *ж.* Оглобля саней. *У мине важба сламалась* (В.ТШН. Тал.; ПЧЛ. Бобр.).

Вы́рез, *м.* Резные украшения на спинке саней (ДНК. Кашир.).

Вязо́к, *м.* Распаренный прут, соединяющий копылья полозьев саней. *Запаривають прут в руку и саидиняють палозья прутами этими — вясками, значить* (Р.ГВЗ. Рам.); *Стоя лопнуть аднаму вяску, как сани выдуть ис строя* (РГВ. Белг.; повсеместно).

Голова́шка, *ж.* 1. Передняя изогнутая часть полоза саней; головка. *Када палозьи делають, то загибають — ета галавашки* (ДВЦ. Семил.); *Галавашки — загнутаи кверхю*

у саней (Р.ЖРВ. В.-Мам.); *Спереди галавашка на полазе* (РБШ. Аннин.; Р.ГВЗ. Рам.). 2. Передняя часть саней. *Пирядок называють галавашкай* (КРЧ. Рам.).

Головя́шка, *ж.* Передняя изогнутая часть полоза саней; головка. *Как он есть полас сагнулся, галавяшка* (БРД. Аннин.).

Гряду́шка, *ж.* Один из двух брусьев, идущих от передка, которые увеличивают ширину саней и удерживают груз; отвод (В.ТРВ. Нж.-Дев., КРС.ЛП. Реп., КРЧ. Рам., ПР.ХВ. Н.-Усм., Р.ГВЗ. Рам., ХРН. Бобр., ШСТ. Бобр.).

Дря́бы, *мн.* Брусья, идущие от передка, которые увеличивают ширину саней и удерживают груз; отводы. *Давай паложым на сани дрябы, тагда фсё увизём* (ХРН. Бобр. или Н.-Усм.).

Е́здни, *мн.* Место для сидения в санях (облучок?). *Ездни на них — для людей: кучера раньше ездили* (СЛВ. Лиск.).

Епанча́, *ж.* Войлок для подстилки в санях (также для укутывания лошади). *Паехал у горат и патерял епанчу* (РГВ. Белг.).

Зава́лья, *ж.* Спинка саней. *А на санках — завальи: санки-та плоскии, а то з завальими* (Р.ТРС. Остр.).

За́вертень, *м.* Крепление оглобель на санях. *Мы не смагли ехать: завертень сламался* (М.СМВ. В.-Хав.).

Завертка (***за́вертка***, ***завёртка***), *ж.* 1. Крепление оглобель на санях в виде металлической пластинки с отверстием. *Новую завёртку у кузни изделай* (Н.СЛС. Семил.); *Завирка атарвалась — пирпряги лошать* (РГВ. Белг.). || Верёвочная петля или кольцо из ремня, проволоки, прутьев для прикрепления оглобель к саням. ***За́вертка*** (СРНГ 9: 304). || Крепление оглобель на санях в виде запаренного толстого ивового прута. *А аглобли к завирки приварачивали* (ПРЛ. Семил.); *Завирка — хварастинка как абыкнавенная* (ПЧЛ. Бобр.); *Завирка у саней апять абарвалась* (ХРН. Бобр.). 2. «Оглобля у саней». ***За́вертка*** (Корот.) (СРНГ 9: 305).

За́дник, *м.* Задняя часть саней; задок. *На задник садились старшые* (М.СМВ. В.-Хав.).

Задо́к, *м.* Спинка саней. *Адин задок ат саней тарчить* (Б.ВРК. Рам.); *Пакрашыный задок у саней* (В.ТРВ. Нж.-Дев.); *Рабочии сани иль дровни — без затка: ани ш кармавыи* (Н.КРЛ. Аннин.); *Писаныи сани — сани з затком, разукрашыныи разными рисунками* (НЖ.КСЛ. Бутур.); *Есть сани выязныя з затком — затковые сани* (СТ.НКЛС. Хохол.).

Ко́зыри, *мн.* 1. *Песен.* Передние изогнутые части полоза саней; головки. *Я бы летам, я бы летам Ва калясачке вазил, а Зимою, а зимою Сани с козырями, Ещё с по́дрезами* (ДВЦ. Остр.) [Зайцева 1964: 378–379]; (ШСТ. Бобр.) [Зайцева 1964: 383]. «В обиходе *козырями* называют лошадей (в этом значении некоторые жители села и воспринимают слово *козыри* в словосочетании ***сани с козырями***)» (ДВЦ. Остр.) [Зайцева 1964: 379]. 2. Спинка саней. *Козыри — спинка, аблягаютца на няё* (ГЛД. Остр.) [Зайцева 1964: 379].

Козырьки́, *мн.*, *уменьш.-ласк.* Передние изогнутые части полоза саней; головки (ШСТ. Бобр.) [Зайцева 1964: 383].

Копы́л, *м.* Небольшой деревянный брусок, вбиваемый в полозья. *Удалбливают капылья́ ф палозья* (ДВЦ. Остр.); *Такую дериву на сани палажыл — аш капылы́ паламалися* (КПН. Остр.); *Капылы́ сайидиняют наклёски и палозья* (КРЧ. Рам.); *Капылы* (удар.?) *набиваютъ к саням* (ПРЛ. Семил.); *Капылы́ — распорки между палозьями и наклёсками* (Р.ГВЗ. Рам.); *Внизу у саней — капылья* (удар.?) (СЛВ. Лиск.); *Капылы* (удар.?) *паменять нада* (ХРН. Бобр.); *У дровней капыла́ уш изнасились* (ШСТ. Бобр.; ЯРК. Тал.).

Корзи́на, *ж.* Большой глубокий кузов в виде корзины для перевозки соломы на санях. *Карзину плитёную ставили на розвальни и вазили* (РБШ. Аннин.).

Кре́сли, *мн.* Полозья саней. *Бяс креслиф ани* (сани) *ни пайдуть* (БРВ. Н.-Усм.).

Наклёстка, *ж.* Продольное крепление копыльев из набиваемого на них бруса; нахлёстка. *Капылы́ сайидиняют наклёски и палозъя* (КРЧ. Рам.); *Капылы́ — распорки между палозъями и наклёсками* (Р.ГВЗ. Рам.).

Накре́стка, *ж.* Продольное крепление копыльев из набиваемого на них бруса; нахлёстка. (В.ТД. Аннин.).

Наса́дка, *ж.* Поперечное крепление копыльев; вязок. (В.ТД. Аннин.).

Плету́шка, *ж.* Верхняя плетёная часть саней. *Плятёная хварастяная плятушка была* (БРД. Аннин.).

Подде́лка, *ж.* Деревянная подбивка под полозьями саней. *Палозъя для саней — из дуба и ясеня, к ним приделывали падделки* (КРЧ. Рам.; Нж.-Дев.) (СРНГ 27: 387).

Подрез (***по́дрез***, ***подре́з***), *м.* Металлическая полоса, прикреплённая к полозу саней снизу. *Саласки с падрязами едуть лу́чей* (ГДВ. Семил.); *Я бы летам, я бы летам Ва калясачке вазил, а Зимою, а зимою Сани с ко́зырями, Ещё с по́дрезами* (знач.?) (песня) (ДВЦ. Остр.) [Зайцева 1964: 378–379].

Подре́за, *ж.* Металлическая полоса, прикреплённая к полозу саней снизу. *Штобы ни стирались палозъя, делают падрезы* (РБШ. Аннин.).

Притык, *м.* Маленький колышек в санях (для перевозки большого леса). *Притык вынеш — вязи, сани, мятровый лес* (РСТ. Эрт.).

Щёчки, *мн.* Крепление оглобель к саням. *Аглобли щёчками крепятца* (РБШ. Аннин.).

Анализ приведённых номинаций саней и их частей позволил сделать следующие выводы.

1. Подавляющее большинство наименований саней представляет собой существительные pluralia tantum. Что же касается одного их названия, употреблённого в ед. ч. (***козырёк***), то оно наблюдается в этой форме лишь в двух населённых пунктах, а в остальных также имеет форму только мн. ч. (***козырьки***).

2. Зафиксировано несколько уменьшительно-ласкательных форм, как среди названий саней (***дровни* — *дровнишки***; ***ездни* — *езденки***; ***козыри* — *козырьки*, *козырики***), так и среди наименований их частей (***козыри* — *козырьки***).

3. Отмечается разнообразие вариантов. Среди названий саней: фонетические (***бандюги* — *бендюги***), словообразовательные (***козыри* — *козырки***), грамматические (***козыри* — *козыря***). Среди названий частей саней: фонетические (***вибжа* — *вобжа* — *вожба***; ***головашка* — *головяшка***), акцентологические (***во́бжа* — *вобжа́***; ***за́вертка* — *завёртка***; ***по́дрез* — *подре́з***), словообразовательные (***завертень* — *завертка***; ***задник* — *задок***), грамматические (***подрез* — *подреза***).

4. Среди названий саней встречаются составные наименования (***бычьи сани*, *задковые сани*, *козыревые сани*, *писаные сани*, *рабочие сани*, *дышловые санки*, *подрезные санки*, *санки-писанки*, *санки с заломом***), которые иногда соотносятся с однословными наименованиями (***козыревые сани* — *козырёк*, *козыри*, *козырики*, *козырки*, *козыря***). При этом происхождение некоторых составных названий саней, зафиксированных в песнях, может быть обусловлено требованиями рифмы: «Только в песне употребляется ***козыревые сани*** на месте обычного в другом варианте песни ***сани с козырями***. Здесь необходимость употребления сочетания прилагательного с существительным связана со структурой, со словарно-грамматическим составом следующей параллельной песенной строки и рифмой» [Зайцева 1964: 409].

5. Большинство названий саней обладают прозрачной этимологией. При этом мотивировочными признаками являются:

— действие, характеризующее ход саней (***бегунки*, *дрожки*, *ездни*, *езденки*, *летучки*, *салазки*** — от ***сала́зить*** ‘не иметь твёрдой опоры на скользкой поверхности,

скользить' (Даль) (СРНГ 36: 54), ***сласи*** — вероятно, также от ***салазить***: ***салази*** > ***слази*** > ***сласи***);

— часть саней (***бандюги***, ***бендюги*** — от ***бендюг*** 'рычаг, бревно', при этом первое слово, по-видимому, ремотивировано лексемой ***бандит***; ***дышловые санки***, ***задковые сани***, ***козли***, ***козыревые сани***, ***козырёк***, ***козыри***, ***козырики***, ***козырки***, ***козыря***, ***разводы***, ***подрезные санки***);

— внешний вид (***бурдушки*** — от ***бурдовый*** 'бордовый' (Б.ВРК. Рам., МЧТ. Бобр., ПРЛ. Семил.), ср. также воронежские ***бурдучка*** 'верёвка, которой привязывают скот', 'обрывок верёвки' (СРНГ 3: 285), ***кресла***, ***писаные сани***, ***розвальни*** (широкие, «развалистые»), ***санки-писанки***);

— груз (***дровни***, ***дровнишки***);

— местонахождение (***подсанки***);

— назначение (***рабочие сани***);

— животное (***бычьи сани***).

Выделяются также слова с затемнённой этимологией (***зуни***, ***санки с заломом***).

Среди мотивировочных признаков, положенных в основу наименований частей саней, можно указать следующие:

— действие (***билы***, ***вырез***, ***вязок***, ***ездни***, ***завалья***, ***завертень***, ***заверткa***, ***козыри***, ***козырьки*** — от ***козырять*** 'щеголять, франтить' (ворон.) (СРНГ 14: 78), ***наклёстка***, ***накрестка***, ***насадка***, ***плетушка***, ***подделка***, ***подрез***, ***подреза***, ***притык***);

— внешний вид (***головашка***, ***головяшка***, ***грядушка***, ***корзина***, ***щёчки***);

— местонахождение (***задник***, ***задок***);

— материал (***дрябы*** — от ***дряба*** 'дряблое дерево, бревно' (Даль 1: 512)).

Некоторые названия частей саней являются заимствованными: ***епанча*** (тур.), ***вобжа***, ***вибжа***, ***вижба*** (укр. *обжа*). Ф. П. Филин указывает, что слово ***вобжа*** «распространено в северо-западной группе северновеликорусских говоров, а также в южной части южновеликорусского наречия,

где оно, несомненно, украинского происхождения» (СРНГ 4: 326). В пользу последнего говорит тот факт, что номинация *вібжа* ‘оглобля’ зафиксирована в «Словаре украинских говоров Воронежской области» М. Т. Авдеевой: *Розукрашені ві́бжі* (РЕП.; ДРК. Реп., ТХР. Кам.) (Авдеева 2008: 66). Отмечаются также тёмные по своему происхождению названия частей саней (***копыл***, ***кресли***).

6. Встречаются явления метафории (***корзина***, ***кресла***, ***щёчки***) и метонимии (***головашка*** ‘передняя изогнутая часть полоза саней; головка’ > ***головашка*** ‘передняя часть саней’; ***завертка*** ‘крепление оглобель на санях в виде металлической пластинки с отверстием’ > ***завертка*** ‘оглобля у саней’; ***козлы*** ‘часть саней (место для возчика)’ > ***козли*** ‘старинные сани с козырьком’; ***разводы*** ‘отходы, раскаты, упорные кроквы, дуги с боков’ (Даль 4: 16) > ***разводы*** ‘сани для перевозки леса’). Зафиксирован также двоякий метонимический перенос:

— ***козырьки*** ‘передняя изогнутая часть полоза саней; головка’ > ***козырьки*** ‘сани с загнутыми впереди полозьями’: «по-видимому, по составной части предмета назван весь предмет» [Зайцева 1964: 383];

— ***козыри*** ‘передняя изогнутая часть полоза саней; головка’ > ***козыри*** ‘спинка саней’: «Можно предположить, что и в с. Голдаевку песня пришла из области говора, где козыри обозначали головки или загнутую часть полозьев саней (круто загнутые полозья), отсюда и форма множественного числа (два полоза, поэтому сани с подрезами, с *козырями*). Однако в с. Голдаевке слово стало восприниматься в местном значении — *спинка саней*. Допустимо также, что песня была создана в области говора, где ***козырь*** — спинка саней, тогда форма множественного числа *козырями* объясняется требованиями рифмы (с козырями — с подрезами)» [Зайцева 1964: 379].

В настоящее время в воронежских говорах тематическая группа названий саней и их частей, которая содержит важ-

ную информацию не только лингвистического, но и культрологического плана, является закрытой, пассивно употребляемой и трудно выявляемой. В первую очередь это объясняется экстралингвистическим фактором — чрезвычайно малой распространённостью данного вида транспорта в современной деревне. Как верно отмечают собиратели диалектов, говоря о наименованиях средств передвижения, «эта тема далека уже не только от молодых собирателей — студентов, но и сами информанты не очень хорошо в ней ориентируются» [Батырева 2015: 32]. Тем важнее представляется задача выявления новых наименований саней и их частей в предстоящих диалектологических экспедициях.

Условные сокращения названий населённых пунктов

АНШ. — Аношкино
Б.ВРК. — Большая Верейка
Б.ПРВ. — Большая Приваловка
БГС. — Богословка
БРВ. — Боровое
БРД. — Бродовое
БРТ. — Братки
В.ТД. — Верхняя Тойда
В.ТРВ. — Верхнее Турово
В.ТШН. — Верхняя Тишанка
ГДВ. — Гудовка
ГЛД. — Голдаевка
ГНЛ. — Гнилуша
ГРМ. — Гремячье
ДВЦ. — Девица
ДНК. — Данково
ДРК. — Дракино
ЗРЧ. — Заречье
ЗТН. — Затон
КЗЛ. — Козловка
КПН. — Копанище
КРС.ЛП. — Краснолипье
КРТ. — Коротояк
КРЧ. — Карачун
КРШ. — Коршево
КЧГ. — Кучугуры
М.СМВ. — Малый Самовец
М.ЯСР. — Малые Ясырки
МДВЖ. — Медвежье
МЧТ. — Мечётка
Н.КРЛ. — Новый Курлак
Н.СЛС. — Новосильское
НЖ.БЫК. — Нижний Бык
НЖ.КСЛ. — Нижний Кисляй
НЖ.КТХ. — Нижняя Катуховка
НЖ.ММН. — Нижний Мамон
НКЛС. — Никольское
ОСТРОГ. — Острогожск
ПДЛ. — Подлесное
ПЗВ. — Пузево
ПР.ХВ. — Правая Хава
ПРЛ. — Перлёвка
ПРЛП. — Прилепы

ПСК. — Пески
ПЧЛ. — Пчелиновка
Р.ГВЗ. — Русская Гвоздёвка
Р.ЖРВ. — Русская Журавка
Р.ТРС. — Русская Тростянка
РБШ. — Рубашевка
РГВ. — Роговатое
РЕП. — Репьёвка
РСТ. — Ростоши
СДВ. — Садовое
СЛВ. — Селявное
СЛД. — Солдатское
СНН. — Сенное
СР.КРЧ. — Средний Карачан
СТ.НКЛС. — Староникольское
СТ.ТД. — Старая Тойда
СТ.ЧГЛ. — Старая Чигла
СТДК. — Студёнки
ТЛЦ. — Талицкий
ТД. — Тойда
ТХР. — Тхорёвка
ХРН. — Хреновое
ЧБЗ. — Чибизовка
ШСТ. — Шестаково
ЩУЧ. — Щучье
ЯРК. — Ярки

Условные сокращения названий районов и областей

Аннин. — Аннинский
Белг. — Белгородская обл.
Бобр. — Бобровский
Борис. — Борисоглебский
Бутур. — Бутурлиновский
В.-Мам. — Верхнемамонский
В.-Хав. — Верхнехавский
Гриб. — Грибановский
Калач. — Калачеевский
Кам. — Каменский
Кашир. — Каширский
Корот. — Коротоякский (ныне Острогожский)
Липецк. — Липецкая обл.
Листк. — Лискинский
Н.-Усм. — Новоусманский
Нж.-Дев. — Нижнедевицкий
Остр. — Острогожский
Пан. — Панинский
Повор. — Поворинский
Рам. — Рамонский
Семил. — Семилукский
Тал. — Таловский
Терн. — Терновский
Хохол. — Хохольский
Эрт. — Эртильский

Литература

Антушева Н. А. Наименования саней и их частей в пинежских говорах // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2008. СПб.: Наука, 2008. С. 177–186.

Батырева Л. П. Наименования средств передвижения в говорах Ивановской области (по данным письменных источников и живой разговорной речи) // Лексический атлас русских народных

говоров (Материалы и исследования) 2015. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 32–40.

Бердникова О. Е. Описание говора села Садовое Аннинского района Воронежской области: диплом. работа. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1992. 113 с.

Зайцева И. К. Соотношение языковых особенностей народно-песенной и обиходной речи диалекта (на материале русских народных песен и говоров Воронежской области): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1964. 463 с.

Любимов О. И. Диалектная лексика села Данково Каширского района Воронежской области: диплом. работа. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 1988. 85 с.

Шаповалова О. И. Описание говора села Коротояк Острогожского района Воронежской области: курс. работа. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2011. 98 с.

Шестакова Е. Н. Устойчивые словосочетания в говорах Воронежской области (на материале говоров Аннинского района): дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1967. 351 с.

Ширяева Н. Диалектная лексика села Сенное: курс. работа. Воронеж: Воронеж. гос. пед. ин-т, 1991. 24 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 187–195. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201816

Тайный язык валяльщиков села Чемодановка Бессоновского района Пензенской области

М. Д. Королькова

Статья посвящена новым сведениям, полученным по тайному «панатскому» языку валяльщиков села Чемодановки в процессе экспедиции в 2015 г. (200 лексем). Тайный язык был широко развит в селе ещё в начале XIX в. Часть слов, записанных в 2015 г., была впервые зафиксирована в конце XIX в. По происхождению присутствуют собственно офенские слова, слова из мордовского языка, а также слова, имеющие мотивированные русские основы. Кроме того, в ходе экспедиции впервые зафиксирована система личных местоимений.

Ключевые слова: диалектология, лексикология, тайные языки, условные языки, арго, Пензенская область, профессиональная лексика.

В этой небольшой заметке хотелось бы поделиться зафиксированным в 2015 г. «панатским» языком, тайным языком валяльщиков с. Чемодановки Бессоновского района Пензенской области.

Одной из смежных с изучением ремесленной лексики областей, привлекающей внимание исследователей, являются условные языки, или профессиональные арго. Немаловажной причиной для обращения к данному лингвистическому объекту является тот факт, что современные арго, социолекты и некоторые профессиональные жаргоны в качестве своих истоков имеют условные языки, существовавшие в прошлом в соответствующих социальных группах. Условные языки, или же профессиональные арго — это языковое явление, которое нечасто привлекает внимание лингвистов, но всё же существуют фундаментальные исследования, посвящённые

каталогизации и анализу тайных языков. Основополагающими в этом направлении являются работы В. Д. Бондалетова [Бондалетов 1965, 1966а, 1966б, 1966в, 1969, 1974, 1978, 1980а, 1980б, 1987, 2000, 2001, 2005а, 2005б], Н. П. Вольской [Вольская 1999], М. А. Грачева [Грачев 1986], А. В. Громова [Громов 2000], Д. С. Лихачева [Лихачев 1964], О. Ю. Нестеренко [Нестеренко 2007], Н. В. Поповой [Попова 1966], М. Н. Приемышевой [Приемышева 2009], И. И. Ревзина [Ревзин 1962], В. В. Стратена [Стратен 1931], H. Kellenbenz, M.-E. Xifaras [Kellenbenz, Xifaras 1971] и других. Большая часть исследований посвящена исследованию арго в период его развития — XVII–XIX вв., его генезису и происхождению.

Благодаря этим работам становятся более понятными закономерности развития ремесленной деятельности и соответствующей лексики.

По В. Д. Бондалетову, «в 19 веке условно-профессиональные языки бытовали в десятках городов и тысячах селений более чем двадцати губерний — (в частности — *М. К.*) на территории Пензенской (в районах Пензенском, Лунинском, Кузнецком, Пачелмском, Шемышейском, Иссинском, Белинском, Беднодемьяновском)» [Бондалетов 1987: 44]. По диалектологическим и социолингвистическим данным, тайные языки ремесленников и торговцев практически не сохранились на современном этапе языкового развития. Это произошло в связи с утратой реалий, в рамках которых они существовали.

Село Чемодановка со времени своего основания имело значительную ремесленную направленность. Большинство жителей села занимались отхожим валянием, собирались в партии по два-три человека или даже в артели и ходили по сёлам, работая на заказ.

Во время экспедиции в 2015 г., собирая ремесленную лексику, я посетила среди прочих и с. Чемодановка. За ремесленной лексикой мне посоветовали обратиться к валяльщику Василию Васильевичу Комарову, 1929 года рождения. Я на-

шла его в квартире его подруги. Он поздоровался со мной и с порога спросил: «Вы, наверное, про панатский язык спрашивать приехали?» Я не была готова к такому развитию событий, но поле есть поле. Стали разговаривать, и благодаря Василию Васильевичу и другим пожилым информантам-жителям села удалось записать не только ремесленную лексику, но и около 200 слов панатского языка, из которых больше половины (115) разнокоренные существительные. Немалую часть составляют и глаголы, присутствуют прилагательные, наречия и своеобразная система местоимений.

Конечно, материал находится в архаическом состоянии, но, когда местная жительница (смотрительница музея) на вопрос о том, используется ли ещё этот язык в своей тайной функции, ответила, что практически нет, только если мама с бабушкой от внучки что-то хотят тайком сказать, начинаешь сомневаться в его архаичности.

Тайный язык был широко развит в селе ещё в начале XIX в. П. Н. Тиханов, исследователь, записывавший тайные языки на рубеже XIX и XX вв., впервые опубликовал данные «пластинского», как он его называл, языка пензенских шерстобитов в «Трудах Черниговской губернской архивной комиссии» в 1899 г. В дальнейшем В. Д. Бондалетов опубликовал значительные по объёму новые материалы уже «понатского» языка шерстобитов с. Чемодановки, собранные в середине XX в.

Слова, зафиксированные в с. Чемодановке, не обладают строгой тематической отнесенностью: присутствуют и наименования родственных связей, и наименования предметов быта, и лексика, связанная с ремеслом, и счётные слова, и наименования некоторых лиц и действий.

М. Н. Приемышева провела крупнейшее исследование тайных и условных языков в России XIX в. [Приемышева 2009]. Она приводит, среди прочих, полный список слов, зафиксированных П. Н. Тихановым [Тиханов 1897–1898: 99–101]. Он составляет около 170 слов, и интересным оказалось

сравнить полученные в с. Чемодановка данные с ранее зафиксированными.

30 слов совпали полностью, вплоть до акцентуации и окончаний (представлены некоторые примеры):

алва́н	конь, лошадь
ано́шка	нос
верша́ть	смотреть, видеть
вя́чий	большой
гамза́	водка, вино
дробня́	вода
кальс	мясо
му́чилка	рука

46 слов совпали по корню, но имеют фонетические, морфологические или семантические расхождения (представлены некоторые примеры):

Современная фиксация	Список В. П. Тиханова	Значение
безуле́пный	***безуле́пица***	слепой
буйстр	***бу́йстря***	река
гальмо́	***гальм***	молоко
зяха́ть	***зя́хать***	говорить
лахо́ня	***лахо́н***	простыня, платок, полотенце
мասто́гать	***маста́кать***	работать, делать
матафо́нка	***мата́фня***	кошка
штуха́ры	***штуха́ры***	ноги (совр.) / колени (В. П. Тиханов)

Ряд слов совпадает или имеет одну основу со словами из других тайных языков ремесленников, торговцев, нищих или воров.

Слова, квалифицированные М. Н. Приемышевой как офенские по происхождению (около 30 единиц), присутствуют в зафиксированной нами лексике в значительном объёме:

сбран ‘брат, друг’, ***юсы́*** ‘деньги’, ***бо́сать*** ‘бить’, ***гамлю́ха*** ‘шапка’.

Кроме того, встречаются и слова из других тайных языков. Присутствуют также и слова, заимствованные из мордовского языка: ***аля́й*** / ***але́й*** ‘отец’, ***ва́рмас*** ‘ветер’, ***ви́ргаз*** ‘волк’, ***спи́дить*** ‘варить’.

Мотивированные русские основы: ***му́чилка*** ‘рука’, ***скребы́*** / ***скрябы́*** ‘сапоги, валенки’, ***скрипу́ля*** ‘дверь’.

Удивительно, что сейчас, во втором десятилетии XXI в., удалось встретить людей, которые знакомы с тайным языком отхожих ремесленников.

Пример 1. *Скрябы́ / ва́ленки / скрябы́ шмыри́ть // валя́ть //*

Пример 2. *Гамзу́ буса́ть / вино́ пить // буса́ть / пить // йисть стрека́ть // пахли́м стрека́ть / пойдё́м йисть // шума́нь похлё́бка // пахли́м стрека́ть // дай / наприме́р отда́й / отна́рь // отна́рь дай // дай масу́ сумака́ / вот / дай мне хле́ба / отна́рь масу́ сумака́ / дай мне хле́ба //*

Пример 3. *Суне́га / вот / отна́рь масу́ суне́ги / зана́чу в скрябы́ // дай мне карто́шки / зана́чу / положу́ в ва́ленки // штоб хазя́ин не зна́ет / што ва́ленки с карто́шкой валя́ют / вот гавъря́т / отна́рь масу́ суне́ги / в скрябы́ зана́чу //*

Исключительно интересна система местоимений. Как свойственно тайному языку, ярко наблюдается противопоставление свой — чужой, точнее, мы — они: ***мас*** ‘я’, ***масу́*** ‘мне’, ***масы́*** ‘мы’, ***масо́вский*** ‘мой, наш’, ***по-масо́вски*** ‘по-нашему’; ***сбран*** ‘друг, брат, ты’, ***сбраны́*** ‘друзья, братья, вы’; ***те́зай*** ‘он’, ***те́зая*** ‘она’, ***те́зовы*** ‘его \ их’, ***те́ские*** ‘они \ другие’, ***те́ский*** ‘он’, ***те́скай***, ***те́скова***, ***те́сковы*** ‘его’.

Во время расспросов о местоимениях, информант отвечает: ***мас*** — это я, ты — ***сбран***, ***те́зай*** — это другой, они — другие, те, кто выходят за пределы тех, кто *сбран*, и всегда это подчеркивается. Пока что не удалось определить происхождение указанных форм.

Слово ***мас*** присутствует в СРНГ в значении ‘мелкий торговец, офеня’ с указанием «из языка офеней» (СРНГ 17: 380), и такое толкование говорит о том, что в этом искусственном языке наличие самостоятельной системы местоимений не было описано. Слово ***сбран*** также присутствует в СРНГ в значении ‘брат’, но без указания на офенскую природу слова (СРНГ 36: 184).

Интересной в связи с системой местоимений является и форма первого лица единственного числа у глаголов:

Пример 4:

— А как будет я покупаю?

— *Мас куня́ет // я пакупа́ю / мас куня́ет //*

— Я покупаю?

— *Я пакупа́ю / я куня́ю / мас куня́ет //*

— *Я прадаю́ / мас пропу́ривает //*

На примере 4 можно видеть, что во время опроса автор, не понимая, пытается добиться от информанта формы 1 л., и как он снова и снова демонстрирует форму 3 л. Скорее всего, такая форма глагола служит для соблюдения функции сокрытия смысла высказывания от чужих, но есть вероятность того, что в какой-то степени она служит для идентификации себя как части определенного коллектива. Быть может, это смелое предположение, но в сознании ремесленника были возможны две разных оценки себя — как части этого коллектива (***мас***) и не как части коллектива (собственное я).

Подспорьем в работе стали любовь и уважение местных жителей к своему прошлому, в частности, к такому историческому феномену, как арго. Казалось бы, объекта изучения уже не существует, а имеющиеся данные давно полноценно исследованы, но неожиданно открываются новые перспективы исследования.

Литература

Бондалетов В. Д. Словарь условного языка арзамасских ремесленников // Вопросы русской диалектологии / Ред. проф. В. А. Малаховский. Куйбышев: Куйб. гос. ун-т, 1965. 198 с.

Бондалетов В. Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л.: Изд-во ЛГУ, 1966. 28 с.

Бондалетов В. Д. Лексико-понятийная система условно-профессиональных языков // Ученые записки Пензенского государственного педагогического института. 1966б. Вып. 17. С. 107–114.

Бондалетов В. Д. О некоторых способах словообразования в русских условно-профессиональных языках // Ученые записки Пензенского государственного педагогического института. 1966в. Вып. 17. С. 115–123.

Бондалетов В. Д. Социально-экономические предпосылки отмирания условно-профессиональных языков и основные закономерности этого процесса // Вопросы социальной лингвистики / Под ред. А. В. Десницкой, В. М. Жирмунского, Л. С. Ковтун. Л.: Наука, 1969. С. 398–416.

Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Вып. 1. Условные языки как особый тип социальных диалектов. Рязань: РГПИ, 1974. 75 с.

Бондалетов В. Д. Русские говоры Пензенской обл. и их изучение // Вопросы географии Пензенской области и методики географии. Вып. 3 / Отв. ред. С. И. Жаков и др. Пенза: ПГПУ, 1978. С. 45–62.

Бондалетов В. Д. Условные языки на территории Калининской и Ярославской областей и их изучение // Лексика и фразеология севернорусских говоров / Под ред. Ю. И. Чайкиной. Вологда: Вологод. гос. пед. ун-т, 1980а. С. 26–32.

Бондалетов В. Д. Условные языки русских ремесленников и торговцев. Словопроизводство: учеб. пособие к спецкурсу. Рязань: РГПИ, 1980б. 104 с.

Бондалетов В. Д. Типология и генезис русских арго: учеб. пособие к спецкурсу. Рязань: Рязан. ГПИ, 1987. 84 с.

Бондалетов В. Д. Проблемы источников для составления арготических словарей // Лексика и лексикография. Вып. 11: сб. науч.

тр. / Отв. ред. Ю. Г. Коротких, А. М. Шахнарович. М.: Отделение историко-филологических наук РАН, 2000. С. 6–19.

Бондалетов В. Д. Словарь арго Шемышейского района Пензенской области // Лексика и лексикография. Вып. 12: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. Г. Коротких, А. М. Шахнарович. М.: Отделение историко-филологических наук РАН, 2001. С. 13–28.

Бондалетов В. Д. Диалекты офенского языка в Пензенской области // Лексика и лексикография. Вып. 16: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. Л. Воротников, Ю. Г. Коротких. М.: Отделение историко-филологических наук РАН, 2005а. С. 33–43.

Бондалетов В. Д. Своеобразие арго села Селитьба Пензенской области // Лексика и лексикография. Вып. 16: сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю. Л. Воротников, Ю. Г. Коротких. М.: Отделение историко-филологических наук РАН, 2005б. С. 24–32.

Вольская Н. П. Язык и культура «Бродячей Руси»: на материале арго русских торговцев и ремесленников XVIII–XIX вв.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 23 с.

Грачёв М. А. Русское дореволюционное арго 1861–1917 гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1986. 19 с.

Громов А. В. Жгонский язык. Словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. М.: Энциклопедия российских деревень, 2000. 126 с.

Лихачёв Д. С. Арготические слова профессиональной речи // Развитие грамматики и лексики современного русского языка: сб. ст. / Под ред. И. П. Мучника и М. В. Панова. М.: Наука, 1964. С. 311–359.

Нестеренко О. Ю. Арго Костромских и Пензенских шерстобитов в сопоставлении // Известия Пензенского государственного педагогического университета. Сектор молодых ученых. 2007. № 3. С. 160–162.

Попова Н. В. Элементы арго в областном словаре // Лексика русских народных говоров (Опыт исследования) / Ред. Ф. П. Филин. М.; Л.: Наука, 1966. С. 19–27.

Приёмышева М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в: В 2-х ч. СПб.: Нестор-История, 2009. 455 и 696 с.

Ревзин И. И. К семиотическому анализу «тайных языков» // Симпозиум по структурному изучению знаковых систем: Тезисы докладов. М.: Изд-во АН СССР, 1962. С. 33–37.

Стратен В. В. Арго и арготизмы // Труды комиссии по русскому языку. 1931. Т. I. С. 111–147.

Тиханов П. Н. Черниговские старцы. Псалки и криптоглассон // Труды Черниговской губернской Архивной комиссии. 1897–1898. Вып. I. Отд. 2. С. 99–101.

Kellenbenz H., Xifaras M.-E. Marchands en Russie aux XVIIe et XVIIIe siècles (II) // Cahiers du monde russe et soviétique. Vol. 12, № 1–2. Janvier-juin 1971. P. 76–109.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 196–204. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201817

«Лексический атлас русских народных говоров» как один из образцов лексикографической работы в системе изучения народного слова (к выходу в свет тома «Растительный мир»)

Л. Я. Костючук

Этап работы над одной из первых тем в разделе «Природа» — «Растительный мир» — позволяет задуматься о значимости проводимого в течение многих лет индивидуально-коллективного исследования. Была выяснена роль собранного качественно-количественного материала на соответствующее звено в целостном восприятии окружающего мира: материал объективно направляет автора на выбор соответствующего типа карты, даже не предусмотренного первоначально в инструктивной «Программе собирания сведений» в полевых условиях. В то же время приходится наметить и пути дальнейшей подобной работы по поиску и обработке материала с учётом полученного опыта. Картографирование как одно из проявлений лингвогеографического аспекта изучения народного слова тесно связано и с лексикографированием. Поэтому сравнение и сопоставление фактов, приёмов для обнаружения «плюсов» и «минусов» в полученных результатах показывает и перспективную значимость опубликованного тома, занявшего признанное место в лингвогеографическом направлении науки.

Ключевые слова: новизна информации, системность в картографировании, традиционные и новаторские карты, лингвогеография.

Весь XX век и пришедший ему на смену XXI принесли в лингвистическую науку взлёт не только интереса, но и неустанного труда над диалектным словом, который не прекращался даже в военные и, конечно, в последующие мир-

ные годы. (Последние оказались, к сожалению, осложнены неожиданными трудностями запретов и ограничений некоторых тем.)

Среди основных достижений XX века — классическая разработка диалектного членения русского языка 1915 г. [Дурново, Соколов, Ушаков 1915]; обоснование и создание томов «Диалектного атласа русского языка» (напр., ДАРЯ 1997), а следом и разработка проекта, обсуждение создаваемых томов «Общеславянского лингвистического атласа» (ОЛА 2007); обращение академических институтов и многих вузов к лексикографическим проблемам: сбору, обработке и представлениям народного материала в диалектных словарях разных типов (СРНГ, ПОС, СБГ, НОС 2010, АОС, СРГК, СВГ, ЯОС и др.).

С 70-х гг. И. А. Попов приложил необыкновенные усилия для продвижения своей перспективной идеи о «Лексическом атласе русских народных говоров» [Попов 1974]. И наконец, 1988 г. ознаменовался началом нашего неустанного коллективного труда над уникальным атласом. Теперь действует армия собирателей, исполнителей из преподавательско-студенческой среды. Не замерла эта деятельность ни на один день и после безвременного ухода из жизни талантливого руководителя-организатора этого труда. А стало такое возможным благодаря еще одному энтузиасту — опытному, творческому диалектологу-картографу, замечательному учёному, учитывающему синхронные и диахронные аспекты в подходе к материалу, многоаспектные особенности слова, — Татьяне Ивановне Вендиной. Обширные и глубокие знания, терпение, стойкость Татьяны Ивановны как незаменимого редактора все эти годы работы над материалом «Лексического атласа русских народных говоров» способствовали тому, что сейчас в академическом издательстве вышел том более чем с 200 картами и документами к каждой (ЛАРНГ 2017).

Типы карт уникальны и разнообразны: лексические, лексико-словообразовательные, словообразовательные, семан-

тические, мотивационные, номинативные, что показывает неравнодушное, неформальное отношение составителей и редактора к материалу. Ряд карт появился не паново, а под влиянием материала.

Оценивать место «Лексического атласа русских народных говоров» в системе работы над диалектным словом необходимо в разных аспектах: по внешней и по внутренней значимости такого труда в лингвогеографическом направлении, а также в теоретическом и практическом аспектах.

Внешнее проявление роли атласа. Авторитет «Лексического атласа русских народных говоров», которым занимаются очень многие вузы, особенно Европейской части России, объясняется тем, что атлас уникален по многоаспектности материала и учитываемых свойств народных слов, а также и по научно-практической значимости представления диалектных единиц. Поэтому он фактически 1) победил запреты вузам создавать местные словари, диалектные карты; 2) помог усилить диалектно-историческую линию научной работы тем вузам, которые ее проводили (например, Псковскому государственному университету): 3) сплотил разновозрастной коллектив участников ежегодных (иногда и по несколько в год) «ларнговских» встреч; 4) в результате выездных заседаний в другие города постепенно в ряде вузов при поддержке местного руководства, понимающего настоящее дело, складывались научные центры, лаборатории по изучению народной речи. Удавалось поднять на собирательско-исследовательскую работу и школьников, из которых вышли защитники и ценители народной речи (в Пскове центром поддержки способных школьников проводятся специальные историко-археолого-диалектологические летние экспедиции).

Внутреннее проявление значимости «Лексического атласа русских народных говоров» можно усмотреть в ряде особенностей свершившегося издания.

1) Прежде всего это научная обоснованность положений, требований при рассмотрении в соответствующем аспекте

сложнейшей единицы языка — слова; системность подхода к пониманию диалектной составляющей национального языка; необходимость знать, учитывать уровневую структуру языкового материала (в отличие от речевого, но в то же время и с учётом указанной «антиномии»), обнаруживая наиболее удачный выход для соответствующего пункта программы (см. ЛАРНГ 2017: карты). Этому служит и разработка легенды на основе неоднократно уточняемого алфавитного списка слов для картографирования.

2) Приходится сталкиваться с поисками решений при получении, фиксации, затем при обработке для карты сведений о почти забытых ныне реалиях, об их наименованиях (достаточно вспомнить трудности при сборе материала о льне и его обработке, причём при большом количестве вопросов (Программа ЛАРНГ: № 6276–6332), о чрезвычайно значимой, но фактически забытой сейчас сельскохозяйственной культуре). Очень сложно признать различие или сближение названий в вопросах типа «*Шишковатый нарост на стволе дерева*» и «*Грибной нарост на стволе дерева*» (Программа ЛАРНГ: № 44–45) и т. д. Выяснение некоторых наименований, народных терминов помогает сохранить тот или иной фрагмент языковой картины мира сельских жителей.

3) Забота о «неперегрузке» информации на карте (не более 3-х значков) требует умелого выбора наиболее показательных названий. В то же время учитывается значимость полноты сведений, что сопровождается соответствующими отсылками при оформлении «текста» карты. Теория и способы передачи информации позволили выработать два вида отсылок: на «*Индекс материала*» или на «*Комментарий*» с обоснованием многих решений данной карты. Для этого чрезвычайно ценными оказались и советы-требования редактора, имеющего опыт создания и редактирования «Общеславянского лингвистического атласа».

4) Информативность карты и скорость знакомства с необходимыми и важными сведениями зависят от многих факто-

ров в оформлении легенды и всей карты, в частности, от цвета. Поэтому, как представляется с позиции пользователя, в «Лексическом атласе русских народных говоров» цвет фона оптимально не раздражающий, а облегчающий поиск (для сравнения напомним: в других атласах, например в (ОЛА 2007), слабый голубой фон затрудняет «чтение» карты).

5) Работа над атласом научила учёту многоаспектной семантики слова (лексической, грамматической, словообразовательной, мотивационной, стилистической), да ещё при проявлении подчас прозрачной этимологической составляющей. Сначала у обучающихся картографированию наблюдалось стремление максимально отражать всё это в само́м значке. Но пришлось отказаться от суммарного изображения всех свойств слова в пользу доминирования лексемы-наименования соответствующей реалии, сознательно «забывая» о неглавном «в данном месте и в данное время». И, учитывая уже вошедший в практику заслужившего признание «Общеславянского лингвистического атласа» приём так называемой «*карты дубль*», авторы «Лексического атласа» тоже приняли спасительное решение расчленённо сообщать для некоторых названий реалий и о словообразовательной структуре (которая подчас порождает разную родовую принадлежность слова), и о мотивационной составляющей в народной номинации (после достаточно внимательного изучения этимологических признаков). Исполняется это на особых дополнительных картах под основным номером, но с индексом и пометой «*дубль*» (например, к карте на тему «Белый гриб» и др.).

6) При работе над атласом удалось с помощью убедительных народных фраз обосновать редкое, но интересное явление *энантиосемии*, например, для слова ***нора́*** ‘кучка земли, нарытая кротом’ и, что обычно называется словом ***кротови́на*** с корнем *крот-* (Программа ЛАРНГ: № 215).

7) Карты, конечно, призваны отражать изоглоссы картографируемого явления. Но как быть, если в разрознен-

ных пунктах бесспорные единичные, неповторяющиеся лексемы называют именно описываемое явление? Авторитет «Общеславянского лингвистического атласа» позволил ввести так обрадовавшие нас рубрики соответствующих значков *«единичные наименования с картографируемыми корнями»* и *«единичные наименования с некартографируемыми корнями»*.

Такие решения, апробированные на практике, войдут (и теперь уже входят) благодаря и «Лексическому атласу русских народных говоров» в «азбуку» современного картографирования. В связи с картографированием постоянно ощущается актуальная проблема *отдельности* и *вариантности слова*. Так, при многодесятилетней работе над «Псковским областным словарем с историческими данными», при постоянном пополнении материала, строго соблюдается, уточняется «Инструкция Псковского областного словаря с историческими данными» [Ларин 1961; Инструкция 2004]. Приходится и сейчас дополнять некоторые пункты в «Инструкции». 3-й вариант этого документа помещён в подготовленный выпуск 27 «Псковского областного словаря», находящийся сейчас в печати. Об одном явлении скажем в данной статье, поскольку оно уже заинтересовало и «ларнговцев» во время моего доклада год назад.

Псковские случаи типа: *«Он ма́лиц-тъ* ***младо́й****, но* ***злато́й****»* — это фонетические нерегулярные варианты к словам ***молодой***, ***золотой***, а не исторические. Внешне соотношение типа ***молодой*** / ***младой*** похоже на явления полногласия (восточнославянское, русское) и неполногласия (заимствование из древнего южнославянского). Но в бытовой речи звучание типа ***младо́й***, конечно, не церковнославянизм, а особенность устной речи с соответствующим упрощением. Причём псковские старообрядцы, 300 лет назад переселившиеся на чужбину в зарубежье (например, в Польшу), сохраняют эту черту. В «Псковском областном словаре» различаются разные слова и варианты одного слова с разной подачей в сло-

варных статьях. Естественно, что с общими проблемами диалектного слова приходится иметь дело и при лексикографировании, и при картографировании.

8) Нейтральное и эмоциональное название одной и той же реалии — это, конечно, разные слова (как и ***лиса***, ***лисица***), а не варианты одного слова. Но практические «возможности» «Лексического атласа» иные, чем лексикографического труда. Поэтому в целях экономии пространства однокоренные синонимы, различающиеся, например, отношением ласкательности или совмещением ласкательности и уменьшительности (прежде всего эмоцией) в речи диалектоносителя, на карте часто приходится помещать под одним значком, но с перечислением обеих лексем в расшифровке значка. Условно это аналогично обычным фонетическим чередованиям. Так, знакомство с одним из томов «Общеславянского лингвистического атласа», для которого псковичами были обследованы в первой половине 60-х гг. два пункта (Малы Печёрского р-на и Стёпаново Порховского р-на), позволило под общим значком заметить справедливую запись двух псковских лексем ***колодезь***, ***колодец*** при отражении смысла ‘вырытая в земле яма для добывания воды, колодец’ (ОЛА 2007: 28, карта № 1).

Много интересных находок, решений скрывается в авторских картах «Лексического атласа русских народных говоров». Введена новая информация о русских говорах Европейской части России с учётом прежде всего лексико-словообразовательных особенностей. В результате на данном этапе наглядно (карты) и описательно (продуманные комментарии и убедительные подтверждающие народные фразы) зафиксирована языковая картина мира русских диалектоносителей. Важно, что этот бесценный материал показывает перспективы дальнейшего научного осмысления многих аспектов того, что собрано, представлено и хранится в архиве.

Укажем, чтó бросилось в глаза при знакомстве с обобщением материала в одном из томов «Общеславянского линг-

вистического атласа» (ОЛА 2007): серьёзное картографическое исследования заимствований из отдельных групп языков: четыре карты (№ 75–78) посвящены этой проблеме. Работа с русским материалом тоже требует подобного внимания: такой аспект помогает понять смысл лексемы, заимствованной из незнакомых составителю карты говоров. Мы помним, как С. А. Мызников всегда увлечённо разъясняет то или иное русское диалектное слово, если в нём «проглядывает» финно-угорский след. Псковичам тоже важен этот древнейший и нынешний финно-угорский след (псковские говоры соседствуют с эстонским языком), как и балтский след (давнее соседство псковичей с балтскими — латышским, литовским — народами). Учёт этого уже привел к некоторым буквально революционным открытиям в судьбе не только носителей псковских говоров, но и некоторых групп славянства, даже восточного.

Напомним, что в октябре 2017 г. прошла Международная научная конференция «Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода I выпуска Псковского областного словаря с историческими данными)», на которой шла речь о многих открытиях именно на псковском материале, сделанных прежде всего С. М. Глускиной: несвершение второй палатализации заднеязычных в древних корнях *кеп-*, *кед-*, *кев-*, особые соотношения звука [*х*] со звуками [*с*], [*ш*] и др. А также об уникальном только псковском рефлексе в виде сочетаний звуков [*гл*], [*кл*] на месте древних сочетаний [**dl*], [**tl*], в отличие от общевосточнославянского рефлекса [*л*] (*всегли* вместо *всели*). Это с XIX в. не давало покоя таким учёным, как А. И. Соболевский, А. А. Шахматов.

К сожалению, А. А. Зализняк по состоянию здоровья не мог присутствовать на конференции, но прислал с коллегами и свой доклад, и копии писем С. М. Глускиной в ходе их переписки — образца высоких научно-человеческих отношений двух больших учёных, когда А. А. Зализняк признал первен-

ство предшественницы в обнаружении и убедительном обосновании факта и причины отсутствия второй палатализации в псковских говорах. Много других интересных многоаспектных вопросов было затронуто и обсуждено в ходе трёх дней псковской конференции [Псковские говоры 2017, 1–2].

Литература

Дурново Н. Н., Соколов Н. Н., Ушаков Д. Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии. М.: Синодальная типография, 1915. 140 с.

Инструкция «Псковского областного словаря с историческими данными» (2-я редакция) // Псковский областной словарь с историческими данными. Вып. 15 / Под ред. И. С. Лутовиновой, М. А. Тарасовой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2004. С. 5–67.

Ларин Б. А. Инструкция Псковского областного словаря с историческими данными. Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 22 с.

Попов И. А. Лексический атлас русских народных говоров (Проспект) / Под ред. Ф. П. Филина. Л.: Наука, 1974. 45 с.

Псковские говоры и их исследователи (к 100-летию со дня рождения С. М. Глускиной и 50-летию выхода I выпуска «Псковского областного словаря с историческими данными»). Ч. 1–2 / Под ред. Н. В. Большаковой, Л. Я. Костючук. Псков: ЛОГОС, 2017. Ч. 1. 420 с., ил. Ч. 2. 288 с., ил.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 205–211. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201818

Названия синицы в русских говорах

Н. А. Красовская

Статья посвящена анализу названий синицы, существующих в русских говорах. Автор рассматривает семантику понятия, упоминания синицы в фольклорных произведениях и мотивационные признаки образования слов, обозначающих синицу. Описано распределение на территории России наиболее распространенных и единичных названий. Сделан вывод о том, что на территории русских говоров преобладает общеизвестное слово ***сини́ца***, чуть менее частотно ***сини́чка***, также используются слова ***синю́ха***, ***си́нька***, ***зи́нька***, ***лазо́ревка*** и лексемы с корнем *желт-*.

Ключевые слова: русские говоры, синица, лексема, название.

Синица (Parus major) — птица, которая широко известна в разных регионах России, она обитает на всей территории Европы, Ближнего Востока, Центральной и Северной Азии, в некоторых районах Северной Африки. Является неперелетной птицей, чаще всего синицу можно встретить на опушках лесов, возле дорог, в городских парках и скверах, около человеческого жилья. Многочисленные подвиды синицы в целом обладают довольно примечательной внешностью: птица имеет желтую или желто-зеленых оттенков грудку, белые щеки, темную голову, спинку и крылья сероватого или голубоватого цвета. Она относится к подвижным птицам, как и иные представители отряда воробьинообразных, обычно небольшая по размеру и весу, питается насекомыми, но с удовольствием ест крупу, семена растений.

Надо отметить, что образ синицы, несмотря на довольно широкую распространенность ее в реальной жизни, не так часто встречается в фольклоре, как, например, образ жаворонка, голубя, сокола и некоторых других птиц. Однако

можно вспомнить некоторые известные выражения, в которых говорится о синице: *лучше синица в руке, чем журавль в небе*; *воды из моря синица не много упьёт*; *Синичка, синичка, // Воробью сестричка. // Воробей — воришка // Залез в амбаришко, // Клевать просо // Своим носом* и др. В народном календаре можно найти праздник Синичкин день, или Зиновий Синичник; согласно приметам, именно в это время, накануне наступления холодов, синицы прилетают ближе к человеческому жилью в ожидании помощи. Обычно этот праздник отмечался 12 ноября (или 30 октября по старому стилю). Другие названия праздника — Синицын день, День Зиновия, Зинькин день, Синичкин праздник, Зиновий и Зиновия. На Руси в этот день почитали синиц, развешивали для них кормушки. Загадывали: если синичка залетит во двор — будет счастье[1].

Надо сказать, что те контексты, которые мы встречали при анализе материала картотеки ЛАРНГ для подготовки карты по вопросу 289 «Синица», полностью соответствуют высказанным выше положениям о том, каков внешний облик птицы, где она живет, как себя ведет, как ее воспринимают люди.

Так, говоря о внешности синицы, диалектоносители отмечают следующее: *Синица, птица маленькая, с жёлтым брюшком, она с деревьев жучков ест* (Коми). *Синица, синенькая, потому и зовется синицей, грудка у ней жёлтенька бывать, бывать розово-жёлтенькая* (Коми). *Синица, так это птица с жёлтыми грудками, махонькая* (Архан.). О поведении синиц и их расселении из высказываний информантов узнаем: *Уу, синицки-то везде есть* (Архан.). *Синицей и радуемся зимой, и подкармливаем только салом, помрет от зерен и хлеба* (Волог.).

Неоднократно носителями говоров указывается на то, что синицы — подвижные птицы, много прыгают, издают самые разнообразные звуки. С синицами связано довольно много

[1] Синичкин день. URL: https://sama-zhizn.ru/holiday/sinichkin-den/

примет. Так, нами на основании материалов картотеки были выявлены следующие: *Если синица на окно садится и в окно стучится, значит, жди гостя* (Коми). *Если лазоревка в окно стучится, то это к несчастью* (Перм.). *Синицы засвистели, значит, осень пришла* (Костром.). *Синица запела — к хорошей погоде, зачирикала — к холодной* (Псков.). *Синица попоёт — то и холод будет* (Удмурт.). *Говорят, если синица на заборе сидит, то к плохому, в этом году в окошко стукнулась* (Влад.). Из приведенных речений следует, что приметы, связанные с синицей, довольно противоречивы: с одной стороны, появление синицы — это к хорошему, с другой стороны — к плохому; пение синицы — к хорошей погоде, а в другом высказывании — к холодной.

Самой известной лексемой, именующей синицу, является общераспространенное слово ***сини́ца***. Некоторые носители диалектов так и говорят: *Синицу синицой и зовут* (Ленингр.). Практически на всей территории русских говоров распространено еще одно слово — ***синичка***. В ряде случаев оно существует как параллельное название, однако в некоторых говорах отмечается только лексема ***сини́чка***, при этом имеются высказывания, в которых можно найти объяснение такому употреблению: *Синичка, мы ее все синичкой зовем, она ведь маленькая такая* (Костром.).

Корень *син’*- оказывается довольно продуктивным в названии данной птицы. Помимо лексем ***сини́ца*** и ***сини́чка***, в русских говорах отмечаются такие слова, как ***си́нька***, ***синю́ха*** и ***синю́шка***: *Маленьких птицек-то много летает, синюшки, зеленушки всякие* (Волог.), *Синичка-сестричка, еще синюха говорят* (Псков.), *Зимой синюху только и видишь* (Твер.).

М. Фасмер был склонен считать, что название ***сини́ца*** восходит к слову *синий*: «связано с синий...» (Фасмер 3: 625). А. Г. Преображенский также связывает слово ***синица*** со словом *синь*: «К синь; син-ица; суф. -ица-... название по цвету» (Преображенский 2: 287). Диалектоносители рас-

суждают подобным образом: *Синички прилетають к нам, на кусту тут сидять. Жёлтенька такая птичка, головка сверху синенькая* (Псков.). *Синица — птица с жёлтеньким брюшком и синей спинкой, она у нас круглый год живёт* (Влад.). *Синица — потому что она синяя. Я их кормлю зимой* (Москов.). Однако, как это часто бывает, существует версия и об ономатопеическом происхождении названия птицы. Действительно, многие носители говора указывают на характерные черты в поведении этой птицы, которые связаны с тем, как она издает звуки: *Синичка, если тенькает, весну зовет* (Костром.). *В солнечные дни синьки звонко тенькают* (Влад.).

Незначительно от корня *син'*- отличается корень *зин'*-. Лексема ***зи́нька*** довольно часто встречается на территории русских говоров. Она отмечается во владимиро-поволжских, вятских говорах, в русских говорах Удмуртии и Башкирии, в Пермском крае, в курско-орловских, в донских говорах: *Зинька удачу в клювике принесла* (Костром.). *Зимой-то зиньку мы кой-чем подкармливаем* (Твер.). Можно предположить, что данное название все-таки связано со звуками, которые издает синица.

Более сложным для определения мотивационных признаков является слово ***лазо́ревка*** (или ***лазо́рка***). Конечно же, на первый взгляд, данное именование связано с цветовым обозначением. Но лазоревый цвет — это далеко не желтый. Хотя нам встретился в материалах картотеки ЛАРНГ такой контекст: *Брюшко-то у птицы лазорево, вот и лазоревкой назвали* (Нижегород.). Дело в том, что синица имеет многочисленные разновидности. Скорее всего, разновидность, которая именуется ***лазо́ревкой***, отличается окрасом. Об этом пишут и орнитологи: «В окрасе заметно отличается от других видов синиц, прежде всего, сине-лазоревой шапочкой и тёмно-синими тонкими полосками по обеим сторонам клюва, которые проходят через глаза и далее смыкаются на затылке. Ещё одна тёмно-синяя полоса прохо-

дит вокруг шеи, образуя подобие ошейника. Щёчки и лоб белые; затылок, крылья и хвост голубовато-синие. Спина, как правило, оливково-зелёная, однако может иметь различные оттенки в зависимости от района обитания. Низ зеленовато-жёлтый, внизу имеется небольшая тёмная продольная полоса. Клюв чёрный, ноги сизо-серые»[2]. Видимо, преобладание в окрасе данной птицы голубовато-серовато-зеленоватых оттенков, действительно, способствует такому ее восприятию в целом (включая брюшко). Рассматриваемая лексема отмечается во владимиро-поволжских, курско-орловских, брянских говорах. В меньшей степени встречается на северо-западе и севере распространения русских говоров: *Зимой у нас в дровянике жили лазоревки, я их подкармливал пшеном* (Киров.). *Лазоревки на зиму никуда не улетают, здесь остаются* (Волог.). *С наступлением зимы прилетают лазоревки* (Брян.).

С обозначением оттенков окраса птицы связаны и лексемы, имеющие в своем составе компонент *желт-* (***желтогру́дка***, ***желтопу́зка***): *Желтопузок зимой особенно много* (Влад.). Названия с таким корнем тонким ленточным ареалом распространяются с севера на юг (можно даже предположить, что распространяются по бассейну реки Волги): это владимиро-поволжские говоры, говоры Дона.

Помимо названных выше лексем, имеющих довольно широкое употребление, в материалах картотеки имеются указания на единичные названия. Произведенная сверка с данными СРНГ показала, что такие слова, как ***ледоло́мка***, ***ивано́к***, ***ива́нчик***, именуют синицу: *Синька-то весной прилетат, когда лёд ломацца, ишо мы её ледоломка называем* (Нижегор.); *Иванок, как воробей, смирный такой, красивый* (Рост.), *Синиц у нас всегда иванчиками звали* (Рост.).

На особую способность этой птицы появляться перед морозами, не улетать в теплые края зимой, а вести в холод-

[2]Обыкновенная лазоревка. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Обыкновенная_лазоревка

ное время года полноценную жизнь указывают такие лексемы, как ***зима́нка*** (волгогр.); ***зимо́вка*** (самар.); ***зи́мушка*** (твер.); ***северу́ха*** (архан.). Слова ***зеле́нчик*** (свердл., челяб.), ***зеля́к*** (яросл.), скорее всего, в своем появлении мотивированы желто-зелёным оттенком грудки, на который неоднократно обращают внимание носители говора: *В синицы грудка зелёная* (Псков.). Видимо, вследствие того, что синица не прочь полакомиться салом, для ее обозначения используется лексема ***мясни́к*** (челяб.). Как единичные нами также отмечены лексемы ***пи́нька*** (карел., костром.) и ***пищу́ха*** (твер.), которые, скорее всего, мотивированы звуками, издаваемыми синицей.

К лексемам, встречающимся на довольно ограниченной территории, можно отнести слова ***щур*** (рост.), ***щу́рка*** (рост.). В «Большом толковом словаре донского казачества» имеется указание на то, что они обозначают синицу (БТСДК: 599).

Некоторые материалы картотеки содержат такие названия, как ***по́тка***, ***по́точка***. Однако иллюстрации не дают основания считать, что эти лексемы называют именно синицу, а не любую другую птицу. СРНГ свидетельствует о том, что приведенные выше слова именуют просто птицу: «Птица (непромысловая), птичка, птаха. Вят.,... Волог. Твер., Калин., Новг., Яросл., Костром., Уральск.... || Певчая птица, птичка. Вят.,... Волог. || Птица, живущая на болоте... || Птица наподобие сороки» (СРНГ 30: 284). Нами отмечены такие контексты: *Поточки прилетели* (Костром.). *Синичек-от жалко, красива потка* (Костром.).

Лексемы ***плі́цицка*** (коми), ***плі́сточка*** (твер.), ***плі́ска*** (нижегор.) также, по нашему мнению, не именуют синицу, хотя были отмечены в картотеке. Данные слова являются однокоренными с ***плиси́ца***, ***плисо́вка***, которые, по данным словарей, называют трясогузку (СРНГ 27: 139). Иллюстраций не имеется.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на территории русских говоров преобладает общеизвестное слово ***сини́ца***, чуть менее частотно ***сини́чка***, также используются слова ***синю́ха***, ***си́нька***, ***зи́нька***, ***лазо́ревка*** и лексемы с корнем *желт-*. Ведущим мотивационным признаком в наименованиях оказывается признак по цвету, в большинстве случаев это не желтый (по цвету грудки), а синий (лазоревый) — по цвету головы, верхней части туловища, крыльев.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 212–225. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201819

Электронные карты пинежских говоров (по материалам Словаря пинежских говоров)*

А. Н. Левичкин, О. Н. Крылова, Р. В. Гайдамашко

Статья посвящена обзору электронных карт, составленных на различных материалах, относящихся к лингвогеографии. Такие карты можно условно разделить на две группы: оцифрованные бумажные карты и карты, сделанные с использованием различных картографических систем. Приводится сорок ссылок на подобные карты в сети Интернет. Авторы представляют собственные пробные карты, составленные на материалах пинежских говоров. Для создания карт был использован сервис Google Maps и CMS Drupal. Материалами для создания карт послужил подготовленный к печати первый выпуск Словаря пинежских говоров (а–бякнуться).

Ключевые слова: лингвогеография, электронные карты, северно-русские говоры, пинежские говоры.

В последнее десятилетие в лингвистической географии при обработке языковых данных стали активно использоваться различные информационные технологии, программное обеспечение. Компьютерное картографирование дает возможность оперативно вести обработку материала по любому из задаваемых параметров. Появление картографических сервисов, предоставляемых компаниями Google, Yandex и др., значительно упростило создание и публикацию электронных карт. В настоящее время любой пользователь, даже не обладающий навыками программирования, может создать нужную ему электронную карту и опубликовать ее в сети Интернет.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-29-09039.

Достоинства и недостатки электронных карт

Электронные карты по сравнению с бумажными имеют следующие преимущества:

- потенциально очень большое количество пользователей имеет доступ к карте;
- постоянный доступ (при наличии постоянного подключения компьютера к интернету);
- интерактивность;
- возможность добавлять данные и исправлять ошибки;
- картографическая точность.

Однако имеются также и недостатки, к которым можно отнести:

- невозможность пользоваться картой без компьютера и/или без подключения к интернету;
- возможную потерю данных при различных сбоях в интернете;
- определенные ограничения при использовании сторонних картографических сервисов.

Обзор карт на интернет-ресурсах в области лингвогеографии

Карты, представленные в интернете, можно разбить на две группы:

1. Оцифрованные изображения бумажных карт;
2. Карты, построенные с использованием различных картографических систем.

В первом случае на сайте представлены отсканированные изображения существующих бумажных карт. Достоинства такого типа представления зависят от качеств оригинальной бумажной карты: развитый картографический аппарат, представление изоглосс, различного типа подложки (основы) для создания карты и пр. Недостатки также наследуются от оригинала: карту нельзя изменить, она не является интерактивной (как правило, нет возможности увеличить масштаб изображения), точность представления материала (например, географические координаты) также определяется печатным оригиналом.

Главной особенностью представления карт во втором случае являются ее интерактивность и редактируемость. Недостатки определяются технической реализацией карты, если в системе не заложен функционал (например, отрисовка областей, полигонов, изоглосс и пр.), то его достаточно сложно или невозможно будет представить на карте.

Рассмотрим примеры представления указанных групп.

К первой группе следует отнести:

1. Диалектологический атлас русского языка. https://ru.wikipedia.org/wiki/Диалектологический_атлас_русского_языка

2. Диалектологическая карта русского языка в Европе 1914 г. (здесь же труды Московской диалектологической Комиссии). https://zapadrus.su/bibli/arhbib/1217-dialkarta.html

3. Диалектологическая карта русского языка в Европе 1915 г. http://languagesoftheworld.info/wp-content/uploads/2014/12/Russian_dialects_1915.jpg

4. Карта немецких диалектов (German dialects). https://en.wikipedia.org/wiki/German_dialects

5. Этнолингвистическая карта Кавказа. http://www.iriston.com/nogbon/news.php?newsid=480

6. Карта русских диалектов. https://therussianblog.files.wordpress.com/2012/12/dialects.png

7. Карта языков в России. https://alphaomegatranslations.com/wp-content/uploads/2016/01/Languages-in-Russia.png

8. Карта Бурятских диалектов. http://irkipedia.ru/content/buryatskie_dialekty

9. Карта диалектных групп Карельской АССР 1989 г. https://vedlozero.ru/karelia/maps/karel-dialekt

10. Сайт The Old Maps Online позволяет просматривать сотни оцифрованных старых карт, имеет удобные навигацию и поиск, позволяет быстро находить нужные карты по датам и географическим координатам. http://www.oldmapsonline.org

Вторая группа:

1. Проект «Localingual» представляет электронную карту мира с регионами и городами. Можно выбрать регион и, нажав на кнопку, послушать записанные голоса местных жителей. https://localingual.com

2. На сайте «Мировой цифровой библиотеки» можно посмотреть интересную карту Российской империи, на которой представлены старые открытки с изображениями всех провинций русского государства на 1856 г. Приводится информация о населении и традиционных костюмах местных жителей. https://www.wdl.org/ru/sets/imperial-russia/map/

3. Интерактивная карта диалектов болгарского языка. http://ibl.bas.bg/en/interaktivna-dialektna-karta-na-balgarskiya-ezik/

4. Обзор различных типов лингвистических карт представлен в электронной публикации H. Paterson 2012 г. Здесь собран богатый иллюстративный материал по разным типам карт с отсылками, приведена библиография. http://hugh.thejourneyler.org/2012/types-of-linguistic-maps-the-mapping-of-linguistic-features/

5. Сборники различных электронных карт, среди которых есть и диалектные карты. https://www.vox.com/a/

maps-explain-the-middle-east/https://www.vox.com/2014/11/17/7082317/language-maps-charts

6. Обзор 25 карт, посвященных английскому языку, среди которых есть диалектные. https://www.vox.com/2015/3/3/8053521/25-maps-that-explain-english

7. Диалекты американского английского языка (Dialect Map of American English). http://robertspage.com/dialects.html

8. Варианты английского языка на сайте Университета Манчестера. http://projects.alc.manchester.ac.uk/ukdialectmaps/

9. Карта (иконографика) распространения языков мира. http://www.scmp.com/infographics/article/1810040/infographic-world-languages?page=all

10. Карта, построенная на основе сервиса Google, о центральноиранских диалектах. https://www.google.com/maps/d/viewer?mid=1DIBxU86IwH0C-RcfjxhKpGAWdGk&ll=35.01094755413218\%2C50.79631810000001&z=6

11. На сайте газеты NYTimes можно пройти тест, ответить на несколько вопросов, на основании которых программа построит персональную диалектную карту. https://www.nytimes.com/interactive/2014/upshot/dialect-quiz-map.html?_r=0

12. Обзор диалектных карт, касающихся американского варианта английского языка. http://www.businessinsider.com/22-maps-that-show-the-deepest-linguistic-conflicts-in-america-2013-6/#some-of-the-deepest-schisms-in-america-are-over-the-pronunciation-of-the-second-syllable-of-pajamas-9

https://www.theatlantic.com/health/archive/2013/06/pecan-caramel-crawfish-food-dialect-maps/276603/

13. Сайт «Dialect survey» представляет картографирование фонетических вариантов английского языка. http://www4.uwm.edu/FLL/linguistics/dialect/index.html

14. Интерактивная карта североамериканских английских диалектов. http://aschmann.net/AmEng/#SmallMapCanada

15. Интерактивный атлас Юнеско о вымирающих языках (UNESCO Atlas of the World's Languages in Danger). http://www.unesco.org/languages-atlas/index.php

16. Сайт организации Verbix (Verbix Linguistics Map). http://www.verbix.com/maps/https://maps.verbix.com/languages.html

17. Сайт организации Modern Language Assosiation. https://apps.mla.org/map_main

18. Карта о границах слов в Европе на сайте газеты The Guardian. https://www.theguardian.com/news/datablog/interactive/2013/nov/14/pain-in-the-ananas-etymology-maps

19. Коллекция лингвистических карт на сайте Languages of the World. http://www.languagesoftheworld.info/language-maps

20. Интерактивные карты Филиппин. https://stories.thinkingmachin.es/philippine-languages/

21. Большая коллекция карт на сайте Language and Location — Map Accessibility Project. http://llmap.org

22. Большая коллекция карт на сайте Стокгольмского университета. http://www2.ling.su.se/staff/ljuba/maps.shtml#europe

23. Интерактивная карта Канады с указанием языков. http://the10and3.com/canada-languages.htm

24. Карта языков Южной Африки. https://dotmap.adrianfrith.com

25. Собрание карт всех известных языков с указанием их фонологических, грамматических и лексических особенностей на сайте The World Atlas of Language Structures Online. https://wals.info

Из карт, относящихся к России, отметим:

26. Интерактивная карта коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ. http://engur.ru/map_ispn

27. Электронный диалектологический атлас уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого

автономного округа. http://www.philology.nsc.ru/resources/atlas.phphttp://atlas.philology.nsc.ru

28. Словари разных урало-алтайских языков (в том числе исторические) с привязкой к карте. http://lingvodoc.ispras.ru/map

29. Лексический атлас Волгоградской области [Кузнецова 2012, 2013]. http://dialekt.vspu.ru/?q=object/1/

30. Лингвогеографическая система «Диалект». http://www.manuscripts.ru/dl/dialekt.main

Описание принципов построения электронных карт пинежских говоров

Для создания электронных карт пинежских говоров был выбран картографический сервис Google Maps, который предоставляет достаточно большие возможности для некоммерческого создания электронных карт. Техническая часть сайта реализована на CMS Drupal. Картографические материалы размещены в сети Интернет по адресу http://www.lingvogeo.ru. Материалами для создания карт послужил подготовленный к печати первый выпуск Словаря пинежских говоров (а–бякнуться) (в дальнейшем СПИНГ)[1].

Особенности интерфейса этих электронных карт следующие. Значки могут быть любой формы и цвета. Значки помещаются по географическим координатам населенных пунктов. Если на карте присутствуют разные значки, то с помощью переключателя в верхней части карты их отображение может выводиться отдельно для каждого вида значков или они могут показываться все вместе. При клике на значок открывается всплывающее окно с предварительным просмотром словарного материала. Для просмотра всего словарного материала необходимо щелкнуть по ссылке «read more». В открывшейся словарной статье материал, относя-

[1]Словарь пинежских говоров. Вып. 1 (а–бякнуться) (в печати).

щийся к населенному пункту, представленному значком, будет выделен подчеркиванием, а сам населенный пункт будет представлен на карте ниже словарной статьи (см. рис. 1).

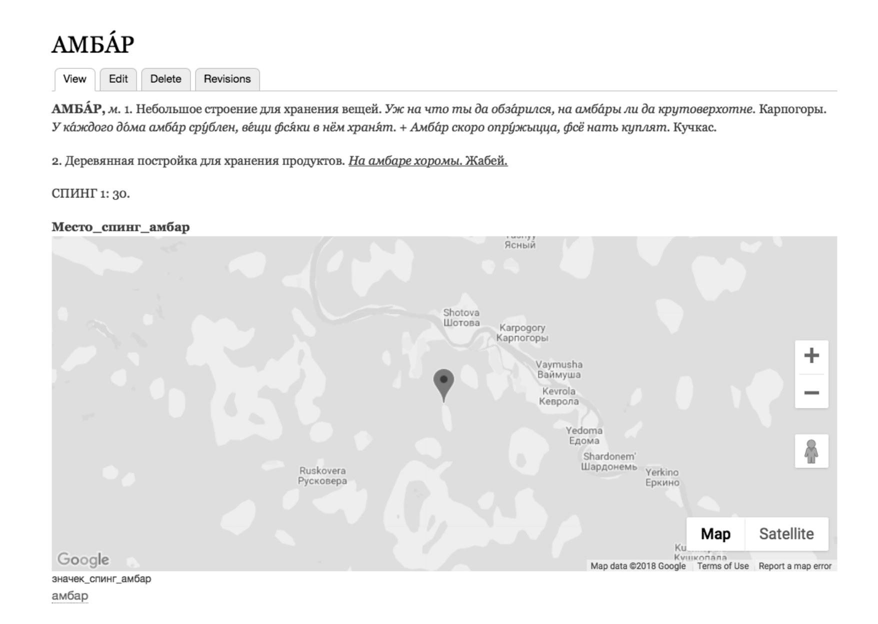

Рис. 1. Пример работы с электронной картой «амбар» по материалам СПИНГ

Принципы отбора материала

Для создания карт было решено использовать все имеющиеся материалы первого выпуска СПИНГ. На начальном этапе работы сделать несколько пробных карт, основанных на больших словарных статьях, материалы которых охватывают множество населенных пунктов Пинежья. На рис. 2 представлена карта обследованных населенных пунктов Пинежья.

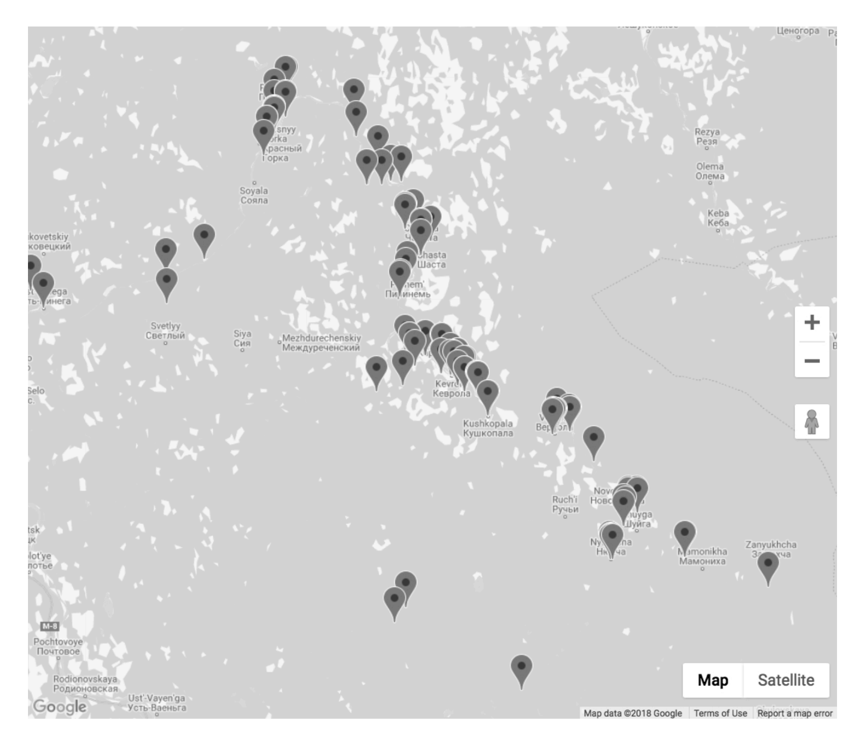

Рис. 2. Карта обследованных населенных пунктов Пинежья по материалам СПИНГ

Примеры карт

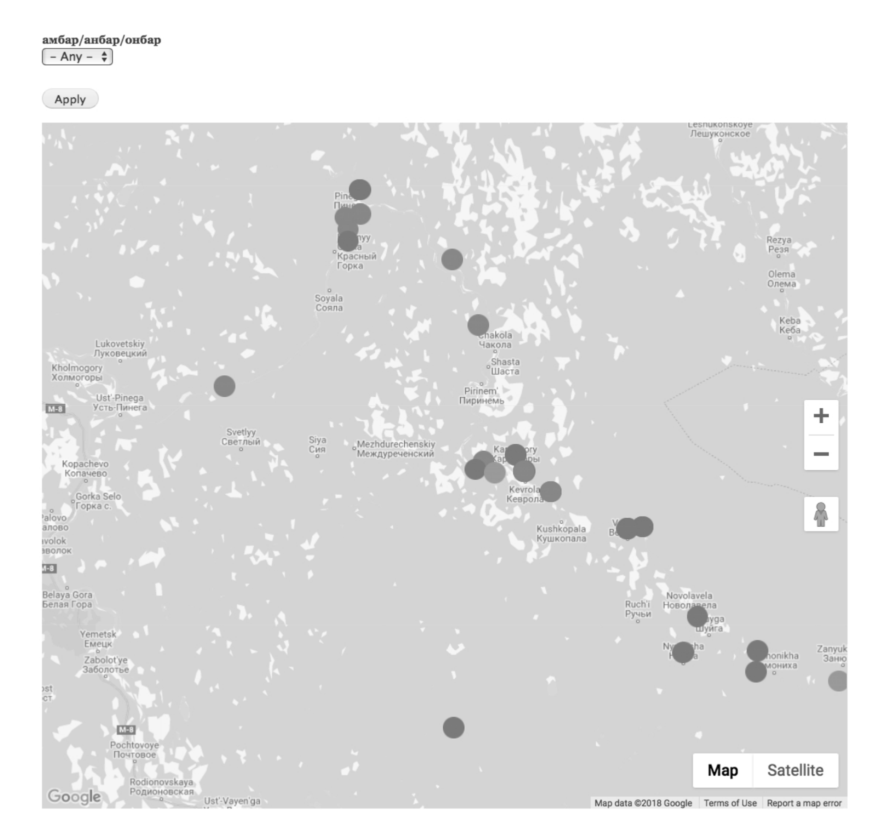

Рис. 3. Карта «амбар» по материалам СПИНГ

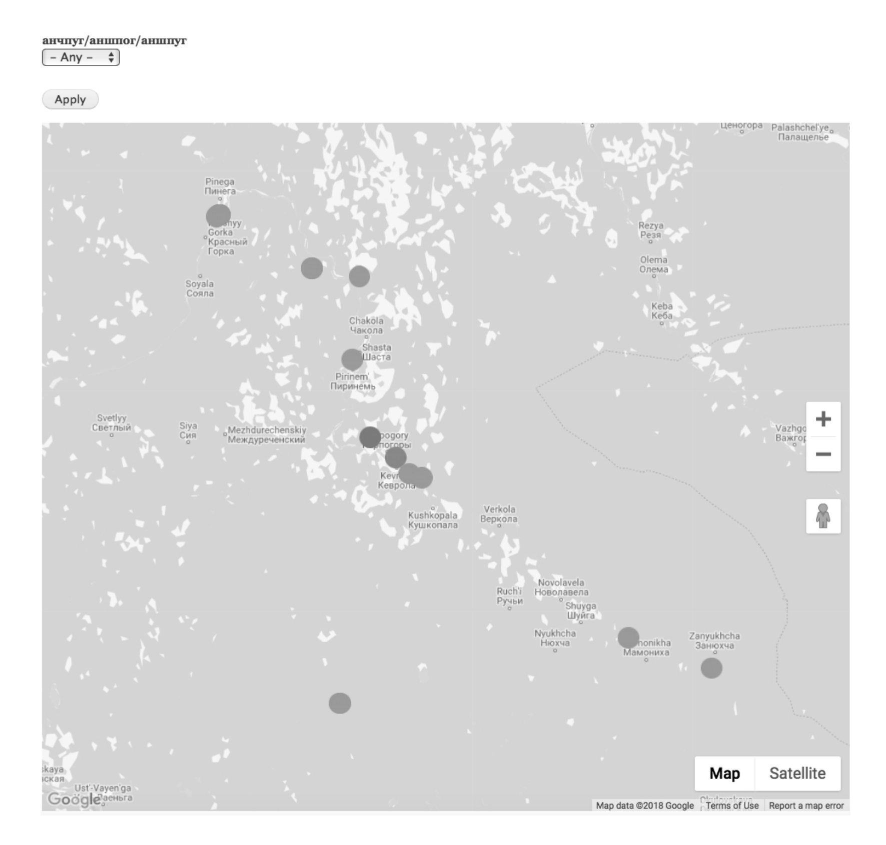

Рис. 4. Карта «аншпуг» по материалам СПИНГ

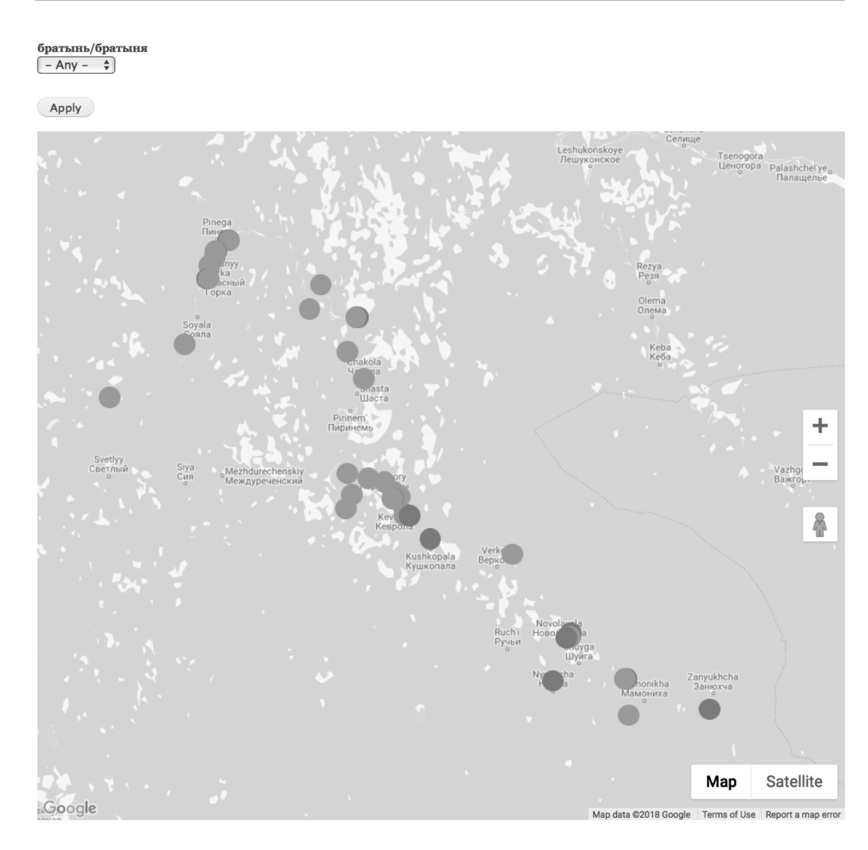

Рис. 5. Карта «братыня» по материалам СПИНГ

Рис. 6. Карта «бугра» по материалам СПИНГ

Вместо заключения

Компьютерная форма хранения и обработки материала помогает не только осуществлять автоматическое создание любой карты, но и дает возможность шире использовать автоматические методы исследования для решения проблем лингвогеографии.

Литература

Кузнецова Е. В. Исследования лингвистического ландшафта региона. Информационная система «Лексический атлас Волгоградской области» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2012. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 75–95.

Кузнецова Е. В. Информационная система «Лексический атлас Волгоградской области»: научный материал в учебном процессе вуза // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2013. СПб.: Нестор-История, 2013. С. 335–344.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 226–257. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201820

Конструирование информационно-поискового свода академических словарей русского языка (Свод АСРЯ)

С. В. Лесников

В статье рассматривается процесс конструирования информационно-поискового свода академических словарей русского языка (Свод АСРЯ). Свод АСРЯ разрабатывается в виде гипертекстовой информационно-поисковой системы в нелинейной форме с учетом реляционных, иерархических и сетевых парадигматических связей посредством реализации синтагматических связей в интерактивном режиме на персональном компьютере оцифрованных академических словарей русского языка, что позволит на основе цифровых технологий посредством соответствующей классификации и систематизации объединить лексикографические материалы, обеспечить их оперативный ввод в научный оборот — с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии.

Ключевые слова: лингвистика, языкознание, языковедение, словарь, тезаурус, справочник, энциклопедия, толкование, дефиниция, метаязык.

Конструирование в интерактивном режиме на персональном компьютере информационно-поискового свода академических словарей русского языка для эффективной организации информационно-поисковых процедур предполагает разработку функциональной и математической моделей Свода АСРЯ, а также программную реализацию Свода АСРЯ в гипертекстовой форме в виде портала (поиск на основе скриптов PHP, Perl, Phyton) и в виде базы данных с программами многоаспектного поиска (точного и нечёткого), статистики, загрузки и выгрузки как фрагментов, так и полнотекстовых

версий оцифрованных академических словарей и словников русского языка.

Традиционная лексикография в качестве теоретических задач рассматривает проблему «дифференциального» или «полного» словаря (Б. А. Ларин, Л. В. Щерба, И. А. Оссовецкий, Н. И. Толстой, А. С. Герд) и проблему полноты лексикографической информации в словаре (Л. И. Баранникова, О. И. Блинова, Т. С. Коготкова, Ф. П. Филин), в том числе отражения в словаре семантики слова. При этом утверждается, что адекватное описание словарного состава языка невозможно осуществить в одном словаре, а только в серии словарей. Например, В. А. Сенкевич подчеркивает: «Любой полный словарь живого языка или диалекта никогда не исчерпывает всего словарного состава, хотя бы в силу того, что в языке идет постоянный процесс создания новых слов многообразными путями. Любой словарь живого языка всегда относительно неполный. Главная трудность, по нашему мнению, в выработке способов подачи материала в словарных статьях, в толковании слов. ... Количество слов, локально ограниченных, невелико, по нашим данным, оно не превышает 12–20%, а в некоторых говорах меньше. Следовательно, характеризуя общераспространенную лексику, составители словарей такого типа будут повторять словарный состав, описанный в толковом словаре литературного языка, но это описание, как правило, будет неполным и неточным. Составители полного и регионального словаря неминуемо столкнутся с проблемой определения объема многозначности слова» [Сенкевич 1973: 55]. Т. П. Ломтев, отмечая, что «в современных словарях есть существенный недостаток, заключающийся в так называемом порочном круге: значение одного слова истолковывается с помощью другого, а значение последнего — с помощью первого» [Ломтев 1976: 289], считал, что «лингвистика должна разъяснять носителям языка смысл употребляемых ими слов, а не только закреплять то, что они знают, т. е. не только перечислять предметы, назы-

ваемые данным именем. Очень важное значение имеют словари, которые содержат более или менее полное собрание слов» [Там же: 295]. Мнение Ф. П. Филина, очень категорично: «Вообще составить полный словарь устной речи даже одного лица невозможно. В настоящее время кое-кто считает, что время дискуссии о дифференциальной и “полной” диалектной лексикографии прошло, т. к. оба эти подхода “нейтрализовались”, поскольку правомерны и дифференциальные и “полные” диалектологические словари. Такое утверждение не соответствует действительности, поскольку действительно, а не мнимо полных словарей составить нельзя. Их нет и не будет. Иное дело письменные тексты, в которых дана как бы застывшая речь. В лексикографическом отношении с ними можно производить любые операции, в том числе составлять всамделишные, а не ложные полные словари» [Филин 1982: 285]. И, наконец, Ф. П. Сороколетов и О. Д. Кузнецова утверждают: «Полный словарь говора (теоретически возможен полный словарь только одного говора как цельной и единой языковой системы) представляет собою свод всех употребляющихся слов, как общенародных, так и локально ограниченных. Это обстоятельство дает возможность представить системное описание лексического состава говора, наметить многообразные связи и отношения между словами, выделить пласты лексики, различающиеся по активности употребления, показать стилистическую дифференциацию словарного состава диалекта, т. е. представить материал для характеристики системных отношений в лексике говора» [Сороколетов, Кузнецова 1987: 86].

Л. В. Щерба полагал, что в основе словарей академического типа «лежит единое (реальное) языковое сознание определенного человеческого коллектива в определенный момент времени» [Щерба 1974: 266], и словарь академического типа рассматривал как нормативный, описывающий лексическую систему данного языка: в нём не должно быть фактов, противоречащих современному употреблению.

Л. В. Щерба одним из первых указал на возможность и необходимость создания идеографического словаря: «4. Противоположение четвертое: обычный (толковый или переводный) словарь — идеологический словарь. Поскольку мы можем в каждом слове различить его фонетическую форму (фонетическое слово) и его значение, постольку словарь каждого языка можно организовать, исходя из фонетических форм слов (обычный словарь), располагая их или в алфавитном порядке (алфавитный словарь), или по гнездам (гнездовой словарь), а можно организовать его и исходя от значений, т. е. от понятий, выражаемых фонетической формой слов (идеологический словарь). Может показаться, что в последнем случае слова собственно будут разрушены, так как одно и то же слово, имея несколько значений, будет фигурировать в разных местах, и что это будет уже не словарь, т. е. не список слов, а список понятий. Однако это неверно. Неправильно думать, что слова имеют по нескольку значений: это, в сущности говоря, формальная и даже просто типографская точка зрения. На самом деле мы имеем всегда столько слов, сколько данное фонетическое слово имеет значений (так и печаталось, между прочим, в старых словарях: заглавное слово повторялось столько раз, сколько у него было значений). Это вытекает логически из признания единства формы и содержания, и мы должны были бы говорить не о словах просто, а о словах-понятиях. В нашем повседневном употреблении мы скатываемся на формальную точку зрения, придавая слову *слово* значение «фонетического слова». Таким образом, точнее всего было бы говорить, что обычный словарь является списком «фонетических слов» с их значениями, а идеологический словарь является списком слов-понятий с их синонимами. Несмотря на очевидность принципа идеологических словарей и несмотря на то, что практическая надобность в них очень велика (о чем будет еще сказано несколько ниже), словари этого типа не в ходу, если не считать нескольких единичных попыток в этом направлении.

Причина этого лежит в трудности дела и в полной неразработанности словарной теории вообще: словарным делом занимались лишь единичные крупные люди, а в основном оно было почти целиком предоставлено рынку. Лингвистика XIX в., увлеченная открытиями Боппа, Гримма, Раска и др., как правило, вовсе не интересовалась вопросами теории лексикографии. Для создания настоящего идеологического словаря прежде всего необходимо иметь полный и очень точный список слов-понятий данного языка, а чтобы составить такой список слов-понятий, надо четко описать все значения слов в словарях обычного типа» [Щерба 1974: 265–304].

С определенного момента идеографические словари стали называть термином «тезаурус».

На наш взгляд, представление филологических материалов в компьютерной форме и внедрение современных методов научного анализа, основанных на применении цифровых технологий в русской лексикографии, позволяет взглянуть на эти проблемы по-новому и, в частности, создавать не только серию словарей, а один Свод АСРЯ (ср. А. А. Шахматов — словарь-тезаурус).

В качестве основы для Свода АСРЯ предполагаются оцифрованные академические словари русского языка:

САР1: Словарь Академии Российской, производным порядком расположенный: В 6 ч. СПб., 1789–1794. Ч. 1 (А–Г); Ч. 2 (Г–З); Ч. 3 (З–М); Ч. 4 (М–Р); Ч. 5 (Р–Т); Ч. 6 (Т–Я). В САР вошло 43257 слов, объединенных в словообразовательные гнезда. Основной задачей САР было «сочинение Словаря или изъяснения слов, речений, речей и разнаго образа вещаний, в языке Славеноросийском употребительных» (САР1 I: V). В предисловии к первому тому: «без полнаго собрания слов и речей, и не определя точнаго им знаменования, не можно ни утвердительно сказать, в чем состоит обилие, красота, важность и сила языка, ниже пользоваться оными в произведениях разума» (САР1 I: V–VI). САР1 на 3581 страницах содержит 64779 лексических единиц.

САР2: Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный: В 6-ти ч. СПб., 1806–1822. Ч. 1 (А–Д), СПб., 1806; Ч. 2 (Д–К), СПб., 1809; Ч. 3 (К–Н), СПб., 1814; Ч. 4 (О–П), СПб., 1822; Ч. 5 (П–С), СПб., 1822; Ч. 6 (С–Я), СПб., 1822. Это фактически 2-е издание «Словаря Академии Российской», при этом словарные статьи упорядочены по алфавиту. САР2 на 4044 страницах содержит 64322 лексические единицы.

ОЦСРС: Соколов Петр Иванович (1764–1835). Общий церковно-славяно-российский словарь, или Собрание речений как отечественных, так и иностранных, в церковно-славянском и российском наречиях употребляемых... по поручению Комитета устройства учебных заведений составленное П. С.: С присовокуплением таблиц склонений и спряжений, заимствованных из Грамматики г. Востокова, напечатанной в 1832 г. и введенной в употребление в нижних и сред. учеб. заведениях. Ч. 1. А–Н. Ч. 2. О–Я. СПб.: Тип. Рос. Акад., 1834. 909 с.

СЦСРЯ: Словарь церковнославянскаго и русскаго языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. I–IV. СПб., 1847. Назначение словаря: «Словарь должен соответствовать не только настоящему состоянию наук и искусств, но и согласоваться с ходом государственных наших учреждений — быть сокровищницею языка на протяжении многих веков, от первых письменных памятников до позднейших произведений нашей словесности» (СЦСРЯ 1: XI). СЦСРЯ на 1962 страницах содержит 115052 лексические единицы.

Даль Владимир Иванович. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. I–IV. Изд. Об-ва любит. рос. слов. при Моск. ун-те. М., 1863–1866. Ч. 1. А–З. Тип. Семена, 1863. IV, 680 с. С. I–XV. Напутное слово; Ч. 2. И–О. 1865. 681–1351; Ч. 3. П. 1865. 508 с.; Ч. 4. Р–J. 1866. 625 с. 2-е изд. Т. 1–4. СПб.—М., 1880–1882. 3-е изд. (под ред. проф. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ) Т. 1–4. 1904–1909. 4-е изд. Т. 1–4. 1912–1913 /

Статьи А. М. Бабкина, В. П. Вомперского. М.: Рус. яз., 1989. Т. 1. А–З. 1989. XCVI. 699 с.; Т. 2. И–О. 1989. 779 с.; Т. 3. П. 1990. 555 с.; Т. 4. Р–И. 1991. 683 с. М.: Прогресс: Универс, 1994; М.: Цитадель, 1998. Т. 1: А–З. 1998. 700 с.; Т. 2: И–О. 1998. 780 с.; Т. 2: И–О. 2001. 669 с.; Т. 3: П. 1998. 556 с.; Т. 3: П–Р. 2001. 573 с.; Т. 4: Р–V. 1998. 684 с.; Т. 4: С–Я. 2001. 575 с.

АКАДЕМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ РУССКОГО ЯЗЫКА 1891–1937

Грот Яков Карлович (1812–1893), Шахматов Алексей Александрович (1864–1920).

ВОАН СССР — Второе отделение Академии наук СССР.

ВОИАН — Второе отделение Императорской Академии наук.

ВОРАН — Второе отделение Российской Академии наук.

ИЯМ — Институт языка и мышления АН СССР.

ИЯМ СО — Институт языка и мышления АН СССР. Словарный отдел.

КРЯЗ — Комиссия по русскому языку Академии наук СССР.

ПСК — Постоянная словарная комиссия Академии наук СССР.

СК — Словарная комиссия Академии наук СССР.

СРЯ-1891–1895: Словарь русского языка, сост. II отд. Императорской Академии наук / ред. акад. Я. К. Грот. СПб: Тип. Имп. АН, 1891–1895. Т. 1. Вып. 1. А–Втас, 1891; Т. 1. Вып. 2. Втас–Да, 1892; Т. 1. Вып. 3. Да–Дя, 1895. Гротовский словарь — тип толкового нормативного (в системе стилистических и грамматических помет) словаря.

СРЯ-1897–1907: Словарь русского языка, сост. II отд. Императорской Академии наук / ред. А. А. Шахматов. СПб.: Тип. Имп. АН, 1897–1907. Т. 2. Вып. 1. Е–Железный, 1897; Т. 2. Вып. 2. Железный–За, 1898; Т. 2. Вып. 3. За–Заграчить, 1899; Т. 2. Вып. 4. Заграять–Закрепить, 1900; Т. 2. Вып. 5. Закреплять–Заносить, 1901; Т. 2. Вып. 6. Заносить–Засада,

1902; Т. 2. Вып. 7. Засада–Заудиться, 1902; Т. 2. Вып. 8. Заудак–Зелье, 1905; Т. 2. Вып. 9. Зельце–Зятюшко, 1907. Шахматовский словарь — тип ненормативного словаря-тезауруса. Издатели последующих отдельных выпусков постепенно отходили как от принципов словаря-тезауруса, так и от построения словарных материалов по гротовскому типу, при этом принцип нормативности в словарных статьях этих выпусков соблюдался непоследовательно.

СРЯ-1908–1930: Словарь русского языка, сост. II отд. Императорской Академии наук / ред. С. К. Булич, Д. К. Зеленин, В. М. Истрин, Е. Ф. Карский, В. И. Чернышев, Л. В. Щерба и др. СПб., 1908–1930. Т. 3. Вып. 1. И–Изба, 1922; Т. 3. Вып. 2. Изба–Издёргивать, 1929; Т. 4. Вып. 1. К–Кампилист, 1906–1907; Т. 4. Вып. 2. Кампания–Качалка, 1908; Т. 4. Вып. 3. Качалка–Класться, 1909; Т. 4. Вып. 4. Класться–Когда; Т. 4. Вып. 5. Когда–Колпак, 1911; Т. 4. Вып. 6. Колпак–Концепция, 1912; Т. 4. Вып. 7. Концепция–Корпунья, 1913; Т. 4. Вып. 8. Корпусистый–Кошнячек, 1914; Т. 4. Вып. 9. Кошоба–Крикун, 1916; Т. 4. Вып. 10. Крикун–Крошечный, 1926; Т. 5. Вып. 1. Л–Лёгкий, 1915; Т. 5. Вып. 2. Лёгкий–Летунок, 1927; Т. 5. Вып. 3. Летунчик–Лисичий, 1928; Т. 6. Вып. 1. М–Малый, 1927; Т. 6. Вып. 2. Малый–Маститый, 1929; Т. 8. Вып. 1. Не–Невронище, 1927; Т. 8. Вып. 2. Невремя–Недорубщик, 1929; Т. 9. Вып. 1. О–Обезоруживать; Т. 9. Вып. 2. Обезоруживать–Обкататься, 1930.

СРЯ-1930–1937: Словарь русского языка, сост. комиссией по русскому языку АН СССР / ред. Н. С. Державин и др. 2-е изд. Л., 1930–1937. Т. 5. Вып. 1. Л–Лактукон, 1930; Т. 5. Вып. 2. Лактокупикрин–Лебёдушка, 1932; Т. 6. Вып. 1. М–Малый, 1932; Т. 8. Вып. 1. Не–Невинность, 1932; новое, перераб. и доп. изд. Л., 1932. Т. 1. Вып. 1. А–Ажно, 1932; Т. 1. Вып. 2. Ажно–Аллотрилогия, 1933; Т. 6. Вып. 2. Малый–Масловый, 1933; Т. 8. Вып. 2. Невинность–Недовернуться, 1933. 7-е изд. Л.—М., 1934–1937. Т. 1.

Вып. 3. Аллотриморфный–Анархический, 1935; Т. 1. Вып. 4. Анархический–Антиципироваться, 1936; Т. 5. Вып. 1. Д–Даятельный, 1937; Т. 9. Вып. 1. И–Идеализировать, 1935; Т. 11. Вып. 3. Лебёдушка–Лезгинка, 1934; Т. 11. Вып. 4. Лезгота–Лесной, 1935; Т. 12. Вып. 2. Малый–Масловый, 1934; Т. 12. Вып. 3. Маслоглазый–Махат, 1936; Т. 13. Вып. 4. Нежуренный–Некрытый, 1935; Т. 14. Вып. 4. Облупливать–Ободрать, 1935; Т. 14. Вып. 5. Ободраться–Обратность, 1936.

№	Том, вып.	Интервал	Год	Страниц, столбцов	Изд.	Ред.
1	Т. 1, вып. 1	А–ВТАС	1891	стб.	ВОИАН	Грот Я. К.
2	Т. 1, вып. 1	А–ВТАСИР	1891	[5], XII, XV с., 576 стб.	ВОИАН	Грот Я. К.
3	Т. 1, вып. 1	А–АЖНО	1932	II с., стб. 1–224.	КРЯЗ	Державин Н. С.
4	Т. 1, вып. 2	аЖНО–АЛЛОТРИЛоГИЯ	1933	II с., стб. 225–384.	ИЯМ СО	Державин Н. С.
5	Т. 1, вып. 3	АЛЛОТРИМоРФНЫЙ–АНАРХиЧЕСКИЙ	1935	II с., стб. 385–544.		Державин Н. С.
6	Т. 1, вып. 4	АНАРХиЧЕСКИЙ–АНТИЦИПиРОВАТЬСЯ	1936	II с., стб. 544–704.	ИЯМ	Державин Н. С.
7	Т. 1, вып. 2	ВТАС–ДА	1892	[3], 577 стб.	ВОИАН	Грот Я. К.
8	Т. 1, вып. 3	ДА–ДЯ	1895	[3], 21 с., стб. 949–1250.	ВОИАН	Грот Я. К.
9	Т. 5, вып. 1	Д–ДАЯТЕЛЬНЫЙ	1937	II с., стб. 1–252.	ИЯМ	Державин Н. С.
10		А–Д	1895	81 с. разд. паг., 1250 стб.	ВОИАН	Грот Я. К.
11	Т. 2, вып. 1	Е–ЖЕЛЕЗНыЙ	1897	II с., стб. 1–320.	ВОИАН	Шахматов А. А.
12	Т. 2, вып. 2	ЖЕЛЕЗНыЙ–За	1898	XV с., стб. 321–632.	ВОИАН	Шахматов А. А.
13	Т. 2, вып. 3	ЗА–ЗАГРаЧИТЬ	1899	[4], III с., стб. 633–952.	ВОИАН	Шахматов А. А.
14	Т. 2, вып. 4	ЗАГРаЯТЬ–ЗАКРЕПЛяТЬ	1900	VII с., стб. 953–1272.	ВОИАН	Шахматов А. А.
15	Т. 2, вып. 5	ЗАКРЕПЛяТЬ–ЗАНОСиТЬ	1901	VII с., стб. 1273–1592.	ВОИАН	Шахматов А. А.
16	Т. 2, вып. 6	ЗАНОСиТЬ–ЗАСаДА	1902	VII с., стб. 1593–1912.	ВОИАН	Шахматов А. А.

Продолжение на следующей странице

№	Том, вып.	Интервал	Год	Страниц, столбцов	Изд.	Ред.
17	Т. 2, вып. 7	ЗАСаДА–ЗАуДИТЬСЯ	1903	VII с., стб. 1913–2232.	ВОИАН	Шахматов А. А.
18	Т. 2, вып. 8	ЗаУДОК–ЗеЛЬЕ	1905	стб. 2233–2551.	ВОИАН	Шахматов А. А.
19	Т. 2, вып. 9	ЗеЛЬЕЦЕ–ЗяТЮШКО	1907	VII с., стб. 2553–2966.	ВОИАН	Шахматов А. А.
20	Т. 3, вып. 1	И–ИЗБА	1922	VII с., 224 стб.	ВОРАН	Булич С. К.
21	Т. 3, вып. 2	ИЗБА–ИЗДёРГИВАТЬ	1929	[2], II с., стб. 225–384.	СК	Карский Е. Ф.
22	Т. 9, вып. 1	И–ИДЕАЛИЗИРО-ВАТЬ	1935		ИЯМ	
23	Т. 4, вып. 1	К–КАМПИЛиТЬ	1906–1907	VII с., стб. 1–320.	ВОИАН	Зеленин Д. К.
24	Т. 4, вып. 2	КАМПИЯ–КАЧаЛКА	1908	VII с., стб. 321–640.	ВОИАН	Зеленин Д. К.
25	Т. 4, вып. 3	КАЧаЛКА–КЛаСТЬСЯ	1909	VII с., стб. 641–960.	ВОИАН	Зеленин Д. К. +
26	Т. 4, вып. 4	КЛаСТЬСЯ–КОГДа	1910	VII с., стб. 961–1280.	ВОИАН	Зеленин Д. К.
27	Т. 4, вып. 5	КОГДа–КОЛПаК	1911	VII с., стб. 1281–1600.	ВОИАН	Зеленин Д. К.
28	Т. 4, вып. 6	КОЛПаК–КОНЦеПЦИЯ	1912	VII, стб. 1601–1920.	ВОИАН	Зеленин Д. К.
29	Т. 4, вып. 7	КОНЦеПЦИЯ–КОРПуНЬЯ	1913	VII с., стб. 1921–2240.	ВОИАН	Зеленин Д. К.
30	Т. 4, вып. 8	КоРПУСИСТЫЙ–КОШНЯЧёК	1914	VII с., стб. 2241–2560.	ВОИАН	Зеленин Д. К.
31	Т. 4, вып. 9	КОШоБА–КРИКуН	1916	VII с., стб. 2561–2880.	ВОИАН	Зеленин Д. К.
32	Т. 4, вып. 10	КРИКуН–КРоШЕЧНЫЙ	1926	VII с., стб. 2881–3040.	ВОАН СССР	Истрин В. М.
33	Т. 5, вып. 1	Л–ЛАКТУКОН	1930	II с., стб. 1–160.	КРЯЗ	Карский Е. Ф.
34	Т. 5, вып. 2	ЛАКТОКУ-ПИКРиН–ЛЕБёДУШКА	1932	II с., стб. 161–320.	КРЯЗ	Державин Н. С.
35	Т. 11, вып. 3	ЛЕБёДУШКА–ЛЕЗГиНКА	1934	II с., стб. 321–480.	ИЯМ	Державин Н. С.
36	Т. 11, вып. 4	ЛЕЗГОТа–ЛЕСНоЙ	1935	II с., стб. 481–640.	ИЯМ	Державин Н. С.
37	Т. 5, вып. 1	Л–ЛёГКIЙ	1915	VII с., стб. 1–320.	ВОИАН	Обнорский С. П. +
38	Т. 5, вып. 2	ЛёГКИЙ–ЛЕТУНоК	1927	[4], III с., стб. 321–480.	ПСК	Истрин В. М.
39	Т. 5, вып. 3	ЛЕТуНЧИК–ЛИСиЧИЙ	1928	VII с., стб. 481–640.	ПСК	Истрин В. М.

Продолжение на следующей странице

№	Том, вып.	Интервал	Год	Страниц, столбцов	Изд.	Ред.
40	Т. 6, вып. 1	М–МаЛЫЙ	1927	VII с., стб. 1–160.	ПСК	Истрин В. М.
41	Т. 6 (12), вып. 2	МаЛЫЙ–МАСЛоВЫЙ	1934	II с., стб. 161–320.	ИЯМ	Державин Н. С.
42	Т. 6, вып. 2	МаЛЫЙ–МАСТиТЫЙ	1929–1932	II с., стб. 161–320.	СК	Карский Е. Ф.
43	Т. 12, вып. 3	МАСЛОГЛаЗЫЙ–МАХаТЬ	1936	II с., стб. 321–480	ИЯМ	Державин Н. С.
44	Т. 8, вып. 1	НЕ–НЕВРеМИЩЕ	1927	[2], III с., стб. 1–160.	ВОАН	Истрин В. М.
45	Т. 8, вып. 1	НЕ–НЕВИННОСТЬ	1932	стб.		
46	Т. 8, вып. 2	НЕВРеМЯ–НЕДОРуБЩИКЪ	1929	[2], II с., стб. 161–320.	СК	Карский Е. Ф.
47	Т. 13, вып. 3	НЕДОВЕРНуТЬ-СЯ–НеЖУНЬКА	1935	II с., стб. 321–480.	ИЯМ	Державин Н. С.
48	Т. 13, вып. 4	НЕЖУРеННЫЙ–НЕКРыТЫЙ	1936	стб. 485–692.	ИЯМ	Державин Н. С.
49	Т. 9, вып. 1	О–ОБЕЗОРУЖИ-ВАТЬ	1929	[2], II с., 160 стб.	СК	Карский Е. Ф.
50	Т. 9, вып. 2	ОБЕЗОРУЖИ-ВАТЬ–ОБКАТАТЬСЯ	1930	[3] с., стб. 161–320.	КРЯЗ	Карский Е. Ф.
51	Т. 14, вып. 3	ОБКАТиТЬ–ОБЛуПЛИВАТЬ	1934	II с., стб. 321–480.	ИЯМ	Державин Н. С.
52	Т. 14, вып. 4	ОБЛуПЛИВАТЬ–ОБОДРаТЬ	1935	II с., стб. 481–640.	ИЯМ	Державин Н. С.
53	Т. 14, вып. 5	ОБОДРаТЬСЯ–ОБРаТНОСТЬ	1936	стб.	ИЯМ	Державин Н. С.

1891 I, 1 (А–Втас), Я. К. Грот
1892 I, 2 (Втас–Да), Я. К. Грот
1895 I, 3 (Да–Дя), Я. К. Грот
1897 II, 1 (Е–Железный), А. А. Шахматов
1898 II, 2 (Железный–За), А. А. Шахматов
1899 II, 3 (За–Заграчить), А. А. Шахматов
1900 II, 4 (Заграять–Закреплять), А. А. Шахматов
1901 II, 5 (Закреплять–Заносить), А. А. Шахматов
1902 II, 6 (Заносить–Засада), А. А. Шахматов
1903 II, 7 (Засада–Заудиться), А. А. Шахматов
1905 II, 8 (Заудок–Зелье), А. А. Шахматов
1907 II, 9 (Зельеце–Зятюшко), А. А. Шахматов

IV, 1 (К–Кампилит), Д. К. Зеленин (на титульном листе год издания: 1906–1907)

1908 IV, 2 (Кампия–Качалка), Д. К. Зеленин

1909 IV, 3 (Качалка–Класться), Д. К. Зеленин

1910 IV, 4 (Класться–Когда), Д. К. Зеленин

1911 IV, 5 (Когда–Колпак), Д. К. Зеленин

1912 IV, 6 (Колпак–Концепция), Д. К. Зеленин

1913 IV, 7 (Концепция–Корпунья), Д. К. Зеленин

1914 IV, 8 (Корпусистый–Кошнячёк), Д. К. Зеленин
— начало набора тома М–Малый, П. Л. Маштаков

1915 V, 1 (Л–Легкий), С. П. Обнорский
— начало набора тома Крикун–Крошечный, Д. К. Зеленин
— начало набора тома Малый–Маститый, П. Л. Маштаков

1916 IV, 9 (Кошоба–Крикун), Д. К. Зеленин
— начало набора тома Легкий–Летунок, С. П. Обнорский
— начало набора тома Летунчик–Лисичий, С. П. Обнорский
— начало набора тома Не–Невремище, В. И. Чернышев

1917 — начало набора тома Невремя–Недорубщик, В. И. Чернышев
— окончание набора тома Крикун–Крошечный, Д. К. Зеленин
— окончание набора тома М–Малый, П. Л. Маштаков

1918 — окончание набора тома Легкий–Летунок, С. П. Обнорский
— окончание набора тома Не–Невремище, В. И. Чернышев

1922 III, 1 (И–Изба), С. К. Булич

1926 IV, 10 (Крикун–Крошечный), Д. К. Зеленин

1927 V, 2 (Легкий–Летунок), С. П. Обнорский

VI, 1 (М–Малый), П. Л. Маштаков
VIII, 1 (Не–Невремище), В. И. Чернышев
1928 V, 3 (Летунчик–Лисичий), С. П. Обнорский
1929 VIII, 2 (Невремя–Недорубщик), В. И. Чернышев
III, 2 (Изба–Издергивать), Н. К. Ядрышев, Л. В. Щерба
VI, 2 (Малый–Маститый), П. Л. Маштаков
IX, 1 (О–Обезоруживать), Е. С. Истрина
1930 IX, 2 (Обезоруживать–Обкататься), Е. С. Истрина
V, 1 (Л–Лактукон), С. П. Обнорский (Второе издание)
1932 V, 2 (Лактукопикрин–Лебедушка), С. П. Обнорский (Второе издание)
VI, 1 (М–Малый), П. Л. Маштаков (Второе издание)
VIII, 1 (Не–Невинность), В. И. Чернышев (Второе издание)
I, 1 (А–Ажно), И. А. Фалев (Новое, переработанное и дополненное издание)
1933 VI, 2 (Малый–Масловый), П. Л. Маштаков (Новое издание)
I, 2 (Ажно–Аллотриология), И. А. Фалев (Новое издание)
VIII, 2 (Невинность–Недовернуться), В. И. Чернышев (Новое издание)
1934 1 XI (V), 3 (Лебедушка–Лезгинка), С. П. Обнорский
XII (VI), 2 (Малый–Масловый), П. Л. Маштаков
XIV (IX), 3 (Обкатить–Облупливать), Е. С. Истрина
1935 I, 3 (Аллотриоморфный–Анархический), И. А. Фалев
IX, 1 (И–Идеализироваться), Л. В. Щерба
XI (V), 4 (Лезгота–Лесной), С. П. Обнорский
XIII (VIII), 3 (Недовернуться–Нежунька), В. И. Чернышев
XIV, 4 (Облупливать–Ободрать), Е. С. Истрина
1936 I, 4 (Анархический–Антиципировать), И. А. Фалев

XII (VI), 3 (Маслоглазый–Махать), С. П. Обнорский, И. А. Фалев
XIII (ч. 2), 4 (Нежурёный–Некрытый), В. И. Чернышев
XIV, 5 (Ободраться–Обратность), Е. С. Истрина
1937 V, 1 (Д–Даятельный), С. И. Ожегов
(Е–Екать) [Круглов и др. 2015].

Ушаков-1934–1940: Григорий Осипович Винокур, проф. Борис Александрович Ларин, Сергей Иванович Ожегов, Борис Викторович Томашевский, проф. Дмитрий Николаевич Ушаков. Толковый словарь русского языка: В 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М.: Госизд. иностр. и нац. словарей, 1934–1940; Т. 1. А–Кюрины. В предисл.: обзор изданий словарей русского языка. М.: Сов. энциклопедия, 1934. LXXVI, 1568 стб. То же. 1935. М.: Рус. словари, 1994; Т. 1. А–Кюрины, 25916 слов без 1463 ссылочных. 844 с.; Т. 2. Л–Ояловеть. М.: ГИС, 1938. 1040 стб. 1996; Т. 2. Л–Ояловеть. 16840 слов без 987 ссылочных. 523 с. 1996; Т. 3. П–Ряшка. М.: ГИС, 1939. 1424 стб. Т. 3. П–Ряшка. 22076 слов без 1586 ссылочных. 714 с. 1996; Т. 4. С–Ящурный. М.: ГИС, 1940. 1504 стб.; Т. 4. С–Ящурный. 20692 слова без 1017 ссылочных. 754 с. 3000 экз. М.: Терра, 1996. М.: Рус. слов., 1994. Печатается по изд. 1935–1940 гг.; Т. 1. А–К. 1994. XV с., LXXVI, 1562 стб., 3 с.; Т. 2. Л–О. 1994. [3 с.], 1040 стб.; Т. 1. А–Кюрины. 2000. 1568 с.; Т. 2. Л–Ояловеть. 2000. 1040 с.; Т. 3. П–Ряшка. 2000. 1424 с.; Т. 4: С–Ящурный. 2000. 1500 с.; Т. 1. А–М. 2001. 703 с.; Т. 2. Н–П. 2001. 688 с.; Т. 3. Р–Я. 2001. 672 с.

БАС: Словарь русского литературного языка в 17-ти тт. М.—Л., 1948–1965. Гл. ред. В. И. Чернышев (1, 2), С. Г. Бархударов (2, 3, 4), В. В. Виноградов (5), Ф. П. Филин (6, 7, 8, 9, 15, 16). АН СССР. Ин-т русск. яз., Ин-т языкозн. Первый том был подготовлен к изданию до Великой Отечественной войны и должен был выйти в свет в конце 1941 г., одна-

ко работа возобновилась лишь в 1945 г. Планировалось издать 15 томов. Реально вышло 17 томов. Авторы (в скобках №№ тт.): Абабков П. К. (1), Абрамович И. М. (11, 12, 15, 17), Алексеева Э. В. (9, 11, 12, 15, 17), Андреева-Васина Н. И. (11), Аннинский С. А. (1), Бабкин А. М. (1, 4, 5), Балахонова Л. И. (9, 10, 13, 14), Баженова С. Л. (11, 12, 14, 16, 17), Бархударов С. Г. (1, 2, 3), Баумгарт К. К. (1), Березина О. Е. (17), Берг Л. С. (1), Берков П. Н. (1), Биржакова Е. Э. (5, 6, 16), Брицке Э. В. (1), Бутарова Н. З. (12), Буторин Д. И. (11, 13, 15, 17), Вавилов С. И. (1), Вернадский В. И. (1), Виноградов В. В. (1), Войнова Л. А. (8, 9, 10, 13, 15), Вышинский А. Я. (1), Галаванова Г. П. (6, 7, 8, 9, 11, 17), Георгиева В. Л. (5, 6), Герасимов А. П. (1), Головинская Е. Н. (10), Горбачевич К. С. (14, 16), Городецкая И. Л. (9, 14, 16, 17), Греков Б. Д. (1), Гринкова Н. П. (1), Губкин И. М. (1), Гузунова Е. А. (12, 15), Давыдова М. К. (10), Деборин А. М. (1), Державин Н. С. (1), Евгеньева А. П. (4), Жебелев С. А. (1), Жуков В. П. (8), Зайчикова О. Е. (14), Зборовский И. К. (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7), Иванникова Е. А. (17), Иссерлин Е. М. (4, 5), Истрина Е. С. (1), Качевская Г. А. (5, 6, 8, 9, 12, 15, 17), Князькова Г. П. (4, 5, 6, 12, 15), Ковтун Л. С. (4, 5, 8), Коготкова Т. С. (7, 8), Козелюкина О. И. (1), Комаров В. Л. (1), Коротаева Э. И. (5), Короткевич З. Т. (15, 16), Котелова Н. З. (8, 9, 15), Кочин Г. Е. (1), Крачковский И. Ю. (1), Криштофович А. Н. (1), Кузнецова О. Д. (10, 13, 15, 17), Левашов Е. А. (15), Лемберик И. Г. (1), Литвиненко А. И. (15, 17), Логинова К. А. (10, 15, 16, 17), Ляпунова Л. С. (1, 2), Малов С. Е. (1), Мальцева И. М. (9, 10, 13, 14, 16), Марецкая А. Ф. (12, 14, 17), Махонина А. И. (1), Меделец Н. М. (8, 10, 12, 14, 16), Мещанинов И. И. (1), Молотков А. И. (7, 8, 10, 11, 12, 14, 15, 16, 17), Наливкин Д. В. (1), Невжинская А. М. (14), Неманежина Л. П. (14), Никольская Е. К. (1, 2, 4, 5, 6, 9, 10), Обнорский С. П. (1), Омельянович-Павленко Л. В. (2, 3, 6, 12, 15), Орбели Л. А. (1), Орлов А. С. (1), Орлов М. М. (5, 6, 7), Павленко Л. В. (1, 4, 5, 11, 17), Павленко П. И. (7,

10, 13, 14, 15, 16), Панченко Н. Т. (1, 4, 5, 6), Перевозчикова Ф. Д. (10, 12, 14, 17), Петрищева Е. Ф. (8), Петушков В. П. (13, 14, 16, 17), Пономарев В. И. (1, 2, 3), Поповцева Т. Н. (13, 15, 16, 17), Порецкая Р. Э. (1, 2), Порохова О. Г. (7, 8, 9, 11, 12), Рабинович М. Б. (5, 6), Разумникова Г. А. (17), Рогожникова Р. П. (11, 17), Розанова В. В. (14, 16), Рудакова И. Ф. (10, 13, 14, 15, 17), Садиков В. С. (1), Сараева Г. А. (8, 9), Северинова Ю. М. (2, 16), Семенов И. С. (1), Семериков А. В. (1), Сергеев В. Н. (15), Синельникова Н. П. (1), Советов С. С. (1, 2), Сорокин Ю. С. (4), Сороколетов Ф. П. (7, 9, 13), Стахова Г. А. (12, 15, 16), Струве В. В. (1), Судоплатова М. Н. (5, 6, 13, 14, 16), Тимофеев К. А. (9, 10), Тихомирова В. А. (11, 13, 16), Толикина Е. Н. (10), Толстой И. И. (1), Тонков В. Н. (1), Торопов Н. А. (1), Чернышев В. И. (1, 2, 3), Фалев И. А. (1, 2), Федоров А. И. (7, 8, 9), Федоров Е. А. (1), Фелицына В. П. (5, 6, 8, 9, 12, 17), Ферсман А. Е. (1), Филин Ф. П. (1, 7), Фоменко Т. А. (11, 17), Царева Л. И. (9, 11, 12), Цыганова В. Н. (10, 13, 14, 16), Шипова Е. Н. (1, 3), Шишмарев В. Ф. (1), Шмелева И. Н. (6, 12), Щерба Л. В. (1), Яковлев М. А. (1), Яковлева Н. П. (3). Ред. С. А. Аннинский (1), А. М. Бабкин (4, 5), Л. И. Балахонова (14), С. Г. Бархударов (2, 3), П. Н. Берков (1), Е. Э. Биржакова (6, 11), Л. А. Войнова (14), Г. П. Галаванова (13), Г. А. Качевская (9, 15), Л. С. Ковтун (8), Э. И. Коротаева (6), Н. З. Котелова (9, 16), Н. М. Меделец (10, 16), Е. К. Никольская (4), С. П. Обнорский (3), Л. В. Омельянович-Павленко (6), Р. П. Рогожникова (11), Ю. С. Сорокин (4, 5), Ф. П. Сороколетов (7, 13), К. А. Тимофеев (10), Е. Н. Толикина (15), И. А. Фалев (1), В. П. Фелицына (12), Ф. П. Филин (4, 7), В. И. Чернышев (1, 2), И. Н. Шмелева (8, 12). Т. 1. А–Б. 1948. 736 стб. 3000 экз. Под буквой «А» приведено и объяснено 2097 слов, под буквой «Б» 3650 слов. Т. 1. А–Б. 1950. XVII, 767 стб. А — 2273, Б — 3716 сл. ст. 25000 экз. Указ. 739–767. Т. 2. В. 1951. VIII, 1393 стб. 7844 сл. ст. 26000 экз. Указ. 1356–1393. Т. 3. Г–Е. 1954. VIII, 1340 стб. Т. 4. Ж–З. 1955. VIII, 1364 стб. Ж — 800, З — 5837 сл.

ст., не считая 806 ссылочных. 23500 экз. Указ. нет. Т. 5. И–К. 1956. VII. 1918 стб. И — 2938, Й — 15, К — 6435 без 748 ссыл. 24000 экз. Т. 6. Л–М. Ред. 1957. VII, 1460 стб. Л — 2304, М — 4620 без 357 ссыл. 22000 экз. Т. 7. Н. 1958. XVI, 1468 стб. 8473 сл. ст. без 857 ссыл. 20000 экз. Т. 8. О. 1959. IV, 1840 стб. 9867 сл. ст. без 1847 ссыл. 19000 экз. Т. 9. П–Пнуть. 1959. IV, 1482 стб. 6615 сл. ст. без 952 ссыл. 18200 экз. Т. 10. По–Поясочек. 1960. IV, 1774 стб. 7920 сл. ст. без 809 ссыл. 17500 экз. Т. 11. Пра–Пятью. 1961. IV, 1842 стлб. 8996 сл. ст. без 1587 ссыл. 16600 экз. Т. 12. Р. 1961. IV, 1675 стб. 6270 сл. ст. без учета 910 ссыл. 16700 экз. Т. 13. С–Сняться. 1962. 1516 стб. 5448 сл. ст. без учета 380 ссыл. 16400 экз. Т. 14. Со–Сям. 1963. 5020 сл. ст. без учета 395 ссыл. 16300 экз. Т. 15. Т–Тятя. 1286 стб. 4005 сл. ст. без 263 ссыл. 16000 экз. Т. 16. У–Фють. 1964. 1610 стб. 5484 сл. ст. без 947 ссыл. 13800 экз. Т. 17. Х–Ящурный. 1965. 7724 сл. ст. без учета 666 ссыл. 13600 экз.

Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. С. П. Обнорского. М., 1949; Стереотип.: 2-е изд., испр. и доп. М., 1952; 3-е изд. М., 1953; 4-е изд., испр. и доп. М., 1960; Стереотип.: 5-е изд. 1963; 6-е изд. М., 1964; 7-е изд. М., 1968; 8-е изд., М., 1970; 9-е изд., испр. и доп., 1972, под ред. Н. Ю. Шведовой; Стереотип.: 10-е изд., М., 1973; 11-е изд. М., 1975; 12-е изд. М., 1978; 13-е изд., испр. и доп. М., 1981; Стереотип.: 14-е изд. М., 1982; 15-е изд. М., 1984; 16-е изд., испр. М., 1984; Стереотип.: 17-е изд. М., 1985; 18-е изд. М., 1986; 19-е изд., испр. М., 1987; Стереотип.: 20-е изд. М., 1988; 21-е изд., перераб. и доп., М., 1989; Стереотип.: 22-е изд. М., 1990; 23-е изд., испр. М., 1991. Ожегов С. И. и Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992; 2-е изд., испр. и доп. М., 1994; 3-е изд., стереотип. М., 1995; 4-е изд., доп. М., 1997. Ожегов Сергей Иванович. Словарь русского языка / гл. ред. С. П. Обнорский. 50000 слов. М.: Гос. изд. иностр. и нац. словарей, 1949. XVIII, 968 с. В сост. словаря принимали участие проф. Г. О. Винокур и В. А. Петросян. 2-е изд. 52000 слов. 1952. 843 с. 3-е изд. 1953. 848 с. 4-е изд. 53000 слов. 1960.

900 с. 6-е изд. 1964. 900 с. 7-е изд. М.: Сов. энц., 1968. 900 с. 150000 экз. 8-е изд. 1970. 900 с. 150000 экз. 9-е изд. Ок. 57000 слов. Под ред. Н. Ю. Шведовой. 1972. 847 с. 120000 экз. 10-е изд. 1973. 846 с. 11-е изд. 1975. 847 с. 75000 экз. 12-е изд. 1978. 846 с. 13-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1981. 816 с. 123000 экз. 14-е изд., стер. 1982. 816 с. 105000 экз. 1983. 816 с. 115000 экз. 15-е изд., стер. 1984. 816 с. 160000 экз. 16-е изд., испр. 1984. 797 с. 120000 экз. 17-е изд., стер. 1985. 797 с. 195000 экз. 18-е изд., стер. 1986. 795 с. 300000 экз. 18-е изд., стер. 1987. 795 с. 220000 экз. 19-е изд., испр. 1987. 748 с. 225000 экз. 20-е изд., стер. 57000 слов. 1988. 748 с. 480000 экз. 21-е изд., перераб. и доп. 70000 слов. М.: Рус. яз., 1989. 921 с. 22-е изд., стер. 1990. 921 с. 200000 экз. 23-е изд., испр. 1990. 915 с. 100000 экз. Ок. 57000 сл. Екатеринбург: «Урал-Советы» («Весть»), 1994. 796 с. Около 53000 слов. 4-е изд., испр. и доп. М., 1997. 763 с. Ожегов Сергей Иванович, Шведова Наталия Юльевна. Толковый словарь русского языка: 72500 слов и 7500 фразеологических выражений / Рос. АН, Ин-т рус. яз., Рос. фонд культуры. М.: Азъ, 1992. 955 с. 100000 экз. 1993. 955 с. 2-е изд., испр. и доп. 1994. 908 с. 100000 экз. 2-е изд., испр. и доп. 1995. 908 с. 3-е изд., стереотип. 1995. 928 с. 100000 экз. 80000 слов и фразеол. выражений. 4-е изд. М.: Азбуковник, 1997. 943 с.

МАС. Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1961. Т. 1. А–Й; Т. 2. К–О; Т. 3. П–Р; Т. 4. С–Я; 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984; 3-е изд., стереотип. М., 1985–1988; 4-е изд., стер. М., 1999. Абрамович И. М. (2, 3), Алексеева Э. В. (3), Алекторова Л. П. (1, 2, 3, 4), Баженова С. Л. (1, 2, 3, 4), Геккер С. Ф. (2), Гузунова Е. А. (1, 2, 3), Давыдова М. К. (1, 2, 3, 4), Зайчикова О. Е. (1, 2, 3), Замкова В. В. (1, 2, 3, 4), Зуева В. В. (1, 2), Иванникова Е. А. (3, 4), Каллистрати М. А. (1, 2, 3), Князькова Г. П. (2), Ковалевская Е. Г. (1, 2, 3), Ковтун Л. С. (2), Короткевич З. Т. (1, 2, 4), Кузнецова О. Д. (1, 2, 3, 4), Кутина Л. Л. (1, 3), Литвиненко А. И. (1, 2, 4), Марецкая А. Ф. (2, 3, 4), Матвеев И. И.

(1, 2, 3), Молотков А. И. (2, 3, 4), Павленко П. И. (3, 4), Перевозчикова Ф. Д. (1, 2, 3), Петушков В. П. (1, 2, 3, 4), Поповцева Т. Н. (2), Разумникова Г. А. (1, 4), Рогожникова Р. П. (1, 2, 3, 4), Рождественская Т. В. (1), Скляревская Г. Н. (1, 3), Сороколетов Ф. П. (3), Стахова Г. А. (2, 3), Судоплатова М. Н. (1, 2), Тихомирова В. А. (1, 2, 3, 4), Толикина Е. Н. (2, 3, 4), Цыганова В. Н. (1, 2, 3, 4), Чумандрина М. М. (2). МАС: Словарь русского языка: В 4-х т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. М.: Рус. яз., 1957–1961. 2-е изд., испр. и доп. 1981–1984. 3-е изд. стереотип. 1985–1988. Т. 1. А–Й. 1985. 696 с. 200000 экз.; Т. 2. К–О. 1986. 736 с. 200000 экз.; Т. 3. П–Р. 1987. 750 с. 200000 экз.; Т. 4. С–Я. 1988. 782 с. 200000 экз. 4-е изд. стереотип. М.: Рус. яз., 1999.

БАС2. Словарь современного русского литературного языка: В 20 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. Гл. ред. К. С. Горбачевич. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Рус. яз., 1991. Т. 1. А–Б. 1991. 864 с. 100000 экз.; Т. 2. В. 1991. 958 с. 100000 экз.; Т. 3. Г. 1992. 400 с. 74100 экз.; Т. 4. Д. 1993. 573 с. 74100 экз.; Т. 5–6. Е–З. 1994. 912 с. 10060 экз. Ред. Балахонова Л. И. (3, 5–6), Князькова Г. П. (1, 4), Фелицына В. П. (5–6). Составители: Алекторова Л. П. (1), Баженова С. Л. (1, 4, 5–6), Балахонова Л. И. (1, 2, 3), Бутарова Н. З. (1, 2, 4), Верещагина Г. Н. (1), Гайкович Т. И. (2, 4, 5–6), Галаванова Г. П. (4), Горбачевич К. С. (2), Городецкая И. Л. (3), Иванникова Е. А. (1), Князькова Г. Н. (1), Ковтун Л. С. (2), Корованенко Т. А. (1), Кузнецов С. А. (2), Куканова Н. Н. (3), Левашов Е. А. (2, 3), Литвиненко А. И. (1, 2, 3, 5–6), Меделец Н. М. (2), Невжинская А. М. (1, 3), Петрунин В. О. (4, 5–6), Петушков В. П. (2), Поповцева Т. Н. (1), Разумникова Г. А. (3, 4), Сергеев В. Н. (4, 5), Скляревская Г. Н. (1, 4), Соловьев Н. В. (2, 4, 5–6), Толикина Е. Н. (2, 3), Фелицына В. П. (2, 3, 5–6), Фоменко Т. А. (4, 5–6), Цыганова В. Н. (1, 4).

Сводный словарь современной русской лексики: В 2 т. / под ред. Р. П. Рогожниковой. М., 1991.

БТСРЯ: Большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. Ред.-лексикографы: Балахонова Л. И., Балясникова Л. А., Батажок Н. И., Буланин Л. Л., Войнова Л. А., Гайкович Т. И., Городецкая И. Л., Денисенко Ю. Ф., Захарова Е. А., Зеленин А. В., Корованенко Т. А., Кузнецов С. А., Куканова Н. Н., Марецкая А. Ф., Михайлова-Герке Н. Е., Мызников С. А., Осипова Э. В., Островкина И. Е., Откупщикова М. И., Плотицын В. Н., Соловьев Н. В., Стулова Н. Г., Трифонова Н. В., Фелицына В. П., Фоменко Т. А., Холодова Е. П., Этерлей Е. Н. СПб.: Норинт, 1998. 1536 с. 10000 экз. 2000. 1536 с. Словник — 130000 слов.

БАСЗ. Т. 1–24. 2004–2017. Главный редактор К. С. Горбачевич (1–9), А. С. Герд (10–24). 2004. Т. 1. А–Бишь. 663 с. 5000 экз. 2005; Т. 2. Благо–Внять. 659 с. 5000 экз. 2005; Т. 3. Во–Вящий. 664 с. 5000 экз. 2006; Т. 4. Г–День. 679 с. 5000 экз. 2006; Т. 5. Деньга–Жюри. 695 с. 5000 экз. 2006; Т. 6. З–Зятюшка. 827 с. 5000 экз. 2007; Т. 7. И–Каюр. 730 с. 5000 экз. 2007; Т. 8. Каюта–Кюрины. 840 с. 5000 экз. 2008; Т. 9. Л–Медь. 660 с. 5000 экз. 2008; Т. 10. Медяк–Мячик. 573 с. 5000 экз. 2008; Т. 11. Н–Недриться. 634 с. 5000 экз. 2009; Т. 12. Недруг–Няня. 653 с. 5000 экз. 2009; Т. 13. О–Опор. 770 с. 5000 экз. 2010; Т. 14. Опора–Отрыть. 656 с. 5000 экз. 2011; Т. 15. Отряд–Перевал. 612 с. 5000 экз. 2011; Т. 16. Перевалец–Пламя. 640 с. 5000 экз. 2011; Т. 17. План–Подлечь. 672 с. 5000 экз. 2012; Т. 18. Подлещ–Порой. 774 с. 5000 экз. 2012; Т. 19. Порок–Пресс. 708 с. 5000 экз. 2012; Т. 20. Пресса–Продел. 732 с. 5000 экз. 2012; Т. 21. Проделать–Пятью. 631 с. 5000 экз. 2013; Т. 22. Р–Расплох. 736 с. 5000 экз. 2014; Т. 23. Расплыв–Розниться. 742 с. 5000 экз. 2017; Т. 24. Розница–Сверяться. 671 с. 5000 экз.

Составители:

Балахонова Людмила Ивановна (1925–2010) : тт. 1, 2, 3, 4, 5;

Буторова Ульяна Викторовна: тт. 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24;

Герд Александр Сергеевич (1936–2016): научный координатор тт. 1–9;

Горбачевич Кирилл Сергеевич (1925–2005): т. 1;

Заяц Александр Андреевич: тт. 1, 2, 22;

Кругликова Людмила Евгеньевна: тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24;

Левашов Евгений Александрович: тт. 23, 24;

Марина Анна Сергеевна: тт. 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24;

Пурицкая Елизавета Владиславовна: тт. 23, 24;

Панков Дмитрий Иванович: тт. 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24;

Соловьев Николай Васильевич (1940–2006): тт. 1, 2, 3, 4, 5;

Стулова Н. Г.: т. 2;

Фелицына Вера Петровна (1924–2013): тт. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24;

Шиморина Анастасия Сергеевна: тт. 22, 23, 24;

Шушков Александр Александрович (1971–2013): тт. 22, 23.

БАС3 построен на тех же принципах, что и «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах. Авторы БАС3 позиционируют его не как переиздание, а как новый академический словарь [Кругликова 2012]. В частности, в предисловии говорится: «БАС — новый академический словарь современного русского языка. Он охватывает гораздо более протяженный хронологический период, чем все предыдущие академические словари, и тем самым представляет собой сокровищницу русской лексики XIX–XXI веков».

НРЛ: Новое в русской лексике. Вып. 01. Котелова Н. З., Петушков В. П., Штейнсапир Ю. Е., Герасимова Н. Г. М.: Русский язык, 1980. 176 с.; Вып. 02. Герасимова Н. Г., Котелова Н. З., Поповцева Т. Н., Петушков В. П. М.: Русский язык, 1981. 262 с.; Вып. 03. Котелова Н. З., Судоплатова М. Н., Герасимова Н. Г., Поповцева Т. Н. М.: Рус-

ский язык, 1982. 320 с.; Вып. 04. Петушков В. П., Поповцева Т. Н., Соловьев Н. В., Судоплатова М. Н. М.: Рус. яз., 1984. 287 с.; «Словарные материалы—80». Вып. 05. Котелова Н. З., Соловьёв Н. В., Судоплатова М. Н., Денисенко Ю. Ф., Буцева Т. Н., Алаторцева С. И. М.: Русский язык, 1986. 288 с.; Вып. 06. Котелова Н. З., Судоплатова М. Н., Денисенко Ю. Ф., Поповцева Т. Н., Алаторцева С. И., Буцева Т. Н. М.: Русский язык, 1986. 253 с.; Вып. 07. Петушков В. П. / под ред. Н. З. Котеловой. М.: Русский язык, 1987. 190 с.; Вып. 08. Плотицын В. Н., Судоплатова М. Н., Котелова Н. З. и др. М.: Русский язык, 1989. 427 с.; Вып. 09. Котелова Н. З., Денисенко Ю. Ф., Плотицын В. Н., Судоплатова М. Н., Алаторцева С. И. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 351 с.; Вып. 10. Плотицын В. Н., Судоплатова М. Н., Котелова Н. З., Денисенко Ю. Ф., Алаторцева С. И., Буцева Т. Н., Никитченко Н. С., Бочкарева И. А. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 381 с.; Вып. 11. Котелова Н. З., Денисенко Ю. Ф., Судоплатова М. Н., Буцева Т. Н., Бочкарева И. А. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 354 с.; Вып. 12. Буцева Т. Н., Денисенко Ю. Ф., Холодова Е. П., Найдёнышева М. Ф., Козулина Н. А., Бояркина В. Д., Сальмин Э. Р., Левашов Е. А. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. 420 с.; Вып. 13. Судоплатова М. Н., Плотицын В. Н., Соловьев Н. В., Бояркина В. Д., Козулина Н. А., Юдина А. Д. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 372 с.; Вып. 14. Степанова Л. В., Плотицын В. Н., Судоплатова М. Н., Буцева Т. Н., Юдина А. Д., Козулина Н. А., Денисенко Ю. Ф. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 674 с.; Вып. 16. Козулина Н. А., Алаторцева С. И., Денисенко Ю. Ф., Левашов Е. А., Буцева Т. Н., Бояркина В. Д., Холодова Е. П. СПб.: Дмитрий Буланин, 2004. 212 с.; Вып. 17. Левашов Е. А., Буцева Т. Н., Холодова Е. П., Алаторцева С. И., Бояркина В. Д., Шагалова Е. Н., Козулина Н. А. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 453 с.; Вып. 18. Левашов Е. А., Денисенко Ю. Ф., Козулина Н. А., Бояркина В. Д., Алаторцева С. И., Буцева Т. Н., Холодова Е. П. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 400 с.

СТСРЯ: Современный толковый словарь русского языка: [написание, произношение, происхождение, область употребления, стилистическая окраска, значение, сочетаемость более 90000 слов] / авт. проекта и гл. ред. С. А. Кузнецов; вед. ред. С. М. Снарская; отв. ред. А. П. Башмакова и др. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2001, 2004, 2007, 2008. 960 с.

Первый толковый **БЭС**: более 120 тысяч словарных статей, более 147 тысяч толкуемых единиц / рук. проекта С. М. Снарская; отв. ред. Е. В. Варавина и др. М.; СПб.: РИПОЛ: Норинт, 2006. 2141 с. [2006 г. под загл.: Толково-энциклопедический словарь].

НБТСРЯ: Новейший большой толковый словарь русского языка / авт. и рук. проекта, гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт; М.: РИПОЛ классик, 2008. 1534 с.

Исследуемые академические словари представляют упорядоченные по ряду признаков множества словоформ и устойчивых словосочетаний. Выбор словоформы и словосочетания в качестве единицы словаря (а) обоснован тем, что информация, закрепленная за каждой словоформой (словосочетанием), будет более точной, чем информация, присвоенная частям словоформы или целой парадигме (б). При этом «словосочетание» — непредикативная синтагма (интонационно-смысловое единство в составе предложения), соединение нескольких слов, связанных по смыслу и грамматически, а также устойчивое (частотное) сочетание слов, выявленное статистически на объемных текстах (разумеется, к словосочетаниям относятся: фразеологизмы, поговорки, пословицы, крылатые слова; термины и наименования, состоящие из двух и более слов.

Пункт (а) снимает сложные морфологические алгоритмы по распознаванию вариантов основ, соотносимости основ и аффиксов, по обработке чередований, выяснению морфологической, корневой и грамматической омонимии и т. п.

Пункт (б) можно проиллюстрировать тем, что грамматические функции, напр., инфинитива, в плане связей этой формы с формами других классов или внутри класса — различные: так, грамматически верной и семантически осмысленной будет композиция *пора выступать*, но связь остальных форм глагольной парадигмы с элементом *пора* является запрещенной (скрытое вытормаживание семантической связи через грамматическую); ряд существительных совпадает по форме с наречиями, представляющими собой застывшую форму творительного падежа: *верхом*, *бегом*, *днём*, *ночью*, *весной* и т. п. Подобная омонимия не дает возможности однозначного приписывания связей грамматического и семантического характера всем элементам парадигмы соответствующих существительных.

Можно представить словарную базу данных в виде системы из пяти полей: 1) префикс, 2) основа, 3) аффикс (а также суффиксы, постфиксы и флексии). Поле аффиксальной части содержит кодировку класса, или части речи, и грамматической позиции в виде категориальных признаков рода, числа, падежа, времени, наклонения и т. п. 4) Поле дефиниций — содержит значение, смысл, толкование, определение, объяснение, иллюстрации и собственно словарные статьи из словарей, справочников и энциклопедий русского языка. Данное поле создается на основе компьютерной версии «Словаря русских словарей» (см. наши работы за период с 1987 по 2008 гг.). 5) Поле источников — содержит реферативно-аннотированное библиографическое описание словарей, справочников и энциклопедий. Фактически данное поле создано на основе «Словаря русских словарей» (Лесников 2002).

Интеграционное поле (код) словоформы создается при ее обработке на входе и служит адресом в словарной базе данных для словоформы с необходимой информацией в виде модели управления (2 байта), семантического поля предметной области (5 байт), номера в семантической иерархии

данной предметной области (4 байта), номера класса отношений (2 байта). Примерами семантической иерархии могут быть иерархия мерности в классе мер (грамм, дециграмм, килограмм, центнер, тонна...), иерархия званий (рядовой, ефрейтор ... лейтенант ... маршал) и другие. Класс отношений может быть следующим: деятель, действие, продукт, инструмент, получатель-адресат, притяжатель, место действия (*завод*, *лаборатория*), способ действия (*протяжка*, *прокат*, *литье*) и т. п. [Карпов 1992].

Отдельными словарями являются семантический словарь (Караулов 1980; РСС; Шведова 1998) и ассоциативный словарь (РАС), представляющие в сущности семантическое поле предметной области и, таким образом, описание лексико-семантической системы русского языка. При таком подходе достаточным может оказаться список корней (основ и/или базовых словоформ/словосочетаний) с указанием (ссылками) на частотность, источник и дефиниции. При ориентированности работы модели в рамках конкретной предметной области ее словарь может вычленяться из системы на уровне подсловаря.

Введение других словарей (словаря устойчивых языковых выражений, словаря имен собственных и др.) также будет обусловлено целями и направлениями конкретной подстройки и развития системы.

При «конструировании словарей системного типа должны быть выполнены следующие задачи: 1) сконструирован систематизированный словник из первоначально семантически неупорядоченного списка слов-терминов на основе той информации, которая содержится в этом словнике и в предварительных дефинициях; 2) сконструирована система дефиниций на основе тех семантических отношений, которые выявлены в процессе создания систематизированного словника тех терминов, которые его образуют; 3) сконструирована система согласованных терминов, отражающих, в допустимых языком пределах, выявленные семантические отноше-

ния и признаки, зафиксированные в дефинициях. Конструируется план содержания и план выражения.

Для конструирования понятийных словарей системного типа должна быть достигнута ясность в том, какие группировки терминологических единиц они содержат и какие типы связей должны быть внутри этих групп и между ними.

Основной единицей лексико-семантической системы нами принимается лексико-семантический вариант слова (ЛСВ), входящий в определенные отношения с однородными ЛСВ других многозначных терминов-слов и терминов-словосочетаний, объединяясь с ними в определенные группы.

В основу выделения типов объединения ЛСВ терминов представляется правильным положить, в первую очередь, признак их принадлежности к одной и той же или к разным частям речи» [Канделаки 1987: 84–89].

Предложенная классификация группировок ЛСВ позволяет выделить признаки для построения понятийных терминологических словарей.

С позиций лингвистического конструирования нового лингвистического объекта Ю. Н. Караулов предложил перечень конструктивных лексикографических параметров, которые должны планироваться при создании словарей системного типа: 1. Научная письменная речь. Связный монологический текст с абзацной организацией связи между высказываниями, образующими позиции словаря. Сквозная нумерация абзацев. 2. Терминологический параметр. 3. Однозначность терминов. 4. Ономасиологический параметр. 5. ЛСВ определенной части речи, в данном случае, существительных и субстантивных словосочетаний (без глаголов). 6. Ситуативные объединения с системными связями между ЛСВ, включающие: 1) тематические группы ЛСВ, 2) лексико-семантические группы ЛСВ. 7. Семантизация — дефиниции и рисунки. 8. Нормативный параметр. Стилистический параметр. Рекомендуемые термины и нерекомендуемые термины (дублеты и варианты). Термины — краткие формы. Симво-

лы. Буквенные обозначения. 9. Иностранные эквиваленты. 10. Алфавитные указатели на всех языках системного словаря.

Под конструктивными понимаются параметры, требующие для своей обработки построения специальных эвристик. Как правило, эти параметры, включающие в себя семантический компонент — словообразовательный, синтагматический (свободная и связанная сочетаемость), ассоциативный, лингвострановедческий, терминологический, параметр словоизменения (склонения, спряжения, степеней сравнения, наклонения) и другие, и потому как бы подразумевающие присутствие человеческого фактора [Караулов 1981: 137].

Программы поиска, создания, загрузки и параметризации лексической базы данных написаны на PERL (Practical Extraction and Report Language — практический язык для извлечения данных и составления отчётов) и PHP (Preprocessor of Home Pages — препроцессор гипертекста, язык программирования, созданный для генерации HTML-страниц на веб-сервере и работы с базами данных) с использованием SQL (Structured Query Language — язык структурированных запросов, универсальный компьютерный язык, применяемый для создания, модификации и управления данными в реляционных базах данных). А) Первая программа searcher_word позволяет искать искомую лексему в загруженных словарях (словниках, справочниках, глоссариях и энциклопедиях) разными способами: а) «целиком слово» (заголовок словарной статьи, черное слово, лемма, вокабула), б) как «часть слова» (фрагмент словоформы, однако с учетом — где будет осуществляться поиск — только по заголовкам словарных статей и/или и в зоне толкования), и в) в «области значения ЛСВ вокабул» (толкование, т. е. в правой части словарной статьи, определение, дефиниция). Сузить объем результатов поиска помогает выбор группы лексических источников: 1) словники; 2) толковые; 3) синонимы; 4) говоры; 5) жаргоны; 6) энциклопедии; 7) ГИ-

ЗАУРУС (гипертекстовый тезаурус) — термины; 8) разные. Б) Программа searcher_synonym позволяет искать синонимы для введенной лексемы в словарях синонимов русского языка, загруженных в словарную базу данных (информация о количестве словарных статей отображается на экране). При этом также, как и в программе searcher_word, можно выбрать уточняющие параметры поиска: а) «целиком слово», б) как «часть слова». Параметр «толкование» и выбор одной из групп словарей не доступны. Каждый найденный синоним в свою очередь фактически является контекстной ссылкой (т. е. выделенная лексема и будет очередным уже заданным запросом при активизации гиперссылки) на программу searcher_word, при помощи которой и возможно узнать значение соответствующего синонима. Причем в этом случае «по умолчанию» значение синонима ищется во всех словарях как «часть слова». В дальнейшем предполагается автоматизированное построение синонимических рядов, прежде всего прямых синонимов — лексических единиц, которые максимально близки или совпадают по значению. Критерием близости предполагается свойство взаимозаменяемости лексических единиц в реальных тематических контекстах с учетом абсолютной и относительной частотности. В) Программа searcher_index не содержит параметров поиска (переключателей и меню выбора) и позволяет осуществить глобальный поиск по генеральному словнику русского языка. В генеральный словник включены вокабулы (заголовки словарных статей) с указанием, в каких словарях можно найти информацию о том или ином слове. В генеральный словник включена информация не столько по электронным версиям (которые загружены в словарную базу данных, т. к. такие вокабулы и так найдутся по запросу а) «целиком слово»), сколько по словникам книжных (бумажных) словарей и словникам с других словарных порталов. По числовому коду словаря выдается библиография к исходному словарю и гиперссылки соответствующих источников.

Идея Генерального словника русского языка восходит к научной программе «Машинный фонд русского языка (МФРЯ)» (главный конструктор Владислав Митрофанович Андрющенко): первым компонентом МФРЯ «является Генеральный словник русских словарей, который может быть создан как семейство однородных баз данных на основе Сводного словника, созданного в Словарном секторе Института русского языка АН СССР, и других “словнико-подобных” словарей, таких, как “Грамматический словарь русского языка” А. А. Зализняка, Орфографический словарь и др. Объектом хранения в этой базе данных является вокабула, т. е. слово, являющееся потенциальным заголовком какой-либо словарной статьи и именем определенного лексического значения, а его атрибутами — номера или идентификаторы значений, а значениями атрибутов — имена и входы баз данных, в которых данное слово или его формы зафиксированы в качестве значений атрибутов каких-либо объектов — словарных статей, текстов, грамматических правил, статистических сводок, научных статей и т. п. Очевидно, что многоаспектный поиск по заданным значениям атрибутов с соответствующими логическими условиями может давать ответы на такие запросы, как: “Найти перечень словарных статей определенных словарей, для которых имеется информация в терминологической базе данных”, “Найти значения вокабулы, стилистически маркированные в словарях”, “Найти все глаголы с дефектными парадигмами и сопоставить структуры их словарных статей” и т. п.» [Андрющенко 1986: 31]. В 1987–1991 гг. в отделе МФРЯ был сделан вариант генерального словника (небольшой фрагмент от А до П в формате для ЕС ЭВМ нам был доступен).

Основными моментами архитектуры Свода АСРЯ, на наш взгляд, должны стать: 1) реализация распределенной модели поиска (т. е. с учетом информации из внешних, сторонних лексических баз); 2) переход от модели «один поиск на всех» к модели персонального, параметрического, много-

аспектного поиска; 3) при поиске учет критериев релевантности и пертинентности; 4) переход от поиска только текстовой информации к распознаванию и поиску мультимедийной информации (изображения, анимация, озвучения и видеофрагменты в виде иллюстраций к соответствующим вокабулам) [Лесников 2011].

Основой Свода АСРЯ является информационно-поисковая система (ИПС) — система, обеспечивающая поиск и отбор релевантных данных в специальной базе с описаниями источников информационных ресурсов (индексе) посредством информационно-поискового языка (ИПЯ) и соответствующих правил поиска.

В Своде АСРЯ процедура описания информационных ресурсов автоматизирована, для чего специальная программа по заранее определенному алгоритму загружает исходные лексикографические ресурсы в базу данных (БД). В процессе формирования индексированной БД анализируются все словарные статьи Свода АСРЯ и создаются соответствующие гипертекстовые ссылки с текущей словарной статьи на соответствующие статьи для осуществления эффективного поиска.

Суть конструируемого гипертекстового Свода АСРЯ заключается в расширении возможностей современных поисковых систем для обеспечения запросов пользователей. Используя Свод АСРЯ, можно с достаточной степенью эффективности получать результаты поиска, соответствующие информационной потребности пользователя, уместности и состоятельности результатов, релевантности и пертинентности. Программа выдает пользователю не только информацию о ресурсах, узуально и/или окказионально содержащих введенные ключевые слова, но и семантически связанные с ними термины, соответствующие дескрипторы, дефиниции, иллюстрации, интерпретации, леммы, объяснения, определения, понятия, разъяснения, толкования, трактовки, формулиров-

ки, экскурсы и эксцерпции. Программно сконструировав гиперссылки, на базе такого Свода АСРЯ можно также подсказать пользователю, по каким еще вокабулам (лексемам, леммам, словоупотреблениям, словоформам) целесообразно продолжить поиск (напр., агноним, акроним, аллоним, антоним, бэкроним, гипероним, гипоним, (квази)синоним, когипоним, конверсив, лексико-грамматический вариант, лексико-семантический вариант, мероним, метоним, омоним, потамоним, субордината, таутоним, холоним и др. -онимы).

Свод АСРЯ, фактически являясь информационно-поисковой лексикографической системой, дает богатый материал для различного рода научных исследований не только в области русского языка, но и других современных языков, что в перспективе позволит на основе цифровых технологий при соответствующей классификации и систематизации словарей объединить лексикографические материалы, обеспечить их оперативный ввод в научный оборот с целью оптимизации научных исследований в современной лексикографии.

Литература

Андрющенко В. М. Концепция и архитектура Машинного фонда русского языка // Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М.: Наука, 1986. С. 26–44.

Канделаки Т. Л. Основные группировки терминологических единиц упорядоченных терминологий // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 84–89.

Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М.: Наука, 1981. 368 с.

Карпов В. А. Язык как система. Минск: Выш. шк., 1992. 304 с.

Кругликова Л. Е. «Большой академический словарь русского языка» как продолжатель традиций русской академической лексикографии // Cuadernos de Rusística Española. 2012. № 8. С. 177–198.

Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб.: Нестор-История, 2015. 442 с.

Лесников С. В. Основные латинские терминоэлементы и термины метаязыка лингвистики // Научные ведомости БелГУ. Серия: гуманитарные науки. 2011. № 12(107) . Вып. 10. С. 37–45.

Ломтев Т. П. Общее и русское языкознание: избр. работы. М.: Наука, 1976. 382 с.

Сенкевич В. А. Исследование лексических и аффиксальных особенностей функционирования русского языка. Челябинск: Челяб. пединститут, 1973. 267 с.

Сороколетов Ф. П., Кузнецова О. Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л.: Наука, 1987. 228 с.

Филин Ф. П. Очерки по теории языкознания. М.: Наука, 1982. 336 с.

Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. 427 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 258–268. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201821

Названия ласточки в русских народных говорах (лингвогеографический и этимологический аспекты)

Т. М. Малыхина, Л. Е. Писарева, Л. И. Ларина

В статье рассматриваются народные наименования ласточки в лингвогеографическом и этимологическом аспектах. Привлекаются данные истории бытования названий. Анализируются материалы картотеки ЛАРНГ и других лексикографических источников, показана вариантность лексем и мотивационные связи с объектами окружающей действительности.

Ключевые слова: лингвогеография, диалектная лексика, этимология, мотивационные связи, корневые морфемы.

Целью данной статьи является рассмотрение наименований ***ласточки*** на территории распространения русского языка.

Материалом для наблюдений послужили данные, собранные исследователями на территории Европейской части России для составления Лексического атласа русских народных говоров. Это лексемы с корнями *лас-/ласт-* (***ла́ска***, ***ласта́к***, ***ла́стивка***, ***ластови́ца***, ***ла́стка***, ***ла́стовка***, ***ла́сточка***, ***ласту́шка***, ***laса́тка***, ***ла́станка***, ***ла́стовочка***, ***ла́стонька***, ***ла́стошка***, ***ласту́ша***, ***ласю́тка***); *берег-* (***берегову́ха***, ***берегову́шка***, ***берегови́ца***, ***берего́вка***); *кас-/кос-/каш-/кош-* (***касата́шка***, ***каса́тка***, ***каса́точка***, ***каса́тушка***, ***коса́ръ***, ***коси́ца***, ***коси́чка***, ***каса́тонька***, ***каса́тышка***, ***кашня́к***, ***коша́нка***, ***кошано́к***); *камен-* (***ка́менка***); *песоч-* (***песо́чница***); *ворон-* (***вороно́к***);

нор- (***нóрка***[1]); *чев-* (***чéвич***), получившими распространение в русских диалектах.

От картографирования отведены как неубедительные, не подкрепленные хорошим иллюстративным материалом или не отвечающие теме карты следующие лексемы:

— ***пташка***, ***птица***, ***пичужка*** как не соответствующие теме карты, поскольку являются родовым наименованием по отношению к видовому, ср. ***пташка*** 'маленькая птица, птичка' (Шведова 2007: 630), ср. также в СРНГ: ***пта*** 'птица, птаха' Терск.; ***птаечка*** 'пташечка' Смол.; ***птах***, ***птох***, ***птух*** 'птица, птаха' Смол., 1890; ***птаха***, ***птяха***, ***птуха***, ***птюха*** 'птичка, пташка' Пск., Твер.; ***птошка***, ***птушка*** 'птица, пташка', Калин., 1940; ***птушонок*** 'детеныш птицы, птенец' Смол. (СРНГ 33: 100). В словаре В. И. Даля слово ***пташка*** также выстраивается в один ряд с лексемами ***птица***, ***птичка***; ***пичуга***, ***пичужка***, ***пернатая***, ***пернатка*** 'летучее животное в перьях, теплокровное, перистое животное' (Даль 3: 534);

— ***пиздрик***, ***плистовка***, ***живулька***, которые не поддерживаются ни материалами карты, ни данными диалектных словарей, ср. в СРНГ: ***пиздрик*** 1) 'птица чибис' *Такая длинноносенькая птичка с хохолком, кричит;-пи-и здри-к!*, 2) 'птица бекас', 3) 'птица иволга', 4) 'птица чиж' (СРНГ 27: 21); ***плистовка*** 'птица трясогузка' Слов. Акад. 1847. Смол. *Плистовка живет около построек, небольшенькая такая, желтенькая* (СРНГ 27: 139); ***живулька*** (***живуля***) 'всякое живое существо; всякое животное' Даль [без указ. места]; 'грудной ребенок' *Сидит живуля на живом стуле, ест живуля сырое мясо* (загадка: младенец сосет грудь). Боров. Калуж., Чернышев; 'кровососущее насекомое (блоха, вошь, клоп)' (СРНГ 9: 161).

Лингвогеографический анализ карты показал, что наиболее распространенными являются лексемы с корня-

[1]Лексема зафиксирована в Томской области, не относящейся к территории Европейской части России.

ми *лас-/ласт-* (***ла́ска***, ***ласта́к***, ***ла́стивка***, ***ластови́ца***, ***ла́стка***, ***ла́стовка***, ***ла́сточка***, ***ласту́шка***, ***laса́тка***, ***ла́станка***, ***ла́стовочка***, ***ла́стонька***, ***ла́стошка***, ***ласту́ша***, ***ласю́тка***); *кас-/кос-* (***касата́шка***, ***каса́тка***, ***каса́точка***); *берег-* (***береговуха***, ***берегову́шка***). Они представлены практически на всей картографируемой территории.

Лексема с корнем *песоч-* (***песо́чница***) характерна для севернорусского наречия (островные ареалы в вологодских говорах). Имеются также островные ареалы в среднерусских (владимирско-поволжских) говорах.

Лексемы с корнем *камен-* (***ка́менка***) отмечены в севернорусском наречии (локализуются преимущественно в границах северо-западной и северо-восточной диалектных зон). Имеются также островные ареалы в южнорусских (курских и ростовских) говорах.

Названия с корнем *ворон-* (***вороно́к***) концентрируются в основном в среднерусских говорах. Имеются также островные ареалы в южнорусских (преимущественно курских) говорах.

Приведем ряд иллюстраций:

Ла́сточки живут по берегам, норки там себе роют прямо на берегу (Вологодская область). Есть и ***ла́сточки***, в берегах отверстия — это их гнезда (Вологодская область). ***Ла́сточки*** всё больше на откосах гнёзда вьют (Ивановская область). ***Ла́сточки***-то всё по берегам живут, да по крышам (Кировская область). Мало их. Все раньше в соломе ***ла́сточек*** ловили (Нижегородская область). ***Ла́сточки*** у нас на карьерах живут, где большие песочные горы, там себе круглые норки выделывают (Костромская область). На Усте-то в берегах полно гнезд ***ла́сточек***. Уста — название местной реки (Нижегородская область). ***Ла́сточки*** в песчаном обрыве живут, в норах (Нижегородская область). ***Ла́сточки*** в берегу гнезда делают (Архангельская область). Видишь, у меня под крышей ***ла́сточка*** гнездо слепила (Во-

логодская область). На нашем доме ***ла́сточки*** каждый год гнезда делают (Вологодская область). ***Ла́сточки*** под крышами живут. К кому ***ла́сточка*** селится, тому счастье или прибыль какая-то в дому будет (Республика Коми). ***Ла́стка*** гнезда делает глубокие, вход узкий, как кошель (Пермский край). У нас ласточек ***коша́нками*** звали (Псковская область). А ***ла́сточку*** у нас еще зовут ***каса́тка*** (Ивановская область). Ласточка она и есть ласточка, а кто у нас ее и ***каса́ткой*** называет (Ивановская область). Вон сколько гнезд ***каса́ток*** у нас на берегу. Хорошие они, трудолюбивые (Архангельская область). Ласточек в народе ***каса́тками*** называют (Пензенская область). ***Каса́тки*** делают себе нору в берегу реки (Курская область). ***Каса́тка*** прямо над водой кружит (Вологодская область). Сена-то нынче нет. На сеновале только ***каса́тки*** живут (Пермский край). ***Каса́тки*** по полу ходят — к дождю (Пермский край). ***Каса́тки***-то у нас под крышей и на других крышах гнезда лепили из глины (Ярославская область). ***Каса́точки*** гнезда вьют, в клювиках берут землю и гнездо строят (Пензенская область). ***Каса́тушка*** питается насекомыми, которых ловит на лету (Псковская область). ***Берегову́ху*** можно увидеть на берегу реки или озера, они в норах живут (Кировская область). ***Берегову́хами*** не всяких ласточек зовут, а тех, кто у реки живет (Вологодская область). ***Берегову́ха***? Это и есть ласточки, которые в земле, в берегу делают гнезда, дырки (Псковская область). У нас все в семье ласточку ***береговухой*** называли, и дед, и мать. А многие ласточкой зовут (Псковская область). Мама моя говорила «***берегову́шка***», а сейчас ласточка и есть (Московская область). ***Берегову́шка*** живет в норе (Волгоградская область). В этом году ***берегову́шек*** развелось тьма, над берегом кричат перед грозою (Вологодская область). ***Ка́менка*** гнездо на обрыве делает (Курская область). У нас называют и ласточка, и ***каша́нка***, больше — ласточка, а старики говорили ***каша́нка*** (Псковская область). У нас ласточек ***каша́нками*** звали (Псковская область). На

берегу летают ***крышнякú*** — это ласточки (Псковская область). ***Крышня́к*** гнезда под крышей вьет (Псковская область). ***Крышняки*** большущие норы делают, под завором (***завор*** в псковских говорах — ‘песчаный берег’) (Псковская область). В песке гнезда делают ласточки ***песóчницы*** (Ивановская область). ***Нóрки*** — не стрижи, ***нóрками*** зовутся ласточки (Томская область). ***Чéвичи*** — это ласточки береговушки. Вон ***чéвич*** полетела (Вологодская область).

Многочисленные иллюстрации указывают на то, что ***ласточки***, ***касатки***, ***береговухи***, ***песочницы***, ***каменки***, ***кошанки***, ***крышняки*** строят свое жилище в ямах-пустотах (норках), занимая чужие или взрывая их собственными усилиями в обрывах над берегами рек и озер. В глубине ямки устраивают гнездо, строительным материалом для которого служат сухие травинки и стебельки.

Существует несколько версий происхождения слова ***ласточка***. Согласно первой из них, ***ласточка*** — это заимствование из литовского языка: лексему ***ласточка*** считают родственной с литовскими словами *lakstau*, *lakstyti*, обозначающими полет. Так, в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера читаем: «Скорее всего родственно *lakstau*, *lakstyti* «летать», *lakstus* «быстрый», лтш. *lakstit*. **lek-*, тот же, что в *лететь* (см.), *летать*; расширитель *-st-*. Предполагается упрощение *-kst-* > *-st-* на слав. почве» (Фасмер 2: 463). На страницах этого же словаря приводится и второй вариант этимологии данной лексемы, который определяет ее происхождение как исконно славянское, восходящее к слову ***ласка*** и прочим словам, имеющим подобный корень: слав. *laska* «любовь, ласка» (Там же).

Автор «Историко-этимологического словаря современного русского языка» П. Я. Черных также обращает внимание на обе версии происхождения ***ласточки***, но в большей степени склоняется к первой из них, объясняющей ***ласточку*** как заимствование: «...в этимологическом отношении неясное слово. Связывают с рус. *ластить* — «ласкать»,

ластиться (см.), *ласкаться*, *ласка*, *ласковый*. Конечно, это плод народного переосмысления слова (ласточка относится у нас к числу любимейших птиц) (Черных 1: 468–469).

Кроме двух вышеизложенных точек зрения, можно сделать собственное предположение о происхождении лексемы ласточка.

В «Словаре русских говоров Низовой Печоры» ***ласточкой*** называют небольшого хищного зверька, ***ласку***: *Ласточка — зверек маленький как горностайчик, тоже белая, а весной сереет, сменяется, как сама, такой и хвостик белый. Ласточка беленькая зимой бывает, а сейчас красненькая, поменьше крысы, она не вредна, не хищна. Ласточка белая вся, а хвостик чёрный, она в норке живет* (СРГНП 1: 376).

В Словаре русских народных говоров зафиксированы многочисленные многозначные однокоренные лексемы с корнями *лас-/ласт-* (***ла́сица***, ***ла́ска***, ***ласу́к***, ***ласту́к***, ***ла́ста***, ***ла́ствочка***, ***ла́сточка***, ***ла́стик***, ***ласточо́к***, ***ла́стовица***, ***ла́стка***):

Ла́сточка:

— ‘птица Plareola; тиркушка’;

— ‘птица Hydrochelidon leucoptera Sch., крачка светлокрыла’ Уральск. Казач., Мензбир.;

— ‘птица Hydrochelidon nigra L.; крачка черная’ Ряз., Мензбир.;

— ‘зверек из сем. куньих, ласка’ Бурнашев [без указ. места]. Курмыш. Симб., 1897. Тул. *Ласточка небольшой зверек.* Южн.-Урал.;

— ‘белка’ Казан., 1897;

— ‘полевая мышь’ Ряз., 1898 (СРНГ 16: 283).

Ла́стовица:

— ‘птица ласточка’ Бурнашев [без указ. места]. Тул., Север., Орл., Дон. Слов. Акад. 1958 [с пометой «*устар.*»]. *Ластовицы водются. Дави пичужку жрала кошка.* Ряз., 1960–1963;

— ‘птица крачка’ Мензбир [без указ. места]. Слов. Акад. 1932;

— ‘зверек из сем. куньих; ласка’ Дон., 1929 (СРНГ 16: 283).

Ла́ста ‘хищное животное из сем. куньих; ласка’ Верхне-Тоем. Арх., 1963–1965 (СРНГ 16: 279).

Ла́стка:

— ‘ласточка’ *Прилетали к телу Три ласточки, Как первая ластка — Ластка родная матушка.* Онеж. Арх., Соболевский (СРНГ 16: 282).

— ‘зверек из семейства куньих; ласка’ Слов. Акад. 1847. Вост.-Сиб., Черкасов. *Метал шатры он у тестя на дворе. Ловил ласток-горностаюше* (песня). Самар. (СРНГ 16: 282).

Насу́к ‘зверек из сем. куньих; лас’ Свердл., 1965. *Ласук — белый долгий зверек, он давит куриц.* Свердл. (СРНГ 16: 285).

Ласту́к ‘зверек из сем. куньих; ласка’ *Ластук под вид горностая.* Свердл., 1971 (СРНГ 16: 284).

Ла́сица ‘хищное животное ласка’ Слов. Акад. 1814. *Ласица побегла в норы.* Смол., 1914 (СРНГ 16: 274).

Ла́ста:

— ‘ласточка’ (Толстой 1970: 235);

— ‘хищное животное из семейства куньих; ласка’ Верхне-Тоем. Арх., 1963–1965 (СРНГ 16: 279).

Ла́ствочка ‘ласточка’ Уфим., Слов. Акад. 1932 (СРНГ 16: 279).

Ла́стик ‘зверек из сем. куньих; ласка’ Пошех. Яросл., 1849 (СРНГ 16: 281).

Ласточо́к ‘зверек из сем. куньих; ласка’ Шадр. Перм., 1897 (СРНГ 16: 284).

Ластучо́к:

— ‘зверек из сем. куньих; ласка’ Шенк. Арх., 1885 (СРНГ 16: 284);

— ‘крот’ *Крот назывался ластучок, землю, как копёшки, вверх выносит* (Тогучин., с-з Гутовский) (СРГНО: 271);

— ‘ласка’ *Ластучок — зверек такой, длинный, низенький такой, он в норах живет на гривах, в поле* (Маслянин., Жерновка) (СРГНО: 271).

Ла́ска:

— ‘птица ласточка’ Липец. Ворон., Тростянский (СРНГ 16: 274);

— ‘птица славка серая’ Яросл., 1922 (СРНГ 16: 274);

— ‘птица с черным оперением и белой шишкой на лбу; «водяная курица»’ Козл. Тамб., Падучев, 1897 (СРНГ 16: 274);

— ‘птица Plareola; тиркушка: ласточка луговая, ласточка морская, ласточка светлокрылая’ (СРНГ 16: 274).

Таким образом, всех указанных выше животных и птиц объединяет то, что они живут в неглубоких простых ***ямах*** (***норках***). *Ласка*, *крот*, *куница*, *земляная белка*, *полевая мышь* выкапывают ***ямы*** в земле. *Ласточки*, *береговухи*, *косатки*, *песочницы*, *каменки*, *крышняки*, *норки*, *чевичи* гнездятся в готовых ***ямах-пустотах*** и дуплах, делают себе ***ямки-гнезда*** в песчаных обрывах, откосах, по берегам рек, озер, в расщелинах камней, скал. *Водяная курица*, *крачка*, *чайка*, *обыкновенная мартышка* (*озерная* или *речная чайка*) гнездятся чаще всего в ***ямках*** на земле.

В «Этимологическом словаре русского языка» под редакцией М. Фасмера лексема ***яма*** характеризуется как родственная с греч. ἄμη «лопата, мотыга», δι-αμᾶν «разрывать», ἀμάρα «ров, канава, борозда», ἐξ-αμᾶν «вырывать» (Фасмер 4: 255).

В Словаре русских народных говоров зафиксирована лексема ***ла́ска*** в значении ‘ямка, лунка’ в детской игре в шары, в которой игрок должен стоять одной ногой (количество таких лунок соответствует числу игроков, кроме водящего) (СРНГ 16: 274); ***ла́ста*** в значении ‘прикрываемое крышкой ***отверстие*** вьюницы (снаряда для ловли миног), через которое достают улов’ (СРНГ 16: 279).

Таким образом, перед нами большое этимологическое гнездо слов с корневыми алломорфами -*лас*-, -*ласт*-, которое включает в себя названия зверька из семейства куньих (***ласточка***, ***ласка***, ***ласук***, ***ласица***, ***ластук***, ***ластик***, ***ласта***, ***ласточок***, ***ластучок***, ***ластка***, ***ластовица***), название птицы ласточки (***ласта***, ***ласточка***, ***ластовица***, ***ластвочка***, ***ластка***, ***ласка***), название птицы славки серой (***ласточка***), название птицы «водяная курица» (***ласточка***), название птицы теркушки (***ласточка***), название птицы крачки (***ласточка***), название птицы «обыкновенная мартышка» (***ластовица***), название белки (***ласточка***), название полевой мыши (***ласточка***), название крота (***ластучок***), название ямки, лунки, отверстия (***ласка***, ***ласта***). Приведенные примеры свидетельствуют о лексико-семантическом единстве указанных выше слов, все лексемы являются этимологически родственными.

Многочисленные иные наименования ласточки в русских народных говорах (***норка***, ***воронок***, ***береговуха***, ***песочница***, ***каменка***, ***косатка***, ***кошанка***, ***чевич***, ***крышняк***) также указывают на лексико-семантическое единство и на мотивационные связи с объектами окружающей действительности:

1) ямкой, норкой, отверстием в песчаных обрывах, склонах, берегах, каких-либо пустотах:

— ***нóрка*** ‘береговая ласточка’; ‘сурок’; ‘дыра, отверстие, дупло’ (СРНГ 21: 280); ***норóк*** ‘яма в лесу’ (СРНГ 21: 283); ***нор*** ‘яма под водой’ (СРНГ 21: 278), ***норъ*** ‘нора’; ‘дырка’; ‘птица гагара’ (СРНГ 21: 284);

— ***воронóк*** ‘береговая ласточка’ (СРНГ 5: 116), ***ворóнка*** ‘рыба, бычок речной[2]’, ‘птица удод’ (СРНГ 5: 115), ***воронá***

[2]Речной бычок живет на песчаном дне прибрежной зоны, в норках или укрытиях из затонувших предметов; птица удод для гнездовий использует дуплистые деревья, расщелины в камнях, норы в обрывах рек, углубления каменных строений.

‘на судне отверстие, где проходит руль’ (СРНГ 5: 111), чеш. *vrana* ‘отверстие’, польск. то же (Фасмер 1: 354);

— ***крышня́к*** ‘береговая ласточка’ (СРНГ 15: 354), ср. чеш. *skryse*, *skrys* ‘убежище’; лтш. *kraujа* ‘обрыв, яр’ (Фасмер 2: 354);

2) откосом, песчаной косой, отмелью на реке, берегом, склоном:

— ***береговýха*** ‘ласточка’ (КЛАРНГ), ср. укр. *берег* ‘склон горы, оврага, отвесный берег’, ст.-слав. **брѣгъ** ‘откос’; слвц. *breh* ‘берег, склон, откос’ (Аникин 3: 110);

— ***песóчница*** ‘ласточка’ (КЛАРНГ), ср. ***песок*** ‘отлогий низкий песчаный берег’; ‘песчаная отмель, коса или мыс на реке’, (СРНГ 26: 305); ***песчанка*** ‘мышь’ (Даль 3: 103); ***песочник*** ‘мелкий судак, обитающий около отлогого берега-песка (СРНГ 26: 306);

— ***ка́менка*** ‘ласточка’ (КЛАРНГ), ср. ***камень*** ‘горная гряда, образованная коренными отложениями, выходами твердых пород’ (СРНГ 13: 22), ***камень*** в др.-инд. — ‘скала’ (Фасмер 2: 174);

— ***коса́тка*** ‘ласточка’ (КЛАРНГ), ср. ***кóсик*** ‘крутой обрывистый берег’ *Кóсик уже весь обвалился* (СРНГ 15: 50); ***коса*** ‘узкая, косая полоса, клином’; сиб. ***кошка*** (умал. ***кóска***?) ‘длинная песчаная отмель, идущая клином, грядой от берега’ (Даль 2: 172); ‘выдавшаяся острым клином в воду земля, гряда, от которой обычно идет еще подводная коса, отмель’ (Даль 2: 172);

— ***коша́нка*** ‘ласточка’ (КЛАРНГ), ***кóшка*** ‘песчаная коса на взморье’ (Фасмер 2: 360), ‘песчаная или каменистая отмель’ *Судно-то выбросило на кошку* (Архангельская область, Якутия, Коми); ‘низменный каменистый берег’ (СРНГ 15: 138);

— ***чéвич*** ‘ласточка’ (КЛАРНГ), ср. ***чевруй*** ‘низкий ровный морской берег, песчаный или каменистый’ *Стать у* ***чéвруя****, у отлогого берега* (Даль 4: 586), ***чеврой*** ‘речной песок’ (Фасмер 4: 309).

Таким образом, зафиксированные в русских народных говорах многочисленные лексемы с разными корневыми морфемами в наименовании ласточки указывают на богатство диалектной лексики русского языка и мотивационные связи с объектами окружающей действительности.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 269–284. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201822

Генитивное маркирование количественных показателей глагола в севернорусских говорах*

А. В. Малышева

В статье высказывается предположение о том, что в русских говорах, преимущественно северных, различаются два типа конструкций с приглагольным количественным генитивом. Это, с одной стороны, общерусский партитив (*купить хлеба*) со значением неопределенного количества объекта и, с другой стороны, диалектная генитивная конструкция, в которой форма родительного падежа маркирует не именные, а глагольные количественные показатели. Генитив является дополнительным средством выражения количественно-аспектуальных значений — итеративных и лимитативных, а также антирезультативности и интенсивности действия.

Ключевые слова: севернорусские говоры, падежный синтаксис, объектный генитив, партитив, дифференцированное маркирование аргументов.

Исследователями давно было отмечено более широкое, чем в современном русском литературном языке, употребление в памятниках письменности и в современных говорах объектного генитива. Речь идет о случаях типа *косить травы*, *купить топора*, *слушать музыки*, когда родительный падеж употребляется в функции прямого объекта там, где в литературном языке ожидается винительный.

Когда собирались материалы для Диалектологического атласа русского языка, конструкциям с родительным падежом имени в функции прямого объекта был посвящен отдельный вопрос. Однако системно материал был собран

*Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-00485а.

только в областях, пограничных с Украиной, поскольку это явление встречается также в диалектах украинского языка, преимущественно западных. Когда создавался ДАРЯ, И. Б. Кузьмина сочла, что материала недостаточно для составления отдельной карты, но подробно описала имеющийся материал русских говоров в своей монографии [Кузьмина 1993: 28–39].

Собранные в рамках ДАРЯ сведения позволяют выделить довольно отчетливый ареал расширенного употребления приглагольного генитива: это севернорусские и небольшая часть среднерусских говоров (новгородских и владимиро-поволжских), территориально примыкающих к севернорусским. По данным ДАРЯ, объектный генитив на месте аккузатива фиксируется также в южных и среднерусских говорах, но там это явление представлено единичными примерами. Сопоставление данных Диалектологического атласа и фольклорных материалов конца XIX – середины XX в. свидетельствует о постепенном сокращении территории распространения диалектных генитивных конструкций «с юго-востока на северо-запад и с запада на восток» [Там же: 36–37].

Экспедиции последних лет (с 90-х гг. XX в. по настоящее время) также показывают, что особенности употребления приглагольного родительного падежа можно обнаружить в любом говоре, но на севере это явление представлено большим количеством примеров и имеет более системный характер.

В настоящей статье рассматриваются отличия диалектной генитивной конструкции от общерусского партитива и зависимость генитивной формы в этой конструкции от аспектуальных показателей глагола, а также ее связь со значениями антирезультативности и интенсивности действия.

1. Общерусский партитив и севернорусская генитивная конструкция

В славянских языках широко распространен партитив — приглагольный генитив с количественным значением: *купить хлеба*, *выпить воды*. В форме партитива употребляются только существительные, которые обозначают множества: так называемые неисчисляемые, или делимые существительные — вещественные, собирательные, отвлеченные, а также сущ. в форме мн. ч.

Ядро партитивной конструкции как в литературном, так и в диалектном языке составляют глаголы определенной семантики, «партитивные» глаголы: глаголы физического восприятия и передачи (*дать, взять, купить, получить, заработать, добыть*), в том числе глаголы с общей семантикой ‘употребить в пищу’ (*съесть*, *выпить*, *попробовать*), глаголы перемещения объекта (*привезти*, *принести*), глаголы со значением ‘поместить что-н. куда-н.’ (*налить*, *насыпать*, *положить*), глаголы, обозначающие приготовление еды (*сварить супа*, *испечь пирогов*, *заварить чаю*).

Глаголы других семантических классов, например со значением создания, чувственного восприятия, конкретного физического воздействия на объект, обычно партитивом не управляют: нельзя сказать **сшила платьев*, **разбили окон*, **посадили деревьев*, **выкопали ям*, **написал книг*, **посмотрел фильмов* (генитив возможен только при наличии количественной приставки: *нашить платьев*, *насадить деревьев*, *накопать ям*). Объект при этих глаголах, как правило, не воспринимается как масса, в неопределенном количестве; количество объектов обычно уточняется: *сшила несколько*, *пять*, *много платьев*.

Большинство партитивных глаголов — глаголы совершенного вида (о нежелательности глагола НСВ в партитивной конструкции см. [Якобсон 1985: 147; Собинникова 1961: 158; Падучева 1996: 183–191; Timberlake 2004: 320]).

Партитивная конструкция устроена одинаково и широко распространена как в русском литературном языке, так и в говорах (см., например [Малышева 2017]).

Однако в говорах встречаются генитивные конструкции, которые формально и семантически отличаются от общерусского партитива.

1. Объектным генитивом в говорах могут управлять глаголы «непартитивных» семантических классов СВ и НСВ.

Это предикаты со значением чувственного восприятия (1), обозначающие речевые действия (2), глаголы мыслительной деятельности, умственного восприятия (3), обозначающие чувства и эмоции (4), обладание (5), разрушение (6), конкретное физическое действие (7), глаголы каузации отсутствия (8).

(1) *Ходи́ла я на го́рку,* ***черни́ки смотре́ла. Мо́ря на́шего погляде́ли.*** *Таки́е молоды́е, уже́* ***труда́ повида́ли.*** *Я* ***ду́ху того́ чу́ю*** (арх.[1]); *И* ***всёво́ ви́дила, и го́луду и хо́лъду,*** *тък йа мно́гъ фсяво́ зна́йу* (Псковская область, Опочецкий район, д. Сорокино).

(2) *Приду́т, мне* ***новосте́й раска́зывают.*** *На́до* ***пра́вды сказа́ть*** (арх.); ***Вот они вся́ких таки́х страсте́й раска́зывали*** (онеж.) (пример из: [Маркова 2017: 129]).

(3) *Тут я* ***забы́ла не́которых слоф*** (арх.).

(4) *Я* ***люби́ла ки́слой опа́ры, несла́ткой*** (арх.).

(5) ***Морски́х карбасо́ф име́ли,*** *к мо́рю ходи́ли, камба́л промышля́ли* (арх.).

(6) *Полы́ бы́ли, и* ***поло́ф наруши́ли*** (‘разобрали’) (арх.).

(7) *Г ба́бе У́ле пойду́,* ***окошу́ травы́*** (арх.). *<Сын>* ***коси́л се́на*** (онеж.) (пример из: [Маркова 2017: 129]).

(8) *Мы са́ми* ***уберём ли́стьев*** (онеж.) (пример из: [Маркова 2017: 129]). ***Хрусталя́*** *где́-то* ***вы́несли*** (украли) *групо-*

[1] Здесь и далее архангельские примеры извлечены из опубликованных выпусков Архангельского областного словаря (АОС), картотеки, архива полевых тетрадей и базы данных АОС, а также записаны во время диалектологических экспедиций в Архангельскую область.

*во́, он взя́л на себя́, а вме́сте ворова́ли-то. А тот уж присади́л, **унёс де́нек** без спро́са* (арх.) и др.

У большинства приведенных глаголов (восприятия, знания, обладания) генитивное управление наряду с аккузативным фиксируется и в памятниках письменности. Таким образом, говоры отражают более архаическое состояние синтаксической системы (подробнее [Малышева 2014]).

2. В роли объекта в форме родительного падежа может употребляться исчисляемое существительное [Малышева 2008]. По материалам экспедиций последних лет, конструкции с генитивом исчисляемого существительного отмечены только в северных говорах: онежских [Маркова 1999], архангельских, вологодских, кировских, например:

(9) *Э́то* ***ду́тика*** (транспортное средство для проезда по болоту) ***взя́л-от.*** *А ту́т* ***клу́ба стро́или*** (Кировская обл., Верхнекамский р-н с. Кай; запись С. В. Дьяченко и Т. Н. Коробейниковой).

(10) ***Принесу́ тюфяка́.*** *Сперва́* ***мешка́ покупа́la*** (Вологодская обл., Нюксенский р-н, д. Пожарище; запись С. В. Дьяченко и И. И. Исаева).

(11) *Я говорю:* ***пригони́ тра́ктора,*** *вы́проси дак* (арх.) [Daniel, Dobrushina, von Waldenfels].

(12) ***Откро́й окна́*** (Архангельская обл., Онежский р-н, д. Пурнема, запись 2017 г.).

Традиционно такие формы рассматриваются как дублеты аккузатива, не имеющие никакой дополнительной семантики [Кузьмина 1993: 29]. Возникает вопрос, почему этот генитив так устойчиво сохраняется в северных говорах и не имеет ли вариативность генитива и аккузатива каких-то семантических оснований? И второй вопрос: нет ли в приведенных выше конструкциях характерного для приглагольного родительного падежа количественного значения? Поскольку во многих из приведенных выше примеров нет значения неопределенного количества объекта, как в партитивной конструкции (особенно в том случае, когда в роли объекта

выступает исчисляемое существительное), можно предположить, что форма генитива маркирует не именные, а глагольные количественные показатели.

Так называемая «актантная» техника маркирования аспектуальных противопоставлений падежной формой имени [Плунгян 2001: 10] не характерна для русской грамматической системы, но обычна для прибалтийско-финских языков. Например, в финском языке при глаголе со значением завершенного действия употребляется форма аккузатива (примеры 13–16 из: [Kiparsky 1998: 7–8]):

(13) Русский:
Он откры-л (**Perf.**) окн-о
He open-PAST3SG window-ACC

(14) Финский:
Hän avas-i ikkuna-n
He open-PAST3SG window-ACC
Он открыл окно.

При глаголе со значением длящегося действия используется форма партитива:

(15) Русский:
On otkry-va-l (**Imperf.**) okn-o
He open-IMP-MS3SG window-ACC

(16) Финский:
Hän avas-i ikkuna-a
He open-PAST3SG window-PART
Он открывал окно.

Далее приводятся некоторые диалектные конструкции, которые можно рассматривать как примеры актантного маркирования количественно-аспектуальных глагольных значений, а также количественных значений, связанных с категорией интенсивности.

Формой генитива в говорах маркируется как количественная аспектуальность (различные итеративные значе-

ния), так и линейная (лимитативные значения у глаголов с приставкой *по-*) (о количественной и линейной аспекуальности см. [Плунгян 2003: 292–303]).

2. Генитивное маркирование итеративных значений

Как указывалось выше, глагол в русской партитивной конструкции, обозначающей, что действием охвачено некоторое количество объекта, обычно совершенного вида. Можно сказать: *Он купил журналов*, но плохо: **Он стоит у киоска и покупает журналов*. Если действие не завершено, то количество объекта, охваченного действием, непрерывно меняется, поэтому не может фиксироваться (**пью воды*) [Падучева 1996: 188–189]. Таким образом, некоторое количество возникает только как результат законченного действия.

2.1. Диалектное генитивное маркирование итератива

В диалектной генитивной конструкции, наоборот, часто употребляется глагол НСВ, который обозначает постоянное, повторяющееся, привычное действие (т. н. «глагольная множественность» [Плунгян 2003: 294]), см. также [Собинникова 1961: 158].

Объектным генитивом управляют глаголы НСВ в различных итеративных значениях: хабитуальных — при обозначении регулярно повторяющихся, постоянных, привычных действий (17, 18, 25, 26), часто, многократно повторяющихся (19, 23, 24), повторяющихся в определенных условиях (20, 21), на протяжении определенного отрезка времени (22).

(17) ***Шве́йных маши́н ла́дит да часо́ф*** (арх.).

(18) ***Ча́ю*** *фсё хорошо́* ***пила́,*** *тут налью́ ча́шку ча́ю и не хочу́* (арх.).

(19) *О, он де́фка,* ***твори́ӱ deló́ф*** (арх.).

(20) ***Колбасы́****-то* ***йедя́т*** (в городе), *а у на́с нет* (арх.).

(21) *На робо́ты* ***пе́сен пе́ла*** (арх.).

(22) ***Лу́ка рвут*** — *то́ вре́мё сецяс* (лук с гряд) (арх.).

Пример из онежских говоров:

(23) ***Мин взрыва́ли*** *да доро́гу чи́стили* [Маркова 2017: 129].

Итеративное значение глагольной лексемы может быть выражено словообразовательными средствами, в частности суффиксом -*ива*:

(24) *И* ***ле́са пи́ливала*** (арх.).

Контексты с генитивом при глаголе НСВ в итеративном значении зафиксированы также в среднерусских муромских и южнорусских (редко) говорах:

(25) *Вот* ***блино́ф пеку́*** (все время, постоянно) (Владимирская обл., Муромский р-н, с. Татарово).

(26) *Ну,* ***часту́шек съчиня́ю,*** *у меня́ их во́н ско́лькъ* (Белгородская обл., Старооскольский р-н, с. Роговатое).

Для появления генитивной формы необязательно требуется регулярность повторения действия, достаточно того, чтобы действие повторилось неоднократно, несколько раз:

(27) ***До́му-то*** *два ра́с* ***пришло́сь перестро́ить*** (арх.).

2.2. Актантное маркирование раритива

Количественный генитив может подчеркивать еще одно итеративное значение — так называемый *раритив*: воспроизведение ситуации с периодичностью ниже нормальной, ‘редко’, ‘время от времени’:

(28) *Я се́йгот ма́ло сожга́ла* (дров), *я* ***той пе́чечьки два ра́за топи́ла*** (арх.).

(29) *Он не пи́л чай, с гостя́ми* ***вы́пьет стака́шика*** (арх.).

Часто в контексте с подобным генитивом присутствуют квантификаторы, например количественное наречие *мало*:

(30) ***Ма́ло*** (редко) *ещё* ***избы́ отворя́ю*** (арх.).

3. Генитивное маркирование лимитативного значения

Объектным генитивом в северных говорах могут управлять глаголы с приставкой *по-*, обозначающие процессы, ограниченные во времени. При этом часто возникает допол-

нительное значение слабой интенсивности действия (‘немного’), см. также 5.1.

(31) *Хорошó што я сéла, хоть* ***языкá почесáла*** (арх.).

(32) *Огня́ наклáли,* ***нок погрéли*** (арх.).

(33) *Пойду́* ***плáтьеф пополощу́*** *ф прóлубе* (арх.).

(34) *То картóшку почи́стиш, то* ***мешкóв попочи́ниваш*** (арх.).

(35) ***Пополивáла головы́,*** *лóмит, бóлько в брóви* (арх.).

4. Генитивное маркирование антирезультативности

4.1. Генитивные формы при глаголах со значением непредельного состояния

Генитив в говорах часто употребляется при глаголах, обозначающих непредельные состояния *знать*, *любить*, *иметь* (ср. [Томмола 2006: 154–158]). Эти глаголы имеют значение постоянного признака, достижение результата не предполагается:

(36) *За рекóй там éсть сестрá моя́ жывёт, онá-то, пожáлуй,* ***стáрых-то слоф каки́х-то знáет*** (арх.).

(37) *Вот у меня́ снохá былá, стáршой-од брат, дак она* ***знála*** *э́той цэ́ркви-т* (арх.).

(38) *Пéли, пéли, пéли,* ***пéсин знáим,*** *мнóгъ и зъбывáим* (Владимирская обл., Муромский р-н, с. Татарово).

(39) *Онá* (кошка) ***ухи́*** *нáсмерть* ***лю́бит:*** *éсли у нáз в дóме вáри нет, онá хóдит реви́т — поштó не свари́ли* (арх.).

(40) *Онá* (рыба) ***лю́бит камени́стого днá*** (арх.).

(41) *У нáз бáбушка покóенка так* ***люби́ла э́тих цветóв,*** *дак мы цветы́-то фсе дéржым, не выки́дываем* (арх.) и др. (см. также примеры 8, 9).

4.2. Генитивное маркирование конатива

Генитив может употребляться при глаголе, обозначающем длящееся, незавершенное действие, намерение, попытку, при этом генитивная форма подчеркивает, усиливает ко-

нативное значение, когда неизвестно, достигнет ли действие результата:

(42) *Ва́ши де́вочки* ***пошли́ щавеля́ рвать*** (арх.).

(43) *Вы́шла* ***крыльца́ опаха́ть*** (подмести), *и бу́ря така́ была́, дак гри́пом заболе́ла* (арх.).

(44) *Я* ***ла́дила пла́ту помы́ть,*** *эво вёткой* (ветхий) *стал пла́т-то* (арх.).

(45) *Я вот шьчя́с* ***покажжу́ ме́дной братьі́ньки*** (ковш с носиком), *браты́нька с ры́льцем* (арх.).

(46) *Нать* ***пла́та поиска́ть*** *тёмново* (арх.).

(47) *Ну дава́й,* ***сне́ть сарафа́на*** (арх.).

(48) *Я* ***куплю́*** *lу́цьше* ***насо́са,*** *цем носи́ть* (воду ведрами) (арх.).

(49) *Э́тот мужы́к* ***зговори́лся*** *с ма́терью* ***де́фки уби́ть*** (арх.).

Конативный компонент семантики содержится в глаголах группы ‘обещать’:

(50) *Воро́на реви́т на кусту́* ***дожжа́ ворожы́т*** (арх.).

(51) *В Му́рманске* ***дожжа́ обеща́ют*** (но неизвестно, будет дождь или нет) (арх.).

4.3. Чистый антирезультатив

Следующий пример представляет собой чистый *антирезультатив.* Генитивом маркируется прерванное действие, которое по некоторым причинам не было реализовано:

(52) ***Ста́л ружья́ снима́ть,*** *а он убежа́л* (арх.).

5. Генитивное маркирование категории интенсивности

Существует широко распространенное мнение, что категория интенсивности характеризует количественное изменение признака [Балли 1961: 203], то есть является частным проявлением категории количества. Языковые средства этой категории охватывают как пониженную степень интенсивности действия (аттенуатив), так и высокую (интенсив).

5.1. Генитивные формы в аттенуативных контекстах

Для выражения аттенуативных значений, которые обозначают пониженную интенсивность действия и выражают смыслы ‘слегка, немного, не до конца’, в русском языке используются словообразовательные средства: приставки *при-* (*приоткрыть дверь*), *под-* (*поднадоесть*), сочетание приставки и суффикса -*ива* (*почитывать*, *поддразнивать*). В говорах возможно дополнительное маркирование аттенуативного, или смягчительного способа действия формой генитива:

(53) ***Свои́х ног приобвяза́ла*** (арх.).

(54) *На́до ищо́* ***ця́ю потхолоди́ть*** (немного остудить) (арх.).

Иногда аттенуативное значение дополнительно выражается с помощью лексических средств — наречий с соответствующим значением:

(55) ***Головы́ поподня́л мале́нько*** *и упа́л* (арх.).

(56) *Зайдёшь, зубы болят,* ***этой полки погрызи немножко*** (речь идет о деревянной полке в часовне при чудотворном источнике) (арх.).

(57) ***Прикры́ть немно́жко двере́й*** (арх.).

(58) *Ма́ма, он* ***немно́го друго́го гла́за отворя́ет*** (‘немного приоткрывает’) (арх.).

(59) *Круг дала но́жыком,* ***двере́й оста́вила немно́жко*** *и* ***воро́т немно́жко*** (т. е. не до конца закрыла), *так он показался ей* (арх.).

(60) ***Ста́рого-то*** *я* ***пло́хо по́мню*** (арх.).

По аналогии можно выделить подобное значение и в контекстах, где отсутствует прямое указание на ограниченную интенсивность воздействия:

(61) ***Отвори́****-ка, Га́ля,* ***двере́й*** (‘открой немного, приоткрой’) (арх.).

(62) *Если бо́льно ту́го, то* ***дровне́й-то подви́нут*** *и опя́ть кру́тят* (арх.).

(63) ***Груди́ны сжима́т,*** *чу́вствуется на голове́ и на се́рдце* (арх.).

(64) *Я* ***твои́х очко́в омочи́л*** (арх.) и др.

5.1.2. Аттенуатив и «родительный просьбы»

В «Российской Грамматике» М. В. Ломоносова отмечено не совсем обычное значение родительного падежа: «покажи свою книгу — сказано со властию; покажи своей книги — речь учтивее» [Ломоносов 1952: 561], см. также [Буслаев 1875: 248]. Форма родительного падежа в данном случае как бы смягчает, умаляет просьбу. «Родительный просьбы» фиксируется и в современных архангельских говорах [Малышева 2008: 241–243].

Особенно показателен контекст, когда в ситуации просьбы употребляется генитив, а в следующей фразе, не содержащей просьбы, — аккузатив:

(65) ***Принеси́те оку́тки*** (род. п. ед. ч. от *оку́тка* 'одеяло'), *што́ не принесла́? — Ой, я забы́ла, прибежа́ла,* ***принесла́ оку́тку*** (арх.).

Чаще всего «родительный просьбы» употребляется при глаголе в форме императива:

(66) ***Вертолёта вы́зови*** (арх.).

(67) ***Дай-од goloвы́-то*** (рыбьей) *на суп — dala* (арх.).

(68) *Тётя Аня,* ***да́йте листка́*** *порисова́ть* (арх.).

(69) *Ули́та, ули́та,* ***пока́ш рошко́ф-окомёлышков*** (арх.) и др.

Реже генитив со значением просьбы употребляется при других глагольных формах (значение просьбы в этом случае может подчеркиваться интонацией):

(70) *Э́тот ра́с она́ у меня́ проси́ла, што, ма́ма, дава́й я* ***таза́ вы́моюю*** (арх.).

(71) *Ни́нушка,* ***покацья́йеш зы́пки-то?*** (арх.).

Часто такой генитив употребляется в ситуации угощения, потчевания гостя:

(72) ***Сйе́ш*** *лу́чше* ***пря́ника*** (арх.).

(73) ***Капу́сьника-то*** (пирог с капустой) ***доставá́й*** (бери с тарелки) (арх.).

(74) *Давáй, ты* ***йéш огу́рцика-то*** *да* ***помидóра*** (арх.) и др.

5.2. Интенсив. Маркирование высокой степени интенсивности действия

Для выражения значения высокой интенсивности действия в литературном языке также используются словообразовательные и лексические средства. Информация об интенсивности действия может быть заключена в корне (например: *втопить* ‘быстро побежать’) или в аффиксах (*избороздить*, *загуляться*, *добегаться*). В северных говорах высокая интенсивность действия также может дополнительно маркироваться формой генитива.

Форма генитива подчеркивает высокую энергию, силу проявления совершаемого действия (75, 76, 79, 80), действие, совершающееся с трудом, усилием и (или) каким-л. сопротивлением (77, 78), действие, совершающееся длительный период времени (81, 82), высокую тщательность при осуществлении действия (83, 84), действие, осуществляемое сверх какой-либо установленной нормы, обычно с негативными последствиями для субъекта (85, 86):

(75) *Так бы* ***прижáл своéй Ири́ны,*** *онá бы и не гу́нула!* (не попыталась возразить) (арх.).

(76) *О́й, как она* ***вéтрила лицá-то*** (сильно «обветрила» лицо) (арх.).

(77) *Я по землú-то* ***мáтери*** (мать) *едвá* ***волочю́*** (арх.).

(78) *Да одвá и* ***ку́зова-то нашлá*** (арх.).

Генитив, маркирующий высокую интенсивность действия, регулярно употребляется в конструкции с *до*- глаголом и наречием *дотого* (о конструкциях с *до*-глаголами см. [Нефедова 2017: 189–196]:

(79) *Ой, я* ***дотогó дожалéла этой шу́бы!*** (арх.).

(80) ***Дотогó головы́ доломáла,*** *дýмала не наýчится* (арх.).

(81) *Она* ***дотогó доносúла платкá,*** *нáм покáзывала* (арх.).

(82) *Я* ***э́того цеботáна дотогó дохранúла*** (арх.).

(83) *Я* ***дотогó досмонýла*** (долго, интенсивно отчищала) ***ю́пки-то,*** *едвá оцсмонýла* (арх.).

(84) *Я* ***э́той подýшки дотогó дотрясý*** (арх.).

(85) *Я* ***дотогó глáзу-то докопáла*** (долго, сильно терла), *даг глáз-от закрасéл* (арх.).

(86) ***Дотогó дошóркала*** (долго, интенсивно терла, мыла) ***потолкý,*** *рýки фсе вы́вертела* (арх.) и др.

6. Выводы

Таким образом, в говорах существуют генитивные конструкции, отличные от партитивных по лексико-грамматическим характеристикам компонентов, входящих в их состав, и по семантике. В этих конструкциях генитив маркирует не неопределенное количество объекта, как в партитивных, а является дополнительным средством выражения аспектуальных показателей глагола, прежде всего итеративных и лимитативных значений. Кроме того, форма родительного падежа может являться дополнительным средством выражения антирезультативности и интенсивности действия.

Наиболее широко в говорах представлены конструкции с генитивом при глаголе в различных итеративных значениях, а также при глаголах со значением непредельного состояния.

Материал архангельских говоров, который лег в основу данной статьи, показывает, что маркирование глагольных количественных показателей родительным падежом имени не имеет характера строгой грамматической закономерности, однако генитивные конструкции достаточно устойчиво сохраняются, в частности, в говорах вдоль побережья Белого моря.

В экспедиции в д. Пурнема Онежского р-на Архангельской обл. в июне 2017 г. эти конструкции были отмечены не только в речи пожилых людей — носителей архаического слоя говора, но и у более молодых информантов и даже у «дачников» — местных уроженцев, которые живут в городе, а в Пурнему приезжают только на лето.

Литература

Балли Ш. Французская стилистика / Пер. с фр. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. 393 с.

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. Изд. 4-е. Ч. 1. М.: Братья Салаевы, 1875. 264 с.

Кузъмина И. Б. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М.: Наука, 1993. 224 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений / [Гл. ред. С. И. Вавилов, Т. П. Кравец]. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. / [Ред. В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Г. П. Блок]. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. 996 с.

Малышева А. В. Типы употребления количественного генитива исчисляемых существительных (на материале современных архангельских говоров и русских летописей) // Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX) / Отв. ред. Л. Л. Касаткин. М.: Наука, 2008. С. 232–247.

Малышева А. В. Объектный генитив в русских летописях и современных говорах // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 3. Диалектология / [Отв. ред. выпуска Л. Л. Касаткин]. М., 2014. С. 120–145.

Малышева А. В. Беспредложный генитив в конструкциях с количественным значением в южнорусском говоре // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология / [Отв. ред. выпуска О. Е. Кармакова]. М., 2017. С. 100–125.

Маркова Н. В. Глагольные конструкции с родительным падежом полного объективирования в онежских говорах // Севернорусские говоры. Вып. 7 / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 102–109.

Маркова Н. В. Двусоставное предложение в одном заонежском говоре // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология / [Отв. ред. выпуска О. Е. Кармакова]. М., 2017. С. 126–137.

Нефедова Е. А. ДО-глаголы в говорах архангельского региона: семантика и функционирование // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 12. Диалектология / [Отв. ред. выпуска О. Е. Кармакова]. М., 2017. С. 189–196.

Падучева Е. В. Семантические исследования: Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата // Исследования по теории грамматики. Вып. 1: Глагольные категории. М.: Русские словари, 2001. С. 50–88.

Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. Изд. 2-е, испр. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.

Собинникова В. И. Простое предложение в русских народных говорах. По материалам говоров Воронежской области Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1961. 296 с.

Томмола Х. Сниженная переходность и управление: акционально-аспектуальные свойства глагола // Проблемы типологии и общей лингвистики. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения проф. А. А. Холодовича. Материалы. СПб.: «Нестор-История», 2006. С. 154–158.

Якобсон Р. О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. 460 с.

Daniel M., Dobrushina N., von Waldenfels R. The language of the Ustja river basin. A corpus of North Russian dialectal speech. 2013–2018. Bern, Moscow. Electronic resource. URL: http://www.parasolcorpus.org/Pushkino/

Kiparsky P. Partitive Case and Aspect // The Projection of Arguments. Lexical and Compositional Factors / Ed. by M. Butt, W. Geuder. Stanford: CSLI Publications, 1998. P. 265–307.

Timberlake A. A Reference Grammar of Russian. Cambridge, U.K.—New York: Cambridge University Press, 2004. 510 p.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 285–293. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201823

Использование исторических источников в работе над ЛАРНГ (на материале плотнического промысла в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX веков)

Г. С. Махрачев

В статье обосновывается необходимость использования исторических источников при сборе материала для ЛАРНГ по темам, связанным с трудовой (профессиональной) деятельностью человека. Анализируется распространение плотнического промысла на территории Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.; выявляется доходность промысла для профессиональных и непрофессиональных плотников; рассматриваются финансовые затраты, сопровождающие отход крестьян на заработки; освещаются характерные черты взаимоотношений плотников и подрядчиков, описываются техники строительства, которыми владели плотники.

Ключевые слова: профессиональная лексика, кустарные промыслы, плотничество, Тамбовская губерния.

Сбор материала для ЛАРНГ по темам, связанным с трудовой (профессиональной) деятельностью человека (пчеловодство, прядение и ткачество, плотницкое, столярное, кузнечное, гончарное дело и т. п., а также рыболовство и охота), учитывает специфику этих видов деятельности (ремесел и промыслов) и характерные региональные (локальные) особенности материальной культуры и быта. Залогом успешного сбора материала становится подготовительный этап, основу которого составляет работа с источниками и научной литературой по теме. Незаменимым первичным источником, спо-

собным сориентировать собирателя в этом блоке тем становятся «Сборники статистических сведений...», в нашем случае по Тамбовской губернии, которые издавались в период с 1880 по 1892 гг. и содержали подробные этнографические, исторические, экономические, социальные и отчасти лингвистические сведения о регионе в целом и о каждом уезде в частности. Выход в свет этого издания по всей стране был обусловлен внутренней политикой государства, ориентированной среди прочего и на поддержку кустарных промыслов крестьян. Издание было призвано осуществить одну из первоочередных задач в этом деле — зафиксировать и кратко охарактеризовать ремесла и промыслы, бытующие на тот период времени в регионах по стране. Поэтому, опираясь на этот источник, можно целенаправленно выбирать район, населенный пункт для сбора основного массива материала, а затем уточнять детали, фиксировать их ареал распространения, частотность, языковую (номинативную, словообразовательную, фонетическую и др.) вариативность. Обратимся в качестве примера к теме «Плотничество».

Во второй половине XIX – начале XX вв. аграрный сектор, переживая под влиянием внедряющихся капиталистических установок сложные процессы трансформации, оставался ведущим в многоукладной экономике Российской империи. Вместе с тем под влиянием нарастающего кризиса земледелия все большее количество крестьянских семейств начинало ориентироваться на неземледельческие промыслы. Промысловая деятельность активизировала развитие мелкой промышленности и стимулировала рост товарно-денежных отношений, стирая черты патриархальных устоев и способствуя расслоению крестьянского общества.

Среди наиболее популярных кустарных промыслов в Тамбовской губернии во второй половине XIX – начале XX вв., по материалам «Сборников статистических сведений Тамбовской губернии», было плотничество. Большинство плотников работали в своих селениях, имея приблизительно оди-

наковый доход. Значительное развитие получил и крестьянский отход на работы в соседние губернии.

В Тамбовской губернии можно выделить целый ряд уездов, в которых плотничество приобрело особую популярность. Так, в Борисоглебском уезде на 4669 человек, занятых неземледельческими промыслами, приходилось 1069 плотников (22,9%) [Сб. 1: 82–83, Борисоглебский уезд]. В Козловском уезде среди 2989 человек, занятых неземледельческими промыслами, было 692 плотника (23,2%) [Сб. 2: 136–137, Козловский уезд]. В Шацком уезде из 15607 домохозяйств [Сб. 6: 206–207, Шацкий уезд], промышлявших неземледельческими работами, плотничество было отмечено в 4377 (28%) [Сб. 6: 202–203, Шацкий уезд]. В Лебедянском уезде плотники по численности уступали только «работникам», т. е. батракам. В Моршанском уезде численность плотников уступала работникам и поденщикам. В Елатомском уезде число плотников было меньше, чем количество матросов и работников. В Спасском уезде плотничество было менее практикуемо, чем дроворубное и извозное дело. В Липецком, Усманском, Кирсановском и Тамбовском уздах плотничество занимало четвертое место по распространенности среди всех неземледельческих промыслов. Только в Темниковском уезде оно не входило в число наиболее распространенных промыслов, что было вызвано ориентацией крестьян на лесные и деревообрабатывающие работы.

Высокая распространенность плотничества не всегда отражала профессионализм крестьян, практикующих этот промысел. В Козловском уезде: «...крестьяне заявляют, что плотники у них плохие — “по плану работать не умеют”, а потому и заработок имеют только в ближайшей местности» [Сб. 2: 129, Козловский уезд]. В Темниковском уезде «наибольшая часть плотников знают свое дело лишь на столько, чтобы готовить срубы для крестьянских изб и вообще выполнять только самые простые деревенские постройки» [Сб. 4: 186, Темниковский уезд]. Невысокий профессионализм и, как

следствие, развитие только местного промысла было у плотников Липецкого [Сб. 8: 91, Липецкий уезд], Кирсановского [Сб. 10: 140, Кирсановский уезд] и Усманского [Сб. 9: 105, Усманский уезд] уездов. О мастерстве плотников Борисоглебского уезда прямой информации нет. Однако низкий уровень квалификации крестьян этого уезда в других промыслах позволяет сделать вывод, что и плотничество практиковалось недостаточно профессионально.

В части уездов Тамбовской губернии плотничество получило сильное развитие только в некоторых волостях, где, как следствие, было распространено отходничество. В Елатомском уезде было 26 волостей, причем на Мало-Кусморскую, Даниловскую, Коргашинскую и Ермоловскую волости приходилось 44,3% домохозяйств, занимающихся плотничеством. В наибольшей степени плотничество было развито в Мало-Кусморской волости, где было отмечено 89 дворов [Сб. 7: 112–113, Елатомский уезд], промышляющих плотничеством. Некоторые крестьяне этой волости уходили на заработки в Астрахань [Сб. 7: 98, Елатомский уезд]. В Лебедянском уезде было 19 волостей, причем на Лебедянско-Пригородную, Краснинскую, Черепянскую и Сезеновскую приходилось 48,3% домохозяйств, промышлявших плотничеством. В большей степени плотники рассматриваемых уездов занимались постройкой простых крестьянских изб в своих и соседних деревнях, однако часть их, преимущественно из Лебедянско-Пригородней и Сезеновской волостей, была занята на сложных постройках в Липецком и Задонском уездах [Сб. 11: 95, Лебедянский уезд]. Тамбовский уезд включал 43 волости, причем на Бондарскую, Митропольскую, Пахатно-Угловскую и Протасьевскую волости приходилось 27,8% домохозяйств, промышлявших плотничеством. Однако только крестьяне Митропольской волости, где плотничество было развито исстари, уходили на работу в Рязанскую губернию [Сб. 12: 252, Тамбовский уезд]. В Спасском уезде было 16 волостей, причем на Спасско-Городскую, Ачадовскую и Хил-

говскую волости приходилось 55,5% домохозяйств, промышлявших плотничеством. В Спасско-Городской волости плотничество, которым промышляли в 205 домохозяйствах [Сб. 5: 114–115, Спасский уезд], получило наибольшее распространение. Крестьян этой волости уходили на заработки в Пензенскую и Саратовскую волости.

Уходившие из Лебедянского, Тамбовского и Спасского уездов плотники, нанимаясь к подрядчикам, работали, начиная с Масленицы или Пасхи до 22 октября или до 15 ноября. В среднем плотники Лебедянского и Спасского уездов за весь период работы получали от 40 до 70 рублей, за редким исключением — 100 рублей. Плотники Тамбовского уезда получали 30–85 рублей. В Лебедянском уезде нанимавшиеся впервые плотники получали по 20 рублей и топор в подарок. Стоит также отметить, что для крестьян этого уезда продовольствие и проезд до места работы полагались за счет подрядчиков, однако дорогу обратно они оплачивали сами [Сб. 11: 95–96, Лебедянский уезд].

В Моршанском и Шацком уездах было отмечено наибольшее количество дворов, занятых плотничеством. Промысел практиковался в обоих уездах издавна, причем отмечалась высокая квалификация мастеров. Некоторые плотники уходили на заработки далеко за пределы своих сел. Крестьяне Моршанского уезда уходили преимущественно на Кавказ и работали в Ставропольской губернии, причем нередко совмещая плотнический и земледельческий промыслы [Сб. 3: 228, Моршанский уезд]. Крестьяне Шацкого уезда направлялись на заработки в Донскую область и в южные уезды Саратовской губернии, иногда в Воронежскую губернию и южные окраины Тамбовской губернии [Сб. 6: 151, Шацкий уезд].

Плотники Шацкого уезда ходили на заработки, нанявшись к подрядчику, как правило, заранее обговаривая определенную сумму платы. Некоторые крестьяне сами организовались в артели и ходили на заработки, однако их прибыль несильно отличалась от той, которую получали наемные ра-

бочие. Нанимаясь к подрядчикам, самые лучшие плотники за весь период работ в 9–10 месяцев получали 90–125 рублей, а иногда прибыль доходила до 150 рублей. Однако в большинстве случаев заработная плата плотника составляла от 50 до 80 рублей, учеников (16–18 лет) — от 30 до 40 рублей. Однако стоит заметить, что данные приведены без учета затрат на дорогу, питание, ремонт инструментов и прочие расходы, возникающие в процессе работы [Сб. 6: 154–155, Шацкий уезд].

Все плотники пользовались жильем от подрядчика, однако питались за свой счет и использовали свои инструменты, общая стоимость которых приблизительно равнялась 10 рублям. Об отношении плотников к своим инструментам красноречиво свидетельствует пословица, записанная нами на территории региона: *Без инструмента и вошь не убьешь.*

Оплата дороги зависела от договора. Нередко ее оплачивал сам подрядчик, учитывая эти расходы при предоставлении жалованья. Однако в большинстве случаев крестьяне предпочитали ходить пешком, заранее сдавая инструменты и одежду подрядчику, который должен был доставить их на место работы.

В Моршанском уезде в значительной степени было развито отходничество, причем в большей степени на Кавказ. Плотники, уходя на дальние работы, предпочитали работать у подрядчика. За 9–10 месяцев хороший профессионал, совмещая земледельческие и плотнические работы, мог заработать около 100 рублей. Некоторым крестьянам неудобно было надолго покидать свое хозяйство, поэтому они занимались плотничеством только весной и осенью, получая 50–70 копеек ежедневной платы, или 9–12 рублей ежемесячно. Многие плотники уезда работали на расположенных неподалеку от их селений местах заготовки леса, где получали 10–12 рублей в месяц [Сб. 3: 228–229, Моршанский уезд].

О качестве плотнических работ можно судить по домам и надворным постройкам, которые на территории Тамбов-

ской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. были преимущественно деревянными, крытые соломой. Местные плотники практиковали техники двух типов: *рубленая* и *стояковая*. При выполнении рубленой техники вырезали крест, затем рубили *околесицу*. Особенностью домов были углы, которые получались *под черту*. Необходимый результат достигался при помощи специального инструмента и вырубки соответствующего углубления, в которое вкладывали паклю, а сверху *сажали* бревно таким образом, чтобы образовалась черта. Использование такой техники требовало определенного мастерства. При применении стояковой техники бревна клались поочередно. В пользу широкого распространения этих двух техник на территории региона, а также о знании и использовании иных техник свидетельствуют полевые материалы, собранные в начале XX в.: «[Как называется прямой, высокий, строевой лес?] Ха, а хороший лес раньше строили, знаешь, как строили? Монашки, монашки, что не знаешь какие монашки? Монастыри, когда были. В эн доме, в эн доме, в Шихатинском доме, в Шихатинском доме, в Шихатинском, знаешь, я там жил. Вот там построен мельница, она простояла сто с лишнем лет. Потом иё развалили, и струб иё взяли [Что такое «струб»?]. Струб, это дерево, из которого строят дом. Это струб, ну рубленый дом, ну, рубленый дом называется. То стояковый, а то ру́бленый дом. [Опишите рубленый дом]. Ну, как баню рубят, знаете. Вот так в крест вырезают, около́тицу рубят, вот таким путём. Вот, пожалуйста, это, значит, рубленый, а то стояко́вый дом. Разница-то она большая, а стояковый, это просто стояк ставют. А стоя́к — это когда ставют, ставют всё подряд. А рубленый, всё ну, смотришь, когда вот это самое старинные фильмы-та. Вот рубленые-то с углами, вот так, рубленые. И вот так вот они врубаются, и углы, это вот углы, а туды пакли, пакли сделается и на эту паклю садится бревно, и делается под черту. А под черту́ это делается специально такой самый как инструмент, чертишь, потом вырубаешь топором,

потом сажаешь на паклю или садится он на дерево [А как этот инструмент называется?]. Черта, да черта [Информатор показывает на песке]. И вот это называется черта. И вот это дерево, чтобы подогнать друг к другу, называется черта, но они острые, раз прочертил, вот, где хватило меньше, значит меньше возьмёшь. Где больше, схватил, топором вырежешь больше. И потом бревно о бревно шлёп, и оно будет вообще впритирку [А из чего делают черту?]. Кого, ну, железка из шестимиллиметровой проволоки, из пяти всё, ну и всё. Да, да, да, вот её чертишь» (Анцикиров Евгений Григорьевич, 1939 г. р., местный, с. Знаменка, Знаменский р-н, Тамбовская обл., запись Махрачёвой Т. В., 2001 г.); «У нас плотники были, а я сама плотником была. Они у меня срубили избу. Вот место расчищишь, и кладут избу. До окон заставишь избу, и выпить нужно. Косяки — окна без наличников, а потом наличники делали, а со стёклами — это рамы. Потом сени приделывают. Мы избу ставили с шохма́. Это когда у избы сбоку такие лапки» (Курбатова Мария Фёдоровна, 1914 г. р., местная, с. Кутли, Пичаевский р-н, запись Махрачёвой Т. В., 1996 г.).

Таким образом, несмотря на высокую распространенность плотничества в Тамбовской губернии, профессионально этот промысел практиковался только в Моршанском и Шацком уездах. Отходничество практиковали как плотники этих двух уездов, так и крестьяне из некоторых волостей Елатомского, Лебедянского, Тамбовского и Спасского уездов. В остальных уездах у плотников отмечалось низкое развитие этого промысла и, как следствие, низкий профессионализм мастеров. Крестьяне, мастерски владевшие своим промыслом, за 9–10 месяцев отхода могли получить прибыль в 150 рублей, что было гораздо выше местного заработка. Однако таких крестьян-профессионалов было немного. В большинстве случае цена колебалась от 50 до 100 рублей и зависела от квалификации плотника. Расходы, сопровождавшие крестьян, в зависимости от договора могли варьироваться.

Доход от местных промыслов не сильно отличался от получаемого при отходах и колебался в районе 8–10 рублей в месяц.

Источники

Сб. — Сборник статистических сведений по Тамбовской губернии: в 24 т. Тамбов: Изд. Тамбовского губернского земства, 1880–1900.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 294–304. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201824

Лексико-фонетические варианты с незакономерной меной согласных [ж] и [ш]*

Л. П. Михайлова

В статье описываются лексические единицы, отражающие употребление звуков *ж* и *ш*, противоречащее законам русского языка, не обусловленное историческими процессами в области фонетики (типа *жиро́кий* вместо *широ́кий* и т. п.). Приведенный материал является частным случаем проявления более общей тенденции — незакономерной мены звонких и глухих согласных, объясняемой влиянием фонологической структуры финно-угорских языков.

Ключевые слова: диалектная лексика, фонетические процессы, взаимодействие языков разной структуры.

В составе лексико-фонетических вариантов русской лексики, появившихся под воздействием иноструктурной языковой системы, относящихся к так называемым экстенциальным лексическим единицам (Михайлова 2013: 8), находится небольшая по объему группа, в которой отражается мена шипящих звуков [ж] и [ш]. Данное явление может рассматриваться как частный случай проявления мены звонких — глухих, известной севернорусским диалектам [Колесов 1963]. Б. А. Ларин, изучавший старохолмогорский говор в записях Р. Джемса, находил объяснение этой особенности «...в субстрате, так как языки угро-финской группы знают и другие фонологические противопоставления рядов согласных (например, глухие сильные — глухие слабые — звонкие), а в некоторых диалектах — утрату звонких, в других — озвончение глухих» [Ларин 1959: 47].

*Исследование выполняется в рамках реализации комплекса мероприятий Программы развития опорного университета ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет» на 2018 г.

Незакономерное употребление звуков [ж] и [ш] в лексике русских говоров, в течение веков соседствующих с финно-угорскими языками, могло быть воспринято от последних: в системе согласных финно-угорского праязыка фонема [ž] отсутствовала, были три фрикативные согласные *s, *ś, *š [Лыткин 1974: 118]. Судьба этих согласных была неодинаковой в финно-угорских языках и диалектах [Лыткин 1974: 122]. Не случайно, например, словари вепсского (СВЯ: 551–553) и карельского (СКЯМ: 370–371; СКЯП: 288–289) языков на букву *ž* содержат преимущественно заимствованную лексику.

Представляется актуальным выявление состава лексико-фонетических вариантов с меной звуков *ж* и *ш* в русских говорах, так как данная особенность, наряду с другими (Михайлова 2013: 9–11), выступает в качестве кода иноэтнического воздействия. Материалом служат данные диалектных словарей русских говоров.

I

Появление звонкого *ж* в соответствии с исконным *ш* преобладает. В большей части выявленных лексических единиц мена *ж* и *ш* представлена в начале слова. Чаще всего используется звонкий звук на месте исконного глухого. Выделяется группы с *ж* перед гласными.

Жа- < ша-

Это самая большая группа. Глагольные лексемы с корнем *жар*(*к*)- < *шар*(*к*)-, объединенные семой ‘резкое сильное движение’, имеют широкую географию. ***Жáрнуть*** 1. ‘сильно ударить чем-н., ушибить’ Плес. Арх. (СРГК 2: 39), ‘с силой ударить’ Н.-Сок., Стр., Холм. Пск. (ПОС 10: 167), Волог., Холмог. Арх., Кашин. Твер. (СРНГ 9: 79), ‘ударить, стукнуть’ Вил., Пин. Арх.; Вож. Волог. (СГРС 3: 341; СВГ 2: 79), 2. ‘бросить, кинуть’ Кириш. Ленингр. (СРГК 2: 39), Пин. Арх. (СГРС 3: 341), 3. ‘внезапно, быстро побежать’

Пск., Осташк. Твер. (СРНГ 9: 79), ‘быстро поехать, помчаться’ Плес. Арх. (СГРС 3: 341), ср. ***ша́рнуть*** 1. ‘ударить, стукнуть’ В.-У., Кир., Тарн., Шексн. Волог. (СВГ 12: 75), ‘ударить с силой кого-л.’ Бат., Кр., Люб., Молв., Новг., Ок., Оп., Под., Уторг., Хв., Чуд. Новг. (НОС 12: 81), Низ. Печора (СРГНП 2: 439); 2. ‘сбросить, скинуть’ Хар. Волог. (СВГ 12: 75), ‘бросить, швырнуть’ Низ. Печора (СРГНП 2: 439); 3. ‘пойти, отправиться’ Вельск. Арх. (СВГ 12: 75), ‘убежать куда-л.’ Кр., Мал., Молв. Новг. (НОС 12: 82). ***Жа́ркать*** ‘бить, ударять’ Пск., Осташк. Твер., Пинеж. Арх. (СРНГ 9: 79), экспр. ‘с силой бить, ударять’ Чернуш. Перм. (СРГЮП 1: 274), ср. ***ша́ркать*** ‘работая, делать быстрые энергичные движения’ Лод., Подп. Ленингр., Кондоп., Прион., Пуд. Карел., Тер. Мурман. (СРГК 6: 837). ***Жарка́ться*** ‘бросаться, кидаться’ Н.-Рж. Пск., ‘бить, ударять’ Пск. Пск. (ПОС 10: 165). Исходные лексемы ***шаркать***, ***шаркнуть*** с отмеченной семантикой были известны русскому просторечию (БАС 17: 1281–1282). Представление данных слов в дифференциальных диалектных словарях свидетельствует, по всей вероятности, о тенденции к перемещению их из более широкой сферы употребления в ареально ограниченную.

Материалы показывают, что глагольная просторечная лексика с начальным *ша-* подвергается фонетической модификации — замене *ша-* на *жа-*, что подтверждается примерами. ***Жа́стать*** ‘бегать, суетиться’ Джидин., Заграев., Кабан. Бурят. (Элиасов 1980: 111), ср. простореч. ***ша́стать*** ‘быстро ходить, шнырять’ (БАС 17: 1293). ***Жара́хаться*** ‘бросаться в сторону, шарахаться’, *сов.* ***жара́хнуться*** Шадр. Перм. (СРНГ 9: 75), ср. *разг.* ***шара́хаться***, ***шара́хнуться*** ‘от испуга, неожиданности и т. п. стремительно, резко бросаться в сторону’ (БАС 17: 1275). ***Жарча́ть*** ‘издавать легкий шум, шелест, шуршать’ Порх. Пск. (ПОС 10: 169), ср. ***шарча́ть*** ‘шуршать, шелестеть’ Низ. Печора (СРГНП 2: 439), *обл.* ***шарчи́ть*** ‘шаркать, скрести, производить шорох’

(БАС 17: 1291). ***Жалева́ть*** Пск.: ***Жалева́ть*** см. ***шалева́ть*** (ПОС 10: 151).

Из именной лексики с начальным *жа-* вместо исконного *ша-* обнаружены два примера: ***жабе́р*** 'сосед', ***жабра́*** 'соседка' Ядрин. Чуваш. [Мызников 2005: 300], ср. *обл.* ***шабё́р*** 'сосед' (БАС 17: 1226); ***жаркунцы́*** 'колокольчики, которые подвешивались на шею лошади' Ордын. Новосиб. (СРНГ 9: 81), ср. ***шаркуне́ц*** 'бубенчик, колокольчик': «*Шаркунцов повисят на лошади*» Кирил. Волог., «*На лошадях катались, шаркунцы были, на шею наденут лошади, колокольчики таки под дугой*» Онеж. Арх. (СРГК 6: 839).

Отнесем сюда и письменно зафиксированное в 30-е гг. XX в. жителем Заонежья П. Т. Ананьиным слово ***жан*** 'деревянная бочка, кадка, ушат (?)': «*Митька и бабы ходили за волнухами на продажу. Я починял* ***жанъ*** *под ягоды*» Красная Сельга Медв. Карел. [Дневник заонежского бондаря: 95], ср. ***шан*** 'чан, бочка для пива, воды и т. п.' Тихв., Кириш. Ленингр. (СРГК 6: 831), ***тшан*** 'большая бочка, чан' Слов. Акад. 1847, Вят., Костром., Сев.-Двин., Калин. (СРНГ 45: 315), ***щан*** 'большая кадка, чан' Кондоп., Медв., Пуд. Карел., Тихв., Кириш. Ленингр., Чуд. Новг., Баб., Вашк. Волог., Тер. Мурман. (СРГК 6: 923).

В данную группу включаются и слова, в которых исходными являются слова с начальным *ше-*, переходящим в *жа-*. Без смещения акцента, но с другими фонетическими преобразованиями в корне представлен вариант ***жалобо́нье*** 'тряпки, лохмотья' Кириш. Ленингр. (СРГК 2: 33), относящийся к узкоместным, экспрессивным образованиям Верхней Руси [Герд 1999: 127], ср. *собир., экспр.* ***шелебе́нье*** 'одежда' Чуд. Новг. (СРГК 6: 854).

Известен и вариант с одновременным переходом ударения на первый слог: ***жа́лгнуть*** 'ударить, бросить в кого-л. (камнем); ушибить' Вытегор. Олон. (СРНГ 9: 62), ср. ***шелыгну́ть*** 'подкинуть что-л. ногою, передвигая вперед' Ок., Под. Новг. (НОС 12: 89). Лексическая единица ***жа́лгнуть***,

обладающая тремя экстенциальными признаками — переносом ударения на предшествующий слог, переходом *е* в *á*, заменой *ш* на *ж*, имеет междиалектную видовую пару с начальным *же*-, появившимся от исходного слова с *ше*-. Следует подчеркнуть, что ориентиром при определении начального компонента слова служат данные словарей. Однако надо принимать во внимание, что наряду с начальным *ше*- представлены и варианты с начальным *ша*-. Оба компонента представляют собою древние мертвые приставки (см., напр.: [Михайлова 1988]). В словаре В. И. Даля отмечается лексема ***шалыга́ть*** (Даль 4: 619).

Внимательное исследование материала дает основания для замечания по словарной статье в СРГК. Полагаем, что вместо заглавного слова ***жалыча́ть*** в СРГК должно быть слово ***жалыга́ть***: вероятно, вместо буквы *г* прочитана и соответственно написана буква *ч*. Ср. статьи: ***Жалыча́ть*** 'нянчить, укачивать в колыбели' *Бабушка всё нуков жалыча́ла.* Карг. (СРГК 2: 33) и ***ше́лгаться*** 'нянчиться' *Пойду шелгаться с ребёнком.* Афн. Вят. (ОСВГ 12: 117).

Же- < ше-

Непосредственно с предшествующим примером связан условно включаемый с данную группу вариант ***желыга́ть*** 'бросать, отбрасывать что-л. от себя' Мещов. Калуж., *сов.* ***желыгну́ть*** Боров. Калуж. (СРНГ 9: 120), ср. ***шелыга́ть*** 'подкидывать что-л. ногою, передвигая вперед' Дем., Кр., Новг., Ок., Под., Ст., Холм. Новг., *сов.* ***шелыгну́ть*** Ок., Под. Новг. (НОС 12: 88–89). Ср. семантический вариант в ином орфографическом оформлении: ***жолыга́ть*** 'быстро, торопливо есть' Бокс. Ленингр. (СРГК 2: 74).

Далее отметим примеры с исконным *ше*, перешедшим в *же*-.

Желупа́ть 'шелушить' Палкин. Костром., Любим., Пошех. Яросл. (ЯОС 4: 44), ср. *шелупи́на* 'скорлупа, лузга, луска, лущина, кожура' зап. (Даль 4: 628). ***Желуха́*** 'шелуха',

желуше́ние 'процесс очистки зерна от кожуры или шелухи' Ильин.-Хован. Иван. (ЯОС 3: 44). Ср. родственные образования: ***нажелуши́ть*** 'насорить шелухой семечек (семян подсолнуха)' Ильин.-Хован. Иван. (ЯОС 6: 94). ***Желуби́ть*** 'очищать от скорлупы, шелухи; лущить (обычно о семенах подсолнечника)' Вят., Киров., Катайск. Курган., Зауралье, Южн. р. Краснояр. (СРНГ 9: 119). В последнем наблюдается также незакономерный переход другого глухого звука в звонкий: *п* > *б*. ***Желудивый*** 'шелудивый (?)' Шенк. Арх. (СРНГ 6: 119), ср. *шелуди́вый*. ***Жест*** Пск., см. ***шест*** (ПОС 10: 215).

Жи- < ши-

Обнаружено два слова: ***жиро́кий*** 'широкий, не узкий' Мар. Пос. Чуваш. [Мызников 2005: 302], ср. ***широ́кий***; ***жи́стега*** 'жердь, которая кладется на верх кладки сена для защиты от ветра' Шижня Сев.-Двин. (Мызников 2010: 103), ср. ***ши́стега*** 'то же' Сумской Посад, Вирма Белом. (Мызников 2010: 480).

Жу- < шу-

Данная группа также малочисленна. ***Жуга́*** 'первый лед на реке осенью' б. м. со ссылкой на Фасмера: «диал.» (СРНГ 9: 220), ср. ***шуга́*** 'мелкий рыхлый лед в виде кашеобразной массы, идущий перед ледоставом или во время весеннего ледохода' (БАС 17: 1603). ***Жу́стрый*** 'своевольный, упрямый' Реж. Ср. Урал (СРГСУД: 159), 'бойкий, проворный; шустрый' Караг. Перм. (СПГ 1: 267), ***жу́страя*** (= ***шу́страя***) Вят. [Ларин 1959: 47], 'эпитет реки в сказке' Вят. (СРНГ 9: 233), ср. ***шу́стрый***; ***жу́стро*** 'бойко, проворно; шустро' Симб. (СРНГ 9: 133), ср. ***шу́стро***.

Жо- < шо-

Мена *ж* и *ш* перед гласным *о* наблюдается после приставки. Отмечен один случай такого перехода — ***ужóмкаться*** ‘успокоиться’: «*Опосля про банду не стало слыхать ничего, все прекратилось, ужомкалось, тихо стало*». Перм., 2002 (СРНГ 47: 5), ср. ***ушóмкаться*** 1. ‘успокоиться, затихнуть’ Сольвыч. Волог. 1819, Вост. Закамье, Урал, Екатеринб., Соликам., Усол. Перм., Сузун. Новосиб., Южн. Краснояр., Колым., Иркут., ‘затихнуть после возни и шума, успокоиться’ Сиб. 1968, ‘затихнуть, устав’ Сольвыч. Волог. 1822, ‘о погоде’ Алт. 1998; 2. ‘устать, измучиться’ Сольвыч. Волог. 1846, Волог., Нижесергин. Свердл., ‘знач.?’ Влад. 1853 (СРНГ 49: 25). Производящая лексема имеет близкую семантику и ареал, совпадающий с производным, а именно: ***ушóмкать*** ‘успокоить, утихомирить кого-л.’ Шадр. Перм. 1895, Сл.-Турин. Свердл., Южн. Краснояр., Забайкалье, ‘замучить, уморить, загнать (лошадь)’ Волог. Даль, Сиб., ‘замять, прекратить дело’ Камен. Свердл. 1987, ***ушóмкать дело*** (***шум, скандал***) ‘уладить, утрясти дело’ Каин. Том. 1893, Забайкалье (СРНГ 49: 25). Исходная единица имеет в корне звук *ш*, ее экстенциальный вариант представлен единичным, точечно ограниченным звуковым комплексом со звуком *ж*, как свидетельствуют данные СРНГ. Однако исходная единица имеет и другой видоизмененный вариант — со звонким взрывным согласным: ***ушóмгаться*** ‘притихнуть, успокоиться’ Кунгур. Перм. 1898, Красноуфим., Суксун. Перм. (СРНГ 49: 24). Кроме того, к вариантам, видимо, относится и слово с корнем -*шум*-: ***ушýмкаться*** ‘умолкнуть, затихнуть, успокоиться’ Вост. Казах. 1957., Бурят., Илим. Иркут., Ср. Приобье (СРНГ 49: 26). Ср. слова с другими приставками: ***приушóмкаться*** ‘затихнуть, успокоиться’ Зап., Южн. Сиб. 1930, Иркут., ‘устать, умориться’ Турин. Свердл. 1984 (СРНГ 32: 46), ***обшýмкаться*** ‘уладиться’ Крив. Том., Том. слов. 1975 (СРНГ 22: 273).

Переход *ж* < *ш* в начале слова отмечен и в позиции **перед согласными**:

— перед губно-зубным, *жв-* < *шв-*: ***жвы́рнуть*** ‘послать, отправить с каким-л. поручением’ Холм. Арх. (СГРС 3: 345), ср. *перен., разг.* ***швырну́ть*** *сов.* к ***швыря́ть*** ‘заставлять быстро перемещаться...’ (БАС 17: 1322); ***жва́риться*** ‘сильно, громко стучаться’ Ильин.-Хован. Иван. (ЯОС 4: 42), ср. *простореч.* ***шва́ркнуть*** ‘ударить с силой’ (БАС 17: 1314);

— перед сонорным, *жл-* < *шл-*: ***у́жлый*** ‘ловкий, расторопный’ Груз. ССР, ‘быстрый, проворный’ Груз. ССР, ***у́жлей*** кого-л. на работу ‘проворнее кого-л. в работе’ Груз. ССР, 1977 (СРНГ 46: 343), ***ужля́вый*** ‘догадливый’ Морш. Тамб. (СРНГ 46: 343). Исходной единицей является слово ***ушлый*** ‘боевой, бойкий, умный, смышленый’ широко в северных и южных говорах (СРНГ 49: 19). Ср. также ***ушля́к*** ‘изворотливый, хитрый человек’ Вост. Прибайкалье 1970, Дон, Цимл. Рост. (СРНГ 49: 20), ***ушля́га*** в том же значении Вост. Прибайкалье 1970 (СРНГ 49: 19).

II

Употребление звука *ш* в соответствии с исконным *ж* в словарных материалах отражается редко. Так как нами выявлены преимущественно материалы с начальными звуками, за редким исключением, то окончательного вывода делать нет оснований.

Примером очевидной замены звонкого глухим является слово ***шолтый*** ‘цвета яичного желтка, спелой ржи, золота’, зафиксированное в Псковской летописи: «**Знамение бысть въ солнцы** <...> **около солнца 6 кругъ, а кругъ за кругъ связася, иныи черленъ, а иныи зеленъ, а иныи шолтъ, иныи бѣлъ**». Лет. I, 1427 г. (ПОС 10: 190), ср. ***жёлтый***.

Особый интерес в этимологическом отношении представляет лексическая группа, в которой, по всей вероятности, проявилось влияние балтийских языков. Имеющиеся сведения позволяют видеть использование начального *ш-* вместо

исконного *ж-* в топонимии: ***Ши́здерово*** — название деревни в Оленинском р-не Тверской обл. В. М. Воробьев предполагает, что данный ойконим образован от имени собственного «*Жиздор* / *Шиздор* / *Шиздер*, из. *жиздор* ‘вздорливость, привязчивость’» со ссылкой на Даля (Воробьев 2005: 436). Это мнение может поддерживаться данными современных словарей, ср.: ***жи́здор*** ‘вздорность, запальчивость, придирчивость’ Ряз., Тул. (СРНГ 9: 172), ср. ***здор*** ‘ссора, брань, раздор’ Олон., Сев.-Двин., Север., Новг., Пск., Моск., Влад., Костром., Калуж., Ряз., Орл., Урал., Новосиб., Сольвыч. Волог. (СРНГ 11: 232); ***жи́здора*** ‘вздорный человек’ Ряз. (СРНГ 9: 172), ***издо́ра*** ‘сварливый, вздорный человек’ Пск. (СРНГ 12: 130); ***жи́здорить*** ‘вздорить, быть сварливым, ссориться’ Ряз., Тул. (СРНГ 9: 172), ср. ***издо́рить*** ‘вздорить, ссориться’ Пск., ‘шуметь’ Осташк. Твер. (СРНГ 12: 130). Ср. также литов. *žiežara разг.* ‘злюка’ (Либерис 1962: 733), позволяющее предполагать в слове ***жи́здор*** контаминацию русского и балтийского элементов. Именования типа ***Шиздорово*** — с начальным *ш-*, вероятно, вторичны.

Привлекает внимание замечание лингвистов о слове ***шмодь***: «Грандилевский (с. 301) отмечает <...> слово ***шмодь*** (т. е. ***жмудь***) как употребляемое без значения, только как бранное: негодяй, пропащий человек» [Ларин 1959: 245] Холм. Арх., ср. ***жмудь*** — название одного из балтийских племен: «***жемонтъ***, ***жемотъ***, впоследствии ***жмудь***» [Попов 1973: 95].

Описывая наиболее яркие взаимозамены звуков *ж* и *ш*, мы не коснулись всех возможных лексем и вариантов, отражающих данное явление. Материал может быть пополнен, что, несомненно, уточнит ситуацию и приведет к определенным выводам. Пока отметим, что некоторые дополнительные сведения помещены в сводной таблице (См. табл. 1).

Таблица 1. Лексико-фонетические варианты с меной [ж] и [ш]

Явление	Лексемы	География	Примечания
ж < ш	***Жалобо́нье***	Кириш. Ленингр.	Север.
	Жан	Медв. Карел.	
	Желудивый	Шенк. Арх.	
	Жи́стега	Шижня Сев.-Двин.	
	Жа́лгнуть	Вытегор. Олон.	
	Жугну́ть	Уст. Волог.	
	Жарча́ть	Порх. Пск.	Пск., Калуж.
	Жест	Пск.	
	Желыга́ть, ***желыгну́ть***	Мещов., Боров. Калуж.	
	Кры́жа	Пск., Осташк. Твер., Пск., Петерб., Ленингр., Калин., Новг., Яросл., Тарт. Эст. ССР; Гд., Пушк., Дн., Оп., Остр., Н.-Рж., Кр., Н.-Сок., Порх., Сл., Аш., Ляд., Печ., Сер., Стр., Беж., Вл., Дед., Кар., Кач., и др. — Пск.	***Кры́жа*** и ***кры́жа*** — в ПОС 16 даются в заголовочной статье как самостоятельные слова
	Жа́ркать	Пинеж. Арх., Пск., Осташк. Твер., Чернуш. Перм.	Сев., Пск., Урал.
	Жиро́кий	Мар. Пос. Чуваш.	Урал. + Сиб.
	Ужжо́маться	Перм.	
	Жабе́р, ***жабра́***	Ядрин. Чуваш.	
	Жара́хаться	Шадр. Перм.	
	Жу́стрый	Вят., Ср. Урал, Караг. Перм.	
	Жаркунцы́	Ордын. Новосиб.	
	Жа́стать	Джидин., Заиграев., Кабан. Бурят.	
	Жуга́	Б. м. (Фасмер)	
	у́жлый	Груз. ССР	Южн.
ш < ж	***Ша́гры***, ***ша́глы***	Белом. Карел.	+ г ~ б
	Шмодь	Холм. Арх. 1946	из «жмудь» [Ларин 1959: 48]
	Шолтый	Пск., Лет. I, 1427 г.	
	Мо́шно + ***мошно́***; ***мошно***	Холмог. Арх. 1858, Ленингр., Костром., Перм., Сиб. + Шенк. Арх. 1868, Арх., Волог., Сев.-Двин., Новг.; Твер.	
	Ши́здерово	н. п. Оленин. Твер.	и. с. Жиздор

Литература

Герд А. С. Материалы для этимологического словаря северно-русских говоров (Д, Е, Ж, З) // Севернорусские говоры. Вып. 7: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 117–140.

Дневник заонежского бондаря: памятник крестьянской письменной культуры 30-х гг. XX в. / [В. А. Агапитов и др.; расшифровка дневника: В. П. Ершов; коммент.: В. П. Ершов, И. В. Мельников]. Петрозаводск: Verso, 2017. 332 с., ил.

Колесов В. В. Севернорусские чередования согласных, парных по глухости-звонкости // Вестник ЛГУ. 1963. № 2. Серия истории, языка и литературы. Вып. 1. С. 103–112.

Ларин Б. А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 423 с.

Лыткин В. И. Сравнительная фонетика финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков) / Отв. ред. В. И. Лыткин, К. Е. Майтинская, К. Редеи. М.: Наука, 1974. С. 108–213.

Михайлова Л. П. Архаические элементы в лексике говоров Севера и Северо-Запада // Псковские говоры в их прошлом и настоящем / Отв. ред. Л. Я. Костючук. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1988. С. 60–68.

Мызников С. А. Русские говоры Среднего Поволжья: Чувашская Республика, Республика Марий Эл. СПб.: Наука, 2005. 636 с.

Попов А. И. Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л.: Наука, 1973. 171 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 305–312. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201825

Структурно-семантическая модель в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров»*

В. М. Мокиенко

В статье предлагается анализ русской диалектной фразеологии со значением «Дальний или фиктивный родственник». Эти фразеологические диалектизмы образуют структурно-семантические модели, имеющие разную образность в зависимости от типа стержневого компонента, их образующего: соматизмов, анимализмов, наименований человека, реалий традиционной крестьянской жизни и явлений природы. Каждая модель имеет свою образную и структурную специфику. Разнообразие фразеологизмов этой группы даёт представление о составе словника «Полного фразеологического словаря русских народных говоров».

Ключевые слова: фразеологическая единица, диалектная фразеология, структурно-семантическая модель фразеологизмов, диалектная фразеография, семантическая классификация диалектной фразеологии.

Традиционно фразеологию (resp. идиоматику) считают собранием образных и неповторимых языковых единиц с ярко выраженной экспрессивной функцией. Образность и экспрессивность действительно свойственны большинству фразеологизмов. Однако исследования показывают, что эти качества не являются следствием «неповторимости» или «индивидуальности» устойчивых словосочетаний. Наоборот, способность образовывать активные вариантные ряды и вос-

*Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01062 — «Полный фразеологический словарь русских народных говоров», реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

производиться по узнаваемым языковым моделям делает их узнаваемыми в речевом потоке и тексте и придаёт им особую функциональную энергетику (Мелерович, Мокиенко 1997; 2005). Именно поэтому при описании диалектного материала и диахроническом анализе фразеологии эффективна методика структурно-семантического моделирования, позволяющая описывать не отдельные фразеологизмы, а генерирующие их модели [Мокиенко 1974, 1989; Mokienko 2000]. Такая методика позволяет определять генетический статус того или иного фразеологизма по линии «своё» — «чужое» и разграничивать «центр» и «периферию» той или иной фразеологической подсистемы.

В предлагаемом очерке такой подход демонстрируется на материале структурно-семантической модели фразеологизмов со значением «Дальний или фиктивный родственник». Они вошли в составляемый нами «Полный фразеологический словарь русских народных говоров», вобравший в себя народные выражения из большинства отечественных диалектных словарей и паремиологических собраний.

Доминантой описываемой структурно-семантической модели является шутливо-иронический фразеологизм ***седьмая вода на киселе*** ‘об очень дальнем родственнике, отдалённом родстве’, вошедший в русский литературный язык. Он распространён в разных регионах России и отражён в разных нумерологических вариантах многими источниками: ***девя́тая*** (***деся́тая***, ***седьма́я***) ***вода́ на киселе́*** [Даль 1957: 389; Жигулев 1969: 173; Зимин, Спирин 1996: 281]; (ФСРЛЯ: 68; БТСРЯ: 139; ФСРЯ: 73; СРФ: 86; СППП: 21).

Ср. также ***на девя́той воде́ кисе́ль*** Волгогр. (СРНГ 40: 314) и ***деся́тая*** (***седьма́я***) ***води́на на кваси́не*** (***на кваси́ны***, ***на кисе́лине***) Пск., Селигер. (ПОС 4: 73; 14: 138; Селигер 1: 114); [Соколова 2009: 492]. К этой же группе относятся и варианты ***деся́тая пе́на на киселе́*** Вят. (ОСВГ 3: 136) и ***двою́родный кисе́ль на трою́родной воде́*** Новг. (НОС 4: 43; НОС 2010: 384); [Соколова 2009: 491].

В диалектной речи исходный образ этого фразеологизма прозрачен, о чем свидетельствует терминологическое его значение, напр.: ***деся́тая води́на на кваси́не***, ***девя́тая води́на на кваси́не*** Пск. ‘о некачественном квасе’ (ПОС 4: 74). Именно на этой традиционной для крестьянского быта «пищевой» основе объясняют выражение историки русской фразеологии, связывая его с изготовлением киселя в русских деревнях из овсяной муки, которую несколько раз промывали [Федоров 1964: 33]. Естественно, седьмая (или, в соответствии с вариантами — пятая, десятая, двадцатая) вода содержала очень мало кисельного вещества и потому была от него отлична. Числительное ***седьма́я*** употребляется чаще всего и имеет обобщенно-количественное значение (ср. ***на седьмо́м не́бе***, ***за семь вёрст киселя́ хлеба́ть***) (Фелицына, Мокиенко 1999: 55–56; Мелерович, Мокиенко 1997: 103; СРФ, 3-е изд.: 103).

Обращает на себя внимание то, что при всём многообразии и интенсивности структурно-семантических моделей наименования дальней или фиктивной родни ни одна из них не продолжает «кулинарную» семантическую линию.

Каковы же эти модели?

1) Модель, основанная на соматических компонентах. Здесь наиболее активны обороты-вульгаризмы и их эвфемизмы со словом ***кость***:

Девя́тая кость от жо́пы (***от за́дницы***) Арх., Кар. (АОС 10: 401; СРГК 2: 444); ***деся́тая кость*** [***от жо́пы***] Арх. (АОС 11: 109); ***тре́тья кость от жо́пы*** Арх. (АОС 14: 302); ***пя́тая кость от жо́пы*** Арх. (АОС 14: 302); ***четвёртая кость от жо́пы*** Арх. (АОС 14: 302); ***от мя́гкого ме́ста девя́тая кость*** Забайк. (Пащенко 2015: 45). К этой группе можно отнести и выражение ***девя́тый мосо́л*** Гурьев. ‘о чем-л. бесполезном, ненужном’ (СРНГ 7: 326).

В этой модели могут возникать и небольшие семантические сдвиги, напр. ***девя́тая кость от жо́пы*** (***от за́дни-***

цы) Забайк. употребляется и как характеристика постороннего, неинтересного человека (Пащенко 2015: 45).

Соматизмы образуют и некоторые другие устойчивые выражения нашей семантики: ***седьма́я ко́жа не вороть*** (***не́вороть***) Екатеринб. (СРНГ 14; 50), где ***не́вороть*** значит ‘невывороченный’, и ***девя́тый зуб*** Урал. ‘о дальнем родственнике’ (СРНГ 7: 326). Условно к этой группе можно причислить и фразеологизмы с компонентом ***колено***, хотя это слово давно уже приобрело «генерационное» значение (см. ниже ряд оборотов по этой линии): ***в тре́тьем коле́не*** Горьк. [Балясников, Соколова 1975: 29]; ***на пя́том коле́не*** Новг. ‘в отдаленном родстве’ (НОС 2010: 412).

2) Довольно активные фразообразовательные ряды создаются и с помощью стержневых компонентов-анимализмов ***курица*** и ***корова***:

от пя́той ку́рицы деся́тый цыплёнок Тобол., Том. (СРНГ 33: 236); ***от седьмо́й ку́рицы двою́родный цыплёнок*** Разг.-прост.; ***на́шей ку́рицы двою́родный пету́х*** Народн. [Соколова 2009: 491]; ***девя́той*** (***деся́той***) ***коро́вы пузы́рь*** (***требу́х***); ***у коро́вы девя́тый пузы́рь*** Пск. (ПОС 8: 176; 9: 56; 15: 267); [*от*] ***дя́диной коро́вы пузы́рь*** Новг. (НОС 9: 59; НОС 2010: 978); ***от чёрной коро́вы бе́лый пузы́рь*** Новг. (Сергеева 2004: 35).

К таким выражениям можно отнести и фразеологизмы с компонентом ***собака***, но они, как увидим ниже, входят и в другую «артефактную» подгруппу:

родня́: на́ши соба́ки из одного́ коры́та лака́ли; ***родня́: на́ши соба́ки е́ли, а ва́ши че́рез плете́нь на них гляде́ли*** Народн. [Соколова 2009: 492].

3) Естественно, что во фразообразовательную орбиту описываемых моделей втягиваются и наименования человека. Идея «родственности» может воплощаться использованием прямых наименований этой тематической группы:

Родня́ — его́ ба́тьки дом горе́л, а мой ба́тька но́ги грел Южн.-рус. [Рыбникова 1961: 101]; ***Родня́: у твоего́***

ба́тьки дом горе́л, а мой ру́ки грел Народн. [Соколова 2009: 492]; ***Родня́: на его́ ба́бушке сарафа́н горе́л, а мой де́душка ру́ки грел*** Народн. [Соколова 2009: 492]. Ср. выше приведённые фразеологизмы с компонентом ***колено*** и амбивалентное обозначение родства — ***Родня́: одно́й доро́гой на све́т попа́ли*** Народн. [Соколова 2009: 492].

В подобной функции могут использоваться и собственные имена человека:

Бли́жняя родня́: на́шей Мари́не ва́шей Катери́не двою́родная Ири́на Народн. [Соколова 2009: 490]; ***Бли́жняя родня́: Мари́на на́шей Катери́не трою́родная Паско́вья*** Народн. [Соколова 2009: 490]. Ср. ***на́шему забо́ру двою́родный Я́ков*** Кар. (СРГК 1: 432).

Логичны здесь и профессиональные обозначения ***слесаря*** и ***кузнеца*** с возможным вкраплением в компонентный состав фразеологизмов и названий артефактов, ими изготовляемых:

на́шему сле́сарю двою́родный (***троюродный***) ***кузне́ц*** Народн., Пск. [Даль 1957: 389; Соколова 2009: 491]; (СППП: 70); ***на́шему сле́сарю че́рез доро́гу двою́родный кузне́ц*** Разг.-прост.; ***на́шему самова́ру двою́родный кузне́ц*** Народн. [Соколова 2009: 491].

В какой-то мере (хотя и с натяжкой) к «профессионализмам» можно отнести и выражение ***Приш́ей, пристеба́й, держи́сь, не оторви́сь*** Забайк. (Пащенко 2015: 70).

4) Традиционная крестьянская речевая среда вызвала к жизни выражения, характеризующие дальнее или фиктивное родство близкими этой среде реалиями — ***огорода*** и его ограды (***забора***, ***плетня***, ***тына***):

На́шему (***моему́***) ***огоро́ду двою́родный плете́нь*** Прост., Яросл. (ЯОС 6: 121; Максимов 2002: 250); ***на́шему забо́ру двою́родный плете́нь*** Ворон. (1892), Ленингр. Пск., Южн.-рус. [Рыбникова 1961: 102; Жигулев 1969: 173; Соловьева 2001: 17, 491]; (СРФ: 193; СППП: 41); ***на́шему забо́ру двою́родный Я́ков*** Кар. (СРГК 1: 432); ***девя́тый***

пень на́шему огоро́ду Забайк. (Пащенко 2015: 64); ***мое́й тёще двою́родный плете́нь*** Волг. (Глухов 1988: 85); ***на́шему ба́зу двою́родный плете́нь*** Р. Урал. (СРНГ 27: 125), где ***баз*** ‘огороженное на двое место для скота; скотный двор’; ***Родня́: на́шему ты́ну двою́родный плете́нь*** Народн. [Соколова 2009: 492]. Ср. также ***Родня́: среди́ бе́ла дня́ на одно́м забо́ре ону́чки суши́ли*** Народн. [Рыбникова 1961: 101]; ***Родня́: на́ши соба́ки е́ли, а ва́ши че́рез плете́нь на них гляде́ли*** Народн. [Соколова 2009: 492].

В меньшей мере в этой группе востребованы наименования иных реалий крестьянской жизни:

Родня́: на́ши соба́ки из одного́ коры́та лака́ли Народн. [Соколова 2009: 492]; ***Родня́: от ста́рой се́ти бродня́*** Народн. [Соколова 2009: 492].

5) Наконец, достаточно большую группу образуют выражения с компонентом ***солнце*** и обозначением различного вида бытовых действий:

На одно́м со́лнце портя́нки суши́ли Пск. (СППП: 71); ***Бли́жняя родня́: на одно́м со́лнышке ону́чи суши́ли*** Народн. [Соколова 2009: 490]; ***Родня́: на одно́м со́лнышке портя́нки суши́ли*** Народн. [Соколова 2009: 492]; ***Родня́: среди́ бе́ла дня на одно́м забо́ре ону́чки суши́ли*** Народн. [Рыбникова 1961: 101].

Некоторые из таких фразеологизмов имеют близкую, но не тождественную «родственной» семантику: ***На одно́м со́лнце о́нучи суши́ли*** Кар. ‘о людях, равных по каким-л. качествам, находящихся в одинаковом положении’ (СРГК 4: 151); [Мокиенко 1990: 129].

В то же время этот набор фразеологизмов может и не обозначать каких-либо действий, а быть простой «экзистеональной» характеристикой существования «под солнцем»:

Родня́: на одно́ со́лнышко гляди́м Народн. [Соколова 2009: 491]; ***Родня́ — под одни́м не́бом живём*** [***одни́м со́лнцем обогрева́емся***] Народн. [Соколова 2009: 491, 492]; ***Родня́: по одно́й земле́ хо́дим и под одни́м не́бом*** На-

родн. [Соколова 2009: 492]; ***Родня́ — середь дня́, а как со́лнце зайдёт — её никто́ не найдёт*** Народн. [Рыбникова 1961: 101].

Как видим, русские народные фразеологизмы, шутливо-иронически характеризующие дальнюю или фиктивную родню, структурируются в довольно компактные семантические модели с яркой образностью, связанной с крестьянским бытом. При их сопоставлении с аналогичной фразеологией других языков вырисовывается их национальная специфика. При этом доминантный оборот с компонентом ***вода*** имеет довольно широкую проекцию в славянское языковое пространство: бел. *дзесятая (сёмая) вада на кісялі*; укр. *десята вода не кіселі (на кісель)*, (харьк.) *третя вода на киселі*; пол. *dziesiąta woda po kisielu*; в.-луж. *dźewjata woda wot powski (pjeluški)*, *dźewjata woda wot přešelstwa*, *dźesata woda z powski*, х/с *deveta voda kisela*. В других же языках образность эквивалентов иная, напр., слвцк. *z desiateho kolena, dotkla sa žihľava plota*; чеш. *příbuzný po Adamu*; *naše (vaše) kráva se napila z vaší (naší) louže*; англ. *cousin seven (several) times removed* и под.

Проведённые языковые материалы убедительно подтверждают реальность существования особой фразеологической картины мира [Добровольский 1997], границы которой в разных языках могут быть различными. Чёткое очерчивание таких границ и выявление собственно национальной специфики фразеологизмов, как кажется, эффективно обеспечивается методикой структурно-семантического моделирования, основанного на привлечении максимально полного диалектного материала.

Литература

Балясников Л. В., Соколова С. И. Материалы к словарю диалектной фразеологии деревни Горки Варнавинского района Горьковской области // Труды Самаркандского государственного университета им. Алишера Навои. Новая серия. № 272. Вопросы фразеологии, VIII. Самарканд, 1975. С. 21–57.

Даль В. И. Пословицы русского народа. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. XXVIII, 992 с. (1-е изд. 1861–1862).

Добровольский Д. О. Национально-культурная специфика во фразеологии // Вопросы языкознания. 1997. № 6. С. 37–48.

Жигулев А. М. Русские пословицы и поговорки / Ред. В. К. Соколова. М.: Наука, 1969. 448 с.

Зимин В. И., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.

Мокиенко В. М. Структурно-семантическое моделирование и сопоставительный анализ русской и чешской фразеологии // Konfrontační studium ruské a české gramatiky a slovní zásoby / Za red. T. I. Konstantinovové, A. G. Širokovové, M. Zatovkaňuka. Praha: Universita Karlova, 1974. S. 249–282.

Мокиенко В. М. Славянская фразеология. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 1989. 287 с.

Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии. М.: Высшая школа, 1990. 160 с.

Рыбникова М. А. Русские пословицы и поговорки. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 230 с.

Соколова М. И. Народная мудрость. Пословицы и поговорки. Новосибирск: ЗАО ИПП «Офсет», 2009. 622 с.

Соловьева Л. В. Не в бровь, а в глаз. Пословицы и поговорки Псковской и Ленинградской области. Бабушкины байки. Гатчина: СЦДБ, 2001. 128 с.

Федоров А. И. Лекции по русской фразеологии, прочитанные студентам НГУ. Новосибирск: НГУ, 1964. 42 с.

Mokienko V. Fraseoloxía eslava. Manual universitadio para a especialidade de lingua e literatura rusas. Santiago de Compostela: Xunta de Galicia, 2000. 504 p.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 313–320. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201826

Лексика птицеводства в русских говорах на территории Республики Мордовия

Т. И. Мочалова

В работе рассматриваются структурно-семантические особенности орнитонимов, функционирующих в русских говорах на территории Республики Мордовия, анализируются фразеологические единицы с компонентами-орнитонимами, выявляется национально-культурная специфика, отражающаяся в номинации диких и домашних птиц.

Ключевые слова: орнитоним, диалект, лексика, структура, семантика.

В русских говорах Республики Мордовия разнообразны наименования представителей флоры и фауны [Мочалова 2010: 397–403], при этом наряду с общенародными названиями активно употребляются диалектные образования. Особую группу в составе зоонимов представляет орнитологическая лексика, которая неоднократно становилась предметом научных исследований [Амелина 2010: 120–123; Амелина 2012; Ганиева 1988: 102–106; Тризина 2008: 133–137 и др.].

Цель данной статьи — проанализировать структурно-семантические типы орнитонимов, функционирующих в русских говорах Республики Мордовия. В «Словаре русских говоров на территории Республики Мордовия» (СРГРМ) зафиксировано 49 орнитонимов, называющих диких и домашних птиц. Исследуемая группа слов включает в себя наименования разнообразных классов, родов и видов птиц, бытующих на территории Мордовии, а кроме того, указывает, какие птицы содержатся в домашнем хозяйстве жителей региона, какие из них необходимы и полезны для жителей деревень и сел Мордовии.

Единичный диалектный орнитоним ***полета́лка***, образованный от глагола ***полетать*** и называющий птицу по характерному действию, обозначает родовое понятие ‘птица’. *Раня вить на пъли хадили. Идеш тихонькъ спугнеш пъляталку, сама ище боля испужасси* (Инелейка, Большеигнатовский р-н). Наиболее многочисленной является группа слов, имеющих дифференциальные семы и обозначающих домашних птиц, поскольку мясо птицы, яйца человек активно употребляет в пищу, перо и пух использует в хозяйственной деятельности. Среди наименований домашних птиц можно выделить названия взрослых особей, в частности кур, индеек, уток.

В исследуемых говорах зафиксировано единичное образование ***ку́рка*** с обобщенным значением ‘курица’: *У миня адна курка прапала. Есть курки толькъ капытникъх нъ калытили* (Малый Азясь, Ковылкинский р-н). Чаще всего курица в диалектной среде номинируется по какому-либо характерному признаку, назначению. Так, распространены диалектизмы, характеризующие такое ценное для сельских жителей качество, как выведение цыплят, поэтому в говорах распространены названия курицы-наседки: ***бабу́ха***, ***пы́рка*** (во 2-м знач.), ***пару́нья***. *Пайду дам бабухи корму. Бабуха шашнаццать цыплакох водит* (Слободские Дубровки, Краснослободский р-н). *У миня адна пырка фсе летъ сидит на яйцах: то гусей, то цыплят высиживат* (Гуляево, Ичалковский р-н). *Ни каждыя курицъ можът быть харошый паруньей* (Гумны, Краснослободский р-н).

Вторая важная функция курицы — способность нести яйца — также находит отражение в словарном корпусе говоров: ***несе́тка*** ‘курица-несушка’, ***поздну́ха*** ‘курица, несущаяся больше обычного времени’. Например: *Ув миня из малоткоф две нисетки: ряба дъ бела* (Рязановка, Старошайговский р-н). *Познухъ-тъ ув миня анна, я и кармлю иё получи* (Рязановка, Старошайговский р-н). Единичное наименование ***моло́дка*** (в 1-м знач.) ‘молодая курица’ связано с характеристи-

кой курицы по возрасту, однако ***моло́дка*** во втором значении указывает также на назначение птицы: молодая курица, еще не начавшая нестись. Ср.: 1. *У тибя зънислись штоли малотки-тъ? — Зънислись* (Смольково, Лямбирский р-н). 2. *Малотки да году, каторы ни нисуцца* (Марьяновка, Большеберезниковский р-н). *У миня нет нисушък-тъ, адны малотки* (Шалы, Атюрьевский р-н).

Следует отметить, что, в отличие от наименований курицы, в говорах употребляются названия ***ко́чет***, ***пе́вень***, ***певу́н*** только с обобщенным значением ‘петух’, в то же время внутренняя форма образований ***пе́вень***, ***певу́н*** связана с указанием на способность птицы петь, громко кричать. *Кочит ваш громко пает* (Укранск, Ковылкинский р-н). *Певинь пъ утрам миня будит* (Каменный Брод, Ельниковский р-н). *Пивун наш кричит очень громко* (Шугурово, Большеберезниковский р-н).

Распространены в исследуемых говорах диалектные названия домашней индейки — ***дуры́шка***, ***пуры́шка***, например: *А сколька ано ночью дурышкъф пирилавили дъ пиридушили* (Лемдяйский Майдан, Старошайговский р-н). *Доцък, выгъни пурышку с гъродъ* (Говорово, Старошайговский р-н). Появляющийся в номинации птицы дифференциальный признак связан только с половой принадлежностью: индюк (***дуры́н***, ***куры́ш***, ***пуры́н***, ***пыри́н***, ***пы́рень***, ***пыру́н***, ***пыры́н***) или индюшка (***пы́рка*** в 1-м знач., ***пыру́шка***, ***пыры́шка***). Например: *Индюшкоф у нас пырышками завут* (Шаверки, Краснослободский р-н). *Хозяйка абыцно держит пару — пыринь и пырышку* (Ташкино, Ичалковский р-н). *Пыркъ ни наридна, а пыринь нарядний* (Большие Поляны, Ардатовский р-н). *А вон пъ дароги пырун с пырушкой ходит* (Саловка, Лямбирский р-н).

В русских говорах Мордовии встретилось единичное наименование селезня — ***се́лех***, например: *В зиму думаю селихъ аставить и две пары уток* (Суподеевка, Ардатовский р-н).

Немногочисленны в исследуемых говорах наименования молодых особей птицы — птенца: ***птенчу́лька***, ***птичо́нок***. Например: *Эх вы, птенчульки, плоха вам биз насетки* (Аксёл, Темниковский р-н). *Как уш ани птичонкаф лавили* (Лесной, Большеигнатовский р-н). Как видим, данные наименования относятся к числу лексико-словообразовательных диалектизмов, поскольку отличаются от однокоренных слов общенародного языка лишь морфемным составом. Большим разнообразием в диалектном социуме характеризуются наименования цыпленка. В исследуемых говорах зафиксированы такие наименования, как ***пи́ля***, ***писклёнок***, ***пырёнок***. Относительными синонимами по отношению к ним выступают диалектные наименования, имеющие в смысловой структуре дифференциальные компоненты значения: ***горю́н*** 'цыпленок, выращиваемый без наседки'. *Вон горюны бегают. Адних гърюнох кошкъ съела* (Жуково, Торбеевский р-н); ***задо́хлец*** 'цыпленок, задохнувшийся в яйце'. *Пръворонилъ я цыпленка, вот ы вышел задохлиц* (Пичеуры, Чамзинский р-н). *У клушки два задохлица* (Большой Азясь, Ковылкинский р-н).

Особую группу в составе орнитологической лексики составляют названия диких птиц, среди них встретилось только одно название хищной птицы: лексико-фонетический диалектизм ***го́ршун*** 'птица коршун'. *Горшун прилитит, цыплят бириги. Горшуны — птицы хищные* (Кайбичево, Дубенский р-н). *Вон горшун литит* (Укранск, Ковылкинский р-н). В русских говорах Мордовии 16 диалектных орнитонимов называют нехищные виды птиц. Наибольшее количество наименований связано с номинацией широко распространенного в данной климатической полосе воробья из семейства воробьиных: ***дыря́к***, ***мага́н***, ***муля́н***, ***пуда́н***. Как показывает иллюстративный материал, в диалектной среде сельские жители употребляют и общенародные наименования, осознавая территориальную специфику местных слов: *Рибитишки варабьеф у нас пуданами кличют* (Инелейка, Боль-

шеигнатовский р-н). *Върабъеф у нас мулянами завут. Висной ф скварешник-тъ мулян залител* (Петровка, Большеберезниковский р-н). Распространены наименования и других нехищных диких птиц: ***горноу́шка***, ***жа́воронка***, ***жаворо́нок*** (в 1-м знач.) ‘певчая птица жаворонок’, ***бережа́нка***, ***пы́рка*** (в 3-м знач.), ***стрыжо́к*** ‘птица стриж’, ***касате́йка*** ‘птица ласточка’, ***голубе́ц*** ‘птица голубь’, ***опошленка*** ‘птица трясогузка’, ***пчеля́к*** ‘птица синица’, ***ря́бка*** ‘куропатка’, ***скво́рка*** ‘скворец’.

С точки зрения особенностей структуры диалектные названия птиц неоднородны: здесь можно выделить как непроизводные, так и производные слова. Немногочисленные собственно лексические диалектизмы ***мага́н***, ***муля́н***, ***ко́чет***, ***пи́ля***, ***касате́йка*** в современном русском языке являются непроизводными и немотивированными. Большая часть орнитологической лексики является производной и мотивированной, как правило, общенародными словами: 1) образованы от прилагательных и называют птицу по характерному признаку такие слова, как ***моло́дка*** (в 1-м знач.) ‘молодая курица’, ***поздну́ха*** ‘курица, несущаяся больше обычного времени’, ***ря́бка*** ‘куропатка’ и др.; 2) мотивированы глаголами и называют птицу по какому-либо действию такие орнитонимы, как ***полета́лка*** ‘птица’, ***пе́вень***, ***певу́н*** ‘петух’, ***пы́рка*** (в 1-м знач.), ***пыру́шка*** ‘индюшка’ и др.; 3) образованы от существительных и номинируют птицу по какому-то предмету ***ку́рка*** ‘курица’, ***стрыжо́к*** ‘птица стриж’, ***куры́ш*** ‘индюк’ и др.

Как показывает исследуемый материал, в русских говорах Республики Мордовия в качестве фразеообразующих элементов употребляются как общенародные, так и диалектные наименования птиц, поскольку «их отличительные черты проецируются на человека, позволяют оценивать его внешние и внутренние качества» [Мочалова 2011: 115]. Небольшая группа фразеологических сочетаний с компонентом-орнитонимом служит для номинации

непосредственно представителей животного мира: ***солове́й-чиркýн*** ‘сверчок’, ***матёрая*** [***ýтка***] ‘дикая утка, кряква’, ***делова́я кýрица*** ‘курица, которая несет яйца’.

Фразеологические единицы с орнитологическим компонентом, как правило, используются для качественной характеристики самого человека или окружающего его мира. Зафиксированы единичные случаи характеристики человека по возрасту. Интересен тот факт, что фразеосочетания, включающие в свой состав орнитологические компоненты, указывают только на пожилого человека: ***кра́сный ко́чет*** ‘пожилой, но еще бодрый мужчина’. Негативную, ироничную оценку получает человек, стремящийся жить очень долго, подобно ворону: ***как во́рон*** (***жить***) ‘очень долго’. *У нас зятёк так сибя бирижот, как ворон 300 лет хочит жить. А я иму гъварю: «Хватит лижать, иди работай, фсё равно как ворън-тъ ни пражывёш»* (Солдатское, Ардатовский р-н).

Курица, несущая яйца, становится символом благополучия, достатка в крестьянской семье, что отражается и во фразеологии: ***как кýрка яи́чко снесла́*** ‘кому-либо везет в жизни, хорошо живется’. В других фразеологизмах, содержащих орнитоним ***курица***, содержится отрицательная оценка неряшливого внешнего облика человека (***как кýрица общи́панная*** ‘с растрепанными волосами’, ***как мо́края кýрица*** ‘небрежно, неряшливо одетый’).

Неодобрительное отношение в диалектном социуме вызывает невзрачный, неряшливый человек, который уподобляется курице (***как кури́ный отрёбушек*** ‘невзрачный, неряшливый человек’). Фразеосочетание ***соро́ка на хвосте́ унесёт*** обозначает ‘чисто вымытый, умытый (о детях)’ и употребляется в шутливой форме. Негативную оценку в диалектной среде получает также некачественно выполненная работа (***петухо́в нарисова́ть*** ‘вымыть пол, оставив грязные разводы’).

Особую группу составляют фразеологические единицы с компонентом-орнитонимом, которые связаны с качественной характеристикой каких-либо предметов, явлений окружающего мира. Это может быть квалификация пространственных отношений (***на куды́кину го́ру воробъёв сшиба́ть*** ‘неизвестно куда, неизвестно зачем’, ***негде курочке клюнуть*** ‘очень тесно’), временных отрезков (***с пе́рвыми кочетка́ми*** (***кочетья́ми***) ‘очень рано’).

Фразеологические единицы с орнитологическим компонентом крайне редко употребляются для номинации других реалий окружающего мира: ***стоя́ть гу́сем*** ‘о доме, стоящем задней стеной на улицу’. С крыльями, полетом птицы ассоциативно соотносится миновавшая опасность: ***крылом обойти*** ‘миновать, пройти стороной’. *Ты ничово не бойси, тебя крылом обойдёт пожар-тъ* (Рождествено, Ичалковский р-н). Опущенные крылья становятся символом утраты способности или желания делать что-либо (***пове́сить кры́лышки***). В составе отдельных фразеологизмов зафиксированы и другие наименования частей тела представителей животного мира: ***зобо́к наби́тый*** ‘кто-либо богат, имеет много денег’.

Таким образом, орнитологические наименования представляют собой весьма специфический пласт диалектной лексики, поскольку роль птиц в жизни человека всегда была исключительно велика, история возникновения названий разнообразных видов и классов дает ценные сведения о материальной и духовной жизни народа в определенный период общественного развития.

Литература

Амелина Л. В. Семантические процессы, принципы лексикографического толкования, лингвокультурологическая интерпретация орнитонимов (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 2012. 20 с.

Амелина Л. В. Семантический объем лексических значений орнитонимов в русском и немецком языках // Вестник Воронежского

государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 120–123.

Ганиева Ф. А. Орнитологическая терминология в лезгинском языке // Отраслевая лексика дагестанских языков: Названия животных и птиц: Темат. сб. / Сост. П. Т. Магомедова; отв. ред. Б. Б. Талибов. Махачкала: Даг. фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы, 1988. С. 102–106.

Мочалова Т. И. Наименования домашних животных в русских говорах Республики Мордовия // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010. СПб.: Наука, 2010. С. 397–403.

Мочалова Т. И. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в русских говорах Республики Мордовия // Проблемы лингвистического краеведения: Материалы Всерос. научно-практической конференции, посвященной памяти кандидата филологических наук, доцента Аиды Николаевны Борисовой (г. Пермь, 12–13 октября 2011 г.) / Сост. О. В. Бражникова; отв. ред. Ю. Г. Гладких. Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2011. С. 115–123.

Тризина Л. В. Сопоставительное исследование орнитонимов русского и немецкого языков как материал для изучения истории народа и его мировоззрения // Русский язык и духовная культура: Материалы науч.-практ. конф., 26 марта 2008 г. / Редкол. И. А. Геращенков, П. П. Рогонов. Брянск: БИПКРО, 2008. С. 133–137.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 321–334. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201827

Наименования окуня в этимологическом аспекте*

С. А. Мызников

В статье представлен анализ некоторых наименований окуня, без данных картотеки ЛАРНГ. Работа базируется на личных данных автора, полученных в диалектологических экспедициях, а также данных региональных словарей. Отмечается значительное число наименований этой рыбы, в том числе имеется значительный пласт лексики неисконного происхождения в контактных зонах.

Ключевые слова: атлас, программа, заимствование, исконный, прибалтийско-финский.

В Программе ЛАРНГ наименованиям рыбы уделено незначительное число вопросов.

Л 379. Мелкая рыба [о. н.]: ***мелочь***, ***мелоча***, ***мелузга***, ***малевка***, ***молька***, ***молевица***, ***мугач***, ***мергач***, ***баклешка***, ***вагалъ***, ***верховка***, ***голышка***, ***густера***, ***оголец***, ***омулявка***, ***подпольница***, ***сальница***, ***тарашка***, ***недомерка***...

Л 380. Карп: ***карпий***, ***короп***, ***вьюн***, ***краснобрюшка***, ***краснопер***, ***красуля***, ***подроек***, ***подройчик***, ***шаран***, ***чаклин***...

Л 381. Налим: ***налима***, ***лежень***, ***менек***, ***мень***, ***мантус***, ***малим***, ***вьюн***, ***калека***, ***каменик***, ***чухна***, ***чухонец***...

Л 382. Окунь: ***окунё***, ***окунчак***, ***барканник***, ***баркотник***, ***бузун***, ***вагаль***, ***вагиль***, ***водень***, ***красноперка***, ***краснохвостка***, ***мугач***, ***подпалечник***, ***подсула***, ***тростяник***, ***хохлик***, ***чекомас***, ***щипарь***...

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 16-04-00065а.

Л 383. Пескарь: ***пескан***, ***пескаш***, ***пескун***, ***песук***, ***безкозоб***, ***мескан***, ***мескозуб***, ***лежень***, ***марига***, ***мариха***, ***марлянка***, ***малек***, ***мальчой***, ***бараус***, ***бобырь***, ***бекирь***, ***валек***, ***гычь***, ***жирик***, ***заусай***...

Л 384. Плотва: ***верхушка***, ***гарьюга***, ***горьва***, ***горькавка***, ***красуля***, ***краснуха***, ***красноглазка***, ***краснокрылка***, ***марена***, ***марфуха***, ***обла***, ***облуха***, ***облушка***, ***салага***, ***сарга***, ***сарожник***, ***чебан***...

Л 385. Щука: ***щупак***, ***жреба***, ***мескозоб***, ***мельма***, ***челнок***, ***шурка***...

ЛСЛ 386. Щуренок: ***щурок***, ***щуренок***, ***щугленок***, ***щукленeнок***, ***зеленятник***...

Л 387. Рыба, употребляемая как приманка, живец: ***живедь***, ***живодь***, ***живот***, ***живчик***, ***малек***, ***мойва***, ***зарыба***... (Программа ЛАРНГ).

Среди лексем, приводимых в качестве наименования окуня, имеются единицы, которые не представляют прямой номинации, а являются словами, в которых выявляются в результате историко-этимологического анализа разнообразные характеристики окуня по возрасту, размеру, особенностям окраски, поведения и т. п. Исходя из этого, в данной работе предпринимается попытка рассмотреть наименования окуня с точки зрения использования их в картографировании на основе данных лексикографических источников и экспедиционных полевых записей автора. О разнообразии окуня в зависимости от водоема обитания пишет Н. Г. Богословский в отношении Новгородчины: «Окунь водится во всех водах губернии и отличается вкусом и белизною тела по качеству воды; в озерах и реках, вытекающих из болот, окунь на вкус отзывается мхом и имеет темное тело в сравнении с окунем, водящимся в больших реках и озерах. В реке Нише, Крестецкаго уезда, окунь такой имеет сильный запах смолы, что неприятен бывает на вкус. В иных местах он достигает больших размеров. В Рдейском озере, Старорусскаго уезда, ино-

гда ловятся окуни до 12 фунтов штука» [Богословский 1865: 3]. См. также (Усачева 2003).

Имеются случаи бытования некоторых наименований окуня на протяжении длительного периода, например, в псковско-новгородской зоне некоторые данные фиксируется с начала XVI в.

Остре́ц ‘рыба окунь’ Олон., 1856. КАССР, Водлозеро Олон., 1885–1898. ‘Мелкий окунь’ Сев.-Зап., 1968 (СРНГ 24: 78). ***Остраче́нь*** ‘мелкий окунь’: *Ходили рыбу ловить, да всё больше остраченъ попадался.* Волх. (НОС 2010: 742). ***Остречо́к*** ‘мелкий окунь; молодой окунь’ Старорус. Новг., 1877. Валд. Новг. ‘Окунь’ Оз. Ильмень., Валд. ***Остречо́нок*** ‘мелкий окунь; молодой окунь’ Холм. Пск., 1904–1918. Новг., оз. Ильмень, р. Волхов, оз. Уклеино Новг., Валдайск., оз. Вселуг, Стерж, Селигер Калин., оз. Тургояк Урал. (СРНГ 24: 79). Слово фиксируется в памятниках письменности Новгородских пятин: ***острецъ*** ‘окунь’: **А угодна тѣхъ деревень: озерко Боровское, а рыба въ немъ острецы, а ловятъ неводомъ.** Кн. пер. Водск. пят. 1, 197. 1500 г. **Купле[но] плотицъ и острецовъ девятьсотъ осмидесятъ рыбъ.** Кн. прих.-расх. Свир. м.СлРЯ XI–XVII (СлРЯ XI–XVII 13: 156). В Заонежье отмечаются четыре топонима, с топоосновой *Остр-*, которые И. И. Муллонен связывает с наименованием окуня: дер. ***Остречево*** или ***Остречевская*** на берегу ***Остречевского*** [или Бездонного] озера, по которому, безусловно, и названа деревня, здесь же поляна ***Остречиха***, а также луда ***Остречье*** на Падмозере у дер. Белохино (Муллонен 2008: 132). Авторы ЭССЯ данный материал помещают в славянский контекст, ср. болг. *острец* ‘острие, лезвие’, при праформе **острьсь* (ЭССЯ 36: 66).

В СРНГ на материалах пятидесяти томов зафиксировано около 100 наименований окуня. Следует отметить, что наиболее частотно представлены исконные лексемы с семантикой ‘мелкий окунь’.

Дохли́ца ‘мелкий окунь’ Валд. (Едрово) Новг. (ПЛГО).

Ле́тник ‘мелкий окунь’ Пск., 1912–1914. Чудское оз. (СРНГ 17: 19).

Лоньшачо́к ‘мелкий окунь’ Шимск. (Мстонь), Старорус. (Взвад) Новг. (ПЛГО).

Ме́лик ‘мелкий окунь’ Пск., 1855 (СРНГ 18: 98).

Мелюза́ ‘мелкий окунь’ Осташк. Твер., 1855 (СРНГ 18: 106).

Мергá́ч ‘мелкий окунь’: *Крупный окунь окунем зовем, а поменьше мергачом.* Нижне-Тавд. Свердл., 1971. ‘Мелкая рыба’: *У нас мергачом мелкую рыбешку зовут.* Нижне-Тавд. Свердл., 1971 (СРНГ 18: 113). Вероятно, в данном случае видоизмененный корень *мелк-*.

Муль ‘мелкий окунь Perca fluviatilis’ Новг., 1970 (СРНГ 18: 343).

Мулё́к ‘окунек’: *Окуньки первого года — это мульки.* Хвойнин. Борович., Любыт., Окулов. (НОС 2010: 571), Новг. (СРНГ 18: 340). Имеется возможность мотивации, представленной в диалектных текстах, от ***мули́ть*** ‘мутить воду’, ***муль*** ‘мутная вода’: ***мули́ть*** ‘при движении мутить воду, выметывая икру — о рыбе’: *Окунь мулит, когда осенью идёт, верхом и след на воде даёт.* Хвойнин. (НОС 2010: 571).

Окушо́к ‘небольшой окунь’ Батец. (Воронино) Новг. (ПЛГО).

О́хлик ‘небольшой окунь’ Пск., 1912–1914 (СРНГ 25: 34).

Парачо́к ‘небольшой окунь’: *Окунек маленький, с палец, парачок называется.* Белом. КАССР, 1968 (СРНГ 25: 218).

Подпа́лечник ‘рыба Perca fluviatilis L., окунь; небольшой окунь’ Олон., 1885. *Подпалечник быстро чистят, головы только успевай очищать.* Беломор., 1968. Онеж. (СРНГ 28: 128).

Тека́ч ‘небольшой окунь’ Беломор. (СРГК 6: 446).

Шешук ‘небольшой окунь’ Галич. Костром. [Сотников 2002].

Щипа́рь ‘окунь в возрасте одного года’: *Щипари — окуньки, пережившие год.* Валд. *В нашей речке весной очень*

много щипарей. Щипари — мелкие окуни. Новг. Новг. (НОС 2010: 1320).

Юс ‘мелкий окунь’ Гдов. (Ветвенник) (ПЛГО). Имеются также другие номинации: ***юса́*** ‘бойкий кот’ Заонежье (КСРГК), ***юс*** ‘хитрый, ловкий человек’ Вытегор. (Коштуги) (Куликовский 1898).

В ряде случаев размеры окуня имеют мотивацию, связанную с орудиями лова, какими-л. небольшими предметами и т. п.

Бердяни́к ‘мелкий окунь’ Вытегор. (Паньшино) (СГРС). Ср. ***берда́*** ‘рыболовная снасть’ (Бурнашев; СРНГ 2: 243).

Борка́нчик ‘рыба окунь в возрасте одного года’ Валд. (НОС 2010: 60).

Пальцеви́к ‘рыба Perca fluviatilis L.; окунь’ КАССР, 1972. ‘Маленький окунь’ Олон., 1885–1898. ‘Двухлетний окунь’ Вытегор., Пудож. Олон., 1871 (СРНГ 25: 182).

Поста́вошник ‘мелкий окунь, используемый как наживка при ловле жерлицей (поставком)’ Новг., 1965 (СРНГ 30: 212).

Сакови́к, ***сако́вник*** ‘мелкий окунь’ Медвежьегор., Пудож. (ПЛГО).

В ряде случаев возможны семантические сдвиги, в результате которых сема ‘мелкий’ в толковании отсутствует, но исторически в мотивационной основе она присутствовала.

Дробы́ль ‘окунь на третьем году жизни’ Лодейноп. Ленингр., 1930 (СРНГ 8: 189). Ср. русск. ***дробь***, укр. *дрiб*, ‘домашняя птица; мелкий домашний скот — козы, овцы’, болг. *дроб* ‘печень, легкие’, сербохорв. *дро̑б* ‘внутренности’, словен. *drôb* ‘мелочь, отбросы, внутренности’, чеш. *drob* ‘кусочек, крошка’, польск. *drób*, н.-луж. *drobjenca* ‘мелочь, крошка’ (Фасмер 1: 539).

Имеются также лексемы, в толковании которых представлена сема ‘крупный окунь’.

Ка́рбаш ‘большой окунь’ Вытегор. Волог. ***Карба́ш*** ‘то же’ Вытегор. (Кондужи, Коштуги, Ошта) (Куликовский 1898: 34; СРНГ 13: 81).

Пехтю́ря ‘крупный, толстый, с горбинкой на хребте окунь’: *Самы маленъки это бузуны да текачи, а уж потом окунь да большой дак челпан да пехтюря.* Беломор., 1968 (СРНГ 26: 343).

Челпа́н ‘крупный окунь’ Беломор., 1968 (СРНГ 26: 343).

Зафиксированы номинации, где представлены особенности окраски тела окуня, его плавников, особенности чешуи.

Краснохво́стка ‘рыба окунь’ Сиб., 1916 (СРНГ 15: 186).

Сера́к ‘окунь’ Крестец. Новг. (НОС 2010: 1077).

Ше́ршень ‘окунь’: *Шершень — окунь, назван так потому, что чешуя его твёрдая, колкая.* Лычков. Новг. (НОС 2010: 1302).

Нередко имеются наименования (чаще сочетания), в которых опосредованно представлены места обитания окуня.

Ившня́к ‘окунь’ Мошен. (НОС 2010: 344). Вероятно, речь идет об окуне, обитающем под прибрежными зарослями ивы.

Курьевой окунь ‘окунь, обитающий в курье — заводи, протоке’ Урал. (СРНГ 16: 151).

Тростяни́к ‘разновидность окуня; темный, с черной спиною, окунь, с свиной мордой, горбатый; противоположность в Талабске озерный окунь — светлый’ Пск., Кузнецов, 1912–1914 (СРНГ 45: 137). Несмотря на то, что в толковании представлена характеристика внешнего вида, речь идет о месте обитании окуня — зарослях ***тросты***, ср.: ***Троста́*** ‘растение Phalaris arundinacea L., сем. злаковых; двукисточник тростниковидный; тростник’ Арх., Север, Пск. (Даль), Мурман., Тихв. Ленингр., Пск., Твер. *Троста тож, как сита, расте вдоль берега, така трава с метелочками.* Эст. ССР. Латв. ССР, Лит. ССР. Влад. ‘Растение сем. осоковых; камыш’ Арх., Север, Пск. ‘Растение сем. осоковых; осока’ Влад. *Троста на берегах растет.* Прионеж. КАССР, 2005.

На озере троста растет. КАССР. Беломор., Каргоп., Плесец. Арх., Ленингр., Волог. (СРНГ 45: 135).

Имеются лексемы, мотивированные особенностями поведения окуня.

Кобя́шник ‘окунь 3-х лет длиной 18 см.’ Новг. Новг. (НОС 2010: 398).

Вероятно, связано с корнем *кобян-*: ***кобя́нить*** ‘загибать, гнуть в сторону; поворачивать вбок’ Любыт.; ***кобя́ниться*** ‘капризничать, упрямиться’; ***кобя́нистый*** ‘такой, который кривляется, пытаясь обратить на себя внимание’ Чудов., Пестов. (НОС 2010: 398).

Борзу́н ‘годовалый окунь; мелкий окунь’ Пск., Кузнецов 1912–1914 (СРНГ 3: 98). Вероятно, от ***бо́рзый*** ‘смелый, ловкий’ Самар., 1854. Ряз. (СРНГ 3: 98).

Бузу́н ‘окунь’ Онеж. (Абрамовское). ***Бузя́к*** ‘то же’ Онеж. (Абрамовское) (СГРС). ***Бузу́н*** ‘окунь, мелкий окунь’ Соликам. Перм. (Опыт). Олон., Волог. (СРНГ 3: 258). ***Бузы́ны*** ‘мелкая рыба’ Медвежьегор. (Таммичозеро, Челмужи) (ПЛГО). ***Бызу́н*** ‘то же’ Вытегор. Олон. ***Бузу́н*** ‘ерш’ Олон. (СРНГ 3: 258). ***Буза*** ‘мелкая рыба, плавающая у поверхности воды’ Чухлом. [Ганцовская 2008]. ***Буза́*** ‘рыба овсянка’ Углич., Чухлом. (ЯОС). ***Бузо́й*** ‘буйный, драчливый [о животных]’: *Корова не бузует, только бык бузой бывает.* Кадн. (Усть-Колпь) (СГРС). Ср. ***бузова́ть*** ‘ударять, бить’, ‘прыгать, скакать’ (СРНГ 3: 257). Ср. также прозвища: ***Бузу́й***, ***Бузуев*** [п. Оштинский, 1496 г.], которые, вероятно, относится сюда же [Кюршунова 2010: 68].

Имеются лексемы, которые представляют результат иноязычного влияния на русские говоры. На Северо-Западе такого рода данные представляют собой единицы прибалтийско-финского происхождения.

Аги́вин ‘окунь’ Медвежьегор. (КСРГК). ‘Крупный окунь’ Пудож. (СРГК 1: 17). ***А́швин*** ‘окунь’ Каргоп. (Ершово) (КСРГК). ***А́хвен*** ‘окунь’ Медвежьегор., Прионеж. [Герд 1988: 7]. ***Агвен***-озеро ‘озеро’ Вытегор. (Кузнецов 1995:

9). А. С. Герд форму ***а́хвен*** сравнивает с кар. *ahven*, ливв. *ahven'*, люд., вепс. *ahven* 'окунь' [Герд 1988: 7]. Трудно судить о достоверности формы ***агивин***, ввиду наличия вариантов ***агвен*** и ***ашвен***.

Аху́н 'окунь' Зап. Причудье [Бурдакова 1999: 33]. Рассматривается как заимствование из выруского диалекта эстонского языка: *ahun*, *ahhun*, *ahnik* 'окунь' (VES: 30–31), при литературном эст. *ahven* 'окунь' (РЭС 1: 155).

Костá́к 'малек окуня на втором году жизни': *Зиму проживёт — уж и костак, пёстренькие такие, и костак называют. Окунь — это большой, маленький — это костак.* Мошен. (НОС 2010: 442). Исходя из семантики, можно сопоставить с числительным кар. *kakši*, *kaksi* 'два, две, двое' (Федотова, Бойко: 171), *kahen* 'вдвоём' (Федотова, Бойко: 166), вепс. *kahte-* 'два' (СВЯ: 167). Нельзя, однако, исключать и преобразование от ***косте́ль*** 'маленькая ручка для левой руки на косовище косы' (НОС 2010: 443).

Му́га́ч (*мн.* ***му́гачи́***) 'малек окуня; мелкий окунь' Медвежьегор. (Великая Губа, Великая Нива, Загубье, Кижи, Космозеро, Ламбасручей, Лонгосы, Кузаранда, Палтега, Сенная Губа, Толвуя, Челмужи, Шильтя), Кондоп. (Колгостров, Кулмукса, Лижма, Новинка, Тулгуба), Прионеж. (Вороново, Кончезеро), Плесец. (Пешклахта) (ПЛГО). Каргоп., Плесец. (КСРГК; СРГК 3: 268). 'Маленький окунь' Петрозав. (Кондоп., Великогуб., Толв. Волости) (СРНГ 18: 329). ***Мугачо́к*** (*мн.* ***мугачки́***) 'малек окуня; мелкий окунь' Медвежьегор. (Кажма, Ламбасручей), Пудож. (Авдеево) (ПЛГО). ***Мугачки́*** 'мальки' Петрозав. (Куликовский 1898). ***Мугá́чки*** 'мальки' Плесец. (КСРГК; СРГК 3: 268; СРНГ 18: 329). ***Мугачо́к*** 'выгозерский малотычинковый сиг' [Герд 1981: 52–53]. ***Мугачи́*** 'мальки' Кондоп. (Лижма) (ПЛГО). ***Мугачо́нок*** (*мн.* ***мугачо́нки***) 'малек окуня; мелкий окунь' Петрозав. КАССР (Линдберг, Герд); (СРНГ 18: 329). ***Мугачо́нки*** 'мальки' Петрозав. (Куликовский 1898; СРНГ 18: 329). ***Мухкачо́к*** (*мн.* ***мухкачки́***) 'мальки окуня; мелкий

окунь’ Выгозеро (Линдберг, Герд). ***Мухкачо́к*** ‘мелкий сиг, мелкая рыба’ Олон. (Куликовский 1898). ***Му́гачи*** ‘мелкая рыба’ Медвежьегор. (Типиницы), Пудож. (Песчаное) [Доля, Суханова 1971: 53]. ***Могачи́*** ‘мелкая сушеная рыба’ Прионеж. (Кончезеро) (ПЛГО). Я. Калима говорит о карельско-вепсском влиянии, приводя, однако, фин. *muhju* ‘небольшой окунь или другая рыба’ [Kalima 1915: 167]. См. также (Фасмер 2: 669). По мнению Герда, слово ***мугач*** довольно рано проникло из прибалтийско-финских языков в русские говоры в районе Онежского озера и получило новое суффиксальное оформление. Однако, на наш взгляд, сомнительно, что прибалтийско-финское *muhju* и русск. ***мугач*** отражают древнейшие отношения, восходящие к эпохе до образования единого прибалтийско-финского языка, вряд ли следует сюда относить для сопоставления с русским слово хант. *mohsan*, манс. *moxsun* [Герд 1981: 52–53], поскольку хантыйские данные являются источником для русск. ***муксу́н*** ‘северная пресноводная рыба, родственная сигу’ (Ожегов), см. (Фасмер 3: 7; Аникин 1997: 410). Ср. фин. *muikku* ‘Coregonns lavaretus, сиг обыкновенный’, *lohimuikku*, *lohen muikku* ‘малек лосося, небольшой лосось’, кар. *muikku*, по мнению авторов SKES, вероятно, той же основы и семантики кар. ливв. *mujeh* (SKES: 349), кар. собст. *mujeh*, *mujee* ‘ряпушка’ (Федотова, Бойко: 358).

Мучичо́к ‘небольшой окунь’ Медвежьегор. КАССР, 1970 (СРНГ 19: 41). Если не опечатка, ср. ***мугачо́к*** (см. выше), вряд ли может являться преобразованием от ***му́га́ч*** (см.). Однако вполне сопоставимо с вепс. *muči* ‘маленький’ (СВЯ: 332).

Му́тики ‘мелкая рыба, преимущественно окунь’ Зап. Причудье [Бурдакова 1999: 60]. Имеется версия заимствования из финского языка, фин. *mutu* ‘гольян Phoxinus’ [Сычова 2009]. При отсутствии мотивации на русской почве, ср. ***мути́ть***, можно сопоставить только с эст. *mutik*, *mutikas* ‘водяной жук’, *mutike*[*ne*] ‘головастик’ (SKES: 354).

Со́боль ‘малек окуня’ Пск. озеро (КСРНГ). ***Соболё́к*** ‘малек окуня’ Пск. (Кузнецов 1915). ‘Мелкий окунь’ Борович., Новг., Окулов. (НОС 10: 109). ***Соболё́нок*** ‘мелкий окунь’ Борович. (НОС 10: 109). В том случае, если отсутствует мотивация на исконной почве, то, вероятно, данный материал можно соотнести с фин. *sapakka* ‘маленький сиг’, ‘соленый сиг 10–15 см. длиной’, *sapakko* ‘маленький сиг’, ‘осенний сиг’, *sapikka* ‘маленький сиг’, *särjen sapakka* ‘маленькая плотва’, *sapiainen* ‘малек рыбы’, ‘небольшой окунь’, ‘вообще небольшая рыба’. Финский материал в свою очередь сопоставляется со швед. *sabbik*[*a*], *sabbeka* ‘наименование маленьких рыбок, живущих в стае’, ‘малек рыбы’, ‘бычок-подкаменщик’, саам. швед. *sappeg* ‘плотва’, саам. кильд. *šāвр*^{A}, терск. *šāвра* ‘небольшой сиг’, при неясности направления заимствования (SKES: 970). Причем русск. ***чеба́к***, ***чаба́к*** ‘плотва, рыба, родственная плотве’ является тюркским заимствованием, ср. татар. *čabak* ‘плотва, небольшая рыба’, но связанным с северными данными (SKES: 970; Шипова 1976: 379). Хотя для слова ***соболь*** сопоставление с данными прибалтийско-финского типа связано с трудностями как семантического, так и фонетического характера, поэтому версия нуждается в дальнейшей верификации.

Те́льмас ‘большой окунь или ерш’ Петрозав. Олон., 1918 (КСРНГ). Не ясно, может быть связано с кар. *t’el’meä* ‘баловаться, возиться, шалить’, *t’el’mä* ‘баловство, возня’ (Федотова, Бойко: 288), либо с кар. *kelkkie* ‘бодрый, бойкий’ (Федотова, Бойко: 195), при выуживании окунь или ерш обычно сопротивляются.

Ха́хиль ‘мелкий окунь’ Повен. (Лумбуши, Шуньга) (Куликовский 1898). ***Хо́холь*** ‘мелкая рыба’ Тихв. Новг, 1854. Кадн. Волог., Пск. (КСРНГ). ***Хо́холь*** ‘сушеная мелкая корюшка; суп из неё’ Тихв. (КСРНГ). ***Хо́холь*** ‘малек окуня’ Пск. (КСРНГ). ***Хохо́ль*** ‘молодая мелкая рыба любой породы, разных пород’ Тихв. Новг., 1852. ***Хохо́ль*** ‘молодой, мелкий ерш’ Новг. (Даль). *Хохолей было наварёно, ну, суп, та-*

кой суп, и рыбка положена. Тихв. Ленингр. ***Хохоли*** ‘ерши’ Тихв. Новг., 1850 (КСРНГ). ***Хóхоль*** ‘окунь’ Новг. (КСРНГ). ***Хóхоль*** ‘рыба гольян’: *Хохоль — гольян. У наших рыбаков гольян служит для насадки при ловле окуня, налима. Берёт его иногда и щука.* Кадуйск. Волог. (КСРНГ). ***Хóхлик***, ***хохолóк*** ‘мелкий окунь’ Пск., Чуд. оз., Новг. (Линдберг, Герд). М. Фасмер делает предположение, что происхождение слова ***хáхиль*** в значении ‘окунь’, вероятно, развилось из семантики ‘разбойник, обманщик’, ввиду прожорливости окуня (Фасмер 4: 227). Хотя вепсские данные явно соотносятся с тихвинскими, ср. вепс. *hohol’* ‘корюшка’, ‘пустомеля, пустозвон’ (СВЯ: 126).

Имеются также наименования окуня, которые весьма сложны в этимологическом аспекте.

Вáгаль, ***вáгиль*** ‘мелкий окунь’ Олон. (Куликовский 1898). ***Вагаль*** ‘мелкая рыбешка’ Каргоп. (КСРНГ). ***Вагáль*** ‘мелкий окунь, плотва’ Каргоп. (Лекшмозеро) (ПЛГО). ***Валегú*** ‘мелкая рыба’ Каргоп. (Лекшмозеро) (ПЛГО). Трудно сказать, связано ли с фин. *väkkärä* ‘о небольших водных насекомых’, ‘о личинке комара’ (SKES: 1834). А. С. Герд приводит для сопоставления венг. *vage durbincs* ‘ерш’, *vago csik* ‘шиповка’ [Герд 1970: 135].

Васúль ‘мелкий окунь’ Подпорож. (СРГК 2: 164), Олон. (Куликовский 1898). ***Васýха*** ‘мелкая рыба’: *Под брюхом беленька, сушат.* Пинеж. (Веркола) (Симина). ***Васю́ха*** ‘то же’ Пинеж. (Летопала) (Симина). *Мейва и васюха.* Пинеж. (Засурье, Сульца) (Симина). ***Васю́ха*** ‘форель, обитающая в ручьях, ручейная форель’ Арх. Арх., 1929. ‘Мелкая рыбка [какая?]’. «Так называется маленькая, особого рода рыбка, обитающая в лужах, лывах, лягах и т. п. водохранилищах» Пинеж. Арх. (КСРНГ). «Васюха — мелкая, водящаяся в болотных водах рыба» Пинеж. (Подвысоцкий 1885: 15). *Васюху пологом ловят. Она летом дак горькая, а осенью-то и ловим.* Пинеж. Арх. (СРНГ 4: 67). ***Васю́шки*** ‘мелкая рыба’ Пинеж. (Сульца) (Симина). Трудно сказать, являют-

ся ли данные Присвирья и Пинежья генетически сходными, при вычленяющейся основе *вас-*. Однако, вероятно, лексему не следует рассматривать на исконной почве.

Лапша́к ‘большой окунь’ Лодейноп. Ленингр., 1924 (СРНГ 16: 271). ***Ляпса́к*** ‘о крупном леще’ Вытегор. (Ошта) (ПЛГО). Вряд ли является преобразованием от ***ла́поть*** ‘о рыбе больших размеров’ Вытегор. (Ошта) (ПЛГО). Более вероятно, что первоначально номинация относилась к лещу, в основе номинации лежал признак ‘что-л. плоское, приплюснутое’ на прибалтийско-финской почве, ср. вепс. *läpaknena*, *läpsnena*, *läpušknena* ‘прозвище человека с приплюснутым носом’ (СВЯ: 311).

Шилмато́чек ‘небольшой окунь’ Осташк. Калин. (КСРНГ). Трудно сказать, связано ли это слово с кар. твер. *šilmäkäš* ‘глазастый’, при ливв. *silmikäz* ‘то же’: *silmikäz poartmu* ‘овод с большими глазами’ (KKS 5: 385), или имеет место иное происхождение. Ср. также: ***Шалма́т*** ‘окунь на втором году жизни’ Валд. (НОС). ***Шалмато́к***, ***шелмато́к*** ‘то же’ Валд. (НОС).

В южнорусской диалектной зоне фиксируется лексема ***чикама́з*** ‘речной окунь’ Астрах., ***чекама́с*** ‘то же’ Дон. (Даль). ***Чекома́с*** ‘речной окунь Perca fluviatilis’ Дон. (Миртов 1929). ***Чекома́с*** ‘окунь Perca fluviatilis’: *Чикамас — иму два фамилия у нас чикамас, а у других вокунь. Ис чикамасаф да яршей самая и щарба.* Дон. (БТСДК: 572). М. Фасмер не дает этимологической версии (Фасмер 4: 360). Трудно сказать, связан ли глагол ***чекомаситься*** ‘хорохориться’ (БТСДК: 572) с наименованием окуня или первичен субстантив, который, вероятно, тюркского происхождения. Не вполне понятно, имеет ли какое-л. отношение к рассматриваемым данным фамилия ***Сикомас***, распространенная на Украине.

Рассмотренные лексикографические и полевые данные рисуют весьма сложную картину наименований окуня, где представлены разнообразные материалы, при картографи-

ровании которых следует учитывать как первичную мотивационную основу, так и позднейшие семантические сдвиги. Заимствованные данные имеют также весьма обширные фиксации, однако с ареальной дистрибуцией в контактных зонах.

Сокращения

ПЛГО — Полевое лингвогеографическое обследование (материалы, собранные автором в диалектологических экспедициях по русским говорам, и финно-угорским языкам).

Литература

Богословский Н. Г. Рыболовство и рыбоводство в Новгородской губернии // Новгородский сборник: [Материалы для истории, статистики и этнографии Новгородской губернии, собранные из описаний приходов и волостей: В 5 вып.]. Вып. 3 / Под ред. Н. Богословского. Новгород: В тип. Сухова и Классона, 1865. С. 1–25.

Бурдакова О. Прибалтийско-финские заимствования в русских говорах Причудья: дис. ... magister artium по русскому языку. Tartu: Tartu Ülikool, 1998. 222 с.

Ганцовская Н. С. Лексика говоров Костромского акающего острова: проблемы типологии: дис. ... докт. филол. наук. Ярославль, 2008. 431 с.

Герд А. С. Из истории печорских названий рыб // Севернорусские говоры. Вып. 1 / Отв. ред. Н. А. Мещерский. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1970. С. 108–117.

Герд А. С. Из истории прибалтийско-финских названий рыб // Прибалтийско-финское языкознание. Вып. 6.: Вопросы лексикологии и лексикографии: [Сб. ст.] / Отв. ред. Г. М. Керт, М. И. Зайцева. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. С. 50–54.

Герд А. С. Прибалтийско-финские названия рыб в свете вопросов этнолингвистики // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы лексикологии и грамматики / Г. М. Керт, Н. Г. Зайцева. Петрозаводск: [Карельский филиал АН СССР], 1988. С. 4–22.

Доля Т. Г., Суханова В. С. Структура прибалтийско-финских заимствованных слов в русских диалектах Карелии (имена существительные) // Прибалтийско-финское языкознание. Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с иносистемными

языками. К 80-летию со дня рождения Д. В. Бубриха / Отв. ред. Г. М. Керт, И. И. Муллонен. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. С. 52–56.

Кюршунова И. А. Словарь некалендарных личных имен, прозвищ и фамильных прозваний Северо-Западной Руси XV–XVII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2010. 667 с.

Сотников Н. История рыболовства и Рыбной Слободы в Галиче с конца XVIII до середины XX века. Галич: [б. и.], 2002. 154 с., ил.

Сычева Т. Рыболовецкая лексика Западного Причудья в этимологическом освещении. Бакалаврская работа / Науч. рук. А. В. Штейнгольд. Тарту: Тартуский университет, 2009. 34 с.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsingfors, 1915. XV + 265 s.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 335–358. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201828

Тексты с этнокультурным компонентом из экспедиционных материалов по Симбирскому Заволжью*

Я. В. Мызникова

В данной работе представлена небольшая подборка диалектных текстов, отражающих традиции, обычаи, культурные стереотипы сельского социума Симбирского Заволжья. Данный регион представляет собой интересную в этнокультурном плане территорию, на которой с древних пор происходит взаимодействие славянской, финно-угорской и тюркской групп населения. Сложная история региона отразилась в укладе жизни местного населения, в сформировавшихся культурно-обусловленных сценариях коммуникации внутри сельского социума. Тематика текстов охватывает различные аспекты духовной культуры: взаимоотношения людей внутри социума, праздники, игры, свадебный обряд, похоронный обряд и др.

Ключевые слова: русские говоры, диалектные тексты, культурно-обусловленные сценарии, этнокультурное взаимодействие, диалектная лексика.

Представленные в данной работе тексты были записаны с 2012 по 2018 гг. в левобережной части Ульяновской области, в ряде населённых пунктов Старомайнского, Чердаклинского и Мелекесского районов. Татары, чуваши, мордва жили на территории Среднего Поволжья еще до заселения края русскими. Преобладающая часть русских населенных пунктов возникла в середине XVII в. На севере Ульяновская область граничит с Республикой Мордовия, Чувашской Республикой

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09021 «Русские говоры Симбирского Заволжья как отражение этноязыкового взаимодействия».

и Татарстаном, поэтому смешанный состав населения вполне закономерен.

Как показывают наши данные [Мызникова 2015], говоры Симбирского Заволжья имеют выраженную севернорусскую (владимирско-поволжскую) основу при достаточно заметном южнорусском влиянии, а также влиянии тюркских и финно-угорских языков. Смешанный характер славянского и неславянского населения Симбирского Заволжья отразился и в сформировавшемся комплексе местных традиций ведения хозяйственной деятельности, питания, обустройства жилища, и в сложившихся в данном сельском социуме культурных традициях. В сущности, все собранные нами тексты с описанием хозяйственной деятельности, промыслов и ремёсел, устройства жилища содержат определённый этнокультурный компонент. В данную подборку включены наиболее показательные в этнокультурном отношении тексты, в которых наиболее эксплицитно отражаются культурно-обусловленные сценарии коммуникации внутри данного сельского социума.

Каждая социальная группа имеет свой набор традиций и правил, которые директивно или косвенно предписывают членам данной группы формы общения друг с другом и с представителями других групп. Как показывает А. Вежбицкая, культурные нормы, которые оказываются специфичными для каждого конкретного общества, являются факторами, выстраивающими модели коммуникации данного общества в рамках эксплицитных культурно-обусловленных сценариев: «это прежде всего сценарии того, что кто-то может или не может сказать, того, что кто-то может или не может делать, а также того, что «хорошо» говорить или делать» [Вежбицкая 1999: 130]. В данной работе содержатся тексты, иллюстрирующие традиции, обычаи, принципы внутрисоциумной и межсоциумной коммуникации в исследуемом регионе.

В рассказах диалектоносителей можно встретить пояснения, в какие окрестные сёла ходили гулять, а куда не ходили, куда обычно выходили замуж. Вот бабушка вспоминает о том, как выходила замуж в «чужое» село Базарно-Мордовские Юрткули:

Базарно-Мордовские Юрткули (Старомайнский р-н)
Марья Ивановна Денисова, 1931 г. р.

Замуж в Юрткули

Вышла моя золофка[1] *сюда / замуш // дяревня у нас стала распадацца // Михайлофка там Грибофка // пят' кило́метроф отсюда // Свёкроф' сюды приехала / ссынъм с однем: // «Айдат' пожалуста / вам этъ з'дес' лучшэ будет / фсе мы з'дес'» / друга́ золофка вышла //*

Мать моя родная / у меня как пят' голосъёф ток реву // в этим углу этим го́ласам / в этим углу этим / неохота была сюда / неохота // в Грибафку мне былъ охота // оне касаюца больше-тъ в Юрткули / а мы в Грибафку / вот // ну и черти приташшыли сюда / сорок / сорок шэстом году // когда Писе́-тъ умер? // какем году-т? // ох-ох-ох / удавлюс! // «Шура! / у тя вит' Мар' Иванна хочет давица!» // «Да пуст' давица!» // «Не нада сынок / не говори! / тоскует она / осталас' мат' там» // как я привыкла / я не знаю / долга эт я // ни к кому не могу прям вот сходит' / к золофкам и то // оне так идут ко мне / не успей картошки в мундире варит' / с кил'кай / вот порют как собаки //

[1]Тексты приводятся в упрощённой фонетической транскрипции: знак ъ показывает редукцию гласных переднего ряда, знак ъ — редукцию гласных непереднего ряда; мягкость согласного обозначается либо последующим гласным, либо при помощи апострофа [т']; сохраняется разделительный мягкий знак; ударение приводится в диалектных словах или в тех случаях, когда возможны разночтения.

Внутри социума действуют «внутренние» правила, которые предусматривают обращение друг к другу по «улишным именам», т. е. прозвищам, либо данным конкретному человеку, либо распространяющимся на всю семью или род. «Улишные» имена известны только своим и являются своеобразным «пропуском» в сельскую коммуникативную среду.

Базарно-Мордовские Юрткули (Старомайнский р-н) Марья Ивановна Денисова, 1931 г. р.

Прозвища

Дры́га / он вот так / ходит и вес' дрыгаеца // Базя́й / базяй по-здешну зят' // а вот этат / што приходил / ево зовут Моряк / он служыл моряком // и вот ево так и прозвали Моряк //

Ззес' ни одной бабы нет / штобы прозвища ей не была / и у мужикоф // вот первый зят' у меня / зовут ево Носам / пътому шта нос бол'шой // а фторова зятя у меня зовут Брат // вот зачэм брат зовут? // вот Вофку / Абра́м / тожэ не знаю зачэм Абрам зовут // этат вот / Рома́наф Коля / Афгане служил дак / Афган // пузатый / Сварно́й / жывот полный вот такой он // ещё Жы́жей ево зовут / Жыжей / он бол'но жырный / а те́ла ш трясёца // а бабушка у нас вот здес' жывёт / один глас у неё не видит / ужэ с малых лет / чэво случылас' я не знаю / Косо́й-то / зовут Косой // у нас рядам сосет вот тожэ / это / Нямо́й говорят ево / Немой / он мало разговаривает // а дела́ делает / фсё домой ташшыт / Грабител' ещё зовут // а у Торго́ша / вот виш Торго́ш / ево Миша Хохлачёф зовут / а зовут Торгош / зачэм Торгошей назвали // Поп вот / попо́м сделался у нас один вот // читат по покойникам // он сам себе сделалса / а ево поп / ф Кокря́тях у нас настояшшый поп / он ево взял как ф помошники // он и бородатый / и воласы большы́ у нево // Писе́ тожэ вот так ходил читал // улишное тожэ прозвище Писе́ // Вол-

чок / у нево фамилия Волков // Манзá был жадный очен' / очен' был жадный / вот можът быт' из-за этава / там што-та означала пъ-мордофски / Манзá // Тихóй вот / у нас вот здес' ест' Тихóй // ну хитрый как тихой / фсё пътихон'ку / сам себе на уме //

Для этнически смешанного населения многих сёл Симбирского Заволжья в социальной самоидентификации конфессиональный фактор преобладает над этногенетическим, информанты подчёркивают идентичность русского, мордовского, чувашского населения. Иной тип отношений складывается с населением окрестных татарских деревень, отделённых барьером «чужой веры».

Базарно-Мордовские Юрткули (Старомайнский р-н)
Антонина Алексеевна Хохлачёва, 1940 г. р.

У нас нету безлички

Вот татары у нас / три деревни / но мы туда не касаемса // Средний Юртку́л' / но мы туда нет // касаемса вот / дружъым и фсё и // законно / не ссоримса / а замуш туда / которы уш бол'но уш такие ес' / бойкие // ретка очен' ретка // вот в русé мы эти / чувашки даже вот з'дес' ес' // робóтат' приежжали / познакомилис с нашыми ребятишкими / з'дес' осталис // оне тожэ уш стали / обрусели так жъ / как свое... // у нас большынство русский нарот //

У нас одёжы фсё по-русски // у татар вит' то обóрки то платки / носют по-другому повязана / а у нас фсё русская // у нас нету безли́чки / убезли́чки нет никакой / русская ли я мордофка ли // ничо не была личнава такова штобы вот // и никто нами не марковáл не брéзгавали / берём русских и никогда вот / вот шас / как родные // у нас драки нету никакой / бан'дицтва нету //

Русские Юрткули (Старомайнский р-н)
Михаил Яковлевич Калгоновский, 1942 г. р.

У нас паны были

— Вы русский по национал'ности?

— Нет поляк // щас я растолкую // вот з'дес' улицы / виш каки названия были? // у нас паны́ были // Мал'ко́фские Сахо́фские Долгано́фские Мира́нские Богдано́фские Быко́фские // фсе вот // эт Екътерина што л' // так шо здес' поляки // меня приежжали с телявизера-тъ / спрашивали / «Ты знаш пол'ский язык?» // кто ш ево знат / кто помнит / кто помнит как полякаф прислали // вот по фамилии тол'къ // дет и отец были поляки // или ж она ф плен забрала этих полякъф / и сюда вот в Жидя́ефку // или подарили ей / сёлы // мы жэ утносилис' в Татари́ю / вот по Ко́крят' // мы жэ я находил документы / к Казанскай губернии / потом Спасской волос'ти / какова-та уезда / вот были кода двуглавый орёл ще был / при каком царе // эт мы утносилис' ф Татари́ю //

Вот у нас и названия-та / Русский Юртку́л' / Мордофский Юртку́л' / Татарский Юртку́л' / там ишшо три села Юртку́л' / жилишшэ у озера / ета Базарный Юртку́л' / Подлесный Юртку́л' / потом Ссепной [Степной] *Юртку́л' ф Татари́и / Средний Юртку́л' / и там ишшэ ест' Крайний Юртку́л' // два мордофских / русский и три татарских //*

Большая Кандала (Старомайнский р-н)
Мария Кирилловна Беспалова, 1947 г. р.

Даже одежда отличалась

Вот я ма́лен'ка была / у нас чува́шей не была / мордва́ были / а чувашэй не была // дажы одежда / и то отличалас // наши запо́ны носили прямые такие // носили так вот / пот поясам вот носили / тол'ка вот так вот лас-

куток / а зачэм не знаю / нашы носили прямые / а они / штобы рюшка была // у них кака-та кичка былá / оне повязывалис и так / и отсюда как-та вот ещё заэ́тывали / не знаю / не буду // кичкай называли / а нашы-та вот фсегда платки носили // а зимой шáли / вот плет / натурал’ный плет // «Вон кака шал’-тъ у Марус’ки-ти / боɣата жывёт / да-да...» //

Существенная роль конфессионального фактора видна во взаимоотношениях с соседними староверческими сёлами. Отметим, что конфессиональная чуждость пришлых людей может повлиять на восприятие «чужих» как потенциально опасных, а их слов — как не заслуживающих доверия, заведомо ложных.

Крестово-Городище (Чердаклинский р-н)
Ерасов Иван Фёдорович, 1930 г. р.

Там ведь другой народ

Ну вот видиш / дажы ф сёлах разных и то по-разнаму // у нас вит’ вот в Городищах вроде одинакава // а вот Красный Яр / там вит’ / ну / другой нарот // он рускъй / православнъй жэ / но оне знаеш / староверы называюца / кулугуры / пънимаеш // и у нас потом кулугуры-т ест’ / я вет’ проста / ты пънимаеш / рускъй чоловек / хресьянúн // и фсё / я проста славя́нин и фсё / кришшонъй я / а те оне не крешоны / у них софсем другая вера / ты понимаеш / оне не хресьянскай веры // оне хресьянскай веры / а исповедают пъ-другому / ты пънимаеш / у них законы софсем другеи // он вот каждый свою посуду имет / даже вот крушку он свою фсегда / лошку свою / он её никому не даст / ты панимаеш // вот ф Красный Яр ран’шэ идёш / пит’ охота / зайдёш / «Тётя / дай попит’! // «Ест’ посуда?» / «Нет!» / «Ну иди!» / понятна? / оне не дадут своей посуды // если вот у тя ес’ чаво-нибут’ / ты понимаеш /

вот там лошка крушка / оне нальют те воды / понятно? / ф твою посуду / вот и пей из неё // староверы / оне так и называюца // а мы перекре́щеники / крещёные // а оне / я не знаю / крещёны оне / эта их нада спрашиват’ // я их веру не знаю //

Вот з’дес’ ес’ нескал’ка хлысто́ф / оне вон в дом там ходют собирают // шас вет’ / слушай / ну разных секцый шас / этъ вот наехали тут / ты пънимаеш? // а у нас зес’ вот тол’ка были / вот эт староверы / и хресьяне простые // у нас цер’кви / оне обе хресьянски / и ф Красном Яре тожэ хресьянски / ну оне в доме где-т собираюца вот / этъ вот в домах // а шас их многа / оне вон дажэ один рас ко мне явилис’ / <...> ну оне глядат / оне чаво / для чаво собираюца / шобы содрат’ // тут вет’ скол’ка одурачили людей / оголя́т // што ест’ / фсё им // оне давай там вмес’те вмес’те вмес’те вмес’те // а потом вон в газетах / по телявизъру показывают / как эт вмес’те //

В рассказах информантов о традициях, связанных с праздниками, гуляниями, актуализируется оппозиция двух временных пластов — «раньше, прежде, тогда» и «теперь, сейчас». Изменения, произошедшие за последние десятилетия в культурной сфере, социальной стороне жизни расцениваются информантами как разрушение норм коллективистски-ориентированной культуры, т. е. как изменения социальной жизни в худшую сторону. Если «раньше, прежде» бережно хранили семейные ценности, оберегали устои традиционной культуры, к труду относились как к основе жизни и высшей ценности, позволяющей человеку достичь и материального и социального благополучия, то «сейчас, теперь» происходит разрушение традиционных коллективистских устоев, уважительного отношения к знаниям старших, к труду, утрата этических и моральных ценностей.

Красная Река (Старомайнский р-н)
Уварова Анна Петровна, 1921 г. р.

Бывало не едак было

Бывало не едак было / топер’ фсё по-другому / топер’ не сходюца / а каждой семье где ни попало гуляют / каждый ден’ // а тогда так не гуляли / а ф праз’ники ток // люди роботали / и вот в бол’ши́ праз’ники фсе гуляли // вот собиралис скока / и гуляли / и Масленцу / и Рожество / и Крешшэнье / и Паску //

На Ильин ден’ не роботают / Ильин ден’ / он грозный / Илья грозный // я не знаю / а ещё мат’ была у меня / отец / этак жэ бывала снопы были вит’ / жали врушнуе / стоянки там стояли // и вот пошол дожжык / на Ильин ден’ / а он там не убрал чово-та / и пошол / пошол и / откуда ни взялса / вих’р’ такой / и сгорели фсе у нево стоянки / у этава мужыка // вот / а топер’ этава нет / отступилса Бох-та от нас // вот / а раньшэ была грешно́ // на большой праз’ник бол’шое дела не делали // вот / празнавали // а топер’ ф такой ден’ лежым / а ф праз’ник делам // эта грешно́ была / признавали праз’ники / грех была //

Красная Река (Старомайнский р-н)
Филиппов Иван Андреевич, 1929 г. р.

Мы народ бессмёртный

У нас перესто́л / вот цер’каф’ была / ялта́р’ был огромный / о! / эта на сам деле натурал’на це́р’ква // а шас чово! // фсё у́мерло / убили фсё // вот оне щас говорят / село-тъ возродят / нет! / он убитай! // мы вет’ ран’шэ вот / выйдеш на крыле́ц / гармони / балалайки / с пес’ня́ми / а щас? / а щас убита фсё / он уснул / село // вот если бы вы вот приехали ран’ше / што я застал село / посе́тки

были / ходили / клубо́в не была / а посетки // дефчонки по пят' штук / придут ко мне / пусси́те на посетки! / я пускаю их / оне сидят // и вот робята ходят з гармо́нями // можът вот по селу штук десът'–двацът' посеткаф // ходили з гармонями / подɣо́рну пели / семёнавну // щас фсё убита эта // подɣорна / эт играш и она выходит плясат' и припёват' припеф'ки // эта очен' хоро́ша бы́ла / веселилис' // семёнавна тожэ / или она вызавет меня или ково-та / дефчонка / или я её вызаву // вот так жыли //

Рожоство / Паска / потом эт Николай Угодник / Троица / вот эт фсё пра́знавали // Духоф ден' / вот за Троицэй Духоф ден' // да земли дотрагиваца нел'зя / она имянинница / нел'зя землю тревожыт' // шыли пары / фсякие / и алые / и красные / как мак цвели / эта кофта и юпка // вот дождя коли́ нету / ходили бливалис водой с ведрами / убливалис друк друшку //

Эт русска земля / она чо ни приняла // мы нарот такой / бессмёртный // нас и толочы́ли / нас и мыли / нас и фсё / а мы фсё равно воскреснем и жывём // вот доржали по д'ве коровы / свиней / гуси / утки / куры / пы́рки // мяса была во! // а семьи были десит' / двёнацат' / и пятнацат' было // вот картошку сваря́т / вот эдакъй чугун // сядут фкрук стола / покуда мат' ходит / картошъчки говрит нет / «Цопа́ла бы!» // нет ф чугуне-т картошки // отец берёт лошку, и фсе берут / и начынают ест' // ну ты претстаф' себе двенацат'–пятнацат' чоловек // эта стол был / знаш каке столы-тъ были! // весело было тогда / жыли трудно / прожывали / но весело было // а сечас живут хорошо / фсё нарядно́ / но фсё убито // не знаю чаво сталос // чово делат-та молодёш? // а тогда стон стоял / даром што голо́дны / на траве были люди / как вечэр так стон стоит // фсё было хорошо / а сечас фсё замерло //

Старый Белый Яр (Чердаклинский р-н)
Тонеева Александра Фёдоровна, 1935 г. р.

Поднять бы старых людей

Яйца катали на Паску я помню // вот з'делали этът как класы / и катали яйца // такой утира́л'ники были / у миня ещё один цэлый / и катали яйца // ф пря́тушки играли // ф погоре́лачки играли / «Гори-гори ясна / штобы не погасла / с неба звёздачки летят / кълокол'чыки звенят» // и вот друг дружку дъгоняли // да шыпка кричали «гори-гори ясна» / фсе-фсе / и бегали // ф клёки́ играли / выпилили вот такой чурбачок / и палка / и вот поставят и шшыбали / кто выиграт //

На Троицу у нас берёски рвут / я тоже рву / за налишники их / ветачки берёски / и к иконам вез'де кладу // в лес / в лес / фсе в лес // в лесу рассі́лют / я уш шас-то года мое / а молодёш-то в лес // но пи́с'неф дочка нет как ран'шы / нет / моя милен'ка / фсё у́мерло // о-ой / бывало на Масленцу на лъшадях / с кълкола́ми // да / ко́лкал привязан / лент навешают на дугу // а шас нет дочън'ка / фсё о́тмерло //

Э-эх / поднят' бы старых людей // вот шас говорят хоро́ша жыз'н' / нет дочка / не хоро́ша жыз'ня / ран'ше лучшэ была жыз'ня // ран'шы и пели / и плясали / з гармонью / то з балалайкай // на роботу едеш бывало доит' короф / едеш на машыну садисся до Красна Поля / туды с пес'ня́ми / оттуда с пес'ня́ми / вот как жыли / серцэ радовалъс' // а щас нет ничо / вот сяду я на лавочку / дажэ нет никово //

Подго́рну плясали / по́льчку танцовали / кръковяк танцовали / семё́навну плясали // припёвали «ты семён-семён / ты как лук зелён» // подгорну и семёновну плясали д'ве подрушки / я спою / там друга начынат // плясали / плясали / топали ногами // весёло́ была //

Ерыклинск (Мелекесский р-н)
Обрезкова Ираида Алексеевна, 1931 г. р.,

Вёсну провожали

Вё́сну провожали / вот эта я вот помню / гуляли // за бугорок мы провожали иё / с пис'ня́ми / с плясками / наряжалис' / кто как // мы там жыли вон / где море шас / мы ешо дал'шэ туды за бугорок провожали / с пес'ня́ми с пляскими // после Троицы в десятый ден' вот вё́сну провожают / в этат ден' вот мы её провожали // пес'ни пели / мы и частушки припёва́ли // выходили вот парой / вот я с подрушкай вышла / я свою припёваю / она свою / я свою / она свою / напляшымся / другé пуст' идут //

Святки начиналис' / ходили наря́жэны по домам / озоровали / играли / плясали / особено где вот молодёш / ран'шы вет' по домам сидели / собиралис' вот наша улица / подруги фсе пойдут ко мне / у нас цэлый девишник / и вот по этим девишникам ходили наря́жэны // ворожыли деф'ки-ти / с Рожоства до Крещения // через ворота вон съпоги кидали // куды носом покажът / ф той стороне жэних жывёт // а то вон на перекрёстак пойдёш / сюды дорога / сюды дорога / сюды дорога / сюды / вот на перекрёстак // «Полю-полю белен'къй с'нежок / где собачка залает / там мой жэнишок» // бряк на землю / где собака лает? / а она можэ нигде не лает // стало быт' нет жэниха //

Кур ловили / ночью / пойдёш на шэс'т' // вот у меня подруга одна пыма́ла петуха / вот мы / «Ба! / Нюрка / у тя и не будьт и свёкрови!» // правил'на / у неё и нé была свёкрови // один тол'ка свёкр был // а если курица / какая свёкроф' будет / «Те-те-те-те!» / и вот раскудахчэца / «Батюшки! / какая свекроф'-та нехоро́ша!» // озоровали / как же / шутили / смеялис' // эта ис прошлова фсё бралос' //

Ходили славили на Рожество / денек давали / обязател'на денек нада / мы с братом пошли ма́лен'ки / я помен'шэ / он побол'шэ / он не смет // а он меня пус'тит в дом-тъ / гаварит / «А ты и на меня проси!» / а нам и дали по куску пирога съ свёклай / а денек-та не́ дали / обидна // денек давали на Рожоство / ходили славили // ну пъ своем родным ходили // поют / «Рожэство твоё Христе Божэ наш / воссияй мирови свет разумом» / и вали айда во фсю // кто пили / а я вот нет / мы не пили //

В рассказах о традиционных праздниках и играх в определённой степени сохраняется обрядово-фольклорная составляющая (игровые формулы, песни, считалки, ролевые слова). В воспоминаниях информантов присутствуют как игры обрядового характера: хороводные и «посиделочные», такие как *шабрики*, *слепая сковорода*, *кучки*, *чижиком*, так и бытовые, уличные игры для детей и подростков, подвижные игры соревновательного характера.

Старая Майна (Старомайнский р-н)
Зинаида Семёновна Воробьёва, 1930 г. р.

Поседки

Ран'шы были вет' / сидели вечора // сидели вит' ночами / посе́тки были назывались' / посетки // там можът три–чътыре дефчонки собёруца сидят / к ним парни ходют // можът с гармошкай при́дут / можът з балалайкай при́дут / плясат' можът пет' будут // а фсе дефчонки идут туда с роботой / с вязаньем / ил' вязат' / ил' ешо што-нибут' делат' // эт назывались' посетки / на посетках были // танцэват' мы не танцэвали на посетках-тъ // там бол'шынство плясали // подго́рну плясали / семёновну плясали / цыганочку плясали вот / кто с парнем дружыца плясат' // семёновна / подгорна эта частушки / семёновна-семёновна / тебя поют вез'де... //

На горе хоровод водили // хороводом мы / вот фсе кру́гом ходили пели // не танцовали не плясали / а хоровод водили // одна заводи́ла ест' / одна запевала какая-та вот // запёват и вот поют // тогда вет' оне тянучи пес'ни-тъ были / приятны //

На Троицу у нас ф Краснай Реке была / фсе люди взрослы / идут на кладбище / тогда наряжалис' / тогда наряд была розова можът кофта и розова юпка шыро́ка / можът на ней три юпки штобы была шыршэ / вот пойдут на кладбища // на кладбищах побудут / у нас ф Красной Реке ест' гора / и на эту гору / и там уш вот поют и пляшут / тонцуют / там и гармошки / там и балалайки // эт на Троицу / на горе отмечали этат праз'ник // тогда вит' фсе какеи-то песел'ники были / какие пес'ни старинны хоро́шы пели / сечас вот гляжу гуляют / ни пет' ни плясат' не умеют / пьют-ядят / пьют-ядят //

Ерыклинск (Мелекесский р-н)
Обрезкова Ираида Алексеевна, 1931 г. р.,
Обрезков Александр Николаевич, 1935 г. р.

В клёк играли, в тиж играли

Ф клёк играли / ф тиш играли // клёк вот нарисуеш крук / квадратный / и ставиш клёк / клёк проста чушка кверху заострёна // у каждава палка / дубинка // один ва́дит / вот стоит у этава / а кто эт кидат / клёк эт вышы-ба́ т / и бежыт / этът бежыт за клёкам / а этът бежыт за палкай штоп у ково-та если / он ево заклёкат если / как заклёкат ево / он водит' будет //

И тиж эдак же / тиш / кол вбивают в этат жэ / и ставют муху / тоже палка / и вешают её на эдакъй / как крючок / и вот сшыбаш тожэ палками // а ф тиш / эта на кули́ бегает / во́дит // если будеш водит' / тя замучают / нада вот ему бежат' скока там на кули́-и-и / куды улетит тиш / тиш ево палкай вот так вот поднимаш / и бьёш

по этаму тижу / а куда он улетит // куда улетит / и ты бежыш кричыш «На кулú!» // и до тех пор кричыш / пока не добежыш // не добежал до этава / опят' кладёш тиш / опят' тебя школя́ют этай палкай / до тех пор как прибежыш на места //

А дефчонки в мячы играли / мячэй у нас не была / ис шэр'сти / ис коровьей шэр'сти натрёш / с мылам наваляют вот / мячык вот такой вот / играт // а то мама мне шыла с тряпья / и вон оп конёк ево стукнеш / пымáш / а тут-та он не-тлёта́т / но нет / тогда нам негде была / и нé на шта была купит'-та тогда //

На Пасху шышкú были / ф кýчки играли // на землú вот кýчък наделаш / и вот ходиш ф подол яйца-тъ воз'мёш / по этай земле-т прыгаш / прячэш яйца-ти // на каждава чэловека две кучки вырыт' / если шес'т' чэловек играет / двёнацат' кучък делают / в эти двёнацат' кучък кладут шес'т' яиц // д'ве кучки тебе вырыт' / вот или она пустых вырыт или с яйцами вырыт // и проигрывают яйца-тъ / принесут подол и проиграют йих //

А шышкú катали / скол'ка их клёкоф-тъ? // чэтыри рядá / чэтыре на чэтыре скол'ка? / шыснацат' // вот чэртят / и вот эти клёкú ставют / а шаром шшыбали // скол'ка шшыбёш / стол'ка яиц воз'мёш // а не шшыбёш / не воз'мёш // клёк он вот такой круглый / и вот такой вот ужынá / а конец-та опточэный // для игр / а потом / кто прятал / а когда и сожгут //

Описания свадебного обряда в Симбирском Заволжье отражают достаточно устойчивое сохранение некоторых значимых символов этого обряда (и соответствующих лексических обозначений): *сад*, *куст*, *цвет*, *ярка* (невеста), символических ролей участников обряда (*дружка*, *князь*, *княгиня*, *бояре*, *казначейка*). Некоторые элементы свадебного обряда (и соответствующие обозначения обрядовых действий) до сих пор весьма устойчивы в исследуемых говорах, прежде все-

го это всё, что связано с символическим выкупом невесты, а также с одариванием друг друга молодыми и новыми родственниками и гостями.

Старый Белый Яр
Кишенина Мария Николаевна, 1951 г. р.

Я вот ходила деверя сватать

Спервá идут к невес’те сватают / с хлебам-сольью / приходют / оне ужэ ждут / стол накрывáш // я вот ходила деверя сватат’ / «Сваха / привет!» / я говорю / «Разрешыте я у вас пъхозяйничаю! // дайте мне с’вечку!» // с’вечку зажгла / мы ссвоим хлебам пришли / пока с’вечка горела / «Ну чо / давайти знакомица! / давайти мне булку хлеба!» / она хлеп даёт / я начынаю ево ломат’ / хлеп // «Сваха / вот / говорю / как эт хлеп не приставиш / так тепер’ твою дочку не приставиш / она тепéрича наша бýит» // она смеёца / «Нет / ешо не ваша! // когда вот роспишуца / увезёте вы её / тода буит ваша / а тут уш пока наша!» // и начинам вино наливат’ / знакомица // а потом чай идут / конёк глядет’ / к жэниху // «Айдáти конёк посмотрим!» / как жэних жывёт //

А перет свад’бай / прúдано носили / йим в дом / в дом жэниха // оне давали веник оттуда / духи / штоп парица / штоп невесту деф’ки попарили в бане / мыла кусок / духи и веник / перет свад’бай // ф чет’верг вечэрам прúдана носили // а ф пятницу свад’ба //

Я выходила / вот репъú / што у нас ест’ / ево полностью убдираш / и наряжаш лентами // ран’шы косы-ти заплетали / ленты были атласны / и вот полностью ево наряжаш / с этим цвятком едиш / жэних приежжат ево выкупат // невеста должна была эт цветок делат’ //

Картошку тушыли и пъдавали / халодец делали / и убязател’но шшы // вот как оне погуляли у жэниха / мы идём

фсе к невесси / шшы ест’ // мат’ вытаскъват чугун / оне садяца шшы вечером едят ешшо // «Айда́ти шшы ест’!» //

У жэниха первый ден’ откланяюца / фсё / утрам фстают ярку ищут / наряжаюца ярку искат’ / наряжаюца и цыганкай и фсем / кто ф чом нарядица // во фторой ден’ идут к невес’ти в дом / там гуляют // курицу ловили / у невес’ти нада курицу пыма́т’ // приходиш ей башку крутиш // отрубаш / щипа́м / пали́м / и давай суп варит’ из этай курицы //

Старая Майна (Старомайнский р-н)
Зинаида Семёновна Воробьёва, 1930 г. р.

Как свадьбу играли

Сваталис / сватъя́ приходили / жэниховы / сватат’ невесту приходили // обязател’но приносили каровай хлеба и чет’вер’т’ съмогонки / трёхлитрову // а потом делали девишник / жэних с невестай сидят ф переднъм углу / фпереди / а тут караводом играют деф’ки / поют пес’ни девишънски // потом накануне-т вот с рубашкими приходили / приносили жэниху рубашку // завтре свад’ба / невес’тины вот приходили деф’ки / оне назывались’ казначе́йки / оне значът на девишник ходили събирали девак / ни то што / кто не попа́ло пришол / нет / ходили събирали девак // а потом вот накануне топили баню деф’ки / невесту значът ходили с рубашкими / пойдут с рубашкими к жэниху / рубашки оне утнесут жэниху / жэних даст мыло / веник / оне приходют / и невесту в баню уводют // вот вымоют нын’че невесту / фсё / а зафтра уш невесту събирают // съберут стол / зимой если / на стол принесут ёлку / на стол поставют / наря́дют её / из бумажък фсяких нарежут / верёвок фсяких / наря́дют эту ёлку / свадебный сат / а летам берёзу / тожэ наряди́т’ нада // вот когда за невестой жэних приежжат / невесту откупат / откупит невесту / и сат ссобой забирает / уежжает / и вёзут

к жэниху туда / поест звали / идёт он три / можэ чэтыре ло́шаде / нарядный с калкола́ми / и едут в сел’совет // ф сел’совет приедут / ф сел’совете роспишут их / и прям вёзут к жэниху // потом значит друшка с полдрушкъй жэниховы едут к невес’те обратно гос’тей приглашат’ // тогда уш невес’тины родня идёт к жэниху // ден’ гуляют у жэниха / другой ден’ у невес’ти // неделю можът гуляют // потом по гостям брали / вот / мое родные / это вот невес’тина родня / ну оне за ден’ в два-три дома сходют // ран’шэ бол’шэ гуляли но как-тъ / веселее // друшка эта жэнихоф мож дядя / старшэ / повесят ему вот так полотенцэ / друшкай назывался // вино разливали-пили однем стаканам //

Красная Река (Старомайнский р-н)
Уварова Анна Петровна, 1921 г. р.

Топерича по-другому, по-бывалышному ничево нет

Я вот выходила замуш / д’ве недели был у меня девишник / вот поют играют / чы́жыкам пляшут / пот гармон’ пляшут / фсё / поют пес’ни // поют пляшут / глядел’щикаф полно́ будет / полна́ изба / так нарот идут / глядят // жэних / жэниха угошшаш / кон’чица девишник / уйдут фсе / ну кто устаёца вот / родня можът жэниха / там / можэ брат там / ишо можът кто / там подруги каке́ / можът бли́жни / и вот угошшаш / самовар ставиш / стряпаш / заране утром / настряпаш што нада / пресну́шък наделаш там / ишо чово / и угошшаш / вино ставиш / вот угошшаш / жэних с невестай сидим / вот угошшали / а топер’ нет этава //

Когда замуш выходиш / кланяюца / и топер’ эдак кланяюца / и тогда кланялис // ну тогда ит’ мало давали / мало софсем мало / там можът што там / пят’ копеек кто даст там чово / кто кусочък мыла / кто можът курицу подарит’ / кто гуся // тогда не была денег вит’ //

Я сижу пряду и жэних около меня сидит / на посетках / там пришли к нам ёво сро́дны / сватъя́ / ну а мы сидим / на посетках // прибёгат одна / из родных / из йихних / «Чо сидите? / айдате! // вас ждём!» // мы пошли / жэних с невестай / и зошли / родны сидят: / «Вы где?» / и ф чулан / топер' кухня называца / а тогда чулан // ну вот чулан зашли / вот собират мат' моя / стол накрыват / и вот они вино ставют / а мы чулане стоим оба // ну вот оне сели фсе вино наливают / нас вызывают / «Выходите» / подают нам вина / мы не сидим за столом а / стоим // подают ёму рюмку и мне рюмку // спрашывают / «Ну как / пит'?» / вот спрашывают меня / «Идёш замуш?» / и я утвечаю «Иду!» / «Пит'?» / «Пейти!» / а жэниха спрашывают «Ты как / берёш?» / «Беру!» / «Пит' что ли вино?» / спрашывают / «Пейте!» // вот и начынают вино пит' //

Топерича по-другому / по-быва́лышнаму ничэво нет // топерича ничэво / а ран'ше занавески вешали / при́даное готовили / посте́лю / посте́л' надо готовит' / с пос'те́лей поедут / пос'тел' пръдают // вот приежжают ут невесты с пос'тельью / к жэниху вёзут / койку вёзут / там матрас / перину подушки / и там ря́дюцца / купа́йте // вот купай у меня / вот перина / койка для дитя так / фсё хорошэе / вот им нахваливаш / но оне вино вынесут бутылку / вот продали / и за стол / потчэвают за столом // с рубашкими ходили / накануне сват'бы нёсут трусы / нёсут майку / рубашку // занавески вешают // бывало перчатки давали //

Сат у нас / ёлку наряжали / назывался сат // вот приежжают друшка с полдру́шкай и сваха / вёзут пирок / и вот оне продают этът сат / невесту выкупают жэ // жэниха за стол не пускают / деф'ки продают // сидит пацан / мален'къй / годикоф эдак чэтыре пят' шэс'т' / стучит скалкай оп стол / «У моей сестрицы по рублю косица» / кричыт / тожэ яму дают ден'ги // дефкам пи-

рок там иле / ден’ги / за скол’ оне продадут невесту / за ден’ги / и пирок // а потом оне пес’ню поют / так оне пели / «Рожу-рожу тебе сына / как белава сыра // рожу-рожу тебе дочку / как белую лебётку» // и вот за эту пес’ню пирок дают // а когда невесту к жэниху привёзут / там тожэ за стол сажают / угошшают йих / и дают невес’те робёнка / умеш ли ты нян’чыт’ / вот она берёт ево тютю́шкай / даёт невеста подарок этъму робёнку //

Бывало у невесты не платья́ такие были а па́ры / юпка да кофта / этъ называлас’ мордо́вушки / надёва́ли вот юпку дли́нну и кофту такую // называлас’ пара // на голову невес’те надевали увал’ //

Дружка эта дядя жэниха / или брат // столы стоят / между столоф стаёт вот этът дружка / на столе стоит вёдро́ с самогонкай / наливат он один стакан / однем стака́нам фсех обходит // ну а полдру́шка эт помошник этъй дружки // дружка ста́ршэй / а полдрушка фторой / млатшэй //

Ерыклинск (Мелекесский р-н)
Горбунова Пелагея Павловна, 1932 г. р.

Невеста всех дарила

Ёлачку небал’шую наря́дят её фсю / и цветочки делали / своем / из бумаги / ставили на стол // вот завтра свад’ба / а нынешний ден’ значит последний вечер / дары эт назывались’ / эт дары были / и вот идут с жэнихом / жэних тожэ двух свах ведёт // эт перет свад’бай заранее / дефчонки / подруги / фсе-фсе / эт на девишнике садяца за стол и поют пес’ню / подрушки /

Как во тереме свечи́ горят /
Во высоким ясным те́плица /
Как например Верачка дары шы́ла /
Дары шыла гор’ка восплакивала /
Разродима ты моя матушка /

Родимый ты мой батюшка /
Уш вы не чаялис’ как збыт’ меня /
Уш вы збудите и прово́дите /
Не водну меня а со свахами // вот //

Вот нынче дары / а зафтра свад’ба // невеста всех дарила / ребятам рушные платки / вышывание / д’ве свахи / дру́шки там платок / свахам там мош по кофте / можэ чово дарила да // сажали за стол и всех дарили-угошали / и невеста с жэнихом сидели / а потом уш на фторой ден’ свад’ба // и этат куст так и стоял до последнева / ево ещё к дуге привяжут / с колокол’чикам едут //

За невестай на паре на лошади / санки специал’ные / да наря́дят дугу / обря́дят со свахами / у жэниха д’ве свахи / у невес’ти д’ве свахи / кучер осо́бе / санки специал’ны были расписные / на паре // да мало таво / ззади ещё лошади три–чэтыри едут / свад’ба-та это / по́ест / поест едет //

Дружка начинат / «Пелагея Павловна / или там Алексей Иванович / кланяеца вам княс’ новобрачный / княгиня новобрачная / за то што вы пришли в дом / вы бояре / рюмошку примите / блюдечко посеребрите / не рублём да не полтиною / золотой казной гривною / ес’т’ ли нет ни / телёначка / ягнёначка / а можэ сви́нью дадите» // вот так дружка на свад’бе / пока кланяюца а не так / кто как мок //

Важный этнокультурный компонент содержат в себе тексты-описания погребально-поминального обряда. Об этом свидетельствует устойчивое сохранение традиций народного православия, что отражается и в особой лексике (*милостыня*, *подорожный*, *жертвенник*, *канун* и др.), и в существовании «института читалок», которые осуществляют молитвенное сопровождение похорон, поминок, а также некоторых христианских праздников. На похоронах читают не только канонические молитвы, но и народные духовные стихи, читать могут не только женщины, но и мужчины.

Старый Белый Яр (Чердаклинский р-н)
Тонеева Александра Фёдоровна, 1935 г. р.

Это чай по-Божьи

Вот приходили / «Мир вашему дому!» // а утвечали: «С мирам божъим!» // вот говорят / «Бох помощи! / Добрава здоровъя!» / а она / «Спасёт вас милас'тивый Господи!» // эт чай по-Божъи / я тожы вит' в Бога верую / я хожу молюс / чытаю покойникам // ф кануни я фсе пес'ни наизуст' знаю / я их не чытаю / а пою // и коронют чытам / дивятый ден' чытам ходим обет / ф сърковой ден' / по́лгода / гот / у нас до́ года делают / по́лгода / гот // приходим утрам / оне говорят / «Мир вашему дому!» / «С мирам Божъим!» // с'тихи начынам чытат' / «Сичас хожу я мима дома / родные видят ли меня / взойду-взойду я в дом родимый / взойду я Богу помолюс // я знаю здис' обезгодо́вит / хотят миня з'дис' помянут' / зажгуца в доми фсе лампады / миня з'дес' будут поминат' / зажгуца свечи въсковые / мне будут з'дес' канун чытат' // и фсё я вижу / фсё я слышу / как по мне помин идёт / прошу я вас мое родные / прошу не плачте обо мне / ешо прошу вас я родные / молитес Богу обо мне» // «Крес тяжолый / крес тяжолый / нету сил ево поднят' / но нести ево вит' нада / в нём господня благодат'» // у миня многа таких стихоф // вот мы их поём фсе / с'тихи // а потом начынам сёмнацатый чытат' и канун // вот / канун прачытам / садимса обедат' / а за столом поём мы // «О святые иконы твоея / о владычыца Багородицэ / исцэление подающая обил'на / с вераю и любовию приходящий к ней / то-окмо немощ мою посети / и душу мою благослови / благая / и тело моё исцэли / благодатию твоею Причыстая» // эт вот за столом поём / когда пъдают свечку / булъчку // а кушат' / если пост / там посно // кода коронют / ставят кутью //

А праз'ники я дома фсе чытаю / у меня канун и Благовешшэнью / и Вербну / и Паски / и Троицу / у миня фсе кануны / я фсе их чытаю // а если родитил'ска субота / там троицко-родитил'ска / я чытаю дома / у миня канун оддел'на об усопшем вот / я чытаю / и у миня вот хто милосты́ню носют / у миня листочки поминаний / у миня вот чытыри или пят' поминаний / я их чытаю / родитилей поминаю фсех // до сорок дней пъминаца новопреставленый / а посли сорока дней / присноприминаемый // вот я фсё по-Божъи / дочка / знаю // сама главна с'вечку / хлеп / ну там хто канфетачку / печэньицэ поло́жът / а ден'ги нет / мы не берём // нам дорога́ с'вечка и хлеп кусочък / вот по-Божъи / дочън'ка //

Старый Белый Яр (Чердаклинский р-н)
Лисина Валентина Федоровна, 1941 г. р.

У нас были читалки

У меня баушка была верушша // ф праз'ники вот она никогда ничо не делала // ну праз'ники-ти / вот она / Ильин ден' / Паска / Рожэство / там вот нынчэ Петра и Павла / она бы нипочом ничэво / она по гос'тям ходила // как праз'ник божэственный / баба́ка у нас ничо она // к куме пойду схожу / навешшу́ // ну баушки старен'ки были / оне молилис' / в одном доме вот собиралис' молица к Паске / к Рожэству / ф Покроф ли чово ли // ну нам вот не́коли / у меня сосетка божэсвенна говорила: / «Валя / а ты мале́н'ко заходи!» // а коли́ Вале заходит'? // не́коли было ходит' //

У нас были / можэ / и в этим концэ чыта́лки / и там чыталки / оне стихи пели // вот оне пришли например чытат' к гробу / оне до чытания начынают стихи пет' / какие знают и вот стихи поют / а потом оне начынают чытат' семнацт' акафизмы и канун // это у них книшки ест' / оне по книшкам чытают // тогда книжък не была /

у них у фсех бы́ла списана // а списавалас как / от старых деф // у нас зес’ были старые Кулико́вы девы их звали / а у них кто-та когда-та ещё в нашэй цэр’кви служыл / то ли дедушка то ли баушка то ли можэ кто-та поп был / и вот от них эт фсё была списана / на тетрадачках фсё / тетрадачки берегли и по ним чытали // вот я ма́нен’ка была / ф сорок первам году оне ужэ в войну //

В данной статье приводится небольшая часть подборки текстов, отражающих уклад жизни в сёлах Симбирского Заволжья. В дальнейшем предполагается опубликовать полный объём материалов, характеризующих хозяйственную деятельность, бытовой уклад, традиции и обычаи жителей этого непростого в этнокультурном отношении региона.

Литература

Вежбицкая А. Культурно-обусловленные сценарии: новый подход к изучению межкультурной коммуникации / Пер. О. Н. Дубровской // Жанры речи. Вып. 2 / Отв. ред. В. Е. Гольдин. Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. С. 112–132.

Мызникова Я. В. Левобережные говоры Ульяновской области как маргинальный ареал севернорусского континуума // Севернорусские говоры. Вып. 14: Межвуз. сб. / Отв. ред. А. С. Герд, Е. В. Пурицкая. СПб.: Нестор-История, 2015. С. 59–71.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 359–366. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201829

Фонетические и словообразовательные особенности говора села Красный Лог Аннинского района Воронежской области

Л. В. Недоступова

В статье представлены фонетические и словообразовательные особенности народного слова, выявленные в речи жителей села Красный Лог Аннинского района Воронежской области. Рассмотрены интересные с точки зрения современного состояния говора языковые явления: аканье, яканье, иканье, утрата начального гласного и согласного, появление протетического [j] в начале и в середине слова, замена этимологического [ф] на [х], [хв], упрощение групп согласных или отдельных согласных, диссимиляция согласных по способу образования, а также случаи перетягивания ударений. Отмечены особенности словообразования краснологгского диалекта: лексические единицы приставочного (префиксального), приставочно-суффиксального (префиксально-суффиксального) и суффиксального образования; объяснены причины их образования. В результате работы определены основные черты краснологгского говора, которые помогают получить представление о его современном состоянии. В них отражена своеобразная картина мира сельского человека.

Ключевые слова: современные условия развития, народное слово, речь старожилов, номинаторы, диалектоносители, фонетические и словообразовательные особенности, черты говора.

Изучение «живой» народной речи в современных условиях развития национального языка является определённой необходимостью.

Диалект часто разрешает языковые проблемы, связанные с изучением языка и речи в условиях повседневного общения. Современный русский язык отражает непростые явления, происходящие сегодня в обществе. Миграция населения

накладывает свой отпечаток на состояние и развитие литературного языка. Результатом этих явлений становится пересечение разнородных языковых пластов: литературный язык и диалекты, просторечие и функционально-стилистическая языковая норма. Диалектная норма становится более пластичной, проникая в литературную норму. Острота восприятия диалектных языковых явлений сглаживается [Высотский 1948: 86–87].

Предметом данного исследования стало народное слово в речи старожилов села Красный Лог Аннинского района Воронежской области.

Целью работы является выявление некоторых фонетических и словообразовательных особенностей народного слова краснологцев, представляющих интерес для учёных-диалектологов, и определение основных черт исследуемого говора.

Языковым материалом данной статьи является речь представителей старшей возрастной группы, возраст которых составляет 75–80 лет. Записи произведены в 2017 г.

Посёлок Красный Лог Аннинского уезда Бобровской волости Воронежской губернии основан в 1881 г. на государственных землях выходцами из села Дерябкино. Расположен в 131 км от областного центра и в 46 км от районного центра. Первое название местности — Новая Дерябка. В 1910 г. в столицу к царю с просьбой об открытии церкви и переименовании посёлка была послана делегация во главе со старостой. Разрешение было получено. В 1911 г. была освящена Архангельская церковь, посёлок переименован в село Красный Лог. Одни старожилы утверждают, что своё название местность получила за особую красоту, другие говорят, что здесь было очень много логов с красной глиной. В народе бытует и легенда о том, что первые переселенцы увидели огромные луга, усыпанные красной земляникой, именно отсюда пошло название населённого пункта. В 2000 г. здесь проживало 400 человек, в настоящее время — около 250 человек. Инфраструктура представлена церковью и магазином.

Постепенный отток населения, выезжающего в близлежащие местности с целью трудоустройства, свидетельствует о том, что основная масса теперешних жителей — пенсионеры.

Обратимся к рассмотрению фонетических и словообразовательных особенностей речи жителей с. Красный Лог, выявленных путём непринуждённого общения.

Фонетические особенности

В говоре используются те же гласные фонемы, которые есть в литературном языке, при этом в системе безударного вокализма выявлено недиссимилятивное **аканье**: [***а**бдира́л*, ***а**ц**а**ни́л*, ***а**тца́*, *ж**а**ни́х*, *ж**а**ле́за*, *к**а**р**а**ле́ва*, *м**а**ло́шнай*, *пр**а**в**а**ди́ли*, *с**а**бе́*, *ч**а**во́*, *ч**а**ты́рнацать*, *нич**а**во́*, *х**а**л**а**де́ц*][1]. Зафиксирован единичный случай **оканья**: [*лапа́тай ры́ли ɣаро́ды и па кусо́чку с**о**жа́ли, карто́шку с**о**жа́ли*]. Это явление носит, естественно, остаточный характер, и связано оно с заселением местности и сохранением некоторых черт материнской фонетики диалекта. Сильное **яканье** представлено достаточно широко: [*з д**я**тьми́*, *кис**я**лём*, *саб**я**ру́ть*, *с**я**ло́*, *с**я**стры́*, *пам**я**ну́ть*, *п**я**клú*, *па**я**да́ли*, *цв**я**ты́*, ***я**му́*, ***я**ɣо́*]. **Иканье** устойчиво: [*бир**и**ɣа́м*, *д**и**вя́там*, *див**и**тна́цать*, *м**и**сца́*, *н**и**ве́ста*, *н**и**ве́ска*, *н**и** да́ли*, *н**и** по́мню*, *н**и** дай Бо́х-та*, *прив**и**зла́*, *см**и**та́на*, *ч**и**тьвёрку*]. Выявлено фонетико-морфологическое явление — произношение [*о*] в корне -*плат*-: [*ей чаво́й-та запл**о́**тють*].

Наблюдается **утрата начального гласного**: [*ла́душки*, *ла́дьјі*, *ɣаро́ды*]. Р. И. Аванесов объясняет причину данного явления: «второй предударный слог во многих южных говорах настолько ослаблен, что при благоприятных условиях редукция гласного в нём может дойти до нуля» [Аванесов 1949: 60].

Отмечены случаи **утраты начального согласного**: [*за яво́*] — за него, [*па ём*] — по нём.

[1] В статье используется упрощённая транскрипция.

Отмечена утрата гласного во втором слоге в приставке *пере-*: [*кусо́чка хле́бушка ни да́л*, ***пир**бива́лись са́ми*].

Звонкий заднеязычный согласный звук [*г*] имеет **фрикативное образование:** [*атɣуля́л*, *виниɣре́т*, *ɣас*, *ɣато́вють*, *ɣадо́ф*, *ɣарива́ла*, *ɣарю́чие*, *ɣо́лат*, *ɣлато́к*, *ɣуля́ли*, *де́ньɣи*, *друɣа́я*, *па бириɣа́м*, *паɣляжу́*, *самаɣо́н*, *сыɣра́ли*, *фля́ɣи*]. В конце слова [ɣ] оглушается в [*х*]: [*фля́ɣи* — *фля**х***, *де́ньɣи* — *де́не**х***].

Выявлены случаи использования [*ў*] неслогового на месте [*в*]: [*де́**ў**ками*, ***ў** Ни́жним Но́**ў**ɣаради*, *ɣадо́**ў***].

Наблюдается **замена** [*в*] на [*у*] на месте предлога и в начале слова: [***у** ɣо́рат*, ***у** Варо́нижи*, ***у** пуки́*, ***у** пийся́т*, ***у** сту́пки*, ***у**ну́к*, ***у**се́*, ***у**сё*, ***у** хрясты́*].

На месте этимологического [*ф*] отмечены замены на [*х*], [*хв*]: [***х**ронт*, *тили**хв**о́н*, *кань**хв**е́ты*, ***хв**ата́*, ***хв**ато́ɣраф*, *тор**х***, *ша**х**ёрам*]. Данное явление достаточно часто встречается в воронежских говорах.

Имеют место случаи **замены** [*к*] на [*х*]: [***х**рясты́*, ***х**то*, *ни**х**то́*].

Аффрикаты [*ц*] и [*ч*] различаются: [*апща́и**цц**а*, *а**ц**ани́ть*, *два́**ц**ать*, *кале́**ц***, *ко́ль**ц**ы*, *мис**ц**а́*, *ате́**ц***, *пятна́**ц**ать*, *сва́та**ц**а*, *трина́**ц**ать*, *три́**ц**ать*, ***ц**вяты́*, *до́**ч**инька*, *Ма́ни**ч**ка*, *за**ч**а́ли*, *му́**ч**илась*, *ни**ч**аво́*, *ны́н**ч**а*, *о́**ч**инь*, *хатёна**ч**ки*, ***ч**аво́йта*, ***ч**аты́рнацать*, *читьвёрка*, ***ч**итырёх*, ***ч**ита́лка*].

Звуки [*ж*] и [*ш*] твердые: [*атслу**ж**ёнай*, *да́**ж**а*, *и**жж**а́рила*, *кру**ж**ан**ж**е́тавая*, *за́му**ш***, *каду́**ш**ка*, *ка́**ш**а*, *лап**ш**а́*, *сна́**ш**ивали*, ***ш**и́фир*].

Выявлено отвердение мягкого шипящего: [*и**шш**о́*, *кла́дби**ш**а*].

В речи респондентов наблюдается появление протетического [*j*] как в начале, так и в середине слова: [***j**их*, ***j**он*, *при**j**изжа́ють*, *памина́**j**им*]. Скорее всего, рассматриваемое явление объясняется необходимостью обеспечить плавность речи носителями говора.

Зафиксировано появление вставной гласной при стечении согласных: [*п**а**салты́ръ*]. С. И. Котков указывает на то, что «вставка гласных происходит чаще всего в соседстве с сонорными, а также между губными согласными» [Котков 1951: 101].

Распространены явления **удлинения конечного слога** [*дите́й не́т**у**, пато́м**ача** э́тат виниɣре́т ɣато́вили*] и **удлинения основы слова** [*а е́**же**ли не́ была, пло́ха памина́ли, мы у пуки́ сна́шивали*].

Кроме того, нами зафиксированы следующие черты говора — **родительно-винительный падеж** местоимений на *-е*: [*у мине́, мине́, у тебе́*] и **родительно-винительный падеж** существительных на *-у*: [*з ɣо́лад**у**, на кла́дбищ**у**, про́с**у***].

Имеют место случаи **упрощения групп согласных** или **отдельных согласных**: *бо́ли* — больше, *бува́я* — бывает, *зараба́твать* — зарабатывать, *же́нисси* — женишься, *нима́им* — нанимаем, *пийся́т* — пятьдесят, *распи́сваца* — расписываться, *тада́* — тогда, *чё* — что, *шийся́т* — шестьдесят, *щас* — сейчас и др.

Говору свойственна диссимиляция согласных по способу образования: *ни**х**то́*, ***х**то́й-та.*

Отмечена аллегровая форма: *хазя́я* — хозяева.

Словообразовательные особенности

В результате анализа языкового материла становится очевидным то, что номинаторы образуют новые слова, используя общерусские словообразовательные элементы. Однако эти лексические единицы имеют определённые диалектные черты. Так, нами отмечены слова **приставочного (префиксального) образования**:

— приставка *за-* на месте *на-*: [***за**ча́ли жить*], [***за**ступи́л ɣо́лат*];

— приставка *за-* на месте *с-*: [*штоб **за**хватаɣрафи́рвать сваю́ мо́ладасть*];

— приставка *па-* на месте *у-*: [*мно́ɣа па дире́вни* ***па****мярло́*] и др.

Самым сложным способом (методом) образования слов является **приставочно-суффиксальный**:

— с помощью приставки *воз-* и суффикса *-а*: [*мы* ***ваз****раст****а́****ли с ма́тирью тро́я*];

— с помощью приставки *за-* и постфикса *-ся*: [*брат и две сястры́ пришли́ сва́тацца,* ***за****сва́тали****ся***];

— с помощью приставки *на-* и постфикса *-ся*: [*эт* ***на****зыва́ла****ся***];

— с помощью приставки *по-* и постфикса *-ся*: [*ани́* ***па****ла́дили****ся****,* ***па****жани́ли****ся***];

— с помощью приставки *с-* и постфикса *-ся*: [***с****равня́ла****ся*** *чаты́рнацать лет*];

— с помощью приставок *по-*, *ис-* и постфикса *-ся*: [*вот как лю́ди* ***па****исхуда́ли****ся***];

— с помощью приставок *рас-* и постфикса *-ся*: [*мы* ***рас****писа́ли****ся***];

— с помощью приставки *от-* и суффикса *-ён*: [*муш па- па́лся* ***ат****служ****ён****ай*] и др.

Перечисленные лексемы свидетельствуют о многообразии сочетания различных префиксов и суффиксов, благодаря которым язык селян становится богаче и красивее.

Самым распространённым способом образования в говоре, как собственно и в русском языке в целом, является суффиксальный. Причём им образуются разные знаменательные части речи. Зафиксированы интересные примеры слов **суффиксального образования**:

— с помощью суффикса *-л*: [*я ни по́мню штоп ко́льцы хто куп****л****я́л*], [*щас усё куп****л****я́йим ис пасле́днива*];

— с помощью суффикса *-ива-*: [*мы у пуки́ сна́ш****ива****ли*];

— с помощью суффикса *-а-*: [*вид****а́****ть бы́ла*];

— с помощью суффикса *-я*: [*бува́****я*** *и па дивяно́ста чилаве́к на по́харанах*];

— с помощью суффикса *-ича*: [*типе́р****ича*** *пра сва́дьбу*];

— с помощью суффикса -*ств*: [*вся ра**цтво́***];

— с помощью суффикса -*иj*: [*свякро́в**ия** мая́ карто́х иж-жа́рила, с свякро́в**ией** пражила́*];

— с помощью суффикса -*оча*: [*пато́м**ача** э́ти щи ɣато́вили*];

— с помощью суффикса -*очк*: [*хатён**ачки** бы́ли ма́линькии пат сало́май*];

— с помощью постфикса -*ся*: [*аста́ла**ся** з двумя́ де́уками, мы аста́ли**ся** де́ти вайны́*];

— с помощью постфикса -*си*: [*ате́ц ни вярну́л**си***].

Кроме того, в говоре, как и в южнорусских диалектах, отмечено окончание -*ов* у существительных в родительном падеже множественного числа: [*ни ко́льц**аф** не́ была у нас, виниɣре́т**аф** фся́ких наɣато́вють*].

Интересным является и факт замены в речи диалектоносителей *г-* на *и-* в начале слова и увеличение основы за счёт -*й*: [***и**де́**й**-та, чаво́**й**-та*].

Таким образом, в ходе рассмотрения исследуемого говора с точки зрения фонетики и словообразования мы пришли к выводу о том, что он в основном носит черты южнорусского наречия. Его особенностями являются: недиссимилятивное аканье, сильное яканье, «г» фрикативный, «у» неслоговой, звуки [ж] и [ш] твёрдые, родительно-винительный падеж местоимений на -*е*, родительно-винительный падеж существительных на -*у* и ряд др. Однако имеются случаи перетягивания ударений в глаголах — особенность среднерусских говоров: *про́жили* — прожи́ли, *памерли́* — у́мерли, *при́дуть* — приду́т.

Полагаем, что краснологский говор представляет научный интерес, поскольку содержит интересные в лингвистическом плане фонетические и словообразовательные особенности. Язык селян в современных условиях — явление развивающееся, в нём происходят разнообразные процессы, он постоянно обогащается. Ценность рассматриваемого говора

для современных исследователей не подлежит сомнению, потому что именно сейчас, в условиях масштабного, повсеместного использования литературного языка, важно зафиксировать сохранившуюся диалектную речь как составляющую русского национального языка в его историческом развитии [Недоступова 2018: 270–271]. Более того, в народном слове мы находим своеобразную картину мира сельского человека: отражение его представлений о жизни и реалий той самой жизни в различных её проявлениях.

Литература

Аванесов Р. И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М.: Учпедгиз, 1949. 335 с.

Высотский С. С. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы // Доклады и сообщения ИРЯ АН СССР. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 86–87.

Котков С. И. Говоры Орловской области со стороны их вокализма // Уч. зап. Орловского гос. пед. ин-та. 1951. Т. V. Кафедра русского языка. Вып. 2. С. 58–124.

Недоступова Л. В. Некоторые особенности морфологии красногвардейского говора Воронежской области // Воронежское краеведение: традиции и современность. Материалы ежегодной областной научно-практической конференции, состоявшейся 25 ноября 2017 г. Воронеж, 2018. С. 267–271.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 367–379. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201830

Лексика природы в костромских поунженских говорах в аспекте тематики ЛАРНГ (на материале произведений И. М. Касаткина)

С. В. Окуловская

В статье рассматривается лексика природы поунженских говоров, представленная в произведениях И. М. Касаткина, уроженца Костромского края. Тексты писателя помогают выявить и уточнить значения отдельных территориально ограниченных в употреблении наименований по теме «Природа», а также определить особенности их словообразования. Обращается внимание на роль контекстов, способствующих раскрытию значений словообразовательных аффиксов и выявлению особенностей функционирования производных лексических единиц в речи.

Ключевые слова: И. Касаткин, диалектная лексика, поунженские говоры, лексика природы.

Преимуществом привлечения произведений писателей, достоверно отразивших богатство родных говоров, в качестве источника сведений для ЛАРНГ является наличие в них богатого иллюстративного материала, где контекстуальное окружение областных слов в полной мере выявляет их семантико-стилистическое наполнение, показывая «речевую жизнь диалектного слова» [Кудряшова, Брысина, Супрун 2005: 5]. Исследователи отмечают потенциал художественных текстов, включающих региональную лексику, в выявлении этнографических, культурных сведений, помогающих «более точно, полно представить картину мира людей, проживающих на той или иной территории» [Красовская 2015:

79], что отвечает заявленным в Программе ЛАРНГ принципам собирания диалектного лексического материала.

Художественные тексты могут послужить дополнительным источником для изучения говоров территорий, не получивших ещё должного глубокого внимания. Таковыми являются поунженские костромские говоры. Учёные отмечали особый статус костромских территорий в районе Верхней Унжи по данным культуры и языка [Образование 1970: 313; Очерки 2001: 495; Ганцовская 1992: 5; Мельниченко 1974: 94]. Между тем остаются актуальными слова А. В. Громова пятидесятилетней давности о том, что говоры этих территорий «до сих пор ещё не были предметом специального изучения» [Громов 1969: 75].

Произведения И. М. Касаткина, уроженца д. Барановица Кологривского уезда Костромской губернии, содержат многостороннюю информацию о языке поунженских крестьян, способствуя раскрытию особенностей говоров. Повествуя о быте, профессиональной деятельности, отношениях земляков, писатель вводит диалектную лексику в тексты рассказов, достоверно отражая специфику народной речи в естественных ситуациях общения на ярком культурно-этнографическом и природном фоне.

Место действия многих его рассказов географически обозначено, что помогает в установлении ареала распространения диалектных лексем: *заброшен он в дебри костромских лесов, стоит при сплавной реке* («На барках»); *В глухом лесу, вдали от живого мира, не впервые проводил я эту зиму… Нанялся я караулить остановленный до весны лесопильный заводик, — там, на куличках, в Костромщине* («Из жизни странника»); *Частобайный унженский говор сыплется как горох* («Унжаки»). О том, что события его рассказов разворачиваются в основном на территории северо-востока костромского края, мы можем судить не только по названиям географических объектов, но и по косвенным признакам. Автор постоянно говорит об удалённости от цивилизации, от-

гороженности от всего мира непроходимыми лесами, значительном расстоянии от дорог: *Село наше, прямо сказать, — глухое село. От чугунки чуть ли не сто вёрст... Есть старики суровых лет, а окромя своего поля да леса, и свету не видывали* («Чудо»). Данная цитата перекликается с описанием родных писателю мест в его автобиографии: *Это глухой угол в верховьях Унжи* <...> *Там многие сивые старики за всю жизнь так и не удосуживались повидать свой уездный городишко* [Касаткин 1991: 5].

Материалом для данной статьи послужила лексика природы, зафиксированная в рассказах И. Касаткина. Её состав и содержание напрямую связаны с географическими особенностями поунженских территорий, условиями жизни и сложившимися традициями хозяйствования проживающего здесь населения.

«Край наш — леса, болота да кочки — убогий край, серый...» [Касаткин 1991: 102]. Так начинает один из своих рассказов И. М. Касаткин. Действительно, главным и, пожалуй, единственным богатством родины И. Касаткина являлся лес. Он играл огромную роль в жизни местного населения, а подавляющее большинство жителей было занято лесозаготовками, поэтому большое количество лексем в рассказах писателя относится к семантическому полю «лес». Именно эта группа лексики имеет множество дериватов, образованных от одного корня.

В наших материалах встречается лексика, отвечающая разделу «Природа» Программы ЛАРНГ, разнообразной тематики. **Растительный мир**: Л 12: ***чапыга***, ***чапыжник***; Л 13: ***глушь***, ***глушина***, ***чащуга***; Л 29: ***бурелом***, ***буреломник***, ***буреломина***, ***буревал***; Л 32: ***выскирь***; Л 35: ***сухара***, ***сухарина***, ***сухостоина***; Л 67: ***можжевель***; Л 100: ***берёзовица***; Л 101: ***смолина***, ***смолевина***; Л 132: ***болотина***; Л 146: ***полынок***. **Животный мир**: Л 188: ***ведьмедь***; ЛСЛ 189: ***ведьмедица***; Л 197: ***рогач***; ЛСЛ 198: ***матка***; ЛСЛ 199: ***телок***, ***телёнок***; Л 233: ***животина***, ***скотина***;

Л 349: ***лягуха***. **Ландшафт (рельеф, почвы, водоемы)**: ЛСЛ 389: ***взгорок***, ***увал***; Л 396: ***оплешина***; Л 405: ***материк***; ЛСЛ 407: ***вражок***, ***котловина***; ЛСЛ 412: ***болото***, ***болотина***, ***болотище***; ЛСЛ 459: ***затон***; ЛСЛ 460: ***бочажина***, ***омутище***; ЛСЛ 485: ***калужина***. **Метеорологические явления. Астрономия. Календарь**: Л 531: ***ведреная погода***; СЛ 610: ***закружевелый***, ***закужлевелый***; ЛСЛ 611: ***закужлеветь***; ЛСЛ 620: ***сиверко***. **Части суток**: ЛСЛ 665: ***ободнять***; ЛСЛ 673: ***сутемки***.

Большинство наименований образовано суффиксальным способом с помощью различных формантов (*-ин-*, *-ник-*, *-ок-*, *-уг-*, *-ищ-*, *-яг-*, *-иц-* и др.). Автор отражает характерное для говоров большое количество разносуффиксальных производных слов одного корня. Морфемы при этом зачастую не несут дополнительного смыслового значения. Такая особенность диалектной системы, заключающаяся в интенсивном варьировании слов, тенденции к полиономии, не раз отмечалась диалектологами. Л. И. Баранникова под вариантом слова понимала лексические единицы, «занимающие адекватное место в функционирующей системе, находящиеся в аналогичных отношениях с другими элементами системы» [Баранникова 1971: 60].

Свободное соединение аффиксов с производящими основами приводит к появлению многих словообразовательных вариантов: *Недолго тихонечко пошорыхали их лыжи среди* ***бурелома*** *и белокоралловых кустарников, нарушая звенящую тишину*; *И лес, ажурно сплетшийся ветвями, понизу загромождённый* ***буреломником***, *стал не так воздушен и прозрачен* [Касаткин 1991: 178]; *Дорога опять заколесила лесом, глушью и* ***буреломиной*** [Касаткин 1991: 86]; *В зное до одурения сгущаются запахи* ***болота***, *березы, соснового бора и земляники* [Касаткин 1991: 115]; *Отковылял от смолокурни с версту, попил водицы в ручье, перешёл* ***болотину*** *по сваленной сухарине и вдруг чует: гомон не гомон...* [Касаткин 1991: 298]; *И колеса зашипели в* ***болотище***, *навёр-*

тывая на себя густые маслянистые ошметки бурой грязи... [Касаткин 1991: 84] и др.

Картотека костромского областного словаря показывает широкое распространение лексемы ***буреломник*** на территории Костромской области. Вариант слова с формантом *-ин-* здесь не зафиксирован. В данном виде лексема встречается в СГРС в значении «поваленное бурей дерево в лесу. Арх., В-Т, Карг.» (СГРС 1: 221). В наших материалах сингулятивного значения морфема не вносит. Такие образования характерны для костромских говоров. Словообразовательная модель существительных женского рода на *-ин(а)* активно используется в них для обозначения реалий часто без какого-либо добавочного значения (***боло́тина*** ‘болото’; ***борови́на*** ‘густой сосновый лес’; ***ози́ми́на*** ‘озимь, озимое поле’ и др.) (КрКОС: 35, 37, 228). Ю. И. Гарник отмечала, что употребление суффикса *-ин-* в подобных случаях напоминает «своеобразную экспрессивность: не в плане физических размеров, а в плане усиления, подчеркивания значимости соответствующего свойства у называемой реалии» [Гарник 2000: 41].

Составители программы ЛАРНГ рекомендуют обращать особое внимание на разносуффиксальные корневые образования, чтобы определить, имеется ли какая-нибудь разница в их значении (Программа ЛАРНГ: 8). В большинстве случаев семантических различий не выявляется. Зачастую даже безаффиксальные существительные, как было показано выше, употребляются в том же значении, что и производные от них аффиксальные.

Однако мы обратили внимание на то, что контексты произведений, где встречаются лексемы, обозначающие одну и ту же реалию с суффиксом *-ин-* и без него, не всегда аналогичны. Как правило, лексическое окружение образований с *-ин-*, это зависимое согласованное определение, присубстантивно-атрибутивное предложение, местоимение *тот* и т. п. То есть, в отличие от безаффиксальных лексем, такие наименования являются предметами более определёнными и кон-

кретными. Так, в значении ‘заросший, глухой лес’ автор употребляет слова ***глушь*** и ***глушина***: *Начинаясь в березовых молодняках болотной котловины, широкая просека трубой хлестнулась в лесную* ***глушь****, прямая, как стрела* [Касаткин 1991: 113]. *Тем разом ребята получили весть: враг-де затеял свой ход на узловую станцию чугунки. И, дескать, есть примета: той лесной* ***глушиной****, где ребята дозорят, как раз и ударился большой отряд неприятеля* [Касаткин 1991: 298]. СГКЗ в значении, выявленном нами, фиксирует лишь вариант слова без суффикса -*ин*- ***глушь*** (Ганцовская 2015: 72). Лексема ***глушина*** в данном значении не встречается в лексикографических источниках; то же смысловое наполнение в говорах имеют слова с другими формантами — ***глушник***, ***глушняк*** (Даль 1: 337), ***глушинник***, ***глухомятина*** (СГРС 3: 31). ККОС, как и СРНГ, даёт информацию об употреблении данной лексемы для обозначения берёзы «с шершавым листом» (ККОС; СРНГ 6: 218).

Для обозначения высохшего дерева автор использует слова ***сухара*** и ***сухарина***: *В лесу тишина. Лишь дятел где-то усердно долбит* ***сухару*** [Касаткин 1991: 112]; *Отковылял от смолокурни с версту, попил водицы в ручье, перешёл болотину по сваленной* ***сухарине*** *и вдруг чует: гомон не гомон...* [Касаткин 1991: 298]. Словарь В. Даля трактует слово ***сухара*** как «сухое или обгорелое дерево на корню» и указывает на распространение данной лексемы в Нижегородской и Костромской областях (Даль 4: 205). В том же значении употреблял данное слово в своих произведениях писатель-костромич из Кологрива Е. Честняков: *Стафий... срубил сухару, другую, переносил к избушке* (Ганцовская 2007: 79). На распространение слова ***сухарина*** в Ярославской области указывает статья в ЯОС — «подсохшее на корню дерево» без цитаты (ЯОС 9: 89).

По наблюдениям С. В. Конявской, генетически связанный со словом *инъ* («*один, некий, определённый, другой*») суффикс -*ин*- изначально «привносил в производное слово общее

значение конкретности» [Конявская 2008: 28], которое «можно сравнить со значением определённого артикля» [Там же: 30]. Различные же словообразовательные значения в современной системе русского языка являются результатом процесса специализации этого общего значения. Как замечает исследователь, «не находится параллели в современном языке, пожалуй, только для этого самого «артиклевого» значения» [Там же]. Однако цитаты из рассказов И. Касаткина показывают, что поунженские говоры, отражая более древнее состояние языка, сохраняют следы этого значения.

Высокая продуктивность образований на -*ин*(*а*), в том числе и при обозначении природных объектов, в произведениях И. Касаткина (*на полу, на дерюжине* («Кузькина мать»); *держал в руках несуразно длинную стволину своего ружья* («Вражья сила»); *в глубокой бочажине* («Село Микульское»), *выбрался из водоёмины* («Селифанов») и др.) приводит к широкому спектру значений данного форманта, иногда не совпадающих со значениями, зафиксированными в литературном языке (см. о значении этого суффикса в литературном языке у Ефремовой: (Ефремова 1996: 190–196)).

Так, например, слово с суффиксом -*ин*- употребляется И. Касаткиным для обозначения источника запаха. Ср.: *Когда старик опомнился, он нашёл на берегу жёсткую от* ***смолы*** *и грязи женскую рубаху, изодранную до невозможности* [Касаткин 1991: 109]; *И дух оттуда, с реки, здоровый, крепкий: свежей* ***смолиной****, тёсом, нефтью* [Касаткин 1991: 68]; *В полдники да на припёке —* ***смолиной*** *не продохнёшь* [Касаткин 1991: 297]. В значении ‘запах смолы’ данное слово не представлено в лексикографических источниках. В архангельских говорах, например, зафиксировано значение лексемы ***смолина*** «смолистое полено, шишка, лучина, щепка» (СРНГ 39: 29; Опыт: 208).

Н. И. Толстой отмечал, что «диалекты во многих случаях дают нам примеры специфического, неизвестного литературным языкам семантического развития отдельных тер-

минов... а семантика слова нередко оказывается в прямой зависимости от его географии» [Толстой 1969: 15]. Особенности условий проживания — обилие лесов и болот, нехватка свободных земель для покоса — влияют на появление специфического значения у производных слов с суффиксом *-ин-*, образованных от основ, обозначающих природные объекты: ***лесина***, ***болотина***. Данные лексемы называют траву по месту её произрастания: *И начал обширно объяснять, что сено здесь никуда не годное:* ***болотина****, осока голая; что замаялись они тут кормами, скот хиреет; без посыпки отрубями или мукой и не суйся задавать это сено, потому —* ***лесина****, болотище, а не сено — один разор...* [Касаткин 1991: 255]. СРНГ указывает на распространение слова ***болотина*** в значении «болотная трава или сено, скошенное на болоте и поэтому плохого качества» на территории Архангельской, Ленинградской, Калининградской, Тобольской и Олонецкой областей (СРНГ 3: 79). В ЯОС одним из значений слова является следующее: «сено, скошенное на низких местах», которое распространено на части Ярославской и в Буйском районе Костромской области (ЯОС 2: 11). Похожее значение показывают цитаты из Картотеки КОС: *Нам нынце и косить нецево. Одну болотину дали* (Поназ.); *Эту болотину коровы не едят: она язык режет* (Буй). Представленное у Касаткина значение слова ***лесина*** не фиксируется в лексикографических источниках, однако цитата из Картотеки КОС, записанная в Кологривском районе, подтверждает его существование в костромских говорах и раскрывает аналогичное выявленному нами значение слова — ‘лесное сено’: *Лесины с делянок много накосила, теперь корове до весны хватит* (ККОС).

К широко представленной в рассказах И. Касаткина диалектной лексике, имеющей компонентом своего значения семы «лес», «дерево», относится и слово ***выскирь***. Оно встречается в рассказе «Лоси», описывающем картины зимнего леса: *Огибая высоко вздыбившийся выскирь бурелома, по следу*

бесшумно выплывает на полянку человек, чёрный в окружающей белизне и синеве, лохматый, в шапке-ушанке, с ружьём за спиною [Касаткин 1991: 177]. Определяемое из контекста значение слова аналогично показанному картотекой ‘корни вывороченного, выкорчеванного дерева’: *В нашем лесу много выскирьъёв*; *Под старым выскирём росли маслята* (Мантур., Поназ., Вохом., Павин., Кологр., Шарьин., Октябр., Нейск.) (ККОС). Фонетические варианты данного слова ***вискирь*** и ***выскорь*** встречаются в произведениях Е. Честнякова в значении «дерево или пень, вывороченный бурей из земли с корнем»: *Скотина бродит по лесам средь выскорей, сучков; Много всяких там диковин, вискирёв и караковин...* (Ганцовская 2007: 21, 23). СРНГ показывает распространение слова в значении «вывороченное с корнем дерево или деревья; бурелом, ветровал» в большинстве северно-русских говоров (СРНГ 6: 21). В СГРС показаны 5 значений данного слова, одно из которых совпадает с нашим — «корни вывороченного дерева с засевшей между ними землей» в Архангельской и Вологодской областях (СГРС 2: 275).

Группа слов, употребляемая И. Касаткиным для описания ландшафта, представлена типичной севернорусской лексикой. Это преимущественно префиксальные и префиксально-суффиксальные производные слова, образованные с помощью продуктивных формантов говора. Одним из них является префикс *вз-* (см. ***взвар***, ***взвоз***, ***взъезд***, ***взборонить***, ***взголовах*** и др. (Ганцовская 2015: 51–53)). Здесь же зафиксировано существительное ***взлобок*** (Там же: 52), обозначающее возвышенность на дороге, образованное по модели *вз-* + непроизводная основа сущ. + *-ок-*. Эта модель характерна для лексемы ***взгорок***, отмеченной в наших материалах. Слово имеет значение ‘небольшая возвышенность, холм’: *На* ***взгорке****, за перелеском, мигают два огонька в Козлихе* [Касаткин 1991: 310]. В том же значении лексема зафиксирована в Архангельском областном словаре (АОС 4: 63), а также в СРНГ в значении ‘бугор’ (Вят.) (СРНГ 4: 257).

Для обозначения возвышенностей в костромских говорах используется также модель *у-* + непроизводная основа сущ. (см. ***увал***, ***угор*** (Ганцовская 2015: 391)). И. Касаткин употребляет лексему ***увал*** в следующем контексте: *Лесная дорога корытцем, еле приметная, козыряет так и этак, увертываясь от низин и* ***увалов*** [Касаткин 1991: 178]. *Это глухой угол в верховьях Унжи, в стороне, на границе северных* ***увалов*** *Вологодского края* [Касаткин 1991: 5]. В аналогичном значении 'возвышенное место, возвышенность' лексема распространена в пермских, кировских, свердловских, новосибирских говорах (СРНГ 46: 156). Диаметрально противоположное значение 'яма' зафиксировано в вологодских, новгородских, архангельских, карельских говорах (СРНГ 46: 158; Опыт: 236).

Слово ***оплешина*** автор использует для обозначения вершины холма без растительности: *Дальше пошли сухие пригорки с песчаными* ***оплешинами*** [Касаткин 1991: 85]. В СГКЗ со смежным значением зафиксирована лексема ***плешина*** 'несеяная часть поля или участок, где зерно не взошло' (Ганцовская 2015: 283). В ярославских говорах ***плешиной*** называется 'небольшая сенокосная поляна в лесу' (ЯОС 8: 9). В употреблённом писателем звучании лексема не фиксируется словарями. И. Касаткин отражает в ней (как и в некоторых других словах: ***окромя***, ***опосля***, ***оржаной***, ***оповязать***) такую особенность севернорусских говоров, как появление в начале некоторых слов протетического гласного *о* после падения редуцированных (ср. ***овторник***, ***огумно***, ***окрохи***, ***оржаной*** и др. (Ганцовская 2015: 248–259)).

В значении 'овраг' выявлены лексемы ***вражок*** и ***котловина***: *Ты теперича как хозяин наш, так и просим: приурежь ты нам запольные-то кулиги, что за вторым* ***вражком***, *детей наших ради* [Касаткин 1991: 144]; *Широкая вырубка, пестрея пнями, начинается в болотистой* ***котловине*** *и идёт по отлогой горе, забираясь все выше и выше* [Касаткин 1991: 112]; *Оттуда, от невидимого селенья, дви-*

гается сюда, к ***котловине****, маленькая точка — человек идёт, мелькая между пнями* [Там же]. В том же значении лексема ***котловина***, по данным СРНГ, употребляется в вологодских говорах (СРНГ 15: 107).

Программа ЛАРНГ содержит вопрос (Л 405) относительно семантики слова ***материк***: употребляется ли оно в значениях 1) берег; высокий берег; 2) земля, почва; 3) чернозем; 4) целина; 5) глина; 6) большой лес; 7) русло реки... Контексты рассказов И. Касаткина показывают смысловое содержание данной лексемы ‘твёрдая земля, суша’: *Никита еле выбрался из болотища на* ***материк*** [Касаткин 1991: 299]. Очень близкое значение приводится в СРНГ: «твердая почва, высокое место в противоположность низкому, болотистому (Тобол., Пудож., Онеж. КАССР, Свердл., Ср. Урал., Зап. Сиб.)» (СРНГ 18: 23). В значении ‘земля, почва’ слово представлено в ЯОС в некоторых районах Ярославской и в Галичском и Солигаличском районах Костромской области (ЯОС 6: 34).

Проведённый анализ лексики тематической группы «Природа» из произведений И. Касаткина показывает насыщенность его рассказов областным лексическим материалом. В этом небольшом сегменте лексики уже виден огромный потенциал текстов писателя в изучении костромских поунженских говоров. Зафиксированная здесь лексика, по данным словарей, имеет связи, в основном, с севернорусскими говорами вологодско-вятской группы. Источник помогает в уточнении значений отдельных территориально ограниченных в употреблении наименований, а также в выявлении особенностей диалектного словообразования рассматриваемой территории. Выразительные контексты способствуют лучшему раскрытию значений словообразовательных аффиксов и помогают яснее представить функционирование производных лексических единиц в речи. Представленные данные, несомненно, могут стать полезными и при составлении карт ЛАРНГ.

Литература

Баранникова Л. И. О вариантных единицах диалектных систем // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. И. Борковского / [Редкол.: Ф. П. Филин (отв. ред.) и др.]. М.: Наука, 1971. С. 59–77.

Ганцовская Н. С. Особенности говоров Костромской области: учеб. пособие. Кострома: КГПИ, 1992. 95 с.

Гарник Ю. И. Слова на -*ин*(*а*) в народной речи: комплексное изучение на материале псковских говоров: дис. ... канд. филол. наук. Псков, 2000. 246 с. + Прил. 40 с.

Громов А. В. Некоторые особенности говоров Мантуровского и Макарьевского районов Костромской области // Вопросы русского языка. Выпуск V. Грамматика, стилистика, диалектология, методика / Под ред. Г. Г. Мельниченко и др. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1969. С. 75–84.

Касаткин И. М. Мужик. М.: Советский писатель, 1991. 382 с.

Конявская С. В. Словообразовательные аспекты сингулятивов: диахрония // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2008. № 1. С. 26–31.

Красовская Н. А. Составление словаря тульских говоров: основные проблемы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2015. Вып. 1. С. 71–80.

Кудряшова Р. И., Брысина Е. В., Супрун В. И. Современная диалектная лексикография: проблемы и тенденции развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2005. № 3. С. 3–10.

Мельниченко Г. Г. Лингвистические карты: приложение к книге Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (Территориальное распространение, семантика и словообразование). Ярославль: ЯГПИ, 1974. 94 с.

Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров / К. Ф. Захарова, В. Г. Орлова, А. И. Сологуб, Т. Ю. Строганова. М.: Наука, 1970. 456 с.

Очерки исторической географии: Северо-Запад России: Славяне и финны / А. Алквист, В. А. Булкин, И. Ю. Винокурова и др.;

под общ. ред. А. С. Герда, Г. С. Лебедева. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001. 512 с.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология (семасиологические этюды). М.: Наука, 1969. 262 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 380–387. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201831

О некоторых номинациях способов укладки сена в архангельских говорах

Ж. А. Панина

Статья посвящена названиям способов укладки сена для просушки и длительного хранения с использованием одной или нескольких опор, отмеченным в архангельских говорах. Номинации рассматриваются с лингвогеографической и мотивационной точек зрения.

Ключевые слова: русская диалектология, архангельские говоры, лексика луговодства, заготовка сена.

Луговодство — очень важная часть жизни севернорусского крестьянина, да и не только севернорусского. Это занятие «являлось одним из важнейших на протяжении длительного периода времени и охватывало большинство носителей диалекта» [Блинова 1960: 164]. В связи с этим данная семантическая область в архангельских говорах весьма дифференцирована и характеризуется плотностью терминологической сетки. Успешная заготовка сена гарантирует, что домашняя скотина благополучно переживет зиму и, в свою очередь, будет способствовать благополучной жизни хозяев. Поэтому крайне важным представлялось вовремя и правильно начать сенокос (обычно его начало на архангельской территории было приурочено к таким праздникам церковного календаря, как Петров (12 июля) или Прокопьев (21 июля) день), обеспечить максимальную сохранность скошенной травы на лугу, надлежащим образом уложить сено в укладки для долговременного хранения — чтобы хорошо высохшее сено не промокло и не потеряло своих свойств, а недосохшее сено не сгнило и по возможности досохло.

В данной статье мы постараемся описать небольшой фрагмент лексики, связанной с заготовкой сена, — названия способов укладки сена для просушки и длительного хранения с использованием одной или нескольких опор. Исследование выполнено на материале «Архангельского областного словаря», картотеки АОС (КАОС) и собственных записей автора.

Способ укладки сена, при котором оно наметывается вокруг нескольких жердей и получается достаточно длинная и высокая укладка, распространен на архангельской территории практически повсеместно. Данная укладка — также практически повсеместно — называется ***заро́д*** (***зоро́д***). Этимологически верным является вариант ***зоро́д*** (Фасмер), но лексема ***заро́д*** широко распространена, что связано, вероятно, с деэтимологизацией слова и переразложением его морфемного состава на префикс *за-* и корень *-род-*. Широта распространения данного способа укладки объясняется рядом причин: в ***заро́ды*** помещается больше сена; их проще разделить на несколько человек (по сегментам между опорами); зароды получаются относительно тонкими, хорошо продуваются ветром, и в случае дождливого холодного лета сено может успешно досохнуть уже после того, как его смечут. Кроме того, считалось, что в зародах сено лучше сохраняется.

Зарод ужэ — три паlки. Ну, видно, сено — съситали, в зородах лучьшэ, видно, оно — знайеш — на потпорах, дак оно не оседало, высыхало лучьшэ, раньшэ фсё было в зородах, это уш нынь стали ф копны, раньшэ на пожнях фсё ф сойхозах были зороды. Зарод метали поужэ, йего и продувайет. Копна — одна палка, а зарот — трицать–сорок стожароф, скоко хто можэт. Зарод большущий, там несколько промёшкоф, отсекали: тебе такой промёжок, тебе такой. А зарот там наверно натычют на две, три, можэт, пять промёшкоф. Зарод дак это стожары поставят не один, можэт, десять, и кидают фсё сено сверху, с одной стороны

и з другой, и выросьтет большой и высокой. В зароде сено лутшэ сохраняэца, потпорки йево как подымут, йево попродуэт, а после их как подымеш, оно сляжсываэца.[1]

Кроме того, в ряде говоров на архангельской территории для большой укладки сена на нескольких опорах одновременно с номинацией ***заро́д*** существуют следующие номинации: ***стог***, ***примё́тка***, ***ски́рда*** (***скирда́***), ***промё́жек***, ***осто́жье***. Эти номинации формируют достаточно четкие ареалы.

Лексема ***стог*** отмечена в Поважье, среднем и нижнем течении р. Северная Двина.

Потом зграбили, ф стога метали, сток — там много жэрдей, да и огородом загородят, штоп скот не съйел. Побродил, думал, срежу черес поле. Упёрся ф стог, ф три промешка такой. Были стоги по семь стожароф, сейчяс копнами. Таки вот такийе стожара ставяца, можэт, деветь–десеть, и расстоянийе между ними называйеца промёжэк — это сток. А маленьки вы видели — это не сток, а копна, а сток, смотря по сену, и длинный бывайет. Это промёшки называюца, большыйе — стога, промёжэк по пятнацать, круглыйе — копны. Погода не позволяйет сено ф копну класьть, а то спортица, йесли мокройе. А в стогах сено проветрит.

Также в среднем течении р. Северная Двина (Виноградовский район Архангельской области) используются номинации ***промё́жек*** и ***примё́тка***:

Сено сыройе, дак ф промёшки сено метали фсё, а нонь сено сухойе, дак ф копны мечют. Вокрук одново стожара — копна, а у примётки несколько. Ф примётки ставят — это жэрди натыканныйе. Жэрди — это стожары. А пять–шэсьть–семь — это ужэ примётка. Копны мечут ф стожары и примётки тожэ ф стожары. Примётки — это

[1] Примеры даются в упрощенной орфографии, принятой для сбора и обработки материала «Архангельского областного словаря».

несколько стожароф. Давайте примёткой будем метать, быстрейе высохнет.

Ски́рдой (***скирдо́й***) продолговатую укладку сена на нескольких опорах называют в верхне-среднем течении Мезени, среднем течение Пинеги, Поважье:

Скирда — длинныйе стога сена. На стожары на палки накладывали. Скирда — когда сено вот так ложат. Ф скирды-ти ложат, островник нафтыкают, скирдовать. Ставили палки, штоп оне не упали, метали ф скирды.

Лексема ***остóжье*** фиксируется на Онежском берегу Белого моря:

Сънек нападёт, говорят, надо остожьйе огородить, штоп коровы не съйели.

Стоит отметить, что в некоторых говорах особое название имеет и укладка сена между двумя опорами: ***про́ймина***, ***проме́̈жек***, ***за́колина***, ***межу́ток***, ***одностóгий заро́д***.

Про́ймина. *А проймина — это только два батога поставлены и тожэ притаптывают. А зарот — это ужэ три, четыре палки. Пока здесь копен не ставили, были проймины и зароды. Проймины — это значит две палки, а зарод — можно, значит, и пять палок наставить. Между этими палками фсё и ложылось сено.*

Проме́̈жек. *А сток йесть большой, между ними ставили такийе колья — кол от кола — промёжэк. Да, промёжэк — то жэ самойе, только промёшки маленькийе, зароды большыйе. Зарод дак ставят стожары деревянны палки толсты, а маленьки — промёжэк назывался.*

За́колина (***зако́лина***, ***заколи́на***). *Две жэрдины, одня заколина. Один стожар — кругло, копна называйецца. Два стожара — между ними заколина. Стожар поставят, йеще стожар поставят — это заколина. Туд два стожара, а между — заколина.*

Межу́ток. *Мечи этими стожарами межутки. Два стожары и намётано — это межуток, несколько стожароф — это зарот.*

Одностóгий зарóд. *Одностогий зарот з жэрдиной. В нём промёжэк один, а там четыре промёшка.*

Как правило, так же (***прóймина***, ***промёжек***, ***зáкóлúна***, ***межýток*** и т. д.) изначально называлась часть зарода между двумя опорами, но вследствие метонимического переноса отдельная укладка сена получила такое же название.

В большинстве говоров архангельского региона, однако, укладка сена между двумя опорами, как и между большим их количеством, называется ***зарóдом***:

Зарот — два стожара и серётка. Зарот — промёжэк, один, фторой, третий, хто до пяти, хто и один, разныйе бывают промёшки, хто как сумеёт. Пусьть она отафки пойест. З больней-то ногой, а как по зароду ходит. Тут зарод. Две заколины.

Укладка сена вокруг одной вкопанной в землю опоры обычно описывается как более новая, получившая широкое распространение уже в XX веке — после коллективизации и особенно в последние десятилетия. Наиболее распространены на архангельской территории общерусские лексемы ***копнá*** и ***стог***. При этом если в литературном языке они обозначают разные способы укладки сена (***копнá*** — ‘сложенное в кучу в виде конуса сено или снопы’ (МАС 2: 100), ***стог*** — ‘большая куча плотно уложенного сена, соломы или снопов округлой или четырехугольной формы с закругленной вершиной’ (МАС 4: 269), причем ***стог*** обычно опирается на вертикальную жердь), то в говорах могут обозначать одно и то же, т. е. являться синонимами. Вообще, в ряде случаев достаточно сложно определить, что именно имеется в виду под словами ***копнá*** и ***стог***, особенно если учесть, что информанты часто объясняют одно через другое. Это связано со спецификой функционирования общерусских слов в говоре и особенностями сбора материала (общерусские слова часто остаются без должного внимания собирателей, особенно незнакомых с реалиями крестьянского быта).

Копна́. *Копна — там один стожар и круглая, а зарот — там много стожароф, например, восемь. Стожар ставят и мечют копну, фкруговую, йейо фкрук стожара и мечют. И потпоры ставят, штобы не рассыпались. Копна-то одна эта штука жэрдина, потпоры ставили, штоп не опседало сено-то. Раньшэ фсё в зародах а нонецё — ф копнах, нонь один стожар поставят, да кругом стожара фсё носят да кладут: один топчет, другой подавайет, а другийе к это копне снашывают сено. Копны — сухо сено, один стожар заткнут и завершат. На одном стожару то копна, копна больша. Один стожар — кругло, копна называйецца. А потом круглы копны стали метать, воткнёш один стожар и вокрук него. Съчяз в зароды не кидают, много надо стожэроф, вот этих палок. А ф копну-то — так один стожар токо надо. Ставили зароды, а потом проклатки такийе делаюца; а копна — там палка такая и проклатки зъделаны, а сверху вроде купола, штобы дощ сътекал.*

Стог. *Стожар — это палка длинна, йего фкопают, а вокруг йего сено опкладывают, а топальщик оптаптывайет сено и получяйеца стожок. Стожар — это основа самово стога. Вокрук тычь фтыкают. Как шалашка збита. На них сено весънет. Сток около одноɣо стожара и туда мечут, а зарод — много стожароф, помногу промёшкоф. Ф сток ставили один стожар, а в зарот в линию палок набьют. Много палок — это зарот, одна палка — сток, а бес палок копна. Сток круглый он и один такой и в этот сток фсегда штобы только сухойе сено было, надо в сток ложыть. Фтыкали стожары, назывался сток — где сено хранили. Стояли на улицэ. Он, бай, сено ставит. Кучи да стога с палками, да зароды, а волоки тожэ.*

Кроме широко распространенных общерусских наименований, на архангельской территории отмечены собственно диалектные названия укладки сена с одной вертикальной опорой. Практически все они имеют живую внутреннюю

форму, связанную с формой объекта, причем номинации могут быть мотивированы как прямо, так и метафорически.

Прямое указание на форму содержат номинации ***кругля́ха***, ***круглу́ха***, ***кру́глыш***. Эти лексемы широко распространены в среднем течении Вычегды, также встречаются в среднем течении Ваги и Северной Двины.

Кругля́ха. *Копна дак небольшая, а зарод большой. Кругляха ли как ли называйецца. Поставят стожар и вокрук йейо намечют такую кругляху. Што ты будеш метать? — Да кругляху, один стожар. Мы фсё большэ кругляхой называли, кругляха она.*

Круглу́ха. *А йесли уш там большая плошшать — зародами такими. А теперь круглухами тожэ. Вот одна пайка — и вокрук вот такой большой-большой круг делали — и фсё это наверх-наверх-наверх кладут это сено. Круглуха сена.*

Кру́глыш. *Сырая погода, так и смечеш ф круглыш. Как погода позволяйет, так ы делайеш. Круглыш — это вот один стожар ф центре. А йесли вот один стожар, то круглыш. Я у старухи круглыш розворовала. Раньшэ круглышэй не метали.*

Наименования ***кочу́ра***, ***ба́шня***, ***буты́лка***, ***рю́ха***, ***ю́рта*** образованы при помощи метафорического переноса (***кочура*** в основном значении — ‘кочка, выпуклость, неровность’ (КАОС), ***рюха*** — ‘небольшая цилиндрическая деревянная чурка для игры, часто заостренная’ (КАОС); наименования ***ба́шня***, ***буты́лка*** и ***ю́рта*** имеют прозрачную внутреннюю форму).

Кочу́ра. *Раньшэ ф стожары фсё метали. А теперь фсё кочюры. Сена ф коцюре-то не хватайет. Кочюра — та которая с одним стожаром.*

Буты́лка, ***буты́лочка***. *Один стожар воткнёш, круг йево сено накладёш — это бутылка. Севодня бутылку сена склала. Бутылочькой зовём, когда вокрук стожара сено наложэно. В бутылочьку одну большэ питьсот не накладёш.*

А триста килограм бутылочьку ой как лехко класъ, потпор мало надо.

Ба́шня. *Сено гребут, ф кучи, ф зарот, в башню — один баток положат и вокрук батога и вот такую наложат башню. Башни, стога — прямыйе, где площяди большыйе. А башня была одна. А потом их мечют в зарот; или в башни — такийе круглыйе, а зарот в заколинах: три таких длинных стожара ставят и положат, штоп продувалось, сено-то. Начяли (убирать сено), две башни-то поставили.*

Рю́ха. *В рюху один кол фтыкают, ф серётку. Кто копна звали, кто рюхи. Рюха — куча круглая намётана. Зорот — тот долгий, уский, рюха — та круглая. Рюха — круглая, на концэ заостряют. До зимы в этих рюхах сено и хранили.*

Ю́рта. *Остожьйе вот так цетвероуголо, и юрта. Дородна юрта, цэлая копна.*

Кроме того, отмечено наименование ***помётка***, образованное от глагола ***метать*** — широко распространенного глагола, обозначающего процесс укладки сена определенным образом для просушки и хранения (в кучи, например, не метали): *Вот один стожар — помётка называйеца.*

Таким образом, для способов укладки сена с опорой на вертикальные жерди выявлено большое количество номинаций, как совпадающих с литературным языком, так и диалектных, как широко распространенных, так и уникальных. Большинство номинаций имеют живую внутреннюю форму, отражающую наиболее важную, по мнению носителей диалекта, характеристику объекта — его внешний вид.

Литература

Блинова О. И. Лексика луговодства старожильческого говора с. Вершинино Томской области // Учен. зап. Том. ун-та. 1960. Т. 35. С. 165–177.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 388–399. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201832

О топонимике Амгинского улуса Республики Саха (Якутия)

А. А. Петров

В статье рассматривается топонимика Амгинского улуса Республики Саха (Якутия) с точки зрения её происхождения. Обосновываются тунгусо-маньчжурские, тюркские, монгольские и русские корни этимологий топонимов *Амга*, *Крестях*, *Алтан*, *Бетюнь*, *Саппыйа* и др. на основе лингвистических, историко-этнографических и культурных связей народов, населяющих данный улус.

Ключевые слова: топонимы, этнонимы, Амгинский улус Республики Саха (Якутия), Амга, Крестях, Алтан, Бетюнь, Саппыйа.

Амгинский улус (район) расположен на юго-востоке Центральной Якутии. Общая площадь улуса 29,4 тыс. кв. км. Административный центр — с. Амга, которое отстоит от г. Якутска, столицы Республики Саха (Якутия), наземным путём на 201 км, водным на 1036 км, воздушным — на 200 км. Улус входит в состав заречной группы районов и граничит на севере и северо-западе с улусами сельскохозяйственными (Чурапчинским, Мегино-Кангаласским, Хангаласским), на юге и востоке — промышленными (Усть-Майским и Алданским). В улусе 14 наслегов, 23 сельских населенных пункта. Численность населения улуса, по данным переписи населения 2010 г., составляет 17,2 тыс. человек, в том числе мужчин 8,4 тыс., женщин 8,8 тыс. Плотность населения 0,58 человек на кв. км. Национальный состав населения улуса разнообразный, здесь проживают представители 36 народностей, однако основное население составляют якуты, доля русских достигает 5,4%, других национальностей 3,8%. Ведущее место в экономике улуса занимает сельское хозяйство. Главная отрасль — животноводство (мясо-

молочное скотоводство), мясное табунное коневодство, возделываются зерновые, картофель, овощи и кормовые культуры. Общая площадь сельскохозяйственных угодий составляет 105,5 тыс. га, из них пашни 15,6 тыс. га, сенокосы 46,8 тыс. га, залежи 3,2 тыс. га. Административно-территориальный состав улуса на 01.01.2011 г.: наслеги — Абагинский, Алтанский, Амгино-Нахаринский, Амгинский, Бетюнский, Болугурский, Майский, Мяндигинский, Сатагайский, Соморсунский, Сулгачинский, Чакырский, Чапчылганский, Эмисский [Атлас 2011: 6]. Климат резкоконтинентальный. Средняя годовая температура воздуха в с. Амга минус 11 градусов; абсолютный максимум плюс 38,7 градуса (15.07.1942), абсолютный минимум минус 63,1 (06.01.1946) [Там же: 18].

Топонимика Амгинского улуса Республики Саха (Якутия) представляет собой малоизученную область языкознания. Вместе с тем она представляет значительный научный интерес, поскольку отражает связь языка и культуры этносов, населяющих этот регион, в том числе вопросы их этногенеза и этнической истории. Одно только перечисление топонимов улуса, таких как ***Амга***, ***Алтанцы***, ***Бетюнцы***, ***Абага***, ***Оннёс***, ***Ефремово***, ***Уорай***, ***Эмиссы***, ***Бологур***, ***Лэги***, ***Чакыр***, ***Покровка***, ***Михайловка***, ***Мяндиги*** и др., вызывает оживлённый интерес исследователей. В настоящей статье мы предпринимаем попытку изучения некоторых из перечисленных топонимов с точки зрения их этимологии, учитывая то обстоятельство, что они не нашли отражения в известном «Топонимическом словаре Северо-Востока СССР» В. В. Леонтьева, К. А. Новиковой (Леонтьев, Новикова 1989).

Известна лишь одна специальная работа, посвященная топонимике Амги [Иванов 2001: 171–176]. Автор утверждает, что топонимы юкагирского происхождения были распространены по территории всей Якутии (на западе вплоть до Енисея), в том числе на территории Амгинского улуса. В качестве примера он приводит название аласа ***Тулагы*** на левом берегу реки Амги (от юкагирского *тулаги* ‘левый’) [Там

же: 171]. Интересны рассуждения исследователя в этом русле об антропониме и топониме ***Омолдоон*** — ***Омоллоон***, приведённые в этой же статье, а также выводы о том, что они распространены не только в Амге, но и на территории других улусов Якутии: Анабарском, Жиганском, Ленском, Нюрбинском и Сунтарском. См. также [Петров 2017: 220–223].

Амгинский наслег

Амга — гидроним, название реки, притока Алдана, впадающего в Лену. Слово тунгусо-маньчжурского происхождения. Исследователь Л. П. Васильева пишет: «...на языке ближайших наших соседей эвенков *амма* — это *рот*, *уста*; *отверстие*; *вход в нору*; *устье реки*. В устных преданиях и сказаниях уранхаев-саха Амга издавна называлась *Кыыс Амма* (*Красавица/девушка/Амга*). С древних пор эта красавица — река с чистой и быстрой водой, густыми лесами и тучными пастбищами по берегам — была любимым местом поселения народа саха» [Васильева 2011: 5]. В архивных документах Амга упоминается ещё в 1633 г., когда «мангазейский служивый Иван Ребров участвовал в походе на Алдан и Амгу» [Там же: 5]. О добрососедских отношениях саха и эвенков пишет также С. И. Боякова: «...таким образом, до 1924 г. — времени создания самостоятельного Лягинского наслега, его история тесно связана с общей историей нахарских родов якутов и кангаласских эвенков. Проживая на этнокультурном пограничье, лягинцы вобрали в себя лучшие традиции скотоводческой и охотничьей культуры обоих этносов, что позволило им создать собственную самобытную и оригинальную культуру» [Боякова 2012: 10]. Если мы обратимся к словарям, то обнаружим, что действительно в эвенкийском языке *амӈа* 1) ‘рот, пасть’; 2) ‘входное отверстие (например, в нору)’; 3) ‘устье реки’ (ЭвенкРС: 18). А в близкородственном эвенском языке *амӈа* ‘рот, пасть’ (ЭвенРС: 20). *Амма* 1) ‘река Амга’; *Амма баса* ‘Амгинская слобода’; 2) ‘название местности на реке Амге’; 3) ‘амгинский житель (кто живет на реке

Амга)’: *аммалар кэлбиттэрэ амгинцы прибыли*; *Аммалаа отправляться на реку Амгу* (Пекарский I: 98).

Село ***Амга*** было основано Воином Богдановым в 1652 г. и называлось Амгинской слободой. «Слобода — село свободныхъ людей; пригородное селение, подгородный посёлокъ, за городомъ» (В. Даль) [Атлас 2011: 8]. Как отмечается в опубликованных источниках, «...В архивных документах Амга упоминается еще в 1633 г., когда “мангазейский служивый Иван Ребров участвовал в походе на Алдан и Амгу. В том же году с Амги пришли ясачные сборщики с ясаком, взятым с амгинских якутов”. Как поселение пашенных крестьян, Слобода Амга возникла во второй половине XVII в. Заселение территории Амги началось с 1652 г., когда сын боярский Воин Богданов с шестью русскими ссыльными людьми был направлен из Якутского острога на Амгу с целью занятия хлебопашеством. Но эти люди жили в Амге недолго, и пашни их вскоре были заброшены. По данным архивных документов, в 1672 г. в Амге числилось 4 семьи крестьян и 2 кретьянина-льготника, в 1685 г. — 17 семей. В конце XVII в., в связи с учреждением в Якутском крае русской оседлости и осовоения хлебопашества, из Москвы через Якутск было сослано 12 человек, некоторые с семьями благополучно добрались до Амги-Слободы: “Васька Артемьев с женой Палашкой и с сыном Иванькой; Климко Немчинов с женой Марфуткой; Васька Росторгуев с женой Матренкой и дочерьми Анготкой и Натальей; Савелий Цыкунов с сыном Еремкой”. Потомки этих славных людей и по сей день живут здесь, напоминая нам о первых амгинских пашенных» [Васильева 2011: 5].

Амгинская слобода в последующие годы была заселена русскими поселенцами-хлебопашцами. Этот топоним отражен также в известном «Словаре якутского языка» Э. К. Пекарского: *солобоодо*, *солобуода* (русск.), *солобууда*, Амгинская слобода — *Амма баса*, *солобууда* (русск.) (Пекарский II: 2270). Известна она также как место ссылки государственных пре-

ступников царской России. С 1836 по 1896 гг. в Амге отбывали ссылку 216 человек. Амгинская слобода в течение многих лет становилась местом сходок революционеров разных поколений. В частности, в ней отбывал ссылку видный писатель-демократ В. Г. Короленко. «Около с. Амга есть гора *Хойуодугу*. С нее открывается изумительной красоты вид на реку Амга и прилегающие места. В. Г. Короленко любил подниматься на эту гору. Подолгу наблюдал, мечтал. Жители Амги гору *Хойуодугу* сейчас называют ***Горой Короленко***. Она — любимое место экскурсий и отдыха амгинцев» [Багдарын Сюлбэ 2004: 68].

В годы гражданской войны 1922–1923 гг., во время становления и укрепления советской власти, Амга стала средоточием больших событий: она превратилась в большой лагерь, где сражались бойцы Красной Армии с белогвардейцами, и героически выдержала оборону «Амгинской советской республики». Можно сказать, что в сражениях за Слободу решалась судьба всей молодой Советской власти в Якутии. В годы Великой Отечественной войны, как и весь советский народ, амгинцы встали на зищиту Родины, 1752 амгинца были призваны в ряды Советской армии на священную войну, в том числе из Амгинского наслега 510 человек. Сегодня Амга — административный центр улуса. Здесь насчитывается 83 организации, предприятия, учреждения, в том числе 2 средние школы, гимназия, коррекционная школа VIII вида, 5 детских дошкольных образовательных учреждений, районная центральная больница, Амгинский Центр культуры, 43 частных магазина, 5 рынков [Васильева 2011: 5–6].

Крестях — гидроним, название речки, впадающей в реку Амгу. В основе этого объякутившегося слова лежит наименование ***крест*** (*Крестях* — дословно ‘с крестом’). Топоним отражает определённый этап развития народов Якутии — введение христианства [Багдарын Сюлбэ 2004: 47].

Абагинский наслег

Село ***Абага*** (***Абаҕа***) — центр Абагинского наслега. Слово якутского происхождения. При этимологизации данного топонима можно воспользоваться материалами Э. К. Пекарского: *абаҕа* 1) ‘престарелый в роде’; 2) ‘старший брат родного отца, родной дядя по отцу; двоюродный дядя, сын старшего брата деда по отцу, если он, сын, старше отца говорящего; двоюродный дед, родной дядя отца, брат прадеда’; 3) ‘древовидная ольха’; 4) ‘мужское прозвище’; 5) ‘название урочища’; 6) ‘название рода’ (Пекарский I: 2).

Багдарын Сюлбэ, ссылаясь на авторитетного краеведа, энтузиаста Д. С. Лонгинова с. Абага, приводит топонимы эвенкийского происхождения: ***Чуойунна Аартыга***, ***Чуойунна Кытыла*** (от гидронима — названия ручья ***Чуойунна***, как производное от эвенкийского *чуйун* ‘снежная заструга, сугроб’ [Иванов 2001: 173]. Необходимо заметить, что второй компонент топонимов в данном случае — якутский: *аартык* 1) ‘горный проход, горная долина, горное ущелье (где проходит дорога)’; 2) ‘горный перевал, дорога в гору’; 3) ‘широкая проезжая дорога, тракт’ (ЯРС: 25); *кытыл* ‘берег’.

Алтанский наслег

Алтан/***Алтанцы*** — центр Алтанского наслега. Слово *алтан* общетюркское и монгольское ‘золото’ [Багдарын Сюлбэ 2004: 30]. Как известно, в этногенезе народа саха принимали участие как древнетюркские, тунгусо-маньчжурские, так и монгольские племена.

Хоро Көрдүгэнэ — микротопоним, обозначающий местность, сенокосное угодье. Роды и наслеги ***Хоро*** широко распространены по всей территории Якутии. Учёные приводят предание «Улуу Хоро» («Великий Хоро»): «Очень богатый человек по имени Улуу Хоро с большим количеством людей и скота прибыл с востока. Он имел знаменитого быстроногого быка. Перекочёвывая с востока, он перешёл реки

Алдан, Амгу, Татту. Этим рекам, по их внешним признакам, быстроте их течения, он первый дал названия: Алдан, Амга и Татта. Улуу Хоро, проезжая, подумал, что река Алдан не обмелеет, а на реку Амгу взглянул с опасением, (подумав), что в будущем едва ли она оправдает надежды. Из трёх этих рек Улуу Хоро только про Татту сказал: “Течение кое-где приостанавливается, в будущем тут размножатся люди и скот, здесь будет счастливое место”. Так Улуу Хоро, миновав эти реки, прибыл в местность Мюрю нынешнего Боро-гонского улуса, которая понравилась ему. В представлении саха, Хоро — тёплая южная страна. Некоторые исследователи не без оснований считают, что якутские хоро являются единокровными братьями хори-бурятов» [Иванов 2001: 175].

Бетюнский наслег

Бетюнъ/***Бетюнцы*** — центр Бетюнского наслега. Как отмечает Б. Сюлбэ, это пример типичного превращения этнонима (названия этнической группы, племени, народа, национальности) в топоним (географическое название): пос. шахтеров Кангалассы (по-якутски *Хаҥалас*). Ср.: *Хаҥалас* — одно из самых крупных якутских племён [Багдарын Сюлбэ 2004: 14]. Топоним восходит к названию якутского рода Бётюнг. Первое упоминание о нём имеется в Книге ясачного сбора на реке Лене сотника стрелецкого Петра Бекетова за 20 июня 1632 г.: «Июня 20 день взято государева ясаку с якуцково князца Масея с Толбоева Батунския волости 3 соболя». Бетюнцев ждала суровая расправа. Многострадальная история рода Бётюнг стала хрестоматийной... После такой беды бетюнцы вынуждены были разбежаться, и сегодня топонимы Бётюнг имеются ещё и в Булунском, Вилюйском, Мегино-Кангаласском, Момском, Олёкминском, Таттинском, Томпонском, Хангаласском, Чурапчинском улусах и на Ессее Красноярского края [Багдарын Сюлбэ 2004: 152]. А в целом род Бётюнг отличался воинственным характером и своим тотемом считал волка. Об этом свидетельствуют легенды и пре-

дания амгинцев, в которых даются описания военных хождений бетюнцев [Боло 2001: 287–289]. Этнограф Г. В. Ксенофонтов пишет, что «общий источник вилюйских и половецких легендарных воспоминаний о волчьем вое, воодушевляющем к битве, нужно искать в турецком населении древней Монголии» [Ксенофонтов 1992: 89].

Бологурский наслег

Бологур — название центра наслега. Багдарын Сюлбэ считает этот топоним эвенкийским: *боло* ‘осень’ с суффиксом *-гур* (< *гир*). При этом он приводит интересные параллели: «аффикс *-гир* присутствует в качестве коренной основы в словах *гирамна* ‘кость’, *гирки* ‘товарищ, друг’. Значение этих слов содержит понятия, свойственные тунгусскому роду: это объединение родственников, происходящих от одного предка (“кости”)» [Иванов 2001: 173]. Автор отмечает также, что топоним ***Бологур***/***Болугур*** встречается в других улусах Якутии: Верхневилюйском, Горном, Мегино-Кангаласском, Нюрбинском и Сунтарском.

Лэгинский наслег

В гидрониме ***Сиибиктэ***, а также в топонимах ***Сиибиктэ Арыыта***, ***Сиибиктэ Өтөҕө***, ***Сиибиктэ Тоойо***, ***Сиибиктэ Хайата*** четко прослеживается эвенкийский суффикс собирательных имён существительных *-кта*/*-ктэ* (ЭвенкРС: 303). Ср.: як. *сиибиктэ* ‘хвощ пёстрый, хвощ камышовый’ и *арыы* ‘остров’, *хайа* ‘гора’ и др.

Сулугур — гидроним. В эвенкийском языке имеется слово *сулукта* ‘кишка’, которое имеет широкое распространение в тунгусо-маньчжурских языках. Для сравнения можно привести гидроним Момского улуса Якутии ***Мома***, который можно соотнести с эвенским словом *моми* ‘кишка’ (река действительно очень извилистая, имеет много поворотов, напоминающих форму кишки). А вот гидроним ***Таһыгыр*** Багадын Сюлбэ склонен этимологизировать якутским образ-

ным звукоподражательным словом *таһыгыраа* ‘издавать частые трескучие, щелкающие звуки’ [Иванов 2001: 174]. Вместе с тем исследователь допускает и эвенкийскую этимологическую версию (отмечая тот факт, что гидроним ***Таһыгыр*** встречается в северных улусах Якутии: Анабарском и Оленекском). По ней ***Таһыгыр*** есть *тас* + *гыр* (в эвенкийском *тас* ‘треща, трещание’) [Там же: 174].

Сатагайский наслег

Село ***Сатаҕай***. Топоним якутского происхождения. Сравни: *сатаҕай* 1) ‘дырявый’; 2) ‘открытый, не имеющий упаковки’; 3) перен. ‘безалаберный, неустроенный’ (ЯРС: 319).

Соморсунский наслег

Название аласа **Сииктэ** Багдарын Сюлбэ связывает с тунгусо-маньчжурскими языками, в частности с эвенским (ламутским). Например, он считает, что эвенское слово *һии* ‘чаща, густой лес, тайга, заросли’ и собирательный суффикс *-кта/-ктэ* образовали данный топоним [Иванов 2001: 173]. Кстати, с немного преобразованным вариантом этого суффикса *-тта* он связывает происхождение ряда топонимов на территории Амгинского улуса: ***Боһорутта***, ***Бөтүгүттэ***, ***Бүлгүрүттэ***, ***Иниэттэ***, ***Лахарытта***, ***Маайытта***, ***Мигириттэ***, ***Нөгөөттө***, ***Нъымалытта***, ***Тибигиттэ***, ***Эригээттэ*** и др. [Там же: 173].

С влиянием монгольского языка Багдарын Сюлбэ связывает топоним ***Элэһин***. Этот топоним имеет довольно широкое распространение. В Амгинском улусе имеется озеро на Нотаре, сенокосное угодье в наслеге II Чакыр, алас в наслеге Бологур, а также род в Абагинском наслеге. Имеется топоним ***Элэһин*** также на территории других центральных и северных улусов Якутии: Вилюйских, Верхоянском, Жиганском и Усть-Майском. Учёный пишет: «***Элэһин*** — географический термин с подзабытым в Центральной Яку-

тии значением. В окраинных улусах, например, в Олёкминском или в Бодайбо Иркутской области, так называют песчаную или каменистую со скудной растительностью горку, возвышенность. А на старомонгольском *элэсүн*, на современном монгольском *элсэн*, на бурятском *элһэн*, на калмыкском *элси* ‘песок, песчаный’» [Иванов 2001: 176].

Автор также отмечает, что на территории Амгинского улуса имеются следующие топонимы, имеющие аффикс -*һын*: ***Байтаһын***, ***Нъургуһун***, ***Одъооһун***, ***Сарааһын***, ***Соморсун***, ***Сээлбэһин***, ***Сээрбиһин***, ***Хорбоһун***, ***Чаккааһын***, ***Ылтаһын***, ***Мотоҕоһун*** [Иванов 2001: 176].

Сулгачинский наслег

Багдарин Сюлбэ отмечает топоним ***Болбукта Хайата*** ‘Гора, где в изобилии растёт кедровый стланик’ [Иванов 2001: 173]. Первый компонент здесь эвенкийский: *болбукта* ‘кедровый стланик’, а второй — якутский: *хайа* ‘гора’.

Село ***Сэргэ-Бэс***. Название топонима состоит из двух компонентов якутского происхождения: *сэргэ* 1) ‘коновязь’; 2) ‘возле, рядом’ и *бэс* ‘сосна’.

Чакырский наслег

Село ***II Чакыр*** — центр Чакырского наслега. Вот какие материалы по лексеме *чакыр* даёт Э. К. Пекарский: *чакыр* (ср. *чакир*, осм. *чакыр* ‘голубой, серовато-голубой’, монг. *чакир* ‘белые пятна на ногтях или крыльях птиц’ — 1) ‘совершенно белый’, *чакыр маҕан животное сплошь одинаково белое*, *чакыр тумустаах* (о лошади) *белогубая*; 2) ‘мужское имя (прозвище); 3) название рода и группы наслегов в Батурусском и Амгинском улусах Якутского округа и в Сунтарском улусе Вилюйского округа’. ***Амма Чакыра*** — название наслега (II Чакырского) в Амгинском улусе (Пекарский III: 3558).

Чапчылганский наслег

Топоним ***Чапчылҕан***, как считает Багдарын Сюлбэ, образуется при помощи монгольского аффикса *-лан*, который создаёт имена существительные и прилагательные от глаголов [Иванов 2001: 176]. Он отражен, среди немногих, в словаре якутского языка Э. К. Пекарского: *чапчалҕан* — 1) ‘то же, что *чапчаал* (самая крайная тонкая часть чего-либо)’; *Тиит урут чапчалҕана* ‘самая верхняя, крайняя часть дерева’; 2) ‘название Нижней — деревни, одного из выселков Амгинской слободы, в расстоянии 2–3 верст от неё; название самого урочища’ (Пекарский III: 3575).

Эмисский наслег

Саппыйа — топоним, обозначающий местность вблизи с. Эмиссы Эмисского наслега. Термин якутского происхождения и переводится как ‘маленькая сумочка, кисет’. По мнению Багдарына Сюлбэ, он выступает как метафорический термин со значением ‘часть водоёма, расположенная рядом или в стороне от главного’ [Багдарын Сюлбэ 2004: 86]. ***Өлүктэ күөлэ*** имеет два компонента: эвенкийский *улииктэ* ‘мясо вяленое; мука мясная’; якутский *күөл* ‘озеро’ [Иванов 2001: 173].

Топонимы русского происхождения имеются в разных наслегах Амгинского улуса: село ***Ефремово*** (Амгино-Нахаринский наслег); село ***Покровка*** (Майский наслег); село ***Михайловка*** (Соморсунский наслег); село ***Промкомбинат*** (Чапчылганский наслег) и др. Их возникновение связано с более поздним освоением края и зачастую с принятием амгинцами христианской православной веры. В Амге была церковь и часовня, которые ныне возрождаются стараниями епископа Якутского и Ленского, владыки Романа. Жители Амгинского улуса в преобладающем большинстве имеют русские фамилии и имена (Ивановы, Петровы, Сидоровы...).

Широко распространено двуязычие: активный якутско-русский и русско-якутский билингвизм.

Таким образом, краткий этнолингвистический анализ топонимов показывает, что в Амгинском улусе Республики Саха (Якутия) издавна проживают в тесных контактах народы тюркской, тунгусо-маньчжурской, монгольской и славянской языковых общностей. Считаем, что эту интересную работу необходимо продолжить.

Литература

Амгинский улус: История. Культура. Фольклор / Авт.-сост. С. П. Онуфриева-Амгинская; гл. ред. Е. М. Махаров. Якутск: Бичик, 2001. 312 с. (Улусы Республики Саха (Якутия)).

Атлас Амгинского улуса (района) Республики Саха (Якутия) / А. В. Быстрова, Н. С. Захаров, В. И. Захарова и др. / Под научн. ред. О. М. Кривошапкиной. 2-е изд., перераб. и доп. Якутск: Изд-во ИРО и ПК РС (Я), 2011. 68 с.

Багдарын Сюлбэ (*Иванов Михаил Спиридонович*). Топонимика Якутии. 2-е изд-е, испр. и доп. Якутск: Бичик, 2004. 192 с.

Боло С. И. О роде Бетюнцы — волки // Амгинский улус 2001. С. 287–289.

Боякова С. И. Лягинские земли с древнейших времён и до начала второй четверти XX века // Амма улууһа. Лээги. 1. Дьокуускай: Сайдам, 2012. С. 3–10.

Васильева Л. П. Благодатный край — Амгинская слобода. Путеводитель по Амге. Амга: МО «Амгинский наслег», 2011. 52 с.

Иванов М. С. (*Багдарын Сюлбэ*). Топонимика Амги // Амгинский улус 2001. С. 171–176.

Ксенофонтов Г. В. (*Ураангхай-сахалар*). Очерки по древней истории якутов. Т. 2. Якутск: Национальное книжное изд-во Республики Саха (Якутия), 1992. 318 с.

Петров А. А. Об одной из версий этимологии гидронима «Омолон» // География арктических регионов 2017. Коллективная монография по материалам Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена, 9–10 ноября 2017 года. СПб.: Старый город, 2017. С. 220–223.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 400–407. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201833

Характерные особенности мещерских говоров Волгоградской области

С. М. Рудометова

В данной работе рассматриваются фонетические и грамматические особенности островных, территориально изолированных мещерских говоров Волгоградской области. Актуальность исследования определяется тем, что островные мещерские говоры Волгоградской области на современном этапе своего развития не подвергались комплексному исследованию на разных языковых уровнях. Изучение и проведение сопоставительного анализа результатов исследований прошлых лет с результатами исследования современного состояния говоров позволили проследить устойчивость и изменчивость традиционных языковых особенностей переселенческих говоров. Исследование показало, что территориально изолированные цокающие говоры с. Перещепного и с. Краишева сохраняют типичные черты и в современности.

Ключевые слова: территориально изолированные говоры, мещерские говоры, цоканье, южнорусские говоры.

Волгоградская область располагается на территории южнорусского наречия. Говоры Волгоградской области сформировались в период XVII–XIX вв., т. е. являются вторичными говорами, или говорами территории позднего заселения. Исследуемые нами цокающие островные говоры Волгоградской области, входят в группу Волжских говоров и являются собственно-переселенческими изолированного типа.

Село Перещепное Котовского района и село Краишево Еланского района расположены в северо-восточной части Волгоградской области. Говоры рассматриваемых сёл относятся к перещепновско-краишевской группе волжских говоров [Кудряшова 1997: 28–34].

По данным, собранным историками, этнографами и диалектологами, села Перещепное и Краишево были образованы в 1787 и в 1799 гг. соответственно [Кудряшова 1997: 29]. Первые жители с. Перещепного и с. Краишева — переселенцы из Пензенской губернии и пришли, считают краишевские старожилы, из села Ушинки, которое тоже относилось к Керенскому уезду. В свою очередь жители Керенского уезда Пензенской губернии являются переселенцами из рязанской Мещеры. Иными словами, в середине XVII в. предки перещепновцев и краишевцев переселились из рязанской Мещеры в Пензенскую губернию, а уже оттуда перебрались в Поволжье [Кудряшова 1997: 29]. Таким образом мещерские говоры попали на территорию Волгоградской области.

Впервые говоры сел Перещепное и Краишево были обследованы Л. М. Орловым в 50-е гг. XX в., повторное их исследование, уточнение и дополнение некоторых данных было осуществлено Р. И. Кудряшовой в 1980 г. В 2009–2011 гг. студентами и преподавателями ВГСПУ в рамках диалектологических экспедиций было осуществлено повторное исследование этих говоров.

Рассматриваемые цокающие говоры являются островными, территориально изолированными, мещерскими.

В течение двух веков данные говоры окружены разнотипными как среднерусскими, так и южнорусскими говорами и должны были бы претерпеть значительные изменения, находясь под влиянием соседних диалектов, однако до сегодняшнего дня сохраняют свои яркие языковые особенности, например, цоканье. Это можно объяснить тем, что жители сел Перещепного и Краишева вели обособленный образ жизни и старались не контактировать с жителями других населенных пунктов, осознавая свое языковое отличие.

Поскольку перещепновский и краишевский говоры имеет южную основу, то в области предударного вокализма, наряду с аканьем, для него характерно яканье. Однако тип яканья у рассматриваемых говоров различен. В перещепновском гово-

ре — умеренное яканье: *задяваю калодис и паливаю вядром, у сястре.* В краишевском же говоре наблюдается умеренно-ассимилятивное яканье: *кали жанились мы, тады вичарянки были.*

В обоих населенных пунктах нами зафиксирован переход ударного [а] в [о] в некоторых лексемах: *пасодють нивесту и паютъ: «лити-ка мая пташка...»* (Прщ.); *теста разволють па формам*; *заплотють тады пайду* (Крш.).

Зафиксирован лексикализованный переход ударного [а] между мягкими согласными в [э] в слове *мяч*: *...у мец иɣрали.*

В современном говоре отмечается яркая черта в области вокализма — произношение [и] на месте [а] предударного слога в начале слова: *ипять привязуть правнука мне*; *ибязательна схадити туда*; в некоторых случаях наблюдается полная редукция начального гласного в этой позиции: *ни бязатильна*; *быкнавенный был*; *дикалон* (Прщ.).

Такое произношение [и] на месте [а] второго предударного слога в начале слова встречается на территории восточных среднерусских акающих говоров [Русская диалектология 2005: 53] и в медведицких говорах Волгоградской области [Кудряшова 1997].

В области консонантизма отметим такие южнорусские черты, как произношение фрикативного ɣ (*сыɣрали сватьбу интиресную, друх жиняха*), регулярен переход [в] (и в качестве предлога или приставки, и в середине слова) в [ў], а на месте [в] начале слова перед согласным обычно является [у] (*узварик*; *улей-ка им памаленьку*; *вирёўцками диржались*). В некоторых словах говора с. Перещепного иногда (крайне редко) сохраняется замена звука [ф] на [х]: *хормы* [для выпечки] *были из жести.* В говоре с. Краишева более частотна замена звука [ф] на [х], [хв]: *кохта, хундамент, сарахваны.*

В говорах обоих сел наблюдается звучание сочетания звуков [шн] вместо [чн]: *Кашу э́ткую мало́шную к нарыву прикладывали*; *заɣранишнаи платки* (Крш.), *сякий папирешный знаить*; *кирпишный поɣрип* (Прщ.).

Одна из наиболее ярких особенностей, присущих рассматриваемым говорам, — твердое цоканье: *пец, цаво хошь, цулки.*

С давних пор село Краишево называют «Цукреспубликой», а село Перещепное — «Цавокино село». За жителями закрепились прозвища «цуканы» — в Краишево и «цекуны» — в Перещепном [Кузнецова 2012: 522].

В современном состоянии перещепновский и краишевский говоры постепенно утрачивают твердое цоканье. Если в говоре с. Перещепного у представителей старшего поколения оно еще сохраняется, то в речи жителей с. Краишева в настоящее время представлено довольно редко. В произношении на месте литературного [ч’], помимо [ц] звучит также твёрдый звук [ч]: *йих приехало чэтьвира, с начофкай* (Крш.).

Местные жители стесняются такой яркой фонетической особенности своей речи и стараются не контактировать с жителями других населенных пунктов. Мы предполагаем, что сохранению до сегодняшнего дня этой яркой, исконной для мещерских говоров фонетической черты — цоканья — поспособствовал именно фактор закрытости, изолированности говора.

Помимо долгого твердого шипящего, ранее уже отмечавшегося в исследованиях [Кудряшова 1997: 30], в экспедициях последних лет мы заметили еще один вариант: произношение на месте мягкого литературного [ш’] сочетания твердых звуков [шч]: *шчалцки — эта трава, надавишь и шчолкаить* (Прщ.); *у яшчыки фсякая краска* (Крш.).

В с. Перещепном сохраняется особое произношение свистящих мягких согласных [з’’, с’’]: *ш’’пишымиш’’и* [спишемся] *и ходим у гош’’ти*; *кусаим ж’’ёрна.* В говоре с. Краишева такой особенности нами зафиксировано не было.

В некоторых словах с. Перещепного перед таким «шепелявым» свистящим отпадает начальный согласный [в]: *ж’’яли* [взяли]; *тада ɣавела ш’’а* [вся] *ш’’ило.* Жители села Перещепного часто повторяют слова *и ш’’ёк!* ‘и всё!’ в ка-

честве частицы. Даже если в остальных словах свистящие произносятся без особенностей, то в этом слове обязательно будет звучать «шепелявый» [ш'']: *блинцык — он тониинькай, а кислый — у палиц талшшыной и ш''ёк!*

Нами была зафиксирована полная ассимиляция в сочетании «шипящий + свистящий» в говоре с. Перещепного: *ни наслухаисси — какии свадьбы были! пираɣи — ни наисси.*

В говоре с. Перещепного был отмечен процесс диссимиляции звуков: *анбар — эт у нас пристройка для хлеба*; *канпот варили из сухафруктаф.*

Сохранилось в говорах и часто встречается произношение [j] на месте [ф']: *дейки маладыи тут* (Прщ.); *развадили слийкими* (Крш.).

Кроме вышеперечисленных явлений, характерных для перещепновского и краишевского говоров и отмечавшихся в исследованиях прошлых лет, нами зафиксированы некоторые фонетические черты, о которых не говорилось ранее. Эти особенности, присущие говорам, являются, вероятно, вновь приобретенными уже на местной почве. Например, наблюдаются особенности в произношении сонорного [р]. В одних случаях звучит мягкий [р'] на месте твердого литературного (*в сорак перьвам вирнулись*). В других случаях произносится твёрдый [р] на месте мягкого литературного: *грыбы есть* (Прщ.); *стрыɣли ножницами* (Крш.).

Грамматические особенности говоров двух сел можно свести к следующему.

Регулярен переход существительных среднего рода в женский: *мать шшыла розаваю платью* (Прщ.); *теста ни крутая далжна быть* (Крш.).

В говоре с. Перещепного имеются особенности образования формы множественного числа у некоторых существительных — с конечным ударным [а] на месте литературных [и] или [ы] (*тыквя*, *плетня*) и окончание *-ай* у прилагательных мужского рода независимо от места ударения

(в том числе на месте литературного -*ий*): *струцок ɣорькай, балɣарскай, тонинькай.*

В краишевском говоре таких особенностей не зафиксировано.

Встречаются также в речи перещепновцев и краишевцев особые формы местоимений 2-го лица и возвратного местоимения в дательном и предложном падежах с произношением [j] на месте [б] (*тае, сае*): *эт я сайе купила* (Прщ.); *они тшаво хочешь тае сделають* (Крш.).

В говоре с. Краишева в речи местных жителей употребляются энклитические формы местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа в родительном и винительном падежах: *мя, тя.*

В говорах обоих сел глаголы в 1-м лице настоящего времени регулярно произносятся с переносом ударения на основу, и при этом, как правило, отсутствует чередование на стыке основы и окончания, характерное для литературного языка: *я не бре́шу, вот што боɣу, што вам* (Прщ.) *пале́цу яво.* (Крш.)

Синтаксические особенности говоров сохраняются в речи старшего поколения до сегодняшнего дня. В говорах обоих сел частотно употребление постпозитивной частицы -*ти* после любых частей речи: *витушки такими-ти парежишь и у пече пякли*; *мух-ти то много у доме*; *скапнили-ти сено* (Крш.); *дейки-ти садитись на стулья́, стаймá ни стóйтя*; *вадицки пустили-ти, муцыцы всыпали-ти и теста мисили* (Прщ.).

Обращает на себя внимание особенность употребления предлога *край* в синтаксических конструкциях обоих говоров: *край миня сидят с талкушками, раскатками* (Прщ.); *мы с нём мурили палтара ɣода, у нас край двара сидели, лавацки не была* (Крш.). Лексема *край* в рассматриваемых нами говорах употребляется в функции предлога, соответствуя литературным: *возле, около, рядом.* Если в литературном языке этот предлог функционирует как устаревший, то

в говорах обоих сел он активно употребляется в речи местных жителей.

Подробно изучив современное состояние волгоградских «дочерних» мещерских говоров, мы провели сопоставительный анализ их языковых черт с «материнскими» пензенскими мещерскими говорами, в частности с говором с. Ушинки и говорами рязанской Мещеры.

Говоры имеют ряд общих языковых особенностей, которые встретились во всех рассматриваемых нами мещерских говорах (рязанских, пензенских и волгоградских): ассимилятивное яканье; переход ударного [а] между мягкими согласными в [э] либо [о] в [э]; произношение [и] в начале слова на месте [а]; цоканье; твердость долгих шипящих; особое «шепелявое» произношение [с’’] и [з’’]; замена [ф] на [х], [хв]; смешение [р] и [р]; мягкий [к]; переход [ф̑] в [j]; перенос ударения с окончаний глагола на основу; [т’] в окончаниях глаголов 3 лица единственного и множественного числа (кроме куршинских говоров и говора с. Мелехова Рязанской области); переход существительных среднего рода в женский; особые формы местоимений: *мя, тя, ся, тае, сае*; постпозитивные частицы -*та*, -*ту*, -*ти*.

Следующие языковые черты, которые характеризуются как общие, как правило, свойственны нескольким говорам, например, [ɣ] фрикативный и переход [в] в [ў] либо в [у] отмечаются в кидусовском говоре рязанской мещеры, в касимовских говорах, пензенских мещерских говорах (за исключением с. Колесовки), а также в перещепновском и краишевском говорах. Следовательно, в говоре с. Мелехова и куршинских говорах рязанской мещеры употребляется [г] взрывной, а переход [в] в [ў] и [у] отсутствует.

Окончание -*е* возвратного и личных местоимений в родительном и винительном падежах имеют мелеховский и пензенские говоры, а окончание -*а* — кидусовский, касимовский, перещепновский и краишевский говоры.

В ударной позиции между мягкими согласными может переходить [а] в [э] либо [о] в [э]. Данное явление наблюдается в кидусовском говоре, касимовском и куршинских говорах Рязанской области и в пензенских мещерских говорах, а также в волгоградских мещерских говорах — исключительно в слове *мец* 'мяч'.

Наличие общих ярких языковых черт еще раз указывает на генетическое тождество мещерских говоров Рязанской, Пензенской и Волгоградской областей.

Из полученных сопоставительных данных, характеризующих мещерские говоры, видно, что перещепновский и краишевский говоры, сохранявшие свои исконные типичные черты на протяжении двух веков, сохраняют их и в современности.

Литература

Кудряшова Р. И. Слово народное. Говоры Волгоградской области в прошлом и настоящем: Учеб. пособие. Волгоград: Перемена, 1997. 124 с.

Кузнецова Е. В. Цокающий волгоградский говор: на материале экспедиции 2009 г. // Вопросы краеведения: материалы краеведческих чтений. Вып. 13. Материалы XXI и XXII краеведческих чтений / [Редкол.: И. О. Тюменцев и др.]. Волгоград: Издатель, 2012. С. 522.

Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. М.: Академия, 2005. 288 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 408–430. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201834

Лексические обозначения географических объектов, связанных с животноводством, в диалектах Европейского севера России

О. А. Теуш

Статья посвящена апеллятивным обозначениям пастбищ в диалектах Европейского севера России. Рассматривается весь выявленный комплекс слов с точки зрения происхождения лексем и развития их семантики. Выявляются древнейшие праславянские лексемы, собственно русские образования, заимствования из тюркских и финно-угорских языков.

Ключевые слова: лексема, семантика, значение, заимствование, русский язык, тюркские языки, финно-угорские языки.

Скотоводство является одним из древнейших занятий человека. Глагол ***пасти́*** ‘следить за стадом, пасущимся животным’ праславянского происхождения: восстанавливается праслав. *pasti, которое имеет индоевропейские истоки, восходит к и.-е. *pa- ‘охранять, оберегать скотину’ (Фасмер 3: 214; Шапошников 2010 2: 114). В русском литературном языке основным наименованием места выпаса скота является лексема ***па́стбище*** ‘место, где пасется скот, кормятся животные’ (Шведова 2007: 616). Однокоренные диалектные синонимы многочисленны: ***пасё́б*** (Яр.: Рост.) (ЯОС 7: 83), ***па́сека*** (Влг.: В.-Важ.) (КСГРС), ***па́село*** (Яр.: Гавр.) (ЯОС 7: 83), ***па́сенье*** (Карел.: Прион.) (СРГК 4: 402), ***пасе́нье*** (Арх.: Уст.) (КСГРС), ***па́сиво*** (Яр.: Бор.) (ЯОС 7: 83), ***па́сище*** (Новг.: Чуд.) (СРГК 4: 402), ***па́сквенник*** (Влг.: К.-Г.) (КСГРС), ***па́сма*** (Арх.: Нянд.; Влг.: Бабуш.) (КСГРС), ***па́ста*** (Ленингр.: Кириш.) (СРГК 4: 403), ***па́ства*** (Арх.:

Вель.; Влг.: Баб., В.-Важ., Влгд., Ник., Нюкс., Тарн.) (СВГ 7: 13), ***пáственник*** (Влг.: Нюкс., Тарн.) (СВГ 7: 13), ***пастýшина*** (Яр.) (ЯОС 7: 83), ***пастýшня*** (Влг.) (Доп. Опыт: 173; Дилакторский: 349; Даль 3: 23), ***вы́паски*** (Арх.: Уст.) (АОС 8: 57), ***вы́пасок*** (Костр.: Меж.) (КСГРС), (Яр.: Люб.) (ЯОС 3: 55), ***попáсок*** ‘пастбище’ (Псков., Твер.) (Даль 3: 297), ***упáс*** (Новг.) (Доп. Опыт: 280). Поскольку животные нередко пасутся без пастуха, в окрестностях селения, пастбища огораживаются: ***пáсвенник*** ‘заграждение вокруг поля, чтобы не ходил скот’ (Влг.: Нюкс.) (КСГРС). В старой русской традиции пастбище являлось единицей народной метрологии: ***пáстбище*** ‘расстояние не длиннее полуверсты’ (Псков.; Твер.) (Доп. Опыт: 173; Даль 3: 23).

Ряд диалектных наименований пастбищ производен от общеродового наименования домашних животных ***скот*** ‘сельскохозяйственные млекопитающие животные’ (< праслав. **skotъ*) (Шведова 2007: 891): ***пóдскотина*** ‘огороженное место для скота в поле, в лесу; пастбище’ (Влг.) (Дилакторский: 394), ***подскóтина*** ‘то же’ (Влг.) (Дилакторский: 377), (Арх.: В.-Т., Мез.; Влг.: Баб., Бел., Влгд., К.-Г., Кир., Ник.) (КСГРС), (Влг.: Влгд., Вож., В.-Уст., К.-Г., Кир., Ник., Нюкс., Сямж., Шексн.) (СВГ 7: 111), (Яр.) (Мельниченко 1961: 152), ***подскóтка*** ‘то же’ (Влг.: Хар.) (КСГРС), ***пóскотина*** ‘пастбище, место выпаса скота’ (Влг.) (Дилакторский: 394), ***поскóтина*** ‘то же’ (Арх.: Арх., Шенк.; Новг.: Тихв.) (Опыт: 172), (Арх.: Вель., Вил., В.-Т., Карг., К.-Б., Котл., Леш., Пин., Уст., Холм., Шенк.; Влг.: Ваш., В.-Важ., Влгд., Вож., В.-Уст., Кад., М.-Реч., Ник., Сямж., У.-Куб., Хар.; Киров.: Кот., Халт.) (КСГРС), (Арх.: Карг., Он., Плес.; Влг.: Бел., Выт., Кир., Шексн.; Карел.: Медв.; Мурм.: Севмор., Тер.) (СРГК 5: 91), (Влг.: Череп.) (Герасимов 1910: 69), (Олон.: Заон., Карг., Лп., Пт.) (Куликовский 1898: 90), (Помор.) (Гемп 2004: 446; Мосеев 2005: 99), (Костр.: Антр., Буйск., Галич., Костр., Мант., Нер., Солиг., Чухл.) (КрКОС: 277), (Яр.) (Мельниченко 1961: 159), ***поскóтка*** ‘то же’ (Влг.:

Сямж., Хар.) (КСГРС), ***поскóтня*** ‘то же’ (Кол.) (Меркурьев 1979: 121). Связаны с перечисленными ***поскóтина*** ‘изгородь, огораживающая пастбище’ (Яр.) (Мельниченко 1961: 159), ***подскотúнок*** ‘дорога, по которой выгоняют скот на пастбище’ (Влг.: Череп.) (СРГК 4: 671).

Конкретизацией общеродового термина ***сгóдье*** ‘угодье, поземельные удобства, богатства, доходные урочища: лес, покос, речка и пр.’ (Сев.) (Даль 4: 164) (производно от ***сгóда*** ‘надобность, необходимость, пригодность’ (Арх.: Мез.) (СРНГ 37: 27)) является ***сгóдье*** ‘хорошее пастбище’ (Арх.: Карг.) (КСГРС), ср. русск. литер. ***угóдье*** ‘место, территория как объект сельскохозяйственного использования или как место охоты (лес, озеро, поле, болото)’, устар. и обл. ‘то, что нужно, полезно, удобно в обиходе, в быту’ — производно от ***угóда*** ‘все, что дает доход, все полезное, нужное; земля, пригодная для использования’ (Шведова 2007: 1017).

Производным от ***жить*** ‘существовать, быть’ (праслав. **žiti*) с архаическим суффиксом *-r-* является ***жúра*** ‘хорошее удобное пастбище для скота’ (Влг.: Кадн.) (Дилакторский: 132), ср. др.-русск. **жиръ** ‘богатство, довольство’, ‘пастбище’ (Шведова 2007: 236). Лексема ***жúра*** употребляется также в значении ‘логовище, место, где лоси или олени остаются на зимовку’ (Влг.: Ник., Сольв.) (Дилакторский: 132).

Для пастбища выбирается место, где достаточно растительной пищи: ***вы́кормка*** ‘место кормления животных в пути’ (Арх.: Леш.) (АОС 6–7: 272), ***кормúще***, ***кормовúще*** ‘пастбище’, ‘оленье пастбище’ (Арх.: Мез.) (КСГРС), ***корóм***, ***корóмъ*** ‘пастбище’ (Псков.; Твер.) (Доп. Опыт: 89), ***у́коромъ*** ‘то же’ (Псков.; Твер.) (Доп. Опыт: 278). Лексемы связаны с праслав. **kъrmъ*, восходящим к и.-е. *(*s*)*ker-* ‘резать’ (Шведова 2007: 366).

В апеллятивной лексике, номинирующей пастбища, активны образования от корня *ход-*/*хож-*, изначально обозначавшие огороженные места, где домашние животные паслись без присмотра: ***вы́ход*** ‘пастбище, выгон’ (Влг.: Бел., В.-Уст.,

Кадн., Тот., Сольв.) (Дилакторский: 75), (Вят.) [Зеленин 1991: 39], (Влг.: Сок.) (СВГ 1: 103), ***вы́хожс*** ‘то же’ (Новг.: Новг.) (НОС 13: 19), ***исхо́жа*** ‘то же’ (Ленингр.: Кириш., Тихв.; Новг.: Чуд.) (СРГК 2: 305), ***исхо́жая*** ‘то же’ (Влг.: Хар.) (КСГРС), (Ленингр.: Тихв.) (СРГК 2: 305), ***исхо́жее*** ‘то же’ (Влг.: Бел.) (КСГРС), ***охо́жа*** ‘то же’ (Влг.: Чаг.) (КСГРС), ***подухо́жа*** ‘пастбище’ (Влг.: Устюж.) (СРГК 5: 5), ***у́хожс*** ‘огороженное место для выпаса скота’ (Олон.) (Куликовский 1898: 126), ***ухо́жа*** ‘то же’ (Влг.: Баб., Устюж., Чаг.) (КСГРС), (Новг.) (Даль 4: 527), (Олон.: Выт., Лп., Пт.) (Куликовский 1898: 126), ***ухо́жей*** ‘то же’ (Олон.: Заон.) (Куликовский 1898: 147). Синонимичны по внутренней форме образования от ***блуди́ть*** ‘бродить, ходить без определенной цели и направления’ (Арх.) (СРНГ 3: 29): ***блу́дище*** ‘пастбище’ (Карел.: Медв.) (СРГК 1: 78), ***блу́дня*** ‘то же’ (Влг.: Кир.) (СРГК 1: 780). На вольный выпас скота указывает также диалектная семантика слова ***во́ля***: ‘пространство вне дома, вне какого-нибудь закрытого помещения; улица’ (Костр.: Меж., Пыщуг.) (КСГРС), (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., Карг., К.-Б., Кон., Котл., Лен., Леш., Мез., Нянд., Он., Пин., Прим., Уст., Холм., Шенк.) (АОС 5: 75), ‘место выпаса, выгон для скота, пастбище’ (Арх.: С.-Дв.; Влг.: В.-Уст.) (КСГРС), (Арх.: Вель., Вин., К.-Б., Леш., Мез., Пин., Холм., Шенк.) (АОС 5: 75) (ср. также: ***уво́лье*** ‘огороженное пастбище, выгон’ (Яр.: Пош.) (КСГРС), (Яр.) (Мельниченко 1961: 204)). На огороженное пастбище скот ***выпуска́ли***: ***вы́пуск*** ‘пастбище, выгон’ (Влг.: Гряз.) (СВГ 1: 97), (Яр.) (Мельниченко 1961: 48), (Костр.: Меж.) (КСГРС), (Яр.: Ареф., Влад., Дан., Люб., Некр., Перв., Пересл., Пош., Преч., Рост., Рыб., Сер., Тут.; Костр.: Буйск., Костр., Чухл.) (ЯОС 3: 56), ***вы́пусок*** ‘то же’ (Костр.: Кол.) (КСГРС), (Яр.: Ареф., Больш., Дан., Пош., Тут.; Костр.: Буйск., Костр.) (ЯОС 3: 56), ‘огороженное место в лесу, поле, где стадо коров отдыхает и где в полдень доят коров’ (Яр.: Больш., Гавр., Люб.) (ЯОС 3:

56), ***ско́тный вы́пуск*** ‘пастбище’ (Арх.: В.-Т.), ***ско́тский вы́пуск*** ‘то же’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС).

С другой стороны, скот для выпаса перегоняли с одного пастбища на другое, устраивали огороженные пастбища и дороги для прогона скота, что отражено в апеллятивных образованиях от глагола ***гнать*** ‘заставлять двигаться в какомлибо направлении’ (Шведова 2007: 155) и его производных: ***гон*** ‘дорога между изгородями, по которой гонят скот на пастбище, прогон’ (Иван.; Яр.: Гавр., Ил., Рост.) (ЯОС 3: 94), ‘изгородь из жердей по обеим сторонам прогона для скота’ (Иван.; Яр.: Ареф., Некр.) (ЯОС 3: 94), ‘пастбище’ (Яр.: Масл., Пересл.) (ЯОС 3: 940), ***вы́гон*** ‘огороженное пастбище’ (Влг.) (Дилакторский: 72), (Киров.: Халт.; Яр.: Пош.) (КСГРС), (Яр.) (Мельниченко 1961: 47), ***вы́гонка*** ‘то же’ (Арх.: Вин., Он., Пин., Прим., Уст., Холм.) (АОС 6–7: 170), ***вы́гонок*** ‘то же’ (Арх.: К.-Б.) (АОС 6–7: 170), (Яр.: Брейт.) (ЯОС 3: 50), ***заго́н*** ‘огороженное пастбище’ (Киров.: Халт.) (КСГРС), ***заго́нка*** ‘огороженное место для скота (под открытым небом)’ (Влг.: Влгд., Гряз.) (СВГ 2: 109), (Яр.: Люб.) (ЯОС 4: 66), ***заго́нь*** ‘огороженное место для скота при доме’ (Яр.: Ил.) (ЯОС 4: 66), ***изго́н*** ‘выгон, пастбище’ (Псков., Твер.) (Даль 2: 19), ***отго́н*** ‘лесное пастбище’ (Арх.: Уст.) (КСГРС), ***приго́н*** ‘отгороженное место для скота, загон, пастбище’ (Арх.: В.-Т., Леш., Он.) (КСГРС), ***прого́н*** ‘огороженная дорога для скота’ (Влг.: Влгд., Ваш., Вож., Сямж., У.-Куб., Хар., Череп.) (КСГРС), (Влг.) (Дилакторский: 413), (Яр.) (Мельниченко 1961: 167), ***су́гон*** ‘выгон’ (Влг.: Нюкс.) (КСГРС).

Многочисленны образования от корня ***город-*** (< праслав. **gord-*, связан чередованием гласных с **gьrd-* (> ***жердь***)): ***горожéнец*** ‘дорога между изгородями, по которой гонят скот на пастбище; прогон’ (Иван.) (ЯОС 3: 100), ***вы́город*** ‘место, отгороженное от полей, для пастьбы скота, выгула птицы’ (Киров.: Халт.) (КСГРС), (Арх.: Пин., Плес., Холм.) (АОС 6–7: 172), ‘огороженное пастбище’ (Арх.: Пин.)

(КСГРС), (Влг.: Хар.) (СВГ 1: 90), (Новг.: Валд.) (НОС 1: 147), ***вы́города*** ‘место, отгороженное от полей, для пастьбы скота, выгула птицы’ (Влг.: Гряз.) (Дилакторский: 72), (Влг.: Гряз., М.-Реч., Тарн.) (СВГ 1: 90–91), (Костр.: Буйск., Галич.) (КрКОС: 73), (Яр.) (Мельниченко 1961: 47), (Яр.: Ареф., Брейт., Влад., Гавр., Дан., Люб., Масл., Некр., Перв., Пересл., Петров., Пош., Преч., Рыб., Толб., Тут., Угл., Яросл.; Костр.: Галич., Чухл.) (ЯОС 3: 51), (Яр.: Пош.) (КСГРС), ‘место, куда загоняют скот в полдень’ (Яр.: Тут.) (ЯОС 3: 51), ‘изгородь, которой огораживают выгон для скота’ (Яр.: Пош.) (ЯОС 3: 51), ‘огороженное пастбище’ (Влг.: Ваш., Влгд., Гряз., Кад., Сямж., Устюж.) (КСГРС), (Влг.: Вож., Гряз., М.-Реч., Сямж.) (СВГ 1: 90–91), (Яр.) (Мельниченко 1961: 47), (Новг.: Борович., Любыт., Оп., Полав., Хв., Холм.) (НОС 1: 147), ***вы́городень*** ‘место, отгороженное от полей, для пастьбы скота, выгула птицы’ (Киров.: Халт.) (КСГРС), ***вы́городина*** ‘то же’ (Арх.: Котл.) (АОС 6–7: 172), ***вы́городка*** ‘то же’ (Киров.: Халт; Костр.: Чухл.; Яр.: Пош.) (КСГРС), (Арх.: Карг., Шенк.) (АОС 6–7: 172), ‘место, куда загоняют скот в полдень’ (Яр.: Больш..) (ЯОС 3: 51), ‘огороженное пастбище’ (Арх.: Карг.; Влг.: Бабуш., Влгд., Гряз., Тот.) (КСГРС), (Арх.: Карг., Он., Шенк.) (АОС 6–7: 172), (Влг.: Влгд., Кадн., Тот.) (Дилакторский: 72), (Новг.: Холм.) (НОС 1: 147), ***вы́городок*** ‘место, отгороженное от полей, для пастьбы скота, выгула птицы’ (Арх.: Карг., Он.; Влг.: Ваш.; Карел.: Пуд.) (СРГК 1: 257), (Арх.: Нянд., Он., Уст.) (АОС 6–7: 172), ‘огороженное пастбище’ (Арх.: Карг., Нянд., Плес.; Влг.: Ваш.) (КСГРС), (Арх.: Карг.) (АОС 6–7: 172), (Новг.: Пест.) (НОС 1: 147), ***вы́городочек*** ‘место, отгороженное от полей, для пастьбы скота, выгула птицы’ (Арх.: Карг.) (СРГК 1: 257), ***вы́городь*** ‘то же’ (Костр.: Антр., Макар.) (КрКОС: 73), (Яр.: Тут.) (ЯОС 3: 51), ***за́города*** ‘огороженное пастбище (в поле, на лугу, в лесу)’ (Костр.: Костр., Нер., Шар.) (КрКОС: 120), (Яр.) (Мельниченко 1961: 69), (Яр.: Бор., Дан., Люб., Петров., Пош., Рост.; Костр.: Нер.)

(ЯОС 4: 66), ***за́городь*** ‘то же’ (Яр.: Бор., Курб., Петров., Тут., Угл.; Костр.: Костр.) (ЯОС 4: 66), ***изгоро́д*** ‘то же’ (Яр.: Угл.), ***и́згорода*** ‘то же’ (Яр.: Пош.), ***изгоро́да*** ‘то же’ (Яр.: Угл.) (ЯОС 4: 136–137), ***огоро́д*** ‘участок, огороженный для пастьбы скота’ (Влг.: Сок., У.-Куб.) (СВГ 6: 23), ***огоро́дка*** ‘огороженное место для скота на пастбище’ (Влг.: Влгд.; Карел.: Белом.; Ленингр.: Подп.) (СРГК 4: 142), ***о́городь*** ‘огороженное место для скота в поле, лесу’ (Яр.: Яросл.) (ЯОС 7: 31), ***огоржжо́нка*** ‘участок, огороженный для пастьбы скота’ (Влг.: Баб., Ник.) (СВГ 6: 24), ***при́город*** ‘лесной выгон около селений, преимущественно для лошадей’ (Влг.: В.-Уст., Ник.) (Дилакторский: 404), (Вят.) [Зеленин 1991: 126], ‘огороженное пастбище’ (Влг.: Кир.) (КСГРС), ‘отдельный участок пастбища’ (Киров.: Халт.) (КСГРС), ***при́города*** ‘лесной выгон около селений, преимущественно для лошадей’ (Влг.: Ник.) (Дилакторский: 404), ‘огороженное пастбище’ (Влг.: Кир., Ник.; Киров.: Кот., Халт.; Костр.: Нейск.) (КСГРС), (Влг.: Череп.; Ленингр.: Кириш.) (СРГК 5: 153), ***пригоро́дка*** ‘то же’ (Влг.: Кир.) (КСГРС).

‘Лесной загон для скота, огороженное пастбище в лесу’ в севернорусских диалектах ((Арх.: Вель., Вин., В.-Т., Карг., Котл., Уст.; Влг.: Ваш., В.-Важ., Вож., Выт., Кир., Сямж., Тот., Хар.; Киров.: Халт.; Костр.: Пыщуг.) (КСГРС), (Арх.: Он.; Влг.: Бел., Ваш., Выт., Череп.; Карел.: Медв., Пуд.) (СРГК 4: 238), (Влг.: В.-Важ., Вож., Ник., Сок., У.-Куб.) (СВГ 6: 73), (Яр.) (Мельниченко 1961: 135), (Яр.: Нек., Пош., Угл.; Костр.: Солиг.) (ЯОС 7: 57)) обозначается словами ***о́сек***, ***осе́к***. Синонимична лексема ***о́сека*** (Яр.: Ареф., Большс.) (ЯОС 7: 57). Зафиксировано также ***осе́ка*** ‘отгороженный изгородью от захода скота участок луга или леса’ (Помор.) (Мосеев 2005: 89). Лексема ***о́сек*** имеет и значение ‘огороженная дорога для скота’ (Арх.: Карг.) (КСГРС). Указанная выше семантика производна от ***о́сек*** ‘изгородь из срубленных неочищенных деревьев’ (Арх.: Вель., Вил., Вин., В.-Т., Карг., Кон., Котл., Леш., Он., Пин., Уст., Шенк.; Влг.: Ба-

буш., Бел., Ваш., Вож., Выт., Гряз., К.-Г., Кир., М.-Реч., Ник., Нюкс., Сямж., Хар.; Киров.: Халт.; Костр.: Пыщуг.) (КСГРС), (Влг.: Вель., Кадн., Ник., Тот., Устьс., Ярен.) (Дилакторский: 331), (Яр.) (Мельниченко 1961: 135). Корень ***сек-*** праславянского происхождения (< **sek*-), > русск. ***сечь*** 'срубать, отрубать' (Шведова 2007: 877). Многочисленны приставочные производные: ***заосе́чье*** 'огороженное место для скота' (Киров.: Халт.) (КСГРС) **(**ср.: ***заосе́чье*** 'покосы, пожни, отделенные от пастбища забором' (Влг.: Вель.) (Дилакторский: 158), (Влг.: В.-Важ.) (Доп. Опыт: 60), 'лес за изгородью, оберегаемый от скота' (Влг.) (Даль 1: 611)**)**, ***за́сека*** 'огороженное место, загон в лесу' (Арх.: Вин., Пин.) (КСГРС), 'выделенные под пастбища луга' (Влг.: Ваш.) (СРГК 2: 198) **(**ср. ***за́сека*** 'изгородь из жердей' (Влг.: Бел., Выт.) (КСГРС)**)**, ***при́сека*** 'пастбище' (Влг.: К.-Г.) (КСГРС), (Влг.: Череп.) (СРГК 5: 199), ***про́сек*** 'огороженное пастбище' (Влг.: Кир.) (КСГРС).

Производно от ***обводи́ть*** 'провести вокруг или мимо чего-либо' (Шведова 2007: 532) (стар. ***ободи́ть***) севернорусское ***о́бод*** 'изгородь вокруг пахотной и сенокосной земли' (Арх.) (Опыт: 134; Подвысоцкий 1885: 105), 'пастбища вокруг деревни' (Арх.: Холм.) (КСГРС), 'покос, поле или пастбище, обнесенные изгородью' (Арх.) (Опыт: 134; Даль 2: 609), (Арх.: Он., Прим.; Влг.: Выт.) (КСГРС), (Арх.: Он.) (СРГК 4: 95–96), (Олон.: Карг., Пв., Пт.) (Куликовский 1898: 68).

При крестьянском доме специально огораживали территорию для содержания домашних животных: ***одворе́ц*** 'огороженное место для скота' (Влг.) (Дилакторский: 314), ***забо́р*** 'огороженное место для скота при доме' (Яр.: Дан.) (ЯОС 4: 55), ***зау́лок*** то же' (Арх.: Карг.; Влг.: Влгд., Череп.) (КСГРС). Огороженным был и прогон для выхода скота на пастбище: ***зау́к*** 'огороженный прогон для скота' (Влг.: К.-Г.) (КСГРС), ***проу́лок*** 'то же' (Ленингр.: Тихв.) (СРГК 5: 313) **(**ср.: ***проу́лок*** 'пространство между соседними домами' (Арх.: Он.; Влг.: Кир., Чаг., Шексн.; Ка-

рел.: Прион.; Ленингр.: Кириш.; Мурм.: Тер.) (СРГК 5: 313), (Яр.) (Мельниченко 1961: 169), ‘небольшая улочка, переулок’ (Влг.: Тот.) (Дилакторский: 418), (Арх.: Карг.; Влг.: Череп.) (СРГК 5: 313)), ***устъу́лица*** ‘огороженный проход для скота’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС), ***устъу́лка*** ‘то же’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС), ***разу́лица*** ‘огороженная дорога для скота’ (Влг.: В.-Уст.), ***разу́лицы*** ‘место расхождения выгороженных проходов для скота’ (Влг.: Бабуш.) (КСГРС) (ср.: ***разу́лица*** ‘место между двумя огородами, проулок’ (Влг.: К.-Г.) (КСГРС)), ***розу́лица*** ‘огороженная дорога для скота’ (Влг.: В.-Уст.) (КСГРС) (ср.: ***розу́лица*** ‘проулок’ (Влг.: Бабуш.; В.-Уст.)) (КСГРС), ***осту́лок*** ‘огороженная дорога для скота’ (Арх.: Леш.) (КСГРС) (ср.: ***осту́лок*** ‘проулок’ (Арх.: Леш.) (КСГРС)). Экспрессивным дериватом последнего является ***остю́лька*** ‘огороженная дорога для скота’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС).

Для того, чтобы домашние животные не топтали посевы, устраивали огороженный выгон для скота рядом с полем или в поле: ***запо́лица*** ‘огороженное место для скота в поле, в лесу’ (Яр.: Преч.) (ЯОС 4: 94), ***запо́лосок*** ‘выгон для скота за полем’ (Влг.: Сямж.) (СВГ 2: 140–141), ***заво́р*** ‘огороженное место для скота в поле’ (Яр.: Пош.) (ЯОС 4: 62), ***закла́дка*** ‘огороженное пространство для прогона или содержания скота’ (Арх.: Карг.; Новг.: Любыт.) (СРГК 2: 131), ***запертúще*** ‘огороженное пастбище для скота’ (Олон.: Пуд.) (Куликовский 1898: 27), (Карел.: Медв.) (СРГК 2: 172), ***кле́тка*** ‘пастбище, огороженное со всех сторон, где скот пасется в течение определенного времени’ (Арх.: В.-Т.; Влг.: В.-Важ., В.-Уст.) (КСГРС), (Арх.: Вель.; Влг.: Вож., Сямж., Тот.) (СВГ 3: 65), ***отво́д*** ‘огороженное место для скота в поле’ (Яр.: Угл.) (ЯОС 7: 62), ‘место, отведенное под пастбище’ (Влг.: Баб., Бел., Кир.) (СРГК 4: 280), (Новг.) (Даль 2: 715) (ср. ***отво́д*** ‘изгородь из жердей в поле’ (Новг.) (Даль 2: 715), (Яр.: Некр., Рост.) (ЯОС 7: 62)), ***приме́р*** ‘выгон, пастбище’ (Твер.) (Даль 3: 427) (ср.: ***приме́р*** ‘часть поля, в котором

каждый домохозяин получает полосу’ (Яр.) (Мельниченко 1961: 164), < ***приме́рить*** ‘определить величину, протяженность кого-, чего-нибудь какой-нибудь мерой’ (Шведова 2007: 441)), ***ста́йка*** ‘обнесенное изгородью пастбище’ (Влг.: Ваш., Кир.) (КСГРС).

В сельской традиции не принято выпасать различных домашних животных вместе: отдельные пастбища избирались для разных видов животных и животных, различных по возрасту, на что указывает внутренняя форма названий. Пастбище для лошадей номинируется ***коневя́з*** ‘пастбище, где пасутся привязанные, стреноженные кони’ (Арх.: В.-Т.), ***коневи́ще*** ‘то же’ (Киров.: Халт.) (КСГРС), ***ко́новязъ*** ‘низшего качества луговая земля, собственно выгон, где пасут лошадей, привязывая их к кольям’ (Арх.: Он., Холм., Шенк.) (Подвысоцкий 1885: 70), ***жеребя́тник*** ‘пастбище для лошадей’ (Влг.: М.-Реч.) (СВГ 2: 84). Коровы выпасаются на ***коро́внице*** ‘огороженное место для скота под открытым небом’ (Яр.: Пересл.) (ЯОС 5: 70), ***коро́вье*** ‘луг, пастбище для коров’ (Яр.: Некр.) (ЯОС 5: 70). Телят и жеребят пасут отдельно. Объяснение этому дано П. А. Дилакторским: ***теля́тник*** ‘отгороженная часть поскотины для пастбища телят и жеребят отдельно от большого скота, чтоб последний не мог изуродовать их’ (Влг.: Сольв., Устьс., Ярен.) (Дилакторский: 500). Фонетические и акцентологические варианты последнего слова многочисленны: ***те́летник*** ‘место, огороженное близко от селения, для пасения телят, овец и лошадей’ (Арх.: Шенк.) (Опыт: 227), (Влг.: Сольв., Устьс., Ярен.) (Дилакторский: 500), (Арх.: В.-Т., Пин., Холм.) (КСГРС), ***теле́тник*** ‘огороженное пастбище для скота’ (Арх.: Холм.) (КСГРС), ***теле́дник*** ‘то же’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС), ***те́лядник*** ‘то же’ (Арх.: Вин.) (КСГРС), ***те́лятник*** ‘то же’ (Арх.: В.-Т., К.-Б., Котл.; Костр.: Кологр., Меж.) (КСГРС). С меной *р/л* отмечено ***те́ретник*** ‘пастбище для телят’ (Арх.: Лен.) (КСГРС).

Поскольку скот выпасали только летом, а зимой содержали в стойлах, пастбище называют ***ле́товище*** ‘расчищенное место в лесу, где пасется скот, пастбище’ (Влг.: Ник., Тот., Ярен.) (Дилакторский: 243), (Влг.: К.-Г., Ник.) (КСГРС), (Арх.: Вель.; Влг.: К.-Г., Ник.) (СВГ 4: 38).

Пастбище, как правило, располагается вблизи водоема, который используется как для купания животных, так и, в основном, как источник воды для поения скота. ‘Место на реке, водоеме, где поят скот или куда приходят пить звери’ в русском литературном языке обозначается лексемой ***водопо́й*** (Шведова 2007: 101). Корень *пой-* праславянского происхождения: восстанавливается праслав. **pojь* ‘напиток’, которое связано чередованием с **piti* (русск. ***пить***). В севернорусских диалектах корень регулярно встречается в наименованиях мест поения животных: ***попо́й*** ‘место на реке, где поят скот’ (Псков., Твер.) (Даль 3: 297), ***по́йло*** ‘то же’ (Карел.: Медв.) (СРГК 5: 37), ***попо́емка*** ‘то же’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС), ***попо́йка*** ‘то же’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС), ***водопо́ина*** ‘место у водоема, где поят скот’ (Кол.) (Меркурьев 1979: 28), ***водопо́й*** ‘сырое, заболоченное место’ (Влг.: У.-Куб.) (КСГРС).

В значении ‘место, где поят лошадей’ (Твер.) в источниках XIX в. приводится слово ***наводо́кша*** с вариантом ***наводо́кшина*** (Доп. Опыт: 124; Даль 2: 387). Вторым значением лексемы является ‘прорубь и место иордани в Крещенье’ (Твер.) (Доп. Опыт: 124; Даль 2: 387). Несмотря на внешнее сходство с русск. ***вода́***, интервокальное *-кш-* указывает на заимствование из карельского источника, однако с точки зрения семантики наиболее точные параллели обнаруживаются в финском языке, ср. фин. *vataja* ‘выгон, огороженное пастбище’, ‘большая равнина’, ‘большое водное пространство’, ‘место с медленным течением или без течения, плес’, ‘подобное озеру или заливу спокойное водное расширение в реке или ручье (например, выше плотины или ниже порога)’, при карел. юж., ливв. *vadaja* ‘куст с тонкими побегами’, ‘густой

широкий куст’, а также производные фин. *vataikko* ‘ивняк, крепкий лозняк или можжевельник, малинник’, ‘зарастающая плохая земля’, ‘стланик, сырой густой кустарник’, ‘плохой лес’, карел. *vadajikko* ‘кустарниковое место’, ‘болотистое место, поросшее высоким вереском, карликовыми березками и ивами’, ‘невысокий кустарник’ (SKES 6: 1672–1673).

Удобным для водопоя местом является ***за́водь*** ‘залив в реке, озере, ручье, болоте’ (Арх.) (Подвысоцкий 1885: 47), (Яр.) (Мельниченко 1961: 68), (Влг.: Череп.) (Герасимов 1910: 39), (Помор.) (Гемп 2004: 287), ср. русск. литер. ***за́водь*** ‘небольшой залив в реке (или озере) с замедленным течением’ (Шведова 2007: 243). Здесь специально ставили изгородь, перегораживающую реку (Влг.: Кадн.) (Дилакторский: 142). Вдоль изгороди для животных шел безопасный проход на другой берег. Здесь же они могли утолить жажду. Более глубокое место называли ***плаве́ж*** ‘место на реке, удобное для переплава скота и лошадей’ (Арх.: Шенк.) (Опыт: 158).

Лексически особо отмечен водоем, где купают лошадей: ***кони́нка*** ‘место, где купают лошадей’ (Ленингр.: Подп.) (СРГК 2: 414), ***подконеви́ца*** ‘водоем, место, где купают лошадей’ (Влг.: В.-Уст.) (СВГ 7: 96).

Для того, чтобы выпас скота мог быть обеспечен меньшим количеством людей, пастбище могло быть устроено на острове: ***отво́зный остров*** ‘общий для пастбища многим селеньям, куда на лето отвозят скот водою’ (Арх.) (Даль 2: 715).

Социальные отношения в номинациях пастбищ отражаются редко: ***крестья́нская вы́года*** ‘кустарник, неудобное для выпаса место, где крестьяне пасли свой скот’ (Яр.: Перв.) (ЯОС 5: 89), ***голо́дный луг*** ‘в противоположность сенокосному лугу: пастбище для домашнего скота’ (Вят.) [Зеленин 1991: 42], ***полу́шка*** ‘небольшой выгон’ (Карел.: Медв.) (СРГК 5: 68) (ср.: ***полу́шка*** ‘мера земли, которая делится на копейки, денежки, полушки’ (Костр.: Кологр.) (Доп. Опыт: 197; Даль 3: 266), ‘земельный надел’ (Костр.: Меж.)

(КСГРС), < ***полу́шка*** ‘в старину: мелкая медная монета в четверть копейки’ (Шведова 2007: 692)).

Экспрессивные наименования немногочисленны: ***гуля́нка*** ‘место выпаса коров, пастбище’ (Костр.: Галич., Макар., Сусан.) (КрКОС: 95), *позову́ха* ‘пастбище, выгон’ (Яр.: Пош.) (Даль 3: 233), ***позову́шка*** ‘то же’ (Яр.: Пош.) (Даль 3: 233), ***кишка́*** ‘узкий прогон для скота’ (Яр.: Больш.) (ЯОС 5: 33).

Заимствованнное из европейских языков ***гурт*** ‘место, где пасется стадо’ (Арх.: Вин., Карг., Пин., Уст.) (АОС 10: 157) пришло через посредство русского литературного языка: ср. русск. литер. ***гурт*** ‘большая группа домашних животных, перегоняемая с одного места на другое’, < польск. *hurt* из ср.-в.-нем. *hurt* ‘загон из сплетенных прутьев для ночевки скота’ (Шведова 2007: 176). Лексема ***ре́йда*** ‘пастбище, выгон’ (Ленингр.: Подп.) (СРГК 5: 512) может интерпретироваться как производное жен. р. от ***рейд*** ‘место стоянки кораблей’, которое рассматривают как заимствование из голл. *reede* ‘водный район у берега, используемый для якорной стоянки или перегрузки судов’ (Фасмер 3: 463). Трансформация семантики связана с тем, что побережье при перевозке лошадей использовалось для их выгула.

Ряд севернорусских названий пастбищ (преимущественно пастбищ для оленей) заимствован из языков местных народов.

1. ***Ва́чуга*** ‘стойбище для ездовых оленей’ (Арх.) (Даль 1: 168), ***ба́чега*** ‘загородка для мелкого скота на выгоне’ (Арх.) (Даль 1: 56), (Арх.: Пин., Холм.) (Подвысоцкий 1885: 5), (Новг.: Мош.) (НОС 1: 40).

При учете фиксации ***вачу́жня*** ‘стадо оленей (близ чума, шалаша у самоедов)’ (Арх.) (СРНГ 4: 79) интерпретируется (Фасмер 1: 281; Аникин 6: 140–141) как заимствование из саам. ср. норв. *vāǯâ*, кильд. *vāᴅˈž*, терск. *vādˈž* ‘молодая самка оленя’ (Itkonen 1958: 709).

2. ***Е́дома*** ‘выгон для скота’ (Арх.) (Даль 4: 660), ‘лесотундровые и лесные зимние пастбища для оленей’ (Помор.) (Мосеев 2005: 58).

< Ненец. *ёда”ма* ‘насиженное место’ < *ёда(сь)* ‘привыкнуть (к какому-либо месту)’ (Терещенко 1965: 117), ср. также *ёдэй” тер”* ‘малооленные ненцы, живущие по берегам Оби и занимающиеся рыболовством (в отличие от ненцев, живущих в глубине тундры)’ (Терещенко 1965: 117). Исходное значение ‘пастбище для оленей вблизи стоянки оленеводов’.

3. ***Кара́ль***, ***кора́ль*** ‘загон для пересчета оленей’ (Арх.: Мез.) (КСГРС).

< Ненец. *кораль* ‘загон, устраиваемый при помощи шестов и веревочной сетки, куда загоняют оленей для подсчета, прививок и т. п.’ (Терещенко 1965: 157). Из ненец. слово также заимствовано в коми: иж. *карал*, *караль* ‘загон для подсчета и вакцинирования оленей’ (ССКЗД: 148).

4. ***Карса́к*** ‘загон для оленей’ (Арх.: Мез.), ***корса́к*** ‘то же’ (Арх.: Леш., Мез.), ***корша́к*** ‘то же’ (Арх.: Леш.) (КСГРС).

< Ненец. крайне-зап. *хăрсак* ‘загон для поимки ездовых оленей’ (Терещенко 1965: 751). Колебание начальных *к/х* довольно часто встречается как в самом ненецком языке, так и в русском при передаче ненецких лексем. Это колебание, видимо, связано с качеством ненецкого *х*, который является более глубоким заднеязычным, чем русский [Терещенко 1953: 81]. Из ненец. слово также заимствовано в коми: иж. *карзак* ‘загон для подсчета и вакцинирования оленей’ (ССКЗД: 148).

5. ***Ка́ска*** ‘лесное пастбище’ (Арх.: Пин.) (КСГРС).

< Приб.-фин., ср. карел. *kaski*, *kaški*, ливв. *kaski* ‘подсека, пожог’, *kaskez*, *kaskes* ‘поросшее молодым лиственным (березовым) лесом место, пригодное для подсеки или бывшее под подсекой’, люд. *kask(i)*, *kaśk*, *kašk* ‘подсека (до выжига)’, *kases*, *kaskes* ‘бывшая подсека, поросшая кустарником’, вепс. *kaśk* ‘подсека’, *kaskez* ‘молодой смешанный лес’, фин. *kaski* ‘сваленный и сожженный (лиственный) лес, подсека, пожог’, ‘поля-

на на месте бывшего пожога’, ‘молодой лиственный лес’, ‘молодая береза’ (SKES 1: 168; SSAP 1: 323); [Мамонтова, Муллонен 1991: 37]. Этимология предложена Я. Калима [Kalima 1919: 109], см. также (Фасмер 2: 206). Значение ‘лесное пастбище’ вторично.

6. ***Ке́гора*** ‘зимнее пастбище для оленей, обильное ягелем’ (Арх.: Кол.) (Подвысоцкий 1885: 65; Меркурьев 1979: 64), (Мурм.: Тер.) (СРГК 2: 338), ***те́гора*** ‘обильная ягелем местность для пасьбы оленей’ (Арх.: Кол.) (Подвысоцкий 1885: 65), (Кол.) (Меркурьев 1979: 157), ‘место, поросшее ягелем’ (Помор.) (Мосеев 2005: 68).

Возможно, источником заимствования является лексема субстратного финно-угорского языка, родственная фин. *keko* ‘куча’, ‘стог сена’, ‘скирда хлеба’, ‘муравейник’, карел. *kego* ‘куча’, ‘скирда ржи’, люд. *kego* ‘хлеба стог, скирда’, вепс. *kego* ‘травы, хлеба скирда’, эст. *kägu* ‘толпа, стая’ (SKES 1: 178; SSAP 1: 339). В этом случае перед нами производное с суффиксом *-r-*.

Альтернативная версия — сопоставление с саам. *kikker* ‘треугольная кость задней части оленьего черепа’ (Itkonen 1958 1: 127), сонг. *k’ėɔk’k’eŗ-vuaivɐžˈ* ‘нижний край задней части черепа (оленя, человека)’ (Itkonen 1958 1: 861); ср. в топонимии саам. *Kikker-jarg* > русск. *Кегоръ*, *Кекуръ* [Itkonen 1958 1: 979]. Последнее сопоставление обосновано Н. В. Кабининой [Кабинина 2011: 252].

7. ***Ке́летник***, ***ке́ледник*** ‘земельный надел для покоса и пастьбы лошадей’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС).

География и мена *к’/т’* (ср. коми вым. *келега* ‘телега’ (ССКЗД: 366)) в пользу обратного заимствования из коми (**телетник/*келетник* < русск. ***телятник***), однако коми словари соответствующую форму не фиксируют.

8. ***Ко́пище*** ‘истоптанное и разрытое копытами оленей при отыскании мха место’ (Арх.) (Доп. Опыт: 87–88), (Арх.) (Даль 2: 158), (Арх.: Мез.) (Подвысоцкий 1885: 70), ***копи́-***

ще ‘то же’ (Арх.: Мез.) (КСГРС), ***ко́пище*** ‘использованное оленье пастбище’ (Арх.: Мез.) (КСГРС).

< Приб.-фин., ср. фин. *koppeli* ‘небольшое огороженное место’ (< швед. диал. *koppel* ‘маленький крюк’, ‘небольшое огороженное место рядом с домом’ < эст.), эст. *kopel*, *koppel* ‘выгон’, ливск. *koppel* ‘огороженное пастбище’ (< эст.) (SKES 2: 217; SSAP 1: 400). На русской почве оформлено суффиксом -*ищ*-. На стыке корня и суффикса произошло упрощение группы согласных *пл’* > *п’*.

9. ***Кульма́*** ‘загон для скота на пастбище’ (Помор.) (Мосеев 2005: 73), ‘тупик, угол (на местности)’ (Помор.) (Мосеев 2005: 73).

Лексему можно сопоставить с приб.-фин., ср. фин. *kulutaa* ‘овсяное поле’, ‘низина’, ‘дважды или трижды возделанная заросшая подсека’, карел. ливв. *kulutuа* ‘пустошь, залежь, негодная к обработке земля’, люд. *килитио* ‘пал, пожог, который уже был сначала засеян рожью, засеянный овсом’, вепс. *kuluta* ‘поле’ (SKES 2: 235; SSAP 1: 433). Произошла трансформация семантики: ‘заросшая подсека’ > ‘пастбище’.

10. *Лапта́* ‘обширная безболотная с моховым пастбищем тундристая равнина’ (Арх.: Мез.) (Доп. Опыт: 99; Подвысоцкий 1885: 81), (Коми АССР, Печор.) (КСГРС), ‘моховое пастбище для оленей, ограниченное гривками’ (Арх.) (Даль 2: 237).

< Ненец. *лабта*, *лапта* ‘равнина, плоская низменность, низина; поле’ (Терещенко 1965: 162–163, 178), *lapt* ‘то же’ (Lehtisalo 1956: 220). Ненецкое слово считается исконным и возводится к прасамод. **ləptå* ‘ровный’, ‘равнина’ (Janhunen 1977: 81). Из ненец. заимствовано также коми иж. *лапта* ‘гладкое место’ [Туркин 1985: 119].

Этимологию см. в (Фасмер 2: 460); [Пантелеева 1969: 47].

11. ***Лы́вочка*** ‘пастбище’ (Влг.: Ник.) (КСГРС).

Русск. ***лы́ва*** как географический термин в различных значениях (‘лужа’, ‘ложбина, яма с водой’, ‘низкое сырое место’, ‘топкое место в болоте’ и т. п.) распространено повсе-

местно в Архангельской и Вологодской областях, имеет множество дериватов (КСГРС). Слово широкого распространения, повсеместно фиксируется на территории севера Европейской России, Урала и Сибири, см.: (СРНГ 17: 216–218).

< Приб.-фин.: фин., карел. *liiva* ‘ил, тина’ [Kalima 1919: 157], фин. *liiva* ‘ил, грязь, разбавленная кашеобразная или мокрая масса’, *liva* ‘слизь’, карел. *liiva* ‘то же’, ливв. *liivu* ‘ил’, люд. *liv*, *live* ‘то же’ (SKES 2: 294).

Этимологию см. в [Kalima 1919: 157]; (Фасмер 2: 539). Значение ‘пастбище’ вторично.

12. ***Ма́ньера*** ‘пастбище’ (Карел.: Медв.) (СРГК 3: 199).

< Приб.-фин., ср. фин. *manner*, *mantere* ‘земля, материк’, карел. ливв. *manner* ‘то же’, люд. *mander* ‘земля, которая через определенный промежуток времени заново делится между крестьянами’ (SKES 2: 333).

13. ***Наводо́кша*** ‘место, где поят лошадей’ (Твер.) (Доп. Опыт: 124).

< Саам., ср. швед. *wuotse* ‘выгон, поляна, луговая невозделанная земля’, норв. *wuocˈce* ‘то же’ (SKES 6: 1672–1673). Приставка *на-* возникла на русской почве.

14. ***Се́льга*** ‘пастбище’ (Карел.: Медв., Пуд.) (СРГК 6: 52).

< Вепс. *sel’g’it’ez* ‘росчисть (расчищенное место в лесу для пожни)’, *sel’g’itada* ‘чистить, очищать’ (СВЯ: 504–505), к которому следует возвести приводимое В. И. Далем русское ***се́льга*** ‘посека, росчисть, огнище, чищоба, кулига’ (Олон.) (Даль 4: 172). С точки зрения семантической производности, та же модель воплощена в русских диалектных ***чи́сть***, ***чи́ща***, ***чи́стеница***, ***чищени́на***, ***чи́щенница*** и др. ‘участок, расчищенный в лесу под поле, покос, пастбище; подсека’ (Арх., Влг.) (КСГРС).

15. В Верхнетоемском районе Архангельской области экспедицией УрФУ зафиксировано не отмеченное в других лексикографических источниках ***ча́рова*** ‘загон для скота на побережье водоема; изгородь, огораживающая участок

для выпаса скота (обычно спускается к воде)’ (Арх.: В.-Т.) (КСГРС). Лексема имеет множество вариантов, функционирующих в диалектах той же территории: ***ча́ровадь***, ***ча́ровать***, ***ча́ровда***, ***ча́ровода***, ***ча́роводь***, ***чавра́***, ***ча́вра***, ***ча́враяя***, ***ча́врая***, ***ча́вроя***, ***ча́ворга***, ***ча́рбана***, ***ча́рбода***, ***ча́рват***, ***ча́рвода***, ***ча́рговда***, ***ча́рговода*** (Арх.: В.-Т.) (КСГРС). Единично слово отмечено в Пинежском районе Архангельской области: ***ча́вра*** ‘то же’ (КСГРС). Географическое распространение лексемы в пользу заимствования из коми языка, в котором функционирует этимологически не разработанное слово *чарс* (вв.) ‘место, вытоптанное стадом лосей’ (ССКЗД: 405), однако различия в фонетике и семантике не позволяют считать это слово источником русских лексем. В данном случае следует предполагать заимствование из саамского, ср. прасаам. **ć̄ε̄rō*, саам. сев. *čœrro*, колт. *čeärr*, кильд. *čearr* ‘низкая сопка или низкая равнина’, терск. *čarra* ‘сопка, гора, поросшая ягелем’ (Lehtiranta 1989: 22–23; Itkonen 1958 1: 1025), *чāрр*, *чāр* ‘тундра’ (СРС: 387). Компоненты значения русской лексемы ‘на побережье водоема’, ‘изгородь’ нужно считать развившимися в русских диалектах, поскольку огораживание участка для выпаса скота является русской традицией.

16. ***Ю́хтега*** ‘изгородь, спускающаяся в воду для того, чтобы скот не обошел ее по отмели и не сделал потравы’ (Олон.) (Куликовский 1898: 142).

< Карел. ливв. *juohe*, род. п. *juohtien*, фин. *juohde*, род. п. *juohteen* ‘то же’ [Kalima 1919: 250]; (Фасмер 4: 536).

В целом, апеллятивные наименования объектов, связанных с животноводством, зафиксированные в диалектах Европейского севера России, свидетельствуют о развитом скотоводстве и активных контактах русского и местного (финно-угро-самодийского) населения в деятельности по разведению и выпасу домашних животных.

Сокращения географических названий

Антр. — Антроповский район Костромской области
Ареф. — Арефинский район Ярославской области
Арх. — Архангельская область, г. Архангельск
Баб. — Бабаевский район Вологодской области
Бабуш. — Бабушкинский район Вологодской области
Бел. — Белозерский район Вологодской области
Большш. — Большесельский район Ярославской области
Бор. — Борисовский район Ярославской области
Борович. — Боровичский район Новгородской области
Брейт. — Брейтовский район Ярославской области
Буйск. — Буйский район Костромской области
Валд. — Валдайский район Новгородской области
Ваш. — Вашкинский район Вологодской области
В.-Важ. — Верховажский район Вологодской области
Вель. — Вельский уезд Вологодской губернии, Вельский район Архангельской области
Вил. — Вилегодский район Архангельской области
Вин. — Виноградовский район Архангельской области
Влад. — Владычинский район Ярославской области
Влг. — Вологодская область
Влгд. — Вологодский район Вологодской области
В.-Т. — Верхнетоемский район Архангельской области
В.-Уст. — Великоустюжский район Вологодской области
Вож. — Вожегодский район Вологодской области
Выт. — Вытегорский район Вологодской области, Вытегорский уезд Олонецкой губернии
Вят. — Вятская губерния
Гавр. — Гавриловоямский район Ярославской области
Галич. — Галичский район Костромской области
Гряз. — Грязовецкий район Вологодской области
Дан. — Даниловский район Ярославской области
Заон. — Заонежский уезд Олонецкой губернии
Иван. — Ивановская область
Ил. — Ильинский район Ярославской области
Кад. — Кадуйский район Вологодской области
Кадн. — Кадниковский район Вологодской области
Карг. — Каргопольский район Архангельской области,

Каргопольский уезд Олонецкой губернии
Карел. — республика Карелия
К.-Б. — Красноборский район Архангельской области
К.-Г. — Кичменгско-Городецкий район Вологодской области
Кир. — Кирилловский район Вологодской области
Кириш. — Киришский район Ленинградской области
Киров. — Кировская область
Кол. — Кольский полуостров
Кологр. — Кологривский район Костромской области
Коми АССР — Коми автономная советская социалистическая республика
Кон. — Коношский район Архангельской области
Костр. — Костромская область, район г. Кострома
Кот. — Котельничский район Кировской области
Котл. — Котласский район Архангельской области
К.-Перм. — Коми-Пермяцкий автономный округ
Курб. — Курбинский район Ярославской области
Лен. — Ленский район Архангельской области
Ленингр. — Ленинградская область
Леш. — Лешуконский район Архангельской области
Лп. — Лодейнопольский уезд Олонецкой губернии
Люб. — Любытинский район Ярославской области
Любыт. — Любытинский район Костромской области
Макар. — Макаровский район Костромской области
Мант. — Мантуровский район Костромской области
Масл. — Масловский район Ярославской области
Медв. — Медвежьегорский район республики Карелия
Меж. — Межевской район Костромской области
Мез. — Мезенский район Архангельской области
Мош. — Мошенский район Новгородской области
М.-Реч. — Междуреченский район Вологодской области
Мурм. — Мурманская область
Нейск. — Нейский район Костромской области
Некр. — Некрасовский район Ярославской области
Нер. — Нерехтинский район Костромской области
Ник. — Никольский район Вологодской области
Новг. — Новгородская область, Новгородский район Новгородской области
Нюкс. — Нюксенский район Вологодской области
Нянд. — Няндомский район Архангельской области
Олон. — Олонецкая губерния
Он. — Онежский район Архангельской области

Оп. — Опеченский район Новгородской области
Пв. — Повенецкий уезд Олонецкой губернии
Перв. — Первомайский район Ярославской области
Пересл. — Переславский район Ярославской области
Пест. — Пестовский район Новгородской области
Петров. — Петровский район Ярославской области
Печор. — бассейн р. Печора
Пин. — Пинежский район Архангельской области
Плес. — Плесецкий район Архангельской области
Подп. — Подпорожский район Ленинградской области
Полав. — Полавский район Новгородской области
Помор. — Поморье (побережье Белого моря)
Пош. — Пошехонский район Ярославской области
Преч. — Пречистинский район Ярославской области
Прим. — Приморский район Архангельской области
Псков. — Псковская область
Пт. — Петрозаводский уезд Олонецкой губернии
Пуд. — Пудожский район республики Карелия, Пудожский уезд Олонецкой губернии
Пыщуг. — Пыщугский район Костромской области
Рост. — Ростовский район Ярославской области
Рыбн. — Рыбинский район Ярославской области
С.-Дв. — район г. Северодвинска Архангельской области
Севмор. — Североморский район Мурманской области
Сер. — Серединский район Ярославской области
Сок. — Сокольский район Вологодской области
Сольв. — Сольвычегодский уезд Вологодской губернии
Сусан. — Сусанинский район Костромской области
Сямж. — Сямженский район Вологодской области
Тарн. — Тарногский район Вологодской области
Твер. — Тверская область
Тер. — Терский район Мурманской области
Тихв. — Тихвинский район Ленинградской области, Тихвинский район Новгородской области
Толб. — Толбухинский район Ярославской области
Тот. — Тотемский район Вологодской области
Тут. — Тутаевский район Ярославской области
Угл. — Угличский район Ярославской области
У.-Куб. — Устькубенский район Вологодской области
Уст. — Устьянский район Архангельской области
Устьс. — Устьсысольский уезд Вологодской губернии

Устюж. — Устюженский район Вологодской области

Халт. — Халтуринский район Кировской области

Хар. — Харовский район Вологодской области

Хв. — Хвойнинский район Новгородской области

Холм. — Холмогорский район Архангельской области, Холмский район Новгородской области

Чаг. — Чагодощенский район Вологодской области

Череп. — Череповецкий район Вологодской области

Чухл. — Чухломской район Костромской области

Шар. — Шарьинский район Костромской области

Шексн. — Шекснинский район Вологодской области

Шенк. — Шенкурский район Архангельской области

Яр. — Ярославская область

Ярен. — Яренский уезд Вологодской губернии

Яросл. — Ярославский район Ярославской области

Сокращения языков и диалектов

вв. — верхневычегодский диалект коми языка

вепс. — вепсский язык

вым. — вымский диалект коми-зырянского языка

голл. — голландский язык

др.-русск. — древнерусский язык

и.-е. — индоевропейский праязык

иж. — ижемский диалект коми-зырянского языка

карел. — карельский язык

кильд. — кильдинский диалект саамского языка

колт. — колтовский диалект саамского языка

коми — коми-зырянский язык

к.-зап. — крайне-западный диалект ненецкого языка

ливв. — ливвиковский диалект карельского языка

ливск. — ливский язык

люд. — людиковский диалект карельского языка

ненец. — ненецкий язык

норв. — норвежский диалект саамского языка

польск. — польский язык

прасаам. — прасаамский язык

прасамод. — прасамодийский язык

праслав. — праславянский язык

приб.-фин. — прибалтийско-финские языки

русск. — русский язык

саам. — саамский язык

сев. — северный диалект саамского языка

сонг. — сонгельский диалект саамского языка

ср.-в.-нем. — средне-верхненемецкий язык
терск. — терский диалект саамского языка
фин. — финский язык
ф.-у. — финно-угорские языки
швед. — шведский язык, шведский диалект саамского языка
эст. — эстонский язык
юж. — южный диалект карельского языка

Литература

Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография / Пер. с нем. К. Д. Цивиной; примеч. Т. А. Бернштам, Т. В. Станюкевич, и К. В. Чистова; послесл. К. В. Чистова. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. 511 с.: ил. (Этнографическая библиотека).

Кабинина Н. В. Субстратная топонимия Архангельского Поморья. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2011. 342 с.: карта (Труды Топонимической экспедиции).

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1991. 160 с.

Пантелеева А. А. Ненецкие заимствования в севернорусских говорах // Взаимодействие языков. Свердловск, 1969. С. 45–57. (Ученые записки Уральского государственного университета. № 80; Серия филологическая. № 8).

Терещенко Н. М. О русских влияниях на ненецкий язык (по материалам лексики) // Языки и история народностей Крайнего Севера СССР: [сборник статей] / [Редкол.: Н. Н. Степанов (отв. ред.) и др.]. Л., 1953. С. 60–83. (Уч. зап. Ленингр. гос. ун-та. № 157; Серия Факультета народов Севера. Вып. 2).

Туркин А. И. Коми местные географические термины ненецкого и обско-угорского происхождения // Вопросы ономастики. Вып. 17: Топонимия Урала и севера Европейской части СССР. Свердловск: Уральский государственный университет, 1985. С. 117–125.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1919. XV + 265 s. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. XLIV).

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 431–441. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201835

Глаголы управленческой и хозяйственной деятельности в донских говорах Волгоградской области

Н. А. Тупикова, Н. А. Стародубцева

В статье рассматриваются глаголы, называющие процессы управленческой и хозяйственной деятельности. Описанию подвергаются единицы, зафиксированные в живой речи старшего поколения носителей донских говоров Волгоградской области. Разграничена семантика наделения / обладания властью, полномочиями и устроения хозяйственных дел, хозяйственной инфраструктуры. Выявлена иерархия сем в структуре значения выделенных групп слов, определяющая функциональный потенциал и позволяющая им выступать в качестве системообразующих элементов как парадигмы, так и конкретного высказывания.

Ключевые слова: лексикон диалектоносителей, донские говоры, семантика, глагол.

В Программе собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров глагольная лексика актуальных тематических групп, в отличие от имён, представлена фрагментарно. Однако состав и семантика глаголов требуют не меньшего исследовательского внимания, отражая многообразные явления окружающей действительности, материальной, духовной и других сфер жизни человека.

При этом одним из важнейших объектов «пристального наблюдения», как верно отмечал Б. А. Ларин, является речь старшего поколения диалектоносителей, поскольку ее изучение дает возможность фиксировать «отложения и реликты прошлого», «настоящую жизнь» народных говоров, «современные процессы их обогащения и переформирования» [Ларин 2003: 246–247].

В массиве фактов, извлеченных из электронного корпуса текстов, отражающих речь носителей донских говоров на территории Волгоградской области, выделяется речь информантов, которым на момент опроса было от 80 до 90 и более лет. Запись рассказов, представленных как воспоминания о наиболее ярких и запомнившихся исторических событиях, фактах, роли этих событий в судьбе близких, соседей, сельчан, — это то, что Б. А. Ларин связывал с так называемой «практической» речью («разговорами») носителей диалекта [Там же: 185–186].

Раскрывая содержание биографически важных сторон своей жизни, представители старшего поколения диалектоносителей используют глаголы разнообразной семантики [Тупикова, Стародубцева 2017], среди которых обращает на себя внимание интересный, хотя и немногочисленный материал, дополняющий наши сведения о рассматриваемом лексиконе в его иерархической организации. Если обобщить имеющуюся в научных классификациях информацию, то их можно отнести к языковым единицам со значением управленческой и хозяйственной деятельности, служащим для описания ситуаций социально-обобщенного характера. Названный пласт слов в его функционально-семантическом своеобразии, будучи одной из наиболее показательных частей словаря возрастных информантов, является, прежде всего, средством фиксации разных видов деятельности и социальной практики индивидов в самые сложные периоды развития российского общества на определенных этапах его истории.

Данная семантика противопоставляется ряду конкретно-физических значений глаголов и может рассматриваться в рамках различных семантических парадигм: 1) *наделение / обладание властью, полномочиями*; 2) *устроение хозяйственных дел, хозяйственной инфраструктуры.*

В первом случае наблюдается реализация категориальной лексической семы (КЛС) ‘осуществление администра-

тивно-управленческой деятельности’ (***поручить*** / ***вверить***, ***управлять***, ***руководить*** чем-либо, типовые глаголы: ***руководить***, ***управлять***, ***принять*** и др.).

В рассказах диалектоносителей эта семантика, прежде всего, выражается при употреблении глаголов с неопределенно-личным значением, когда субъект ограничен в своей неопределенности [Тупикова 1998: 12] и из контекста понятна уполномочивающая организация / власть. Кроме интегральной семы (ИС) ‘характер субъекта’ (‘одушевленный’), релевантными являются здесь также выступающие в комплексе ИС ‘характер объекта’ (дифференциальный признак (ДП) ‘неодушевленный’), ИС ‘сфера деятельности’ (ДП ‘управленческая’), ‘цель деятельности’ (ДП ‘организация целостной административной единицы’). В частности, Грибкова Евдокия Константиновна (Ермилова), 1929 г. р., из хутора Никитинский Михайловского района, так рассказывала о происхождении названия своего хутора: *Дед Никита наш — ему дали сюда направление арганизавать хутар Никитинский. И вот мы, па нашему деду, был назван этат хутар.* В структуре слова для указания на направленность административно-управленческой деятельности выражается ДС ‘прекращение существования административной единицы как целого’. Так, например, жительница хутора Дьяконовский Урюпинского района Авилова Мария Тихоновна, 1928 г. р., рассказывает о себе: *Фсе прафесии прашла, сакращали, а жить не на шо было, ну работала, а патом, када раион ликвидировали, судьба сюды забросила.*

Названная выше КЛС может актуализироваться под влиянием контекста. Например, такие случаи были зафиксированы при переносном употреблении глаголов перемещения, когда наблюдаются изменения в смысловой структуре слова: ДС ‘разнонаправленность движения’, имеющаяся в конкретном значении, изменяет свой статус, приобретая потенциальный характер, что способствует появлению в высказывании значения территориальной разобщенности как изме-

нений количественно-качественного состава населения территории, обусловивших управленческие реорганизационные решения. Например, Александрова Антонина Владимировна, 1936 г. р., из хутора Калиновский Киквидзенского района, повествует об истории появления на этих землях своих предков: *Тамбофский был боɣач, он купил тут землю сыну… бальшая Зинофка была, более 120 дамоф, но бальшая была Зинофка. Но патом фсё разашлося, фсё разъехалася. И у нас тут хутароф было скока. И этат хутар эт назывался Якушофка тута.* В данном случае можно говорить о контекстуальном выражении ДС ‘прекращение существования административной единицы как целого’ с помощью глаголов ***разойтись***, ***разъехаться***. Продолжая вспоминать, Антонина Владимировна добавляет: *А мой атец, он жил в Мачихе. А семья была бальшая у няɣо, у прадида было мноɣа сыноф, он купил землю тут, пирибросил сюда маво дедушку на Цыпляефку. Там Цыпляефка была, Вчерашние Щи были, а тут Якушофка, а там Дубаниканорафка. У нас тут мноɣа было сёл, а щас абъединили фсё в адно сяло, вот это и получилась Калинафка.* Управленческая деятельность в высказывании выражается на основе контекстуально-противопоставленных глаголов ***разошлось***, ***разъехалось*** — ***объединили***, приобретающих в рамках данной смысловой оппозиции общий ДП ‘реорганизация административной единицы как целого’.

Значение ‘наделение властью, полномочиями’ с КЛС ‘осуществление административно-управленческой деятельности’ в речи диалектоносителей встречается также тогда, когда глаголы используются для описания типичных социальных ситуаций приобщения объекта, не связанных с физическим обладанием предметом [Кузнецова 1987: 101–104]. Это происходит при доминировании в рамках ИС ‘цель осуществляемой деятельности’ ДП ‘получение в управление, в ведение административной единицы как целого’. Например, подобное наблюдается у глагола ***принять*** в рассказе Касьянова

Василия Афанасьевича, 1929 г. р., из села Мачеха Киквидзенского района: *Ну, вот я таким образым я в семьдисят третьим ɣаду был избран притсидатилим сельскава савета Мачишанскаɣа. Нада сказать, шо он тоɣда был па численнасти насиления, па тирритории — самый крупный в райони. Таɣда вот, каɣда я принял ево, ф састаф вхадила и Озёрка, это вы праежжали, вот эта вот сило, и ано вхадила.*

Административная деятельность может быть связана с передачей объекта в пользование, владение, распоряжение или с другой целью, например, с целью поощрения, отличия, благодарности. В массиве фактов такого рода лексика не единична — ***выдавать***, ***выделять***, ***выплачивать***, ***вручать***, ***награждать*** и др.: *И потом мне миллион семьдисят шесть тысяч выделили гасударства и квартиру купили* (Лысенко Пелагея Александровна, 1924 г. р., хутор Казаринский Киквидзенского р-на); *А, так вот, я помню, на рубашку атрез давали* (Касьянов Василий Афанасьевич, 1929 г. р., село Мачеха Киквидзенского р-на); *Приехал… «Ой, ма, я забыл тибе сказать, ўручили мине мядаль»* (Машлыкина Екатерина Степановна, 1936 г. р., станица Тепикинская Урюпинского р-на). В анализируемом материале выделяется пример, свидетельствующий о том, что информанты стремились творчески подойти к своему повествованию, включая в рассказ / воспоминание известные им сведения об истории казачества, легенды и предания. Так, Грибкова Евдокия Константиновна (Ермилова), 1929 г. р., из хутора Никитинский Михайловского района, следующим образом интерпретировала некоторые факты из русской истории о казаках: *Иван Грозный за ним* (т. е. Ермаком) *же ахотился и хател паймать, а он убежал туда на Яйск, за Урал, на Ертыш, … потом он с Ертыша паслал сваих… Ивану Грознаму миласти прасить, штоп памилавал. Помню, Кальцоф што ль ево звали. Он фсё-таки дабрался да Ивана Грознава и наградил Ермака саболей шубай и кальчугай.*

С семантикой принуждения при обозначении административно-управленческой деятельности используются глаголы и сочетания, имеющие типовое значение ‘заставлять выполнять делать что-либо, вопреки воле, используя различные средства принуждения’. Реализации данного значения способствует ДС ‘наложение взыскания, наказания’. Вот как, например, о своем проступке во время войны рассказала Бочарова Ольга Матвеевна, уроженка хутора Калачевский Киквидзенского района, 1901–1995 годы жизни: *Работали до черни. Клевако заведующим был. Идём оттели, пучку взяли сена тилятам. ...а он даɣнал и атабрал. Атабрал, ɣаварит: «Идите, — ɣаварит, — ф кантору, вас там пирилисывать будут»... — И что ж? Судили? Принуд дали. — Что ж тогда означал этот принуд? — Да, и зарплаты лишали, и бисплатни работали.*

В воспоминаниях жителей Волгоградской области такие значения глаголов встречаются довольно часто, так как события и Гражданской, и Отечественной войн на территории региона, и судьба донского казачества, отразившаяся в биографии людей, во многом окрашены в черные тона и связаны с административно-управленческими ситуациями ‘отчуждения, лишения’ (типовая семантика: ***лишать***, ***отнимать***, ***конфисковать***, ***кулачить***, ***раскулачивать***, ***экспроприировать***, ***обирать***, ***грабить*** и др.) (Васильев 2005: 54–57).

В семантической структуре лексических единиц со значением отчуждения / лишения доминируют ИС ‘характер субъекта’ (ДП: ‘одушевленный’ — конкретные лица, представители, ‘неодушевленный’ — уполномоченные органы, власть), ИС ‘характер объекта’ (ДП: ‘одушевленный’, ‘неодушевленный / конкретный’), ИС ‘цель административной деятельности’ (ДП: ‘лишение имущества / собственности’, ‘лишение права пользования чем-либо, лишение прав / свободы’), ‘характер административного отчуждения’ (ДП: ‘насильственный’ / ‘добровольный’).

Прежде всего это касается использования информантами глаголов ***кулачить*** (***по-***/***раскулачивать*** и под.), (***по***)***забирать*** (***вы-***/***забрать***), ***выгребать*** (***выгрести***) и др.: *Пака я радилась, прашла уж раскулачка. Дом у них был бальшой, но ево забрали. Дет ни фступал ф калхос сразу. Ну ево забрали. И дом этат сламали... Так вроди мы баɣата мы ни жыли. ɣаладавать ни ɣаладавали никаɣда, но баɣата канешна ни жыли. Претки мож баɣата жыли маи, но патом их раскулачили. Да вот фсе померли ф Сибири* (Буланкина Александра Ивановна, 1931 г. р., село Большая Ивановка Иловлинского р-на); *Тут вот был памещик Варонин, был памещик Носаф. Вот их раскулачивали. Ну и были такие, как ...ни баɣачи, а как сиридняки были... В общем, вот этих, как их раскулачивали. Ани были трудяɣи нивазможные... И вот каɣда саветская власть абразавалася, и вот их начали раскулачивать. ...И вот маминава дедушку, с маминай стараны дедушку её, раскулачили тоже. Вот он был Иван, Максим. Дедушка Максим... расстриляли, аɣа. Вот я уже пиривирнула на мамину сторону. Ну и каɣда, значит, этих раскулачили, этих сириднякоф, ани, значить, чё палучше, выбрали сибе, а чё пахуже — начали биднякам раздавать* (Иванова Дина Васильевна, 1938 г. р., село Большая Ивановка Иловлинского р-на); *Каɣда он* [дед] *вирнулся, ... у няво было три кряста, но какой степяни — я ни знаю, а были три кряста, так я видела черные крясты, а каɣда кулачили дальше, атец фсё отнёс в Бузулук: и крясты, и сабли — фсё пакидал* (Лысенко Пелагея Александровна, 1924 г. р., хутор Казаринский Киквидзенского р-на).

Иногда употребление языковой единиц дополняется оценочным глаголом, который выступает в составе рифмованной формы выражения значения, что усиливает впечатление от рассказа информанта. Так, Скворцова Клавдия Петровна, 1924 г. р., хутор Осиновский Урюпинского р-на, рассказывала: *Ну, а када уш ф трицать читвёртам стали дурачить — кулачить, атец был бриɣадирам. И нас — атца, ни аднаво*

яво, их миоɣа, их асудили на десять лет. ... Ну, уш када раскулачили-раздурачили — ничаво нет! В двацать шастом ɣаду. А патом-та фсё эта сɣаняли, сдавали ф калхос.

Употребление глагола в контексте может зависеть от характера объекта — одушевленного или неодушевленного (***забрать*** ‘репрессировать’, ***забрать*** ‘конфисковать’): *И вот и скульптивизации* [коллективизация] *када пашла, и от откулачинья, и энтих-т янты, (атец так из беднятских), он ɣаварил, када пришли к нииму, вот эта вот фсе панятые, ты-от, ɣаварит, бидняк, сам ты сирата ɣаваришь, и вот падём вот к этим — дескать, там у них выɣребать эт всё, он ɣаварит: «Нет, я ни спасобен»... И еɣо забрали* (Ключкина Екатерина Тихоновна, 1924 г. р., станица Тепикинская Урюпинского р-на); *Как в 29-ом гаду начали кулачить, так и сундук этат увизли. И шабалы забрали, и карову увизли. И авец пазабрали, и скатину фсю. Матири сундук увизли и фсё... приехал чилавек, ...с Масквы што ли... пашла, начала гаварить, а он написал бумашку «Нимедленна вернуть сундук и карову». Карову вернули, а за сундуком паслал, а там уж с её атрезаф и платья дитишкам панашили* (Александров Николай Федорович, 1935 г. р., хутор Калиновский Киквидзенского р-на); *Очинь симилетнее была абразавание харошее у нас ф силе. А нади в район ехать — у нас папку ф триццать сидьмом гаду забрали как враг народа — и фсё, я аселась, никуда ни паехала* (Кривцова Вера Алексеевна, 1923 г. р., хутор Калачёвский Киквидзенского р-на) и др.

Вторую семантическую парадигму составляют глаголы, реализующие КЛС ‘устроение хозяйственных дел, хозяйственной инфраструктуры’. В проанализированных воспоминаниях характерной особенностью использования глаголов для обозначения административно-хозяйственной деятельности является реализация семантики каузативности (приобщения имущества, обеспечения; отчуждения, конфискации

и под.) и автокаузативности (приобретения, приобщения; отчуждения, утраты и под.).

Дифференциальными признаками данного значения являются: 1) ‘компенсация, компенсированное приобретение’ (***давать***, ***начислять***, ***менять***, ***получать за плату*** и др.): *В вайну... нам же таɣда ни платили ни денег, ничё. Трудадни — палачки писали: была я ночь на работе — я заработала трудадень. Вот на ниво патом па триста грамм муки давали. Патом стали прибавлять* (Александра Васильевна Парамонова, 1926 г. р., село Завязка Киквидзенского р-на); *Трудадни писали да 64 года. 30 кароф даили! Кароф! 30 трудадней месяца! 30 палачек начислили тибе... фсё... Ф канце года па 5 капеик на трудадень дали!* (Александров Николай Федорович, 1935 г. р., хутор Калиновский Киквидзенского р-на); 2) ‘передача, дарение, сбыт чего-либо’ (***дать***, ***давать***(***ся***), ***нарезать***, ***выделять*** / ***выделяться*** кому-либо, ***дарить***(***ся***), ***продавать***(***ся***), ***отдавать***(***ся***) и др.): *А зимелька была: если ф силе есть пацан, то ему десять десятин даёца. А если фсе дифчата адни — ничиво. На дифчат ни было никакова пая, пая* (Кривцова Вера Алексеевна, 1923 г. р., хутор Калачевский Киквидзенского р-на); *А мне было 5 лет... Я помню харашо, как фсё забирали у нас, фсё. Я фсё харанила... А патом... эта... Наряды на тарги прадавали, нарядаф брали* (Мельникова Анна Гавриловна, 1926 г. р., хутор Калачевский Киквидзенского р-на); 3) ‘отчуждение как утрата’ (***утрачивать***, ***растаскивать***, ***пропадать*** и др.): *Ешо таɣда при церквях была — ана в Маскву ездила и разришили, разришили* [церковь], *ина была иткрыта. ...А питом пид зирно её, и всё растащили и повытащили* (Ключкина Екатерина Тихоновна, 1924 г. р, станица Тепикинская Урюпинского р-на); 4) ‘приобретение в пользование, владение’ (***обладать***, ***владеть***, ***иметь в своем распоряжении***, ***принадлежать*** и др.): *Мы вот тут вон сымали у пруда, как еɣо назвать? За Михальным прудом сымали, мать с бапкай сымали, ɣрадавичиха какая-т там была. Ана*

зямлей владела, у ней сымали — платили и сеяли (Бочарова Ольга Матвеевна, 1901 г. р., хутор Калачевский Киквидзенского р-на); 5) ‘получение как приобретение, приобщение’ (***наживать***, ***обживать***(***ся***), ***получать***, ***присваивать*** и др.): *Он* [отец] *па людям фсю жизнь работал, но а патом как бутто стали скалачиваца, как бутта сваих быков нажили там, лошатку какую-т имели, каровучку сваю имели* (Ключкин Николай Тихонович, 1927 г. р., станица Тепикинская Урюпинского р-на); *...Тут не было... Чирназёмта чирнозём, но дикая природа, ничиво не было. Надо было и с природай вести барьбу, а то так абживаца* (Василий Афанасьевич Касьянов, 1929 г. р., село Мачеха Киквидзенского р-на); и др.

Таким образом, рассмотренный материал позволяет говорить о том, что основным условием реализации обобщенного значения глаголов административно-управленческой и хозяйственной деятельности при описании социально-обобщенных ситуаций является семантика объектного распространителя, определяющего набор дифференциальных сем в смысловой структуре глагольной языковой единицы в контексте. Важным здесь является степень релевантности сем, связанных с выражением зависимости объекта от того, кто (непосредственно или опосредованно) может «осуществлять управление / хозяйственную деятельность» по отношению к данному субъекту. Материал показывает, что изучение глагольного слова в живой речи требует дальнейшей детализации семантических и смысловых лексических парадигм.

Литература

Кузнецова Э. В. Типы парадигм глаголов приобщения объекта // Системный анализ значимых единиц русского языка. Парадигматика в лексике и словообразовании / А. Н. Баранов, К. Б. Воронцова, Р. М. Гайсина; ред. Т. В. Шмелев. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1987. С. 101–104.

Ларин Б. А. Филологическое наследие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 948, [1] с.: ил., портр.

Тупикова Н. А. Формирование категории ин-персональности русского глагола. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 1998. 263 с.

Тупикова Н. А., Стародубцева Н. А. Обозначение процессов, направленных на деструктивное изменение объектов материального мира, в речи носителей донских говоров // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 504–515.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 442–449. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201836

Названия охотника на белок и глаголы со значением ‘охотиться на белок’ в русских народных говорах

М. В. Флягина

Статья посвящена обзору наименований охотника на белок и глаголов со значением ‘охотиться на белок’, существующих в русских говорах. Лексика охотничьего промысла демонстрирует актуализацию народных представлений о жизни зверей и птиц. Многообразие наименований охотника на белок показывает важность этой сферы деятельности в традиционной культуре русского народа и более высокую, чем в литературном языке, активность деривационных контактов, а также способность диалектного словопроизводства к синонимии и семантической деривации.

Ключевые слова: русские говоры, апеллятивы, диалектная лексика, семантическая деривация, диалектные глаголы, суффиксальный способ образования.

Разряд лиц по отношению к определенному роду выполняемой деятельности в лексике русских народных говоров охватывает обширную группу слов. Особое место среди указанных наименований занимают названия лиц, занимающихся охотничьим промыслом. Как отмечает Н. И. Кутепов в книге «Великокняжеская, царская и императорская охота на Руси», первые исторические известия о народах, живших в пределах нынешней России, характеризуют их как охотников [Кутепов 1896: 23]. В учебниках по охотоведению сообщается, что до XVI в. Россия являлась по существу единственной страной в мире, поставлявшей пушнину на международный рынок. Согласно этой точке зрения, охота в старший период развития государства имела широкое распространение, что связано с хорошими охотничьими ресурсами и навыками

населения, обширностью территории и разнообразием условий и видов животных. Традиционными охотничьими промысловыми территориями считаются севернорусские территории, что находит отражение в словаре диалектоносителей. В севернорусских говорах представлена богатая охотничья терминология, что подтверждают данные «Словаря русских народных говоров», областных словарей и картотеки «Лексического атласа русских народных говоров».

В современном русском литературном языке и в говорах сегодня бытуют по большей части обобщенные названия охотничьего промысла, наиболее активно используется слово *охота* и его производные. Само слово *охота* как название промысла в русском языке — позднего происхождения, оно выражает отношение к этому занятию как к развлечению, утехе (первоначальное значение слова *охота* ‘желание, радость, веселье’, ср. польск. *ochota* ‘воля, веселое расположение духа’), в значении ‘промысел’ фиксируется в памятниках письменности лишь с конца XVII в. (СлРЯ XI–XVII 14: 84); в древнерусском языке *охотником* называли не того, кто охотится, а человека, добровольно берущегося за что-либо или занимающегося чем-либо по своему желанию, по своей воле (СлРЯ XI–XVII 14: 85).

Наиболее древним из русских глаголов со значением ‘охотиться’, вероятно, следует признать глагол *ловить* и его производные *ловище*, *ловичище* ‘место, где ловят зверей и рыбу’, *лов*, *ловец*, отмеченные ещё в Лаврентьевской летописи (СлРЯ XI–XVII 8: 264–265, 267). Отсюда — появление в русском языке специализированных сложных наименований *рыболов*, *птицелов*, *зверолов*. Именно последние апеллятивы и были вытеснены словом *охотник*.

Исследователи русской охотничьей лексики отмечают, что в русской традиционной культуре охота изначально носила практический характер, а не была развлечением. Слова *охота* и *охотиться* вытеснили более старые *промысел*, *промыслить*, *промышлять* и *лесовать*. *Лесовать* отмечено

в Словаре русского языка XI–XVII вв. в значении ‘охотиться, промышлять (птицу или зверя)’: «**Попу Онтону досталося на лѣтнеи сторонѣ... и пожнѣ въ Яреньгѣ и озера и лѣсы лѣсовати**» (Гр. Двин. 143, XV в.) (СлРЯ XI–XVII 8: 212–213). В современных русских говорах ***лесоватъ*** отмечается с тем же самым значением: «Пойду белку лесоватъ» (СРНГ 17: 9). Для начала XVII в. отмечено слово *лѣшня* ‘лесная охота, охотничий промысел, полеванье, зverованье’: «**Бьют челом государю кузнецкие люди, чтоб их государь пожаловал, своего государева ясаку с них брать... не велел, потому что де у них нынешнего году лешне нет**» (Гр. Сиб., 1618 г.) (СлРЯ XI–XVII 8: 224). Сохраняется наименование ***лесовщик*** ‘охотник, промышляющий зверя, птицу в лесу’ (арханг., перм.), зачастую конкретизируемое по виду животных, на которых охотятся: «Лесовщики за зверям ходят, зверей бьют» (СРНГ 17: 11).

Глагол *промыслити*, согласно данным «Словаря русского языка XI–XVII вв.», в памятниках фиксируется с древнерусского периода, однако в значении ‘добыть охотой, ловлей’ отмечается с XVII в.: «**Да что барсовъ промыслять, и имъ вывести съ собою**», 1600 г. (СлРЯ XI–XVII 20: 174). Этим же периодом датируется употребление производного *промыслище* ‘место промысла, охотничье угодье’ (СлРЯ XI–XVII 20: 175). В современных говорах встречаются слова ***промыслитъ*** ‘заниматься пушным промыслом’: «Мы здесь промыслили» (кемер.) (СРНГ 32: 192); ***промысловик*** «Раньше охота на белок была промыслом, поэтому охотников называют *промысловиками*» (п. 139) (КЛАРНГ); ***промышленец*** ‘охотник’ (верхнелен.) (СРНГ 32: 193).

По данным «Словаря русских народных говоров», в говорах сегодня сохраняются диалектные слова как с обобщенным значением ***лов***, ***лешня*** (СРНГ 17: 34), ***лесня*** (СРНГ 17: 9), ***ловитва***, ***полешня***, ***ловник***, ***ловец***, ***лесник***, ***полесовщик***, ***пушник***, ***пушнинник*** («У ей мужик был пушнинник, лисиц да псецей добывал» (СРНГ 33: 175)), так и с конкретными значениями, называющими охоту на отдельных зверей

и птиц и её участников: ***белковать***, ***белкованье***, ***белковщик*** (СРНГ 2: 215), ***белочница*** ‘собака, которая используется при охоте на белок’ (СРНГ 2: 226), ***белочник***, ***белочить*** (Там же), ***гусничать*** ‘охотиться на гусей’, ***гусник*** ‘охотник на диких гусей’ (СРНГ 7: 245), ***лосятничать*** ‘охотиться на лося’, ***лосятница*** ‘охотничья собака, хорошо берущая лося’ (СРНГ 17: 165), ***медвежевать*** (СРНГ 18: 67), ***лисятничать***, ***лисятник*** (СРНГ 17: 70).

Обзор исторических словарей показал, что видовые названия являются новообразованиями в русском языке и его говорах, данные об их употреблении в памятниках до XVII в. отсутствуют. Интересно, что в «Словаре русского языка XI–XVII вв.» слово *белочник* отмечено в значении ‘мастер, выделывающий беличьи шкурки; торговец беличьим мехом’, 1498 г. (СлРЯ XI–XVII 1: 136).

Материалы картотеки ЛАРНГ позволяют судить о многообразии видовых наименований охотничьего промысла и названий охотников. В материалах к карте Л 224 «Охотиться на белок» представлены следующие диалектные апеллятивы: ***беличить***, ***белковать***, ***белочить***, ***бельчатить***, ***бельчатничать***, ***бельчить***, ***белячить***, ***векшевать***, ***лесовать***, ***промышлять***, ***беличнить***, ***белочничать***, ***бельчевать***, ***белянковать***, ***векошничать***, ***векшить***, ***бить белок***, ***ходить на белку***. Указанные диалектные глаголы соотносятся с названиями лиц, охотящихся на белок. Группа наименований охотника на белок представлена в материалах к карте Л 223: ***беличник***; ***белковщик***; ***белочник***; ***бельчатник***; ***векшатник***; ***охотник***; ***промысловик***, ***беличий охотник***; ***белкач***; ***белкователь***, ***белковник***, ***белкуй***; ***белник***; ***белчак***, ***бельчник***; ***беляночник***; ***пушник***; ***лесовик***.

Мотивирующей основой большинства диалектных глаголов со значением ‘охотиться на белок’ является название пушного зверька — ***белка***, ***векша***, ***белянка***. Не вполне понятно происхождение глагола ***промыслить***. Возможны две

версии. Во-первых, семантическая деривация глагола ***промыслить*** (‘предусмотреть, обстоятельно обдумать’ — ‘добыть что-л.’ — ‘добыть охотой, ловлей’), подобная той, что произошла со словами *охотиться*, *охота* и *охотник*. Во-вторых, привлекает внимание существование в старший период развития русского языка слов *мысль* ‘белка-летяга’ (диал. ***мысь***, праслав. **mys-tl* ‘мелкий зверёк’) (СлРЯ XI–XVII 9: 334) и *мысливец* ‘охотник’ (СлРЯ XI–XVII 9: 332), что может свидетельствовать в пользу независимого происхождения глагола, изначально имевшего значение ‘добывать зверя, белку’.

Наименования охотника на белок в говорах образуются двумя способами:

- суффиксальным способом от именных основ: ***белкач***, ***беляночник***, ***белник***, ***белчак***, ***пушник***, ***пушнинник***;
- суффиксальным способом от глагольных основ: ***белочник***, ***белковщик***, ***белкователь***, ***белкуй***, ***промысловик***, ***промышленец***, ***лесовик***, ***лесовщик***, ***беличник***, ***бельчник***.

Наименования первой группы представлены существительными, обозначающими лицо по свойству или признаку, которые определяют его отношение к предмету, занятию. Продуктивным в этой группе является суффикс -*ник*. Исследователи диалектного словообразования отмечают, что имена существительные, образованные при помощи суффиксов -*ик*/-*ник*, имеют общее предметное значение и в этом отношении не отличаются от общеупотребительных слов с этими морфемами. Отличие заключается в соединении в говорах суффиксов с теми основами, с которыми они не сочетаются в литературном языке. Существительные ***белкач*** и ***белчак*** образованы при помощи непродуктивных в литературном языке, но весьма употребительных в диалектах суффиксов. В литературном языке суффикс -*ак*/-*як* используется

для образования существительных, обозначающих предметы по качеству, признаку (от основы имени прилагательного) или по материалу (от основы существительного): *черняк*, *медяк*, *пустяк*, *костяк* и т. п. [Русская грамматика 1980, 1: 168, 183]. Кроме того, некоторые производные мотивированы глагольной основой, в них -*ак* означает орудие действия: *резак*, *тесак* и др. В говорах суффикс нередко выступает показателем мужского рода, например, при назывании самцов животных (*гусак*, *бельчак*). Как показывают материалы ЛАРНГ, слова с суффиксом -*ак* также называют лицо по роду деятельности (***белчак*** 'охотник на белок'). Суффикс -*ач* в литературном языке многозначен, участвует в образовании существительных мужского рода [Русская грамматика 1980, 1: 183]. Такие существительные часто мотивированы глаголами и обозначают предметы, производящие действия этих глаголов (*пугач*, *толкач*, *тягач* и под.). При образовании от прилагательных они представляют собой название лица по характерному для него признаку (*силач*, *лихач*). Некоторые отыменные производные с суффиксом -*ач* указывают на признак лица, являющегося специалистом в какой-либо области или постоянно занимающегося каким-либо делом (*трубач*, *скрипач*). Группа таких существительных в литературном языке немногочисленна, в говорах, наоборот, представлена большим количеством наименований, среди которых отмечено и ***белкач***.

Сложения суффикса -*ник* с глагольными основами в литературном языке представляют собой экспрессивные наименования лиц по обычному для них действию (*проказник*, *безобразник* и под.) [Русская грамматика 1980, 1: 141]. В говорах такая модель является регулярной для образования наименований лиц по особенностям их деятельности. Среди отмеченных наименований большая часть мотивирована глаголом ***бе́лочить*** и его фонетическими вариантами (***бело́чить***, ***беличить***, ***бельчить***), встречаются также существительные, образованные от диалектных глаголов ***бельча-***

тить, ***векшатить***. Примеры: «Я с ним на охоту ходил, он заядлый ***бельчатник***» (п. 190). «Кто с лайками белковать пошел, то ***бельчатник***» (п. 223). «***Белочником*** зовут, если на белку охотится» (п. 24). «Евгений у нас ***белочник*** хороший, много белок настрелял» (п. 56).

В группе отглагольных наименований особо выделяются существительные с суффиксом -*щик*. В истории русского языка суффикс -*щик* характеризуется яркой разговорной окраской. Исследователи полагают, что в говорах наблюдается более высокая, чем в литературном языке, деривационная активность суффикса именно в отглагольных образованиях. Производные с суффиксом -*щик* называют лиц по отношению к предмету, определяющему их деятельность, или по отношению к признакам и действиям, характеризующим человека. Образованные от глагольных основ, такие существительные обозначают наименования лиц по предмету, который является продуктом их деятельности. В представленном списке отглагольных наименований слова с суффиксом -*щик* образованы от диалектных глаголов ***белковать*** и ***лесовать***. Примеры: «***Белковщик*** должен быть очень зорким» (п. 344). «Был у нас дед Иван, знатный ***белковщик***» (п. 451). Также наблюдается активность агентивных суффиксов, характерных для книжной речи, например, суффикса -*тель* (***белкователь***). Синонимичные образования ***белковщик*** — ***белкователь***, таким образом, иллюстрируют не только общий процесс демократизации общенародного языка, но и подчеркивают освоенность данных формантов диалектным словопроизводством. Сочетаясь с диалектными основами, литературные форманты не несут семантико-стилистических различий и воспринимаются диалектоносителями как обычное явление, удобное для обозначения лиц.

Отдельную группу названий охотничьего промысла в говорах составляют устойчивые словосочетания, образованные с помощью глаголов движения: ***ходить***/***идти***/***бегать*** — *ходить* (*идти*, *бегать*) *за охотой* (*за промыслом*, *за бел-*

кой, *на белку*). Считается, что употребление таких описательных конструкций может быть основано на распространенном в русском языке использовании глаголов пространственного перемещения для метафорического обозначения постоянной, социально значимой деятельности и связано с суевериями, отражающими древнее охотничье табу — запрет на употребление глагола *убить*.

Таким образом, лексика охотничьего промысла демонстрирует актуализацию народных представлений о жизни зверей и птиц. Многообразие наименований охотника на белок показывает важность этой сферы деятельности в традиционной культуре русского народа. Наблюдается более высокая, чем в литературном языке, активность деривационных контактов, а также способность диалектного словопроизводства к синонимии и семантической деривации.

Литература

Кутепов Н. И. [Царская охота на Руси]: Исторический очерк: [В 4-х т.] / [Ил.] Н. М. Васнецов, Н. С. Самокиш и др. 2-е изд. [Т. 1]: Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век. СПб.: Экспедиция заготовления государственных бумаг, 1896. XVI, 212 с.: ил., карт., 7 л. ил.

Русская грамматика: [в 2-х т.] / [Редкол.: Н. Ю. Шведова (гл. ред.) и др.]. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с. Т. 2. 710 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 450–466. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201837

Костромская микротопонимия как источник сведений для ЛАРНГ по теме «Ландшафт» (значения слова *верх*)

Е. В. Цветкова

Статья посвящена характеристике костромской микротопонимии, которая образована на основе слова *верх*, имеющего в костромских говорах много значений. Микротопонимия, в определенной степени дополняя информацию об этом слове, раскрывая его особенности, является источником сведений для соответствующих карт ЛАРНГ.

Ключевые слова: топонимия, микротопонимия, костромская микротопонимия, костромские говоры, географическая терминология, слово *верх* в топонимии.

Слово ***верх***, корень которого восходит к праславянскому **vьrx-* < **virs-*, и его производные характеризуются широким распространением в русских народных говорах, отличаются большим количеством и разнообразием значений. Разумеется, это в определенной степени находит отражение и в топонимии, особенно в микротопонимии, наиболее близкой апеллятивной лексике.

Обычно слово ***верх*** и его производные (как апеллятивы, так и собственные наименования — топонимы, образованные от этих апеллятивов) функционируют в речи наряду со словом ***низ*** и его производными. Обращаясь к характеристике лексем ***верх*** — ***низ***, Н. И. Толстой в своём труде «Славянская географическая терминология» отмечает: «Наиболее ярким из примеров, демонстрирующих случаи, когда одна и та же лексема в разных славянских диалектах оказывается связанной с семемами противоположного плана, явля-

ется **vьrхъ*» [Толстой 2012: 98]. Для сравнения Н. И. Толстой дает общеславянское **vьrхъ*, восточнославянское *верх* в значении ‘верх, вершина горы, холма и т. п.’, примеры значений из разных славянских языков наряду с примерами из южновеликорусских курских, орловских, воронежских и других говоров.

В костромских говорах слово ***верх*** известно в значениях, связанных со значением ‘верхняя часть чего-либо’ или имеющих отношение к нему: ‘верхний этаж дома’ (*Э́тим сёстрам верх доста́лся по насле́дству* — г. Чухлома Чухлом.; *На верьху́-то что́-то хо́лодно* — д. Владычино Нерехт.; *На верху́ у нас молодожёны спят* — с. Сандогора Костр.), ‘чердак’ (*Е́сли вя́леной ры́бы захо́чешь, так на верх слазь* — д. Сосновка Макар.; *Сла́зай на верх — ко́фта, наве́рно, уже́ вы́сохла* — д. Григорово Сусан.; *Бельё-то у нас на верху́ что́ ли виси́т?* — д. Ефимово Мантур.; *Я́годы су́шим на верху́* — д. Починок-Чапков Костр.; *Кто́-то хо́дит по ве́рху* — г. Нея Нейск.), ‘потолок’ (*Ве́рх-то уж на Па́ску я вы́мою* — п. Кадый Кадыйск.; *Ве́рх-то у ей хорошо́ побе́лен всё́гда был. Аккура́тная ба́ба была́, ничего́ не ска́жешь, не то́ что не́которые...* — д. Калинки Судисл.; *По ве́рьху-то пройди́сь, сними́ тенето́-то* — д. Екатеринкино Кадыйск.), ‘часть печной трубы на чердаке’, ‘вытяжная труба’, ‘плетёная и обмазанная глиной вытяжная труба’ (*Хороша́ но́нче вы́тяжка у ве́рха* — п. Космынино Нерехт.; *Пе́чка-то на чердаке́ ве́рхом продолжа́ется. Э́то труба́, зна́чет, что́бы вытя́гивало* — с. Лаврово Нерехт.), ‘навес над гумном’ (*Ве́рх-от провали́лся уж весь, переде́лывать пора́* — Солиг.; *Верха́-то тут по хозя́евам и называ́ли* — с. Зашугомье Солиг.), ‘верхняя часть стога’ (*На ве́рх-то покида́й ещё се́на-то* — д. Буртасово Судисл.; *Ве́рх-то она се́ном хорошо́ укла́дывала, ро́вненько* — д. Екатеринкино Кадыйск.; *Ве́рх-то у сто́га хорошо́ де́лать на́до* — д. Борисово Кадыйск.), ‘высокое начальство’ (*Что́ ему ве́рху-то не жи́ть, оне́ на́ших пробле́м не зна́ют* — д. Дровинки Костр.; *Верх не знаёт, что́ там ни́з-то*

делаёт — д. Екатеринкино Кадыйск.; *До са́мого ве́рха дошёл, а что то́лку-то? Не́ту справедли́вости-то...* — п. Никольское Костр.), ‘верхняя часть головы человека’ (*Ша́пку-то на верх оде́нь* — с. Котельниково Антроп.; *Ве́рх-от наду́ет, оде́нь ша́пку-то* — п. Вохтома Парф.; *На ве́рх-то наде́нь чего-нибу́дь* — п. Полдневица Поназ.), ‘верхняя одежда’ (*Верх ну́жно гото́вить к зиме́* — с. Никола Вохом.), ‘головной убор’ (*Ве́рх-от оде́нь, хо́лодно ведь* — с. Верхне-Спасское Пыщуг.; *Ве́рх-от что не оде́ла, ве́тер-то холо́дной ещё, обма́нчева999 ¡ пого́да-то сеча́с* — п. Островское Остров.), ‘внешняя сторона рукавицы’ (*Верх всегда́ спра́вней был* — д. Ошурки Судисл.; *Ве́рх-от оборва́лся весь, так я запла́ту де́лаю, не выки́дываю* — с. Лаврово Нерехт.), ‘верхняя часть сапога’ (*Гря́зи-то по са́мый верх, чуть не наподдева́ла* — д. Калинки Судисл.; *Сабоги́ в боло́то с высо́ким ве́рхом-то надева́й* — п. Кадый Кадыйск.), ‘сливки, сметана’ (*Бидо́н откро́ем и с молока́ снима́ем верх* — г. Макарьев; *Молоко́-то у мя́ с ве́рхом* — д. Бычиха Костр.; *Сними́, Та́ня, верх у молока́* — д. Лаврово Нерехт.), ‘шляпка гриба’ (*Верх такой гладенький, крепкий, а ножка плоха уж больно, не взяла я её* — с. Спас Нерехт.), ‘высшая степень чего-либо’ (*Вы́ше ве́рха не перепры́гнешь* — д. Екатеринкино Кадыйск.; *Пальти́шко-то е́нто — верх ка́чества, ско́ко лет ношу́. Тепе́ря-то тако́е и не ку́пишь, не сове́тска власъ* — п. Кадый Кадыйск.) и т. п. Эти, а также и иные значения имеют производные от слова ***верх***, например: ***ве́рхник*** — ‘фартук’ (*Бу́дешь гото́вить, ве́рхник не забу́дь наде́ть* — п. Шувалово Костр.), ‘сарафан, будничный сарафан’ (*Ве́рхник са́ми ши́ли из того́, что под руко́й бы́ло. Ни́тками золоты́ми или серебро́м его́ расшива́ли, украша́ли би́сером* — п. Варакинский Шарьин.; *Надева́й ве́рхник да пошли́* — г. Шарья Шарьин.; *А во́т гля́-ко сюда́... Тут у мяня́ ве́рхник. Молоди́цей, чай, была́, робя́та бе́гали. Сохрани́ла* — Шарьин.), ‘сарафан из холста’ (*Поши́ла ве́рхник, на моро́з отбе́ливать унесла́* — с. Н-Макарово Макар.), ‘верхняя одежда’ (*Ве́рхник — шу́ба* — д. Векторово

Нерехт.), ‘открытый пирог, открытый пирог из дрожжевого теста с любой начинкой’, (*По пра́здникам ве́рхник пекли́* — п. Комсомолка Макар.), ‘верхняя часть косяка’ (*Пошёл да об ве́рхник-от и сту́кнулся голово́й* — д. Галкино Судисл.); ***верхни́ца*** — ‘мужская верхняя рубаха’ (*Мужску́ю руба́ху ве́рхнюю верхни́цей называ́ют* — Шарьин.; *Оде́нь верхни́цу* — д. Павлово Шарьин.), ***верхни́цы*** — ‘рабочие рукавицы, которые надевались поверх других рукавиц’ (*На ва́реги для тепла́ оде́ну верхни́цы* — Шарьин.), ***верхови́к*** — ‘верхняя одежда’ (*Верхови́к оде́нь* — д. Рыжково Красн.), ‘накрытый тулуп’ (*Верхови́к-то я его ещё по прошлому лету отдала* — д. Пчёлкино Шарьин.; *В верховика́х за дрова́ми е́здили* — д. Пасынково Костр.), ‘верховой ветер’, ‘ветер с верховьев и низовьев реки’ (*Верхови́к принёс вла́гу* — с. Николо-Шанга Шарьин.), ***верхо́вица*** — ‘верхняя мужская рубаха’ (*Верхо́вицу на испо́дницу надева́ли* — Нерехт.), ‘верх мужской шапки’ (*У фи́нки верхо́вица фе́тровая* — Кологр.), ‘верхняя рабочая одежда’ (*На рабо́ту в по́ле верхо́вицу надева́ли* — д. Печёнкино Шарьин.), ***верхо́ви́ще*** — ‘верхняя часть головы, макушка, темя’ (*Отойди́, ведь сту́кну по верхо́вищу-то!* — Павин.; *Ры́жее верхо́вище, Зелёные глазёнки... Моего́ кота́ зову́т погуля́ть в сосёнки* (частушка) — д. Береговая Мантур.), ‘верхний слой сена в стогу’ (*Ве́тром-то верхо́вище у заро́да вчера́сь снесло́* — Павин.), ***верхо́вник*** — ‘ветер, дующий в высоте’ (*Верхо́вник то́лько маку́шки у дере́вьев задева́ет, на земле́ не чу́вствуется* — Костр.), ***верхо́вочка*** — ‘верхушка дерева’ (*Увида́ла ёлочку с золото́й верхо́вочкой* (из частушки) — Солиг.), ***верхо́выш*** — ‘верхняя часть шапки-ушанки’ (*Верхо́выш-то твёрдым де́лается* — Сусан.), ***верхо́нки*** и ***верхо́ньки*** — ‘рабочие рукавицы из плотной ткани, надеваемые поверх варежек’, ‘рабочие рукавицы, голицы’ (*Верхо́нки-то я в лесу́ потеря́ла, когда́ дрова́ пили́ли* — Шарьин.; *Оде́нь верхо́ньки да принеси́ дров* — д. Шубиха Шарьин.), ***верхо́нник*** — ‘мужская верхняя рубаха’ (*Сама́ сши́ла му́жу верхо́нник* — Буйск.), ***верху́нка*** —

‘верхушка стога’ (*Верху́нку-то ве́тром заду́ло* — Чухлом.), ***верху́шка*** — ‘верхняя часть снопа’ (*Ста́вить в сусло́н на́до ко́млем вниз, а не верху́шкой* — Солиг.), ‘верхняя часть стога’ (*Верху́шку-то всегда́ дождём пролива́ет, а да́льше се́но сухо́е остаётся* — д. Полушкино Вохом.; *Ми́шка был ма́стером де́лать хоро́шие верху́шки* — п. Сусанино Сусан.), ‘мелкая рыба, плотва, плавающая у поверхности воды’ (*Одно́й верху́шки налови́л* — с. Твердислево Солиг.) и мн. др.

Многочисленны в костромских говорах значения слова ***верх***, характеризующие ландшафт, которые представляют интерес для соответствующих карт ЛАРНГ (например: ЛСЛ 388. Возвышенность, возвышенное место (о. н.); Л 396. Вершина (холма, горы); СМ 402. Употребляется ли и в каких значениях слово *верх*?; ЛСЛ 407. Овраг; ЛСЛ 453. Начало, исток реки, ручья) (Программа ЛАРНГ 1: 34–36, 38). Это в основном значения, известные и многим другим русским народным говорам: ‘возвышенность, бугор, курган’ (*Так всё, что вы́ше, возвы́шенное, — э́то верх и есь* — с. Здемирово Красн.; *Ве́рх-то — возвы́шенность кака́я-нибу́дь* — с. Лаврово Нерехт.), ‘вершина возвышенности, верхняя часть возвышенности’ (*Верши́ну горы́-то ве́рхом называ́ют* — с. Здемирово Красн.; *Так в селе́ называ́ют верши́ну любо́го холма́. Ну, у холма́-то, так и ска́жут, верши́на или ешшо́ коро́че — верх* — с. Здемирово Красн.; *Палёна гора́ — гора́, на верху́ кото́рой ничего́ не растёт, всё от со́лнца вы́горело* — с. Ушаково Нерехт.), ‘верхняя часть берега, обрыва, оврага’ (*По бе́регу Во́лги идёшь быва́ло, как на верх бе́регато посмо́тришь, аж дух захва́тывает — как высоко́-то!* — п. Кадый Кадыйск.; *На верху́ Вахре́невского уго́ра когда́-то была́ дере́вня* — г. Нея Нейск.; *На верху́ э́того почти́ обры́ва и нахо́дится парк Пятачо́к* — с. Парфеньево Парф.), ‘верхняя часть спуска’ (*Ко́сти — круто́й спуск к Во́лге и лужа́йка на его́ верху́, где ката́ются на лы́жах* — г. Кострома), ‘исток, верхняя часть реки, верховье’ (*Верх — э́то верх реки́, исто́к, зна́чит* — п. Судиславль Судисл.), ‘исток ру-

чья, верхняя часть, верховье ручья’ (*Исто́к ручья́ — то́же верх* — с. Лаврово Нерехт.), ‘часть реки, близкая к истоку’, ‘местность, прилегающая к истоку и верхнему течению’, ’часть реки вверх по течению от исходного места’ (*Всё, что у исто́ка, к исто́ку, — э́то верх* — с. Здемирово Красн.), ‘самая высокая часть местности’ (*Всё, что вы́ше, — это то́же верх* — с. Здемирово Красн.), ‘местность на возвышенности’, ‘какие-либо объекты на возвышенности (селения, дороги, тропы и т. д.)’, ‘более высокая часть селения’ (*Окра́ины у нас две: Кутки́ — это там на верху́...* — с. Палкино Антроп.), ‘более высокая часть дороги’ (*До ве́рху дое́дем, там и остано́витесь* — д. Дровинки Костр.), ‘более возвышенная часть дороги во время распутицы’ (*Иди́ по ве́рху-то, чего́ гря́зь-то то́пчешь?* — д. Буртасово Судисл.; *Ты поди́ по ве́рху, по на́сыпи-то, там уж да́вно просо́хло* — д. Фетинино Кадыйск.), ‘местность, земля вдали или в стороне от селения’ и т. п. Ср.: ***верх*** в ярославских говорах — ‘возвышенность, бугор, курган’ (ЯОСД 1: 98), ‘верхний край оврага’ и др. (ЯОС 3: 5); в пермских — ‘самая высокая оконечность, верхняя часть чего-либо’, ‘местность, прилегающая к истоку и верхнему течению реки’ (Полякова 2007: 59–60), в тульских — ‘возвышенность, бугор, курган’ (СРНГ 4: 158), в архангельских — ‘верхняя часть, верхушка чего-нибудь’, ‘исток реки (ручья), верхнее течение’, ‘местность или поселения, расположенные выше по течению реки по отношению к тем, которые имеет в виду говорящий, территория в верховье реки’ и др. (АОС 3: 128–129); в псковских — ‘верхняя часть чего-нибудь’, ‘верхняя часть реки, верховье’ и др. (ПОС 3: 100–101); в новгородских — ‘высокое поле’ (НОС 1: 117) (см. также (СРНГ 4: 158–160; ОСВГ 1: 150; СВГ 1: 63; СОГ 2: 13; СВорГ 1: 206); [Бурко 2016: 91–93, 98 и др.]).

В ряде говоров Костромской области, например, в Чухломском районе, верхом называют верхний край оврага: *Ве́рхний край овра́га-то — верх и есть.* В некоторых говорах, например в Мантуровском районе, слово ***верх*** зафик-

сировано в значении ‘овраг’: *По ле́су-то верхо́в много-мно́го бы́ло, идёшь и бои́шься* (д. Знаменка). В. И. Даль в своем словаре, давая это значение после значений ‘верх реки, вершина, исток, начало’, ‘место, лежащее выше по течению, ближе к истокам’, отмечает: «Посему *орл. и др.* оврагъ, водороина, ро́сточь, балка, откуда обычно стекаютъ ручьи, назыв. ве́рхомъ, верши́ной» (Даль, 6-е изд., 1: 183). Н. И. Толстой по поводу значения ‘овраг’ слова ***верх*** писал: «Во время паводка и половодья верхи, как выражается народ, гуляют и играют иногда сильнее самих рек» [Толстой 2012: 98]. Это свидетельство указывает на возможность перемещения термина ***верх*** ‘начало, верховье реки’ на ‘овраг, балка’ [там же]. Подобного рода перемещения можно наблюдать и на примере других местных географических терминов, обозначающих возвышенные и низменные места. При этом «семемы ‘возвышение, вершина, верх’ и ‘углубление, низкое место, яма’ не всегда образуют двухзвеньевую семантическую цепь ‘верх’ ↔ ‘низ’, чаще они выступают в составе более сложной семантической цепи, например, ‘лес’ ↔ ‘гора’ ↔ ‘крутой берег’ ↔ ‘пропасть’ ↔ ‘низменность’ ↔ ‘глубокое место в реке’, характерной для лексемы круча» [Толстой 2012: 100].

Многочисленны в говорах костромского края ландшафтные названия (в основном географические, чаще местные, термины), являющиеся производными от слова ***верх***, например: ***верхо́ви́к*** — ‘родник, ключ’ (*Верхо́вик-то у нас ря́дом. Вода́ хоро́шая в ём* — Судисл.), ***верхо́ви́на*** — ‘возвышенность, возвышенное место’ (*На тако́м возвы́шенном ме́сте растёт трава́, ме́нее всего́ приго́дная для сеноко́са. Она́ обы́чно ре́дкая, ни́зкая, ча́ще засо́хшая* — д. Паратёнки Павин.), ‘возвышенное место, где растёт хорошая трава’ (*Сеноко́с наш был на верхови́не* — с. Николо-Полома Парф.), ‘возвышенность, сухой пригорок среди луга, поля’ (*На том по́ле верхо́вин много* — Костр.; *На верхови́не-то трава́ суха́я, се́но плохо́е из неё* — Павин.), ***верхо́ви́ще*** — ‘исток реки, ручья, верховье’ (*Верхо́вище-то реки́ отсю́дова далёко бу́-*

дет — Судисл.; *Дойдёшь до верхо́вища, а там руко́й пода́ть до дере́вни* — Шарьин.; *Верхо́вище ручья́ в той стороне́* — Нерехт.), ‘возвышенность, возвышенное место’ (*Вон на то́м верхови́ще растёт грибо́в мно́го* — д. Бабаево Нерехт.), ***верхо́ти́на*** — ‘возвышенное место на поле’ (*Косяки́ — по́лосы на поля́х ме́жду верхоти́нами* — с. Согра Вохом.), ‘верхняя часть реки, верховье’ (*Гео́ргиевское — дере́вня в верхоти́не ре́чки Юг, нет её уже́* — д. Паньково Кадыйск.), ***верхо́вье*** — ‘возвышенное место’, ‘возвышенность на ровной местности’ (*Таки́е-то цветы́ у нас то́лько на верхо́вье растý́т* — Мантур.; *До́м-от на верхо́вье стои́т, ве́тру откры́т* — Кадыйск.; *Дом был постро́ен на верхо́вье* — п. Курдюм Кадыйск.; *По верхо́вьям там грибо́в мно́го бы́ло* — Нерехт.), ***верховóдье*** — ‘начало реки’ (Парф.), ***верши́на*** — ‘исток, начало реки’ (Костр.) и др., которые могут послужить материалом для таких карт ЛАРНГ, как ЛСЛ 388. Возвышенность, возвышенное место (о. н.), ЛСЛ 453. Начало, исток реки, ручья, ЛСЛ 481. Родник, ключ (Программа ЛАРНГ 1: 34, 38–39).

Бо́льшая часть указанных значений слова ***верх***, как свидетельствуют словари, известна многим говорам, как севернорусским, так и южнорусским и среднерусским. Что касается значения ‘овраг’, по сведениям СРНГ, оно характерно для южнорусских и среднерусских говоров (СРНГ 4: 159).

Апеллятив ***верх*** практически во всех перечисленных выше значениях, связанных, как показывают наши материалы, исключительно с ландшафтом, стал основой для образования топонимов (в основном микротопонимов) костромского края. Обычно такие топонимы являются наименованиями объектов, которые соответствуют по своему виду апеллятивам, подвергшимся топонимизации. И лишь в отдельных (редких) случаях в результате изменения или исчезновения именуемых объектов они по своей характеристике приближаются к собственно топонимам, оставаясь при этом все-таки микротопонимами.

Приведем несколько примеров топонимов разных типов с указанием сохраняющихся в них значений:

1. Возвышенность: *У́лица На́бережная — ни́жняя, а Городи́ще — на Верху́, ве́рхнее. Возвы́шенность э́ту так Ве́рхом мы и зва́ли* (г. Галич). *Ве́рх-то зелёный ужé весь — ле́то скóро* (Солиг.).

2. Вершина возвышенности: *На Ве́рх ходи́ли. Э́то ме́сто такóе, на верху́ горы́, там встреча́лися. У нас верши́ну горы́-то ве́рхом называ́ют* (с. Здемирово Красн.).

3. Верхняя часть берега, обрыва и т. д., соответственно находящиеся там поля, луга, покосы: *За́втре Верх коси́ть бу́дем* (д. Екатеринкино Кадыйск.). *На Верху́ она́ и сиде́ла, нóжки све́сила. А как бы обру́шилось в реку́-то?* (с. Столпино Кадыйск.). *Верх вчера́ они́ паха́ли* (д. Калинки Судисл.).

4. Название истока реки, местности рядом с ним (обычно во мн. ч.): *Здесь, в Верха́х, и берёт начало Вóлга-ма́тушка* (с. Николо-Шанга Шарьин.). *В Верхах река намного чище* (д. Мослово Мантур.).

5. Места на реке у истока, выше по реке, например, места рыбной ловли: *В Верху́ сиде́л, там ры́ба лу́чше клюёт* (д. Екатеринкино Кадыйск.); *Ве́рх — там, где плоти́на. В Верху́ лови́ли кру́пную ры́бу, а в Низу́ — ме́лкую* (г. Нерехта Нерехт.); места купания: *В Верху́ купа́лись. И Ни́з тóже — э́то ни́же. Мы ча́ще в Верху́* (д. Калинки Судисл.).

6. Верхняя часть реки, территория рядом: *Верха́ — все дере́вни, что вверх по реке́ У́нже. Сама́-то я с Верхóв, да вы́шла за́муж, так ту́та и живу́* (д. Погорелки Мантур.).

7. Часть селения, обычно находящаяся на возвышенности (это может быть и один из концов селения, в том числе и находящийся не выше другого конца, а также центральная часть селения или часть селения с более новыми постройками по сравнению с основной частью — так называемыми старой, прежней деревней или прежним селом): *Низóвьем называ́ют ни́жнюю часть села́ со ста́рыми дома́ми. Низóвье-то ведь*

под го́ру, наверху́-то — посёлок, Верх, там да́чники (с. Сидоровское Красн.). *Верх — неофициа́льное назва́ние райо́на Лесно́й. Мы в Верху́ живём* (п. Чистые Боры Буйск.). *В Верху́ она́ жила́* (д. Борисово Кадыйск.). *На Ве́рх пошла́ было* (д. Екатеринкино Кадыйск.). *Верх — ве́рхняя часть дере́вни Путя́тино* (Нерехт.); *На колодец-то в Верх ходила, на Верхний* (д. Путятино Нерехт.).

8. Дорога или тропа рядом с селением, часто расположенные выше этого селения: *В Кра́сное-то ходи́ла Ни́зом. Маши́нная доро́га — Ве́рхом. Тро́почка-то — Ни́зом. А та тро́почка — Ве́рхом* (с. Подольское Красн.). *Шёл-то я Ве́рхом* (д. Калинки Судисл.). *Ты Ве́рхом шла́-то?* (п. Никольское Костр.).

9. Какой-нибудь отдельный объект внутри селения или рядом с ним (часто это составное наименование, представляющее собой сочетание географического термина ***верх*** и определения, характеризующего объект, как апеллятивного, так и проприального — антропонимического, топонимического): *Алексе́ев верх. Ве́рх-то — наве́с для су́шки снопо́в. Алексе́ев — по фами́лии хозя́ина. Гра́шин верх — по про́звищу хозя́йки* (с. Зашугомье Солиг.). *Кому принадлежал, так верх-то и называли. И по деревне где называли, общее-то* (Солиг.)

Как показывают рассмотренные нами примеры, слово ***верх*** в костромской топонимии используется в основном для наименования объектов по их связи с рекой (ее частями), верхних частей объектов, возвышенностей и их верхних частей, какой-либо части местности (и конкретного объекта) — более возвышенной и / или отдаленной по сравнению с другой частью (другими частями), центральной, конечной (по сравнению с начальной). А в целом, следовательно, можно говорить о двух основных «различных в ориентационном плане ситуациях», как пишет в своей работе Е. Л. Березович [Березович 2009: 107]: «высотной» (по выражению признака

«вверху» — «внизу») и «гидрографической» (по привязке к реке).

Такие топонимы, жизнь которым дали географические, в том числе и местные, термины, а также и какая-либо другая нарицательная лексика, без сомнения, являются своего рода названиями-индикаторами. Именно так определяет подобного вида гидронимы в своем исследовании Р. А. Агеева [Агеева 2012: 26].

Как показывают наши материалы, слово ***верх*** становится топонимом чаще слова ***низ***. Топоним ***Верх*** (***Верха́***, ***Верхи́***, ***Ве́рхом***) не всегда имеется в костромских говорах в паре с топонимом-антонимом ***Низ*** (***Низа́***, ***Низы́***, ***Ни́зом***), который соответственно также может, хотя и несравненно реже, существовать без пары. Такое обстоятельство в определенных случаях может иметь этнокультурную обусловленность (см. [Березович 2009: 108]). Разумеется, характеристика по наличию / отсутствию такой пары не является постоянной. По разным причинам, из-за возникающих в топонимических системах изменений, отражающих изменения в окружающем людей мире и в их отношении к нему, могут происходить потеря или, наоборот, приобретение (реже) противоположного по семантике наименования.

«Верхние», равно как и «нижние», топонимы (наименования «верхних», и соответственно «нижних», объектов), встречающиеся повсеместно, как показывают наши наблюдения, наиболее ярко проявляют себя, активно функционируют в пределах одного селения (или нескольких рядом находящихся селений) и в его (их) окрестностях. Данное явление можно считать типичным (см. об этом, например, [Климкова 2007: 140]).

Многочисленны в костромской топонимической системе названия, образованные на основе апеллятивов — производных от слова ***верх*** (***верхо́вье***, ***верхо́тина*** / ***верхоти́на***, ***ве́рхник***, ***верхо́вище*** / ***верхови́ще*** и т. п.), имеющих те же значения, что и лексема ***верх***, а также и другие зна-

чения. Это и собственно топонимы — чаще названия селений, например: д. ***Ве́рхник*** (*Ве́рхник стои́т на возвы́шенности, вблизи́ реки́ У́нжи* — д. Мартыново Макар.), д. ***Верхо́вина*** (Павин.), с. ***Верхо́вье*** (*Верхо́вье нахо́дится ка́к бы вверху́, в отли́чие от близлежа́щих дереве́нь, в верхо́вьях реки́ Костромы́* — д. Бурдуково Солиг.), с. ***Спас-Верхо́вье*** (Судисл.), д. ***Во́чевская Верхоти́на*** (Павин.), д. ***Верхоре́чье*** (Межев., Кологр.), д. ***Вершиня́та*** (Октябр.) и мн. др.; несколько реже иные названия, например, гидронимы: р. ***Верхоти́на*** (*Верхоти́на — потому́ как текла́ она́ с высо́кого ме́ста, с верхо́в* — п. Талица Буйск.), р. ***Вершу́га*** (*Ле́вый прито́к Костромы́ пе́ред посёлком Центра́льный. Впада́ет в Кострому́ с о́чень высо́кого ме́ста, поэ́тому Вершу́га и называ́ют* — п. Талица Буйск.), р. ***Виссарио́нова Верхо́вина***, впадающая в р. Шайма (Павин.) и др. Это и микротопонимы (их несравненно больше, чем собственно топонимов), например: высокое место, пастбище ***Верхоти́ны*** (*Э́то высо́кое ме́сто на берегу́ реки́ Я́нги* — г. Мантурово), дорога ***Верхоти́на*** (*О́коло реки́ Си́тница доро́га Верхоти́на называ́ется* — с. Тихон Вохом.), поля на возвышенности ***Верхови́ны*** (Кадыйск.), место купания ***Верхо́вье*** (*В Верховье ходили купаться* — д. Калинки Судисл.), место на поле ***Верхоти́на*** (Судисл.) и мн. др. Особенно значительно количество топонимов, содержащих определение ***ве́рхний*** (чаще это составные названия, образованные по схеме «географический термин + определение *верхний*»), например: д. ***Малиновка Верхняя*** (Павин.), д. ***Ве́рхний Берёзовец*** (Солиг.), д. ***Ве́рхний Почи́нок*** (Сусан.), п. ***Гео́ргий Ве́рхний*** (*Гео́ргий Ве́рхний — друго́е назва́ние Гео́ргиевское, что на Ве́рхнем — це́рковь Тро́ицы, оди́н из хра́мов Га́личского райо́на* — г. Галич Галич.), р. ***Ве́рхняя*** (*Ве́рхняя протека́ет вблизи́ Одо́евского* — Шарьин.), р. ***Ве́рхняя Ва́рзенга*** (*Ва́рзенга есть Ве́рхняя и Ни́жняя. Ве́рхняя Ва́рзенга поу́же Ни́жней бу́дет* — г. Кологрив), р. ***Ве́рхняя Шу́я***, ***Ве́рхняя Не́я***, п. ***Ве́рхняя Во́хма*** (*Ве́рхняя*

Во́хма — в ве́рхнем тече́нии Во́хмы — п. Вохма Вохом.), ул. ***Ве́рхняя*** (Буйск., Кологр.), ул. ***Ве́рхние Нови́нки*** (*Бори́са Ле́бедева — бы́вшая у́лица Ве́рхние Нови́нки* — г. Галич Галич.), ***Ве́рхний ры́нок*** (*Ве́рхний ры́нок — ры́нок, что в ве́рхней ча́сти го́рода. За́втра на́до на Ве́рхний ры́нок идти́, пальто́ покупа́ть…* — г. Нерехта Нерехт.), поле ***Ве́рхние по́жни*** (Октябр.), ***Ве́рхнее по́ле*** (*Ве́рхнее по́ле — на горе́ ме́жду село́м Умиле́нье и дере́вней Каржа́вино, на за́пад* — д. Толтуново Галич.), ***Ве́рхние луга́*** (*Ве́рхние луга́ — луга́ в сто́рону от Катери́нкино* — д. Екатеринкино Кадыйск.), ***Ве́рхняя доро́га*** (*В Большо́е Бара́шково по Ве́рхней доро́ге мо́жно пройти́* — п. Ликурга Буйск.; *По мали́ну сподру́чней Ве́рхней доро́гой ходи́ть* — д. Нукша Костр.; *Уса́дьба Верхо́вье — э́то по Ве́рхней доро́ге* — г. Солигалич Солиг.), ***Ве́рхний о́мут*** (*О́мут на Ноле́, ря́дом с Жадо́вской ме́льницей* — д. Чмутово Галич.), ***Ве́рхний пруд*** (*Ве́рхний пруд — пруд Це́нтральный э́то, а ещё Ни́жний есть* — п. Красное Красн.; *Ве́рхний пруд — в Сле́дове. Э́то тот, что вы́ше* — д. Калинки Судисл.), ***Ве́рхний коло́дец*** (*Ве́рхний коло́дец — в верху́ дере́вни* — д. Путятино Нерехт.; *С Ве́рхнего коло́дца ведёр мы у́йму перетаска́ли* — д. Ошурки Судисл.), ***Ве́рхний лес*** (*Ве́рхний лес — у дере́вни Но́вленское, нахо́дится вы́ше, чем дере́вня Аши́тково* — д. Путятино Нерехт.), ***Ве́рхнее боло́то*** (*На боло́то Мша́ра ходи́ли, по-друго́му его Ве́рхнее боло́то называ́ют* — д. Калинки Судисл.) и т. д. (подобного рода микротопонимы распространены практически повсеместно) и мн. др. Часто с такими названиями соседствуют наименования с определением ***ни́жний*** (типичная пара противопоставления в топонимии, в которой отчетливо прослеживается одна из важнейших общих черт географических названий — их сравнительность (см. об этом, например, [Никонов 1965: 34]). Имеются также наименования с определением ***бли́жний***, т. к. в ряде случаев определение ***ве́рхний*** в названии имеет значение ‘дальний’, например: ***Ве́рхняя Не́я* — *Бли́жняя Не́я***. Названия по-

добного рода, разумеется, заслуживают отдельного рассмотрения.

Значительной части костромской топонимии изучаемой тематики можно найти соответствия в топонимии других территорий распространения русских народных говоров. Ср.: д. ***Верхмарёво*** на правом берегу р. Марёвка, д. ***Ве́рхнее***, д. ***Верхо́вье*** и др. — в Тверской области (Воробьев 2005: 72–74); улица ***Верх***, часть села ***Верх***, улица ***Верхи́***, часть села ***Верхи́***, поля ***Верхови́ны***, ***Верхова́я доро́га***, лес ***Верши́к***, место в лесу ***Верьха́*** и др. — в Нижегородской области (Климкова 2006: 195–199 и др.); посёлок ***Ве́рхняя Оси́новка***, сенокосные угодья и пастбище ***Ве́рхний луг***, поле на возвышенности ***Ве́рхние го́ны***, возвышенность на лугу ***Ве́рхний ду́бник*** и др. — в Смоленской области (Максимчук 2012: 60); поле ***Ве́рхняя гора́***, угодье ***Ве́рхняя по́жня***, часть города ***Ве́рхний го́род***, поле ***Верхо́вье*** — в Псковской области (ПОС 3: 102–109); д. ***Ве́рхний Двор***, д. ***Верхо́вье***, д. ***Верши́на*** и др. — в Вологодской области (Чайкина 1988); гора ***Верхо́вье*** — в Новгородской области (НОС 1: 118); с. ***Ве́рхний Бык***, с. ***Ве́рхняя Ма́за*** в Воронежской области (Г. П. Смолицкая в своем словаре отмечает, что *верхн-* — «часто встречающаяся первая половина топонима, указывающая на то, что селение расположено на возвышенности (пригорке, холме и т. п.) или выше по течению реки по отношению к другому объекту, расположенному ниже и имеющему в своем составе Нижн-, -ее, -ий, -яя», что «особенно много таких названий в Воронежской области») (Смолицкая 2002: 51–52); д. ***Верх-Ста́рица***, поле ***Верх-Гора́***, поле ***Верх-Лога́*** и др. (Полякова 2007: 59) и мн. др. (см. также [Березович 2009: 106–109; Климкова 2007: 138–141, 165 и др.]).

Топонимы, образованные на основе слова ***верх*** и его производных, характерны для славянских языков. Сведения об этом есть, например, в «Руководстве по славянской топономастике» В. Шмилауэра — особом по составу и подаче ма-

териала словаре, в котором есть много слов, имеющих соответствия в речевом узусе территории Костромской области, на что мы уже обращали внимание (см., например, [Цветкова 1997; 2012]). Приведем несколько примеров из списка наименований, соответствующих слову ***верх***:

Болгарск.	врхъ	***Връшец***
Словацк.	vrch	***Vrchoviny***
Чешск.	vrch	***Vrchlabi***
Польск.	Wierzch	***Wierzchowiec***
Македонск.	врв	***Vrv***
Украинск.	верх	***Вершини***
Белорус.	верх	***Вярхі***
Русск.	верх	***Верх-Соснова***
		[Šmilauer 1970: 195].

Особенно многочисленны в восточнославянских языках топонимы, которые представляют собой двусловные названия с определением, образованным от данного слова (чаще — ***верхний***). Велико число и топонимов, образованных на основе субстантивированных прилагательных. Приводя примеры старорусских апеллятивов, антропонимов и топонимов, образованных от основ *верех-* / *верх-* / *верш-*, Н. В. Подольская в своем комментарии пишет: «Эта основа в ономастике преимущественно топонимична. Значительное количество одноосновных моделей и композитных образований объясняется семантикой основы, связанной с естественно-географическими факторами: положительными элементами рельефа и наличием географического апеллятива *верх* по отношению к водным объектам, что особенно наглядно проявляется в композитных образованиях, где основа *верх* часто сочетается с гидронимными основами или гидронимными апеллятивами типа Верхуручей, Верхоречье и даже Верхоустье» [Подольская 1983: 129–131].

Итак, слово ***верх*** и его производные отличаются широкой представленностью, высокой продуктивностью в костромской топонимии (в основном в микротопонимии), что является типичным для славянской топонимии. Топонимия, подтверждающая наличие в говорах данного апеллятива во многих его значениях и сохраняющая память о них, а также в определенной степени дополняющая информацию о нем и являющаяся своего рода иллюстрацией к нему, без сомнения, является, наряду с нарицательной лексикой, важным источником сведений для соответствующих карт ЛАРНГ.

Сокращения названий районов Костромской области

Антроп. — Антроповский
Буйск. — Буйский
Вохом. — Вохомский
Галич. — Галичский
Кадыйск. — Кадыйский
Кологр. — Кологривский
Костр. — Костромской
Красн. — Красносельский
Макар. — Макарьевский
Мантур. — Мантуровский
Межев. — Межевской
Нейск. — Нейский
Нерехт. — Нерехтский
Октябр. — Октябрьский
Остров. — Островский
Павин. — Павинский
Парф. — Парфеньевский
Поназ. — Поназыревский
Пыщуг. — Пыщугский
Солиг. — Солигаличский
Судисл. — Судиславский
Сусан. — Сусанинский
Чухлом. — Чухломский
Шарьин. — Шарьинский

Литература

Агеева Р. А. Как появились названия рек и озёр: Популярная гидронимика. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. 288 с.

Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте: Пространство и человек / Под ред. А. К. Матвеева. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 328 с.

Бурко Н. В. О номинации отдельных частей объектов мезорельефа (на материале орловских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 90–99.

Климкова Л. А. Нижегородская микротопонимия в языковой картине мира: монография. Арзамас: АГПИ, 2007. 394 с.

Никонов В. А. Введение в топонимику. М.: Наука, 1965. 179 с.

Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы (Словообразовательный анализ). М.: Наука, 1983. 160 с.

Толстой Н. И. Славянская географическая терминология: Семасиологические этюды / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. Изд. 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 360 с.

Цветкова Е. В. Взаимосвязь нарицательной и топонимической лексики в говорах Костромской области (в свете проблематики, представленной в книге Г. Г. Мельниченко "Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII–XIII вв.") // Русские народные говоры: проблемы изучения. Ярославль: ЯГПУ, 1997. С. 71–73.

Цветкова Е. В. Костромская микротопонимия в соотношении с материалами Лингвистических карт Г. Г. Мельниченко (наименования с корнем *гумн-/гувн-*) // Ономастика Поволжья: материалы XIII международной научной конференции (Ярославль, 13–14 сент. 2012 г.) / Под ред. Р. В. Разумова, В. И. Супруна. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2012. С. 22–32.

Šmilauer Vladimír. Příručka slovanské toponomastiky = Handbuch der slawischen toponomastik. Praha: Academia, 1970. 216 s.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 467–486. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201838

Русская фитонимия и народная этимология (на материале «Лексического атласа русских народных говоров»)*

Т. В. Шалаева

В статье анализируются русские диалектные названия растений, возникшие под влиянием народной этимологии. Одним из них является лексема ***зверобо́й*** (**Hypericum perforatum**), для которой в статье предлагается новая этимология. Согласно данной версии, первоначально она имела форму ***свербе́й***, деривата глагола ***свербе́ть*** ‘чесаться, зудеть’, и затем была преобразована и истолкована как производное глагола ***бить*** и существительного ***зверь***.

Ключевые слова: зверобой, народная этимология, русская диалектология, лингвогеография.

В первом томе «Лексического атласа русских народных говоров» «Растительный мир» на обширнейшем материале русских диалектов наглядно представлены многочисленные явления, относящиеся к разным уровням языка, — лексические, семантические, мотивационные, словообразовательные, грамматические, фонетические (см. подробнее [Вендина 2017]). Возможности использования имеющихся в нем сведений, таким образом, выходят за пределы собственно диалектологии и лингвогеографии. В частности, материал атласа, содержащий детальное описание русской лексики природы, дает возможность наблюдать историю ее изменения, ее преобразование. Одним из факторов, влияющих на этот процесс, является народная этимология. Ее значимость для истории

*Статья выполнена в рамках работы по гранту Российского фонда фундаментальных исследований № 17-94-00013 «Человек. Личные черты человека в славянских языках. Лингвогеографический аспект».

словарного состава языка признается многими исследователями (см. из последних работ: [Варбот 2012; Furlan 2016: 40–42]). Основной механизм ее действия определяется как изменение фонетического облика слова, его значения или мотивации в соответствии с актуальными для носителя языка мотивационными моделями [Варбот 2012: 175]. Традиционным источником материала в этимологии служат словари, которые фиксируют варианты слова, отражающие его изменение. Представляется, то лингвистические атласы, в частности, «Лексический атлас русских народных говоров», дают возможность рассматривать процесс преобразования слов с новых позиций. А именно нанесение на карту различных вариантов одной лексемы показывает масштаб воздействия народной этимологии на конкретную форму на всей территории ее распространения. Также графическое изображение на карте вариантов одного слова дает представление о географической локализации результатов такого влияния. В результате, карта демонстрирует количественное и территориальное соотношение этимологически «правильных» форм и форм, преобразованных народной этимологией.

Первый том «Лексического атласа русских народных говоров» «Растительный мир» содержит примеры народно-этимологического преобразования названий растений в русских диалектах. Материал включает разные типы лексем — объектов действия народной этимологии — в соответствии со степенью их распространенности в русских говорах. Во-первых, это формы, которые локализуются повсеместно, и их варианты, результаты преобразования, также известны всем диалектам: ср. названия гриба шампиньона (Agaricus campestris) — ***шампиньо́н*** и народноэтимологические варианты ***чемпио́н*** и ***шпио́н*** (см. карту-схему № 1[1]). Такое

[1]К статье прилагаются карты-схемы, выполненные на основе карт первого тома «Лексического атласа русских народных говоров» «Растительный мир». Карта-схема № 1 составлена по материалам карты № 206 по вопросу Л 173 «Шампиньон», автор — Т. В. Махрачева (ЛАРНГ 2017: 678–681).

географическое распределение последних объясняется заимствованным происхождением лексемы ***шампиньо́н***, вследствие чего она не имеет мотивирующей основы в русском языке, и народное языковое сознание стремится связать ее с близкими по звучанию формами.

Во-вторых, карты атласа содержат лексемы, имеющие общерусское распространение и народноэтимологические варианты в отдельных говорах. Примером может служить повсеместно отмечаемая лексема ***лопу́х*** и ее дериваты в значении ‘лопух, Arctium lappa L.’ (от корня *лоп-*, как в ***лопа́та***, ***лапта́*** (Фасмер 2: 460, 520)), которые были преобразованы в формы с основой *лепух-/липух-* в результате сближения с корнем *лип-* (см. карту-схему № 2[2]). Последние фиксируются в севернорусском наречии (вологодские, костромские и говоры Пермской области) и в южнорусских диалектах (говоры западной и курско-орловской групп, а также в Волгоградской области). Нужно оговорить, что в названиях лопуха присутствуют исконные дериваты корня *лип-/леп-* (пск. ***лепе́нник***, арх. ***ли́пки***, иван. ***липу́чка*** (ЛАРНГ 2017: 520–525)), внутренняя форма которых объясняется свойством плодов лопуха приставать, липнуть к поверхности при соприкосновении. Тем не менее, формы типа ***лепу́х***, ***липу́х***, скорее, стоит трактовать как результат преобразования ***лопу́х***, поскольку кажется неоправданным предполагать их независимое образование от глагола ***ли́пнуть*** с тем же суффиксом, что и в ***лопу́х***, при повсеместном распространении последнего в том же значении. Хотя здесь нельзя исключать действия словообразовательной аналогии.

Схожий ареальный рисунок наблюдается в наименованиях репейника, которые используются для обозначения разных растений с колючими цепкими плодами, в том числе ло-

[2]Карта-схема № 2 составлена по материалам карты № 155 по вопросу Л 142 «Лопух», автор — Н. А. Красовская (ЛАРНГ 2017: 520–525).

пуха (ЛАРНГ 2017: 559) (см. карту-схему № 3[3]). Лексема ***лопу́х*** среди них встречается значительно реже, чем на карте «Лопух», тогда как формы с основой *лепух-*/*липух-* — чаще. Этот факт объясняется значительно бóльшим использованием «настоящих» дериватов корня *лип-* в названиях репейника, чем в названиях лопуха: ср. повсеместное распространение лексем ***липу́чка***, ***липу́чки*** 'репейник' (ЛАРНГ 2017: 555–560). При этом известно, что мотивация в преобразованных народной этимологией формах обычно соответствует мотивации, наиболее продуктивной в данной лексической группе [Варбот 2012: 175].

К тому же типу, что и ***лопу́х*** — ***лепу́х***/***липу́х***, относятся названия гриба валуй (Russula foetens). Он обозначается как ***валу́й*** и его дериваты (изначально ***волу́й*** от ***вол*** 'бык' (Аникин 6: 32)) на всей картографируемой территории (см. карту-схему № 4[4]) и, в том числе, имеет наименования ***балу́й*** с производными преимущественно в севернорусских и примыкающих к ним среднерусских говорах. От ***балу́й*** также, видимо, по народной этимологии были образованы формы с корнем *балд-* (***забалду́й***, ***обалду́й***), бытующие в тех же диалектах. Преобразование ***валу́й*** в ***балу́й***, вероятно, первоначально имело фонетические причины: ср. другие примеры мены *в*/*б* в русской диалектной лексике: казан. ***бажня́*** 'мера веса, равная четырем пудам' из распр. ***ва́жня*** 'большие весы' (Аникин 2: 70), вят. ***вагу́льник*** 'растение Ledum palustre, клоповник' из ***багу́льник*** (Там же: 59). Затем, по-видимому, форма ***балу́й*** была лексикализована и связана с глаголом ***балова́ть***. Варианты ***забалду́й***, ***обалду́й*** появились из ***забалу́й***, ***обалу́й*** в результате сближения с корнем *балд-* и дополнения эмоционально-оценочным компонентом.

---

[3]Карта-схема № 3 составлена по материалам карты № 167 по вопросу Л 147 «Репейник», автор — Н. А. Красовская (ЛАРНГ 2017: 555–560).

[4]Карта-схема № 4 составлена по материалам карты № 184 по вопросу Л 158 «Валуй», автор — М. В. Боброва (ЛАРНГ 2017: 606–612).

В-третьих, на картах атласа находят отражение преобразуемые народной этимологией лексемы, чье распространение ограничено отдельной группой говоров. К таким случаям относится еще одно название гриба валуй ***кубáрь*** (от корня *куб-*, как и ***кубы́шка***, ***кýбик*** в том же значении) с вариантом ***губáрь*** (ЛАРНГ 2017: 606–612). Последний появился, вероятно, из-за смешения корня *куб-* с *губ-*, который регулярно используется в номинации грибов: см. карту № 181 по вопросу СМ 156 «Употребляется ли и в каком значении слово *губы*?» (ЛАРНГ 2017: 596–599). Данные формы отмечаются в основном в севернорусских вологодских говорах (см. карту-схему № 5[5]).

К той же группе фитонимов — объектов влияния народной этимологии — относится название подорожника (Plantago media) ***припýтник*** (от корня *пут-*, как и ***попýтник***, ***попýтчик***, ***пýтик***, ***пýтник*** в том же значении) с вариантом ***трепýтник*** (ЛАРНГ 2017: 538–543). Соответствия последнего присутствуют в других славянских языках, и все они расцениваются как результат народноэтимологического сближения префикса **pri-* с числительным **tri* (ОЛА 2000: 130–131; ЭСБМ 10: 129; ЕСУМ 4: 520; 5: 640; Snoj 2016: 810; Skok 3: 87). Основной ареал лексемы ***припýтник*** находится в среднерусских псковских говорах, с отдельныеми фиксациями в курско-орловской группе говоров южнорусского наречия (см. карту-схему № 6[6]). Форма ***трепýтник*** является по преимуществу принадлежностью южнорусских западных и прилегающих к ним среднерусских псковских говоров, где она употребляется параллельно с основным вариантом ***припýтник***.

Еще одним результатом реинтерпретации исходной структуры народной этимологией в русском языке считается лек-

[5]Карта-схема № 5 составлена по материалам карты № 184 по вопросу Л 158 «Валуй», автор — М. В. Боброва (ЛАРНГ 2017: 606–612).

[6]Карта-схема № 6 составлена по материалам карты № 162 по вопросу ЛСЛ 145 «Подорожник», авторы — Л. М. Алешина, Т. И. Вендина (ЛАРНГ 2017: 538–543).

сема ***зверобо́й*** ‘цветковое растение Hypericum perforatum, сем. зверобойных’, свойственная всем восточнославянским языкам (русск. ***зверобо́й***, укр. *звіробі́й*, блр. *зверабо́й*). А. Преображенский предполагал, что изначально эта лексема имела структуру, аналогичную другим названиям зверобоя в украинском и белорусском языках, *діробі́й*, р. п. *-бо́я*, *дзіробо́й* соответственно, и внутреннюю форму «имеющий дыры, дырявый», как и латинское название *Hypericum perforatum* от глагола *perforo* ‘пробивать, прокалывать’ (Преображенский 1: 245–246; Фасмер 2: 87; ЕСУМ 2: 251). Данное название мотивировано внешним видом листьев зверобоя, имеющих мелкие пятнышки, которые выглядят как отверстия [Колосова 2009: 155]. В дальнейшем это слово было преобразовано по народной этимологии, поскольку на основе лингвистических данных, то есть опираясь на известные мотивационные модели, связать наименование зверобоя с корнем *звер-* невозможно (Преображенский 1: 245–246; Фасмер 2: 87; ЕСУМ 2: 251). Та же мотивационная модель используется в названиях зверобоя во многих славянских языках: ср. русск. диал. киров., ворон. ***дыря́вник***, курск. ***дыря́вчик***, моск. ***дыря́вый зверобо́й***, пск. ***дырявли́вый зверобо́й*** ‘зверобой’ (ЛАРНГ 2017: 491–493), болг. *порязаното биле*, *посяково билье*, *посечена трева*, с.-хорв. *прострелник*, *простреъено зеље*, чешск. *prostřelenec*, польск. *dziurawiec* [Колосова 2009: 155–156].

Ж. Ж. Варбот высказала версию о том, что формы типа укр. *діробі́й* и блр. *дзіробо́й* являются результатами народноэтимологического преобразования субстантивированного прилагательного **diravъjь* ‘дырявый, продырявленный’. Оно, в свою очередь, было образовано от существительного **dira* при помощи суффикса *-av-*, аналогично русск. ***дыря́вый*** и польск. *dziurawy*, от которых образованы польск. *dziurawiec* ‘зверобой’ (Bańkowski 2000 2: 333) и русск. диал. ***дыря́вник***, ***дыря́вчик*** ‘то же’. Затем корни *дир-*/*дыр-* были преобразованы в *звер-*. Это изменение было мотивировано «характерной

для *звер-* семантикой крепости и силы, поскольку растение широко применяется как действенное средство от различных болезней» [Варбот 2018: 134].

Действительно, в русских говорах отмечена лексема ***зверово́й*** ‘зверобой’ (вят., карел.) (СРНГ 11: 217), но она, скорее, является результатом народноэтимологической реинтепретации формы ***зверобо́й*** как прилагательного от *зверъ*. Представление о связи данного растения с животными очень сильно в русском языковом сознании, что выразилось в повсеместном распространении лексемы ***зверобо́й***. Нельзя исключать и фонетических причин ее изменения в ***зверово́й***: см. выше о переходе *в/б* в русских говорах.

Эти данные и, в частности, материалы «Лексического атласа русских народных говоров», кажется, позволяют предложить для ***зверобо́й*** другую этимологию. А именно обращают на себя внимание формы с элементом *сверб-* и тем же значением — нижегор. ***сверб́ой***, орл. ***свереб́ой***, волог., пск., нижегор., твер., марийск., калуж, влад., орл., тул., тамб., рост. ***свероб́ой*** (ЛАРНГ 2017: 491–493). В комментарии к карте № 148 по вопросу Л 136 «Зверобой» они расцениваются как фонетические варианты лексемы ***зверобо́й***. Последняя, в свою очередь, считается результатом сложения корней *звер-* и *бой-*. Хотя и не исключается контаминация ***зверобо́й*** с дериватами глагола ***свербе́ть*** ‘чесаться, зудеть’ (праслав. **svьrběti*), которые часто выступают как названия растений (ЛАРНГ 2017: 493).

Обычно они обозначают или колючие растения (ср. названия крапивы в русских говорах: рост. ***свербу́ха***, рост. ***свербу́чка***, краснодар. ***свербы́ля***, рост. ***сверблю́чка***, краснодар. ***свербля́чка*** (ЛАРНГ 2017: 512–516)), или растения, имеющие горький вкус или используемые для приготовления горького лечебного отвара (ср. моск., ворон. ***свербú-га*** ‘растение сем. крестоцветных; свербига восточная’ (СРНГ 36: 235), ***свербигу́з*** ‘растение сем. злаков; сурепица обыкновенная’ (тамб.), ‘растение сем. крестоцветных; свербига во-

сточная’ (Анненков), ‘растение сем. крестоцветных; дикая редька’ (оренб.), ‘растение сем. зонтичных; бутень клубненосный’ (Анненков), ‘растение сем. бурачниковых; окопник лекарственный’ (тул.), ‘растение сем. первоцветных; первоцвет лекарственный’ (Там же), моск. ***свербúка*** ‘растение полевой хвощ’ [Меркулова 1967: 81]; (СРНГ 36: 235)). Поэтому зверобой, похожий на них по хозяйственному применению (его настаивают как лекарственное средство, горькое на вкус), может также закономерно называться дериватами корня *сверб-*.

В упомянутых выше формах ***свербóй***, ***сверебóй***, ***своробóй***, в таком случае, кажется проблематичным определить суффикс. Но в русских говорах отмечаются лексемы ***свербéй*** ‘растение сем. водокрасовых; телорез алоэвидный’ (том.) (СРНГ 36: 234) и ***свербéйка*** ‘растение сем. крестоцветных; горчица полевая’ (курск., орл.), ‘растений сем. зонтичных; купырь лесной’ (тул.) (Там же). Они, по-видимому, образованы от глагола ***свербéть*** при помощи суффикса *-ей* (праслав. **-ьjь*). Такой тип деривации характерен, например, для русск. ***репéй*** (праслав. **rěpьjь*) от праслав. **rěpěti*, **rěpiti* ‘хватать, цепляться’ (SP 1: 84) (ср. русск. диал. забайкал. ***репéть*** ‘приставать, навязываться к кому-либо’ (СРНГ 35: 68)). Имена ***свербóй***, ***сверебóй***, ***своробóй***, как представляется, являются преобразованными вариантами ***свербéй***, появившимися в результате народноэтимологического толкования конечного элемента *-бей* как варианта корня *бить*, *бой*. Такое же явление можно наблюдать в других формах с суффиксом *-ей* (**-ьjь*) после *б*: например, русск. диал. пск. ***жребóй*** ‘зверобой’ (ЛАРНГ 2017: 491–493), иркут., морд. ***жеребóй*** ‘то же’ (СРНГ 9: 136; СРГРМ 2013 1: 234), которые появились из этимологически исконного ***жеребéй*** ‘то же’ (киров.) (ЛАРНГ 2017: 491–493) (праслав. **žerbьjь* (SP 1: 83)); русск. диал. курск. ***воробóйка*** ‘воробей’ (Даль; СРНГ 5: 103) при литер. ***воробéй*** (праслав. **vorbьjь* (SP 1: 83)). В наименованиях зверобоя мена *-бей*/*-бой* могла быть под-

держана наличием синонимов с корнем -*бой* типа укр. *діробій* и блр. *дзіробо́й*, а кроме того, названий растений, похожих на зверобой внешне и по лекарственному применению, ср. русск. диал. костром., тамб. ***кровебо́й*** ‘растение девясил’ (ЛАРНГ 2017: 487–490), при регулярном образовании наименований зверобоя от корня *кров-*: костром., башкир., там., курск., волгогр., ставроп. ***крова́вец***, свердл. ***крова́вик***, башкир., орл., оренб. ***крова́вчик***, орл. ***кровя́нник***, рост. ***кровь-трава́*** (ЛАРНГ 2017: 491–493).

В «Лексическом атласе русских народных говоров» и диалектных словарях наблюдается регулярный параллелизм структуры лексем с корнем *сверб-/свереб-/свероб-* и с формантом *зверьб-/звереб-/звероб-*: ср. ***зверьбо́й*** и ***свербо́й***, ***зверебо́й*** и ***сверебо́й***, ***зверобо́й*** и ***сверобо́й*** (ЛАРНГ 2017: 491–493). Он наводит на мысль об их возможном родстве. В таком случае необходимо определить, какая форма является первичной. Как указывалось вначале, ученые уже давно говорят о народноэтимологическом происхождении лексемы ***зверобо́й*** за неимением семасеологических оснований связывать ее с корнями *звер-* и *бой-*. С другой стороны, выше было доказано, что производность названий зверобоя от корня *сверб-* вполне реальна и по структуре, и по семантике. Таким образом, можно достаточно уверенно говорить о первичности форм типа ***свербо́й***, ***сверебо́й***, ***сверобо́й*** по отношению к лексемам ***зверьбо́й***, ***зверебо́й***, ***зверобо́й***.

По-видимому, данные формы появились в результате фонетического изменения дериватов корня *сверб-*, а именно озвончения начального согласного. Переход *св* в *зв* в начале слова имеет место в русских говорах: например, влад., курск., смол., волог., арх. ***зверка́ть*** ‘сверкать’ (СРНГ 11: 216), курск. ***зверкану́ть*** ‘сверкнуть’ (Там же); перм. ***звинари́*** ‘грибы свинухи’ (Там же: 220) при распр. ***свина́рь***, ***свинари́*** ‘то же’ (СРНГ 36: 281; ЛАРНГ 2017: 663–666).

Фонетическое изменение ***свербо́й***, ***сверебо́й***, ***сверобо́й*** в ***зверьбо́й***, ***зверебо́й***, ***зверобо́й*** было впоследствии лек-

сикализовано и закреплено народной этимологией названия зверобоя как убивающего зверей. Это представление отражено в контекстах из материалов «Лексического атласа русских народных говоров»: *Зверобой в лесу растеть, тоже лекарственная трава, с желтыми цветками. А зовуть так, потому что звери от него болеють* (п. 380: моск.). *Почему зверобой зовем? Так, должно, зверей бьет по здоровью, ежели много съесть* (п. 341: влад.). *Если коровы-блондинки наедятся зверобоя, то помрут* (п. 267: пск.) (ЛАРНГ 2017: 493). Данная мотивация стала основой для появления таких наименований зверобоя, как ***убо́йная трава́*** «трава, обладающая убивающей силой» (*Зверобой — убойная трава. Убойну траву пили* (п. 393: нижегор.)) и ***зве́рник*** «звериная трава» (*Зверником чай пахня* (п. 785: оренб.)) (Там же).

Возведение слова ***зверобо́й*** к корням *звер-* и *бой-* делает необъяснимыми некоторые его значения, а также структуру отдельных родственных ему лексем. Так, непонятно, как были образованы его синонимы ряз. ***зверoccа́***, моск. ***зверoба́т*** и киров. ***зверобе́ц*** (ЛАРНГ 2017: 491–493). Если же предположить, что подобные формы — это преобразованные дериваты корня *сверб-*/*свороб-* (праслав. **svьrb-*/**svorb-*), то их морфемная структура проясняется. Лексема ***зверoба́*** (ЛАРНГ 2017: 491–493; СРГРМ 2013 1: 299), очевидно, представляет собой вариант русск. диал. ***свероба́*** ‘растение зверобой продырявленный’ (СРГРМ 2013 2: 1120), ***сверъба́*** ‘то же’ (Там же), бессуффиксного производного от ***свербе́ть***. Аналогичная морфемная вариативность свойственна русским диалектным обозначениям зверобоя, образованным от корня *жереб-* (праслав. **žerb-*): ср. ***жеребе́й***, ***жеребо́й***, ***жребо́й***, упомянутые выше, и ***жероба́*** (СРГРМ 2013 1: 234).

Форма ***зверoба́т***, по-видимому, является результатом преобразования субстантивата от прилагательного ***своробáтый*** ‘больной чесоткой, чесоточный’ (новг.), ‘покрытый коростой, болячками (о человеке)’ (волог.), ‘шероховатый’

(*Своробатая доска*) (твер.) (СРНГ 36: 326). Прилагательное, в свою очередь, представляет собой дериват с суффиксом -*ат-* от существительного ***свóроб*** ‘кожное заболевание, чесотка’ (арх., волог., костром., новг., вят., перм., свердл., ср.-урал., тобол., алт., забайкал.), ‘кожный зуд’ (тобол., перм., вят., костром., беломор.), ‘сыпь на коже (обычно у детей)’ (волог., перм., челяб.) и т. п. (Там же: 325–326), ***свóробá*** ‘то же’ (влад., забайкал.) (Там же: 326).

Что касается лексемы ***зверобéц***, то она, вероятно, появилась в результате преобразования формы ***свербéц*** **(**ср. арх. ***свербéц*** ‘непоседливый человек’ (Там же: 235)**)**, образованной от ***свербéть*** при помощи суффикса -*ец*.

Кроме того, в диалектных словарях отмечаются следующие употребления лексемы ***зверобóй***, необъяснимые при образовании ее от *звер-* и *бой-*: ср. смол. ***зверобóй*** — бранное слово (*Ой! Ишь, зверобой какой!*) (СРНГ 11: 216) и в загадке: *Птичка-зверобой Свила гнездо над водой* (водяная мельница) (Садовников, Загадки) (Там же). Если же признать ее вторичным вариантом ***сверобóй***, ***свербóй***, то данные контексты становятся вполне объяснимыми. Дело в том, что у глагола ***свербéть***, кроме ‘чесаться, зудеть’, в диалектах отмечаются следующие значения: ‘сидя, беспокойно двигаться, ворочаться; ерзать’ (арх., заурал.), ‘быстро двигаться’ (арх.), ‘спешить, торопиться’ (ленингр., яросл.) (СРНГ 36: 234). Отсюда — дериваты: яросл., костром. ***свербéга*** ‘суетливый, непоседливый человек’ (Там же), ***свербень*** (удар.?) ‘то же’ (Там же), яросл. ***свербёха*** ‘то же’ (Там же: 235), арх. ***свербéц*** ‘то же’ (Там же). Поэтому вполне понятно эмоционально-оценочное использование слова ***зверобóй*** в значении ‘непоседа’ во фразе *Ишь, зверобой какой!*. Кроме того, производными глаголов со значением быстрого суетливого движения часто становятся названия мелких подвижных существ: например, яросл., волог. ***свербéга*** ‘небольшая рыбка, малек’ (СРНГ 36: 234), костром., яросл. ***свербёха*** ‘то же’ (Там же: 235). По-видимому, конструкцию *птичка-зверобой* мож-

но толковать в том же ключе, как наименование маленькой юркой птички. Показательно в этом отношении аналогичное употребление лексемы ***въюн***, деривата глагола *вить*, *виться*, зафиксированное в материалах второго тома «Лексического атласа русских народных говоров» «Животный мир» по вопросу СМ 359 «Употребляется ли и в каких значениях слово *въюн*?»: ***въюн*** 'мелкая рыбка', 'мелкое животное', 'насекомое, букашка' (КЛАРНГ).

Таким образом, лексема ***зверобо́й***, по-видимому, восходит к глаголу ***свербе́ть***, от которого было образовано имя ***свербе́й***. Оно по народной этимологии было преобразовано в ***свербо́й***, ***своребо́й***, ***сверобо́й***, которое, в результате озвончения начального согласного получило форму ***зверьбо́й***, ***звеpeбо́й***, ***зверобо́й***. Затем это изменение было закреплено народным представлением о зверобое как убивающем животных.

Если предложенная этимология верна и формы типа ***сверобо́й*** и ***зверобо́й*** правомерно толковать как этимологически исконную и преобразованную народной этимологией, то их можно поставить в один ряд с приведенными выше вариантами фитонимов. Нанесение на карту указанных названий зверобоя позволяет увидеть, что свойства их локализации противоположны характеру распространения таких лексем, как ***шампиньо́н — чемпио́н/шпио́н***, ***лопу́х — лепу́х/липу́х***, ***валу́й — балу́й/балду́й***. В этих парах исходные структуры превалируют над вторичными и количественно, и по охвату территории. В то время как фиксации первичных форм с корнем *сверб-* ограничиваются по большей части среднерусскими владимирско-поволжскими и западными говорами и соседствующими с ними южнорусскими тульскими, курско-орловскими и рязанскими говорами. Вторичный же народноэтимологический вариант ***зверобо́й*** и его про-

изводные распространены во всей Европейской России (см. карту-схему № 7[7]).

Литература

Варбот Ж. Ж. Народная этимология в истории языка и в научной этимологии // Ж. Ж. Варбот. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012. С. 174–184.

Варбот Ж. Ж. Вариантность диалектной лексики и этимология // Исследования по славянской диалектологии 19–20. Славянские диалекты в современной языковой ситуации. Диалектный словарь как способ исследования славянских диалектов / [Отв. ред. выпуска Л. Э. Калнынь]. М.: Институт славяноведения РАН, 2018. С. 130–134.

Вендина Т. И. Ареальный аспект изучения лексики русских говоров (традиции и новации) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 178–205.

Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.

Меркулова В. А. Очерки по русской народной номенклатуре растений (Травы. Грибы. Ягоды) / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1967. 260 с.

Furlan M. Slavic Etymology between Linguistic Predictability and Unpredictability // Perspectives of Slavonic Etymology / Eds. B. Vykypěl, V. Boček. Praha: Nakladatelství Lidové noviny, 2016. P. 33–47. (Studia etymologica Brunensia. 19).

[7]Карта-схема № 7 составлена по материалам карты № 148 по вопросу Л 136 «Зверобой», авторы — Т. Н. Колокольцева, Р. И. Кудряшова (ЛАРНГ 2017: 491–493).

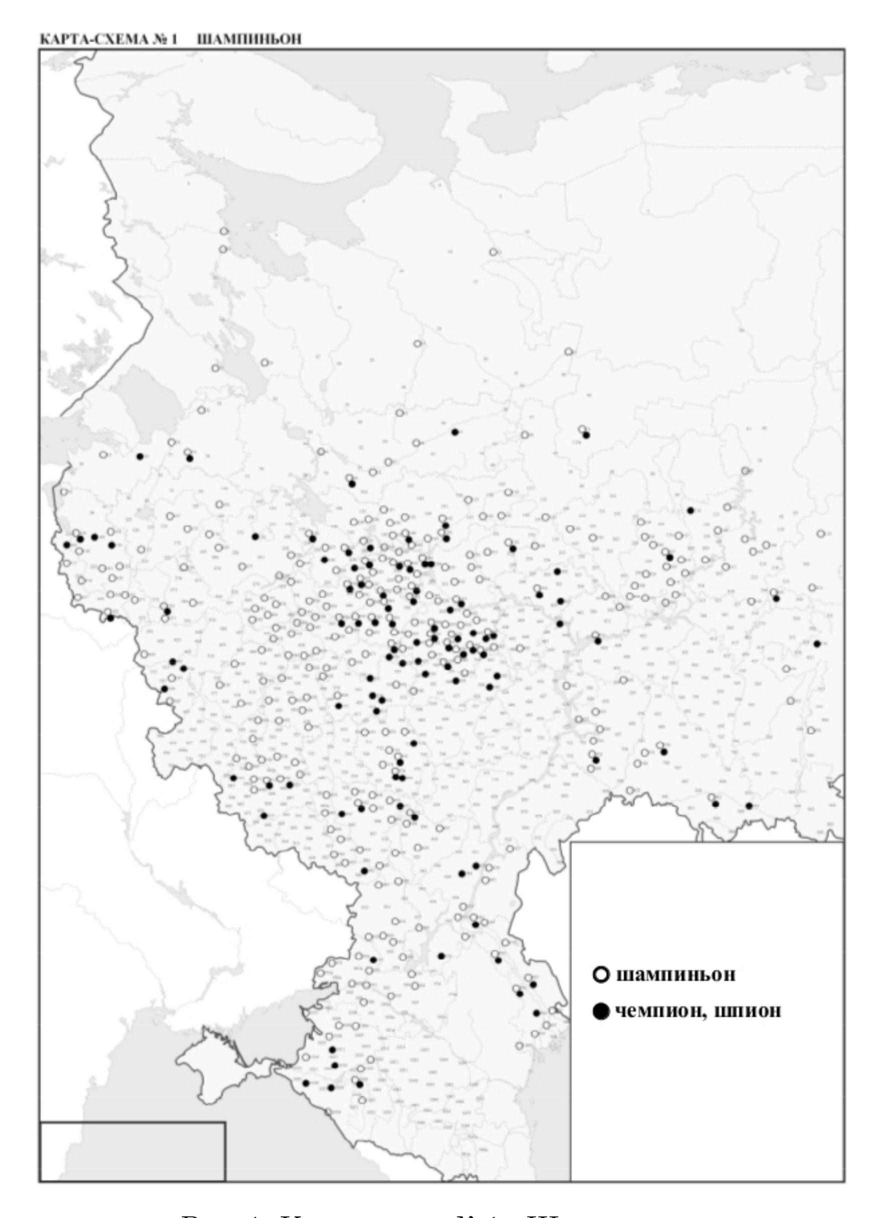

Рис. 1: Карта-схема № 1 «Шампиньон»

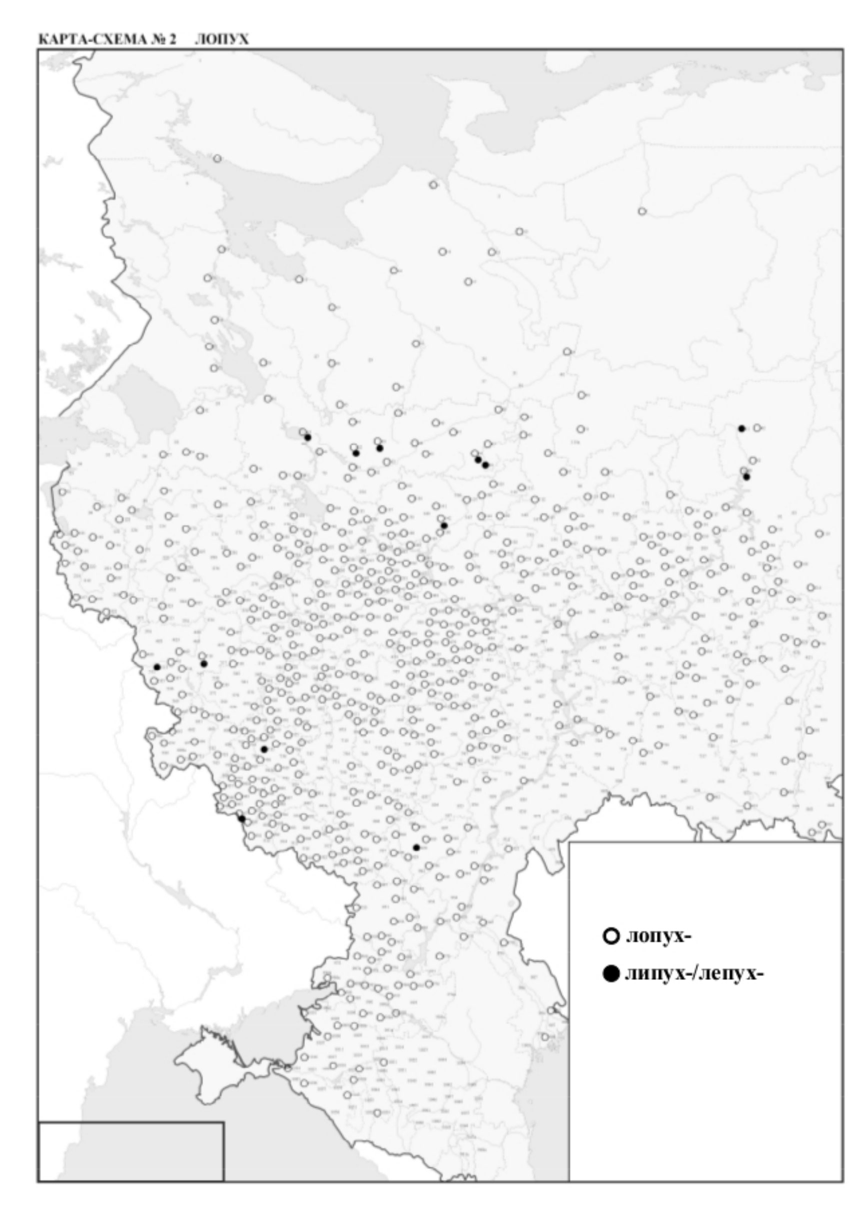

Рис. 2: Карта-схема № 2 «Лопух»

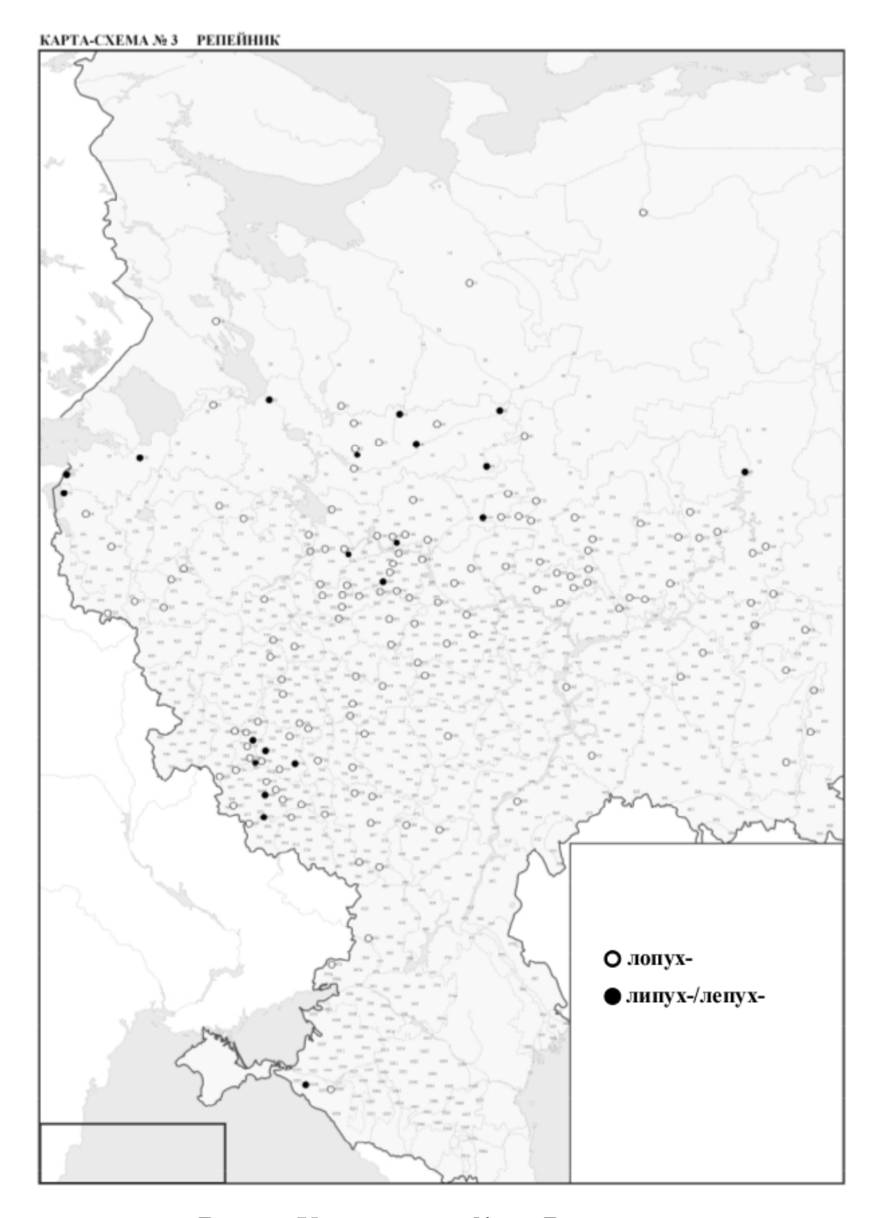

Рис. 3: Карта-схема № 3 «Репейник»

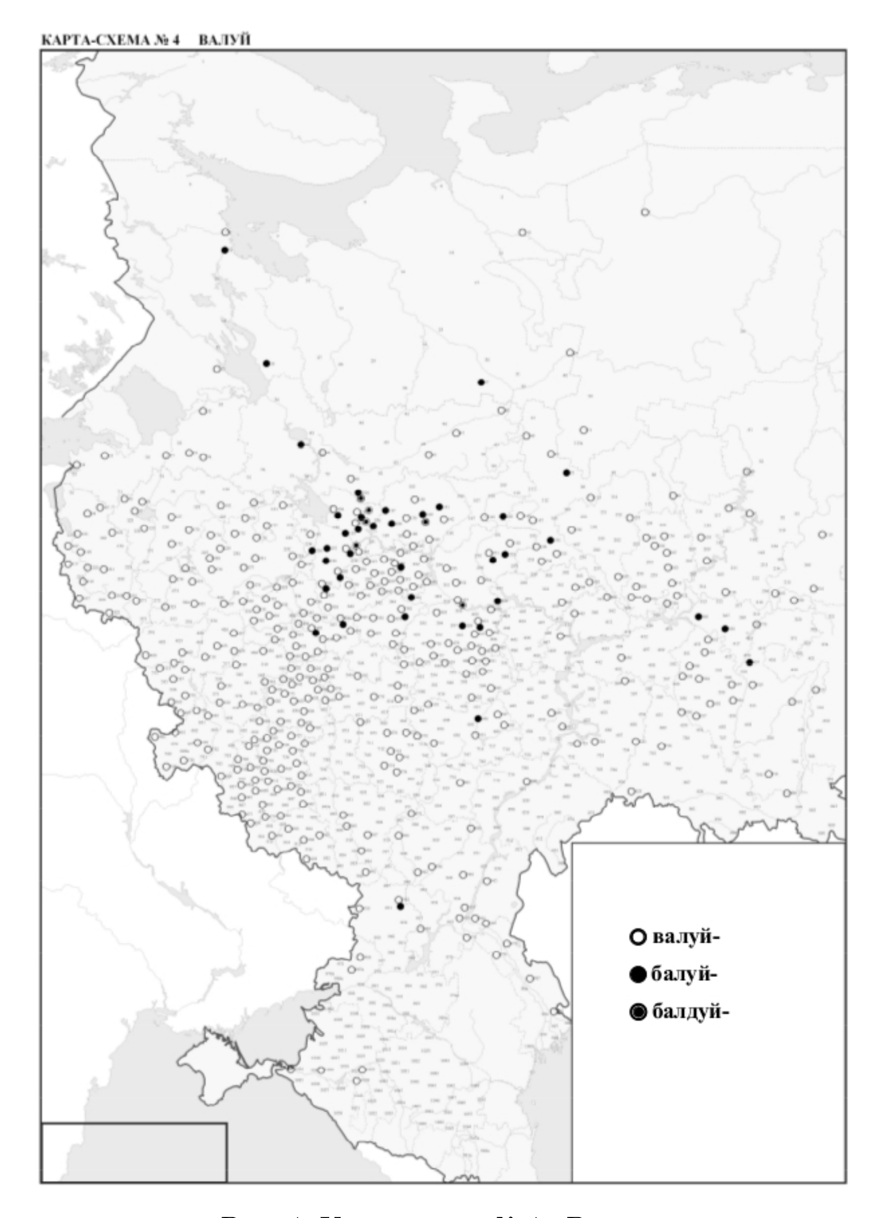

Рис. 4: Карта-схема № 4 «Валуй»

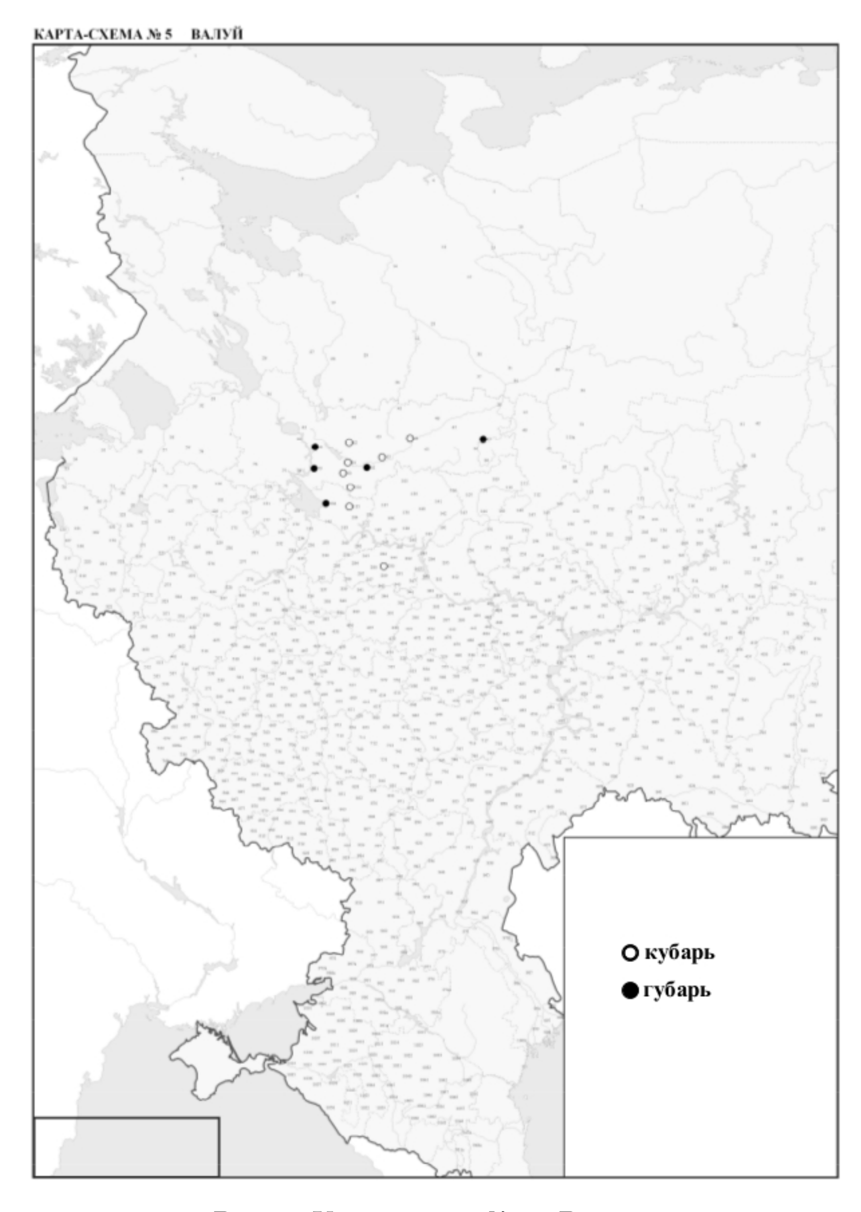

Рис. 5: Карта-схема № 5 «Валуй»

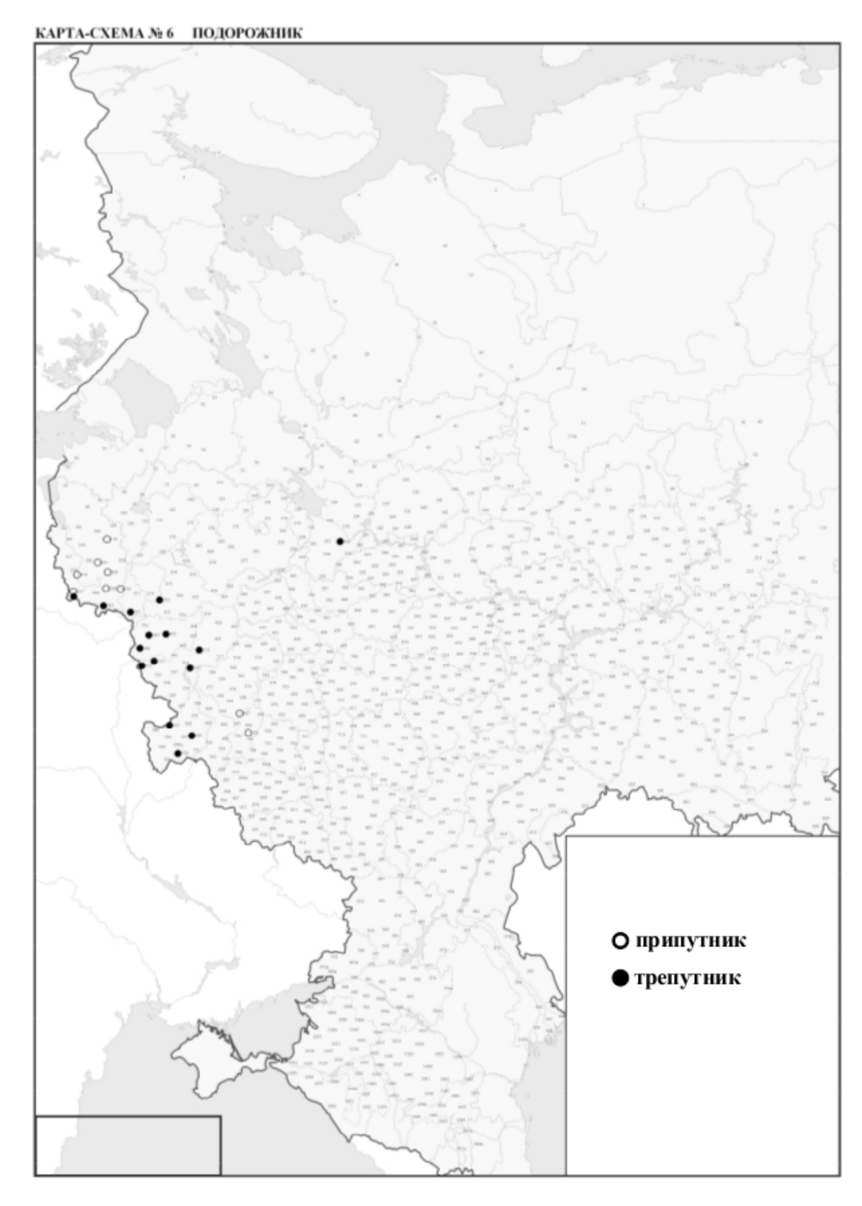

Рис. 6: Карта-схема № 6 «Подорожник»

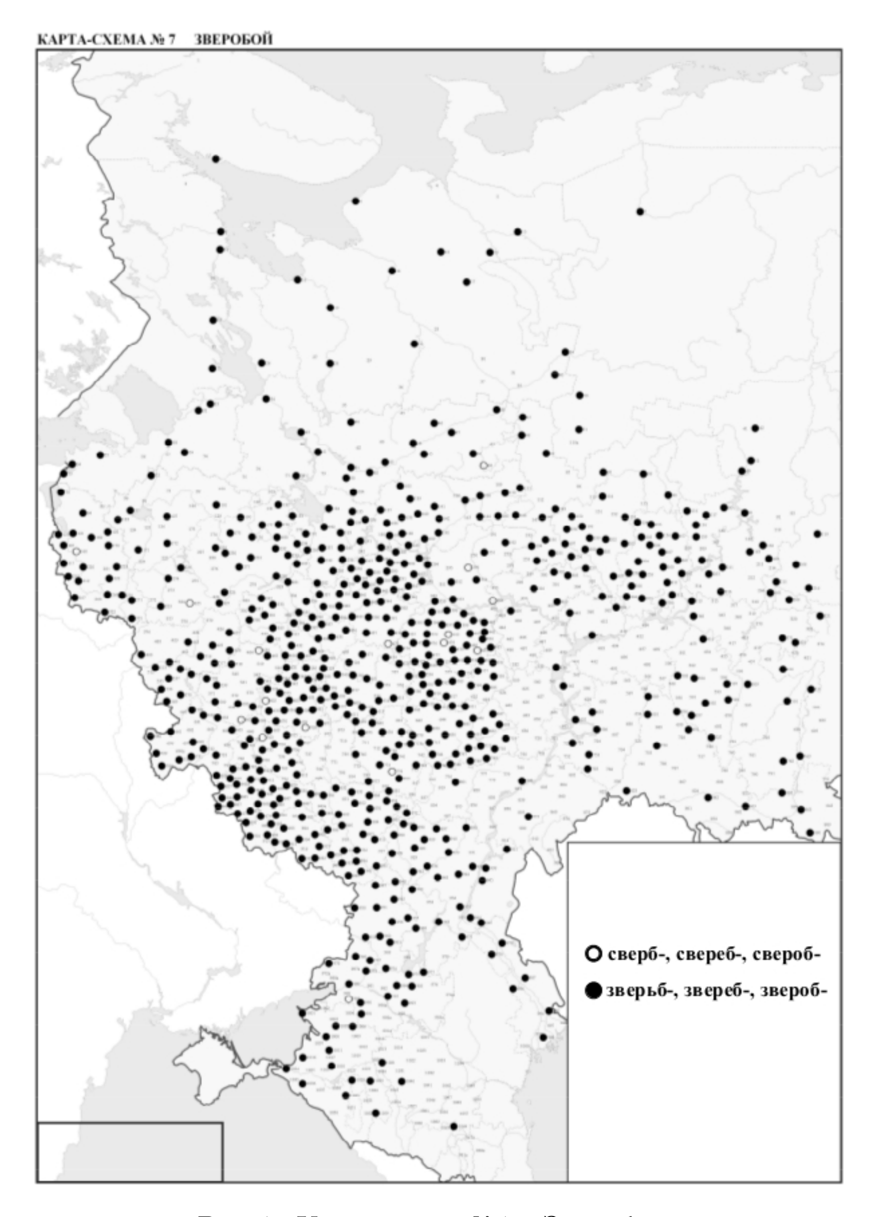

Рис. 7: Карта-схема № 7 «Зверобой»

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 487–641. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201839

Историческая топонимия и народная географическая терминология Славяносербии XVIII–XX вв.

А. К. Шапошников

В статье изложены результаты обозрения великорусских диалектных данных из новороссийского ареала (области Славяносербия), проиллюстрированные диалектологическими картами и каталогами исторических топонимов и народных географических терминов. Автор доказывает, что территория всей Славяносербии, как старорусской, так и новороссийской частей её, является ареалом живых великорусских диалектов, частью великорусского языкового распространения. Апеллятивная и проприальная лексика Славяносербии всех видов, в том числе и народная географическая терминология, должна включаться в диалектные и региональные словари и должна стать объектом русской лексикологии и лексикографии; отечественная ареальная лингвистика, лингвистическая география, лингвострановедение должны вернуть всю бывшую Славяносербию в лоно общероссийской географии и картографии, невзирая на временные искусственные политические границы. Этот ареал внес большой вклад в лексический фонд старорусского (XVI–XVII вв.) и новорусского (XVIII–XIX вв.) языка.

Ключевые слова: диалектный ареал, диалектный атлас, диалектологическая карта, историческая топонимия, народная географическая терминология, апеллятив, этимология, ономастика.

В конце XVII в. старая граница России пролегала по северному берегу Донского устья и по речке *Сасянъ Колодязъ* [*Saffian Kolodaz*], далее по водоразделу до села *Глухой Бояракъ* [*Glukoi Bojarak*], далее по водоразделу до верховья реки *Лугань* [*Lugan R.*] и крепости *Бахмутъ* [*Bachmut*], оттуда по речке *Д. Батiнка* [*D. Batinka R.*], далее по водоразделу реки *Торъ* [*Маяцка Majatska R.*, *Бычокъ Bisczok R.*, *Лакновка*

Laknowka R., *Сухой Торец Sukoi Toretz R.*] и истокам реки Самара [*Волирь Vollir R.*] далее на запад. Отсюда обозревал Северное Причерноморье А. Лызлов [Лызлов 1692]. Здесь Петром I была расквартирована ландмилиция.

В результате азовских походов армии и флота Петра I в 1695–1696 гг. был взят турецкий *Азовъ*, который вместе с крепостью *Семеновской* (*Таганрогъ*) (1698 г.) вошел в новообразованную Азовскую губернию. С 1708 г. Азов — губернский город Азовской губернии. В 1711 г. возвращен на некоторое время туркам.

В 1714 г. была проведена демаркация границ Османской и Российской империй.

При императрице Анне Иоанновне (1730–1740) Миних занялся вербовкою гусар из разных выходцев (сербов, венгров, валахов, грузинских князей и дворян) с целью образовать из них пограничное войско иррегулярного строя.

В 1739 г. город *Азовъ* и крепость *Семеновская* определены как барьерные территории, крепостные сооружения русских были разрушены (Белградский трактат).

При Анне Леопольдовне (1740–1741) Миних преобразовал всех гусаров в 5 поселенных гусарских полков (сербский, грузинский, молдавский, валашский и венгерский). Но полки эти, составленные из разноплеменных бродяг, ничего, кроме вреда, не приносили.

В 1754 г. прибыли в Россию сербы Депрерадович и Шевич со значительным числом их одноплеменников. Им указано было поселиться между Бахмутом и Луганском (в области Славяно-Сербия) и образовать 2 гусарских полка по 1 тысяче человек в каждом.

К 1761 г. было всего 12 гусарских полков. При Екатерине II после различных преобразований гусарские полки были переименованы в легкоконные.

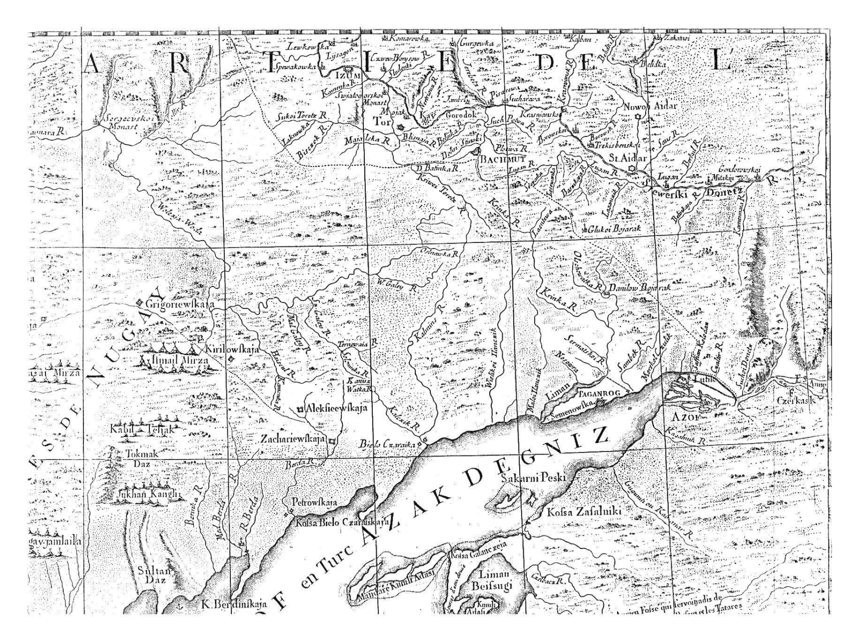
В 1769 г. Азов снова занят русскими, а по Кучюк-Кайнарджийскому миру 1774 г. окончательно отошел к Российской империи. По Кучюк-Кайнарджийскому миру турецкая кре-

пость Еникале и городок Керчь отошли от Кафинского вилаета Турции в состав Российской империи, и было образовано Еникальское градоначалие.

В 1774/75 г. новая граница Славяносербии пролегла по реке *Берда* [*Berda R.*] от устья и крепости *Петровская* [*Petrowfkaja*] до крепости *Захарьевская* [*Zachariewfkaja*] и крепости *Алексеевская* [*Aleksieewfkaja*], оттуда по водоразделу реки *Каменка* [*Katenka R.*] и реки *Конка* до крепости *Кvрiлловская* [*Kirilowfkaja*], оттуда до крепости *Григорьевская* [*Grigoriewfkaja*] и по реке *Конка* до крепости *Нiкитiнская* [*Nikitinfkaja*] до впадения реки *Конка* в *Днѣпрѣ* [*Dniepr Fl.*] выше *Плетенского Луга* [*Limon Pleteniskos*].

В 1778/79 г. произошло заселение новых территорий Славяносербии таврическими православными готогреками, с некоторых пор двуязычными (эллинофонами, говорившими на ромейском, и варварофонами, говорившими на урумском). Греческий язык эллинофонов был к началу XVIII в. сильно засорён варваризмами. Об этом языке писали так: «Весь народ здесь — греки и лазы, говорящие по-гречески. Всего их до 15-ти тысяч, татского народа, стрелков из ружей. Когда они говорят между собой по-гречески, то употребляют ещё и выражения из какого-то другого языка» [Челеби 2008]. Ещё более жалкое зрелище представлял собой язык варварофонов. О нём иноверец написал следующее: «...там есть своего рода трудные слова. Это не греческий, не чагатайский и не лазский язык. Это какой-то другой язык. Когда они говорят между собой, человек удивляется» [Челеби 2008].

Все эти территориальные преобразования нашли отражение в современных документах картографического и топографического характера. Наиболее удобной и показательной автору представляется карта Новороссии по состоянию на 1774/75 г., изданная в Венеции в 1777 г. [Santini 1777]. Она используется как основной источник ранней топонимии Славяносербии той эпохи (см. карту).

Карта Новороссии по состоянию на 1774/75 г. [Santini 1777]

Начнем с обзора исторической топонимии старорусской части Славяносербии, освоенной южно-великорусским языком в XVI–XVII вв. (см. Приложение 1).

Наиболее заметные народные географические термины этого ареала: *балка*; *баярак* / *байрак* / *боярак* / *буерак*; *вежа* / *вяжа*; *вершина* ‘верховье реки’; *грунь* ‘холм, возвышение, вершина холма, склон горы, холма’; *гусар* / *гусары*; *долгий*, *-ая*, *-ое*; *долина*; *дольный*; *каменный*; *клади*; *колодязь* / *колодезь*; *кривой* / *криво-*; *криница* / *крыница*; *крынка*; *малый* / *мало-*; *могила* / *могилы*; *мокрой* / *мокрый*; *новой* / *ново-*; *овраг*; *плесо*; *раздёр* / *раздóр* / *раздóра* ‘поле или сенокосное угодье на месте выкорчеванного леса’; *редут*; *ретраншемент*; *рѣка*; *рѣчка*; *санжар* ‘вал, укрепление’; *сармá* ‘протока’; *сáрма* ‘брод, перекат на реке’; *слобода*; *солёный* / *солоной* / *солоный*; *средняя* / *средне-*; *старый* / *старо-*; *ступка* / *ступки* — из *столпъка* ‘демаркационный знак’; *сухой* / *сухо-*;

усть; *форт*; *хутор*; *широкий*; *ям*; *яма*; *яр*; *ясенъ* / *ясень* и др. Большинство этих народных географических терминов датируются ст.-русск. периодом XVI–XVII вв., см. 1–30 вып. СлРЯ XI–XVII вв.

Некоторые из этих слов являются варваризмами, уже вошедшими в обиходный русск. язык: ***буерак***, ***гусар***, ***кабан***, ***камыш***, ***санжар***, ***са́рма***, ***сарма́***, ***саур***, ***таволга***, ***тал***, ***хутор***, ***ям***, ***яр***.

Из очень характерных морфологических явлений этого ареала прежде всего следует указать на образования производных на -*оватый*, -*ая*, -*ое* от основ фитонимов *бересто*, *камыш*, *лоза*, *ольха*, *очерет*, *сосна*, *тал*, *тёрн*, *ясенъ* и др. (*волна*, *локно*, *лось*, *рассоха*, *скеля*, *скота*, *солонец*) с последующим переоформлением на -*оваха*.

Новороссийская часть Славяносербии сохраняла и продолжает сохранять значительное количество топонимов и народных географических терминов, как ст.-русск., так и новорусск. периодов, например, слав. основу *каль*, *калъ* ‘грязь, грязевой поток’ (см. *Калъ*, *Калец*, *Калка*, *Кальчик*, *Кальмиус*), *каменка* / *каменная*, *могила* ‘степной курган’, *солёный* / *солоной* / *солоный*, *ухо* ‘балка’ и т. д.

Кроме того, заметны наиболее употребительные имена собственные, застывшие в составе топонимов: *Алеѯе́й*, *Алеѯандръ* (*Шурка*), *Анто́шка* (*Антон*), *Афенка* / *Афёнка* (*Афонька*, *Аѳанасій*), *Богда́н* (цслав. калька греч. Θεόδωρος), *Васи́ль* / *Василёк*, *Гавріилъ*, *Геωргій*, *Григорій*, *Даніилъ*, *Денис*, *Ефрем*, *Захаръ*, *Ігнатій*, *Ѳеодωр*, *Каѳерина*, *Козьма и Демьян*, *Константи́н*, *Кѵріллъ*, *Ле́онтій*, *Марья* (*Машка*), *Матвей*, *Нікита*, *Остап*, *Павел*, *Пётр*, *Семён*, *Хар(а)лампіий*, *Яков*, *Янакій* / *Ѥнакій*. Эти антропонимы входят в состав многочисленных топонимов всех разновидностей. См. Приложение 2.

Славянские, сербские, болгарские, македонские (а также молдавские и венгерские) исторические топонимы Славяносербии сохранились плохо (хуже, чем в Новосербии)

[Шапошников 2017: 545–546, 550–632], нередко в иноязычной (греч., влр.) передаче:

ду́на ‘разлив воды’, ‘лиман’ — пережиток раннепраслав. **dau̯nā*, однокоренного гидрониму **Duinā* (?);

Качама́ха, *Качема́к* — болг. *качама̀к* или серб. *кача̀мак* ‘мамалыга’;

Ку(й)мань — то ли испорченный топонимизированный этноним *qıman* ‘половцы’, то ли пережиток скифск. языкового состояния, в котором усматривают продолжение и.-е. диал. корня **k̂ōim-* ‘семья, кмень, родовое селение’;

Кундручь, *Кундруча*, *Кундрюча*, *Кундрючье Устье*, *Кундручка*, *Кундрючья* — согласно одному мнению, порча румынск. *codrúţ* ‘лесок’, молд. *кудру́ц* тж. или гуцул. перен. *зарослий кудруц*, *цу* бот. ‘рута’, но, возможно, перед нами суффиксное переоформление (+ *-учий*, *-учая*) скифск. пережитка **ku(n)dr-as*, аналогичного лит. *kūdra* ‘пруд, водоем, болото, лужа’ [Трубачев 1968: 256];

Македо́новка — от фамилии *Македо́нов* или прозвища *Македо́н*;

Мано́л Тарама́ — с болг. антропонимом *Мано̀л* = *Мануил* в составе;

(Паш)*панду́р* (Тарама́) — с серб. *па̀ндӯр* ‘стражник, полицейский’ и варваризмом *паш* (*баш*) ‘главный, старший’ в составе;

ху́тор, мн. ч. *хутора́*, греч. *хутра́* — восходит при посредстве молд. *хота́р* ‘граница, рубеж, межа’, редк. ‘владение’ к венг. *határ* ‘граница, межа, околица’.

Самый заметный сегмент исторической топонимии и народной терминологии Большой Славяносербии, безусловно, греческий (румейско / урумский) [Отин 2000].

Заметны церковно-греческие имена собственные (в большинстве своём варваризмы): *Аврам* = Αβραάμ, *Айнот* = (Παν)αγιότης (?), *Алекс* = Αλεξις, *Анна* = Αννα, *Антон* = Αντώνιος, *Астаф* = Αστάχυς, *Василь* = Βασίλιος, *Гавриль* = Γαβριήλ, *Гурас*, *Гурђи* = Γεώργιος, *Юргач* = Γεωργιάκι, *Гор-*

гор = Γρηγόριος, *Данил* = Δανιήλ, *Денис* = Διονύσιος (?), *(Ди)мит(рий)* = Δημήτριος, *Єфре́м* / *Афре́м* / *Ахре́м* = Εφραιμ, *Зандо* = (Βυ)ζάντος (?), *Зепир* = Ζώπυρος или Ζέφυρος, *(Е)катерина* = Εκαθηρίνη, *Θеодωр* = Θεόδωρος, *Игнатий* = Ιγνάτιος, *Константин* = Κωνσταντίνος, *Коста* = Κώστα / Κωνσταντίνος, *Ʒения* = Ξενία, *(Хар)ламбу* = (Χαρα)λαμπου, *Лейорко* = ?, *Манол* = Μανουηλ, *Мария(м)* = Μαριάμ, *Пасха́л* = Πασχάλιος, *Савва* = Σαββάς, *Сераф* = Σεραφίμ, *Симеон* = Συμεών, *Филип(п)* = Φίλιππος, *Яков* = Ιάκωβ, *Янах* / *Янач* = Ιωαννάκι, *Ячим* = Ιωακιμ, Ιωαχίμ, *Юнакій* = Ιωαννάκι которые, с одной стороны указывают на народные предпочтения в выборе имён, а с другой — на наиболее частотные церковные праздники и культы святых греко-православной общности.

Наиболее употребительные народные географические термины и прочие апеллятивы, заметные в их составе, — это испорченные грецизмы:

алепу́с — из греч. ἀλωπός ‘хитрый как лиса, хитрец’, перен. ‘лиса’, изв. и в Тавриде (*Алупка*, *Алыпхор*);

анадо́ль — из греч. ἀνατολή ‘восход, место восхода солнца, восток’;

аркды́ — из греч. ἄρκτος ‘медведь, медведица’, н.-греч. ἀρχοῦδια, не представлено в Тавриде;

архундыяс — из греч. ἄρχων, -οντος, -οντι, -οντες ‘начальник, предводитель, вождь, правитель, владыка, архонт’;

асту́ — из греч. ἄστυ, ἄστεως ‘город’;

ахту́ — из греч. ἀκτή ‘побережье’;

ваθи́ — из греч. βαθύς, -εῖα, -ύ ‘глубокий’, изв. и в Тавриде: *Батилиман Ваθиліман*;

гогу́л — из новогреч. γογγύλη ‘репа’;

громыле́я, *грумиле́й*, *грумле́яс* — из греч. ἀγριομηλέα ‘дикая яблоня’;

какамы́р — греч. κακόμοιρος ‘бедный, несчастный’ или κακομούρης ‘некрасивый’;

камара, *комара*, *комары*, *комáр* — греч. κάμαρα ‘свод’, ‘арка’, ‘комната со сводчатым потолком’, ‘каморка’, ‘кладовая’;

камбý — из греч. καμπούς ‘поле’, ‘луг’;

кáто, *кáту* — из греч. κάτω ‘вниз, вниз с, внизу, под, после, потом, затем’;

клисúяс, *клисы́яс* — из греч. ἐκκλησία ‘церковь’, ‘место или помещение для собраний’, ‘общее собрание, сходка’, хорошо известно и обильно представлено в Тавриде [Шапошников 2011];

котúн, *кóтню*, *кочúн*, *кочнý* — из н.-греч. диал. κόκκινος, род. пад. κόκκινου, κοκκίνο, κοκκινού ‘красный’;

кремастá, *кремастó* — из греч. κρεμαστός ‘подвешенный, висящий; висячий’, изв. в Тавриде, водопад *Кремастó Нéро*;

крúдас — из греч. ἀκρίς, -ίδες ‘саранча’;

кукóс — из н.-греч. κοῦκκος ‘кукушка’, ‘одинокий человек, простак’;

кунанéис — из греч. κοινανός, κοινωνός ‘соучастник, сотоварищ, единомышленник, товарищ, приятель, сообщник’, ср. κοινανία, κοινωνια (?) ‘взаимоотношение, соучастие, связь; брачная связь; общность, подаяние’;

кундó — из н.-греч. κοντός ‘короткий, маленький’, представлено и в Тавриде: *Кондó*;

кирьяк(овка) — от греч. κυριακός ‘господний, господень’;

кωми, *Παππάκωμη — греч. κωμη ‘деревня, село’, ‘сельская община’, представлено и в Тавриде: Кучук-*Мускомья* и Буюк-*Мускомья*;

лáспи — из греч. λάσπη ‘грязь, кал’, изв. и в Тавриде: *Ласпи*;

лéвку — из греч. λευκός ‘светлый, яркий, ясный, сияющий; блестящий, сверкающий; светлый, прозрачный; ясный, чистый’; ‘белый’; ‘седой, седовласый’, некогда обильно представленного в Причерноморской топонимике;

леíмώн — из греч. λειμών ‘заливной луг, пастбище, выгон’;

лíмáн — из греч. λιμάν, λιμήν ‘порт, гавань, пристань; убежище, пристанище’; ‘залив, бухта, озеро’, обильно представлено в топонимии Тавриды и всего Причерноморья;

лíс — с испорченным греч. глаг. несврш. εἴλισσον ‘катил’;

лухтур(ы́) — из греч. ἀλέκτωρ ‘петух’;

макрú — из греч. μακρή форма ж. р. прилаг. μακρός ‘длинный, далёкий, дальний, долгий, большой, обширный’;

маламúзъ — из греч. диал. глаг. *μαλαμιζω ‘покрываю позолотой’, производного от н.-греч. основы сущ. μάλαμα ‘золото’;

манáху — из греч. μοναχός, видимо, усвоенная русск. произносительная форма *монáху*, в свою очередь старого цслав. грецизма;

мáнта — формально варваризм *manta*, но греч. испорч. *манта* ‘белая фиалка’ может замещать греч. простореч. словосложение (μ’) ἴα+ἄνθη ‘фиалки-цветы’ (?);

мéга — из греч. μέγα формы ср. р. прилаг. μέγας, μεγάλου ‘большой, огромный, высокий, широкий, обширный, просторный, вместительный, длинный, глубокий, великий’, изв. и в Тавриде: *Меганом*;

мкрó, *мíкрó* — из греч. μικρός ‘малый, маленький, небольшой, немногочисленный, скудный’ и т. д., изв. в Тавриде в гидрониме *Микропотамос*;

млáр, *милáр* — из н.-греч. μολάρι ‘мельница (неточно)’ или, точнее, сред.-греч. μολάρι из лат. *molāris*, *-is* ‘мельничный камень’, ‘глыба’ в функции народного географического термина;

ʒерó — из греч. ξερός ‘сухой’, изв. в Тавриде: гидроним *Ʒеропотамо*;

пандýр — изначально визант. термин предводителей (вот откуда приставной варваризм *паш-* = *баш-*) клиентов (πανδούροι) каждого отдельного отряда (ἑκαστού ἀριθμοῦ), вечером накануне Брумы (*Крачуна*, Βρουμάλια) отправля-

лись к домам своих патронов (обязавшихся к гостеприимству лиц) и звуками давали знать, что завтра они будут здесь обедать. В Австрийской империи ‘стражник, ночной дозор’.

пáну — из н.-греч. нареч. (ὑ)πάνω ‘под, внизу’, сложения ὑπ(ό) + ἄνω ‘вверх, кверху, вверху, наверху, выше, вверх на, вверх по’;

папáс / *папáз* / *папá*, *Παππάκωμη — из греч. πάππας ‘поп’, изв. и в Тавриде;

пepaткýc — из греч. περατικός, περατός ‘проходимый, переходимый, доступный для переправы’, περάτη ‘край земли’;

перну́ — из греч. нареч. πέραν, πέρην ‘по ту сторону, на противоположном берегу, на ту сторону, на противоположный берег’;

пигáδ, *пигáδья* — из н.-греч. πηγάδι ‘колодезь, криница’, именная основа, отвлечённая от основы глаг. πηγάζειν ‘струить(ся), испускать воду’, в Тавриде не изв., ср. только о-в *Alopegia* (Тузла), неточная лат. транслитерация греч. αλοπηγη или -ια ‘соляной источник’;

пікрó — из греч. πικρός ‘горький’;

плетеніскос [*Pleteniskos*] — из греч. простореч. производного с суф. -ισκος от основы страд. формы глаг. πληθύνεται ‘увеличиваться, умножаться, быть в изобилии’? Или перед нами грецизированная польская форма *pleteniskо*, русск. диал. ***плетенище***?;

плят — из греч. πλατός ‘широкий’;

плятú, *платúс* — из греч. πλατύς, -εῖα, -ύ ‘широкий, широко раскинувшийся, разбросанный, плоский, равнинный’, зд. ‘плитняк’, или ‘солёный, солоноватый’ (?), изв. и в Тавриде: *Taurorum oppidum* **Plateia* (*Placia*);

плятúя — сущ. πλατεία ‘площадь’ ?;

пул — из н.-греч. πουλι ‘птичка, цыплёнок’;

пуху — из греч. прилаг. ἔποχος (ποταμός) ‘удобопроходимый’;

ско́та — ‘нора, пещера; логовище, нора (гадюки, змея, байбака, бобра, лисы)’, зафиксировано употребление этого апеллятива в Гадючьей балке и на островке Гадючьего порога, на о-ве Хортица, в запорожской степи (1886–1887 гг.) — вероятно, форма ср. р. мн. ч. греч. σκότος в перен. знач. ‘подземный мир, царство тьмы, глубь, недра’;

скули́, *скулю́*, *склу́*, *шкли́*, *щили́* — из греч. σκύλλη, σκύλαξ ‘щенок, пёсик, собака’;

стра́та — из сред.-греч. στράτα ‘дорога’, старого заимствования из лат. *via strata*, откуда в конечном счёте и русск. *автострада*;

сты́ла — из греч. στήλη ‘столб, свая’, ‘надгробный столб’, ‘пограничный столб’, ‘межевой знак, мета’, ‘начальный или конечный столб’, ‘мемориальный памятник, стела’ (?), топоним перенесен из Тавриды;

та — форма сред. р. мн. ч. греч. артикля τὰ;

тавла́, *тавлу́* — из греч. ταβλά ‘конюшня’, старый латинизм *stabula*, *stabulum*;

те́ссара, *те́ссарес*, *те́сера*, *тэсера* — из греч. τέσσαρα, τέσσαρες ‘4’;

тирны — из греч. прилаг. τέρην, τέρεινα, τέρεν ‘гладкий, мягкий, нежный’;

трандафи́л — из греч. τριαντάφύλλο ‘шиповник, роза’;

трепи́я — из греч. τρύπη ‘отверстие, дыра’, представлено и в Тавриде: *Трипи*;

ту — из греч. τὸ, τοῦ определённый артикль;

физыго́ — из греч. ἀφ’ἐζύγον ‘распрягал’ (?);

физыго́ — будто бы из н.-греч. сущ. το φείδι ‘змея’;

-хама́, *-хма́*, *-хома́*, *-хума́* — из др.-греч. χαμά ‘земля, почва’;

хара́ — из греч. χαρά ‘радость, восторг’;

-хланюс — порча греч. зоонима χλούνης ‘дикий кабан-одиночка, вепрь, лежащий в зарослях, сильный вепрь’;

-хωма — из греч. χῶμα, род. п. -ατος ‘могильная насыпь, курган’;

-хώра, *-хώр*, *-хώру* — из греч. χώρα, χῶρος ‘деревня, село’, изв. и в Тавриде (*Алыпхор*, *Капсихор*, *Мисхор*);

ψило́ — из греч. ὑψηλός ‘высокий’, изв. и в Тавриде *Псиля Кая*;

яли́, ялы́ — будто бы порча греч. αἰγιαλός ‘морской берег, взморье’, возможно, изв. и в Тавриде: *Ялта* (?);

Примечательно отсутствие в этом перечне терминов *лева́да* / *ліва́да*, *касте́ль*, *ка́стро*, *неро́*, *потамо́с*, *пота́ми*, сохранившихся в других областях Новороссийского края (в Тавриде и Новосербии, например).

Наиболее частотные варваризмы в составе греко-негреческих гибридов таковы:

база́р — ‘торжище’ (при огузск. посредстве из фарси);

бахча́ — ‘сад’ (при тюрк. посредстве из перс.);

бирю́к, *бирю́чий* — ‘волк’ (тюрк. *бёрю*);

заву́т, *зау́т* — ‘завод’ (из русск.);

соха́х — н.-греч. σοκάκι ‘улица’;

тарама́ — ‘ответвление балки, оврага’ или ‘сама балка, овраг, буерак’; ‘ответвление’, ‘приток’ — испорченное заимствование из ногайских говоров (?), поэтому в Тавриде вовсе не известно;

хаму́ш, *хамы́ш* — ‘камыш’ (из огузск.);

хутра́ — ‘хутор, отруб’, изв. в составе уникального Таврического топонима *Манаготра*, получившего ошибочное толкование из индоарийск. *gotra* ‘коровник’ [Трубачев 1977, 1999; Шапошников 2011], скорее всего, заимствование из влр. говоров *ху́тор*, при возможном молдавском посредстве (*хотар*) из венг. *határ* ‘граница, межа, рубеж’ (Kiss 1988, I: 574);

чучу́л / *цуцу́л* — из молд. *чучуль* ‘верхушка, хохолок’, изв и в Таврической оронимии: гора *Цуцуль*, *Чучель*, *Чучельский* перевал;

Великорусская историческая топонимия новороссийского распространения от старорусской границы 1690 и 1714 гг. до Днепровской пограничной линии 1774/75 г. представлена в Приложении 2.

Высокочастотная народная географическая терминология здесь: *база́р*; *ба́лка*; *бе́лый*, *-ая*, *-ое* / *бело-*; *берёза*; *берека*; *берёст* / *берестo*; *больш́ой*, *-ая*, *-ое* / *больше-*; *вели́кий* / *велико́й* / *велико-*; *ве́рхний* / *верхне-*, *вы́езд*; *дуб*; *заво́д*; *кра́сный*, *-ая*, *-ое* / *красно-*; *ма́лый*, *-ая*, *-ое* / *мало-*; *могила*; *мона́х*; *мост*; *но́вый*, *-ая*, *-ое* / *ново-*; *ольха*; *осика*; *осина*; *отру́б*; *поля́на*; *ста́рый*, *-ая*, *-ое* / *старо-*; *фонта́н*; *ху́тор*; *широ́кий*, *-ая*, *-ое*; *яма*, *яр*, *ясенъ*.

Заметны ареальные варваризмы, уже прижившиеся в влр. говорах Большой Славяносербии:

Азо́в — будто бы топонимизированный антропоним *Азупъ* (?);

айда́р — ‘холм, с каменной пирамидальной насыпью на вершине’ или ‘лес на вершине холма’;

Бахму́т — переоформленное имя *Махмуд* / *Мухаммад*, аналогично *басурман*, *бусурман* из *мусульман*;

берда — если это вообще варваризм? [Шапошников 2016];

(Старо)бѣшево — из урумск. ‘пять домов’;

бояра́къ, *буера́к* — переоформленный слав. суф. *-акъ* варваризм *bajyr* ‘холм, бугор’;

воллиръ — (?);

гаичулъ — (?);

изю́м — из тюрк. *юзюм*;

камы́ш — из ногай-татар. *камы́ш*;

ку(й)ма́нъ — тождественно ли варваризму *куман* (?);

кудру́чь, *кундрючая* — из валаш. (румын.) *codruţ* ‘лесок’;

ма(д)жа́р — из венг. *Magyar*;

мию́с, *муз* — из ногай-татар. *миюз*, *мююз* ‘рог’;

мирза́ — из ногай-татар. *mirza*, *мирза*;

мурза́ — из тур. *murza*;

ота́ра — из ногай-татар. *отар*;

сама́ра — реликт хвалисского (хорезмийского) языка (?), ср. *Самар-канд*;

санжа́р — из тюрко-монг. *санжа́р* ‘вал, укрепление’ (Радлов IV, 1: 456);

ско́та — из греч. *ско́тос*;

та(й)га́нъ — из ногай-татар. *тайган*;

хору́нжий — произв. с суф. -*ий* в знач. ‘несущий хоругвь, знаменосец’ от готск. *harungō* ‘хоругвь’;

ху́тор — ‘обособленный земельный участок с усадьбой владельца’, ‘небольшой крестьянский посёлок из 2–3 домохозяйств’, ‘деревня без церкви’, изв. на карте Сантини 1777 г. в Еникальском градоначалии — *Chutor*, позднее *Хутор арнаутский*;

чаба́н, *чоба́н* — при посредстве ногай-татар. *чобан* из фарси *чобен* (*Чобен Гур*);

чара́(й) — вид водоплавающей птицы (?);

шайта́н — из арабск.

Завершая обзор исторической топонимии и народной географической терминологии Славяносербии XVIII–XX вв., отметим важную роль, сыгранную этим регионом в обогащении словарного запаса великорусских говоров ново-русского языкового состояния. См. прилагаемые каталоги исторической топонимии и народной географической терминологии Славяносербии старорусской и новороссийской частей (Приложение 1 и 2).

Приложение 1. Каталог исторических топонимов и народных географических терминов старорусской части Славяносербии

Начнем обзор исторической топонимии со старорусской части Славяносербии, освоенной в XVI–XVII вв.

А

Азак [*Azak*] *городок*, «Знать мощно, яко там бывал град некогда, еже познавается от стен оставшихся, стоящих у пути онаго. От той дубровки два дни езды до Азова, иже стоит на ч реке ч Дону, десять верст от устия, где той в море впадает. На другой стране реки Дона стоит *городок Азак*, от него же в десяти верстах есть кладязь воды смердящия, та-

мо же и капище поганское древнее, идеже первородные скоты богом своим жряху татарове, половину его сожегши, другую же птицам и зверем в снедь оставляющи» [Лызлов 1692: л. 128об.] — из тюрк. *азак* ‘низкое место, низменность’;

Азов [*Azof*], «Паче же со князи российскими величайшия брани составляли. Их же грады ‖ бяху не давных времен — то есть лета от Христа 1103-го, и 107-го, и 108-го Схутен, и блиско Дону Рукан, Суворов, *Азов*, его же{20} владетель половецкий князь Азуп убиен от князей российских»; «В Таврике ‖ же Херсонской за Перекопом по градом пристанищным, яко: во *Азове*, в Кафе, Керчи, в Херсоне или Корсуни и по иным градом, которые тогда были, живяху италиане генуенсы под властию царей греческих, с татары, живущими в полях близко Перекопу, мир имеющи»; «Морем же ко *Азову* посла сто пятдесят галер великих...» [Лызлов 1692: л. 14, 22об., 121об.]; «Знать мощно, яко там бывал град некогда, еже познавается от стен оставшихся, стоящих у пути онаго. От той дубровки два дни езды до *Азова*, иже стоит на ч реке ч Дону, десять верст от устия, где той в море впадает...» [Лызлов 1692: л. 128об.] — судя по сообщению Лызлова, топоним *Азов* образован от имени половецкого князя *Азупа*, убитого между 1103 и 1108 гг.;

Азовское море [*Mer d’Azof en Turc Azak Degniz*], «Имать то *Азовское* море около себя тысящу верст» [Лызлов 1692: л. 124об.] — производное прилаг. с суф. -*ск*- от *Азов*;

Айдар (1577), до усть *Аидара* (1625), отъ *Аидару* (1646) [*flu. Adar* 1693, 1793, *Aidan R.* 1760; *Aidar R.* 1774, *Aidor R.* 1706, *Heidar R.*], *Адар* река (1503), *Оидар* (1586, 1644), *Оидор* (1666), *Адара*, отъ *Адары* (1552), *Аидара* (1801) [Отин 2012: 359–360] — предполагали, что гидроним *Айдар* отвлечен от оронима *Айдар* (топонимическая метонимия), ареальный народный географический термин *айдар*, восходящий к варваризму *айдар* ‘возвышенность, обычно с большой кучей камней, сложенной на самой вершине в виде конуса’, влр. диал. ***айда́р*** ‘круглая казачья стрижка, под верховку, под чуб, кругло

обрубом, не в скобку' (Даль, нижегор., уральск.), 'неостриженная маковка, вопреки обычаю' (нижневолжск. губ.), ***айда́ры*** мн. ч. 'длинные запущенные волосы на голове' (казан.) (СРНГ 1), ср. тюрк. апеллятив *ajdar* 'чуб, косичка' (Мурзаев 1984: 41);

Айдарская сторона (1571) Донца; *Аидарское* устье (1647), впадение Айдара в Донец [Отин 2012: 360] — производное с суф. *-ск-* от топонима *Айдар*;

Андар (1769), *Андаръ* — считаются испорченными формами *Айдар*, см.;

Б

Базная балка пп Гнилой, бас. Быстрой, бас. Сев. Донца [Отин 2012: 512] — производное с суф. *-н-* от основы влр. диал. ***баз*** 'огороженное на дворе место для скота, скотный двор' (дон., южн., сарат.) (СРНГ 2: 46);

Байрак балка лп Лозовой бас. Лугани и пп Луганчика [Отин 2012: 401, 415] — вариант ст.-русск. *баиракъ* 'овраг' (Назиратель 140), *баяракъ*, *бояракъ* fovea magna (грамота 1599 г.), *буѥракъ* (СлРЯ XI–XVII 1: 66, 307, 348) и влр. диал. ***боя́раки*** 'небольшие участки лесов, сохранившиеся от сплошных массивов' (дон.), *боя́рак* 'буерак, овраг' (Урал) (СРНГ 3: 143);

Бакай, *Бакой яр* лп Чёрного Жеребца, *Бакай балка* пп Калитвы, *Бакай балка* пп Большой бас. Калитвы, пос. *Бакайский* [Отин 2012: 320, 461, 490] — от варваризма *бака́й* 'удлиненная, увлажнённая котловина' (Мурзаев 1984: 33) или влр. диал. ***бака́й*** 'речной поток в плавнях, камышах' (СРНГ 2: 57);

Бака́нка балка лп Голого Колодезя бас. Калитвы [Отин 2012: 476], ср. *Бака́нка*, Нижне-*Бака́нская* и Верхне-*Бака́нская* в Крымском р-не — выводят из диал. ***ба́кан*** 'бакен, сигнальный огонь на реке' (СРНГ 2: 58) или из ***бака́н*** 'водоплавающая птица, в изобилии водящаяся на Вол-

ге в нижнем плесе' (СРНГ 2: 58), последнее более вероятно в микрогидрониме;

Ба́лта балка пп Васюкова ручья бас. Ольховой, бас. Лугани [Отин 2012: 411] — варваризм *ба́лта* 'заболоченная долина, болото' из молд. *ба́лтэ* 'болото', старого заимствование из праслав. **baltan* тж.;

Банная деревня (1787), оз. *Банное* в *Святогорске* лп Донца [Отин 2012: 289] — произв. прилаг. с суф. *-н-* от основы *баня*;

Барсовка речка впадает (пп) в Дон напротив о-ва Чебачьего и оз. *Барсовка* пп Дона после Сала и Сусада (Сусат), Сусади [Отин 2012: 528, 543] — скорее всего, гидроним образован посредством суф. *-к-а* от фамилии *Барсов*;

Батiнка [*D. Batinka R.*], некая *Д(олгая) Батинка* п Кривого Торца — русск. производное с суф. *-к-а* от серб. топонима *Батина* или испорченное написание гидронима *Батьманка*, *Батманка*, *Батмановка* [Отин 2012: 293, 672], см. след.;

Бат(ъ)манка, *Батмановка* = Казённый Торец лп Кривого Торца — этих форм нет на указанных страницах [Отин 2012: 293, 672, 673], см. пред.;

Бахмут река (1702, 1703, 1704, 1708, 1724, 1745, 1754, 1760, 1769, 1779, 1784, 1788, 1793, 1801) [*Bachmut*, *Bachmut Fl.* 1736–39; *Bachmuht*, *Bachmuth*, *Bahmutz* 1726, *flu. Baghmoct* 1699], *Бахмутка* (1665, 1702, 1768, 1781), *Багмутов* (1549), *Бахмутов*, *Бахмутова* (1571, 1644), *Бахмутовка* (1665), *Мангут* (1682), *Бахмутские* Воды (1714) [Отин 2012: 321] — предполагается отвлечение гидронима от искаженного антропонима варваризма *Махмуд*, *Мухамад*, ср. *мусульмане* и *басурмане*, *бусурмане*: влр. диал. ***басурман***, ***бусурман*** (СРНГ 2: 138);

Бахмутовскиѥ столпи до правыѥ розсошины (1571), *Бахмут*, *Багмут* (1708, 1724, 1784) городок [*Bachtmuht*], *Бахмутовка* (1778) = Артёмовск [Отин 2012: 321–322] — словосочетание производного прилаг. с суф. *-ов-ск-* от топоосновы *Бахмут* (искажение антропонима *Махмуд*) и ст.-русск. сущ. *столпъ* 'бревно, брус, поставленный стоймя' (XIV в.,

1561 и др.), ‘придорожный столб, на котором ставилась урна с прахом умершего’ (1377), ‘столп, колонна’ (1269–1289, 1499), ‘башня’, *столпъ восходныи* ‘лестничная башня, ступенчатая пирамида’, *столпъ стражилищныи*, *столпъ хранящихъ* ‘сторожевая башня’ (1178, XIV в., 1499) и др. (СлРЯ XI–XVII 28: 83–85) или *столпиѥ* собир. ‘столбы’ (XIII в., 1547), ‘ограждение, стена из поставленных вертикально столбов’ (1051, XIII в., XV в.) и др. (СлРЯ XI–XVII 28: 86);

Бахмутцкие Вершины (1708) [Отин 2012: 322]; *Бахмутцкий*, *Бахмутцкой* Бокъ Донца (1708) [Отин 2012: 322] — производное прилаг. с суф. -*ьск*- от топоосновы *Бахмут*, см. пред.;

Березенский лог п Оскола [Отин 2012: 251, 674] — производное с суф. -*ск*- от основы *березенъ*, образованной от сущ. *берёза*;

Березник [Отин 2012: 253] — производное с суф. -*ник*- от основы *берёз-а*, ср. влр. диал. ***бере́зник*** и ***березни́к*** ‘берёзовый лес’ (твер., куйб., том.), ‘пашня, разработанная на месте берёзового леса’ (арх.) и ***березню́г*** тж. (пск.) (СРНГ 2: 252);

Березняк [Отин 2012: 252] — производное с суф. -*няк* от *берёза*; ср. влр. диал. ***березняшка*** ‘берёзовый лесок’ (новг.) (СРНГ 2: 252);

Березняки [Отин 2012: 362] — форма мн. ч. к пред.;

Березов [Отин 2012: 271, 345], *Березов* Брод [Отин 2012: 262]; *Березова* [Отин 2012: 345, 352, 376, 496] — производное с суф. -*ов*- от *берёза*;

Берёзовая, *Березовая* (1700, 1703), *Березовая* (1778) и 15 др. балок, речек [Отин 2012: 280, 342, 345, 367, 370, 376, 378, 391, 432, 437, 447, 453, 465, 485, 496] — полная форма прилаг. на -*ов*- от *берёза*;

Берёзовка, *Березовка* [*Beresowka R.*] и еще 5 гидронимов Нижнего Дона [Отин 2012: 241, 368, 373, 376, 496, 674] — производное с суф. -*к-а* от основы *Березова(я)*, см. пред;

Березово́й [Отин 2012: 373] — ст.-русск. форма прилаг. *берёзовый*;

Березовская [Отин 2012: 496]; *Березовский* [Отин 2012: 249, 267, 268] — производное с суф. -*ов-ск-* от основы *берёза*;

Березовый [Отин 2012: 216, 240, 246, 247, 251, 275, 348, 352]; *Березовый* Колодезь [Отин 2012: 419]; *Березовый* Лог [Отин 2012: 365]; *Березовый* Созон [Отин 2012: 256] — влр. полная форма прилаг. *берёзовый*;

Берека (1571, 1627, 1644, 1661, 1673, 1679, 1696, 1717, 1724, 1771, 1779, 1781, 1782, 1783, 1800 и т. д.) [*fl. Biresi* 1699; *Bereka R.*, *reca Bereca*, *Bereci R.*] пп Северского Донца, северный предел Новороссии [Отин 2012: 218–219] — от названия дерева ценной породы ***берека***, отсутствующего в СРНГ (СРНГ 2: 254);

Беречка (1680) [*reca Beretzka*, *Beretz. R.*], Мокрая *Беречка*, ещё раньше *Береки Каменныя*, *Береки Малыя Берека*, *Меншие Береки* (1571), [Отин 2012: 217, 218] — производное с суф. -*ък-а* от *берека*, см. пред.;

Берестка [Отин 2012: 399] — производное с суф. -*к-а* от основы *берёст*, *берестo* (СРНГ 2: 255–257);

Берестов [Отин 2012: 422]; *Берестова* [Отин 2012: 225, 294, 310, 314, 327, 331, 332, 384] — краткая форма прилаг. на -*ов-* от *берёст*, *берестo* (СРНГ 2: 255–257);

Берестовáта [Отин 2012: 307, 400]; *Берестовáтая* [Отин 2012: 297, 307] — произв. прилаг. с суф. -*ов-ат-* от основы *берестo* (СРНГ 257);

Берестовáтенькая [Отин 2012: 472] поздняя производная форма с нагнетением суф. -*ов-ат-еньк-* от *берестo* с уменьшит. оттенком смысла;

Берестóвая [Отин 2012: 224, 227, 280, 286, 294, 297, 310, 314, 327, 331, 332, 351, 354, 384, 390, 420, 426, 427, 428, 464, 472, 592, 593]; *Берестóвое* [Отин 2012: 320]; *Берестовóй* [Отин 2012: 269, 384]; *Берестовый* [Отин 2012: 272, 320, 343, 351, 352, 384, 420, 432] — полная форма регулярного прилаг. на -*ов-ый* от основы *берестo*;

Паресток [Отин 2012: 343, 351, 391, 422, 423] — южн.-русск. народ. *паресток* м. р. ‘название береста-карагача Ulmus campestris varsuberosa’ (1911) (СРНГ 2: 257);

Берестя́нский, *Берестя́ный* [Отин 2012: 320] — влр. прилаг. с суф. -*ян*- и -*ян-ск*- от основы *бересто*;

Битока, *Битка* = *Обиток* (1778), *Обитка* (1766), *Мокрый Обиток*, *Сухой Обиток* пп Деркула [Отин 2012: 421] — производное с преф. *оби*- от сущ. *токъ* ‘течение’;

Бишконь яр пп Обитока, бас. Деркула, *Мокрый Бишконь* (1858) [Отин 2012: 421–422] — перенесённый венг. топоним *Biskony* или результат простореч. эллипса в словосочетании *бешеный конь*?

Ближняя [*Blisnaja R.*] [Отин 2012: 274, 467, 519]; *Ближняя* Железная [Отин 2012: 299]; *Ближняя* Журавка [Отин 2012: 285]; *Ближняя* Каменка [Отин 2012: 334]; *Ближняя* Криничная [Отин 2012: 485]; *Ближняя* Стенка [Отин 2012: 469]; *Ближняя* Ступка [Отин 2012: 325]; *Ближняя* Чупринка [Отин 2012: 464] — полная форма ж. р. прилаг. *бли́жний*, ср. влр. диал. ***бли́жный*** ‘ближний, ближайший’ (СРНГ 3: 21);

Бобровая рѣчка (1775), овраг *Бобровой* (1784) [Отин 2012: 312, 461, 462, 483, 502]; *Боброво* [Отин 2012: 272, 355]; *Бобровое* [Отин 2012: 355]; *Бобровой* [Отин 2012: 312]; *Бобровый* [Отин 2012: 483] — произв. прилаг. с суф. -*ов*- от основы сущ. *бобръ*, употреблявшегося и в знач. прозвища (СРНГ 3: 38);

Богданъ рѣчка [*R. de Bogdan* 1706], на ней г. Царев-Борисов [Отин 2012: 367] — влр. диал. ***богдан***, в числе значений ‘некрещеный ребёнок’ (Даль) (СРНГ 3: 47);

Богданова [Отин 2012: 454] — производное с суф. -*ов*- от основы *Богдан*, см. пред.;

Большая (1703, 1736) [Отин 2012: 296, 367, 394, 443, 487, 493, 508, 510]; *Большая Каменка* [Отин 2012: 439]; *Большая Колодези* [Отин 2012: 453] — полная форма ж. р. прилаг. *большой*, см. ниже;

Большой овраг, яр [Отин 2012: 236, 248, 250, 252, 309, 387, 394, 419, 438, 441, 485, 493, 527]; *Большой Колодезь* [Отин 2012: 457, 479] — влр. полная форма прилаг. *большой*;

Борова [Отин 2012: 283, 319, 345], *Боровая* (1571, 1625, 1647) [Отин 2012: 237, 283, 319, 345], *Борова*, *Боровец* (1697) [Отин 2012: 242, 346] — формы ж. р. диал. прилаг. ***боровой*** в разн. знач. (СРНГ 3: 105–107);

Боровенька (1764), *Боровенка* (1778), *Боровок* (1775) [Отин 2012: 319, 345, 349] — ср. влр. диал. ***борове́нка*** ‘сорт яблок’ (брян.) и ***борово́к*** ‘узенькая полоска луга или кустарника между пашнями’ (ряз.) (СРНГ 3: 104, 108);

Боровск [*Borowsk R.*], *Боровик* (1781), *Боровок* (1782), *Боровск* (1918), *Боровенка*, *Оровенка* (1775, 1781), *Воровянска* (1778), *Боровская* балка (1792), *Бол. Боровская* (1786), *Борогуск* (1769) [Отин 2012: 349] — произв. гидроним с суф. -*ск*- от основы *борово́й* в одном из множества знач.;

Боровскии шлях (1571); *Боровское* (1708), *Боровской* [*Borowskoi*], *Боровскои юртъ* 1708, *Боровенька* дер. (1764) [Отин 2012: 349] — производное прилаг. с суф. -*ск*- от основы *борово́й*, см. пред.;

Британв нп (1760) [Отин 2012: 312] — неясное, lapsus calami?;

Бритай (1781–1783), *Бритая* (1782), *Британы* (1771) [Отин 2012: 221, 222, 224] — произв. с суф. -*ай*-, -*ан*- от диал. сущ. ***брит*** ‘огузок, комель снопа, гуза, нижний, срезанный конец’ (Даль, без указ. места) (СРНГ 3: 181);

Буда́ра, *Буда́рка* [Отин 2012: 508] — из влр. диал. ***буда́ра*** ‘речное или озёрное судно; судно для перевозки грузов и рыбной ловли на Каспии; парусное плоскодонное судно на Псковском, Чудском, Ладожском озёрах’ (дон., касп., пск.), *буда́рка* тж. (касп.) (СРНГ 3: 240–241);

Буерак, *Буярак*; *Боерак*, *Буерак* [Отин 2012: 400, 407, 498, 676, 681], Ореховый *Боерак*, *Буерак* — из ст.-русск. *боядракъ*, *буяракъ*, *буѥракъ* fovea magna (1599, 1667, 1683) (СлРЯ XI–XVII 1: 348) и влр. диал. ***боя́раки*** ‘небольшие участки лесов,

сохранившиеся от сплошных массивов’ (дон.), ***боя́ра́к*** ‘буерак, овраг’ (Урал), а также ***буерак***, ***буерга***, ***буйрак***, ***буярак*** в знач. ‘овраг’, ‘ложбина, рытвина, ухаб’, ‘высокий обрывистый берег’, ‘долина в горах’, ‘местность, изрезанная оврагами’, ‘непроходимое место в лесу’, ‘низкое болотистое место’ (СРНГ 3: 143, 251);

Бузовой Лог река, пр. Нижнего Дона [Отин 2012: 126, 681] — формально, произв. прилаг. с суф. *-ов-* от основы ***буз*** ‘кустарник сем. жимолостных, бузина красная’ (курск., сарат.) или ‘бычок по второму году’ (дон.) (СРНГ 3: 253), но, возможно, переоформленный и переосмысленный первичный гидроним *Бузовлук*, варваризм, производный с суф. *-luk* от ногай-татарск. *buzov́* ‘vitellus, Kalb, телёнок’ [CodCum 139: 14], ср. речка, приток Солоной, впадающей в Днепр у Новой Сечи, и гидронимы Верхнего Дона *Большой Бозулук*, *Бузулок*, *Бузулук*, *Бузулуцкие протоки* [Отин 2011: 129, 140, 144, 344, 500, 505], см. след.;

Быково [Отин 2012: 252] — произв. с суф. *-ов-* от *бык* или метонимизация владельческого имени *Быков*;

Быковка деревня (1782) — произв. с суф. *-к-а* от прилаг. *быков* или топонима *Быково* (имение);

Быстрая [*F. Bicstraja*] (1627, 1633, 1699, 1703) [Отин 2012: 219, 235, 507]; *Быстрец* [Отин 2012: 235]; *Быстрик* [Отин 2012: 235, 237, 241]; *Быстрица* [Отин 2012: 235]; *Быстрый ерик* [Отин 2012: 267], *Быстрек*, на нем станица Семикаракорская — влр. прилаг. ***быстрый*** и его производные;

Бычок речка (1743, 1782, 1787), *Бичок* [*Bisczok R.* 1774, *butzika Fl.*], испорч. *Выкоч* (1769) [Отин 2012: 248, 251, 255, 272, 300, 303, 312, 345], *Бычёк* [Отин 2012: 272, 303, 312] — ср. влр. диал. ***бычок*** в разн. знач. (СРНГ 3: 357–358);

Бѣлая Калитва (1650, 1670, 1700, 1703) [*Flu. Belaja Kalitva* 1699], *Белая Колитва* (1627) [Отин 2012: 460] — с влр. прилаг. *белая* и гидронимом *Калитва* в составе;

Бѣлая рѣчка (1670, 1697), [*Belaja* 1699, *Belaia* 1726], *по рѣчкѣ Нижнеи Бѣлои к Оидару рѣкѣ и по Аидару рѣкѣ*

(1647) [Отин 2012: 370] — с влр. прилаг. *белая* и сущ. *речка* в составе;

Бѣлидка [*Belidka*] — неясный топоним, вероятно, результат описки картографа, см. след.;

Бѣлидки [*Belidki R.*] — неясный гидроним, вероятно, результат описки картографа, см. след.;

Бѣлинка (1745) [*Belinka R.*], *Бѣлая Лугань* (1769); *Бѣлинка*, *Дальна Бѣлинка* (1760), *Дална Бѣлинка* (1769), *М. Бѣлинка* (1778), *Ма Бѣлинкая* (1778), *Нижняя Бѣленкая* (1782) [Отин 2012: 303, 404, 436] — произв. с суф. *-к-а* от основы *белина*, несколько переоформленное;

Бѣлинкая (1769), *Бѣленкая* (1782), *Бѣлинская* (1760), *Бѣланка* (1778) [Отин 2012: 303, 355, 439]; *Бѣлинкая* [*Belinkaja R.*, *F. Belenkaja*, *Belenkja Fl.* 1699], *Бѣлая Лугань* (1769) [Отин 2012: 395, 403] — см. пред.;

Бѣлинкой хутор (1773) [Отин 2012: 307] — см. пред.;

Бѣлои Колодѧзъ (1627) [*Belenskoi R.*], *Белинская* [Отин 2012: 303, 435, 439]; *Бѣлои Колодѧзъ* (XVII в.) [Отин 2012: 250, 267, 353, 436], *Верхняя Бѣленькая* [*Belenkaja* 1699], *Верх. Бѣленскакя* (1775), *Верхняя Бѣлинка* (1778) — с ст.-русск. формой *бѣлои* = *бѣлыи* в составе;

Бѣлый Колодязъ [Отин 2012: 250, 364, 458] — с влр. прилаг. *белый* и сущ. ***колодязъ*** в составе;

В

Вас(ю)ковка (1778, 1784), *баерак Васьков* (1791) = *Басюкая* [*Basuikaja R.*], *Васюковка* (1783, 1784) = *Копанки* (1781) [Отин 2012: 330, 331, 410] — производное с суф. *-к-а* от фамилии *Васюков*, в свою очередь образованной от гипокористики *Васюк*;

Великая Сагá [Отин 2012: 383], *Великая* Лощина [Отин 2012: 382] — словосочетание с варваризмом ***сагá*** в знач. ‘понижение с остаточной водой после половодья’ (Мурзаев 1984: 491) или ‘речной залив’ (БТСДК: 468);

Великий [Отин 2012: 276, 374, 381, 382, 420, 424, 476] — влр. прилаг. *великий*;

Вербовка, *Вербока* река [*Werboka R.*], *Вербовка* [Отин 2012: 508, 683] — производное с суф. -*(ъ)к-а* от основы *Вербовая* [Отин 2012: 399, 411, 475, 479, 491, 505];

Вергунка (1787) [Отин 2012: 414] — производное с суф. -*к-а* от основы *вергун* неясного происхождения (производное с суф. -*унъ* от основы глаг. *вергнуть*?);

Верхний Буев, *Верхний* Колодезь, *Верхний* Нетриус, *Верхний* Ольшанец, *Верхний* Провал, *Верхний* Серебрянский, *Верхний* Торец [Отин 2012: 244, 261, 289, 293, 357, 369, 447], *Верхний Айдаръ* городокъ (1708) *Верхний Теплый* (1793); *Верхняя* [Отин 2012: 385]; *Верхняя Плотва*, *Вер. Плотва* (1778), *втор. Плотва* (1781), *Плотва* (1782) [Отин 2012: 349] — широко употребительная в гидронимии и топонимии основа прилаг. *верхний*;

Вершины Айдарские урочище (1708), ср. гидронимы *Вершина*, *Вершина Барбошева*, *Вершина Капустиного Яра*, *Вершина Крутая* [Отин 2012: 127, 249, 575, 684] — влр. топооснова ***вершина*** в гидрографическом смысле;

Весёлая, *Весёлая Долина* [Отин 2012: 303, 324, 461]; *Весёлый* [Отин 2012: 246, 288] — влр. прилаг. *весёлый*, -*ая*, -*ое*;

Вишневецкой колодязь (1627) лп Сев. Донца, в 20 верстах от Митякина [Отин 2012: 448], ср. «ко князю Дмитрею Вишневецкому, иже живяше на низу Днепра реки между запорожскими казаками на острове *Хортицком*, служащи кралю полскому, такожде и государю нашему верно»; «...прииде на Вишневецкаго к городу его на Хортицкой остров...» [Лызлов 1692: л. 154об., 155об.], *Вишневецкая* [Отин 2012: 416, 448]; *Вишневецкий* [Отин 2012: 416] — гидронимы образованы от фамильного имени кн. Дмитрия Ивановича Вишневецкого, черкасского старосты (1551–1557), служил Ивану Грозному в 1557–1558 гг., в 1563 г. вмешался в борьбу за престол Молдавский, казнен в 1564 г;

Волчья [*Wolczja*] [Отин 2012: 221, 223, 250, 280, 289, 312, 313, 333, 350, 383, 390, 402, 429, 431, 463, 471], ср. *Волчьи Воды* [Отин 2012: 125, 686] и др. гидронимы *Волчья*, *Волчья яма* в бассейне В. и Н. Дона [Отин 2011: 64; Отин 2012: 62, 78, 125, 188, 207, 221, 223, 250, 280, 289, 312, 313, 333, 350, 383, 390, 402, 429, 431, 463, 471, 686] — притяжательное прилаг. от основы *волк*;

Вѣжи, *Вежи* [Отин 2012: 481] — редкий случай бытования этой основы в Подонье, ср. Саркел — БѢлая ВѢжа (Маяцкое городище);

Вѧзовая Балка, *Вязовая* [Отин 2012: 370, 390, 433, 494, 501, 509, 512, 514, 516] — влр. производное прилаг. с суф. -*ов*- от основы *вяз*;

Г

Гайдар (1704), *Гаидаръ*, *Айдаръ* (1782) [Отин 2012: 360] — вариант топонима *Айдар* (см.) с паразитическим *г*-;

Генеральска(я) [*Generalzka(ja)*], гидроним Н. Дона *Генеральская* [Отин 2012: 219, 688] — производное с суф. -*ьск*- от основы *генерал*, ср. топоним *Генеральска Слобода* [*Generalzka Slob(oda)*], военное поселение в регименте гусаров хорбатских Новосербии;

Гический колодезь, «ночевали на Гичечком колодезе в вершинах, не дошед Чугина колодезя с версту» (1797) [Отин 2012: 424] — производное с суф. -*ьск*- от основы *гикъ* ‘реченїе у мореходцовъ извѣстное: такъ называется жидкая съ густою смѣшенная смола, каковою смолятъ суда’ (Слов. Акад. 1789–1794 2: стлб. 40);

Глинской [*Glinskoi*], ср. гидроним *Глинской* бас. Верхнего Донца [Отин 2012: 129, 688] — производное прилаг. с суф. -*ьскъ* от основы *глина*, ср. топоним *Глинской* [*Glinskoi*] шанец в регименте пандуров Новосербии, прежде городок *Глинск*, который упоминается в летописях в первый раз в 1320 г., *Глинская* крепость известна с 1446 г.;

Глубокая (балка, речка и т. п.) [Отин 2012: 221, 297, 308, 400, 412, 428, 444, 450]; *Глубокая* рѣка (1647, 1660) и *Глубокий* (яр) [Отин 2012: 226, 251, 269, 375, 398, 402, 407, 450] — влр. прилаг. *глубокий* как употребительная топооснова, ср. *Глубокая* гавань (Херсон), *Глубокий* городокъ, пониже *Глубоково* (1655);

Глухой Боярак [*Glukoi Bojarak*], *Глухой* [Отин 2012: 339], *Глухая* (балка, долина, речка) [Отин 2012: 466] — влр. прилаг. *глухой* в качестве топоосновы;

Гнилая (1782); *Гнилая* Вершина, *Гнилая* Головища, *Гнилая* Дуванка, *Гнилая* Козинка, *Гнилая* Липа и мн. др. [Отин 2012: 240, 241, 277, 338, 339, 344, 352, 435, 442, 444, 475, 492; 511]; *Гнилая Плотва* (1781) [Отин 2012: 349, 350] — влр. прилаг. *гнилой* в качестве топоосновы;

Говецкий колодезь (1697) [Отин 2012: 454] — похоже, перед нами влр. производное с суф. *-ъск-* от ст.-русск. основы *говядо* ‘бык, вол’, *говяда* ‘крупный рогатый скот’ (СлРЯ XI–XVII 4: 54), ср. *Буйволова*, *Бычъя* в новороссийской части Славяносербии;

Гола(я) Долина (1685–7), *Голодалина* (1709) и несколько гидронимов *Голая* (балка, долина) [Отин 2012: 314, 315, 416, 419, 436, 439, 449, 454, 456, 478, 483, 484, 485, 489, 499, 501, 510, 512, 513, 514, 519]; *Голый Колодезъ* и несколько гидронимов *Голый* (яр) [Отин 2012: 352, 424, 475] — влр. прилаг. *голый* в качестве топоосновы;

Гондоровско́й [*Gondorowskoi*] населенный пункт ниже Деркула на карте Сантини 1777 г., из др. источников не известный — производное с суф. *-ск-* от фамилии *Гондоров*, ср. варианты фамилии *Гондарев*, *Гундарев*, *Гундорев*, *Гундаров*, *Гундоров*, *Гундарин*, *Гундарцев*, *Гундерцев*, *Гундорин*, *Гундров*;

Горелая [Отин 2012: 220, 287, 367, 405, 416, 424, 440, 441, 456, 484, 497]; *Горелый Пенъ* (1799) «между границами тромя — Донскою, Запорожскою и Бахмутскою укопан...»

(1764) [Отин 2012: 328], гидронимы *Горелый* [Отин 2012: 275, 310, 419] — влр. прилаг. *горе́лый* в качестве топоосновы;

Городная [Отин 2012: 223, 404] — производное с суф. *-н-* от основы *городъ* 'огород'?

Городнов Буерак (1743), *Городние* Буераки (1745), *Городный* Боярак (1744) [Отин 2012: 403] и *Городной* [Отин 2012: 238] — производное с суф. *-н-* от основы *городъ* 'огород';

Городок [*Gorodok*] [Отин 2012: 250, 317] — уменьш. производное с суф. *-ок-* от основы *город*;

Грачевъ колодезь (1697), колодезь *Грачики* (XVII–XVIII вв.) [Отин 2012: 436] и гидронимы *Грачев* [Отин 2012: 240, 264], *Грачев* Лес [Отин 2012: 298] — то ли произв. прилаг. с суф. *-ев-* от основы *грач*, то ли владельческие образования с фамилией *Грачев* в составе;

Грекова [Отин 2012: 298, 491, 496] и *Греков* [Отин 2012: 230] — вероятнее всего, гидроним отвлечен от фамилии *Греков*, нежели от этнонима *грек*;

Грузинова, *Грузинов* [Отин 2012: 509] — затруднительно вынести окончательное этимологическое решение: то ли гидроним образован от прозвища или фамилии *Грузин* (с учётом того, что грузины служили в гусарских полках Славяносербии), то ли это производное с суф. *-ин-* от сущ. ж. р. *грузь* 'топь, грязь', см. след.

Грузская (1782, 1783–4) [*Gruskaja*], *Грусная* (1778), *Русская* (1769) *Грузская* [*Gruskaja*] и *Груская* река [*Hruskaja R.*], *Груская* (1714, 1743, 1769) *Груская* река [*Hruskaja R.*], ср. гидронимы Нижнего Дона *Грузька*, *Грузкая*, *Грузькая*, *Грузкий*, *Грузький*, *Грузький Єрик*, *Грузская*, *Грузская Новая Соль*, *Грузские*, *Грузский*, *Грузское*, *Грузской Яр*, *Груская*, *Грусска*, *Грусская* [Отин 2012: 281, 295, 296, 302, 415, 468, 472, 475, 515, 521, 523, 692] — производное с суф. *-ск-* от основы *грузъ*, *грузь* 'вязкая грязь, топь';

Гусаров [*Usarow*], *Гусарева* [Отин 2012: 343], ср. *Гусарик* [Отин 2012: 309], *Гусаркина* [Отин 2012: 500], а также гидро-

ним Верхнего Донца *Гусарская* [Отин 2012: 143] — гидронимы образованы от основы *гусар*;

Д

Дальние, *Дальний*, *Дальняя*, *Далня Ступки* (1743), *Долні Стувкі* [Dolni Stuwki 1774], *Ступка*, *Ступк. Дальна* (1778), *Дальныя Ступки* (1782), *Ступки* (1799), Большие *Ступки* [Отин 2012: 215, 217, 307, 326, 327, 417, 464, 476, 485, 501] — влр. прилаг. *дальний* в качестве топопосновы, ср. *Дольный*;

Дарбина Плотина (1769) [Отин 2012: 334] — производное суф. -*ин-а* от основы *дарба* (антропним?), этимологически непрозрачной: болг. *да́рба* ‘дары, подарки’;

Деркулъ (1571, 1627, 1646, 1697) [*flu. Derkoel* 1699, *De(r)cla Fl.* 1739, *Berkul R.* 1774], «отъ *Деркула* до Митякина верст с 15» (1642), *Доркулъ* (1695), *колодезъ Дерколов*, *Деркалов колодязъ* (XVII–XVIII вв.), *Дерпулъ* (1636), *Декла*, *Декле* (1769) [Отин 2012: 418] — неясный этимологический казус, ср. *Гайчул*, *Оскол*;

Дмитрова [Отин 2012: 512] — гидроним производен от фамилии *Дмитров* или имени *Дмитрий*;

Дмитревская [*Dmitrewskaja*] слобода — производное с суф. -*ск*- от топонима *Дмитрева* (слобода);

Долгая Батінка река [*D. Batinka R.*], ср. гидронимы Верхнего Дона *Долгая*, *Долгий*, *Долгий Колодезъ*, *Долгий Колодец*, *Долгий Рубежный*, *Долгое*, *Долгой*, *Долгой Колодезъ* [Отин 2011: 61, 63, 64, 89, 112, 125, 221, 233, 262, 266, 270, 276, 327, 332, 338, 344, 423, 462, 463, 513]; *Долгий*, *Долгий Ерик*; *Долгий Лѣс* [Отин 2012: 217, 245, 249, 274, 279, 282, 309, 310, 311, 318, 336, 338, 341, 343, 347, 348, 352, 368, 375, 379, 382, 389, 420, 430, 437, 471, 464, 481, 485, 528] — влр. прилаг. *долгий* в функции топоосновы;

Домаха балка (1784) [Отин 2012: 310] — переоформление влр. прилаг. *доматая*, ср., впрочем, *Домачынцы* [*Domaczynczy*], село и крепость в регименте пандуров, скорее всего, порча сербского топонима, производного от прилаг. *до-*

мȧћинский, *-ā*, *-ō* ‘хозяйственный, относящийся к домашнему хозяйству, домашний’;

Дон, *Дон Великий*, *Дон Каланчинский*, «...*Дону*», «...*Доном*, Ворсклом, и Днепром, и Богом...» [Лызлов 1692: л. 2, 9об.], ср. гидронимы *Дон*, *Дон Иванович* [Отин 2011: 14, 15, 513; Отин 2012: 102, 607, 621] — считается цельнолексемным заимствованием из ясских средневековых диалектов *дон* ‘вода’;

Донец, *Донецъ*, *Донец Липовой*, *Донец Сажной*, *Донец Северецкой*, *Донец Северский*, *Донец Северской*, *Донец Сиверский* [Отин 2012: 101, 102, 106, 107, 152, 613] — первичен производный гидроним с суф. *-ец* от *Донъ*;

Донец старое название (1784–1817) города Славяносербска — пример переноса гидронима на населённый пункт, близ которого данная река протекает, см. пред.;

Дубовъ Колодязъ (1697) [Отин 2012: 434]; *Дубова*, *Дубовая* [Отин 2012: 308, 317, 326, 376, 393, 416,428, 429, 434, 442, 445, 452, 454, 471, 481, 494, 501, 502,504, 512, 513, 517, 524] — влр. производное с суф. *-ов-* от основы *дуб*;

Дубровка, «От той *дубровки* два дни езды до Азова, иже стоит на /реке/ Дону, десять верст от устия, где той в море впадает...» [Лызлов 1692: л. 128об.], *Дуброва*, *Дубровая*, *Дубровка* [Отин 2012: 288, 308, 422, 461] — так как перед нами гидронимы, то более вероятна этимология сущ. *дуброва* как слав. переоформления и переосмысления кельтизма **dubris* ‘залив, море, дебрь’;

Дубровская, *Дубровской* [Отин 2012: 266, 483] — производное с суф. *-ск-* от основы фамилии *Дубров(а)*;

Дуванная Долина (1708), *Дуван* (1782), *Дуванка* (1792), *Дуванна*, *Дуванная* [Отин 2012: 339, 438, 446] — производные с суф. *-ьн-ый*, *-ък-а* от основы варваризма *дуван* ‘ровное открытое место’ (Мурзаев 1984: 192);

Дядинъ Колодезъ (1627), *Дядина* (речка, балка) [Отин 2012: 459] — с влр. производным с суф. *-ин* от основы *дядя* и сущ. ***колодезъ*** в составе;

Е

Евсуг, *Евсюг*, *Евъсюгъ* (1782), *Евсюга* (1766), *Евъсюгъ* слобода, *Евсюк* [Отин 2012: 387], *Евсюков* [Отин 2012: 220] — то ли перед нами собств.-русск. диал. образование ***евсюк*** / ***овсюк*** 'дикий овёс', то ли переоформленный варваризм-композит *ев* 'дом' (?) + *суг* 'вода', ср. *Бейсуг*;

Ж

Жанiбек село [испорчено *Janibek* 1774] или *Желобок* [Отин 2012: 320, 411]? — с виду перед нами варваризм, но может оказаться результатом lapsus calami;

Жегуля, *Жигули*, *Жагули* [Отин 2012: 528] — вероятно, волжский географич. термин для обозначения высокого лесистого берега, ср. *Жигули*;

Железная Балка займище (1776), деревня *Железная* (1787); *Железная* рѣчка (1724, 1775), Болш. *Железная* (1769), Ближ. *Железная* (1784), *Железная*, *Железный* [Отин 2012: 229, 299, 300, 341] — с влр. прилаг. *железный* в составе;

Жеребец (1642, 1708) [*Jerebetz R.* 1774, *Serebez* 1699], *Черныи Жеребец* (1549, 1571), *Чорной Жеребец* 2 притока Донца (1781), *Черноѥ Жеребьѥ* (1646), *Церевец* (1769); *Жеребец* слобода, *Юрьевка* (1732) [Отин 2012: 318, 366, 511] — влр. *жеребец* в функции гидронима, мотивация такого наименования теперь не ясна, ср. гидронимы *Кабан*, *Куна*, *Овчина*;

Жёлтая, *Желтая*, *Жёлтый*, *Желтый*, *Желтый Яр*, *Жолтое* (1787), *Жёлтая* [*Sczoltaja*] река [Отин 2012: 414, 456], ср. гидроним В. Дона *Желтые Воды* [Отин 2011: 424, 516] — влр. прилаг. *жёлтый* в качестве топоосновы Славяносербии можно понять с учётом истории наименования долины реки *Жёлтой* с её притоками, нивами, зарослями тростника в Новосербии, которую в старину называли урочищем *Жёлтые Воды*, потому что в некоторых местах река омывала выходы железной руды, и ярко-жёлтая краска — продукт окисления

железняка — попадала в реку, поляки тоже назвали реку *Żolta*, а долину возле неё *Жёлтыми Водами*, ср. *Железная*;

Жидов (1799), *Жидова*, *Жидовая* [Отин 2012: 328] — то ли влр. производное от др.-русск. основы *жидъ*, *жида* 'жданный, жданная', то ли от омофоничной основы *жидъ* 'иудей';

Журавка (1766), *Журавчик* [Отин 2012: 283, 285, 294, 319, 341, 379, 389, 421, 427, 450, 467, 515, 519, 521] — влр. производное с суф. -*к-а* от основы *журав(ль)*;

З

Закатной хутор или городок [*Zakatnoi*] на Айдаре, оз. *Закатное* лп Северского Донца, между Деркулом и Донцом [Отин 2012: 434] — скорее всего, влр. стар. вариант прилаг. *закатный* в данном случае имел пространственное значение 'западный, такой, где заходит солнце';

Затонъ [*Zaton*] [Отин 2012: 291] — влр. *затон* 'вдавшийся в берег речной залив, заводь', 'место стоянки и ремонта речных судов, обычно оборудованное в речном заливе', в рус. языке XV–XVII вв. изв. *затонъ* 'место, затопляемое водой в половодье' (1453 г.), ср. *притонъ*, как полагают многие, из вост.-слав. **зато(п)нъ* 'затопленное место', образованного при помощи темы -*ъ* от неверно усеченной основы глаг. **зато(п)нѫти*, соотносительного с **затопити*, такое словообразование вызывает сомнение, я бы предложил считать **затонъ* регулярным именным производным с перегласовкой корня от глаг. **затѧти*, **затънѫ*, приставочного перфектива от праслав. **tęti*, **tьnǫ* 'рубить, сечь, резать, косить', ср. н.-луж. *ton* м. р., *toń* ж. р. 'вырубка в лесу', 'лесосека'; первичное значение реконструируется как 'место, отсеченное, отрезанное (водой) позади чего-л.';

Звѣрев Буерак (1744) [Отин 2012: 334] — с влр. притяжательной формой *зверев* и сущ. *буерак* в составе;

Зеленая [*Zelenaja*], гидронимы Н. Дона *Зеленая*, *Зеленой*, *Зеленый*, *Зеленый Колодязь*, *Зеленый Яр* и В. Дона *Зеленое* [Отин 2011: 443, 517; Отин 2012: 221, 309, 368, 702] — влр.

прилаг. *зелёный* в данном случае мотивировано цветом воды этих рек;

И

Изюм (1668, 1680, 1686, 1708), подъ *Ызюмъ*, къ *Изюму*, [*Izum* 1739, *Izium* 1706], слобода *Изюмец*, *Изюмовка* (1732), *Гузун*-Курган татарская крепость в урочище *Изюм*-Курган (1571, 1591, 1625) [Отин 2012: 228]; *Изюм река* (1627, 1668, 1675, 1680, 1694) [*Isum R.*, *Isum Fl.* 1739, *Izum Reca*], [Отин 2012: 228] — издавна адаптированный варваризм *изюмъ* 'сушёные ягоды винограда' изв. в рус. языке XVI–XVII вв., Р. Джемс отм. *ezume* — *reasins* в 1618/19 г. на Русском Севере, с 1623 г. фиксируется словарями в привычном виде *изюмъ*, из татар. диал. *jüzüm*; *jizüm* 'виноград, сушеный виноград, кишмиш';

Изюмец (1773, 1787) [*Isumetz*], *Мокрый Изюмец* (1769, 1786), *Мокрой Изюмец* (1786, 1792), *Изюмъ* (1627); *Изюмец* (1627, 1680, 1760, 1769, 1782), *Сухой Изюмец* (1769, 1786–7, 1792, 1800) [*Izumetz* 1726–1750] [Отин 2012: 228, 231] — уменьшительное производное с суф. *-ец* от топонима *Изюм*, см. выше;

Изюмскии Перевозъ (1578, 1591, 1643); *Изюмскии* Шляхъ (1623) [Отин 2012: 204] — производное прилаг. с суф. *-ск-* от топонима *Изюм*;

І

Ідар (1660) [Отин 2012: 360] — вариант написания топонима *Айдар*;

Ісонóва [Отин 2012: 524] — вариант написания топонима *Ясенева*;

К

Кабан село [*Kaban*] на Краснянском ручье, *Кабанья* [Отин 2012: 503] — варваризм *кабан* в функции топонима установился аналогично вышерассмотренному *Жеребец*;

Кагальницкая [Отин 2012: 509], ср. *Кагальник* [Отин 2012: 582, 625] и *Кагольник* [Отин 2012: 94] — производные с суф. *-ьн-ик-ьск-* от основы *кагал-* / *кагол-* неуточнённого происхождения, ср. *Кагул* в Буджаке;

Каза́цкая, *Каза́цкий* [Отин 2012: 382] — производное с суф. *-ьск-* от основы *казак*, старого варваризма;

Каза́чий Яр [Отин 2012: 382] — притяжательное прилаг. от варваризма *каза́к*;

Казенная, *Казенный* Торец (1743), Тор (1185, 1647, 1700, 1714, 1784), Тор *Казенный* (1764) [Отин 2012: 292] — с влр. прилаг. *казённый* в составе;

Кайдальская [Отин 2012: 498] — производное с суф. *-ск-* от основы варваризма ***кайда́л*** ‘хутор в степи, при котором есть земля и скот’ (астрах.), ‘стадо овец’ (донск.) (СРНГ) из татар. *kajtal* ‘стадо’;

Кайгородок [*Kaygorodok*] — словосложение основ *кай* (?) и *городок*, ср. сложный гидроним *Кайсуга* [Отин 2012: 610];

Калантаевка соленая речка, соединяющая соляные озёра Слепое, Старо-Майданное, Червоное и Кривое в г. Торе (1773–1774) [Отин 2012: 317] — производное с суф. — *к-а* от фамилии *Калантаев*;

Каланч башня: «Такожде и из Дону реки мимо Азова прошествие в море Меотское и инде по протокам претвердо загради, соделав выше Азова яко бы в седми верстах на Дону реке по обе стороны его две башни, которых языком их называют каланч, из них же чрез весь Дон от башни до башни протягнены чепи железныя и утвержденны презелною крепостию» [Лызлов 1692: л. 140], «Город Сергиев на южном берегу Дона» и «город Никоновский супротивъ города Сергиева за Доном» [Шхонебек 1701], [*Kalantzcha st Nikon*,

Kalantzcha st Serie Amsterdam 1699/1703], ср. *Каланча*, *Каланчи*, *Каланчинка*, *Каланчинская*, *Каланчинская стрелка*, *Каланчинский*, *Каланчинский остров*, *Каланчинское устье*, *Каланчовка* [Отин 2012: 620–622] — влр. адаптация (паразитический *-н-*) варваризма *kalaca* ‘крепостца, маленькая крепость’;

Калинник, *Калинники* [Отин 2012: 264, 526] — производное с суф. *-икъ* от основы *калинная* (роща);

Калинова (1782), *Калиновая* [Отин 2012: 301, 323, 337, 340, 351, 372, 390, 396, 398, 399, 402, 411, 425, 426, 447, 456, 478, 484, 485, 486, 487, 505, 518, 522, 523, 524] — производное с суф. *-ов-* от основы *калина*;

Калитва [Отин 2012: 460] — архаичный славянский гидроним со значением ‘тинистый, грязный’ [Трубачев 1993: 16, 17; Отин 1997: 293–298; Шапошников 2016], ср. *Калитвина*, *Калъкъ*, *Калец*;

Калитвенец речка (1627), *Калитвянец* (1650) [Отин 2012: 455] — производное с суф. *-ен-ец*, *-ян-ец* от *Калитва*, см. выше;

Калитвенская; *Калитвянская* (1713) [Отин 2012: 505] — производное с суф. *-ен-ск-*, *-ян-ск-* от *Калитва*, см. выше;

Капище Поганское «...от него же в десяти верстах есть ...тамо же и капище поганское древнее, идеже первородные скоты богом своим жряху татарове, половину его сожегши, другую же птицам и зверем в снедь оставляющи» [Лызлов 1692: л. 128об.] — с ст.-русск. сущ. *капище* и прилаг. *поганское* в составе;

Каменка (1743, 1760, 1769, 1782, 1784), *(Ка)Менна* (1778), *Каменка* [*Kamenka R.*] река [Отин 2012: 212, 232, 263, 267, 288, 334, 374, 394, 428, 439, 441, 443, 449, 706] — ст.-русск. производное с суф. *-к-а* от основы *камень* (СлРЯ XI–XVII, спр. вып.: 410) обозначает каменистое русло реки в местности к северо-западу от двуротной крепости Алексеевская, совр. Гуляйполе (?);

Каменка рѣка [*Kamenka R.*], *Каменка* (1782) *Каменка* [Отин 2012: 212, 232, 263, 267, 288, 334, 374, 394, 428, 439, 441, 443, 449, 706]; *Каменка* руч. (1782, 1786) [*Kamenka R.* 1774; *Kamionka fl.* 1665, 1684]; *Каменка* ручей (1778) — см. пред.;

Каменная рѣчка (1627) [*Kamennaja R.*, *Kamionka R.*] [Отин 2012: 224, 297, 301, 337, 365, 414, 426, 432, 434, 439, 451, 453, 456, 462, 466, 469, 473, 476, 490, 507, 511, 515, 516]; *Каменный Ры́нок*; *Каменныи Ярок* (1571), *Юрек Каменнои* (1627), *Каменка* у *Кременц* = Изюм-Курган [Отин 2012: 246, 251, 414, 426, 428] — с влр. прилаг. *каменный* в составе;

Каменская станица (1764), *Каменской* буерак (1778) [Отин 2012: 271, 382, 443] — производное с суф. -*ск*- от основы *камень*;

Камышеватая (1822) [Отин 2012: 226, 268, 399, 400, 401, 408, 425, 428, 502, 526]; ср. гидроним Н. Дона *Камышеватка* [Отин 2012: 226, 706] и станица *Камышеватая* в Ейском р-не Краснодарского края (*Камышевый* посёлок был основан беглыми крепостными крестьянами в 1778 г., в 1798 г. во время объезда атаманами Азовского побережья *Камышевый* поселок был обнаружен и приписан к казачьему округу; итак, население поселка Камышевого, вольно проживавшее 20 лет, стало официально значиться жителями куреня *Камышеватского*, который был образован ещё в 1774 г. В 1848 г. курень переименовали в станицу *Камышеватскую*;

Камышеваха (1769), *Камышевата* (1778), *Камышевка* (1778) [Отин 2012: 226, 399, 400, 401, 408, 437, 450] — влр. переоформление прилаг. *камышеватая*;

Камышевая = Полная (1786), *Камышевая* Стенка [Отин 2012: 400, 420, 430] — производное с суф. -*ев*- от основы варваризма *камыш*;

Камышная (1773) [Отин 2012: 467, 469] — производное с суф. -*н*- от основы варваризма *камыш*;

Кладовая, *Клади*, *Клад*, *Кладовой* [Отин 2012: 438, 506, 515] — производные формы от влр. диал. ***клад*** ‘перекладина’ (БТСДК; СРНГ);

Кладязъ воды смердящия «...от него (Азака) же в десяти верстах есть кладязь воды смердящия, тамо же и капище поганское древнее, идеже первородные скоты богом своим жряху татарове, половину его сожегши, другую же птицам и зверем в снедь оставляющи» [Лызлов 1692: л. 128об.] — со ст.-русск. сущ. *кладезъ*, *вода* и прилаг. *смердящий* в составе;

Клебан Бык (1793), *Кинбен Бычок* (1769), *Клибин Бычок* (1772), *Клибил Бык* (1778), *Климин Бык*, *Клабын Бык* (1782), *Бык*, *Бычок* (1784) [Отин 2012: 300, 301, 302] — с варваризмом *кинбен* (?) или антропонимом *Клибин* и влр. *бык* в составе;

Ковъсугъ (XVIII в., 1778), *Ковсюгъ*, *Ковсюга* (1781) [Отин 2012: 387, 391] — скорее всего варваризм, словосложение *ков(р)* ‘сосуд’ + *сугъ* ‘вода, река’;

Ко́дыма (1782, 1799), *Кодымо*, *Кодымъ*, *Кодема*, *Кодима*, *Кодемка*, *Кодымка* [Отин 2012: 324, 325], возможно, однокоренное *Кодак*, см. Новый *Кодак*, Старый *Кодак* в Новосербии — скорее всего савроматский пережиток с фин. *коды* и *ма* в составе, вопреки М. Фасмеру (Фасмер 2: 276);

Козинъ [*Kozin*], *Козиная* [Отин 2012: 444, 447], др. гидронимы В. Дона *Козин* [Отин 2011: 28; Отин 2012: 150, 711], ср. *Козинъ* шанец в регименте пандуров в Новосербии — производное с суф. *-ин-* от основы *коза*;

Козьма-Демьяновская слобода, «Козьмадемьяновская слобода в той слободе церковь во имя Святых Чюдотворцов и безсребников Козьма и Домиана» [Перепись 1710: л. 27] — название слободы по церкви во имя святых *Космы* и *Дамиана*;

Койсуг (1774), *Койсуга*, *Койсюга* (1766), *Койсуха* рѣка (1774), *Койсюг* (1792), *Койсу* (1792), *Койсуг* хутор (1873), *Койсуг Сухой* (1793), *Сухой Ковсюг* (1783) [Отин 2012: 391, 392] — вероятно, цельнолексемный варваризм с *кой* ‘овца’ и *суг* ‘вода, река’ в составе, ср. *Овчина*;

Колодези, *Колодезная* [Отин 2012: 426, 464, 466] — производные формы от сущ. *колодезъ*;

Колодязь Ольховои (1627), Ольховая (1782) и *Колодязь Святои* (1627), *Колодезь* Святой [Отин 2012: 289, 356] — с ст.-русск. *колодязь* в составе;

Колоджжна (1775), овр. *Колодязной* (1784) [Отин 2012: 273, 311] — производное с суф. *-ън-* от основы *колодязь*;

Комарово, *Комаровка* [*Komarowka*] [Отин 2012: 514] — скорее всего, производные от фамильного имени *Комаров*;

Комиссарский, гидроним Н. Дона [Отин 2012: 147, 712] — скорее всего, русское производное с суф. *-ск-ий* от основы заимствованного *комиссар*, ср. *Камісаровка* [*Kamisarowka*] в Новосербии;

Копанки (1782) [Отин 2012: 275, 276, 288, 330, 366] — производное с суф. *-к-* от основы *копанѣ* / *копань* по глаг. *копатъ*;

Кочегурная, *Кучугурная* [Отин 2012: 245, 267, 499] — производное с суф. *-н-* от основы диал. варваризма *кочегу́ра* ‘буерак, бугор, холмик’ (южн.);

Кочетовская станица, *Кочетова*, *Кочетово* [Отин 2012: 488] — вероятнее всего, производные формы от основы фамильного имени *Кочетов*;

Красная (1571, 1646, 1708) [*Krasnaja*], *Красна* (1745), *Красная* [*Krasnaja*], гидронимы Н. Дона *Красна*, *Красная*, *Красная Дуванка*, *Красная Девица*, *Красная Дуброва*, *Красная Меча*, *Красная Польна*, *Красная Речка*, *Красное*, *Красной Мечь*, *Красной Ржавец*, *Красной Стена* [Отин 2012: 225, 250, 319, 336, 714], влр. топоним *Красная* обозначает и крепость в регименте украинцов (ukraińców (украинцуф) с карты Сантини) к востоку от р. Синюхи в Новосербии — влр. прилаг. *красный*;

Краснянск [*Krasnjansk R.*, *Krasnansk R.*, *Krasnanska R.*] [Отин 2012: 336]; *Краснянской* [*Krasnjanskoi*, *Krasnanskoy*], село *Красное*, городокъ *Краснянский* (1704), *Краснянская* [Отин 2012: 336] — вторичная суффиксация посредством суф. *-ян-ск-* основы прилаг. *красный*;

Кръпи балка [Отин 2012: 393] — вероятно, форма мн. ч. сущ. ж. р. *кръпь*;

Кривой Торец (1743), *Кривой Тор*, на вершину *Криваго Тора* (1714, 1772–1774), *Тор* (1760), *Торец* (1769, 1784), [*Kr. Tor*] [Отин 2012: 297] — с прилаг. *кривой* в составе;

Кривое солёное озеро (1773–1774) [Отин 2012: 216, 218, 231, 233, 252, 271, 272, 279, 285, 292, 316, 317, 343, 354, 357, 359, 370, 377, 495, 503, 515] — см. пред.;

Криничная; *Крынка* [*Krinka R.*], ср. гидронимы Н. Дона *Крынка*, *Крынки* [Отин 2012: 221, 232, 348, 356, 365, 371, 374, 427, 429, 442, 461, 466, 468, 475, 492, 495, 521, 523, 524, 717] — юж.-русск. *крынка, крымка* 'криница', ср. гидроним Новосербии *Крынка Су* [*Krinka Su*];

Крутой Ерик [Отин 2012: 451] — с прилаг. *крутой* и уменьш. сущ. *е́рик* (от *яр*) в составе;

Кундрюча рѣчка, *Кундрючь* (1697), *Кудруча* (1700), *Киндрюча* (1703), *Кундрючъя* [*Kundrutz R.*] [Отин 2012: 520, 718; Отин 1999: 237–239], испорченный гидроним на карте Сантини 1777 г. *Курдручь* [*Kurdrutz R.*] речка, впадающая в Днепр между пограничной Конкой и речкой Московкой — согласно одному мнению, порча румынск. *codrúţ* 'лесок', молд. *кудру́ц* тж. или гуцул. перен. *зарослий кудруц, цу* бот. 'рута' (Піпаш, Галас 2005), но, возможно, перед нами суффиксное переоформление (на -*учий*, -*учая*) скифск. пережитка **ku(n)dr-*, аналогичного лит. *kūdra* 'пруд, водоем, болото, лужа' [Трубачев 1968: 256];

Кунной хутор, сѣло *Кунье*, *Кунный* (1699; 1773, 1787, 1792); *Кунья рѣка* (1782) [*Kunea*] [Отин 2012: 229] — производные от *куна*, *куница*;

Курулка (1772), *Курулчина* (1775), *Карулчина*, *Бал*(ка)*карулчина* (1782) [Отин 2012: 313] — производные с суф. -*к-а*, -*ч-ин-* от основы варваризма *курул*, восходящего к калм. *xurul*, монг. *quril*, *qural* 'собрание, монастырская община';

Л

Лаганчик [*Laganczik R.*], скорее всего *Луганчик*, см., если нет, то перед нами переоформленный варваризм *лаган* ‘таз, лоханка’;

Лазная (1764) [Отин 2012: 364, 419, 470, 503] — вероятно, производное с суф. *-н-* от основы *лаз*;

Ласевата [*Lasewata R.*] река, порча то ли *Лысовата*, то ли *Лосевата*, ср. гидронимы В. Дона *Лосевая* и Н. Дона *Лысова*, *Лысовская* [Отин 2011: 419, 530; Отин 2012: 56, 98, 723] — скорее всего, порча формы *лысоватая*;

Левков яр, *Левкова* гора [Отин 2012: 423] — скорее всего, фамильное имя *Левков* в сочетании с географическими терминами *яр* и *гора*;

Левковка село [*Lewkowka* 1774] — производное с суф. *-к-а* от антропонима *Левков*, *Левкова*;

Ливинский, гидроним Н. Дона *Ливинськиий* и В. Дона *Ливенка* [Отин 2012: 288, 720] — скорее всего, производное с суф. *-ск-* от антропонима *Ливинъ* или *Ливень*, ср. *Ливенка*, *Ливенская крѣпость* «3-я после Борисоглебской вверх по Орели, опорный пунктъ на старой русской южной границѣ первоначально была построена въ 1593 г. на лѣвом берегу р. Сосны»;

Лиман оз.; *Ліманъ* [*Liman*] супротив мыса Таганрогъ, ср. гидронимы В. Дона *Лиман* и Н. Дона *Лиман*, *Лиман Второй*, *Лиман Первый*, *Лиман Голый*, *Лиман Культюк*, *Лиман Мрачный*, *Лиман Хулсун*, *Лиман Царик*, *Лиман Шар Кукте* [Отин 2011: 227, 235, 238, 249, 317, 406; Отин 2012: 79, 80, 202, 212, 218, 226, 232, 272, 277, 284, 291, 357, 359, 372, 377, 383, 431, 453, 512, 540, 556, 559, 561, 562, 582, 611, 144, 717] — зд. определенно грецизм λιμάνι в знач. ‘морской залив, гавань’, хотя допускали смешение грецизма с вост.-слав. термином *ильмень* [Отин 1994: 53–63]; вероятно, этот грецизм, стремительно распространившийся в Славяносербии после посе-

ления Таврических готогреков сначала у впадении Волчьей в Самару, а затем в Лукоморье;

Лиманец [Отин 2012: 212, 291, 456, 549] — влр. переоформление посредством уменьш. суф. -*ец* основы *лиман*;

Лиманная [Отин 2012: 580] — производное с суф. -*н*- от основы *лиман*;

Лиманская, *Лиманский*, *Лиманское* [Отин 2012: 278, 282, 341, 359, 489] — производные с суф. -*ск*- от основы *лиман*;

Липкина [Отин 2012: 272, 345] — производное с суф. -*ин-а* от основы *липка*;

Липов, *Липов* Байрак, *Липова*, *Липовая*, *Липовое*, *Липовой*, *Липовская*, *Липовый* [Отин 2012: 220, 227, 287, 288, 290, 295, 307, 310, 311, 327, 331, 340, 342, 345, 352, 371, 382, 384, 385, 408, 419, 421, 423, 430, 436, 451, 452, 455, 461, 463, 469, 478, 486, 487, 489, 499, 500, 502, 514] — производное с суф. -*ов*- от основы *липа*;

Лисий, *Лисий* Колодезь, *Лисья* [Отин 2012: 235, 510] — притяжательные прилаг. от *лис*, *лиса*;

Лисичий, *Лисичья* [Отин 2012: 221, 235, 314, 398, 405, 417, 422, 563] — производное с суф. -*й*- от основы *лисица*;

Лисогонъ село [*Lysagon* 1774] — уникальный топоним-композит с соединительным -*о*- из основ *лиса* и *гон*;

Лихая (1700, 1703, 1705); *Лихая Каменка* (1697), *Лихая*, *Лихое*, *Лихово* (1655), *Лиховской* [Отин 2012: 449, 504] — с основой *лихой* в составе;

Лозна (1782), Ниж. *Лозна* (1792), *Лозная*, *Лозной*, *Лозный* [Отин 2012: 364, 367, 419] — производное с суф. -*н*- от *лоза*;

Лозовата (1769), *Лозоватая* (1778), *Лозовая* (1775), *Лозоватка*? [*Losowanka R*], *Лозоватое*, *Лозоватой* [Отин 2012: 213, 271, 278, 279, 288, 357, 364, 366, 400] — производные с суф. -*ов-ат*- от *лоза*;

Лозовая (1782, 1822), *Лозовка* (1694), *Лозовой*, *Лозовой* Яр [Отин 2012: 221, 223, 278, 282, 297, 303, 318, 364, 391, 396,

397, 400, 413, 419, 420, 450, 462, 463, 470, 503, 591] — производные с суф. *-ов-к-* от *лоза*;

Лозовенька [*Losowanka R*], *Малая Лозовенька*, *Лозовенькая* [Отин 2012: 221, 375, 462, 472] — производные с суф. *-ов-ен-ък-а* от *лоза*;

Лозы [Отин 2012: 420] — форма мн. ч. сущ. *лоза*; все однокоренные топонимы являются указанием на давнюю практику виноградарства и виноделия в регионе, археологически подтвержденную еще для хазарского периода 750–900 гг.;

Лозья [Отин 2012: 302] — притяжательное прилаг. отосновы *лоза*;

Локноваха (1764), *Лакновка* [*Laknowka R.* 1774], *Лукноваха* [Отин 2012: 310] — переоформленное производное с суф. *-оват-* от не вполне ясной основы *локн-*;

Луганские Вершины, *Луганские Воды* «межъ вершинъ рѣкъ Бахмутскихъ и Луганскихъ и Крынскихъ водъ» (1708, 1714); *Луганский Завод* (1786) [Отин 2012: 395] — поизводное с суф. *-ск-* от гидронима *Лугань*;

Луганчик (1627) [Отин 2012: 414] — поизводное с суф. *-чик-* от гидронима *Лугань*;

Луганъ (1707, 1708) [*Lugan* 1774], пятнадцатая рота, станица *Луганская* (1744, 1768, 1774) [Отин 2012: 395] — скорее всего, ойконим отвлечен от гидронима, см. ниже;

Лугань рѣка (1598), *Луганъ*, на рѣкѣ *Луганѣ* (1708, 1709), «къ знатному степному урочищу, называемому Кара-депе, которое обрѣтается над вершинами рѣки Лугана» (1714) [*Lugan R.* 1774], *Бѣлая Лугань* (1784), *Луганка* (1846) [Отин 2012: 395] — вероятно, производное собирательного знач. на *-ань* от основы *луг*;

Лысая Гора, *Лысые Горы*, *Лысое*, *Лысый Колодезъ*, *Лысый Лиман* [Отин 2012: 239, 309, 359, 502, 517, 558, 603] — с прилаг. *лысый* в составе;

Лысогорская, *-ий* [Отин 2012: 248, 472, 593, 723] — производное с суф. *-ск-* от основы словосложения *лыс-о-гора*;

Лютик / *Лютин* : *Лютикъ* [*Lutik*] о-в в устье Дона; ерик *Лютинъ* (1698), *Лютикъ* (1864); *Лютикъ* каменная крепость в 10 верстах от Азова на Мёртвом Донце (1708, 1768) она же *Лютенская* крепость (1746); городок *Лютин* (1695, 1698) или *Лютиков* (1698) [Отин 2012: 614–615] — кажется, все предлагавшиеся до сих пор этимологии этого топонима ложные, даже первичная основа реконструируется с трудом **лютик-* или **лютин-* / **лютен-*;

Лѣснои Одар (1667), *Лесной* Одар [Отин 2012: 360] — производное с суф. *-н-* от *лѣсъ*; в функции определения к сущ. *одар*, не вполне ясному в этимологическом отношении: **о(б)даръ*?

Лѧды, *Ляды* [Отин 2012: 386] — вероятно, архаичная форма со знач. ‘пустующее поле’;

М

Мажарские поля: «Такожде и в полях *Мажарских* [отнюду же венгры изыдоша] и доныне множество стен, и градов, и твердынь разореных»; «...и непроходными *Можарскими* пустынями...» [Лызлов 1692: л. 10об., 122] — в венгерской традиции *Dentu moger* — страна Подонье, в которой некогда обитали предки венгров [Эрдели 1984: 20–25];

Мазанов соляной колодец (1773–4) [Отин 2012: 316, 317] — вероятно, с антропонимом *Мазанов* в составе;

Макотьрть, *Макотерть*, *Макортет*, *Макортеть* [Отин 2012: 337, 388, 420] — наименование географического объекта по сходству форм с сосудом ступки для мака;

Малая Каменка (1697, 1778); *Малая Колодѧзи*; *Малый Буерачик*; *Малый Колодѧзъ* [Отин 2012: 441, 449, 457, 480, 497, 569, 724-726] — с прилаг. *малый* в составе;

Мамонтова [Отин 2012: 516] — гидроним образован от фамилии *Мамонтов*, в свою очередь производной с суф. *-ов-* от *Мамонт*, порчи греч. имени св. мученик *Мамант*, день пам. 02.09, и 3-х др. *Мамантов* 29.07, 17.08, 03.11;

Марк, по *Марку* (1654), *Марков Колодезъ* (1769, 1784), *Марков* Яр, *Маркова* балка, *Марковая* [Отин 2012: 396, 408] — скорее всего, гидроним образован от антропонима *Марк* (*Marcus*);

Маяцкая Вершина (1708), *Маялская* [*Majalska R.* 1774], *Маяцкие* Вершины, *Маяцкая* Вершина (1708), *Маячка* (1743), *Маячки* (1760) [Отин 2012: 306] — производная форма с суф. -*ъск*- от основы *маяк*;

Маяцкое большое соляное озеро в Тор-городе (1773–1774) [Отин 2012: 92, 317] — см. пред.;

Меотское море — книжное название Азовского моря;

Мечетная река (1778), деревня (1784) [Отин 2012: 344, 441, 442, 490, 505, 580] — производное прилаг. с суф. -*н*- от основы *мечеть*;

Митякин Колодязъ (1627, 1642), «отъ Деркула до Митякина верст съ 15» (1642), *Митякина* речка (1695); *Митякин, от Митякина до Вишневецкого верст з 20* (1627), *Митякинъ городокъ* (1691); *Митякинская станица* (1735, 1752, 1768), *Митакин* [*Mitakin*] [Отин 2012: 435] — скорее всего, производное с суф. -*ин* от основы ипокористики *Митяка* (Димитрий);

Мокрая Плотва (1783), *Дальняя Плотва* (1760, 1769, 1778, 1782), *Мокрои Буглаи*, *Мок. Буглай* (1781), *Большой Буглай* (1782), *Буглой* (1778, 1781), *Мокрой Бояракъ*, *Мокрой Бояракъ*, «За адмиралом и ковалером генералом и губернатором Азовским и тайным советником и президентом адмиралтейств графом Феодором Матвеевичем Опраксиным Село *Мокрой Боярак.* В том селе церковь во имя Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня верхнея в ысподи церковь во имя Святаго великомученика Христова Никиты» [Перепись 1710: л. 9], ср. гидронимы В. Дона *Мокрой*, *Мокрой Проток* и Н. Дона *Мокрой Батай*, *Мокрой Буглай*, *Мокрой Бурлучек*, *Мокрой Груской*, *Мокрой Изюмец*, *Мокрой Разрытой Колодязь*, *Мокрой Чалтор*, *Мокрой Чалтыр*, *Мокрой Чалтыръ* [Отин 2011: 28, 149, 156, 168; Отин 2012: 133, 140, 228, 348, 361, 609, 614, 730] — с прилаг. *мокрый* в составе;

Монастырная, *Монастырская* [*Mon(astyr)*], *Монастырский*, *Монастырское*, *Монастырской* [Отин 2012: 205, 398, 587, 731], ср. гидронимы В. Дона *Монастырский* и *Монастырский ключ* [Отин 2011: 91, 152, 536] и *Монастырской* остров на Днепре — производные формы с суф. *-н-* и *-ск-* от основы цслав. *монастырь*;

Мояки сѣло (1787), *Маяки* [Отин 2012: 471] — см. *маяк*;

Моячный лог, *Мояк* городок [*Mojak*], *Моячная* [Отин 2012: 261, 546] — производное с суф. *-ън-* от основы *маяк*;

Муравский шлях, ср. гидронимы В. Дона *Муравка* и Н. Дона *Муравка* [Отин 2011: 27, 536; Отин 2012: 271, 732] — производное с суф. *-к-* или *-ск-* от основы *мура́ва*;

Мѣловая (1778, 1793), *Меловая*, *Меловое*, *Меловой* [Отин 2012: 204, 240, 386, 431, 463] — производное с суф. *-ов-* от основы *мѣлъ*;

Н

Нагольная, *Нагольная Россош*; *Нагольный*, *Нагольный Баерак*, *Нагольный Боерак*, *Наголный Проток* [Отин 2012: 261, 288, 363, 386, 428, 493, 519, 520] — либо стяжение в прилаг. *наугольный*, либо диал. конфиксация посредством преф. *на-* и суф. *-ън-* основы прилаг. *голый*;

Нагорная [Отин 2012: 509] — конфиксация *на-* ... *-н-* основы *гора*;

Нетригуз (1642, 1708) [*Nertriguz R.* 1774, *Netrius R.*], *Нетриус* (1644), *Верхнии Нетриусъ*, на Маяцкихъ дачахъ на *Ближнемъ Нетриусе* (1689), *Нетринус* (1760, 1769), *Колодязь Святои* (1627); *Нетриус* нп (1786), *Нетрогус*, *Нетрус* [Отин 2012: 289, 470, 477, 626] — скорее всего, собств.-русск. новообразование на основе словосочетания *не три гуз*, аналогично *тряси гуз* в *трясогузка* (ср. Фасмер 3: 69). Аналогичные сложные диалектные слова, хоть и редкие, но всё же отчётливо сохранившиеся: ***свербигу́зка*** ‘растение дикая рѣпа Sinapis arvensis’ (курск., орловск.), ***свербúгузъ*** ‘растение купырь, горлюпа, дикая рѣдька, сурѣпица, свирѣпа, свири-

па, гарлупникъ' и усечение этой основы ***свербúга*** 'порчакъ, борбора, Bunias orientalis | живокость Symphytum officinale'; ***черногузъ*** 'птица аистъ, буселъ' (Даль IV: 146, 595); Уникальный композит ***нетригузъ*** (зооним или фитоним?), скорее всего, также имеет курско-орловское происхождение, ср. *нестрегуз*.

Нижние Раздоры городок казачий, *Нижнии Бѣлыи Колодязъ* (1627), *Нижняя Бѣленькая* [*Belenkaja Fl.* 1739], *Нижнее*, *Нижне-*, *Нижний* и т. п. [Отин 2012: 307, 335, 355, 357, 369, 378, 409, 428, 447, 454, 504, 545, 583, 734] — с прилаг. *нижний* и сущ. *раздор* в составе, см. ниже;

Нова Саватка [*Nova Savatka Fl.* 1739], *Соватка* [*Nova Sovatka Fl.*], гидронимы Дона *Новая Варгунка*, *Новая Егурча*, *Новая Каланча*, *Новая Кутер(ъ)ма*, *Новая Соль*, *Новая Меловатка*, *Новая Тойда*, *Новая Толучеева* [Отин 2011: 210, 239, 538; Отин 2012: 586, 620, 624, 144, 717] — с прилаг. *новый* и гидронимом *Саватка* (оформленный суф. -*к-а* варваризм *суват* 'водопой'?) в составе;

Новозапретный соляной колодец (1773–1774) [Отин 2012: 317] — сложная основа *нов-о-запрет-н-ый*;

Новой Айдар [*Novoi Aidar* 1739, *Nowoi Aidar* 1774], *Новый* Айдар (1708, 1745), *Новой* Богдан, *Новый* Богдан, *Новый* Деркул, *Новый* Дон [Отин 2012: 418, 528, 530, 586, 620, 624, 735] — с вариантами прилаг. *нóвый*, *новóй* и варваризмом *айдар* в составе;

О

Обиток (1778), *Обитка* (1766), *Мокрый Обиток*, *Сухой Обиток* пп Деркула [Отин 2012: 421] — производное с преф. *оби-* от сущ. *токъ* 'течение', см. *Биток* (1778, 1766) [Отин 2012: 421, 422];

Облив, *Обливы*, *Обливная* [Отин 2012: 470] — отглагольное имя по глаг. *обливать*;

Овсуг, *Овсюг* [Отин 2012: 387] — см. *Евсуг*, *Евсюг*;

Овчина, *Овчинная* (1782) [Отин 2012: 373] — скорее всего, производные с суф. -*ин-н-* от *овца*;

Огиб, *Огибы*; *Огибная*, *Огибное* [Отин 2012: 457, 524, 543] — производные имена от глаг. *огибать*;

Олиманское оз. [Отин 2012: 512] — производное с суф. -*ск-* то ли от влр. диал. *ильмень*, то ли от грецизма *лиман*;

Ольховатка [*Olchowatka*] [Отин 2012: 270, 404, 441, 472] — производное с суф. -*ов-ат-к-а* от *ольха*, ср. *Ольховатка*, крепость в регименте гусаров к ю.-в. от Новомиргорода (Новосербия), деревня *Ольховатка* в Белгородском р-не, село в Губкинском ГО, село в Ивнянском р-не, хутор в Корочанском р-не, село в Новооскольском р-не (Белгородская обл.), река в Воронежской области России, приток Чёрной Калитвы, село в Верхнемамонском районе, посёлок городского типа, административный центр Ольховатского района, деревня в Рамонском р-не (Воронежская область), посёлок в Гусевском городском округе (Калининградская область), село в Поныровском р-не, деревня в Пристенском р-не (Курская область), деревня в Воловском р-не (Липецкая область), река в Донецкой области, посёлок городского типа в Енакиевском городском совете (Донецкая область), село в Кобелякском районе, село в Чутовском районе (Полтавская область), река в Харьковской обл., село в Балаклейском р-не, село в Великобурлукском р-не, село в Нововодолажском р-не (Харьковская обл.), *Ольховатка* [*Olchowatka*], ныне посёлок городского типа, входит в Енакиевский горсовет Донецкой Народной Республики.

Ольховатыи колодезъ (1714), *Ольховатая* (1769); *Ольховата*, *Ольховатая Яруга*, *Ольховато́й*, *Ольховатский*, *Ольховатый* [Отин 2012: 111, 118, 189, 270, 272, 404, 409, 441, 472, 736] — производное с суф. -*ов-ат-* от основы *ольха*;

Ольховая (1778, 1793), *Ольховая* Лесная, *Ольховое*, *Ольхово́й*, *Ольховый*, *Ольховый* колодезь [Отин 2012: 244, 317, 335, 356, 397, 398, 400, 407, 409, 412, 441, 443, 445, 448, 459,

472, 480, 482, 484, 486, 492, 501, 503, 504, 506, 521, 522, 525, 544] — производное с суф. -*ов*- от основы *ольха*;

Ольховка [Отин 2012: 266, 409, 443] — производное с суф. -*ов-к-а* от основы *ольха*;

Ольшана(я) [Отин 2012: 278] — производное с суф. -*ян*- от основы *ольха*;

Ольшанец [Отин 2012: 244] — производное с суф. -*ян-ец* от основы *ольха*;

Ольшанка [Отин 2012: 209, 244, 278] — производное с суф. -*ян-к-а* от основы *ольха*;

Орѣхов, *Орѣхова*(я), *Орѣхово*(е), *Орѣховый* [Отин 2012: 275, 316, 357, 399, 412, 415, 416, 417, 439, 441, 461, 478, 482, 484, 496, 520, 586] — производное с суф. -*ов*- от основы *орех* в значении ‘лесной орех, лещина’, едва ли ‘грецкий орех’;

Орѣховка [Отин 2012: 412] — производное с суф. -*ов-к-а* от основы *орех*;

Осиков, *Осикова(я)* [Отин 2012: 367, 372, 420, 426, 464, 475, 476, 481, 483, 490, 500] — производное с суф. -*ов*- от основы *осика*;

Осинов, *Осинова(я)*, *Осиновый* [Отин 2012: 274, 275, 279, 294, 381, 394, 413, 432, 451, 453, 457, 459, 477, 482, 493, 497, 498, 500, 503, 509, 510, 511, 512, 523, 738] — производное с суф. -*ов*- от основы *осина*;

Осиновка, *Осіновка* [*Oslnawka* = *Osinawka R.*] [Отин 2012: 279] — производное с суф. -*ов-к-а* от основы *осина*;

Оскол (1486, 1489, 1558, 1571, 1577, 1559, 1580 и т. д.), *Оскал* (1670), *Оскул* (1681), *Въсколъ* (1170), *Большои Осколъ* (1623), [*Skala Flu.* (1614), *Oscol Reca* (1633), *Oskol R.* (1760); *Оскол* город (1598, 1600, 1614–1616, 1627–1628), *Осколъ Старыи* (1667), *Старый Оскол* (1659, 1660), *Старооскол*ъ (1757), *Оскул*, [*Oskul* (1665), *Staroi Oskol ou Vielle Oscol* (1706, 1739)] [Отин 2012: 233] — гидроним с неясной этимологией;

Осколец [Отин 2012: 239] — уменьш. производное с суф. -*ец* от основы гидронима *Оскол*;

Осокаровка река [*Osokarowka R.*], *Сокорова* (1894); *Осокаровка* река [*Osokarowka R.*], гидроним Н. Дона *Осокоръ* [Отин 2012: 7, 738], порча русск. *Осокоровка*, производного с суф. *-ов-ък-* от основы *осокоръ* (юж. и зап. диал.);

Оступ, *Оступ Высший* [Отин 2012: 204, 289, 318] — вероятно, переоформление сущ. *уступ*;

Отножина, *Отнога* [Отин 2012: 207, 304, 385] — производное с суф. *-ин-а* от сущ. *отнога*, слова праслав. статуса **otъnoga* (ЭССЯ 37: 218–220, 224–225);

Очеретина, *Очеретна(я)* [Отин 2012: 227, 309, 312, 473] — производное с суф. *-ин-а*, *-ън-а* от влр. диал. ***очерет*** 'тростник, камыш' (СРНГ);

Очеретовата(я), *Очеретоватóй* [Отин 2012: 298, 411] — переоформленная посредством суф. *-ов-ат-* основа сущ. *очерет*;

П

Падинская [Отин 2012: 511] — производное с суф. *-ск-* от основы *падина*;

Палюсмеотис = *Palus Maeotis* — книж. лат. название Азовского моря;

Перерва, *Перервы* [Отин 2012: 288, 336, 395] — влр. диал. ***перерва*** 'промой, новое русло, проток' (БТСДК);

Писарева слобода, *Писарева* [*Pisarewa*] [Отин 2012: 469, 497] — образовано то ли от фамильного имени *Писарев*, то ли посредством суф. *-ев-* от *писарь*;

Плоска(я), *Плоская Ярушка*, *Плоско(е)*, *Плоский*, *Плоский Водяной*, *Плоский Лес*, *Плоское*, *Плоскои Буерак* [Отин 2012: 202, 203, 209, 216, 218, 220, 230, 253, 254, 338, 340, 341, 342, 365, 374, 382, 383, 386, 388, 408, 413, 423, 465, 482, 489] — с влр. прилаг. *плоский* в составе;

Плота [Отин 2012: 236, 242] — вероятно, сущ. *плота* в знач. 'наплыв';

Плотва (1782) [*Plotwa*], Краснокутского *Плотва* (1784) [Отин 2012: 248, 263, 275, 331, 349, 350, 351, 379] — вероятно, сущ. *плотва* в знач. ‘наплыв’;

Плотина [Отин 2012: 375, 436] — влр. *плотина*;

Полная, *Полная Камышевата* (1782), *Камышевая* (1786), *Камышная* (1792) [Отин 2012: 425] — с прилаг. *полный* в составе;

Полтавка р. (1782), *Полтавская* [Отин 2012: 295, 368] — производные с суф. -*к-а*, -*ск*- от основы топонима *Полтава*;

Пристѣн [Отин 2012: 350] — из диал. ***пристен*** ‘обрывистый берег’;

Провалы [Отин 2012: 447] — влр. *провал*;

Прогной [Отин 2012: 433, 616] — влр. диал. ***прогной***, отглаг. имя от *прогнить*;

Проток [Отин 2012: 527, 545] — влр. *проток*;

Пѧть Буѥраков (границы 10 знак) между Бахмутскими, Луганскими и Крынскими Водами (1708), *Пятая*, *Пятой*, *Пятый* [Отин 2012: 255, 385, 390, 405, 421] — с числ. *пять* и сущ. *буерак* в составе;

Пѧть Избъ станица XVII в. на Н. Дону [Отин 2000: 113] — с числ. *пять* и сущ *изба* в составе;

Пѧтиизбянская [Отин 2012: 21] — производное с суф. -*ян-ск*- от сложной основы *пятиизб*-, см. *Трехизбенской*;

Ђ

Ђанібек село [испорчено *Janibek* 1774] — вероятно, антропоним-варваризм;

Ђусов, *Ђусовый* Яр [Отин 2012: 328] — производное с суф. -*ов*- от основы варваризма *jus*;

Ђушма [Отин 2012: 334] — скорее всего, варваризм *чушма́* из фарси *чашма* ‘каптированный источник’;

Р

Раздеры [Отин 2012: 225] — влр. диал. ***раздёр***, ср. след.;

Раздорская станица [Отин 2012: 528] — производное с суф. -*ск*- от основы *раздо́р(а)*, *раздоры*, отмеченной в блр. языке *раздо́р* ‘поле или сенокосное угодье на месте выкорчеванного леса’ (Яшкін 2005: 243, 570);

Раздоры Нижние в *Раздорехъ* Нижних (1592), *Раздоры* о-в [Отин 2012: 212, 225, 528] — с влр. диал. термином подсечного земледелия ***раздо́р*** / ***раздо́ра*** (отмечен в блр. языке *раздо́р* ‘поле или сенокосное угодье на месте выкорчеванного леса’ (Яшкін 2005: 243, 570)) и прилаг. *нижний* в составе;

Рассош [Отин 2012: 261] — тождественно *россошь*, см. ниже;

Редкодуб, *Реткодуб*, *Редкодуб Ближний* [Отин 2012: 248, 253, 259, 260, 267, 289, 363, 364, 370, 382, 386, 388, 426, 469, 479, 482, 484, 485, 514] — сложное слово из основ *редкий* и *дуб* с соединительным -*о*-;

Редут, *Редутка*, *Редутная* [Отин 2012: 582] — производные с суф. -*к-а*, -*н-а* от основы воен. терм. *редут*, н.-русск. *редутъ* ‘крѣпостца’ (Слов. Акад. 1789–1794 5: стлб. 112: «фран. реч. военн.»);

Ретраншемент [Отин 2012: 585] — географический термин, скорее военный, нежели народный, из н.-русск. *ретраншаментъ* ‘валъ, окопъ’ (Слов. Акад. 1789–1794 5: стлб. 118: «фран. военн.»);

Ровенка (1778) [Отин 2012: 241, 333] — производное с суф. -*к-а* от *ровень*;

Ровенская, *Ровенский* Яр [Отин 2012: 363] — производное с суф. -*ск*- от *ровень*;

Рог [Отин 2012: 255] — влр. *рог*;

Рогалик (1852); *Рогальчикъ* [*Rogalczik*], село с церковью у восточного берега Днепра около 47 градуса сев. шир., ср. гидронимы Н. Дона *Рогалик*, *Рогальская балка* [Отин 2012:

374, 427, 748] — уменьш. производное с суф. -*(ч)ик* от серб. *ро̋гаљ* ‘угол’;

Рогатка [Отин 2012: 251] и гидроним В. Дона *Рогатая* [Отин 2011: 463, 548, 748], ср. *Рогатъ* [*Rohat*] село с церковью у восточного берега Днепра к сев. от Старой Сечи — скорее всего, влр. переоформление серб. топонима *Рогат* (*ро̀гат*), ср. *Рогатец*, *Рогатица*, *Рогачица*;

Россоха [Отин 2012: 230, 284, 345] — сущ., отвлеченное от глаг. *рассохнуться*;

Россоховата(я), *Рассоховатая*, *Россоховатое*, *Россоховатый* [Отин 2012: 204, 213, 227, 275, 284, 287, 303, 307, 311, 312, 313, 389, 392, 399, 419, 420, 425] — производное с суф. -*ов-ат-* от основы отглаг. имени *россоха*;

Россошъ (1822), Крайняя *Россошъ*, *Россоши* [Отин 2012: 261, 351, 438, 451, 457, 498, 537, 589, 626] — переоформление посредством флексии -ъ сущ. *россоха*;

Рубежная; *Рубежное*, *Рубежный* [Отин 2012: 246, 249, 443, 448, 509, 518, 527, 534, 545, 547, 548, 550, 584, 597, 603] — прилаг. *рубежный*;

Руканъ, (*градъ*) *блиско Дону*, «Паче же со князи российскими величайшия брани составляли. Их же грады ‖ бяху не давных времен — то есть лета от Христа 1103-го, и 107-го, и 108-го Схутен, и *блиско Дону Рукан*, Суворов, Азов, его же{20} владетель половецкий князь Азуп убиен от князей российских» [Лызлов 1692: л. 14, 22об., 121об.], оз. *Рукун* или Широкий *Рукун*, ерик *Рукун*, пп Нижнего Дона [Отин 2012: 58] — вероятно, диал. сущ. *рука́н*, *руку́н,* однокоренные *ручéй*, *рык*, *рыча́ть*;

Рыбнои, въ *Узюме* и в *Рибномъ*, *Рыбный* (1651, 1659) [Отин 2012: 471] — прилаг. *ры́бный* и его вариант *рыбно́й*;

С

Саѓа́ [Отин 2012: 250, 362, 363] — влр. диал. варваризм ***сага́*** ‘речной залив’ (БТСДК: 468), ‘удлиненная изогнутая ложбина’, ‘старица’, ‘залив’, ‘проток’, ‘котловинка’ (Мурзаев 1984: 490);

Садово́й, *Садо́вый* [Отин 2012: 415, 598] — прилаг. *садовой*, *садовый*;

Сазон, *Сазоны* [Отин 2012: 252, 253, 256] — едва ли гидроним отвлечен от ихтионима *сазан*, скорее, перед нами цслав. имя *Сωзωнъ*, см. ниже;

Саленая, *Сална рѣка*, на *Салнѣ* рѣцѣ (1112 г.), *Салница*, на рѣцѣ *Салницѣ* (1107 г.), *Сольница* (Повесть временных лет. Ипатьевская рукопись), *Сална́*, *Сална́я*, *Сальна́я*, *Сални́ца*, *Сальни́ца* (*Солна*, *Солная*, *Сольная*, *Сольница)* в городе Тор [Отин 2012: 232, 293, 344, 419] — один из самых ранних примеров распространения аканья;

Самарская Берека (1782), *Самара* руч., *Самарка*, *Самарная*, ср. *Самара* [*Samara*] город: «...порог Волный сего ради назвася тако, яко то последний порог и всяк преходяй оныя трудности назовется волный, яко ниже сего нет порогов и по Днепру уже путь волный или свободный, против его же впадает в Днепр и речка Волная с левыя стороны Днепра вниз идущим им, которая дале *Самары* города идущи степью сорок верст. А все сии пороги минуючи сухим путем прямо есть верст на сорок, а Днепром рекою идущи верст на сто, закривленнаго ради течения ‖ Днепроваго» [Лызлов 1692: л. 139об.], крепость в устье 320-километровой реки *Самара* [*Samara R.*] с притоками, ср. серб. ойконим *Самар* и крепость у устья реки *Самара* [*Samara R.*], *Старая Самара*, супротив которой основан город *Екатеринослав* в 1776 г., (1776–1796 Екатеринослав, 1796–1802 Новороссийск, 1802–1926 Екатеринослав) [Отин 2012: 224, 225];

Самарские могилы [Отин 2012: 224–225] — производное с суф. -*ск*- от топонима *Самара*, вероятно, пережитка языка хвалисиев (хорезмийцев) хазарской эпохи;

Санжаровка речка, пп р. Лугани бас. Северского Донца [Отин 2012: 398] — скорее всего, гидроним образован от казачьей фамилии *Санжаров*, изв. и в Донецке, в основе которой лежит варваризм *санжáр* из тюрко-монг. *санжáр* 'вал, укрепление' (Радлов IV, 1: 456);

Сарачин [Отин 2012: 343] — под вопросом тождество этого гидронима с топонимом хазарского времени *Сарашин*, *Сарахшин*;

Сарачинский [Отин 2012: 378, 379] — производное с суф. -*ск*- от топонима *Сарачин*;

Сарма — с трудом дифференцируемые народные географические термины, вероятно, варваризмы *сармá* 'протока' и *сáрма* 'брод, перекат на реке';

Сарматия, «...обе *Сарматии*, асийскую и европскую» [Лызлов 1692: л. 8об.] — книжное заимствование, преимущественно из латыни *Sarmatia*;

Серматской ручей [*Sermatskoi R*.] у того же Сантини в старорусских пределах — производное с суф. -*ат*-*ск*- от основы варваризма *сармá* 'протока' или *сáрма* 'брод, перекат на реке';

Сасян Колодязъ [*Sassian Kolodaz*] некогда пограничный пункт — с ст.-русск. *колодезъ* и оформленным варваризмом *сасы* 'гнилой', в составе, ср. *Колодезъ воды смердящия*;

Саур-Могила, *Саур-Мосальское* оз., *Саурова* [Отин 2012: 511, 519, 520] — варваризм *саур* (*савур*) может восходить к тюрк. *сагыр* 'корова';

Саус [*Saus R*] — порча картографами гидронима *Евсуг*, см. *Явсуг*;

Сватова Лучка, *Сватья Лучка* (1708), *Сваха* оз. (1773) [Отин 2012: 341] — с влр. производными от основы *сват* в составе;

Свинарная (1778), *Свинарный* [Отин 2012: 356, 402, 424, 428, 432, 477, 492, 540, 595] — прилаг. *свинарный*;

Свиной Колодезъ и *Сраной Колодезъ* (1697), *Свиная*, *Свиное* [Отин 2012: 236, 356, 386, 402, 428, 432, 443, 477, 492, 540, 595] — с прилаг. *свинóй* в составе;

Святогорской монастырь [*Swjatogorskoi Monast*] — словосложение с соединительным *-о-* на основе словосочетания *святая гора* и цслав. *монастырь*;

Святой Антоний, *Святого Антония* криница [Отин 2012: 441] — с цслав. *святой* и антропонимом *Антоний* в составе;

Селезна рѣчка (1791), *Селезень* [Отин 2012: 406] — с прилаг., отвлеченным от сущ. *селезень* в составе, первичная мотивация скорее связана не с характерными для водоёма птицами, а с особым цветом воды;

Сенная, *Сенной* [Отин 2012: 249, 258, 262, 294, 494, 500, 512, 513, 526] — производное с суф. *-н-* от основы сущ. *сено*;

Сиваш криница [Отин 2012: 343, 394] — с варваризмом *сиваш* ‘гнилой’ и влр. *криница* в составе;

Синее Озеро, *Синиха*, *Синяя Плотва* [Отин 2012: 236, 281, 331] — с прилаг. *синий* в составе;

Скелеванное урочище (1724), *Скелева(я)* [Отин 2012: 298, 397] — диал. основа ***скелевóй*** ‘скалистый’, переоформленная посредством суф. *-ан-н-*;

Скелеватая, *Скелеводский Боярак* / *Буерак* (1745), *Скелевата(я)*, *Скелеватка* [Отин 2012: 397, 402, 406, 412, 440, 449] — диал. основа ***скелевой*** ‘скалистый’, переоформленная посредством суф. *-ат-к-а*;

Скотоватая дер. (1787), *Скотоватый* [Отин 2012: 298] — производное с суф. *-ов-ат-* от грецизма *скóта* ‘нора, пещера; логовище, нора (гадюки, змеи, байбака, бобра, лисы)’, зафиксировано употребление этого апеллятива в Гадючьей балке и на островке Гадючьего порога, на о-ве Хортица, в запорожской степи (1886–1887 гг.) [Новицкий 1911], вероятно,

форма ср. р. мн. ч. греч. **σκότος** в перен. знач. ‘подземный мир, царство тьмы, глубь, недра’;

Скνθія Скифии, «...яко *Скифиа* названа есть от Скифа...» [Лызлов 1692: л. 1, 2] — книжное заимствование;

Славяносербск пгт на р. Донец — производное с суф. -*ск*- от основы *Славяносербия*;

Слепое соляное озеро (1773–1774), *Слепое* [Отин 2012: 317] — прилаг. *слепой*;

Соватка рѣка [*Sovatka Fl.*] — вероятно, переоформление посредством суф. -*к-а* варваризма *суват* ‘водопой’;

Совенка рѣка [*Sowanka R*] — неясна производящая основа гидронима **сов*-;

Созон [Отин 2012: 250, 252, 255, 257] — антропоним церк.-греч. происхождения *Сωзωн*, см. *Сазон*;

Соколовская, *Соколовское*, *Соколовчик* [Отин 2012: 219, 507, 517, 522] — вероятно, производное с суф. -*ск*- от фамилии *Соколов*;

Сокольскъ [*Sokolsk*] — производное с суф. -*ск*- от основы то ли *сокóл* ‘скала’, то ли *сóкол* ‘хищная птица’ (?);

Солонá, *Солоная*, *Солонóй* [Отин 2011: 271, 346, 348, 349, 354, 356, 427, 429, 433; Отин 2012: 21, 24, 26, 45, 58, 84, 87, 93, 94, 184, 284, 345, 352, 369, 371, 374, 375, 432, 468, 469, 471, 487, 497, 517, 536, 558, 564, 580, 582, 583, 598, 756] — влр. диал. формы прилаг. ***солóный***, ***солонóй*** ‘солёный’, ср. *Солоная Су* [*Solonaja Su*] впадала в Днепр в Новой Сечи Запорожской, также ст.-русский гидроним, переоформленный варваризмом *су* ‘вода’, ср. варваризм *Тузлу Су*;

Солонцеватая, *Солонцоватая*, *Солонцоватый*; *Солоніца* [*Silonitza*] село, ср. гидронимы Дона *Солонецъ* [Отин 2012: 312, 345, 472, 756] — производное с суф. -*ев*-/-*ов-ат*- от основы *солонец*;

Сороковая балка (1776), могила *Сороковая* (1863) [Отин 2012: 311] — порядковое числительное *сороковой*;

Сосноватая [Отин 2012: 354] — производное с суф. -*ов-ат*- от основы *сосна*;

Сосновая, *Сосновое*, *Сосновый* [Отин 2012: 287, 311] — производное с суф. -*ов*- от основы *сосна*;

Спеваковка село [*Spewakowka*] — производное с суф. -*к-а* от основы антропонима *Спѣваков*;

Спорная, *Спорная Худжурта*, *Спорный*, *Спорный Донец* [Отин 2012: 219, 478, 527, 533, 544, 596] — с прилаг. *спорный* в составе;

Средне-, *Среднее*, *Средние*, *Средний*, *Средняя Плотва* (1778), *Средняя Россошь* [Отин 2012: 286, 756-757] — с основой *средний*, *средне*- в составе;

Становая, *Становое*, *Становой*, *Становой боярак*, *Становый* [Отин 2012: 72, 95, 107, 133, 145, 225, 254, 265, 276, 291, 366, 441, 757] — производное с суф. -*ов*- от основы *стан*, ср. *Стан Кермас* / *Керняс* [*Stan Kermas*] на Днепре и *Кернас*, река в Костромской области, Вологодской области, Нижегородской области;

Старо-Майданное соляное озеро (1773–1774) [Отин 2012: 757–758] — с влр. *старо*- в составе;

Старый Айдар городок (1705) [*Staro Aidar* (1739), *Heidar Stary*, *St. Aidar* (1774)]; *Старый* Буерак [Отин 2012: 366]; *Старый* Дон [Отин 2012: 528, 545, 549, 621, 624]; *Старый* Донец [Отин 2012: 216, 218, 358]; *Старый* Осколец [Отин 2012: 239]; *Стара* Рѣчка [Отин 2012: 501, 757] — с влр. *старый* в составе;

Стойловая; *Стогловая*, *Стигловая*, *Стыглова* [Отин 2012: 501, 514] — производное с суф. -*ов*- от основы сущ. *стойло*;

Студенец (1782) [Отин 2012: 289, 373, 376] — производное с суф. -*ец* от основы *студёный*;

Студенки [*Studenki R.*], *Студенок*; *Студенок* (1660), *Студенецкии* Колодязь (1679); *Студенок* слобода (1787) [Отин 2012: 289, 373] — производное с суф. -*ък*- от основы *студёный*;

Ступка (1778) [*Stuwki*], Ближние *Ступки* (1779), вершина Ближних *Ступок* (1780) [Отин 2012: 325] — скорее всего, ди-

ал. ***стоўпъка*** производно с суф. *-ък-а* от ст.-русск. *столпъ* в знач. Στήλαι Ηρακλείαι, т. е., 'столпы на краю света' (СлРЯ XI–XVII 28: 84), название холмистой гряды было мотивировано сооружением на ней демаркационных знаков 1714 г.

Суворов град, «Паче же со князи российскими величайшия брани составляли. Их же грады ‖ бяху не давных времен — то есть лета от Христа 1103-го, и 107-го, и 108-го Схутен, и блиско Дону Рукан, *Суворов*, Азов, его же{20} владетель половецкий князь Азуп убиен от князей российских» [Лызлов 1692: л. 14, 22об., 121об.] — ближе неизвестный нижнедонской *Suwar* (?);

Суржанова Плотва (1784) [Отин 2012: 350] — фамильное имя *Суржанов*;

Суровский Буерак (1744), *Сурова* (1784) [Отин 2012: 335] — производное с суф. *-ск-* от антропонима *Суровый*;

Сухарева слобода [*Sucharewa*] — антропоним *Сухарев*;

Сухая (1704); *Сухая Грунь* река, приток Ворскла, *Сухая* (1782); *Сухая* Ковсюх (1773) *Сухая* Ольховая (1775); *Сухая Плотва* (1743, 1778, 1782, 1784), *Сухой* Плотва (1778), *Сух.* Плотва (1779) [*Such Polwa R.* (1774)], *Сухая* Долина (1784); *Суходолъ* (1781, 1784); *Сухои Ковъсугъ* (XVII в.), *Сухой Ковсюг* (1783); *Сухой Буглай* (1781), Малый Буглай (1782); *Сухой Донец* [*Suchoi Donetz* (1774)] пп Дона; *Сухой Торец* (1743, 1775, 1784) [*Sukoi Toretz R.*, *Thoretz R.*, *Toretz Riv.*], *СухаяТориц* (1778), *Сухой Тор* (1792) [Отин 2012: 760–762] — с влр. прилаг. *сухой* и сущ. *грунь* 'холм, возвышение, вершина холма, склон горы, холма' (Канеж Новомиргородского р-на) в составе;

Схутен, «Паче же со князи российскими величайшия брани составляли. Их же грады ‖ бяху не давных времен — то есть лета от Христа 1103-го, и 107-го, и 108-го *Схутен*, и блиско Дону Рукан, Суворов, Азов, его же{20} владетель половецкий князь Азуп убиен от князей российских» [Лызлов 1692: л. 14, 22об., 121об.] — ближе этот топоним не известен;

Т

Таволжанскои оврагъ лп яра Брянского (XVII в.), *Таволжный* [Отин 2012: 376] — производное с суф. *-ян-ск-* от основы *таволга*;

Таловатая, *Таловатое* [Отин 2012: 433, 453, 516, 607] — производное с суф. *-ов-ат-* от основы варваризма *тал* ‘верба, ива’;

Таловка [Отин 2012: 486, 487, 495, 501, 502, 508, 516, 581] — производное с суф. *-ов-к-а* от основы варваризма *тал* ‘верба, ива’;

Таловая, *Таловое*, *Таловой*, *Таловый* [Отин 2012: 762] — производное с суф. *-ов-* от основы варваризма *тал* ‘верба, ива’;

Тана город «Недалеко устия Донскаго, идеже ‖ той в море впадает, стоит град названный *Тана* [еже Азов имать быти; а Таною, мнится, того ради называет его Ботер, яко латинники реку Дон называют Танаисом], в нем же пристанища многия и купли, паче же на осетров и икру, чего много оттуда отвозят, и на иныя товары тамошных стран» [Лызлов 1692: л. 125] — книжное заимствование из итал. *Tana*;

Танаис; *Танаис*: ...и около *Танаиса*, и в Таврике, юже ныне называем Перекопскою ордою... [Лызлов 1692: л. 13] — книжное заимствование из греч. Τάναϊς;

Теплыи Колодязь (1636), *Теплая* (1766), [*Tepla R.*] [Отин 2012: 212, 236, 393, 444, 499] — с прилаг. *тёплый* и сущ. *колодезь* в составе;

Терновáтый [Отин 2012: 328, 468] — производное с суф. *-ов-ат-* от основы *тёрн*; ср. село *Терновáтое* на притоке Широкого Ялея в новороссийской части;

Тернóвая [Отин 2012: 224, 292, 314, 385, 426, 433, 443, 448, 459, 488, 490, 500, 508, 511, 513, 517, 531, 534, 558, 563, 564, 581, 592, 593, 596, 599, 602, 616, 763] — производное с суф. *-ов-* от основы *тёрн*, ср. *Терновая* [*Ternowaja R.*] речка, приток Широкого Джалея;

Тор рѣка [*Tor Riv.*, *Thor Fl.*], на *Тору* и в Маяках (1699); *Тор* селение (1622, 1657, 1674) город (1676), Славянск (1784), [*Thor* (1760)] [Отин 2012: 297] — отглагольная именная основа *тор* (в производных *торный*, *проторенный*, *торить*, *проторить*) по гл. *тереть*;

Торго́вая, *Торго́вый Рог* [Отин 2012: 497, 765] — с прилаг. *торговый* в составе;

Торец нп (1657); *Торец* рѣка «сверху Тору и Торца стоят два мурзы, а с ними татар тысяч с 15» (1566, 1627, 1652), [*F. Torets* (1699), *Torets R.* (1726)], Сухой *Торец* (1743) [Отин 2012: 297, 308] — производное с суф. *-ец* от гидронима *Тор*;

Торские озера (1644); *Торские* соляные промыслы (1701–1782) [Отин 2012: 316] — производное с суф. *-ск-* от гидронима *Тор*;

Трехизбенско́й посёлок [*Trekisbenskoi*] — с основами *трёх*, *изба*, суф. *-ен-ск-*, ср. *Трехбратский* и *Пятиизбянская* [Отин 2012: 21, 563];

У

Узумъ, *Узюмъ* слободскои городъ, въ *Узюме* и в Рибномъ (1651, 1659), см. Изюм;

Усть-, *Усть*-Аидар (1587); *Усть*-Быстрая р., *Усть*-Быстрянская станица (1742); *Усть*-Васильевка; *Усть*-Каланчи, *Усть*-Калитва (1514), *Усть*-Мечетка [Отин 2012: 490, 507, 585, 621] — с влр. *усть-* в составе;

Утка рѣчка (1791) [Отин 2012: 406] — вероятно, сущ. *утка*;

Уткин Буерак (1743), деревня бригадира *Уткина* (1795) [Отин 2012: 406, 558] — с антропонимом *Уткин* в составе;

Ф

Форт Св. Анны [*F. S. Anna*] — воен. термин *форт* и св. *Анна*;

Форт Черкасск [*F. Czerkask*] — военный термин *форт* и прилаг. *черкасский*;

Х

Харина Долина (1704), *Харина речка* (1792), «и *Харя* умеръ въ 89-м году (кон. 16 в.) [Отин 2012: 341] — производное с суф. -*ин*- от основы ипокористики *Харя* (*Харитон*);

Хмельник [Отин 2012: 176, 769] — производное с суф. -*ьн-ик*- от основы *хмель*, ср. *Хмельнікъ* [*Chmielnik*]; *Хмельнікъ* [*F. Chmielnik Detruit*] разрушенный русский форт в Новосербии;

Холодная (1750), Холодное, *Холодное Плесо*, Шишкина Плесо, Холодной, Холодный, Холодный Яр [Отин 2012: 227, 287, 288, 294, 321, 378, 487, 517] — с прилаг. *холодный* в составе;

Холодов яр (1704), *Холодова* [Отин 2012: 417, 480] — возможно, фамильное имя *Холодов*;

Хуторище, *Хуторная*, *Хуторская*, *Хуторянская* [Отин 2012: 223, 225, 344, 500, 535, 599] — производные от сущ. *хутор*, ср. *Хутор* [*Chutor*], позднее *Хуторъ Арнаутской*, в Еникальском градоначалии;

Ц

Царев Борисов, *Цареборисов* городок [*Czarew Borysow*; *Csarev Borisov*] на речке Богдан, пп Сев. Донца — производное с суф. -*ев*- от основы *царь* (ц͠сарь, цѣсарь);

Церковная, *Церковное* [Отин 2012: 371, 416, 422, 426] — прилаг. *церковный*;

Цыганская [Отин 2012: 396, 429] — прилаг. *цыганский*;

Ч

Чалтір рѣка [*Czaltir R.*], *Чалтур*, *Чалтыръ*, *Чалтырь* [Отин 2012: 614] — перенесённый топоним из Тавриды [Шапошников 2011];

Чаплин Яр, *Чаплина*, *Чаплинска* рѣчка [*Czaplinska*], *Чаплинская*, *Чаплинское*, *Чаплиный* [Отин 2012: 232, 352, 295] —

остаётся гадать, что перед нами: производное с суф. *-ин-* от основы *чапля*, *цапля* или фамильное имя *Чаплин*;

Чапура, *Чепура*, *Чапурья*, *Чепурья* [Отин 2012: 508, 537] — притяжательные формы прозвища *Чапур* / *Чепур*;

Часов, *Часов* яр, Часова, *Чосовка* (1787) «съ часъ ѣзды от Грузской рѣчки до 8 знака демаркации 1714 г.» [Отин 2012: 304] — производное с суф. *-ов-* от *час*;

Червонное, *Червоное* соляное озеро посреди крепости Тор (1773–1774) [Отин 2012: 316, 317] — прилаг. *червонное* (золото);

Черкасская (1778), *Черкаска* (1775, 1783), *Черкасский*, *Черкасский Хутор*, *лес Черкасский* (1773) [Отин 2012: 314, 586] — производное с суф. *-ск-* от этнонима *черкас*;

Черная, *Черная Яма*, *Черное*, *Черное Жеребье*, *Черной Сал*, *Черный*, *Черный Жеребец*, *Черный Проток* [Отин 2012: 276, 318, 506, 531, 558, 567, 582, 588, 259, 772, 773] — прилаг. *чёрный*, ср. *Чёрная* рѣка [*Cziernaja*]; *Ч. Каменка* река [*Cz. Kamienka R.*];

Чернухин буерак (1745), *Чернухин байрак* (1880) [Отин 2012: 404] — антропоним *Чернуха* или *Чернухин*;

Чи́черова, *Чичеровъ* [Отин 2012: 267, 506] — фамильное имя *Чичеров*;

Чугин колодязь (1697), *Чугинка* (1764) [Отин 2012: 424] — антропоним *Чугин*;

Чулек, *Чулеки* [Отин 2012: 615] — не ясно;

Ш

Шевалдиковский яр, овраг (1785–1796), *Шевалда*, *Шевалдай*, *Шеволда*, *Шовалдино*, *Шовалдиновский*? [Отин 2012: 307, 317] — производные от фамильного имени или прозвища *Шевалда*;

Шелков, *Шелковая* (1784), *Шелковый* Проток [Отин 2012: 334, 415] — антропоним *Шелко́вый* или прилаг. *шёлковый*;

Широкая; *Широкий Єрок*, *Широкий Рукун*, *Широкий Яр* [Отин 2012: 58, 320, 591, 775] — прилаг. *широкий*, ср.

Ш(ирокий) Ялей [*Sz. Galey*] река Мокрые Ялы с притоками, река на Приазовской возвышенности, левый приток реки Волчьи Воды;

Шляхова, *Шляховая*; *Шляхово́й*, *Шляхо́вый* яр [Отин 2012: 276, 346, 505] — то ли прилаг. *шля́ховый*, то ли фамильное имя *Шляхо́вый*;

Шульга, *Шульгина*, *Шульгинка* (1769, 1784), *Шульзина* [Отин 2012: 292, 384, 477] — производные от антропонима *Шульга*;

Шумы [Отин 2012: 362] — форма мн. ч. *шума* ‘лес’;

Щ

Щавелева, *Щавелевая* [Отин 2012: 511, 512] — прилаг. *щавелевый*;

Щучье, *Щучий*, *Щучья* [Отин 2012: 534, 585, 617] — притяж. прилаг. от основы *щука*;

Ы

Ызюмъ, подъ *Ызюмъ*, *Изюм река* (1627, 1668, 1675, 1680, 1694) [*Isum R.*, *Isum Fl.* 1739, *Izum Reca*] [Отин 2012: 228] — см. *Изюм*;

Ю

Юрьевка сѣло [*Gurgewka* 1774], слобода Жеребец (1732, 1832) Юрьев [Отин 2012: 255] — производное с суф. *-к-а* от *Юрьево* (село);

Юсупова [Отин 2012: 231] — антропонм *Юсуп* или *Юсупов*;

Я

Яблоневая, *Яблоновая* [Отин 2012: 482, 524] — прилаг. *яблоневый*;

Явсуга рѣчка (1571, 1642, 1646, 1697), на усть рѣчки *Явсуги* (1646), *Явсюга* (1627), *Явсуг* (1642, 1697), *Йовсуг*, *Авсух*

(1695), *Овсуг* (1775), *Явсюг* (1782–1784), *Явса* (1636), *Саус* (1745, 1769) [*Saus R.* 1774], *Jausa*, *Jausi R.*, Гремячая (1778), *Ковсюг* (1781) [Отин 2012: 387] — см. *Евсуг*;

Яидаръ, на *Яидаре* (1559) [Отин 2012: 360] — см. *Айдар*;

Яйкуль [Отин 2012: 556] — см. *Гайчул*;

Ялы [Отин 2012: 298] — см. *Ялей*, *Ялы* в новороссийской части;

Ям, *Яма*, *Ямы рѣчка* (1760, 1769, 1782, 1784), *Ямы* городок (1769) [Отин 2012: 332] — для гидронима вероятна этимология влр. *яма*, а для ойконима, скорее, варваризма *ям* (почтовый);

Ямная, *Ямной* [Отин 2012: 255, 337, 367] — вероятно, производное с суф. -*н*- от *яма*;

Яр, *Яр* Кавычевский, *Яръ* Грѣниковъ, *Яр* Сухой [Отин 2012: 277, 286, 414] — давний варваризм *яр*;

Ясенев, *Ясеневая*, *Ясенова*, *Ясеновая*, *Ясеновой*, *Ясеновый*, *Ясинов*, *Ясинова*, *Ясиновая*, *Ясиновый*, *Ясиновый* Затон [Отин 2012: 216, 226, 274, 275, 288, 312, 320, 365, 368, 369, 371, 374, 379, 382, 408, 417, 435, 441, 451, 469, 474, 479, 485, 514, 524] — производное прилаг. *ясеневый* / *ясеновый* от алломорфов *ясень* / *ясенъ*;

Ясеноватая, *Ясиноватая* [Отин 2012: 359, 453] — производное с суф. -*ов-ат*- от основы *ясенъ*;

Ясеновка, *Ясиновка* [Отин 2012: 339, 453, 514] — производное с суф. -*ов-к-а* от основы *ясенъ*;

Ясиновская, *Ясиновская*, *Ясиновский* [Отин 2012: 320, 459, 506, 527] — производное с суф. -*ов-ск*- от основы *ясенъ*;

Ѥ

Ѥрек Каменнóй, Кáменный *Ярок* = Камёнка [Отин 2012: 232] — уменьш. производное с суф. -*ък*- от основы варваризма *яр*, см. *яр*;

Ѥрик (1731, 1782), *Ѥрóк* (1783) [Отин 2012: 288, 352] — уменьш. производное с суф. -*ик*- / -*ък*- от основы варваризма *яр*, см. *яр*;

Ѥсауловское, *Ѥсаульская* [Отин 2012: 527] — производный топоним с суф. -*ск*- от фамилии *Ѥсаулов* или от казачьего чина *ѥсаул* (первый после атамана), ст.-русск. *ясаулъ* (Сказ. Мамай. III), старый варваризм, чагатайск. *jasaul* ‘распорядитель, исполнитель повелений’;

Ѥсенов овраг [Отин 2012: 369] — см. *Ясеневый* / *Ясеновый*;

Ѥсеноватая-Таловка [Отин 2012: 501] — см. *Ясеноватая*;

Ѥсе́новая, *Ясеновая*, *Ясенова́тая*, *Ясено́вка*, *Ѥсиновая*, *Ѥсино́вка* [Отин 2012: 451, 453, 524] — см. *Ясеневая*;

Ѥсеново́й яр, буѥрак, овраг [Отин 2012: 269, 361, 424] — см. *Ясеновой*;

Ѥсеновско́й овраг [Отин 2012: 431] — производное с суф. -*ск*- от варианта прилаг. *ясеневый*;

Ѥсиновая, *Ясино́вая*, *Ісоно́ва* [Отин 2012: 524] — варианты прилаг. *ясеневый* или *осиновый*;

Ѥсиновка [Отин 2012: 453] — вариант прилаг. *Осиновка* или *Ясеновка*;

Ѳ

Ѳедоровъ, *Ѳедорова*, *Ѳедоровская* [Отин 2012: 342, 385, 412, 489, 767] — производные с суф. -*ов*-*ск*- от антропонима *Фёдор*.

Приложение 2. Каталог исторических топонимов и народных географических терминов новороссийской части Славяносербии

А

Аврам Даг, *Аврам* Тав, *Аврам*-*та*-Хаядича, *Аврам*-*ту*-ђап [Отин 2000: 15–16] — с церк.-греч. антропонимом-варваризмом Αβραάμ, греч. артиклями τὰ, τοῦ и варваризмами *даг*, *тав* ‘покрытая лесом гора’, *хая* ‘скала’, *ђап* ‘склон горы, косогор’ в составе;

Адамаха, *Домаха*, поселение к юго-вост. от крепости *Кальмиус* (1586, 1627, 1690, 1755, 1777, 1821) [Отин 2000: 16, 90] — похоже на переоформление первичного *Адамата(я)*, неясного происхождения, см. ниже *Бѣло Чараїка*, *Домаха*, *Кальмиус*, *Мариуполь*, *Павловск*;

Але́кс Коста́ Тарама́ (1973) балка возле с. Стыла [Отин 2000: 18] — с греч. антропонимами *Алексей*, *Коста* и варваризмом *тарама* 'балка' в составе;

Алексе́евка село [Отин 2000] — влр. производное с суф. *-ев-ка* от антропонима *Алексей*; или

Алексѣевская [*Aleksieewfkaja*] двуротная крепость на истоках реки Берда, впадающей в Азовское море, пограничная крепость основана еще в 1731 г.; ср. *Алексѣевская* деревня (№ 38 За стольником за князь Иваном княж Перфильевым сыном Шеховским в деревни Алексеевской двор ево помещиков) [Перепись 1710], гидронимы В. Дона *Алексее́вская Лощи́на*, овраг *Алексеевско́й* и три гидронима Нижнего Дона *Алексее́вская*, один из них по соседнему селу *Алексее́вка* [Отин 2011: 18; Отин 2012: 268, 303, 526, 669];

Алепу́с Трепи́я; урочище возле с. Кипучая Криница [Отин 2000: 18] — 'лисьи норы': *алепу́с* из греч. ἀλωπός 'хитрый как лиса, хитрец', перен. 'лиса', изв. и в Тавриде (*Алупка*, *Алыпхор*); *трепи́я* из греч. τρύπη 'отверстие, дыра', изв. и в Тавриде;

Алеӡандровская [*Alexandrowfkaja*] батальонная крепость основана в 1770 г. при устье реки Сухая Московка, впадающей в Днепр, город *Александровск* с 1806 г., с 1921 г. город Запорожье, ныне находится на территории современного г. Запорожье, ср. гидронимы Верхнего Дона *Александровская* и *Александровский* [Отин 2011: 177, 257] — производное с суф. *-ов-ск-* от антропонима *Александр*;

Анадо́лъ с. в Волновахском р-не и сев. часть с. М. Янисоль [Отин 2000: 20–21] — из греч. ἀνατολή 'восход, место восхода солнца, восток';

Анадо́льское лесни́чество (1904) лесной массив в верховье речки Кашлагач пп Мокрых Ялов, лп Волчьей, лп Самары, заложенный лесоводом В. Е. Графом в 1843 г. [Отин 2000: 21] — влр. производное с суф. *-ск-* от топонима *Анадоль*, см. выше;

Анто́н Тарама́, балка лп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 21–22] — Антонова балка, сочетание греч. антропонима Αντώνιος и варваризма *тарама́* 'балка';

Анто́шка Тарама́, *Анто́шкина* Тарама́, балка на окраине с. Стыла Антошкина балка [Отин 2000: 22] — сочетание влр. ипокористики *Антошка* (*Антон*) и варваризма *тарама́*;

Аркды-та-Уба(йда), *Медведь-Могила* курган у с. М. Янисоль [Отин 2000: 22] — 'медвежий курган', гибридное словосочетание греч. *аркды́* (из др.-греч. *ἄρκτος* 'медведь, медведица', н.-греч. ἀρκοῦδια), артикля ср. р. мн. ч. τὰ и варваризма *уба́* с аффиксом мест. пад. *да/де*, не представлено в Тавриде;

Архундъ́іяс Тарама́ балка и урочище с пещерой катакомбной АК 2100–1600 гг. до н. э. между с. Стыла и г. Докучаевском [Отин 2000: 23] — в урумской части усматривают то ли антропоним ἀρκοῦδια, то ли апеллятив ἀρκοῦδα 'медведь', но вернее читать в данном случае греч. форму *архундъ́іяс* 'архонт' — из греч. ἄρχων, -οντος, -οντι, -οντες 'начальник, предводитель, вождь, правитель, владыка, архонт', видимо, калька варваризма *атаман*, широко представленного в новороссийской микротопонимии, см. ниже;

Асланова Балка, *Осланова Криница* [Отин 2000: 24] — по имени местного жителя Аслана (испорчено *Арслан* = *Лев*), с влр. *балка*, *криница* в составе;

Аслановы Могилы возвышенности в Сартанской волости [Отин 2000: 24] — по имени местного жителя *Аслана* (испорчено *Арслан* = *Лев*), влр. *могила* зд. 'курган';

Асту́ Заво́д Стра́та въезд в с. Максимовка, Волноваха [Отин 2000: 24] — 'городская заводская дорога', гибридное словосочетание: греч. στό 'в, в сторону чего-л.' или греч.

ἄστυ, ἄστεως ‘город’ + русск. *завод* зд. ‘Юзовский металлургический завод 1870-х гг.’ + греч. στράτα ‘дорога’;

Атама́н Чалга́н Тарама́ балка у п. Старобешево, *Адама́н* Чалга́н хутор [Отин 2000: 24] — ‘балка, где косил (траву) атаман’, в том месте был сенокос одного из казачьих атаманов, арендовавших его, и хутор; термин *атама́н* наиболее вероятно восходит к нем. *Hauptman*, *чалга́н* ‘косил’ и *тарама́* ‘балка’ — варваризмы;

Афенка́ О́труб хутор у места купания на р. Сухие Ялы в с. Улаклы [Отин 2000: 25] — от фамилии местного жителя *Афёнка* (*Афонька*, Афанасий), народный геогр. термин ***отруб***;

Ахту́ Ка́льчика поле возле с. Сартана [Отин 2000: 26] — будто бы сложение греч. ***ахту́*** ‘берег’ (из н.-греч. ἀκτή ‘побережье’) и формы род. п. гидронима *Кальчик* (см.);

Ахту́ Таба́н Хутра́ поле возле п. Сартана [Отин 2000: 26] — словосочетание греч. *ахту́* ‘берег’ (из др.-греч. ἀκτή ‘побережье’), варваризмов *тарама́* и *ху́тор*, всё вместе ‘хутор на берегу равнины в пойме реки’;

Б

Ба́ба степная могила в истоках балки Долын Тарама, лп Сухой Волновахи [Отин 2000: 27] — возвышенность получила название по грубому каменному изваянию (половецкой бабе), ср. влр. диал. ***ба́ба*** в разн. знач. (СРНГ 2: 14–15);

Баба́к в составе урум. топонимов *Баба́х* (Уба) ‘(Холм) Сурка’, *Баба́х* Тарама́ ‘Балка Сурка’, *Бабахлы́* Тарама́ ‘Сурковая Балка’, *Баба́х* Уя́ ‘Нора Сурка’ в прям. и перен. знач. [Отин 2000: 27–28] — из влр. диал. ***баба́к*** ‘крупный степной грызун из рода сурков Marmota Bobac’ (южн.), ***байба́к*** перен. ‘неповоротливый, ленивый и глуповатый человек’, ‘бобыль’ и др. знач. (СРНГ 2: 16, 52), адаптированного варваризма *bajbaq* ‘степной сурок’;

Бабала́ *Пига́дья* [Отин 2000: 27] — в первом слове усматривают либо прозвище «балабол», либо испорченный варва-

ризм *балбал* со знач. ‘каменный истукан, болван’, а во втором — форму мн. ч. н.-греч. πηγάδι ‘колодезь, криница’, именная основа отвлечена от основы глаг. πηγάζειν ‘струить(ся), испускать воду’ с влр. флексией мн. ч. *-ъя*; см. народные географические термины *пигáд*, *пигáдъ*; в Тавриде не изв., ср. только о-в *Alopegia* (Тузла в Керченском проливе), неточная лат. транслитерация греч. ἁλοπηγη или ἁλοπηγια;

Базарꙑ́-ту-Стрáта въезд/выезд в с. Бугас, Волноваха со стороны Мариуполя [Отин 2000: 28] — урумско-ромейский дромоним со знач. ‘дорога ведущая на базар’, с варваризмом *базáр* (ср. влр. диал. ***базáр*** ‘улица’ (вят.) (СРНГ 2: 48) и греч. артиклем τοῦ и сущ. στράτα ‘дорога’ в составе; сред.-греч. στράτα ‘дорога’ старое заимствование из лат. *via strata*, откуда в конечном счёте и русск. *автострада*;

Барсукú Тарамá, *Бурсýх* Тарамá безводная балка у с. Чердаклы (Кременевка) [Отин 2000: 32] — из влр. *барсýк*, *барсукú*, если в той балке водились барсуки, либо от прозвища обитателя, владельца той земли (*Барсук*), ср. ***барсук*** в функции прозвища (вят., твер., ряз.) (СРНГ 2: 121);

Бахчá сад в с. Улаклы, поле у с. Чермалык, *Бахчá* Папý Тарамá балка у с. Большекаракуба [Отин 2000: 33] — из урум. варваризма *бахча* ‘фруктовый сад’, ‘огород под арбузами, дынями и тыквами’, ср. влр. диал. ***бахча*** ‘огород, расположенный около дома в поле’ (астрах., сарат., самар., дон., терск.), ‘огород, в котором посажены преимущественно огурцы’ (калуж.), ‘поле, засеянное какой-л. культурой (арбузами, дынями, рожью, просом)’ (астрах.) (СРНГ 2: 158–159);

Берда [*Berda R.*] пограничная река длиной 125 км, с батальонной крепостью *Петровская* в устье «Яко пишет Гвагнин, описующи их, глаголя, яко идущи ис Перекопи ко Азову недалеко древняго потока, его же татарове называют *Агарлиберт*, и при реках названных Беин, то есть Большой Кал, и Мал Кал, и Муз, — суть поля тако жизненны и обилны травою, яко едва верить тому мощно. Ибо тамо трава в высоту яко тростие морское и мягка зело» [Лызлов 1692:

л. 128] — очень затруднительно остановиться на одной этимологии гидронима: то ли варваризм *берд* (ср. «татар.» *Агарлиберт* с тур. определением то ли *ağarlı* 'побелевший, побледневший, поседевший' (наиболее вероятно), то ли *ağırlı* 'тягостный, медленный'), то ли арм. *берд*, *перт* 'крепость' (ср. кафинск. *Хайоцберд* 'Армянская крепость'), то ли итал. *verde*, *verdi* 'зелёный' (так на портоланах), то ли рефлекс слав. **bьrdo* в знач. 'гора, холм' (ср. серб. топоним *Биело-Бр̏до*) [Шапошников 2016], то ли влр. диал. ***берда́*** 'рыболовная снасть, распространенная на Черном море' (Бурнашев) (СРНГ 2: 243);

Бердинская коса и пристань [*Koffa Berdinfkaja*] оставалась еще во владениях ногайцев; ср. гидроним В. Дона *Бердинский*, *Бердей*, *Бердейка*, *Берделя*, *Бердия*, *Бердо*, *Бердяйка* [Отин 2011: 156, 307, 467, 468] — влр. производное с суф. -*ин-ск*- от гидронима *Берда*, см. выше;

Берека-Самарка речка бас. Донца, северный предел Новороссии — с фитонимом *бере́ка* 'Sorbus torminalis' в составе, ср. влр. диал. ***бе́рика*** 'берёзовый сок, собираемый весной и идущий на приготовление кваса' (пск., великолук.) (СРНГ 2: 259);

Берестовая речка пп Кальмиуса [Отин 2000: 66] — производное с суф. -*овая* от основы влр. диал. ***берёст***, ***бе́ре́сто́*** 'береста', ср. влр. диал. ***бере́сто́вка*** (СРНГ 2: 255–257);

Бирючий хутор (1940-е гг.) на склоне могилы Малхазган у одноименной балки Малхазган Тарама, *Берлю́* Тара́ма, *Бирю́х* Тара́ма [Отин 2000: 87–88] — из влр. диал. прилаг. ***бирю́чий*** 'волчий' (дон., нижегор., ворон., куйб.), в т. ч. в составе топонимов (дон.) (СРНГ 2: 295); производное с суф. -*ий* от основы *бирю́к* в первичном значении 'волк', возможно, появление волков в этой балке было связано с наличием в ней скотомогильника; ср. Ђанава́р Тара́ма, Бурлю́ Тара́ма [Отин 2000: 39] с варваризмом *ђанавар* 'волк' (из тур. *canavar* 'дикий, хищный', 'дикий кабан, вепрь', перен. 'изверг, жесто-

кий, кровожадный, зверь’, из перс.) в составе, ср. *Бирючий*, *Волчьи Воды*;

Богаты́ръ село основано в 1799 г. выходцами из Таврических греч. сёл *Богатыръ* и *Ласпи* [Отин 2000: 35] — перенесённый топоним, возможно из ясского (аланского) *bogotyr*, восходящего к буддийско-санскр. *bhagatūra* ‘преодолевающий свою судьбу’;

Богда́н Малес окраина с. Староигнатьевка, где жили волохи [Отин 2000: 35] — то ли антропоним *Богда́н*, то ли апеллятив *богда́н* ‘название детей обоего пола до крещения’ (СРНГ 3: 47) и урумск. варваризм *малес*, вероятно *mahalesi* ‘тот самый квартал’;

Больша́я Акта́ш балка лп Дубовки пп Кальмиуса у с. Староигнатьевки [Отин 2000: 37] — с влр. прилаг. *болшой* в составе; гидроним отвлечен от оронима Акташ Оба и противопоставлен другому гидрониму Акташ, Малый Акташ;

Больша́я Кара́куба (1787), Арги́нь Хара́-Хоба́ (1901), *Большекаракуба* (1913), Каракуба (1962), Каракуб (1970) с. Старобешевского р-на осн. в 1780 г. выходцами из Таврического села Аргинь-Хара-Хоба, Аргы-Кара-Коба ‘расположенная на противоположной стороне чёрная пещера’ [Отин 2000: 37], получила определение *большая* после отселения выселка Новая Каракуба (1787), см. ниже;

Больша́я Новосе́лка (1973), *Великая Новосёлка* (1976), *Великая Новосёловка* (1973), Буюк Ени Сала (1780) [Отин 2000: 101], основанная греками-варварофонами из Таврических сёл *Салт Ени Сала* ‘быстрое новое русло реки’ и *Салгир Ени Сала* ‘новое русло реки Салгир’, ср. татские топонимы в Готской обл. Тавриды *Бия Сала*, *Ени Сала*, *Улу Сала* — пример двойного народного калькирования перенесённого топонима, см. нар. геогр. термин ***сала***;

Большая улица, Бьюк Сохах в с. Комар, ђап Сохах [Отин 2000: 40] — в прежнее время главные улицы многих населенных пунктов неофициально и официально именовались *Большими*;

Большая Янисоль (1892), *Большой* Янисоль (1973), *Бол.* Янисоль (1914), *Больше*-Янисель (1904), *Большой* Ени-Сала (1901), *Б.* Янисель (1913), Буюк Енисала (1973), Великая Новосёлка [Отин 2000: 41–43] — прилаг. *большой* использовано для расподобления этой Янисоли (1780 г.) от другой Янисоли, *Малого* Янисоля (1779 г.), см. Великая Новосёлка, Малый Янисоль;

Большо́й Кал «Яко пишет Гвагнин, описующи их, глаголя, яко идущи ис Перекопи ко Азову недалеко древняго потока, его же татарове называют Агарлиберт, и при реках названных *Беин*, то есть *Большой Кал*, и Мал Кал, и Муз, — суть поля тако жизненны и обилны травою, яко едва верить тому мощно. Ибо тамо трава в высоту яко тростие морское и мягка зело» [Лызлов 1692: л. 128] — с влр. прил. *большой* и сущ. *калъ* или *каль* ‘грязь’ в составе;

Большо́й Караты́ш 1) балка, речка пп Гончарихи Сухая Яла лп Мокрых Ялов лп Волчьей вост. с. Новая Каракуба, 2) приток р. Берды [Отин 2000: 37] — посредством прилаг. *большой* противопоставлено *Малый Каратыш*, см. ниже;

Большо́й Луг, Бою́к Тога́й низменное сырое место в пойме р. Кальмиус возле с. Гранитное [Отин 2000: 40] — с влр. прилаг. *большой* и сущ. *луг* в составе;

Бу́йволова ба́лка пп Мокрой Белосарайки возле с. Мангуш, она же Качемак и Ђантомир [Отин 2000: 67–68], ср. курган Огюз Оба в устье Мокрых Ялов [Отин 2000: 100] — производное с суф. *-ов-* от сущ. *бу́йвол*, см. след.;

Бык-могила, *могила Бык* в верховье речки Зелёной, впадающей в море у с. Стародубовка, ср. курган Огюз Оба выше устья речки Мокрые Ялы [Отин 2000: 100] — с влр. *бык* и *могила* в составе;

Бѣлая Ка́менка, Ах Таш село Староласпинского сельсовета [Отин 2000: 33] — семантическая калька с влр., урумск. ойконим — варваризм *ах таш* ‘белый камень’;

Бѣло Чараiка [*Bielo Czaraika*] крепость в устье Кальмиуса, там в 1778 г. основан *Мариуполь*, ставший городом в 1779 г.,

от неё и начинается длинная Белосарайская коса (ср. аналогичные по образованию серб. топонимы *Бела-Паланка*, *Бела-Стена*, *Бела-Црква*, *Биело-Брдо*, *Биело-Поле*) — предлагавшиеся прежде толкования топонима неубедительны: якобы, до XIII в. бытовал др.-русск. топоним **Бѣлъ городъ* (источник?), со времени татарского захвата получил кальку, варваризм **Ак-сарай* (?), которая в XVII–XVIII вв. в свою очередь была частично калькирована и переоформлена на русский языковой почве — **Бѣл-о-сарайка* (?), все эти гипотетические прототипы не получили письменной регистрации; скорее всего, название образовано от наименования белых лебедей или других белых приморских птиц, которые там гнездились и водились в огромном количестве, этимология возможна на основе рефлексов праслав. **čirъkъ*, **čirъka* ‘чирок, небольшая водоплавающая птица из подсемейства речных уток’, ‘общее название морской и речной птицы крачки Sterna’, ряз. обл. ***чирак*** (ЭССЯ 4: 117), см. *Адамаха*, *Домаха*, *Кальмиус*;

Бѣшев(о) (1779), (*Старо*)бѣшев(о) [Отин 2000: 113] — влр. переоформление посредством суф. *-ев-* цельнолексемного вульгарно-греч. топонима *бешев*, с варваризмами *беш* ‘пять’ и *ев* ‘дом’ в составе, ср., впрочем, аналогичную модель ст.-русск. *Пятиизбянской* (Прил. 1);

В

Васи́ль Ольге́н Тарама́, *Васёк* Тарама́ пп Дубовки пп Кальмиуса [Отин 2000: 41] — балка, где умер (похоронен) Василь, Васёк, ср., впрочем, влр. диал. ***васи́ль*** ‘мелкий окунь’ (олон.), ***Васи́ль-вечер*** ‘канун Нового года, 31 дек.’ (пенз.) (СРНГ 4: 66);

Васи́ль Тарама́, Хара *Васи́ль* Тарама́ лп Мокрой Волновахи пп Кальмиуса [Отин 2000: 41] — балка какого-то *Василия*, ср., впрочем, влр. диал. ***васи́ль*** ‘мелкий окунь’ (олон.), ***Васи́ль-вечер*** ‘канун Нового года, 31 дек.’ (пенз.) (СРНГ 4: 66);

Васильковка военная слобода, основанная в 1707 г. близ урочища *Васильков*, там возник зимовник одного из казацких старшин, после ликвидации Запорожской Сечи в 1775 г. зимовник получил статус военной слободы, со временем слобода стала центром волости, ср. гидронимы В. Дона *Васильков* и Н. Дона *Василькова* [Отин 2011: 235, 416; Отин 2012: 5, 683] производное с суф. *-ка* от топонима *Васильков* (зимовник), который в свою очередь образован от имени *Василёк*;

Ваθи Тарама балка возле с. Стыла [Отин 2000: 41] — с греч. ***ваθи́*** (из др.-греч. βαθύς, -εῖα, -ύ 'глубокий') и варваризмом *тарамá* в составе, зд. 'глубокая (балка)', изв. и в Тавриде: *Батилиман*;

Великая Новосёлка (1976), *Великая Новосёловка* (1973), *Большая Новосёлка* (1973), Буюк Ени Сала (1780) [Отин 2000: 101] основанная греками варварофонами из Таврических сёл Салт Ени Сала «быстрое новое русло реки» и Салгир Ени Сала «новое русло реки Салгир», ср. татские топонимы в Готской обл. Тавриды Бия Сала, Ени Сала, Улу Сала — с влр. диал. прилаг. ***вели́кий*** 'большой' (смол., ряз., новг., олон., Карелия, перм., арханг.) (СРНГ 4: 108) и словосложением *новосёлка*, пример ложного калькирования перенесённого топонима;

Великий Анадоль (1904), *Велико-Анадольский* лес [Отин 2000: 43] — с влр. *вели́кий* в составе, см. *Анадоль*, *Великая Новосёлка*;

Вели́кий луг название днепровских плавней (СРНГ 4: 108) — с влр. прилаг. *вели́кий* и сущ. *луг* в составе;

Великой Иланчі́къ [*Wielikoi Ilanczik*] река — ст.-русск. форма прилаг. *велико́и* = *вели́кии*, ср. гидронимы Верхнего Дона *Великая Ворона*, *Великая Ира*, *Вели́кий*, *Велико́й Ржавец* [Отин 2011: 112, 120, 228, 235, 298, 304, 408, 506] сочетается в роде, числе и падеже с гидронимом, см. *Иланчик*;

Верхний Ялей р(ека) [*W. Galey R.*] — сложный гидроним из влр. диал. прилаг. *ве́рхний* (СРНГ 4: 160) и, вероятно, аналога серб. топонима *Ћала* или греч. гидронима *Ялы* [Отин

2012: 298, 777], ср. гидронимы Верхнего Дона с *верх-*, *верхне-*, *верхнее*, *верхней*, *верхние*, *верхний*, *верхняя*, *верхо-* [Отин 2011: 14, 18, 26, 29, 32, 135, 148, 152, 184, 202, 203, 216, 217, 226, 245, 267, 291, 307, 318, 334, 339, 341, 346, 353, 377, 391, 421, 422, 443, 444, 447, 453, 457, 468, 298, 777]. См. *Ђала*, *Ялы*;

Византия (1906, 1914, 1918) присёлок с. Сартаны [Отин 2000: 72] — мемориальное название присёлка Сартаны в память греч. Bυζάντιον античный город на Боспоре Фракийском, переименованный в Константинополь;

Волк Тарама́, *Волчья балка* возле пос. Старый Крым [Отин 2000: 45] — русск. сущ. *волк*;

Воллір р(ека) [*Vollir R.*] — неясный случай, вероятно, lapsus calami гидронима *Волчья*, см. ниже;

Волненская речка (1745), *Волнова́та*, *Волнова́ха* [Отин 2000: 45] — производное с суф. *-ск-* от основы *волнение* (*волна*), название речка получила из-за значительных колебаний водной поверхности, см. *Кипучая Криница*;

Волнова́ха 1 = Бугас // *Волноваха* 2 впадина, где в 1812 г. поселились греки из Большой Каракубы [Отин 2000: 38–39, 45] — переоформление посредством *-ха* основы *волнова́та(я)*;

Волчны [*Wolczny*] один из днепровских порогов — результат порчи др.-русск. **волочьнъ* (от **волокъ*) или польск. *włócznia* ‘копьё’ (?);

Во́лчья (балка), *Волчье Ухо*, Бэырылю́ Хула́х [Отин 2000: 34] — влр. притяж. производное с суф *-йь* от *волк*; в сочетании с ареальным термином *ухо* в знач. ‘балка, ярок’, ср. Ђанава́р Тарама́, Бурлю́ Тарама́ [Отин 2000: 39] с варваризмом *ђанавар* ‘волк’ (из тур. *canavar* ‘дикий, хищный’, ‘дикий кабан, вепрь’, перен. ‘изверг, жестокий, кровожадный, зверь’, из перс.) в составе, ср. *Бирючий*, *Волчьи Воды*;

Во́лчья Вода [*Wolczja Woda*], *Волчьи Воды*, *Волчья* Бой, длина реки — 323 км, площадь её водосборного бассейна 13300 км², на реке расположен город *Павлоград*, посёлки городского типа *Васильковка* и *Покровское*, впадает в Самару

в Кочережском лесу Павлоградского района [Отин 2000: 158; Отин 2012: 125, 686], ср. многочисленные гидронимы *Волчья*, *Волчья яма* в бассейне Дона и Донца [Отин 2011: 64; Отин 2012: 62, 78, 125, 188, 207, 221, 223, 250, 280, 289, 312, 313, 333, 350, 383, 390, 402, 429, 431, 463, 471, 686] — регулярного вида влр. гидроним; представляется напрасной попытка увидеть тут, якобы, реминисценцию эпонима половцев *Бурчевичей* (летописный этноним; едва ли перед нами результат переоформления слав. суф. *-ьс-ev-itjь* татарск. основы *boru*, *børi* 'lupus, Wolf, волк' [CodCum 108: 16; 113: 6], ср. другие подходящие основы *burç* 'piper, перец' [CodCum 80: 24], *burça* 'pulices, блоха' [CodCum 108: 33] или *borc* 'capellus, capellum, шапка' [CodCum 87: 28; 102: 3]), см. пред. и след.;

Во́лчья (могила) 1) Берлю́ Оба́ [Отин 2000: 34], 2) Бору Оба холм сев. с. Мангуш [Отин 2000: 38–39] — влр. притяжательная форма основы *волк*, ср. *Бирючий*, *Волчьи Воды*;

Вонючая (1850-е) (балка), Биюк Сасу́ Хула́х, Бию́к Сасы́ Хула́х, Саси́ Хула́х, Сасу́ Хула́х балка юж. с. Староласпа [Отин 2000: 35] и пп Кровавой пп Кальмиуса [Отин 2000: 111] — калькировано урум. варваризмами *биюк* 'большой', *сасу* / *сасы* / *саси* 'гнилой, зловонный', *хулах* 'балка';

Вѣно́къ [*Winok*] приднепровское поселение на вост. берегу Днепра — запись произносительной формы *Вѣно́къ*, ср. гидронимы В. Дона *Венца* и *Венцы* [Отин 2011: 448, 506];

Г

Гаври́л Оба́; *Гаври́л* Оба́; курган у с. Улаклы [Отин 2000: 46] — названо потому, что этот курган стоял на пайке крестьянина по имени *Гаврiил*;

Гаври́лова ба́лка, *Гаври́ль* Тарама́, *Гавре́ль* Тарама́ балка пп Камышевахи пп Кальмиуса [Отин 2000: 46] — якобы названа по имени человека *Гаврiил*, умершего в том месте;

Гавриль (1875) балка у с. Стыла [Отин 2000: 46] — названа по имени *Гаврiил*, владельца земли;

Гадючья балка, Йила́н Тарама́ (1969) балка возле с. Новоселовка [Отин 2000: 62] — производное прилаг. от сущ. *гадю́ка*; пример калькирования влр. топонима греками-варварофонами;

Гаïчулъ [*Haiscul R.*], *Гайчур* лп Волчьей лп Самары, ср. *Янчул* пп *Гайчура* лп Волчьей [Отин 2000: 30], м. б., описка в гидрониме *Гайчул*, *Ганчул*, *Янчул*, *Гайчур*, лп Самары [Трубачев 1968: 206, 251] — испорченный гидроним бассейна Волчьих вод, в чем-то схожий словообразовательно с гидронимами *Оскол* / *Оскал* / *Оскул* / *Въсколъ* / *Аскол* и *Деркул* и т. п. [Отин 2012: 233, 686], этимология не установлена;

Геѡргiевская ул. одна из продольных улиц Мариуполя вдоль морского побережья в память св. *Георгия*, древняя икона которого хранилась у митрополита Игнатия, похороненного в пределе Георгия-Победителя собора священномученика Харлампия, заложенного в 1780 г. [Отин 2000: 47];

Глубокая (1850-е гг.) балка, Терен Хулах (1972) лп Кальмиуса выше устья речки Дубовки [Отин 2000: 123] — скорее всего урумская калька влр. *глубо́кая* посредством варваризма *тере́н* ‘глубокий’;

Гогу́л Тарама́ балка лп Мокрой Волновахи пп Кальмиуса [Отин 2000: 47] — с греч. γογγύλη ‘репа’ и варваризмом *тарама́* в составе;

Голуби́ная скала́, Бибиши-т-Хая скала ю.-з. с. Стыла [Отин 2000: 35] — на этой скале некогда гнездились дикие голуби;

Гончари́ха (1751–1799), Ἀντζερίχα (1865) возвыш. Дортоба, Δορτάμπα (1865) у с. Красная Поляна и село Красная Поляна [Отин 2000: 56, 76–78] — производное с суф. -*иха* от *гончар*, *гончары*;

Гора Любви (1960–1990-е), *Сопка Любви* (1994), Шахман Хая каменистая возвышенность у с. Стыла [Отин 2000: 154] — с сущ. *гора* и *любовъ* в составе; у той сопки часто собираются молодые пары, проводят своё свободное время, сопка некогда находилась на землях фамилии Шахман;

Гора Лѣсъ (1893, 1937), Зорта́в, Зорта́в Тобе́, Зо́ртов (1962), Зор Та́у (1963) возвышенность, в верх. части представляющая ломки аркозового песчаника, ниже п. Старобешево на п. б. Кальмиуса [Отин 2000: 60–61] — словосочетание влр. сущ. *гора* и *лес*;

Горго́р Ольге́н балка пп Столовой балки (Кичиксу), пп Кальмиуса [Отин 2000: 47–48] — с греч. антропонимом *Горгор* = Григор(ий) и варваризмом *ольген* ‘умер’ в составе, название по первому захоронению сельского кладбища;

Горго́р Уба́ (1972) возвышенность у п. Сартана [Отин 2000: 48] — с греч. антропонимом *Горгор* = Григорий и варваризмом *уба* в составе, курган Григория;

Горе́лая ба́лка, *Яна́х* Тарама́ (1850-е) балка пп Мокрых Ялов [Отин 2000: 158] — влр. словосочетание прилаг. *горе́лый* и сущ. *ба́лка*; в топонимии бассейнов рек Волчьей, Кальмиуса, Миуса, Северского Донца изв. более десятка *Горелых балок*;

Готѳейская (1892), *Готская* ул. одна из продольных улиц Мариуполя 1892 [Отин 2000: 49] — по титулу митрополита Готфийского и Кефайского Игнатия (1779);

Граки (1895–1896) урочище и степная могила Харгалых выше устья Кальчика пп Кальмиуса [Отин 2000: 138] — где *грак* ‘ворон’, ср. гидронимы *Граков*, *Гракова*, *Граковая* [Отин 2012: 170, 295, 343, 344, 391, 400, 417, 430, 483] и *Грачев*, *Грачева* [Отин 2012: 240, 264, 298, 426, 435], *Грачевник*, *Грачевники* [Отин 2012: 391, 394, 446, 447, 470, 481, 495, 589 и др.] в бас. Сев. Донца;

Гранитное, Старая Карань (до 1923), Карань (1818, 1904, 1913) село, основанное в 1780 г. выходцами из деревень Карань, Мармара и Черкес-Кермен [Отин 2000: 49] — производное с суф. *-н-* от основы *гранит*, село названо по карьерам и заводам, добывавшим *гранит* и щебень, к слову, и варваризм *кара́нь* имеет знач. ‘каменный, скалистый уступ’;

Грекова́тая часть Сартаны севернее Мариуполя (1972, 1974 гг.) [Отин 2000: 64–65] — влр. производное с суф. *-ат-*

от основы *греков*, ср. *волноватая*, *камышеватая*, *ольховатая*, название по греческому населению той части посёлка;

Греческая ул. (1892), одна из поперечных улиц Мариуполя [Отин 2000: 49] — влр. производное прилаг. с суф. *-ьск-* от основы *грек*, получила название потому, что была заселена преимущественно греками;

Григорьевская [*Grigoriewfkaja*] двуротная крепость днепровской оборонительной линии — производное с суф. *-ев-ск-* от основы антропонима *Григорий*;

Грузинская слобода (XIX в.) часть с. Игнатьевка, Игнатовка, населённая Таврическими лазами (грузинами) в 1779 г., см. Игнатьевка, Новоигнатьевка, Староигнатьевка [Отин 2000: 114] — производное с суф. *-ск-* от основы *грузин*;

Грумилей Тарама́, *Громылея* Тарама́, *Грумлас* Тарама́, *Грумлеяс-ту*-Тарама́, балка пп Кальмиуса ниже устья Мокрой Волновахи [Отин 2000: 49] — испорченные греч. варианты *громыле́я*, *грумиле́й*, *грумле́яс* из н.-греч. ἀγριομηλέα ‘дикая яблоня’;

Губерна Тарама́ балка близ с. М. Янисоль [Отин 2000: 49] — предположительно от фамилии *Губерный* или усечения полного *Губерна́(тор)* Тарама́;

Гурас-ту-Мылар местность возле устья Мокрой Волновахи [Отин 2000: 49] — в первой части *Гурас* угадывают греч. ИС Γεώργιος, а в *мылар*, *млар* греч. латинизм *molari* ‘мельничный камень, жернов’;

Гурђи́ Сува́т, *Мануилова* балка пп Камышеватой пп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 49–50] — усматривали в этом этноним *грузин*, но на самом деле это порча имени Георгий, вернее, испорченная форма имени апостола *Гурђи* армяно-георгианской церкви, которая процветала в генуэзской колонии Тавриды, в Кафе; если этот эпоним использовался в функции этнонима, то обозначал он не грузин, а лазов;

Гурђи́ Тарама́, *Гуржу́* Тарама́, *Гуржу́*, Дубовая, степная речка пп Кальмиуса, на берегу которой в 1779 г. было основано с. *Гурђи*-Игнатьевка [Отин 2000: 50] — пример того, как

урумское название села перенесли на речку, имевшую к тому времени влр. название; напрасно усматривали в этом *Гурђи* этноним *грузин*, на самом деле, это порча имени *Георгий*, вернее, испорченная форма имени апостола *Гурђи* армяно-георгианской церкви (секты);

Гурђи́-ту-Хутра́ [Отин 2000: 50] — урумско-ромейско-русск. гибрид, в имени *Гурђи* усматривали в этом этноним *грузин*, но на самом деле это порча имени *Георгий*, вернее, испорченная форма имени апостола *Гурђи* армяно-георгианской церкви; могло использоваться в качестве этнонима Таврических лазов;

Гюрђи, *Гюрђю* (1970), Грузинская слобода (XIX в.) часть с. Игнатьевка, Игнатовка, населённая Таврическими лазами (грузинами) в 1779 г., см. Игнатьевка, Новоигнатьевка, Староигнатьевка [Отин 2000: 114] — варваризм *гюрђи* не являлся первичным этнонимом лазов, картвелов, а наименованием религиозной общности св. апостола Георгия, армяно-георгианской церкви, процветавшей в генуэзской Кафе на правах четвёртой христианской конфессии;

Д

Дабла́-*т-Хутра́* земельный участок у с. Чердаклы-Кременевка [Отин 2000: 51] — с греч. антропонимом Δαβλό, артиклем τοῦ и варваризмом χουτρά в составе; хутор принадлежал греку по фамилии *Дабло́*;

Даглы́-*т-Хутра́* [Отин 2000: 51] — с греч. антропонимом-варваризмом *Даглы*, артиклем τοῦ и варваризмом χουτρά в составе; хутор грека по фамилии *Даглы*;

Данил Тарама́ (1861), *Долинъ* Тарама́ (1867), пос. *Александровка*, присоединённый к г. Докучаевску в 1968 г. (Докучаевск 3) [Отин 2000: 52] — балка, овраг некоего *Даніила*;

Данилев Яр (1915), *Данил* Тарама́ (1850), *Даныло* Тарама́, *Даныль* Тарама́, *Даниль* Тарама́, *Данилтаравский овраг*, *ставок*; *Мокрая балка* лп Сухой Волновахи пп Кальмиуса [Отин 2000: 52] — балка, овраг некоего *Даніила*;

Даніилов Бояракъ [*Danilow Bojarak*], а также село с церковью [Перепись 1710], ср. гидронимы Дона *Данилова*, *Даннилов*, *Даниловский* [Отин 2011: 19, 215, 353; Отин 2012: 471, 487, 510, 603, 693] и *Боерак, Буерак* [Отин 2012: 24, 66, 407, 498, 676, 681], вероятно, старое название Данилева Яра в 1700–1775 гг. — ст.-русск. топоним, балка, овраг некоего *Даніила*;

Девять Могил, Донгоз Оба степная могила на лев. берегу Волчьей, близ устья р. Мокрые Ялы [Отин 2000: 55] — пример калькирования влр. топонима греками-варварофонами в 1780-е гг.;

Денис-ту-Хутра (1907–1917 гг.) у сев. окраины с. М. Янисоль [Отин 2000: 53] — с антропонимом *Денис*, греч. артиклем *ту* и варваризмом *хутрá* ‘хутор’ в составе;

Днѣпръ [*Dniepr Fl.*] река, «...Доном, Ворсклом, и *Днепром*, и Богом...» [Лызлов 1692: л. 9об.] естественная западная граница Славяносербии от впадения р. Самары до впадения Конских Вод в Днепр — этимологию см. в ЭССЯ.

Днѣпровская пограничная линія: «Въ 1769 г. б. поручено ген.-пор. Деденеву составить проектъ погранич. линіи, к-рая прикрыла бы Новороссію отъ Азов. моря до Днѣпра, вмѣсто существовавшей Украинской линіи, не исполнявшей уже своего назначенія. Д. линія шла отъ Азов. моря вдоль р. Берды до ея истоковъ и далѣе до Днѣпра по теченію р. Конскія Воды, совпадая съ гр-цей, опредѣленной Бѣлград. миромъ въ 1742 г. (см. табл., фиг. 1). Мѣстность представляла возвыш. равнину, перерѣзанную указан. рѣками съ ихъ притоками, за исключ. сред. части линіи, гдѣ мѣстность имѣла горист. характеръ. Составленный проектъ б. Выс. одобренъ и въ 1770 г. въ самый разгаръ войны и послѣдовалъ указъ о постройкѣ линіи, получившей названіе Днѣпровской. Проектъ Деденева состоялъ въ слѣд.: вдоль рѣкъ на протяженіи 180 вер. б. намѣчены 7 отдѣл. кр-стей и только въ сред. части, между истоками рр. Берды и Конскія Воды, предположенъ участокъ непрерыв. линіи. Изъ кр-стей двѣ на флангахъ и одна въ

центрѣ назначались для г-зоновъ въ 1 б-нъ (Петровская, Кирилловская и Александровская, см. фиг. 2, 3, 4), остальныя же 4 — для 2 р. каждая (Захарьевская, Алексѣевская, Григорьевская и Никитинская). Въ 1770 г. б. приступлено къ постройкѣ Александровской и Петровской крѣпостей. Глав. распоряд-лемъ работъ б. назн. авторъ проекта, а строителемъ инж.-подплк. Ригельманъ. Для работъ повелѣно нарядить 5 т. рабочихъ изъ губерній. Ген. Бергъ съ ввѣреннымъ ему отрядомъ въ продолженіе камп. 1770 г. прикрывалъ постройку линіи отъ Крымск. татаръ. Преимущ-ва Д. линіи передъ Украинской были таковы: 1) она прикрывала собой поселенія, образовавшіяся на рр. Самарѣ, Торцѣ и др. до Азова; 2) по небол. длинѣ требовала для защиты мало построекъ и войскъ; 3) прикрывала больш. простр-во, к-рое м. б. заселено. Постройка линіи велась оч. медленно, и въ 1775 г. изъ 7 кр-стей 4 еще не б. построены, а 3 не закончены. Сред. участокъ изъ непрерыв. вала тоже не б. начатъ и предположено его построить въ нов. напр-ніи взамѣнъ проектнаго (фиг. 5). Несмотря на то, что въ 1776 г. линія перешла въ вѣдѣніе ген.-фельдм. кн. Потемкина-Таврическаго, постройка ея мало подвигалась впередъ, т. к. съ пріобрѣтеніемъ Крыма линія потеряла значеніе охраны южн. владѣній. Въ 1784 г. Выс. рескриптомъ на имя г.-фельдм. кн. Потемкина-Таврическаго Д. л. б. упразднена, за исключ. флангов. кр-стей, Александровской у Днѣпра и Петровской у Азов. моря, к-рыя б. включены въ число штатн. кр-стей и сохранили значеніе во все царст-ніе Екатерины II. Въ фортифик. отношеній Д. л. представляетъ тотъ интересъ, что тамъ появились постройки, раньше не примѣнявшіяся у насъ въ крѣп. сооруженіяхъ. Глав. ограда батал. кр-стцы состояла изъ капонир. или полигонал. фронтовъ, расположенныхъ въ видѣ правил. 4-уг-ка, съ земл. постройками посрединѣ, замѣнившими капониры, имѣвшими начертаніе горнверковъ, сомкнутыми съ горжи валомъ и отдѣленными отъ глав. постройки рвомъ, представляя, т. обр., собой отдѣл. форты или небол. цитадели. 2-рот.

кр-стцы тоже представляли сочетаніе полигонал. фронтовъ съ земл. открыт. капониромъ въ видѣ бастіона съ отступн. фланками. Эти фронты б. помѣщены на сторонахъ квадрата 90 сж. дл.; за к.-эск. шелъ прикрыт. путь, усиленный во входящ. плацдармахъ дерев. блокгаузами. Непрерыв. линія (9 вер.) состояла изъ 5-фт. бр-вера, съ рвомъ 9 фт. гл., усиленнаго 10 сомкнут. окопами двухъ родовъ, — редутами (фиг. 6) и двойн. фельдшанцами (фиг. 7), к-рые б. предположены на разстояніи 1 вер. другъ отъ друга. Двойные фельдшанцы представляли сомкн. окопы, въ к-рыхъ фланг. оборона рвовъ доставлялась изъ 6 полубаст-въ, расположенныхъ по окруж-сти ограды. Редуты отличались отъ фельдшанцевъ болѣе прост. очертаніемъ въ планѣ» [Ласковскій 1869];

Долы́н Тарама́, *Доли́нтарево* лп Сухой Волновахи [Отин 2000: 27, 55] — переоформленный и переосмысленный топоним *Данил* Тарама (см.) как влр. *долина*;

Домаха к юго-вост. от крепости *Кальмиус* (1586, 1627, 1690, 1755, 1775, 1821) Кальмиусской паланки низового войска запорожского до 1775 г. [Отин 2000: 16, 90] — см. *Адамаха*, *Бело Чарайка*, *Кальмиус*, *Мариуполь*, *Павловск*;

Донская сторона, Харшиях (1970) часть с. Старобешево, находящаяся на левом берегу р. Кальмиус [Отин 2000: 139] — влр. прилаг. *донской* и сущ. *сторона*;

Дранг Уба́ (1904) близ с. Гранитное (Старая Карань) [Отин 2000: 56] — предполагали порчу или переоформление греч. *драну* ‘смотрю’ (др.-греч. δέρκομαι, аор. ἔδρακον, δράκον, перф. δέδορκα ‘смотреть, глядеть, видеть, замечать’, ‘быть зрячим, видеть дневной свет’, ‘воспринимать, слышать’) в составе сложного топонима с варваризмом *уба* в составе, ср. *Сторожевая Могила*;

Дубова́я речка (1747, 1778, 1837–1839, 1850), *Дубова* (1974) пп Кальмиуса [Отин 2000: 50] — из влр. прилаг. *дубовый*, название дано по характерному признаку объекта: дубовый лес, дубняк на берегу речки в XVIII в.;

Ду́бовка (1832, 1866, 1875, 1890, 1895, 1898, 1902, 1910, 1913, 1924, 1971) пп Кальмиуса [Отин 2000: 27, 50, 105] — производное с суф. *-ка* от основы *дубовая*, рядом *Пелитли* (Тарама) (1850-е) ‘Желудёвая балка’;

Дубово́й овраг (1787, 1792) пп Кальмиуса [Отин 2000: 50] — вариант гидронима *Дубова́я*, форма м. р. того же прилаг.;

Дубро́вка (1924) пп Кальмиуса [Отин 2000: 50, 104] — позднее переоформление гидронима *Дубовка* (см.);

Дужа́-*т Хутра́*, Дужа́н-*т Бахча́*, земельный участок, хутор и сад грека по имени Дужа(н) в с. Кременевка (Чердаклы) [Отин 2000: 56–57] — помимо антропонима-варваризма имеет в составе остаток греч. определённого артикля τοῦ;

Дулай *Хутра* выгон у пос. Сартана [Отин 2000: 57] — урумск. *дулай* ‘окрестность’, ‘поворот дороги’, и переоформленное русск. *хутор*;

Думбалака-*ту-Хутра* (1907–1917 гг.) хутор в долине р. Кальчик между с. М. Янисоль и с. Екатериновкой [Отин 2000: 57] — название по имени владельца *Думбалак* (в влр. форме род. п.) с греч. артиклем τοῦ и сущ. *хутор* в составе;

Ду́на лиман у с. Ялта [Отин 2000: 57] — народный географический термин ***ду́на*** ‘разлив воды’, ‘лиман’ неуточненного происхождения;

Дюр Маяк могила ю-з с. Староигнатьевка [Отин 2000: 58] — при неясности первой части топонима, вторая очевидно русск. *маяк*, ср. диал. ***маяк*** (СРНГ);

Є

Ємпро́ название колхоза в сс. Куйбышево (М. Янисоль), Кременевке (Чердаклы), Екатериновке (Кирьяковке) [Отин 2000: 156] — эргоним из н.-греч. ἐμπρός ‘вперёд’;

Єфре́м Тарама́, *Афре́м* Тарама́, *Ахре́мова (балка)*, она же Куюн Тарама в конце 1790-е гг., Куэн Тарама 1960-е гг. [Отин 2000: 25] — с греч. антропонимом Εφραιμ и варваризмом

тарамá в составе, Ефремова балка, прежде то ли ‘овечья балка’, то ли ‘балка сухой травы, бурьяна’;

З

Забора [*Zabora*] речка — ст.-рус. словоупотребление в знач. ‘речной порог’, ср., впрочем, гидроним Н. Дона *Заборина* [Отин 2012: 440, 701];

Завут Ёл, *Завут* Йол дорога из с. Старобешево к Юзовскому заводу [Отин 2000: 59] — с греч. переоформлением влр. *завод*; и варваризмом *ёл*, *йол* ‘дорога’ в составе;

Завýт Стрáта, *Завуты́ Стрáта* (1974) название дороги в сторону Донецка из с. Стыла [Отин 2000: 60] — с греч. адаптацией влр. сущ. *завод* и латинизмом *страта* в составе, см. *Асту Заут Страта*;

Завýт Чохрáх, *Завýд* Чохрáх, *Завут* Чохрах Тарама балка с родником в пос. Старобешево [Отин 2000: 59] — с переоформленным влр. *завод* и варваризмами *чохрах*, *тарама* в составе;

Зандó Тарамá балка лп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 59] — с греч. антропонимом *Зандó* (гипокористика от Βυζάς, Βυζαντός?) и варваризмом *тарама* в составе;

Запáл часть села Новобешево, *Запáл* Тобе возв. сев. п. Старобешево [Отин 2000: 59] — топонимизированный греч. антропоним *Запáл* (как полагал Е. С. Отин) или, по нашему мнению, влр. отглагольное производное *запал* от основы приставочного глаг. *запалить*;

Заплатú-то-Убá, *Заплаты́-то*-Убá курган возле с. Сартана [Отин 2000: 59–60] — предположительно, форма повел. накл. глаг. *заплатить*, у этого кургана, якобы, в старину просили милостыню у проходивших или проезжавших мимо;

Заречье, Крымская сторона (XVIII в.), Харшиях (1970) часть села Старомлиновка на правом берегу Мокрых Ялов, улица *Заречная*, там селились в чем-то провинившиеся жители, не пользовавшиеся уважением у местного греческого

населения [Отин 2000: 139] — влр. конфиксация *за-рѣч-ье*, ср. *Донская сторона*;

Заýт, *Завýт* (1962, 1969) название Донецка (Юзовского Завода) [Отин 2000: 60] — греч. адаптация влр. *завод*;

Заут Йол (1962), Юзовский Шлях (1974) дорога из п. Старобешево в Донецк [Отин 2000: 60] — с испорченным влр. *завод* и варваризмом *йол* в составе, ‘заводская дорога’;

Захарьевская [*Zachariewſkaja*] пограничная крепость двуротная — на реке Берде, слева, против «разоренного, неизвестного ретранжамента, с давних пор бывшего», ныне находится на территории села Калайтановка (1836 г. основания) Бердянского района Запорожской области;

Звонец [*Zwoniec*] днепровский порог, село *Звонецкое* Солонянского р-на находится на правом берегу реки Днепр, выше по течению на расстоянии в 3 км расположено село Майорка, ниже по течению на расстоянии в 0,5 км расположено село Алексеевка: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 4) порог *Звонец* название имеет от сего, яко вода сквозь частыя камения порога того бегущая с великим шумом или звоном проходит...» [Лызлов 1692: л. 139об.] — то ли серб топоним *Звонце*, то ли русск. *звонец*, ср. *Звонец*, деревня Рогачёвского р-на Гомельской обл.;

Зелéная (1901, 1904) село Урзуф, основанное в 1779 г. [Отин 2000: 129] — влр. форма ж. р. прилаг. *зелёный*;

Зелéное (1862, 1923, 1963) село Урзуф, основанное в 1779 г. [Отин 2000: 128–129] — влр. форма ср. р. прилаг. *зелёный*;

Зеленые хуторá (1862) выселки из Урзуфа в устье речки Зеленой [Отин 2000: 128–129] — с влр. прилаг. *зелёные* и сущ. *хутора* мн. ч. в составе;

Зепúр (1875), *Зепúр* Тарамá, *Зепир* Торома (1968) балка пп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 60] — с греч. антропонимом *Зепир* (Ζώπυρος или Ζέφυρος) в составе;

И

Игнатьевка (1779), *Игнатовка* (1904) село, основанное Таврическими греками, валахами и лазами в верховье речке Дубовой, Дубовки [Отин 2000: 114] — производное с суф. -*ка* от формы *Игнатьево* (село), в свою очередь образованное от антропонима *Игнатий* (зд. изв. митрополит Готфейский и Кефайский), см. Новоигнатьевка, Староигнатьевка;

Θ

Θȣдώр Обá возв. на территории с. М. Янисоль [Отин 2000: 125] — с греч. антропнимом Θεόδωρος в составе, ср. Таврические топонимы *Ай-Тодор* [Шапошников 2011];

І

Іланчікъ [*Maloi Ilanczik*, *Wielikoi Ilanczik*]; *Іланчікъ* [*Maloi Ilanczik*, *Wielikoi Ilanczik*] — ст.-рус. уменьшительное производное с суф. -*ік*- от основы *іланец*, в свою очередь первичного уменьшительного с суф. -*ъц*- от основы *ілань*, образования на -*ань* от корня *іл*- < праслав. **jьlъ*, **jьlo*, **jьla* 'ил, осадок, глина' (ЭССЯ 8: 221–222), ср. русск. однокоренные гидронимы *Іловай*, *Іловатая*, *Ілово*, *Іловля* и т. п.

Ільмéнь Тарамá (1910), *Елмéн* Тарамá (1973) балка лп Терновой балки пп Кальмиуса [Отин 2000: 62] — сложный греч. топоним с адаптированным влр. диал. ***и́льменъ*** 'небольшое озеро, остающееся после половодья' (астрах.), 'маленькое озеро' (ворон., донск., уральск., Миртов), 'лиман, топкое место' и варваризмом *тарамá* в составе; одними связывается с новгородской колонизацией и переносом лимнонима *Ильменъ* (др.-русск. *Илмѣръ* из эстон. *Ilmjärv*) на Н. Волгу и Н. Дон, что очень сомнительно в ареальном отношении; сама эстонская этимология новг. лимнонима *Ильмень* может быть оспорена на базе венед.-полаб. лимнонима *Illmenau* (ильмовый остров?) в данном случае, возможно, или случайное внешнее совпадение слав. и эстон. слов, или результат конта-

минации гетерогенных географических терминов различной семантики; поэтому трактовка этого географического термина как производного с суф. -*мен*- от корня *ил*- (< праслав. **jьlъ*, **jьlo*, **jьla* 'ил, осадок, глина' (ЭССЯ 8: 221–222)) не представляется такой уж абсурдной (Фасмер 2: 128), см. пред.;

К

Кадак [*Kodak*], варианты *Кодак*, *Кудак*, порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и: 1) *Кадак* порог ниже устия реки Самары версты три, над ним же вниз идущи Днепром на правом брегу стоит город назван *Кадак*...» [Лызлов 1692: л. 139об.] — без установленной этимологии, предположительно, первична форма основы сохраняется в соседнем топониме *Старые Кайдаки*; близкая, но явно не тождественная, форма основы представлена в гидронимии Н. Дона в виде *Кайдальская балка* л. б. Средней Россоши л. рч. Россоши п. Берёзовой, п. Калитвы, п. Сев. Донца [Отин 2012: 498], но она скорее связана с др.-русск., ст.-русск., влр. диал. варваризмом ***кайда́лы***, ***кайда́ны***, ***кандалы́*** < араб. *qajdāni* дв. ч. 'завязка, уза' (Фасмер 2: 178) или с народным геогр. термином ***кайтал***, см. ниже;

Каза́к Тарамá балка в с. Стыла п Мокрой Волновахи [Отин 2000: 62] — с влр. варваризмом *каза́к* < кыпчак. *qazaq* 'военный поселенец у границы' в составе;

Какамы́р балка пп Кальмиуса [Отин 2000: 62–63] — с греч. κακόμοιρος 'бедный, несчастный' или κακομούρης 'некрасивый' в составе;

Калец, *Кальць* = *Кальчик* — уменьш. производное с суф. -*ъць*, -*ец* от основы *каль*;

Калка, *Калѣка*; *Калка* недалеко Дону, «Стрийковский, (лист 277, в приписке)... приидоша на урочище *Протолцы* и оттуду двенадесятью днями приидоша на реку названную *Калку*...» [Лызлов 1692: л. 9об.] — производное с суф. -*ка* от основы *калѣ* или *каль*;

Кальмиусъ (1586, 1627, 1690, 1755, 1777, 1821) крепость Кальмиусской паланки низового войска запорожского до 1775 г., затем Азовской губернии до 1780 г., после этого Мариуполь [Отин 2000: 16, 90], но на Карте Сантини 1777 г. эта крепость именуется *Бѣло Чараїка* [*Bielo Czaraika*] (см.);

Кальміус р(ека) [*Kalmius R.*], «Яко пишет Гвагнин, описующи их, глаголя, яко идущи ис Перекопи ко Азову недалеко древняго потока, его же татарове называют Агарлиберт, и при реках названных Беин, то есть Большой Кал, и *Мал Кал*, и *Муз*, — суть поля тако жизненны и обилны травою, яко едва верить тому мощно. Ибо тамо трава в высоту яко тростие морское и мягка зело» [Лызлов 1692: л. 128]; река длиною 209 км — считается гибридным двусложным гидронимом, первая часть которого слав. *кал*ь, *калъ* 'грязь', а вторая часть — варваризм *миюс*, рефлекс обще-тюрк. **mügüz* 'рог'. см. *Миус*;

Кальчікъ р(ека) [*Kalczik R.*], Ахту *Кальчика*; *Кальчікъ* река [*Kalczik R.*], «Яко пишет Гвагнин, описующи их, глаголя, яко идущи ис Перекопи ко Азову недалеко древняго потока, его же татарове называют Агарлиберт, и при реках названных Беин, то есть *Большой Кал*, и *Мал Кал*, и *Муз*, — суть поля тако жизненны и обилны травою, яко едва верить тому мощно. Ибо тамо трава в высоту яко тростие морское и мягка зело» [Лызлов 1692: л. 128] — ст.-русск. уменьш. производное с суф. -*икъ* от др.-русск. Кальць, в свою очередь, уменьшительного производного с суф. -*ьць* от Каль, ср. *Кальмиус*;

Камара, *Комара*, *Комары*, *Комáр*, *Старый Комáр*, село, основанное Таврическими греками-варварофонами в 1779 г. [Отин 2000: 73–74] — ойконим, перенесённый переселенцами из Тавриды, эта *Камара* [*Kamara*] (1774/1775) была расположена на берегу между Балаклавой и Мухалаткой [Шапошников 2011], скорее всего из греч. κάμαρα 'свод', 'арка', 'комната со сводчатым потолком', 'каморка', 'кладовая';

Камбý часть с. Чердаклы (Кременевки) [Отин 2000: 63] — из греч. καμπούς 'поле', 'луг'.

Каменистая балка (1862) пп речки Зелёной [Отин 2000: 117] — из влр. *каменистая*;

Ка́менка р(ека) [*Katenka R.*], с. *Ка́менка* = Новая Карань (1881, 1904, 1913) выселки из с. Карань (Гранитное) [Отин 2000: 63], ср. многочисленные гидронимы Дона *Каменка*, *Каменка Мокрая*, *Каменька* [Отин 2011: 19, 23, 26, 44, 54, 88, 100, 127, 277, 304, 318, 332, 333, 396, 407, 457; Отин 2012: 124, 131, 164, 212, 232, 263, 267, 288, 334, 374, 394, 428, 439, 441, 443, 449, 558, 570, 598, 289, 706] — ст.-русск. производное с суф. *-ка* от основы *камень* (СлРЯ XI–XVII, спр. вып.: 410) обозначает каменистое русло реки в местности к северо-западу от двуротной крепости Алексеевская, совр. Гуляйполе (?), а также каменистую местность вокруг выселок Новая Карань.

Каменная (1875), *Каменоватая* (1875) речка пп Мокрых Ялов лп Волчьей лп Самары в устье которой с. Великая Новосёлка [Отин 2000: 153] — влр. производное с суф. *-н-* от основы *камень*; река протекает по каменистой местности, имеет горько-солёную воду, см. Лозовая, Шайтан-Сузье;

Ка́менная балка (1875), *Каменка* (1960–1990-е), Ташлы́ Тарама́ (1890-е гг.) пп Кальмиуса рядом с с. Белая Каменка (Ах Таш) [Отин 2000: 33, 121–122] и *Каменная балка* (1980), Таш Тарама́ возле села Старомлиновка [Отин 2000: 121] — влр. производное с суф. *-н-* от основы *камень*;

Ка́менная пеще́ра (1875), Хасар (*Камен. пещера*) овраг и пещера недалеко от устья Мокрой Волновахи [Отин 2000: 139–140] — влр. прилаг. *каменный* и сущ. *пещера*, в том месте, якобы, каракубские греки добывали железную руду (аорист *хазар* ‘копать, выдалбливать’) и на телегах возили её на металлургический завод в Юзовку;

Каменная скала (1875) или Хаячи́х (1973), Хайчихи́ Тарама́ (1904) на сев. окраине с. Большая Каракуба [Отин 2000: 133] — влр. *каменная*, *скала*; калькированы варваризмом *хаячих*;

Камнусуза балка бас. реки Молочной в ногайских пределах [Отин 2000: 152] — любопытный влр.-урумск. гибридный

гидроним с греч. адаптацией влр. *каменный* (*камну*) и варваризмом *suzá* ‘балака’ в составе; река протекает по каменистой местности;

Камы́ш Гулах (1899, 1904, 1966) балка Сухой Белосарайки, лп Мокрой Белосарайки, *Хамыш* Хулах (1964) зем. участок в с. Лидино Волновахск. р-на [Отин 2000: 63] — ‘камышовая глубокая балка’ с влр. *камы́ш* в составе;

Камышева́та (1778), *овр. Камышева́тый* (1832), *Камы́шевка* (1865), *Камышева́ха* (1890-е гг.) мокрая балка, речка пп Мокрой Волновахи ниже впадения в нее Сухой Волновахи, пп Кальмиуса [Отин 2000: 89] — влр. прилаг. *камышеватый*, -*ая*, сущ. *камышевка*;

Камышева́тка, испорчено *Каніш Ватка* [*Kanisz Watka R.*], гидроним обозначал исток реки Кальчик, скорее всего, порча правильного *Камышеватка*, производного с суф. -*ка* от основы вторичного прилагательного *камышеватый*, в свою очередь образованного от первичного прилагательного *камышовый* от варваризма *камыш*, ср. гидроним Н. Дона *Камышеватка* [Отин 2012: 226, 706], топонимы *Камышеватка* (малороссийск. *Комишуватка*) — 1) село, Приморского горсовета, Приморского р-на, Запорожской обл., которое возникло на месте сторожевого поста на Камышеватском броде через реку Обиточную, установленного А. В. Суворовым в 1778 г.; 2) станица в Ейском р-не Краснодарского края. Камышевый посёлок был основан беглыми крепостными крестьянами в 1778 г., в 1798 г. во время объезда атаманами Азовского побережья Камышевый поселок был обнаружен и приписан к казачьему округу, итак, население поселка Камышевого, вольно проживавшее 20 лет, стало официально значиться жителями куреня Камышеватского, который был образован ещё в 1774 г., в 1848 г. курень переименовали в станицу Камышеватскую.

Капита́н (1780-е гг., 1904) степная возвышенность в истоках Сухой Волновахи, неподалёку могила Майор; балка *Капитан* лп Волчьей неподалёку от с. Константинополь [Отин

2000: 64] — из влр. *капита́н*, так как земли вокруг холма принадлежали штаб- или обер-офицеру в чине капитана, получившему их в ранговую дачу;

Карань, Старая *Карань*, Гранитное [Отин 2000: 65], *Каранья* [*Karania*] село в Еникальском градоначалии [Santini 1777] — персизм *karani* со знач. ‘скалистые уступы’ [Шапошников 2008];

Карасевка (1892, 1963, 1972) часть Мариуполя [Отин 2000: 65] — влр. переоформление посредством суф. *-ев-ка* и переосмысление прежнего ойконима *Карасу*-Базар (1780-е гг.), населенного греками варварофонами из крымского Карасубазара;

Катери́на Тарама (1974) балка в пос. Сартана [Отин 2000: 67] — с влр. антропонимом *Катерина*, *Екатерина* в составе;

Ка́ту Соха́х, *То Кату́ ту* Соха́х ул. в Чердаклы (Кремневке) [Отин 2000: 67] — с греч. артиклем τὸ, τοῦ, прилаг., нареч. κάτω ‘нижний’, ‘внизу’ и н.-греч. варваризмом τὸ σοκάκι ‘улица’ в составе;

Кацка́ ту Пига́δ (1963) криница в с. Чермалык [Отин 2000: 67] — с греч. именем собственным Κατζκά, артиклем τοῦ и сущ. πηγάδι в составе, криница была названа по имени местного жителя, выкопавшего ее;

Кефейская улица (1892) нагорная часть, квартал Мариуполя и одна из продольных улиц (Пролетарская) Мариуполя [Отин 2000: 69–70] — влр. производное с суф. *-ск-* от основы *Кефе́* (квартал *Кефе́*), жители которого были выходцами из Таврической Кафы;

Кипу́чая Крини́ца (еще в 1 пол. XIX в.), Хайна́х Чохра́х бьющая из-под земли криница в карстовой зоне Сухой Волновахи бассейна Кальмиуса, посёлок *Кипучая Криница* (1969, 1976) [Отин 2000: 45, 122, 133] — влр. словосочетание прилаг. *кипучая* и сущ. *криница*; название мотивировано природным явлением: речка Сухая Волноваха в том месте уходит под землю, вырываясь потом на поверхность в виде нескольких

карстовых родников с бурлящей водой, поэтому над криницей в холодные дни стояли клубы пара;

Кирьяковка, Екатериновка, Катериновка с. Володарского р-на [Отин 2000: 156] — производное с суф. -*ка* от фамильного имени *Кирьяков*, в свою очередь образованного от греч. κυριακός 'господний, господень';

Клисы́яс Махала́ часть с. Стыла [Отин 2000: 72] — 'церковный квартал' с греч. формой род. п. ед. ч. ἐκκλησίας (форма им. п. ἐκκλησί(α) обильно представлена в Тавриде) и варваризма *махала* 'квартал' в составе;

Ключевое пос. (1976), Византия (1906, 1914, 1918) [Отин 2000: 72] — производное с суф. -*ев*- от сущ. *ключ* 'родник, источник';

Княгінец [*Kmabiniec* < **Kniahiniec*] порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 6) порог *Княинин* — отдавна поведают, якобы некая *княиня* ‖ утопе тамо...» [Лызлов 1692: л. 139об.] — картографическая порча топонима **Kniahiniec*;

Козьма-Демьяновская слобода, «Козьмадемьяновская слобода в той слободе церковь во имя Святых Чюдотворцов и безсребников Козьма и Домиана» [Перепись 1710] — название слободы по церкви во имя святых *Космы* и *Дамиана*;

Коло́с Бахча сад на окраине пос. Старобешево (1969) [Отин 2000: 73] — название по фамилии владельца *Колосов*;

Кольцева́я, Алха́ Тарама́, Елха́ Тарама́, Елхи́ Тарама́, Илхи́ Тарама́ лп Балтамура, лп Сухой Волновахи, лп Мокрой Волновахи, пп Кальмиуса [Отин 2000: 19] — влр. форма ж. р. прилаг. *кольцевой*, калькировано греками-варварофонами посредством варваризма *халка́* 'кольцо', 'обруч';

Ко́нка (или *Ко́нская*), *Конскія Воды* — «Конские Воды» безосновательно считается влр. усеченной калькой варваризма *jylqy su*, так, якобы, называли реку турки (в тур. языке форма *yılkı* словарями не отмечается), ср. кыпчак. *yilki* 'di phert', 'Pferdevieh, Pferdeherde' [CodCum 113: 4], как правило,

напротив влр. диал. топонимы были калькированы греками-варварофонами позже; название мотивировано существованием табунов диких коней (тарпанов), встречавшихся здесь вплоть до конца XIX в., ср. *Волчьи Воды*; обозначаемое — река длиной в 146 км, левый приток Днепра, в зависимости от прилегающих к Конке селений, последняя носит разные названия: *Алёшковская Конка*, *Кардашинская Конка*, *Казачелагерская Конка*, *Конка Фролового озера* — против р. Тягинки, *Подпольная Конка*, *Подстепенская Конка* и др.; в XVIII в. (с 1742 до 1783 гг.) по реке проходила граница с ногай-татарами;

Конское [*Konskoie*] — влр. производное с суф. *-ск-* от сущ. *конь*;

Константи́н (1872, 1890), *Малоконстантинополь* хутор у лев. берега Сухих Ялов лп Мокрых Ялов [Отин 2000: 74] — полагают усечением топонима *Константинополь*, см. след.;

Константинополь, село у слияния рек Волчьей и Сухих Ялов, прежде *Фуна* (1779), переименовано в 1901 г. в память о Константинополе [Отин 2000: 74–75] — весьма вероятно, что ностальгическое перенаименование появилось не на пустом месте, а опиралось на существовавший поблизости Фуны микротопоним *Константи́ну по́ле* с влр. *по́ле* в составе, которое было переосмыслено как греч. *póli* ‘город’, см. *Константин*, *Мариуполь*, *Фуна.*

Капу́рка (1967), Копёр Тарама (1968), Купур, *Купурка* [Отин 2000: 75, 104] — влр. переоформление посредством суф. *-ка* варваризма *копур*, *купур*, *кёпюр* ‘мост’, см. *Мостовая*;

Коса́ Бѣло Чарайская [*Kossa Bielo Czaraiskaja*], ныне Белосарайская коса, возраст образования которой всего 1000 лет — влр. словосочетание сущ. *коса*, определения *бело-* и прилаг. с суф. *-ьск-* от неясной основы *чара̀-(й)-*;

Коста́ Чохра́х криница в пос. Старобешево (1969) [Отин 2000: 75] — криница названа по имени местного жителя *Ко-*

сты (Константина) Федорова, выкопавшего и благоустроившего этот источник в 1940 г.;

Ко́тин Яр (1973) овраг близ с. Стыла [Отин 2000: 75] — переоформленное словосочетание румейск. *ко́чинус* ‘красный’ (порча греч. κόκκινος тж.) и влр. *яр* ‘овраг’;

Ко́тню-та Хая́ место купания на р. Кальмиус в с. Чермалык (1973) [Отин 2000: 75–76] — испорчен. греч. κόκκινος ‘красный’ в форме род. п. κόκκινου, артикль τὰ и варваризм *хая* ‘скала’;

Кочережский Лес у впадения Волчьих Вод в Самару (Павлоградский район) [Отин 2000] — с влр. переоформлением посредством суф. -*ск*- усеченной основы диал. ***кочерёжник*** ‘мелкий лес, в котором растёт много кривых, суковатых деревьев’ (рыб., яросл., Даль без указ. места, Сл. Акад. 1914) (СРНГ 15: 127);

Ко̀чну Ђап, *Красная Гора*, холм в с. Чердаклы (1983) [Отин 2000: 76] — состоит из испорченной формы *кочну* = н.-греч. κόκκινος ‘красный’ и варваризма *ђап*, *ђа̀пья* ‘холм, курган’;

Красная Гора холм в с. Чердаклы (1983) [Отин 2000: 76] — с влр. прилаг. *красный* и сущ. *гора* в составе;

Красная Горка (1960–1990-е), Хырмызы Ђап (1980) возв. у с. Н. Комар [Отин 2000: 141] — с влр. прилаг. *красная* и сущ. *горка* в составе; греки-варварофоны калькировали уже существовавший до них влр. ороним;

Кра́сная Поля́на с 1948 г. политизированное переименование с. Гончариха (Дортоба, Новая Каракуба) [Отин 2000: 76–78] — влр. прилаг. *красная* и сущ. *поляна*, см. Гончариха;

Красный яр (1850-е) левый отрог балки Кровавая / Хан Тарама пп Кальмиуса возле с. Старая Карань [Отин 2000: 135] — с влр. прилаг. *красный* и сущ. *яр* в составе, назван так по красноватому цвету почвы на его склонах; следует вспомнить Таврический ороним *Гемата* ‘кровавая (скала)’;

Кремаста́-та Хая́ (1910), *Кремисто́* Хая́ (1963) балка лп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 78] — с греч. прилаг.

κρεμαστός ‘висящий, висячий, нависающий’, артиклем τὰ и варваризмом *хая* в составе, представлено в Тавриде в виде *Кремастó Неро*, водопад в Ялте;

Кривой Торец [*Kriwoi Toretz R.*] — с влр. прилаг. *кривой* и гидронимом *Торец* в составе, см. *Тор*, *Торец* в Каталоге старорусской части Славяносербии;

*Кри́дас-т-*Убá (1964), *Крыдас-ту* Уба (1983) курган возле с. Чердаклы (Кременевки) [Отин 2000: 78–79] — с греч. ἀκρίς, -ίδες ‘саранча’, опред. артиклем τὸ, τοῦ и варваризмом *уба* в составе;

Кpiнка, *Крынка река* [*Krinka R.*], правый приток Миуса (бассейн Азовского моря), образована слиянием рек *Корсунь* и *Булавина* юго-западнее г. *Енакиево*; длина реки 180 км; площадь бассейна 2634 кв. км; долина реки узкая, глубокая (до 60 м), с крутыми склонами; течение быстрое; уклон реки — 0,67 м/км; русло извилистое, шириной до 20 м; глубина до 3–4 м, на порожистых участках — 0,1–0,5 м; ср. гидронимы Н. Дона *Крынка*, *Крынки* [Отин 2012: 144, 717] — влр. диал. ***кры́нка*** ‘яма, наполненная водой’, ‘глубокое место с ямами в реке’ (арханг., вологод.), ‘топкое место около лесных озёр’ (новг.), ‘небольшое озеро около реки’ (беломор.) (СРНГ 15: 258–259, 348); южн. ***крымка*** ‘криница’ обозначает ручей, впрочем, последний вариант наталкивает на мысль о переоформлении и переосмыслении варваризма ***кырым*** ‘ров’, если принять во внимание описание физических характеристик глубокого русла реки;

Крова́вая (1850-е, 1904), *Красный яр* (1850-е), Хан Тарама (1969, 1973) балка пп Кальмиуса возле с. Старая Карань, впадает в Кальмиус южнее с. Староласпа [Отин 2000: 135] — влр. прилаг. *кровавый*, *красный* в сочетании с сущ. *яр*, *балка*, местность названа так по красноватому цвету почвы на её склонах; следует вспомнить Таврический ороним *Гемата* ‘кровавая (скала)’ [Шапошников 2011];

Кровавая балка (1960–1990-е), Хан Тарама балка возле с. Комар (Старый Комар) [Отин 2000: 135] — с влр. прилаг.

кровавая и сущ. *балка* в составе, названа так по цвету глинистой почвы и камней в ней;

Крупча́тка Хулах балка лп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 79] — с влр. *крупча́тка* 'мельница-круподерня', некогда в овраге была мельница;

Кvрiлловская [*Kirilowfkaja*] крепость двуротная (ныне Пологи?), «Кирилловская крепость двуротная... справа, на реке Токмачке, притоке Конки», ср. гидронимы В. Дона *Кириллов*, *Кирилов*, *Кирилловский* [Отин 2011: 36, 39, 222, 229, 521]; см. Днепровская оборонительная линия;

Курдручь [*Kurdrutz R.*] речка, впадающая в Днепр между пограничной Конкой и речкой Московкой, ср. гидронимы Н. Дона *Кундручь*, *Кундруча*, *Кундрюча*, *Кундрючье Устье*, *Кундручка*, *Кундрючья* [Отин 2012: 520, 718; Отин 1999: 237–239] — согласно одному мнению, порча румынск. *codrúţ* 'лесок', молд. *кудру́ц* тж. или гуцул. перен. *зарослий кудруц*, *цу* бот. 'рута' (Піпаш, Галас 2005), но, возможно, перед нами суффиксное переоформление (+ -*учий*, -*учая*) скифск. пережитка **ку(н)др-*, аналогичного лит. *kūdra* 'пруд, водоем, болото, лужа' [Трубачев 1968: 256];

Ку(й)мань пристань отмечается еще на итальянских портоланах: *comania* [Портоланы LIV — 1320 г.], *coumania* [Портоланы LV — 1321/2 г.] как 17-й приморский порт к западу от Таны; в XIV–XVI вв. далее к западу от населенного пункта был монастырь св. *Георгия* (18-й) и другой порт *comania* [Портоланы LIV — 1320 г.], *Cumania* [Портоланы LV — 1321 г.] (19-й), ср. гидроним В. Дона *Куймань* [Отин 2011: 52, 95, 527] и ойконим *Куймань* село «В селе Куймани двор монастырской для приезду игумена и братии построен после переписных книг а в нем живут скотники» [Перепись 1710]; село Лебедянского р-на Липецкой обл. центр Куйманского сельского поселения, впервые отмечается в отказе 1636 г.: «а присада под дворы и под огороды и под гуменники места... под Павловским лесом на изроче меж Куйманских отвержков, которые отвержки пошли в Куймань»; в Экономических

примечаниях к Генеральному межеванию Лебедянского уезда конца XVIII в. сказано, что село Куймань расположено «...по обе стороны речки Куйманки Ближнего логу и шести безымянных отвершков»; но в 1636 г. в силу неизвестных причин Куймань не отстроилась; первое упоминание о Куймани находится в межевой книге 1680 г., зафиксировавшей границу между Добровским и Лебедянским уездами; именно в этой связи упомянута была Куймань; в начале XVIII в. село уже имело нынешнее название, будто бы заимствованное у речки Куйманки, на берегу которой оно строилось (недалеко от Куймани находится её исток); Куймань того времени — волостной центр домовой патриаршей вотчины; в начале XVIII в. в селе была построена вторая церковь — во имя святого апостола Андрея Первозванного; в 1710 г. Куймань — село с населением 860 человек; позже, в ревизских сказках 1722 г., здесь насчитывалось 705 жителей; документы второй ревизии 1748 г. называют 769 человек, а третьей ревизии 1763 г. — уже 819; в начале XVIII в. Куймань была самым большим поселением в уезде; экономические примечания к Генеральному межеванию конца XVIII столетия характеризуют Куймань как село с 233 дворами и населением 2158 человек — то ли испорченный топонимизированный этноним *qutan* ‘половцы’ (если верна именно такая реконструкция этнонима), то ли пережиток скифск. языкового состояния, в котором усматриваю суффиксное оформление и.-е. диал. корня **k̂ōim-* ‘семья, кмень, родовое селение’; см. след.;

Куманъ пристань упоминается на итальянских портоланах: *comania* [Портоланы LIV — 1320 г.], *Cumania* [Портоланы LV — 1321 г.], *Cumana*, *camania* [Портоланы LIX — 1452 г.], *chumata* [Портоланы LX — 1471 г.], *coma[na]* [Портоланы LXIV — 1542 г.], *comania* [Портоланы LXV — 1542 г.], *comania* [Портоланы LXVII — 1572 г.], *comania* [Портоланы LXXI — 1550–1600 гг.], 19-й приморский порт к западу от Таны (судя по количеству упоминаний, именно следовала за, а не пред-

шествовала пристани Св. Георгия); ср. городок *Кумань* на В. Дону ныне в Липецкой обл. («И тамо населишася и созда грады многи, яже назывались: Болгары, Былымат, *Кумань*, Корсунь, Тура, Казань, Ареск, Гормир, Арнач, Сарай великий, Чалдай, Астарахань» [Лызлов 1692: л. 21об.]), а также гидроним В. Дона *Куманка*, *Куйманка* [Отин 2011: 95, 527] и топоним *Кумань* «Село *Кумань* что была за святейшим Патриархом В том селе две цви во имя Введения Пресвятые Богородицы другая во имя апостола Андрея Первозванного» [Перепись 1710: № 40] — вероятно, как-то сопряжено с предыдущим, то ли топонимизированный этноним *quman* ‘половцы’, то ли пережиток скифск. языкового состояния, в котором усматриваю продолжение и.-е. диал. корня **k̂ōim-* ‘семья, кмень, родовое селение’;

Кува́л Чохра́х криница в Старобешево [Отин 2000: 79] — скорее всего, влр. антропоним *Кова́ль*, у дома которого находился источник, в сочетании с варваризмом *чохрах* ‘источник’;

Кукóс Тарамá (1973) балка лп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 80] — из н.-греч. κοῦκκος ‘кукушка’, ‘одинокий человек, простак’;

Кунане́ис (1974) место развлечений в с. Стыла [Отин 2000: 81] — н.-греч. форма мн. ч. κοινανός, κοινωνός ‘соучастник, сотоварищ. единомышленник, товарищ, приятель, сообщник’, ср. κοινανία, κοινωνια (?) ‘взаимоотношение, соучастие, связь; брачная связь; общность, подаяние’;

Кундó Хая́ (1994) скалистая возв. у с. Стыла [Отин 2000: 81] — с н.-греч. прилаг. κοντός ‘короткий, маленький’ и варваризмом *хая* ‘скала’ в составе;

Курпá Тарамá (1973) балка у с. Раздольное [Отин 2000: 82] — греч. антропоним (прозвище, фамилия?) *Курпá* или *Курпе́* из влр. *крупá*, любопытна идея о гомогенном происхождении праслав. **krupa* и греч. глаг. κρουω ‘бить, толкать’ [Журавлёв 2016: 50], остаётся выяснить природу суффикса или расширения основы (?) *-р-*;

Курпá-ту-Пигáд (1963) криница в с. Чермалык [Отин 2000: 82] — с влр. *крупá* в качестве антропонима (?), греч. артиклем τοῦ и н.-греч. сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’ в составе; не от аналогичного ли топонима образовано современное наименование санатория *Курпаты* в Тавриде?

Л

*Лáмбу-ту-*Тугáй место массовых гуляний в с. М. Янисоль (1994) [Отин 2000: 83] — похоже, изфет с ипокористикой (Χαρα)λαμπου церковного имени *Хараλампіий* (св. муч. из г. Магнисія, жившего при имп. Септимии Севере, пострадавшего в 113 лет от роду, память его 10 февр.), греч. артиклем τοῦ и варваризмом *тугай* ‘пойма реки’, ‘пойменный луг’ в состве;

Лáспи (1818, 1901, 1930), Λάσπη (1865), *Ласпа* (1904, 1913, 1923) село основано греками-варварофонами из Таврических деревень Ласпи, Алсу и Кач-и-Кальён в 1782 г. [Отин 2000: 114–115] — из греч. λάσπη ‘грязь, кал’, изв. и в Тавриде: *Ласпи*, см. *Кал*, *Калец*, *Кальчик*, *Новоласпа*, *Староласпа*;

*Лéвку-та-*Ђáпья (1983) несколько небольших холмов у с. Чердаклы [Отин 2000: 84] — греч. сложный топоним с формой род. п. антропонима Λευκοῦ, остатком артикля τὰ и варваризмом *ђап* ‘холм, возвышенность’ в форме мн. ч. (влр. финаль -*ья*), название по имени владельца *Левко* Танаджи, ср. *Пигадья*;

Лéвку-т-Бахчá (1983) сад в с. Чердаклы [Отин 2000: 83] — греч. сложный топоним с формой род. п. антропонима Λευκοῦ, остатком артикля τοῦ и варваризмом *бахча* ‘сад’, название по имени владельца *Левко* Танаджи;

Лéвку-т-Хутрá (1983) земельный участок у с. Чердаклы [Отин 2000: 84] — греч. сложный топоним с формой род. п. антропонима Λευκοῦ, остатком артикля τοῦ и варваризмом *хутрá* ‘хутор’, название по имени владельца *Левко* Танаджи;

Лейо́рко Тарама́ (1964) балка пп М. Кальчика возле с. М. Янисоль [Отин 2000: 84] — сложный топоним с греч. антропонимом *Лейо́рко* и варваризмом *тарама́* в составе;

Лео́нтьева [*Laentewa*] речка лп Кринки и Миуса — вероятно, порча гидронима Балка *Леонтьева*, ср. Балка *Леонтьева* в бассейне Дона, Чертковский р-н Ростовской обл., гидронимы В. и Н. Дона *Леонтьева* [Отин 2011: 264; Отин 2012: 470, 720];

Лесна́я (1898), Кичик Даг, Кчик Даг (1972) балка лп Дубовки пп Кальмиуса [Отин 2000: 70–71] — производное с суф. *-н-* от основы *лес*, балка названа по небольшому леску на склонах балки;

Ліма́н [*Liman*] супротив мыса Таганрогъ, ср. гидронимы В. Дона *Лима́н* и Н. Дона *Лима́н*, *Лима́н Второй*, *Лима́н Первый*, *Лима́н Голый*, *Лима́н Культюк*, *Лима́н Мрачный*, *Лима́н Хулсун*, *Лима́н Царик*, *Лима́н Шар Кукте* [Отин 2011: 227, 235, 238, 249, 317, 406; Отин 2012: 79, 80, 202, 212, 218, 226, 232, 272, 277, 284, 291, 357, 359, 372, 377, 383, 431, 453, 512, 540, 556, 559, 561, 562, 582, 611, 144, 717] — зд. определенно грецизм λιμάνι в знач. 'морской залив, гавань', напрасно допускалось и смешение грецизма с влр. диал. *ильмень* [Отин 1994: 53–63].

Лімо́н Плете́ніскос [*Limon Pleteniskos*]; *Леімωн Плетеніскос*, *лꙋгъ Плетеньскъ* — словосочетание греч. (!) λειμών 'луг' (не путать с *лиман* и *ильмень*) и грецизированного русск. *Плетеньскъ* — местность к югу от *Днѣпра*, обтекаемая речкой Аталика Су, у которой была небольшая крепость Аталика Кеви;

Ліс-ту-Млар Тарама (1964) балка пп М. Кальчика недалеко от с. М. Янисоль [Отин 2000: 84] — сложный переоформленный и переосмысленный топоним с испорченным греч. глаг. несов. εἴλισσον 'катил', греч. артиклем τοῦ и испорченным греч. μολάρι 'мельница' (сред.-греч. μολάρι из лат. *molāris*, *-is* 'мельничный камень', 'глыба') в составе, всё вме-

сте: ‘(балка) где (некто) катил мельничный камень’, мотивация такого наименования давно позабыта, но любопытна;

Лозовая (1778, 1875), *Лозоватая* (1787, 1930), *Лозоватой* (1832), *Лозоваха* (1960–1990-е), она же Каменная (1875), Каменоватая (1875) речка пп Мокрых Ялов, лп Волчьей, лп Самары, в устье которой с. Великая Новосёлка [Отин 2000: 153] — то ли влр. производное с суф. *-ов-áт-* от основы *лоза*, то ли переоформление и переосмысление этнонима *лаз(ы)*, т. е. *лазовая*, *лазовáтая* речка, ср. *грековáтая* часть села; чем было мотивированое это наименование, теперь неясно, река протекает по каменистой местности, имеет горько-солёную воду;

Лохáный порог, *Луканы* [*Lukany*], «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 3) порог называют *Лоханый*, от-{129}древле так назван...» [Лызлов 1692: л. 139об.] — производное от сущ. *лохáнь*;

Луг, *Большóй Луг*, Буюк Тогай, *Мáлый Луг* Кичик Тогай (1966) низменное сырое место в пойме р. Кальмиус у с. Гранитное, пастбище [Отин 2000: 72] — влр. *луг*;

Лугáнское с 1779 г. Матвеевка переименовывается в *Луганское*, штаб-квартиру *Луганского* пикинерского полка под командованием М. И. Голенищева-Кутузова; с образованием Екатеринославского наместничества Луганское входит в его состав как уездный город, названный в честь наследника престола Павла Первого; в 1784 г. Павлоград получил статус города, к концу XVIII в. в нем было 426 дворов и 2419 жителей, жили горожане в глиняных мазанках, а первый каменной постройкой был Свято-Вознесенский собор на Соборной площади, см. Матвеевские хутора, Матвеевка, Павлоград;

Лукáны [*Lukany*], порог ниже Старого Кодака: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 3) порог называют *Лоханый*, от-{129}древле так назван...» [Лызлов 1692: л. 139об.] — этимология без ономасиологического обоснования, ср. *Луква* на В. Днестре не совсем ясного происхождения (иллир.?) [Трубачев 1968: 67, 256], см. *Лоханный*;

Лухтурá-ту-Пигáδ (1979), *Лухтуры́ Пигáδ* (1970) балка с криницей на Восточной Заставе (1970) к вост. от с. Красная Поляна, пп Мокрых Ялов, лп Волчьей [Отин 2000: 84–85] — сложный топоним, состоящий из греч. апеллятива *лухтур* или антропонима *Лухтур* (н.-греч. ἀλέκτωρ ‘петух’), артикля τοῦ и сущ. πηγάδι ‘криница, источник’;

Лыся́нка или *Лися́нка* [*Lifianka*]; *Лысянка* или *Лисянка* [*Lifianka*] — зд. поселение близ Александровской крепости у Днепра. Название перенесено поселенцами, выходцами из городка *Лысянка* Чигиринского уезда Малороссии;

Лы́сая гора (1893, 1959, 1963), Эмирилгэ́н Тубэ́ (1963, 1969) возв. на прав. бер. Кальмиуса ниже пос. Старобешево [Отин 2000: 156] — из влр. диал. *лы́сая* ‘голая, безлесая’;

Лы́чный порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 12) порог *Лычный*, отдавна назван тако...» [Лызлов 1692: л. 139об.];

Люби́ Тарама (1973) и *Люби́* Чохрах (1962) балка лп Мокрой Волновахи и родник в с. Старобешево [Отин 2000: 85] — сложные топонимы с прозвищем *Люби́* (Ильины) и варваризмами *тарама* и *чохрах* в составе;

М

Мађарские поля; *Мажарские* поля: «Такожде и в полях *Мажарских* [отнюду же венгры изыдоша] и доныне множество стен, и градов, и твердынь разореных» [Лызлов 1692: л. 10об.]; *Можарские* пустыни: «...и непроходными *Можарскими* пустынями...» [Лызлов 1692; л. 122], ср. в венгерской традиции *Dentumoger* (1150), *Dentü mogyer* (1313) долина Донца (Kiss 1988, I: 364, 384) — страна Мадьярское Подонье, в которой некогда обитали предки венгров [Эрдели 1984: 20–25] — производное с суф. *-ск-* от основы *мађар*, *мажар* из венг. *magyar* (Kiss 1988, II: 65–79);

Майор (Уба) степная возв. в верховье балки Дмитриевой пп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 85] — название по офицерскому чину;

Майорка [Отин 2000] — производное с суф. -*ка* от офицерского чина *майор*;

Македóновка присёлок Сартаны (1914) и с. в Володарском р-не (1906, 1913, 1969) [Отин 2000: 85–86] — производное с суф. -*ов-к-а* от фамилии *Македон*;

Макри́ Хая скалистая возв. близ с. Стыла [Отин 2000: 86] — с греч. μακρή, формой ж. р. прилаг. μακρός ‘длинный, далёкий, дальний, долгий, большой, обширный’ и варваризмом *хая* ‘скала’ в составе;

Макры́ Тарама балка у с. Стыла [Отин 2000: 86] — из греч. μακρή форма ж. р. прилаг. μακρός ‘длинный, далёкий, дальний, долгий, большой, обширный’;

Мал Кал «Яко пишет Гвагнин, описующи их, глаголя, яко идущи ис Перекопи ко Азову недалеко древняго потока, его же татарове называют Агарлиберт, и при реках названных Беин, то есть Большой Кал, и *Мал Кал*, и Муз, — суть поля тако жизненны и обилны травою, яко едва верить тому мощно. Ибо тамо трава в высоту яко тростие морское и мягка зело» [Лызлов 1692: л. 128] — ст.-русск. формы *малъ* ‘малый’ и *калъ* ‘грязный поток’. См. *Калъ*, *Каль*, *Кальчик*;

Мал Ялей (или *Ђалей*?) р(ека) [*Mal Galey R.*], ср. гидроним Н. Дона *Ялы* [Отин 2012: 298, 777] — ногайская произносительная норма *Ђалей* ставит под сомнение урумскую этимологию *ялы* ‘берег’ (*ялó*?), усечение греч. αἰγιαλός ‘морской берег, взморье’, возможно, изв. и в Тавриде (Ялта?); перед нами может оказаться либо ногайский вариант татарск. глаг. *jaylar* ‘проводить лето’, либо сущ. *jali* ‘der mane; грива лошади’ [CodCum 120: 1; 162: 14l];

Малами́зъ Хуйу́ (1966) колодец в с. Ялта [Отин 2000: 86] — из греч. диал. глаг. *μαλαμιζω ‘покрываю позолотой’, производного от н.-греч. основы сущ. μάλαμα ‘золото’, ср. болг. *мàлама*, *мàламо* ‘злато’, *малàмен*, *-ена*, *-ено* ‘позлатен’, *маламòсам*, *маламòсвам* ‘позлатявам’ (БЕР 3: 625), варваризм *хуйу́* ‘колодец’;

Маловодное село (1976), неофиц. название Кичиксу (1968, 1972), ж/д станция Кичиксу [Отин 2000: 71] — скорее, урумская калька влр. *маловодная речка*, по известной еще в Тавриде модели *Микропотамос*;

Мало-Игнатьевка (1921–1923), *Малоигнатьевка* (1976) с. в Волновахском р-не, основанное выходцами из Старо-Игнатьевки [Отин 2000: 86] — с влр. *мало-* в знач. *ново-*;

Малой Иланчікъ [*Maloi Ilanczik*]; *Малой Іланчікъ* [*Maloi Ilanczik*], ср. гидронимы Дона *Малой Буйчик*, *Малой Ертил*, *Малой Затон*, *Малой Колодезь*, *Малой Курлак*, *Малой Лиман*, *Малой Мечек*, *Малой Мечок*, *Малой Урывской*, *Малой Эртилец*, *Малой*, *Малой Валуйчик*, *Малой Липежок* [Отин 2011: 28, 112, 149, 156, 157, 204, 205, 208, 254; Отин 2012: 130, 256, 259, 448, 725] — ст.-рус. словосочетание прилаг. *малой* и уменьшительного производного с суф. -*ик*- от основы *иланец*, в свою очередь первичного уменьшительного с суф. -*ьц*- от основы *илань*, образования на -*ань* от корня *ил*, праслав. **jьlъ*, **jьlo*, **jьla* ‘ил, осадок, глина’ (ЭССЯ 8: 221–222), ср. русск. однокоренные гидронимы *Иловай*, *Иловатая*, *Илово*, *Иловля* и т. п.;

Мало-Керменчик (1906, 1916), *Ма́лый* Керменчи́к (1930, 1976) село на р. Мокрые Ялы у впадения балки Яр Осозы близ с. Новопетриковка, основано в 1906 г. выходцами из с. Керменчик (Старый-Керменчик) [Отин 2000: 88, 115] — с влр. *мало-*, *малый* и варваризмом *керменчик* ‘крепостца, городок’ в составе;

Малоянисольские хутора (1923) расположены вдоль мокрой балки Вели(ка) Тарама, Панна-Ивановка, лп Зап. Кальчика [Отин 2000: 86] — с влр. *мало-* в составе, общее наименование хуторов Гурджи-ту-Хутра, Денис-ту-Хутра, Джавлах-ту-Хутра, Думбалака-ту-Хутра, Папа-ту-Хутра и Ширас-ту-Хутра по селу *Мало-Янисолъ*, из которого они заселялись;

Ма́лый Караты́ш балка, речка пп Гончарихи (Сухой Ялы) [Отин 2000: 88] — с влр. прилаг. *малый* и топонимом *Кара-*

тыш в составе, в противопоставлении смежной балке Каратыш;

Ма́лый Луг, Кичик Тогай в пойме р. Кальмиус [Отин 2000: 40] — с влр. *малый*, *луг* в составе, пример калькирования влр. топонима греками-варварофонами;

Ма́лый Янисоль, *Ма́лая* Ени-Сала, Харахла Ени-Сала, *Мало*-Янисоль, Куйбышево (1946) село, основанное на речке Калка, п Кальчика в 1779 г. выходцами из карасубазарских сёл Ени Сала, Ени Кой, Джемрек, Уйшун [Отин 2000: 42–43] — одинаковые названия сёл Янисоль расподобились посредством присоединения разных прилагательных *малый*, *новый*, *старый* (см.);

Мана́хо-ту-Уба́ (1994), *Мана́ху*-то-Уба курган у с. Малый Янисоль [Отин 2000: 88] — видимо, усвоенная русск. произносительная фарма *мона́ху*, в свою очередь старого цслав. грецизма из греч. μοναχός;

Манёл Тарама, *Мано́л* Тарама, *Манау́ль* Тарама, *Маньел* (1960–1970-е гг.) мокрая балка, речка пп Мокрой Волновахи, пп Кальмиуса [Отин 2000: 89] — с испорченным варваризмом *Мануил* и варваризмом *тарама* в составе;

Мани́ль Уба (1863) курган у с. Васильевки Ст.-Бешевск. р-на близ *Манёл* Тарама [Отин 2000: 89] — с антропонимом *Ман(у)иль* и варваризмом *уба* в составе, см. выше;

Мариу́поль (*Мариамполь*, *Марианполь*) город при впадении р. Кальмиус в Азовское море (1780), основанный вокруг старой крепости (Белочарайка = Кальмиус = Адамаха), и один из кварталов Старого Мариуполя в его нагорной части, сев.-зап. Домахи, на месте крепости Кальмиус после 1775 г. [Отин 2000: 89–95] — скорее всего, название города было целиком перенесено греками-варварофонами с квартала *Маирум*, *Ма́йрем*, *Маурум*, *Мариам*, *Мариамполь* у ворот пещерного монастыря Успения Богородицы, в долине, ведущей в Кале́ (Чуфу́т-Кале́ в стране Ас / Тавриде); указать точный этимон формы *Мариамполь* возможно по аналогии с *Кастру́поль*, *Кастро́поль*, *Hiко́поль* (*Hiки́та*), в котором

поль — рефлекс греч. πύλη, πύλος ‘ворота, портал’, а не πόλι ‘город’; оставлена без внимания и вероятность номинации квартала по родовому имени жителей Μαρια(μ)πούλοι Мариампулы; в Славяносербии интродуцент был переоформлен и переосмыслен в духе «греческого проекта» с ошибкой;

Марьино, *Марьинск*, *Марьинское село*, *Мариам* (1811) селение между кварталом Бахчисарай (сев. часть Старого Мариуполя конца XVIII в.) и центром Мариуполя на Бахчисарайской ул. [Отин 2000: 33, 95] — влр. притяжательная форма *марьин, марьина, марьино* и производное от неё прилаг. с суф. *-ск-*;

Марьинская Площадь (1982) одна из 4 площадей в Мариуполе в пригородном селе или предместье *Марьинское* или *Марьино* [Отин 2000: 95] — с влр. притяж. формой *марьинская*, сущ. *площадь* в составе;

Матвеевка слобода (1774/75–1779), в нач. 1770 г. военный старшина Матвей Хижняк построил зимовник, от которого пошли *Матвеевские* хутора, а позже — слобода *Матвеевка*, с 1779 г. переименованная в *Луганское*, см. *Матвеевские хутора*, *Луганское*, *Павлоград*;

Матвеевские хутора (1770–1775), в нач. 1770 г. военный старшина Матвей Хижняк построил зимовник, от которого пошли *Матвеевские* хутора, см. *Матвеевка*, *Луганское*, *Павлоград*;

Матро́с Хая (1969) скала возле Ст. Карани [Отин 2000: 96] — с влр. *матрос* и варваризмом *хая* ‘скала’ в составе;

Ма́шкас(*-ту-*)Тарама́ балка на вост. окраине с. Б. Каракуба (1967, 1997) [Отин 2000: 96] — греч. оформление влр. ипокористики *Машка* (*Мария*);

Ме́га Пига́д родник в с. Стыла [Отин 2000: 96] — из греч. μέγα формы ср. р. прилаг. μέγας, μεγάλου ‘большой, огромный, высокий, широкий, обширный, просторный, вместительный, длинный, глубокий, великий’, изв. и в Тавриде *Меганом*, и народного географического термина πηγάδι ‘колодезь, криница’;

Ме́га Соха́х/Суха́х глав. ул. с. Чердаклы (1964), глав. ул. в с. Стыла (1969) [Отин 2000: 96] — из греч. μέγα формы ср. р. прилаг. μέγας, μεγάλου ‘большой, огромный, высокий, широкий, обширный, просторный, вместительный, длинный, глубокий, великий’, изв. и в Тавриде (*Меганом*), и варваризма τὸ σοκάκι ‘улица’;

Мега Тау́л Тарама́ (1960–1990-е гг.) большой отрог балки *Тавлу* Тарама лп Кальчика [Отин 2000: 119] — с греч. *мега* ‘большой’ и латинизмом τάβλα, τάβλη ‘конюшня’ в составе;

Мега Тогай/Тугай (1910) балка лп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 96] — из греч. μέγα формы ср. р. прилаг. μέγας, μεγάλου ‘большой, огромный, широкий, обширный, просторный, вместительный, длинный, глубокий’, изв. и в Тавриде (*Меганом*), и варваризма *тогай* / *тугай* в знач. ‘участок земли в пойме реки, нередко заболоченный’;

Мега-ту-Оба/Уба курган возле с. Чердаклы [Отин 2000: 96] — из греч. μέγα, формы ср. р. прилаг. μέγας, μεγάλου ‘большой, огромный, высокий, длинный, великий’, изв. и в Тавриде (*Меганом*), опред. артикля τοῦ и варваризма *оба* / *уба* ‘холм, курган’;

Мега-т-Хая (1964, 1983) скала на берегу Кальчика (Полковой реки) возле с. Чердаклы [Отин 2000: 97] — топоним состоит из греч. μέγα, формы ср. р. прилаг. μέγας, μεγάλου ‘большой, огромный, высокий, широкий, обширный, длинный, великий’, артикля τοῦ и варваризма *хая* ‘скала’;

Мега Уба, *Ту Мега*, *ту* Уба, *Мега ту* Уба, *Мега-т*-Уба (1964) холм между селами Чердаклы и М. Янисоль [Отин 2000: 97] — с греч. μέγα, формой ср. р. прилаг. μέγας, μεγάλου ‘большой, огромный, высокий, широкий, обширный, просторный, длинный, великий’, артиклем τοῦ и варваризмом *уба* ‘холм, курган’ в составе;

Медведь-Могила, Аркды-та-Уба(йда) курган у с. М. Янисоль [Отин 2000: 22] — с влр. *медведь* и *могила* в составе, вместе ‘медвежий курган’, первичен влр. ороним, который был позднее калькирован греко-варварским гибридом;

Медовая Балка 1 в верх. р. Волчьей, 3 в бас. Крынки пп. Миуса [Отин 2000: 30] — с влр. прилаг. *медовая*, четыре балки названы так потому, что в них в изобилии росли цветы-медоносы и располагались пасеки, см. *Солодкая* Балка;

Медового Корня могила, Балтамуры́ Уба́ курган у с. Малоянисоль [Отин 2000: 31] — с влр. прилаг. *медовый* и сущ. *корень* в составе, холм, на котором растёт лакричник, солодка Glycyrrhiza glabra L., см. *Солодка*;

Мелешкас-ту-Пегаδ Тарама; *Мелешкас-ту-Пегад* Тарама (1964) балка пп М. Кальчика у с. М. Янисоль [Отин 2000: 97] — состоит из ипокористики *Мелешко* (*Мелентий*), греч. артикля τοῦ и сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’;

Меотское море, «...от моря *Меотскаго*, то есть Азовскаго, пришельцы, их же называем крымския, монконския, перекопския, белгородские, очаковские и все те народы, иже обитают около езера *Палюсмеотис*, то есть Азовскаго моря» [Лызлов 1692: л. 2, 5] — ст.-русск. производное прилаг. с суф. -*ъск*- от основы заимствования из лат. *Maeotis*, *Maeotae*;

Митки/*Митько* Тарама́ степной курган, могила рядом с балкой Митько Тарама [Отин 2000: 97] — состоит из гипокористики *Ми́тька* (Димитрий) и варваризма со знач. ‘балка, буерак’;

Митрополитская балка пп Кальмиуса, Митрополитское урочище (1901), Митрополитские хутора (1899), хутор Митрополитский Русский и хутор Митрополитский Греческий названы по летней резиденции и загородному дому митрополита Игнатия [Отин 2000: 97] — влр. производное прилаг. с суф. -*ск*- от основы *митрополит*;

Митрополитская, *Митрополичья* улица, одна из продольных улиц старого Мариуполя, на пересечении ее с Торговой улицей находилось подворье митрополита Игнатия (1892) [Отин 2000: 98] — влр. производное прилаг. с суф. -*ск*- или -*ья* от основы *митрополит*;

Миюс [-*mius* в испорченном *Kalmins*] река: «И егда хан прииде на реку *Миюс*...»; «В то же время от иныя страны

государевы воинския люди поидоша *Миюсом* рекою в море за улус ширинских князей к городу Керчи, и тамо много пленивше и языков вземше отъидоша» [Лызлов 1692: л. 153об., 155] — адаптированный варваризм в знач. ‘рог, отрог’;

Мікро Таýл Тарамá меньший отрог балки *Тавлá* (1960–1990-е гг.) лп Кальчика [Отин 2000: 119] — с греч. μικρός ‘малый, маленький, небольшой, немногочисленный, скудный и т. д.’ и латинизмом τάβλα, τάβλη ‘конюшня’ в составе;

Мікро-т-Уба курган близ с. М. Янисоль (1964) [Отин 2000: 98] — где *м(і)кро́* из греч. μικρός ‘малый, маленький, небольшой, немногочисленный, скудный и т. д.’, изв. в Тавриде в гидрониме *Микропотамос*;

Млáр, *Милáр*: к прим., урум. *Гурас*-ту *Милар* и *Лис*-ту-*Млар* Тарамá [Отин 2000] — с испорченным н.-греч. μολάρι ‘мельница’ или правильным греч. μολάρι из лат. *molāris*, *-is* ‘мельничный камень’, ‘глыба’ в составе, всё вместе: ‘(балка) где (некто) катил мельничный камень’, см. *Лис-ту-Млар* и *Млиновка*, *Новомлиновка*;

Мокрая Балка, ручей Кичик Озен, Кичик Узен (1972) пп Дубовки, пп Кальмиуса и Мокрая Балка, речка Кичик-су (1898, 1904, 1957, 1972) пп Кальмиуса [Отин 2000: 71] — с влр. прилаг. *мокрая* и сущ. *балка* в составе, см. *Столовая*;

Мокрая Вольновая (*Волновая*) (1778), *Мокрая Волноваха* полноводное русло главной реки [Отин 2000: 45] — с влр. прилаг. *мокрая* и гидронимом *Волновая*, *Волноваха*, см. *Сухая Волноваха*;

Мокрой Бояракъ, «За адмиралом и ковалером генералом и губернатором Азовским и тайным советником и президентом адмиралтейств графом Феодором Матвеевичем Опраксиным Село *Мокрой Боярак.* В том селе церковь во имя Воздвижения Честнаго и Животворящаго Креста Господня верхнея в ыспoди церковь во имя Святаго великомученика Христова Никиты» [Перепись 1710: л. 9] — с ст.-русск. формой прилаг. *мокрóй* (влр. диал. ***мокрый*** (СРНГ 18: 213)) и сущ. *бояракъ* в составе, ср. гидронимы В. Дона *Мокрой*,

Мокрой Проток и Н. Дона *Мокрой Батай*, *Мокрой Буглай*, *Мокрой Бурлучек*, *Мокрой Груской*, *Мокрой Изюмец*, *Мокрой Разрытой Колодязь*, *Мокрой Чалтор*, *Мокрой Чалтыр*, *Мокрой Чалтырь* [Отин 2011: 28, 149, 156, 168; Отин 2012: 133, 140, 228, 348, 361, 609, 614, 730];

Мокрые Тёрны п Мокрых Ялов [Отин 2000: 33] — с влр. прилаг. *мокрые* и сущ. *тёрны* в составе;

Мокрые Ялы [Отин 2000] — с влр. формой прилаг. *мокрые* и греч. гидронимом *Ялы* в составе;

Монастырская дорога, Тикиђол (1899), Такиђол (1904) верховье балки Сухой Белосарайской [Отин 2000: 119, 123] — возможно, калькирование посредством варваризмов *таки*, *тики* (*такия́*, *текие́*) ‘обитель отшельников, монастырь’ и *ђол*, *ёл*, *йол* ‘дорога’; дорога вела к какому-то монастырю св. Георгия (?);

Монастырь св. Георгия — см. *Монастырская дорога*, *Св. Геωргія / сн Георгі*;

Морской Чулікъ [*Morskol Czulik*] ручей *Морской* Чулек, ср. гидронимы Н. Дона *Чулек*, *Чулеки* [Отин 2012: 615, 774] хутор в Неклиновском р-не Ростовской обл. входит в состав Синявского сельского поселения — с формой прилаг. *морской* и варваризмом *Чулик / Чулек* в составе;

Московка р(ечка) [*Moskowka R.*] речка бассейна Днепра, у устья которой крепость Александровская, ср. гидронимы Н. Дона *Московка* [Отин 2012: 139, 156, 313, 731], на юго-западе стены крепости подтапливались частью *Мокрой Московки*, достаточно длинной и полноводной реки, что брала начало около Софиевки (нынешний город Вольнянск); кстати, название она получила отнюдь не случайно, ведь в построении крепости действительно были задействованы многочисленные московские солдатские гарнизоны; *Мокрая Московка* тянулась дальше, где у восточных укреплений в неё впадал Кушугум; на севере и северо-западе бастионы упирались в берега само́й мелководной *Сухой Московки*; такие особенности расположения выбраны были по той простой при-

чине, что реки являлись дополнительным природным барьером в защите Александровской крепости, которой так и не пришлось держать оборону ни от тогдашнего потенциального врага Российской империи, Турции, ни от кого-либо другого; ср. *Московка* — реки Сухая и Мокрая *Московка* близь Александровской, *Московка* Туросна Картавая в Брянской обл., *Московка* в Калининградской обл., *Московка* в Тюменской обл.;

Мостова́я балка (1898), Копёр Тарама, Кипер Тарама, Купу́рка, Капу́рка (1960-е гг.) пп Кальмиуса [Отин 2000: 64–65] — балка получила свое название по мосту, который был построен через нее в 1-й пол. XIX в., пример калькирования влр. топонима греками-варварофонами;

Муравский шлях, ср. гидронимы В. Дона *Муравка* и Н. Дона *Муравка* [Отин 2011: 27, 536; Отин 2012: 271, 732] — производное русск. прилаг. с суф. *-ъск-* от сущ. *мурава*, ср. гидроним *Мурава* басс. Тетерева, который связывали с дунайским гидронимом *Morava*, *Морава* < *Marus* и *Мурафа* на Днестре [Трубачев 1968: 51, 168, 257];

Мурзинка [*Mursynka*], ср. Мурза Уба [Отин 2000: 98] — производное с суф. *-ин-ка* от основы то ли фамилии *Мурзин*, прозвища *Мурза*, то ли титула *мурза*/*мирза*;

Мынова [*Mynowa*] — топоним образован, якобы, от фамилии владельца (*Мынов*);

Мъловáя балка, Борну Тарама, в окрестностях с. Комар [Отин 2000: 37–38] — название по выходу меловых, известняковых пород, пример точного калькирования влр. топонима греками-варварофонами;

Н

На Ташлы́хе место купания на р. Кальмиус в пос. Старобешево [Отин 2000: 99] — с влр. предлогом *на* и варваризмом *ташлы́х* 'каменистое место' в составе;

Не́где Жить возле пос. Старобешево [Отин 2000: 99] — влр. конструкция, нареч. *негде* и глаг. *жить*;

Ненасытецъ, вар. *Ненасвец* [*Nienafwiec*] порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 7) порог *Ненасытец* вышереченный болши и труднее всех порогов, название таково того ради имеет, яко бы не может насытитися, ломаючи стругов над собою, его же вдоль по реке есть пятьсот сажен...» [Лызлов 1692: л. 139об.] — результат переоформления и переосмысления древнего названия одного из Днепровских порогов «по-славянски» *Неясыть* Νεασήτ X в., славянское знач. 'порог-пеликан' (Константин Багрянородный. Об управлении империей) [DAI: 46–49], ср. цслав. *неѩсыть* 'пеликан', результат стяжения словосочетания *не ѩти сыти* (*сытости*), буквально «ненасытный»;

Нескучненский лес на левом берегу Мокрых Ялов расположен ландшафтный заказник местного значения — позднее переоформление посредством суф. *-ен-ск-* основы прилаг. *нескучный*;

Нижне-Янисоль (1923) с., основанное переселенцами из с. Малоянисоль в 1897 г. [Отин 2000: 100] — с влр. *нижне-* в составе, ср. греч. *кату* в аналогичной функции;

Нікитінская [*Nikitinfkaja*] пограничная двуротная крепость на реке Конка, справа в 20-ти верстах от выхода в долину Днепра (Великий Луг, плавни) (Камышеваха?), ср. гидронимы Н. Дона *Никитина*, *Никитино* [Отин 2012: 108, 131, 356, 524, 530, 734] — собств.-рус. производное с суф. *-ск-* от притяжательной формы *Нікитінъ*, *-а*, *-о* к ЛИ *Нікита*;

Но́вая Кара́куба выселок Аргинь Хара Хоба в 1787 г. [Отин 2000] — с влр. *новая* и варваризмом *Каракуба* в составе;

Но́вая Сартана́ (1904) с. на речке Кальчик пп Кальмиуса, основанное выходцами из Сартаны [Отин 2000: 99] — с влр. *новая* и варваризмом *Сартана* в составе;

Новобе́шево (1896), *Ново*-Бешево (1904), *Новая* Бешево (1913), Яны Кёй (1969) с., основанное выходцами из с. Бешев (Старобешево) [Отин 2000: 99] — с влр. *ново-* и варваризмом *Бешево* в составе;

Новоигна́тьевка (1885), *Новая Игнатьевка* село, основанное валахами, выходцами из с. *Игнатьевки* [Отин 2000: 114] — с влр. *ново-* и топонимом *Игнатьевка* в составе;

Новола́спа (1924, 1929), *Нов. Ласпа*, *Новая Ласпа* село, разросшееся из выселка переселенцев из с. Ласпи (Староласпа) [Отин 2000: 99, 115] — с влр. *ново-* и греч. топонимом *Ласпа* в составе;

Ново-Майо́рское с., основанное выходцами из с. Майорское (Старо-Майорское) [Отин 2000: 99] — с влр. *ново-* и топонимом *Майорское* в составе;

Новомлиновка (1793) [Отин 2000] — с влр. *ново-* и топонимом *Млиновка*, образованным посредством суф. *-ов-к-а* от влр. диал. основы ***млин***, ***млын*** ‘мельничный жернов’ (Сл. Акад. 1847: «стар.»), ‘мельница’ (Сл. Акад. 1847: «обл.»; курск., зап., южн., омск.), ‘омут около водяной мельницы’ (зап.-брян.) (СРНГ 18: 184) в составе;

Новопавловка с., основанное выходцами из с. Павловка Константиновск. р-на [Отин 2000: 99] — с влр. *ново-* и топонимом *Павловка* в составе;

Новосёлка, *Новосёловка* название 10 нп в Донецкой обл., в т. ч. *Ени Сала* на р. Мокрые Ялы, лп. Волчьей с 1780 г. [Отин 2000: 41] — с влр. *ново-* в составе, урумск. калька со знанием дела, так как Ени́ Сала́ ‘новое село’;

Новотроицкое с. Волновахск. р-на, основанное выходцами из с. *Новоянисоль* (1911), *Нижне*-Янисоль (1923) село, основанное переселенцами из с. Малоянисоль в 1897 г. [Отин 2000] — с влр. ново и топонимим Троицкое в составе;

Новоянисоль (1911), *Нижне*-Янисоль (1923) село, основанное переселенцами из с. Малоянисоль в 1897 г. [Отин 2000: 100] — с влр. *ново-* и топонимим *Троицкое* в составе;

Новоянисоль (1911), *Нижне*-Янисоль (1923) село, основанное переселенцами из с. Малоянисоль в 1897 г. [Отин 2000: 100] — с влр. *ново-* и топонимом *Янисоль* в составе;

Новый Керменчик (1793) выселки восточнее с. Керменчик (Старый Керменчик, Старомлиновка), в урочище Дорт-Оба́,

Дорд-Обá, Дортубá четыре бугра [Отин 2000: 115] — с влр. *новый* в составе;

Новый Комар [Отин 2000] — с влр. *новый* в составе;

Носов(к)а [*Nosowra*], речка, впадающая в Таганрогский Лиман, — испорчено *Nosowka*, производное с суф. -*к*- от *Носова* (речка, село), ср. древнерусское поселение *Носовъ* на Руди, которое упоминается в Ипатьевской летописи под 1147 г.; гидронимы Дона *Носов*, *Носова* [Отин 2011: 244; Отин 2012: 12, 735]; подозреваю в данном случае народ. геогр. топооснову *носъ* в знач. ‘мыс, выступ’, которое особенно укрепилось в болг. языке;

Ныпулы́ц-т-Бахчá (1983) сад в с. Чердаклы [Отин 2000: 100] — с остатком греч. артикля *ту*, антропонимом *Ныпулыц* и варваризмом *бахча* в составе;

Ꙁ̌

Ꙁ̌енита, *Ꙁ̌ени-та*-Тарамá [Отин 2000] — скорее всего, гипокористика церковного имени *Ꙁ̌енія* в составе греч. конструкции с определенным артиклем (?);

Ꙁ̌еро Тарамá [Отин 2000] — из греч. ξερός ‘сухой’, изв. в Тавриде: гидроним *Ксеропотамо*;

О

Общественный-ту-Пигаδ (1983) родник в с. Чердакры (Кременёвке) [Отин 2000: 100] — греч. конструкция с влр. прилаг. *общественный*, греч. артиклем τοῦ и сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’ в составе;

Ольховатка [*Olchowatka*], ныне посёлок городского типа, входит в Енакиевский горсовет Донецкой Народной Республики, ср. гидронимы Н. Дона *Ольховатка*, *Ольховата*, *Ольховатая*, *Ольховатая Яруга*, *Ольховатой*, *Ольховатский*, *Ольховатый*, *Ольховатый колодезь* [Отин 2012: 111, 118, 189, 270, 272, 404, 409, 441, 472, 736];

Ольшоватка р(ека) [*Olschowatka R.*] приток Миуса с селом Даниилов Боярак — если это не описка и порча *Оль-*

ховатка, производное с суффиксами -*ев-ат-к*-, ср. польск. ***olszowy***, ***olszewnik***, ***olszownik***, ***olszówka*** (SJP III: 767) и гидронимы Н. Дона *Ольховатка*, *Ольховата*, *Ольховатая*, *Ольховатая Яруга*, *Ольховатой*, *Ольховатский*, *Ольховатый*, *Ольховатый колодезь* [Отин 2012: 111, 118, 189, 270, 272, 404, 409, 441, 472, 736];

О́рликова Чехарлы́ (Тарама́) (1862) балка лп Яр Осозы пп Мокрых Ялов [Отин 2000: 101] — с влр. притяжательной формой фамилии *Орликов* или прозвища *Орлик* и варваризмом *чухурлы́* ‘имеющий ямы, рвы, углубления, ухабы’, производным от тюрк. ***чукур***, ***чухур*** ‘яма, ров, углубление, ухаб’ (Радлов III, 2: 2167), в составе;

Орта *Пай* пашня у с. Комар (1970) [Отин 2000: 101] — с влр. диал. ***пай*** ‘надел, часть, доля’ и варваризмом *орта́* ‘середина’ в составе;

Осикова Верхняя, *Осиковатая*, *Осиноватая*, *Осиновая* (1750-е гг.) речка лп Волчьей выше впадения Мокрых Ялов [Отин 2000: 69] — производные с суф. -*ов-а* от влр. диал. сущ. ***осика*** ‘осина’ (павл., ворон., Нифонтов) (СРНГ 24: 6);

Осикова Нижняя (1792), овраг *Осиковатой*, *Осиковата* (1782), *Осиковатая* (1799), Ниж. *Осиновата* (1769, 1782), *Осиновата* (1783), *Осиноватая* (1787), Хашлахач (1833), Кашлагач (1856, 1904, 1913, 1973) пп Мокрых Ялов лп Волчьей лп Самары [Отин 2000: 68–69] — производные с суф. -*ов-ат*- от влр. диал. сущ. ***осика*** ‘осина’ (СРНГ 24: 6);

Осiновка [*Oslnawka*/*Osinawka R.*], *Осиновка* Нижняя (1743), Ниж. *Осиновка* (1769), Ниж. *Осиновата* (1769, 1782), *Осиновата* (1783), *Осиноватая* (1787) [Отин 2000: 68–69], ср. гидронимы Дона *Осиновка* [Отин 2011: 289, 319, 321, 390, 407, 412, 444, 540; Отин 2012: 44, 48, 79, 279, 738] — производное с суф. -*к*-, от основы *осинов(ая)*, ср. влр. диал. ***оси́новка*** ‘вещь, сделанная из осины’ (СРНГ 24: 8);

Осла́н-*ту*-*Пига́д* (1963) криница в с. Чермалык [Отин 2000: 101] — с испорченным антропонимом-варваризмом

Аслан (Арслан), греч. артиклем τοῦ и сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’ в составе;

Остап-т-Хая (1969) место купания на р. Кальмиус [Отин 2000: 102] — с греч. артиклем τοῦ, адаптированным антропонимом *Остап* и варваризмом *хая* ‘скала’ в составе;

Ота́р-Ба́лка (1972) пп Кальмиуса [Отин 2000: 102] — греч. переоформление с влр. диал. ***ба́лка*** ‘долина, ложбина, длинный и широкий овраг в степи’ (СРНГ 2: 82) и варваризмом ***ота́ра*** ‘стадо коров, коз’ (курск.), ‘загон для скота, для овец’ (вят., южн., курск., новорос.), ‘хлев в ряду нескольких под одной крышей’ (вят.), ‘дом со всеми пристройками’ (киров.) (СРНГ 2: 110) в составе;

Отруб [Отин 2000] — частотный народный географический термин, обозначающий земельный участок частного лица вне общинной земли;

Отрубя́ (1960–1990-е гг.), Топчу Тарама балка возле села Комар, в которой семейство Топчу имело хуторок/отруб [Отин 2000: 124] — вульгарно-греч. форма мн. ч. от термина *отруб*;

П

Павловск город (1775–1780), центр Павловского уезда, который начал строить азовский губернатор Чертков после 1775 г. на месте крепости Кальмиус сев.-зап. Домахи в нагорной части нынешнего Мариуполя, жителями города стали греки-варварофоны из крепости Кале́ (Чуфут-Кале), которые поэтому именовались *халели*(лер), *калеиль*, *калеси* (1892) [Отин 2000: 95], — производное с суф. -*ов-ск*- от основы имени *Павел*, род. п. *Павла*;

Павлоград с образованием Екатеринославского наместничества входит в его состав как уездный город, названный в честь наследника престола Павла Первого; в 1784 г. Павлоград получил статус города; к концу XVIII в. в нем было 426 дворов и 2419 жителей; жили горожане в глиняных ма-

занках, а первый каменной постройкой был Свято-Вознесенский собор на Соборной площади;

Палюсмеотис: «...пришельцы, их же называем крымския, монконския, перекопския, белгородские, очаковские и все те народы, иже обитают около езера *Палюсмеотис*, то есть Азовскаго моря...» [Лызлов 1692: л. 5] — из лат. *Palus Maeotis*;

Пáну Сохах, *то Пáну-ту*-Сохах (1964) улица, часть с. Чердаклы (Кременёвки) [Отин 2000: 102] — с н.-греч. нареч. (ὑ)πάνω ‘наверху, верхнее’, артиклями τὸ, τοῦ и варваризмом *сохах* ‘улица’ (н.-греч. σοκάκι ‘улица’) в составе, ср. *Кату Сохах*;

Папа Дáча (1973) место на берегу Мокрой Волновахи пп Кальмиуса, с. Стыла [Отин 2000: 102–103] — словосочетание, влр. форма род. п. (произносительный вариант *попá*?) или греч. πάππας ‘поп’ и влр. *дáча*;

Папакώми, *Papacomi* итальянских портоланов XIV–XVII вв. — сложение греч. основ πάππας ‘поп’ и κώμη, κώμιον ‘деревня, село’, которая представлена и в Таврической топонимии (*Мускомья*), ср. село *Попово*;

Папáс Бахчá сад в пос. Великая Новосёловка (1973) [Отин 2000: 103] — с греч. πάππας ‘поп’ и варваризмом *бахчá* в составе;

Папáс Тарамá (1937), *Папáз* Тарамá (1973), *Папáс* / *Папаз* Чалган Тарама балка пп Кальмиуса ниже впадения Берестовой речки [Отин 2000: 103] — с греч. πάππας ‘поп’ и варваризмами *чалгáн*, *тарамá* в составе;

Папáс Чалгáн Тарамá (1967) балка у югу от с. Ласпа (Староласпа), там поп имел сенокос [Отин 2000: 103–104] — с греч. πάππας ‘поп’ в составе;

Папá-ту-Хутрá (1994) ст. назв. с. Киряковка, Кирьяковка, Екатериновка, основанного переселенцами из с. М. Янисоль в 1910-е гг. [Отин 2000: 103–104] — ойконим был некогда образован из греч. формы παππᾶ, артикля τοῦ и варваризма *хутрá* ‘хутор’;

Папу́ Чалга́н Тарама́, (1972), испорчено *Папу*яшила (кон. XVIII в.) балка лп Дубровки п. Кальмиуса [Отин 2000: 104] — в первой части словосложения усматривают греч. прозвище или фамилию *Папу*;

Пасха́л Копу́р (1968, 1972), *Пасхал* Кёпир мост через речку Камышеваху пп Кальмиуса возле с. Старобешево, построенный в конце XVIII в. жителем села Митрофаном Пасхалом, с того времени почти ежегодно мост укреплялся камнем и соломой, которые затем смывало весенним паводком [Отин 2000: 104], — с греч. фамилией Πασχαλος и варваризмом *копур*, *кёпир* ‘мост’ в составе;

Пашпандор (Тарама́) (1859), *Пашпандур* (1980-е), *Пашпиндур* (1926) балка пп Капитана лп Волчьей лп Самары [Отин 2000: 104] — греч. фамилия *Пашпандур* явл. переоформлением посредством варваризма *паш* (*баш*) ‘главарь, главный’ сред.-греч. πάνδουροι ‘колядари’, а не *panduri* ‘полицейские в Венгрии’; Брумалии были учреждены при самом начале римского государства самим Ромулом и состояли в том, что зимою, когда прекращались военные дела, царь созывал и кормил у себя во дворце сенаторов и высших сановников. Но не всех одновременно, а сначала тех, имена которых начинались с буквы «Альфа», далее по алфавиту до «Ωмеги». То же самое должны были делать знатные и богатые сановники (патроны) по отношению к своим клиентам, простолюдинам — каждый кормил, кого хотел. Предводители (πάνδουροι) каждого отдельного отряда ἑκάστου αριθμοῦ вечером накануне отправлялись к домам своих патронов (обязавшихся к гостеприимству лиц) и звуками давали знать, что завтра они будут здесь обедать. Во время праздничного пира за столом обильно ели и пили, непристойно шутили, возносили хвалу Дионису Вакху и Бруму как подателям вина и семян, совершали жертвоприношения и возлияния (σπονδη) на алтаре. Этот обычай Брумалий удержался у римлян не только после переноса столицы в Византий, но существовал и в Новом Риме еще долгие века

после этого. В 692 г. Трулльский синод 62-м каноном запретил Брумалии, Календы, Воты и праздник в честь Пана, покровителя домашних животных ((Трул. 62) Никон. Панд.[2], 69. XIII в.): «Сицѣ рекомы каланды и рекомыя воты, и рекомые русалия и еже в а҃ и д҃нь марта м҃сца творимое тържьство (βρουμάλια)». Но этот запрет презирал не только простой народ (как селяне, так и городской люд), праздновавший Брумалии, Календы, Русалии и в VIII и в XII вв., но и знать. При царском дворе наибольшего расцвета праздник Брумалий достиг при императорах Исаврийской династии 717–802 гг. Любопытным свидетельством повсеместного распространения этого праздника по всему Ромейскому царству является его существование в культуре Таврических готов еще в XVI–XVII вв. Там Брумалии были известны под названием *Marzus* — *Nuptiae* ‘короткие дни весёлых свадеб’. Этот геортоним можно реконструировать как **marzus* и полагать заимствованием из туранских (аланских, ясских) говоров Северного Причерноморья, ср. авест. **mərəzu-* ‘kurz; короткий, краткий’, согд. **mwrzk* < праиран. **mr̥zuka-* [Mayrhofer 1977: 62–63];

Ператкýс (1966), *Переткý* вост. часть с. Раздольное [Отин 2000: 105] — переоформленное греч. περάτη ‘край земли’;

Песчаный хутор (1946), *Песчаное* село (1969, 1973, 1976, 1988), балка Сара Яла (1904), Сар-Яр (1936, 1988), Сары Яр (1960-е) основан в нач. XX в. на склонах балки, в которой есть выход на поверхность залежей желтого песка [Отин 2000: 108] — из влр. *песчаный*;

Петровская [*Petrowſkaja*] пограничная батальонная крепость в устье реки Берда, ср. гидронимы Дона *Петровская*, *Петровский*, *Петровский пруд*, *Петровский Яр*, *Петровское*, *Петровской* [Отин 2011: 17, 137, 153, 253; Отин 2012: 40, 96, 612, 741];

Пигáв, реже *пегáв* народный географический термин самого широкого распространения в Славяносербии [Отин

2000] — из греч. сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’, именная основа, отвлечённая от основы глаг. πηγάζειν ‘струить(ся), испускать воду’, в Тавриде не изв., ср. только о-в *Alopegia* (Тузла), неточная лат. транслитерация греч. αλοπηγη, или -ια;

Пікрó Фонтáн, *ту-Пикро-ту-Фонтан* (1972) колодец горько-солёной воды в с. Сартана [Отин 2000: 105] — с греч. πικρός ‘горький’, артиклем τοῦ и латинизмом *фонтан* в составе;

Плетеніскос леімώн [*Pleteniskos Limon*], так называемый *Плетенский Луг* у края Днепровской оборонительной линии — из греч. простореч. производного с суф. -ισκος от основы страд. формы глаг. πληθύνεται ‘увеличиваться, умножаться, быть в изобилии’ (?), или перед нами грецизированная польская форма на *-isko*, от основы *pletny*, *plotny* в производных *pletniak*, *pletnica*, *pletnik*, ср. русск. диал. ***плетени́шко***, ***плете́нь*** ‘плетень’ в разн. знач. (СРНГ 27: 120, 122–125) (?), а *леімώн* — определенно из греч. λειμών ‘заливной луг, пастбище, выгон’, любопытное свидетельство бытования греч. топонимии в регионе еще до начала осуществления «греческого проекта»;

Плетиташ (1875), *Платúс* Тарамá (1966, 1973); *Плятú* Таш (Тарамá) (1962) балка лп Сухой Волновахи, в которой был карьер, где добывали плоский камень [Отин 2000: 106], — порча греч. прилаг. πλατύς, -εῖα, -ύ ‘широкий, широко раскинувшийся, разбросанный, плоский, равнинный’, зд. ‘(камень) плитняк’, возможно, изв. в испорченной форме *Taurorum oppidum Placia* < **Plateia* (πλατεῖα?) и в Тавриде;

Подтежева слободка в Азовской губернии «...что в переписных книгах написано слоботка Подтежева в том селе во имя Покрова Пресвятыя Богородицы» [Перепись 1710: л. 35об.] — вероятно, по имени основателя слободы *Подтежев*;

Покровское село на реке Волчья вода, на которой также расположен город *Павлоград* и посёлок городского типа

Васильковка Павлоградского района; осенью 1763 г. атаман Иван Сирко встретился на Муравском шляхе с большим отрядом татар, разгромил их, взяв многих в плен, после чего вернулся на Сечь; эта битва произошла в районе *Покровского* в день Покрова Пресвятой Богородицы; в память об этой победе позднее слободу и назвали *Покровской*; в память об Иване Сирко западная часть посёлка, на околице которого когда-то произошла битва, и сейчас в народе называется Сирковкой; ср. *Покровское* Азовской губ. «Село *Покровское* что в переписных книгах написано слоботка Подтежева в том селе во имя Покрова Пресвятыя Богородицы» [Перепись 1710: л. 35об.], а также гидроним Н. Дона *Покровской овраг* [Отин 2012: 177, 741];

Попóв (1850-е гг.) хутор возле балки Чехрах (Попóвой) лп Шагары [Отин 2000: 103] — влр. производное с суф. -*ов*- от основы сущ. *поп*.

Попóва балка (1850-е гг.), *Папас* Тарама (1964), *Папа* Тарама (1964, 1983), *Чехрах* (1850-е гг.) лп Шагары (Шиверовой), верх. часть М. Кальчика [Отин 2000: 103] — влр. производное с суф. -*ов*- от основы сущ. *поп*;

Попово село < *Παππάκωμη = *Papacomi* [итальянских портоланов XIV–XVII вв.], ср. село *Попово* Азов. губ. «За лебедянцом за Петром Григорьевым сыном Безлепкиным в селе *Попове* двор крестьянской» [Перепись 1710: л. 7], а также многочисленные гидронимы Дона *Попов*, *Попов Ключ*, *Попов Лог*, *Попов Садок*, *Попов Суходол*, *Попова*, *Попова лога отвершек*, *Попова Лучка*, *Попова Яма*, *Попова яруга*, *Попово*, *Поповы долины отвершек*, *Поповы Луки* и проч. (Отин 2011: 33, 137, 167, 211, 221, 252, 273, 297, 362, 386, 390, 430, 435, 544; Отин 2012: 17, 19, 30, 31, 33, 50, 65, 71, 72, 85, 89, 99, 104, 105, 107, 115, 118, 124, 130, 132, 141, 151, 162, 165, 177, 181, 182, 195, 207, 220, 229, 263, 270, 274, 284, 296, 303, 306, 341, 351, 359, 365, 385, 390, 395, 404, 426, 428, 438, 450, 465, 466, 476, 483, 499, 505, 514, 518, 524, 544, 546, 565, 566, 593, 626, 744] —

примечательный случай греческой топонимии в Лукоморье задолго до «греческого проекта» XVIII в.;

Пороги: «...Яко выше ‖ по Днепру тех соделанных крепостей суть на нем *пороги* каменныя, положением таковы. Чрез всю реку от края до края лежит камение великое, в долготу по реке сажень на пядесят, иной и на сто и болши, являющися из воды так часто, яко вода между того камения с великою быстротою и шумом приходит. И того ради не токмо струги, но и малыя лодки проходят тамо с великим трудом и немалою тщетою людей и запасов...» [Лызлов 1692: л. 139об.];

Почта Тарама (1970, 1979) сухая балка близ с. Красная Поляна, по которой пролегала дорога, возили на лошадях почту [Отин 2000: 106], — из влр. *почта*;

Пресняк Хую́ (1973) [Отин 2000: 106] — то ли апеллятив *пресняк* (= *пресный*), то ли антропоним *Пресняк*, *Пресняков*; может быть интерпретировано и как ‘пресный колодец’, и как ‘Пресняка, Пресняков колодец’;

Принц Оба один из трёх холмов у с. Константинополь [Отин 2000: 106] — с нем. *Prinz* и варваризмом *оба* в составе;

Принц (1923) хутор, Принцфельд (1966), Григорьевка Тельмановск. р-на [Отин 2000: 107] — из нем. *Prinzfeld*;

Принцевская (1973) балка рядом с с. Григорьевка (Принцфельд) [Отин 2000: 107] — влр. производное с суф. *-ев-ск-* от основы *принц*;

Протолцы «Стрийковский, (лист 277, в приписке)... приидоша на урочище *Протолцы* и оттуду двенадесятью днями приидоша на реку названную *Калку*...» [Лызлов 1692: л. 9об.] — неисправня форма мн. ч. ст.-русск. сущ. *протолчь* ‘промытое в твёрдом грунте узкое русло реки’, «Поидоша на конихъ и в лодьяхъ, и придоша ниже порогъ, и сташа в *протолчехъ* в Хортичем островѣ» (Лавр. лет. 277 за 1103) (СлРЯ XI–XVII 20: 264);

Про́хоров Уба́ (1963) курган сев. с. Малоянисоль [Отин 2000: 107] — с фамилией Прохоров и варваризмом *уба́* ‘холм’ в составе;

Пручанык *Стра́та* (1974) дорога из с. Стыла в с. Александровку [Отин 2000: 107] — с греч. латинизмом στράτα ‘дорога’ в составе;

Пул Тарама (1964), *Пултарак* (1850-е гг.) балка пп Кальчика в его устье [Отин 2000: 107] — едва ли с греч. *пули́*, πουλί ‘цыплёнок, птичка’ в составе;

Пухуперну́ Рус (1963) брод через Кальмиус в п. Сартана, соединяющий русскую слободку и грековатую часть села [Отин 2000: 107] — с испорченными греч. прилаг. ἔποχος (ποταμός) ‘удобопроходимый’, нареч. πέραν, πέρην ‘по ту сторону, на противоположном берегу, на ту сторону, на противоположный берег’ и варваризмом *рус* ‘русский’ (?) в составе;

Пятах, *Пятахотка* юго-вост. часть села М. Янисоль, другое название квартала Чемрек (1964) [Отин 2000: 148] — возможно, греч. переоформление влр. *пята́къ* ‘пятикопеечная монета’;

Пять Домов, *Бешев*, *Бешево* — влр. калька варваризма *беш ев* ‘пять домов’, ср. *Пятиизбянская* [Отин 2012: 21] в старорусской части Славяносербии;

Пять Курганов, Беш Оба группа холмов у с. Старый Комар [Отин 2000: 34–35] — пример осознанного калькирования оронима, ср. *Пять Буѥраков* (границы 10 знак) между Бахмутскими, Луганскими и Крынскими Водами (1708), гидронимы *Пятая*, *Пятой*, *Пятый* [Отин 2012: 255, 385, 390, 405, 421];

Ђ

Ђавла́х-*ту-Пига́д* родник в балке Ђавла́х Тарама́, возле хутора Ђавла́х-*ту-Хутра́*, принадлежавшего владельцу по имени или прозвищу *Ђавла́х*, т. е. ‘Плешивый, Лысый’ [Отин 2000: 53] — с антропонимом-варваризмом *Ђавла́х*, греч. артиклем τοῦ и сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’ в составе;

Ђавла́х-*ту-Хутра́* (1907–1917) хутор в долине р. Кальчик у сев. окраины с. М. Янисоль, принадлежал владельцу по

имени или прозвищу *Ђавла́х*, т. е. ‘Плешивый, Лысый’ [Отин 2000: 53–54] — с антропонимом-варваризмом *Ђавла́х*, греч. артиклем τοῦ и влр. сущ. *хутор* в составе;

Ђарты́-*ту-Пига́д* криница в с. М. Янисоль [Отин 2000: 54] — содержит варваризм (антропоним *Ђарты*), греч. артикль τοῦ и сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’;

Р

Ретранжаме́нт на р. Берде, на р. Конке, на р. Волчьи Воды [Отин 2000] — географический термин, скорее военный, нежели народный, из н.-русск. *ретраншаментъ* ‘валъ, окопъ’ (Слов. Акад. 1789–1794 5: стлб. 118: «фран. воен.»);

Роковатая (1779, 1901, 1904, 1914) речка пп Кальмиуса с селениями Сартана-Приморское и Нов. Сартана [Отин 2000: 109] — из влр. *роковатый*;

Ры́бная балка, Балы́х Чихха́н Тарама́ (1972), Балы́х Чихха́н Чохра́х пп Кальмиуса возле с. Староигнатьевка [Отин 2000: 31–32] — балка, криница, ‘где рыба появилась’, так названа потому, что в воде криницы иногда появлялась рыба;

С

Сала́ 1 (нар. геогр. терм.) в составе нескольких ойконимов, в том числе таврических и славяносербских [Отин 2000: 42] — поверхностно считается адаптацией в урумск. говоры произносительного варианта *сяло́* русск. *село́*; ср., впрочем, лит. *salà*, лтш. *sala* ‘Dorf’ (Fraenkel II: 758); ср., впрочем, синдо-меотск. **śālā-* (кафинск. *solata sive tectae*) и др.-инд. *çālā* ‘shelter, roof’, которые ставят под вопрос предполагаемый источник заимствования;

Сала́ 2 в знач. ‘рукав реки’ в составе нескольких гидронимов, в том числе таврических и славяносербских [Отин 2000: 42] — поверхностно выводили из калмыцк., монгольск. *salā* (из буддийск. санскр.?), но ср. скифск. **sālo-*, **sălo-* ‘(дождевая) вода’, гомогенного др.-прус. *salus* ‘дождевой ручей’

(Pokorny: 879–880) или из синдо-меот. **sala*- ‘water, вода’ или **salam* [*Salamvar*] ‘stream’;

Самара [*Samara*] город: «...порог Волный сего ради назвася тако, яко то последний порог и всяк преходяй оныя трудности назовется волный, яко ниже сего нет порогов и по Днепру уже путь волный или свободный, против его же впадает в Днепр и речка Волная с левыя стороны Днепра вниз идущим им, которая дале Самары города идущи степью сорок верст. А все сии пороги минуючи сухим путем прямо есть верст на сорок, а Днепром рекою идущи верст на сто, закривленнаго ради течения ‖ Днепроваго» [Лызлов 1692: л. 139об.], крепость в устье 320-километровой реки *Самары* [*Samara R.*] с притоками, супротив которой основан город *Екатеринослав* в 1776 г., (1776–1796 Екатеринослав, 1796–1802 Новороссийск, 1802–1926 Екатеринослав) — этимология не установлена, ср., впрочем, серб. ойконим *Самар* и согд. *Самар-канд*;

Самара [*Samara*] река, ср. гидронимы В. и Н. Дона *Самара*, *Самарка*, *Самарная*, *Самарская Берека* [Трубачев 1968: 159, 184; Отин 1997: 305–310; Отин 2011: 184, 220, 549; Отин 2012: 224, 225, 751] и, между прочим, серб. ойконим *Самар*, предположительно туранского (вост.-иранск.) происхождения;

Самбекъ река [*Sambek R.*] речка, впадающая в море к востоку от таганрогских укреплений, ср. гидроним Н. Дона *Самбецкая балка* [Отин 2012: 442, 751], ср. Ђамбек (Терновое) — принято считать варваризмом, однако источником этого гидронима может быть не только тюркский языковой мир, но и германский, ср. прагерм. **bǣk* ‘источник, родник, ручей’.

Сараф-*ту*-Ђап (1983) возв. у с. Чердаклы-Кременевка [Отин 2000: 109] — с греч. артиклем τοῦ и двумя варваризмами в составе;

Сара *Яла* (1904), Сар Яр (1850-е, 1906) балка лп Сухой Волновахи лп Мокрой Волновахи пп Кальмиуса [Отин 2000: 109] — с примером половинчатой кальки варваризма *сары-яр*

‘жёлтый овраг’ посредством греч. (αἰ)γιαλός ‘морской берег, взморье’ с последующим переоформлением и переосмыслением, см. *Песчаный* хутор;

Сарма́ ‘протока’ (БТСДК: 472), [Отин 2012: 363] — народный географический термин неясного происхождения;

Са́рма ‘брод, перекат на реке’ (БТСДК: 472), [Отин 2012: 363], ‘узкое место на реке, брод’ (Мурзаев 1984: 498) — народный географический термин неясного происхождения;

Сар-*ту-Вас* Оба, Сартувас (1850-е) степная могила у устья речки Мокрые Ялы лп Волчьей лп Самары [Отин 2000: 110] — с греч. артиклем τοῦ и усеченной основой антропонима *Василий* в составе (?);

Саур, *Савур Могила* ср. гидронимы Н. Дона *Саур* Мосальское и *Саурова* [Отин 2012: 511, 519, 520] — неясный топоним;

Св. Геѡргія / *сн Георгі* / *сн Ђеорђѵ* / *С. Горжі* / *сан Ђеорђіо* / *сан Ђіорђіо* / *С. Ђіорђі* / *сан Жеоржо* / *сан Жоржі*, пристань и монастырь, 18-й порт к западу от Таны: *sn Georgi* [Портоланы LIV — 1320 г.], *sn Georgy* [Портоланы LV — 1321 г.], *san georgio*, *san Giorgio* [Портоланы LX — 1471 г.], *san zeorzo* [Портоланы LXIV — 1542 г.], *san zorzi* [Портоланы LXV — 1542 г.], *S. giorgi* [Портоланы LXVII — 1572 г.], *S. gorzi* [Портоланы LXXI — 1550–1600 гг.]; возможно, монастырь не ортодоксально-католического св. Георгия, а св. апостола Георгия (*Гурђі*, *Ђурђі*) армяногеоргианской арианской секты в Кафе («четвёртая конфессия» наряду с грекоправославной, римскокатолической и армяногригорианской), которого почитали и степные варвары, ср. гидронимы Н. Дона *Святого Антония криница*, *Святой Антоний* [Отин 2012: 441, 752]; примечательный случай существования в ареале топонима, аналогичного распространившимся много позднее с таврическими готогреками;

Селиве́р-*ту*-Ђап (1983) возв. в с. Чердаклы (Кременевка) [Отин 2000: 111] — с греч. артиклем τοῦ и варваризмами в составе;

Семён Чалга́н Тарама́ (1967), *Семён* Чала́ Тарама́ балка в окрестностях с. Белой Каменки [Отин 2000: 111–112] — с влр. антропонимом *Семён* и варваризмами *чалга́н* 'косил', *тарама́* 'балка' в составе;

Семеновская [*Semenowfkaja*] крепость, основанная Петром Великим в 1698 г., а в 1739 г. разрушенная согласно Белградскому трактату, ср. гидронимы Дона *Семеновская*, *Семеновский*, *Семеновское озеро*, *Семеновка*, *Семенова*, *Семенов* [Отин 2011: 79, 269, 338, 457, 550; Отин 2012: 31, 38, 43, 82, 85, 86, 201, 333, 456, 469, 752] — зд. крепость Семёновского полка (?), русское производное с суф. *-ск-* от фамилии *Семёнов*, первичного прилаг. на *-ов-* от *Семён*, варваризма *Симеон* (др.-евр. 'услышание');

**Сера́ф* Хую́, Осра́х Хую́ (1964) колодец в с. Старая Карань (Гранитное) [Отин 2000: 101–102] — с испорченной фамилией *Серафимовы* (*Осрах*) и варваризмом *хую́*, *кую́* 'колодец';

Серматско́й р(учей) [*Sermatskoi R.*] приток р. Миуса — hapax legomenon, вероятно, ст.-русск. производное с суф. *-ьск-* от основы **сермат-*, в свою очередь производной на *-ат-* (ср. *косматый*, *рогатый*) от основы ***сарма́*** 'протока' (БТСДК: 472), [Отин 2012: 363] или ***са́рма*** 'брод, перекат на реке' (БТСДК: 472), [Отин 2012: 363], 'узкое место на реке, брод' (Мурзаев 1984: 498); едва ли гидроним связан общим происхождением с античным этнонимом *сарматы*, *Sarmatae*;

Симено́лия часть с. Урзуф наряду с Жабовкой, Кореей и Морозой [Отин 2000: 112] — неясно;

Скѵѳїа, *Скифия*, «...яко *Скифиа* названа есть от Скифа...» [Лызлов 1692: л. 1, 2] — книжное заимствование из греч. Σκυθία, лат. *Scythia*;

Ско́та Зме́ева (Троянова) пещера на островке ниже Гадючьего Порога, где жил Змей с тремя головами (зап. 1886 г.) [Новицкий 1911: 18, 54] — форма ср. р. мн. ч. греч. σκότος в перен. знач. 'подземный мир, царство тьмы, глубь, недра';

Ско́та Зме́евая глубокая пещера в мысе Нависшая Голова на о-ве Хортица (зап. 1886 г.) [Новицкий 1911: 18, 54] — форма ср. р. мн. ч. греч. σκότος в перен. знач. ‘подземный мир, царство тьмы, глубь, недра’;

Скотова́тая балка, *Скотова́тый* ручей лп Другой Балки, пп Кривого Торца, п. Казённого Торца, п. Северского Донца [Отин 2012: 298] — производное с суф. *-ов-ат-ый* от основы греч. *ско́та* ‘нора, пещера, логовище, нора, нора лисы’, формы ср. р. мн. ч. греч. σκότος в перен. знач. ‘подземный мир, царство тьмы, глубь, недра’;

Скотоватый (2-я пол. XVIII в.), *овраг Скотоватый* (1832, 1846), *балка Скотоватая* (1833, 1885), Ярлизи (1833), Ярлицызы (1850-е), Ярли-Суз (1884), Ярли Сузан (1890), Яр Осозы (1856, 1894, 1904), Яр-Осозы (1913, 1957), Осозы (1875), балка пп Мокрых Ялов лп Волчьей [Отин 2000: 159–161] — производное с влр. суф. *-ов-ат-ый* от основы греч. *ско́та* ‘нора, пещера, логовище, нора, нора лисы’, формы ср. р. мн. ч. греч. σκότος в перен. знач. ‘подземный мир, царство тьмы, глубь, недра’, позднее было неловко калькировано греками-варварофонами;

Скули́ Тарама (1850-е), *Скулю́* Тарама, *Склу* Тарама балка пп Мокрой Волновахи пп Кальмиуса [Отин 2000: 112] — с греч. диал. *скули́*, *скулю́*, *склу́*, *шкли́* (сартанск. г-р), *щили́* (стыланск. г-р), испорченной др.-греч. основой σκύλλη, σκύλαξ ‘щенок, пёсик’, ‘собака’ и варваризмом *тарама́* ‘балка’ в составе;

Собачёвка (1960–1990-е) часть села Стыла [Отин 2000: 155] — название калькировалось греч. σκυλί ‘собака’ и варваризмом *махала́* ‘квартал’, как полагали, в названии отразились окраинное положение и неблагоустроенность этой части села, см. *Щили Махала*;

Солдат Оба (1850-е) степная могила выше устья речки Сухие Ялы возле сел Улаклы и Константинополь [Отин 2000: 112] — с влр. *солдат* и варваризмом *оба* в составе;

Солёная балка одна из трёх «солёных» балок, притоков Шайтанки, пп Мокрых ялов (Ачли Тарама, Солоная (Су) и Солёная) [Отин 2000: 26–27] — из влр. *солёная*;

Солодка, *Солодковатая*, балка Балтамур, Балы Тарама, лп Сухой Волновахи, пп Мокрой Волновахи, пп Кальмиуса [Отин 2000: 29] — балка, в которой произрастало много лакричника, солодки Glycyrrhiza glabra L.; Плиний Секунд писал о скифской траве, растущей вокруг болота Меотиды, очень сладкой и чрезвычайно полезной против астмы;

Солодкая Балка 1) лп Янчула, пп Гайчура, лп Волчьей, 2) пп Солёной пп Волчьей, лп Самары, 3) лп Сухих Ялов лп Волчьей, 4) лп Зап. Кальчика, 5) пп Скородной, лп Обитока, пп Деркула, лп Сев. Донца [Отин 2000: 30–31] — скорее всего, названы так по вкусу воды, ст.-русск. *солодкая* ‘пресная, вкусная, хорошая питьевая вода’ (СлРЯ XI–XVII вв.) и диал. прилаг. *соло́дкiй* ‘сладкий’ (юж., зап.) (Даль IV: 266–267);

Солоная Су [*Solonaja Su*] балка одна из трёх «солёных» балок, притоков Шайтанки, пп Мокрых ялов (Ачли Тарама, *Солоная* (Су) и *Солёная*) [Отин 2000: 26–27] — из ст.-русск. *солоная*; (СлРЯ XI–XVII вв.) и влр. диал. прилаг. ***со́лоный***, ***соло́ный*** ‘в чём есть соль, много соли’, ‘вкуса соли’ (Даль IV: 267, 268);

Сол’о́нiнка рѣчка [*Soloninka R.*] балка, *Соло́ненькая*, *Солёненька(я)* одна из трёх «солёных» балок, притоков Шайтанки, пп Мокрых Ялов (Ачли Тарама, *Солоная* (Су) и *Солёная*) [Отин 2000: 26–27, 31] — произносительный вариант влр. *Солёненька*, названа так потому, что она явл. притоком р. Солёной, поэтому словообразовательная парадигма на *-енькая* указывает на подчиненное положение по отношение к Солёной, а не на характерные качества воды в балке, например, см. *Солодкая*;

Спинђу Тарама (1964) балка у с. Кирьяковка-Екатериновка [Отин 2000: 112] — с греч. фамилией *Спинђ* и варваризмом *тарама* в составе;

Стальмо́ст (1968), *Сталин Мост* место купания в с. Улаклы (1982) [Отин 2000: 112–113] — ‘сталинский мост’;

Старобе́шево (1818, 1892, 1904, 1914), *Бешев* (1896, 1901), *Бѣшево* (1790-е, 1818, 1904, 1913) [Отин 2000: 113–114] — с влр. *старо-* и варваризмом *беш-ев* ‘пять домов’ в составе; населенный пункт, который был целиком перенесен из Тавриды греками-варварофонами из с. Бешев Бахчисарайского каймаканскта, ср., впрочем, ст.-русск. типологический аналог *Пять Избъ*, *Пятиизбянская* в старорусской части Славяносербии; см. *Новобешево*;

Староигна́тьевка (1885) стало именоваться с. *Игна́тьевка* (1779) после выселения из него валахов, основавших *Новоигнатьевку* (см.) [Отин 2000: 114] — с влр. *старо-* в составе;

Старола́спа (1913, 1976, 1991), *Ста́рая Ла́спа* (1967), *Стар. Ла́спа* с. на р. Кальмиус, переименованное с. Ласпи после выселения выселка Новая Ласпи (Новоласпи) между 1913 и 1924 гг. [Отин 2000: 114–115] — с влр. *старо-* в составе, см. Ласпа, Новоласпа;

Старомли́новка Старомлы́новка (1947–1991), *Ста́рый* Керменчи́к (1901, 1904, 1913, 1916, 1930, 1947), прежде Керменчи́к (1818, 1901, 1904), Керменчу́к, Кременчик, основано в 1779 г. переселенцами греками-варварофонами из Таврических сёл Керменчик (465 душ), Албат, Бия-Сала, Улу-Сала и Шюрю [Отин 2000: 115] — с влр. *старо-* в составе;

Старши́н Тарама́ (1962, 1969, 1974) балка лп Сухой Волновахи [Отин 2000: 116] — с влр. *старшина* (земельный участок на склонах балки арендовал под сенокос казацкий старшина) и варваризмом *тарама́* ‘балка’ в составе, вероятно, разрушенный полный изафет *Старшина Чалган Тарама*;

Старый Керменчи́к (1779; 1901, 1904, 1913, 1916, 1930, 1947) село переименовано после образования в 1793 г. выселков восточнее села Новый Керменчик, Ново-Керменчик (Новомлиновка) [Отин 2000: 115] — с влр. *ста́рый* и варваризмом *керменчи́к* ‘крепостца, укреплённый городок’ в составе;

Старый Крым (1779, 1818, 1904, 1912, 1913, 1976), Ески-Крым (1901) пгт в административных пределах г. Мариуполя, прежде входил в Мангушскую волость, основан выходцами из Эски Крым; ж/д станция в 15 км вост. посёлка; Старый Крым Старокерменчикской волости, степная возв. сев.-вост. пос. Володарское; степная могила сев. пос. Старый Крым Володарского р-на [Отин 2000: 116] — с влр. *старый* в составе, русск. полукалька крымского ойконима *Эски Кырым*;

Стиль Оба (1875), *Стыля* Оба (1969) степная могила в верховье отвершка балки Гавриль у с. Стыла [Отин 2000: 116], возвышенность у дороги на Стылу, см. *Стыла*;

Столовая (1745, 1778, 1850, 1884, 1904, 1972), овраг *Столовый* (1832, 1837–1839), урочище *Столовая* (1863), Мокрая Балка, позднее Кичиксу (1898) пп Кальмиуса [Отин 2000: 71] — так как в ней встречаются широкие гладкие камни, подобные столешницам, похожие на столы;

Сторожевая Могила на прав. берегу Кальчика, чуть ниже впадения балки Калец к ю-з от с. Новая Сартана [Отин 2000: 56] — этот курган использовался для осмотра окружающей местности, был *сторожевым* курганом.

Стра́та, Кашлага́ч *Стра́та*, Керменчи́к *Стра́та*, Шайта́нка *Стра́та* [Отин 2000: 69] — из греч. латинизма στράτα ‘дорога’;

Страти / *Трати* Чапохма Тарама [Отин 2000: 124] — с греч. латинизмом сред.-греч. στράτα ‘дорога’ в составе;

Стрежи или *Стрелчи Сурски* [*Streczi*], порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 5) порог *Стрелчий* назван того ради, яко идущее судно чрез его мещет, аки стрелу от лука...» [Лызлов 1692: л. 139об.] — испорченное написание *Strelczi* (Стрелчий) или эмендация «славянского» названия порога Ναστρεζῄ вместо Ναπρεζῄ [DAI] — восходит к др.-русск. предложно-падежному словосочетанию (*порогъ*) *на стръжи* ‘порог на стрежне’, ср. русск. диал. ***стрежа***, ***стреж***, ***стрежь*** ‘середина и самое глубо-

кое место в реке, быстрое течение' (Даль IV: 537; СРНГ 41: 302–303);

Стыля́ (1818, 1892, 1969), *Стыла* (1904, 1914, 1966, 1976), *Стила* (1901, 1904) село, основанное в 1779 г. выходцами из Таврического с. Стиля [Отин 2000: 117] — перенесённый топоним из Тавриды, где ойконим происходил, якобы, из н.-греч. στήλη 'столб, свая', 'надгробный столб', 'пограничный столб', 'межевой знак, мета', 'начальный или конечный столб', 'мемориальный памятник, стела' или др.-греч. στῦλος 'столб, подпора, колонна, свая, брус' (ср. аналогичное использование этой основы в составе сред.-греч. топонима Πολύστυλοι, *Polystyli*, *Полvстvлоi*, средневековый город на руинах Авдиры в провинции Родопи, т. е., 'многоколонный град') [Шапошников 2016]; предложены альтернативные этимологии из греко-лат. воен. *stilus* 'заострённый кол', *stilli caeci* 'замаскированные железные острия', эллиптированного лат. *still[at]i[cius]* 'струящийся по каплям' или гот. *stille* 'тихая, замершая', если считать за первичный гидроним, а не ойконим [Шапошников 2005, 2007, 2009]; но первичная мотивация наименования остаётся пока неизвестной;

Сурски Стрежи [*Surfki Streczi*], *Сурский* порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 2) порог *Сурский* название имеет от реки Суры, которая с тоя же страны Днепра впадает в него...» [Лызлов 1692: л. 139об.] — следует трактовать как 'Сурские стрежи', ср. наименованное одного из днепровских порогов X в. *На стрежи*, «порусски» (Константин Багрянородный. Об управлении империей) [DAI: 46–49].

Сухая (1850-е), Хуру Тарама (1964, 1983) балка возле с. Чердаклы пп Вост. Кальчика [Отин 2000: 144] — влр. прилаг. *сухая* в знач. 'маловодная (балка)';

Суха́я ба́лка, Хуру́ Тарама́ повсеместно в сёлах греков-варварофонов Старобешево, Улаклы, Чердаклы, Большой Янисоль [Отин 2000: 143–144] — широко распространённый народный географический термин (перв. пол. XVIII в.) для

обозначения маловодных оврагов, регулярно калькировался в речи греков-варварофонов посредством варваризмов *хурý* 'сухой' и *тарамá* 'овраг, балка';

Сухая Волноваха (1745, 1756, 1833, 1837–1839, 1846, 1850, 1866, 1895), Хуру Тарама лп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 46, 117, 143–144] — с влр. *сухая* в знач. 'маловодная' для качественного противопоставления *Мокрой Волновахе*;

Сухая Яла (1862) речка лп Мокрых Ялов лп Волчьей лп Самары [Отин 2000: 118] — с влр. *сухая* в составе, согласуется в роде, числе и падеже с подразумеваемым *река*, *речка*;

Сухие Ялы речка лп Мокрых Ялов [Отин 2000: 118] — первичная форма сложного гидронима, образованного по контрасту с *Мокрыми Ялами*;

Сыливер-*ту*-ђап [Отин 2000] — с греч. артиклем τοῦ и варваризмами *Сельвер* и *ђап* (см.) в составе;

Т

Тавлý Тарамá (1875, 1904, 1957, 1973), *Тавлá* (1960–1990-е гг.) балка лп Кальчика [Отин 2000: 118–119] — с греч. латинизмом τάβλα, τάβλη 'конюшня' в составе;

Таволжаный порог; *Таволжаный* порог: «Порогов же тех от тамошних жителей названия суть и сия и:... 11) порог *Таволжаный* того ради назван, яко над ним по берегам Днепровым таволга ростет...» [Лызлов 1692: л. 139об.] — производное от варваризма *таволга*, ср. гидронимы В. Дона *Таволжанец*, *Таволжанка*, *Таволжаное* [Отин 2011: 107, 115, 144, 261, 289, 295, 362, 383, 557];

Таганрогъ [*Taganrog*] полуостров, на котором стоит сильная русская крепость Семёновская; *Таганрогъ* город с 1775 г. — трактуется многими как позднее гибридное словосложение основ варваризма *тайган* и влр. сущ. *рогъ*; но, возможно, перед нами упрощение еще антского словосложения **traganъ rogъ* 'отторгнутый, оторванный рог', рефлекс праслав. **targānъ* 'отторгнутый, оторванный', прич. сов. пр. вр. от глаг. **tъrgati*, **tъrgnǫti* 'отторгнуть, оторвать' (польск.

targać, *targnąć* ‘дёргать, дёрнуть’), однокоренного праслав. **tьrzati*, *-ajǫ*, ‘терзать, терзаю; разрывать’ и др.-инд. лексическому гнезду *tṛih-* ‘терзать, крушить’, *tárh-* ‘терзание, сокрушение’, *dasyu-tárhaṇa-*, *dasyu-tṛinhaṇa-* ‘сокрушение врагов-инородцев’ (Monier-Williams 1964: 440, 441, 453); прежде предлагалась такая реконструкция топонима: **Tъrganъ-rogъ* «изогнутый рог» [Отин 1997: 267–272; Шульгач 1998: 307], ее возможная древняя фиксация Τουργανήρχ (один из трех островков на месте нынешней косы Тузла) [DAI 42: 105]; принцип словосложения тот же, что и в праслав. **Běl(ъ)-gordъ* — Белгород [Отин 1997: 267–272, 311–318], ср. скифскую традицию «кривого рога»: *Hypacyris*;

Таиганурогъ, къ *Таиганурогу*, до *Таиганурогу* (XVII в.) — старописьменная форма, как полагают, первичная, топонима *Таганрог*, состоящая из влр. *рог* в знач. ‘отрог, изогнутый мыс’ и варваризма *тайган*;

Тайганы *Стра́та* (1974) дорога из с. Стыла в Таганрог [Отин 2000: 119] — с греч. латинизмом στράτα ‘путь, дорога’ и варваризмом *тайган*, *тайганы* в составе;

Тала́хи часть с. Бугас (1971) [Отин 2000: 119] — верное толкование топонима на основе греч. варваризма ταλαχά (ср. татар. *талакъá*), адаптированного вост.-слав. *толокá* ‘помощь соседей, односельчан в строительстве дома, вид коллективных добровольных работ поселян’ (блр. *талакá* ‘повинность, добровольная работа в целях взаимопомощи, вознаграждаемая угощением’, влр. *толокá* ‘работа крестьян сообща’, ‘ток’, ‘выгон’; млр. *толокá*, вин. п. *тóлоку* ‘поле под паром’, ‘выгон’); слово имеет раннепраслав. статус **tălkā*, позднепраслав. **tolka* ‘добровольная взаимопомощь, толока’ (ср. болг. *тлакà*, серб. *тлáка*, словен. *tláka*, ‘добровольная работа в целях взаимопомощи, вознаграждаемая угощением’ и польск. *tłoka* ‘толпа, сутолока’) (Фасмер IV: 73) и явный скифо-балто-славянский статус (ср. скиф. **talkē* в составе антропонимов-композитов Ἀνταλκης, Ροιμητάλκης, Σειτάλκης, Σειτάλκου, лит. *talkà*, лтш. *tàlka* ‘работники, призванные по-

мочь’, раннепраслав. **tăl̆kā* ‘добровольная взаимопомощь’) [Шапошников 2015];

Таýл (1960–1990-е гг.) вариант топонима *Тавлý* Тарамá (1875, 1904, 1957, 1973), *Тавлá* (1960–1990-е гг.) балка лп Кальчика [Отин 2000: 118–119] — если перед нами не первичный варваризм *таул* ‘барабан’, то результат порчи греч. латинизма τάβλα, τάβλη ‘конюшня’;

Тахтá (1966) часть с. Николаевка на лев. берегу Мокрой Волновахи пп Кальмиуса [Отин 2000: 121] — скорее варваризм *тахтá* в знач. ‘дощатый, деревянный’, чем совр. русск. *тахтá* ‘широкий диван без спинки, покрытый ковром, материей’ (Ушаков IV: 658);

Терновáтое, село на *Терновой* речке, п Широкого Ялея [Отин 2000] — производное с суф. *-ат-ый* от основы *терновый*, *терновая* см.;

Тернóвая р.(ечка), бáлка [*Ternowaja R.*], *Тернóвый*, *Терновóй* ручей, Ђамбек речка лп Камышеватки, впадающей в Азовское море у пос. Ялта [Отин 2000: 54] — производное с суф. *-ов-* от *тёрн*, такая трактовка позволяет заподозрить в варваризме *ђамбек* некий местный термин со знач. ‘тёрн’;

Терновая речка [*Ternowaja R.*] с селом *Терноватое*, приток Широкого Ялея [Отин 2000], ср. бесчисленные гидронимы Дона *Терновая*, *Терновое*, *Терновка*, *Терновой*, *Терновый* [Отин 2011: 177, 206, 246, 257, 265, 316, 341, 424 и др.; Отин 2012: 29, 33, 34, 64, 65, 75, 97, 98, 129, 160, 224, 292, 314, 385, 426, 433, 443, 448, 459, 488, 490, 500, 508, 511, 513, 517, 531, 534, 558, 563, 564, 581, 592, 593, 596, 599, 602, 616, 763] — русск. производное с суф. *-ов-* от сущ. *тёрнъ*;

Терновка [*Ternowka*] река, ср. Чатал Когем ‘терновая развилка’ место для купания лошадей на берегу речки Мокрые Ялы возле Великоновосёлки [Отин 2000: 147] — влр. производное с суф. *-к-а* от основы *терновый*;

Тéсера Уба(йра) группа холмов у пос. Сартана [Отин 2000: 123] — с греч. числ. τέσσερα ‘четыре’ и варваризмом *убá* в составе;

Тессара Обадича, *Тэсера* Обадича (1994) четыре небольших холма у с. М. Янисоль [Отин 2000: 127] — с греч. числ. τέσσερα ‘четыре’ и варваризмом *обади(ча)* в составе;

Тирныхóр [Отин 2000: 41] — если это цельнолексемное греч. образование, то в нем можно усматривать словосложение τέρην, τέρεινα, τέρεν ‘гладкий, мягкий, нежный’ и χωρίον, χώρη, χώρα ‘деревня’, ‘место, местность’, ‘область, страна, край’, ‘земельный участок, поместье, земельная собственность, земля’, аналогичные сложные ойконимы изв. в Тавриде: Алыпхор, Капсихор, Клухор, Мисхор и т. п.; в противном случае — гибридный топоним с адаптированным вост.-слав. *търнъ* ‘тёрн’ в составе;

Тохланюс (1850-е гг.) балка недалеко от с. Стыла, пп Сухой Волновахи [Отин 2000: 124] — едва ли переоформление греч. варваризма *туфла*, *тухла* ‘кирпич’ посредством неясного суф. *-нюс*, как предполагал Е. С. Отин, скорее, порча греч. зоонима χλούνης ‘дикий кабан-одиночка, вепрь, лежащий в зарослях, сильный вепрь’ и перевод его в сущ. ср. р. посредством артикля τὸ;

Трандафилова хутор (1904) поселение на речке Кашлагач [Отин 2000: 124] — с греч. фамилией *Трандафилов* (производной посредством влр. суф. *-ов-* от основы греч. τριά(κο)νταφύλλον ‘тридцатилистник, т. е. роза’) и варваризмом *хутор* в составе;

Трепия [Отин 2000] — с влр. по происхождению формой мн. ч. на *-ия* от основы греч. сущ. τρύπη ‘отверстие’, ‘дыра’;

Тудóр Обá возв. на территории с. М. Янисоль [Отин 2000: 125] — с греч. антропонимом Θεόδωρος в составе, ср. Таврические топонимы *Ай-Тодор*;

Ту-кáто-ту-Сохáх (1964), *Ту-Като-ту*-Сухáх одна из улиц с. Чердаклы [Отин 2000: 125] — с греч. артиклем τοῦ, нареч. κάτω ‘вниз, вниз с, внизу, под, после, потом, затем’ и варваризмом σοκάκι, *сохах* ‘улица’ в составе;

Ту-мега-ту-сохах (1964) одна из улиц с. Чердаклы [Отин 2000: 125] — с греч. артиклем τοῦ, прилаг. μέγα ‘большой, великий’ и варваризмом σοκάκι, *сохах* ‘улица’ в составе;

Ту-мега-ту-уба возв. возле с. Чердаклы [Отин 2000: 125] — с греч. артиклем τοῦ, прилаг. μέγα, формой ср. р. прилаг. μέγας, μεγάλου ‘большой, огромный, высокий, широкий, обширный, просторный, вместительный, длинный, глубокий, великий’ и варваризмом *уба* ‘холм’ в составе;

Ту-пáно-ту-сохáх (1964), *Ту-Пáну-ту*-Сухáх одна из улиц с. Чердаклы [Отин 2000: 125–126] — с греч. артиклем τοῦ, нареч. ὑπάνω ‘под, внизу’ и варваризмом σοκάκι, *сохах* ‘улица’ в составе;

Ту-пікрó-ту-фонтáн (1972) некогда колодец в с. Сартана [Отин 2000: 126] — с греч. артиклем τοῦ, прилаг. πικρὸ ‘горький’ и влр. *фонтáн* (см. ниже) в составе;

Ту-Сари-Тарама, *Ту*-Сария-Тарама, *Та*-Сария Тарама, *Ту*-Сарин-Тарама, Сары Тарама (1964) балка лп М. Кальчика (Калки) [Отин 2000: 110] — с греч. артиклем τοῦ, τά в составе;

Тучи-ту-Пигад (1983) родник в с. Чердаклы [Отин 2000: 126] — с греч. артиклем τοῦ, сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’ и варваризмом *тучи* (< *тути*) ‘шелковица’ в составе, ср. влр. диал. *тутъ* ‘дерево шелковица, шелкун, тю́тина, шелковичное дерево’, то же ***тю́тина*** (Даль IV: 445, 452);

Тымириц-та-Хаячихья (1994) каменистая возвышенность вдоль реки Кальчик от с. Малоянисоль до с. Кирьяковка [Отин 2000: 126–127] — с греч. фамилией *Темирица* (переоформленной посредством слав. суф. *-иц-а* основы греч. фамилии-варваризма *Темир*), формой ср. р. мн. ч. греч. артикля τὰ и варваризмом *хаячых* ‘скалка’ в форме мн. ч.;

У

Урзуфские *хуторá* (1862), *Зеленые хуторá* (1862) выселки из Урзуфа в устье речки Зеленой [Отин 2000: 128–129] — с влр. произв. прилаг. с суф. *-ск-* от основы топонима *Урзуф*, *Гурзуф*, Γουρζουβίται, перенесённого из Тавриды, и диал. народ. геогр. термином ***хутор***, ***хутора*** ‘мыза’ (петерб.), ‘заимка’ (сиб.), ‘пустошная усадьба, отводная усадебка’, ‘отдельный дом’, ‘изба с ухожами, со скотом и сельским хозяйством’, *chutor*, *futor* ‘фольварокъ’ (польск.), ‘ферма’ (франц.) (?!) (Даль IV: 569) в составе;

Ф

Фесáлия (1996) пастбище возле с. Красная Поляна в том месте, где в 1925 г. был основан одноимённый хутор рядом с хутором Яли [Отин 2000: 130] — мемориальный ойконим в память об исторической обл. Θεσσαλία;

Физыгó Ялáн (1973) луг у с. Стыла [Отин 2000: 130] — будто бы ‘гадючье логово’ с греч. сущ. το φείδι ‘змея’ и варваризмом *ялан* ‘открытое голое место’ или влр. диал. ***еланъ***, ***яланъ*** ‘ровная открытая местность, луг’ (СРНГ) в составе; предлагаю другую трактовку: из греч. ἀφ’ἐζύγον ‘распрягал’ (?);

Филип Тарама (1969) балка возле с. Стыла [Отин 2000: 130] — с греч. антропонимом *Филипп*, Φίλιππος и варваризмом *тарамá* ‘балка’ в составе;

Фитилей б. (1850-е), *Фитилéй* Тарамá (1966), *Фитилúяс* Тарамá (1973) балка пп Сухой Волновахи лп Мокрой Волновахи [Отин 2000: 130] — влр. топоним балка *Фитилéй*, в последних предлагали усматривать групповое прозвище поселенцев, пример адаптации влр. топонима в речи грековварварофонов, ср. влр. диал. ***фитéль*** ‘фитиль керосиновой лампы’ (смол., моск.) и ***фитéль***, ***фúтель*** ‘ставная рыболовная снасть в виде сети на обручах с одним или двумя крыльями’ (смол., арханг., Коми АССР), ***фитúль*** ‘о высо-

ком, худом человеке' (яросл., новг.) и ***фити́ль*** 'ставная рыболовная снасть в виде сети на обручах с одним или двумя крыльями' (вят., вологод., Низ. Печора) (СРНГ 49: 121–123);

Фонта́н в составе *Ту-Пикро-ту-Фонтан* (1972) [Отин 2000: 126] — из новорос. говоров, в которых *фонтан* — это каптированный источник, ср. *фонта́на* (перм.) (СРНГ 49: 139);

Фос (1929) колхоз в с. Константинополь [Отин 2000: 130–131] — идеологизированный эргоним с греч. φώς 'свет' в составе;

Фу́на (1818), Демирджи, село основано в 1779 г. греками-варварофонами из сёл Фуна (Демирджи), Алушта, Улунь-Узень, Микропотамос (Кучук-Узень), Ксеропотами (Куру-Узень), переименовано в Константинополь в 1901 г., жители *фуніωты* [Отин 2000: 74–75] — перенесённый таврический топоним гора *Фуна*, городище Φοῦνα (Алушт.) [Кеппен 1837: 17–18, 158; Dubois de Montpereux 1843: 433; Келлер 1872: 373, 374, 391; Струков 1876: 19; Кондараки 1875: 15; Бертье-Делагард 1886: 211; Он же 1889: 31, 32; Он же 1918: 26; Он же 1920: 5; Марков 1902: 188; Эрнст 1935: 442; Когонашвили, Махнева 1974: 111–122; Домбровский 1974: 43; Мыц 1988: 97–115], для которого было предложено несколько толкований: порча греч. латинизма τὸ φοῦμο, ὁ φοῦμος 'сажа, копоть'; порча (утрата *-r-*) и переоформление (сущ. ж. р. на *-а*) другого латинизма φοῦρνος 'печь, топка' < латинск. *furnus* 'плавильная печь' (Витрувий), ср. греч. топонимы *Фурна*, *Фурни* (остров, пролив) [Греция 1983: 9]; сармато-аланская адаптация синдо-меотск. **pauna-* 'очищающий (огонь)', ср. др.-инд. *pauna-*, *puna-* 'очищающий (огонь)' (Monier-Williams 1964: 633, 651); [Трубачев 1999: 261], начальное *f-* объясняли как следствие адаптации в сармато-аланских диалектах [Трубачев 1977: 21; Он же 1999: 261]; переоформление тавроготск. *fon* (им. и вин. п.), *funins*, *funin* (род., дат. п.) 'огонь' (сущ. ж. р. на *-а*) [Шапошников 2004, 2005, 2007]; первичное значение, похоже, должно быть подобным варваризму

демирджи ‘кузнец по железу’, поэтому перспективен поиск в этом семантическом поле (*фурна*); обозначаемое — руины средневековой крепости XV в. в бывшей деревне Демирджи, ныне Лучистое, а также сама гора Демирджи; по соседству с Фуной есть сторожевое укрепление X–XII вв. Демерджи II и укрепленное поселение того же времени Демерджи I [Мыц 1991: 150–151]; в 1459 г. крепость Фуна была восстановлена великим князем Мангупским и была передана в управление вместе с прилегающей областью Кинсанус соправителю и наследнику Александру, который владел ею до 1472 г.; создатели топонима пока не могут быть указаны со всей определенностью; илл. план крепости, коллаж (вид укреплений, плита с надписью и гербами 1459 г.), план церкви Федора Стратилата [Мыц 1991: 34];

Х

Халмух-*ту-Пигаδ* (1963) криница в с. Чермалык [Отин 2000: 133–134] — название образовано по прозвищу человека («калмык»), выкопавшего криницу на своей земле, с греч. артиклем τοῦ и сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’ в составе;

Хара *Константин* (1850-е гг.) степная могила, бугор на берегу реки Кальмиус ниже места впадения в него Мокрой Волновахи [Отин 2000: 136] — с греч. именем *Константин* и варваризмом *хара́* ‘чёрный’ в составе;

Хара́хла (1964, 1994) юго-зап. часть села М. Янисоль [Отин 2000: 136–138] — результат переоформления посредством варваризма *-лы*, *-ла* некой расширенной основы *хара́х-*, якобы производной от греч. ἡχαρά ‘радость’; мотивация наименования состояла в том факте, что именно в Харахле проводились массовые гуляния молодёжи, которые начинались с народных песен в сопровождении скрипки, зурны, флейты, бубна, парни знакомились с будущими невестами, в конце гуляний проводилась национальная борьба (куреш) и скачки на лошадях;

Харахли-Енисала (1873) второе название села М. Янисоль, жители которого именовались *харахотами* (1873), позднее *харахлотами* (1964) [Отин 2000: 137–138] — ранняя стадия варваризации посредством суф. -*лы* расширенной основы греч. ἡχαρά ‘радость’, см. пред.;

Харахлицкий выезд (1963) выезд из с. Малоянисоль со стороны *Харахлы* [Отин 2000: 138] — влр. переоформление суф. -*ьск-ий* греч. основы прилаг. *харахлiкóс*, образованной от *Харахли*, см. пред.

Хартаха́й-*ту-Пигáд* (1983) родник в с. Чердаклы [Отин 2000: 138–139] — с антропонимом *Хартахай* (варваризм), артиклем τοῦ и сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’ в составе;

Холóдные Тё́рны, Батлахи (1833), Батлаха, Батлах лп Мокрых Ялов, лп Волчьей, лп Самары [Отин 2000: 32] — с влр. прилаг. *холодный* в составе;

Хóра (1975) часть с. Стыла [Отин 2000: 141] — из греч. χώρα, χῶρος ‘деревня, село’, изв. и в Тавриде (Алыпхор, Капсихор, Мисхор);

Хóру (1964) главная часть с. Чердаклы (Кременевка) [Отин 2000: 141] — из греч. χώρα, χῶρος ‘деревня, село’, изв. и в Тавриде (Алыпхор, Капсихор, Мисхор);

Хýтор, *хуторá*, *хутрá*, *Зеленые хуторá* (1862) выселки из Урзуфа в устье речки Зеленой [Отин 2000: 128–129] — с влр. диал. ***хýтор***, мн. ч. ***хуторá*** ‘мыза’ (петерб.), ‘заимка’ (сиб.), ‘пустошная усадьба, отводная усадебка’, ‘отдельный дом’, ‘изба с ухожами, со скотом и сельским хозяйством’, ***chutor***, ***futor*** ‘фольварокъ’ (польск.), ‘ферма’ (франц.) (?!) (Даль IV: 569) в составе;

Ψ

Ψилó-т-Хая́ (1973), *Ψилó* Хая́ (1994) скалистая возв. у с. Стыла [Отин 2000: 107] — с греч. ὑφηλός ‘высокий’, артиклем и варваризмом *хая́* ‘скала’ в составе, изв. и в Тавриде *Псиля Кая*;

Ц

Цыган Тарама (1966) балка лп Мостовой пп Кальмиуса у с. Б. Каракуба [Отин 2000: 145] — с влр. *цыган* и варваризмом *тарама́* в составе;

Цыганка (1850-е, 1875, 1966) балка лп Мостовой пп Кальмиуса [Отин 2000: 145] — влр. производное с суф. *-к-а* от основы *цыган*;

Цыганка (1850-е, 1875, 1966), *Цыганка* Оба (1964) степная могила у истоков балки Цыганка (см.) [Отин 2000: 145] — результат «универбации», ибо холм находится вблизи балки *Цыганка* (см.);

Ч

Чабан Тарама (1964) балка в с. Анадоль [Отин 2000: 145] — влр. диал. *чабанъ* 'овчий пастух, овчар, баранщик' (южн.), глаг. *чебанить* (Даль IV: 579, 585) и варваризм *тарама́* 'овраг, балка';

Чалба́ш-*ту-Пига́д* (1973) балка в с. Б. Каракуба [Отин 2000: 146] — с антропонимом *Чалбаш* (варваризм), греч. артиклем τοῦ и сущ. πηγάδι 'колодезь, криница' в составе;

Чапнава́с-*т*-Хая́ (1964), *Чапныба́ш-*ту*-Хая́ скала в реке Кальчик возле с. Чердаклы [Отин 2000: 146] — с антропонимом *Чапныбаш* (варваризм), остатком греч. артикля τοῦ и варваризмом *хая* в составе;

Чапни́-*т-Хутра́* (1983) земельный участок у с. Чердаклы [Отин 2000: 146] — с антропонимом *Чапны* (варваризм), остатком греч. артикля τοῦ и сущ. *хутор* в составе;

Чапны́-*ту-Пига́д* (1983) родник в с. Чердаклы [Отин 2000: 146] — с антропонимом *Чапны* (варваризм), артиклем τοῦ и сущ. πηγάδι 'колодезь, криница' в составе;

Чапо́хама (1930–1950-е), *Чапо́хма* (1850-е) балка лп Раковатой пп Кальмиуса [Отин 2000: 147] — из урумск. *чапо́хома* 'жёлтая глина', так как в той балке был карьер желтой глины, откуда жители Сартаны брали для хозяйственных нужд

жёлтую глину; композит состоит из не вполне ясного корня *чап-* ‘жёлтый’, соединительного *-ó-* и весьма почтенного др.-греч. χαμά ‘земля, почва’;

Чапóхума (1976), *Чапóхма* (1929) неофиц. название с. Федоровки, основанной греками из с. Чермалык [Отин 2000: 147] — из урумск. ***чапóхома*** ‘жёлтая глина’, селение возникло возле небольшого глиняного карьера, из которого для постройки домов брали жёлтую глину;

Чапóхма две степные могилы на побережье Азовского моря в устье речки Камышеватки и речки Зеленой [Отин 2000: 146] — в результате внешней схожести урумск. ***чапóхома*** ‘жёлтая глина’ подменило некое оригинальное словообразование *τζαπόχωμα ‘курган, на котором стая птиц / стадо овец’ с греч. χῶμα, род. п. -ατος ‘могильная насыпь, курган’ и греч. адаптацией сербохорв. ***ćȁp*** ‘стадо овец’, ‘стая птиц’ из фурл. ***ciap*** ‘stormo d’uccelli in volo’ [Skok I: 349] в составе;

Черманлы, *Черменли*, *Чирманли* (1874), *Чирмалык*, *Чирмалых* (1901), *Чермалик* (1904), *Чермалык* (1904, 1913, 1976) село, основанное греками из одноимённого Таврического села в 1779 г. [Отин 2000: 149] — в этих вариантах топонима усматривали фонетические черты греков-эллинофонов, а именно, ассибиляцию начального мягкого задненёбного *ḱ-*, поэтому топоним реконструируется как **керменли́* или **кермäнлы́* ‘относящийся к крепости, городку, укрытию’, сев.-причерномор. топооснову *кермáн*, *кермéн* напрасно относят к варваризмам, это, напротив, почтенное и.-е. слово, адаптированное в тюркоязычии. В русск. языке конца XVII в. уже изв. *карманъ*, *корманъ* ‘карман’, но в виде антропонима известно много раньше: *Корманъ* имя псковского посадника 1343 г. (2 Пск. лет.), влр. *карман* дополняется млр. спец. *карман*; устоявшееся знач. представляется весьма поздним; мнение о заимствовании из татар. *карман* ‘кошель, мешок для денег’ признано несостоятельным, так как оно само заимствованно из русск.; заимствование из ст.-польск. ***korman***, ***korban*** ‘карман’ оставляет проблему пер-

воисточника слова: порча лат. *crumena* ‘кошелёк’ или продолжение какого-то праслав. слова; без внимания оставлены сев.-причерноморск. формы *kärmän*, *kermän*, *kermen* ‘крепость, убежище, укрытие’, адаптированные в тюркоязычии, но инородные по происхождению; именно они подсказывают идею о бытовании какой-то субстратной и.-е. диал. топоосновы на *-men-* без ожидаемой палатализации *k-* с первичным знач. ‘укрытие, заслон’, из которого позднее развилось перен. знач. ‘часть одежды в виде нашитого или вшитого мешочка’; это туземное слово и было усвоено то ли в вост.-слав., то ли в позднее-праслав. языки без регулярной фонетической адаптации **karmanъ* / **kormanъ* / **kъrmanъ* из синдо-меотского **kărmān*[*am*] в форме мн. ч. (?); косвенное свидетельство в пользу такой этимологии обретаем в санскрите, где санскр. *śárman* считается производным от гл. *śri* ‘to cause to lean or rest on’, ‘lay on or in’, ‘fix on, fasten to’, ‘be supported or fixed or depend on’; прекрасная иллюстрация развития семантики слова от ‘закреплённое, укреплённое на чем-л.’ к перен. ‘укрытие, убежище’; как и в случае с *камнем*, русск. *карман* не отражает ожидаемую палатализацию *k’*-;

Черная Могила, Берлю Оба степной бугор под с. Малый Янисоль [Отин 2000: 34] — в данном случае наименование объекта по цвету почвы;

Черная могила, или Харовба (1875), Хара Оба (1969) холм к сев. от с. Б. Каракуба на прав. берегу Кальмиуса, раньше на холме был казачий сторожевой пост, на котором зажигали костер, оповещавший о приближении противника [Отин 2000: 136] — пример калькирования влр. топонима греками-варварофонами;

Черная Могила (1960–1990-е гг.), Хара Уба (1973) холм около В. Новоселки, с которого чумаки наблюдали за степью, на котором хоронили убитых чумаков и путников [Отин 2000: 136], — зд. прилаг. *чёрный* выступает как выразитель негативной оценки географического объекта, т. е. ‘плохой (холм)’;

Чорзнай (1930–1940-е) балка, *Чорзнай* Тарама, Тарама *Чорт Зна* (1960–1990-е, 1974) лп Дубовки пп Кальмиуса и *Чортзнай* Чохраги родник в лесу Аюдаг в верховье речки Дубовки [Отин 2000: 150–151] — результат порчи влр. высказывания *Чёрт знает (какая) балка*, один из тех случаев, когда вербальное выражение незнания собственного имени географического объекта становится его названием, ср. *Незнай* Сал на Карте Земли Войска Донского 1793 г.;

Чулым балка лп Бакламашевой балки пп Мокрой Волновахипп Кальмиуса [Отин 2000: 151] — гидроним, перенесенный из Сибири при неясных обстоятельствах (когда, кем: ногайцами, русскими?);

Чума́хик Стра́та (1974), *Чумацкий тракт* (1875) дорога из Мариуполя через село Стыла на Ростов [Отин 2000: 151] — греч. прилаг. τζουμαχικός и сущ. στράτα ‘дорога’ калькируют влр. *чумацкий тракт*, см. картину А. И. Куинджи «Чумацкий тракт в Мариуполе» 1875 г. [Архип Иванович Куинджи 1992: 42];

Чумах Уба (1964), *Чумахку* Уба (1963), *Чумахку-ту*-Уба (1994) курган у села М. Янисоль [Отин 2000: 151–152] — с греч. прилаг. *чумахiкос*, артиклем *ту* и варваризмом *уба* ‘холм’ в составе;

Чума́цкий тракт (1875) дорога из Мариуполя через село Стыла на Ростов [Отин 2000: 151] — влр. производное прилаг. с суф. -*ьскъ* от основы *чумакъ*, в сочетании с сущ. *тракт*, см. картину А. И. Куинджи «Чумацкий тракт в Мариуполе», 1875 г. [Архип Иванович Куинджи 1992: 42];

Чумрецкий выезд выезд из юго-зап. части с. М. Янисоль [Отин 2000: 152] — влр. производное с суф. -*ск*- от названия части села *Чумрек* и сущ. *выезд*;

Чучул-та-Хаяйба (1983) холм, состоящий из больших камней, на земельных угодьях грека Караджинова по прозвищу *Чучул* [Отин 2000: 152] — гибридный топоним с формой ср. р. мн. ч. греч. артикля τὰ и варваризмом *хая* ‘скала’ в составе, а *чучул* — старый балканизм, представлен-

ный и в топонимии Тавриды: гора *Чучель* (*Большая Чучель*, *Малая Чучель*) или *Цюцюль*, *Чучельский* перевал (Бахч.) [Крым 1985: 85], толкуется как урумск. передача скифского аналога румынск. субстратного палеобалканизма **ţiuţiul* ‘конусообразный предмет’, ‘верхушка, хохолок’, первичное значение ‘гора-верхушка’, обозначаемое — высокая гора у истоков Альмы и Бешуй-Качи, создатели оронима, вероятно, еще скифы, ср. рум. *ţuţúi* ср. р., *ţuţúri* мн. ч. (= *ţugúi* ср. р., *ţugúri* мн. ч.) ‘конусообразная вершина горы’, ‘предмет конусообразной формы’, болг. *чучу̀л* ‘хохолок у птицы’;

Чучул-т-Хутра (1983) земельный участок возле с. Чердаклы с хутором грека Караджанова (прозвище *Чучул*) [Отин 2000: 152] — с греч. антропонимом *Чучул* (см. выше) и остатком артикля τοῦ в составе;

Ш

Шайта́нка (1972), **Шайтан* **Уба* (?) степная могила на прав. берегу р. *Шайтан*-Сузье южнее с. Новомайорское [Отин 2000: 152–153] — влр. оформление посредством суф. -*к-а* варваризма *шайта́н* ‘сатана, чёрт’, который в географических названиях гор, скал, урочищ, ущелий характеризует опасные или неудобные для проживания и хозяйственной деятельности человека местности, см. *Шайтан*-Сузье;

Шайта́нка Стра́та (1973) одна из дорог в пос. Великая Новоселка, ведущая на запад в сторону речки Шайтанки [Отин 2000: 153–154] — гибридный топоним с влр. *шайта́нка* и греч. *стра́та* ‘мощеная дорога’ в составе, см. *Шайтанка*;

Шайта́н-Сузье (1833), *Шайта́нка* (1856, 1904, 1970), *Шайта́ночка* (1863), она же Лозовая (1778, 1875), Лозоватая (1787, 1930), Лозоватой (1832), Лозоваха (1960–1990-е), Каменная (1875), Каменоватая (1875), речка, пп Мокрых Ялов, лп Волчьей, лп Самары, в устье которой с. Великая Новосёлка [Отин 2000: 153] — варваризм *шайтан* в роли определения со значением ‘чертов, -а, -о’ часто характеризует географические объекты, непривлекательные для человека, в освоении

которых он испытывает большие трудности, малопригодные или совсем непригодные для хозяйственного использования, опасные для жизни (река протекает по каменистой местности, имеет горько-солёную воду); определяемое *сузъе* есть «греч.» форма собират. множ. с влр. суф. *-ъj-е* от урумск. *суза́* 'балка', ср. *Яр Осозы* выше устья Шайтанки, *Камнусуза* бас. реки Молочной в ногайских пределах;

Шахтёрское (1929), Ново-Богатырь, Новый Богатырь (1897–1899, 1916) село в Великоновоселковском р-не [Отин 2000: 154] — в селе была центральная усадьба совхоза «Шахтёр», см. *Богатырь*;

Ширас-та-Плятия (1979) место купания на реке Кальмиус в с. Заможное [Отин 2000: 154] — гибридный топоним с варваризмом *шира* 'вдова', греч. артиклем τὰ и сущ. πλατεία 'площадь' или, скорее, переоформлением прилаг. πλατός 'широкий' в составе;

Ширас-ту-Хутра (1994) основанный в годы Столыпинских реформ хутор у сев. окраины с. Малый Янисоль [Отин 2000: 154–155] — гибридный топоним с варваризмом *ши́ра* 'вдова', греч. артиклем τοῦ (м. р.!) и адаптированным влр. *хутор* в составе;

Широкая балка пп *Каменистой* балки пп речки *Зелёной* (1862) [Отин 2000: 117] — из влр. прилаг. *широкий*, *широкая*, *широкое*;

Ш(ирокий) Ялей [*Sz. Galey*] река, ныне Мокрые Ялы с притоками, ср. гидронимы Дона *Широкий Єрок*, *Широкий Рукун*, *Широкий Яр*, *Широкий Ильмень* [Отин 2011: 455, 565; Отин 2012: 58, 320, 591, 775] — в названии реки усматривали урумское слово *ялы*, что означает 'берег' (см. *Ялей*, *Яли*, *Ялы*), однако теперь это толкование не кажется убедительным; ныне *Мокрые Ялы* — река на Приазовской возвышенности, левый приток реки *Волчьи Воды*; длина реки 147 км; ширина устья составляет 50 м; на реке расположены следующие населённые пункты: Великая Новосёловка, Старомлиновка, Красная Зорька; на левом берегу расположен ландшафтный

заказник местного значения *Нескучненский лес*; у реки Мокрые Ялы есть два правых притока: Кашлагач и Шайтанка, в их устье находится посёлок городского типа Великая Новосёловка; на левом берегу реки обнаружено захоронение авар; наименьшее расстояние от реки Мокрые Ялы до реки Кальчик составляет 4 км; этим пользовались казаки, которые волоком по земле перетаскивали свои чайки; таким образом, был обеспечен водный путь от Днепра до Азовского моря; в XVIII в. река использовалась как торговый путь — по ней ходили баржи и ладьи;

Шумо́к (1960–1990-е), Ширилдаух (1972) ручей пп Дубовки пп Кальмиуса [Отин 2000: 155] — влр. *шумок* в функции определения к *ручей*;

Шурка-т-Хутра (1983) часть села Стыла [Отин 2000: 155] — с влр. гипокористикой *Шурка* (*Сашурка*), греч. артиклем τ(οῦ) и адаптированным влр. *хутор* в составе, название местности по существовавшему некогда хутору;

Щ

Щили́ Махала́ (1974), *Собачёвка* (1960–1990-е) часть села Стыла [Отин 2000: 155] — с греч. σκυλί ‘собака’ и варваризмом *махала́* ‘квартал’ в составе, как полагали, в названии отразились окраинное положение и неблагоустроенность той части села, см. *Собачёвка*;

Ю

Юрга́ч Пега́δ (1963) криница возле села Стыла [Отин 2000: 156–157] — с антропонимом *Юргач* (из Γεωργιάκι) и греч. сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’;

Я

Як Савич Отру́б, *Яков Савич Отру́б* (1982) название местности у с. Улаклы, где в годы столыпинской реформы находился частный земельный участок, принадлежавший Якову Саввичу [Отин 2000: 157] — с антропонимами-варваризмами *Яков* (греч. Ἰάκωβ), *Саввич* и влр. термином *отру́б* в составе;

Ялавас Хутра (1972) выгон вблизи посёлка Старобешево [Отин 2000: 157] — с греч. антропонимом *Ялавас* и адаптацией влр. *хутор* в составе;

Ялей, *Малъ Ялей* р. [*Mal Galey R.*], *В.(ерхний) Ялей* р. [*W. Galey R.*], Ш.(ирокий) *Ялей* [*Sz. Galey*] — любопытный опыт графической передачи гидронима, вероятно, аналога серб. топонима *Ћала* или греч. гидронима Н. Дона *Ялы* [Отин 2012: 298, 777] — форма *Ђалей* или *Ялей* (?) ставит под сомнение урумскую этимологию *ялы* ‘берег’ (*ялό*?), будто бы усечение греч. αἰγιαλός ‘морской берег, взморье’, возможно, изв. и в Тавриде (Ялта?); что перед нами: ногайский вариант татарск. глаг. *jaylar* ‘проводить лето’ или *jali* ‘der mane; грива лошади’ [CodCum 120: 1; 162: 14l]?;

Яли хутор, основанный греками в 1925 г. у сев.-вост. окраины села Красная Поляна на прав. берегу речки Мокрые Ялы рядом с хутором Фессалия [Отин 2000: 157] — то ли контактный перенос соседнего гидронима *Ялы*, то ли осознанное использование греч. апеллятива *яли* ‘берег’;

Ялта (1818, 1901, 1904, 1913, 1976, 1991) пгт в Первомайском р-не, центр Ялтанской волости, основан в 1770 г. греками-эллинофонами из одноимённого Таврического селения, которых, по ведомости А. В. Суворова, было 240 человек; *Ялта* (1921) село Комарского сельсовета на речке Волчья лп Самары [Отин 2000: 157–158] — перенесённый Таврический топоним, в котором усматривают деградацию др.-греч. словосочетания (κώμη) *αἰγιαλίτων ‘(село) береговых (жителей)’ не зафиксированного письменными источниками;

Ялта Бой (1963) название речки Волчьей лп Самары в селе Улаклы [Отин 2000: 158] — греч. словосочетание с перенесённым топонимом *Ялта* и варваризмом *бой* ‘речка’ в составе, см. Ялта;

Ялы / *Яли*; Мокрые *Ялы*, Сухие *Ялы* [Отин 2000: многократно] — похоже на влр. переоформление флексией мн. ч. м. р. -*ы* или -*и* греч. основы сущ. γιαλό ‘берег’, см. *Ялей*;

Яма Були (1972, 1974) балка к зап. от с. Сартана [Отин 2000: 127] — с влр. *яма* в составе;

Яна́ч-ту-Уба́ (1983) курган возле села Чердаклы [Отин 2000: 158] — с греч. антропонимом *Янач* (цслав. *Ѥнакїй*, *Iωаннакїй*, греч. Ιωαννάκι), греч. артиклем τοῦ и варваризмом *уба* ‘холм’ в составе;

Я́сная Поля́на; село Шахтёрского сельсовета, основанное греками из с. Ново-Богатырь (Шахтёрское) в 1911 г. [Отин 2000: 161] — влр. словосочетание с положительной коннотацией, ср. Красная Поляна;

Яу́з (1971–1972), *Яу́с* (1960–1990-е) окраинная часть села Степановка Новоселковского сельсовета, основанного греками в 1921 г. [Отин 2000: 161] — предполагали греч. адаптацию варваризма *ауз* ‘устье’, но возможно тождество с гидронимом *Яуза*;

Ячи́м-ту-Пига́д (1983) родник в с. Чердаклы [Отин 2000: 161] — словосочетание греч. антропонима-варваризма *Ячим* (*Яким*, цслав. *Iωахим*, греч. Ιωακιμ), артикля τοῦ (форма род. п. определённого артикля) и н.-греч. сущ. πηγάδι ‘колодезь, криница’, ‘родник, источник’;

Ѥ

Ѥнакїево (1883, 1926, 1939, 1971), *Енакиевский* мталлургический завод (1921), Петровский завод (1895, 1897, 1921) город на р. Булавин пп Миуса возник в связи с разработкой богатых каменноугольных месторождений (БСЭ 9: стлб. 238, 239) — влр. производное с суф. -*ев*- от основы антропо-

нима *Юнакій*, *Янакій* = цслав. *Іωаннакій*, греч. Ιωαννάκι, см. *Янач-ту-Уба*.

Литература и источники

Архип Иванович Куинджи 1992 — Архип Иванович Куинджи 1842–1910. К 150-летию со дня рождения / Отв. ред. Г. С. Чурак. М.: Гос. Третьяков. галерея, 1992. 48 с.: ил.

Бертье-Делагард 1886 — *Бертье-Делагард А. Л.* Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя // Записки Одесского общества истории и древностей. 1886. Т. 14. С. 166–279.

Бертье-Делагард 1889 — *Бертье-Делагард А. Л.* Керменчик (Крымская глушь). Одесса: Типография Южно-русского общества печатного дела, 1899. 47 с.: ил.

Бертье-Делагард 1918 — *Бертье-Делагард А. Л.* Каламита и Феодоро // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1918. № 55. С. 1–44.

Бертье-Делагард 1920 — *Бертье-Делагард А. Л.* Исследования некоторых недоуменных вопросов средневековья в Тавриде // Известия Таврической ученой архивной комиссии. 1920. № 57. С. 1–134.

Греция 1983 — Греция. Указатель географических названий. М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1983. 9 с.

Домбровский 1974 — *Домбровский О. И.* Средневековые поселения и «исары» Крымского Южнобережья // Феодальная Таврика: Материалы из истории и археологии Крыма / [Отв. ред. С. Н. Бибиков]. Київ: Наукова думка, 1974. С. 3–56.

Келлер 1872 — *Келлер.* Донесение, представленное Императорской академии наук академиком Келлером о путешествии его в Крым в 1821 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. 1872. Т. 8. С. 372–396.

Кеппен 1837 — *Кеппен П. И.* Крымский сборник. О древностях южного берега и гор Таврических. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1837. 415 с.: ил.

Когонашвили, Махнева 1974 — *Когоношвили К. К., Махнева О. А.* Средневековая Фуна // Феодальная Таврика: Материалы из истории и археологии Крыма / [Отв. ред. С. Н. Бибиков]. Київ: Наукова думка, 1974. С. 111–123.

Кондараки 1875 — *Кондараки В. Х.* Универсальное описание Крыма. СПб.: Типография В. Веллинга, 1875. Ч. 15. 88 с.

Крым 1985 — Крым / Отв. ред. атласа В. Ф. Северинов. М.: Главное управление геодезии и картографии при Совете Министров СССР, 1985. 128 с.

Ласковскій 1869 — *Ласковскій Ф. Ф.* Матеріалы для исторіи инженернаго искусства въ Россіи. Рукопись. Ч. IV. 1869.

Лызлов 1692 — *Лызлов А.* Скифская история / Подг. текста, коммент., аннотир. указатель имен А. П. Богданов; отв. ред. Е. В. Чистякова. М.: Наука, 1990. 520 с. (Памятники исторической мысли).

Марков 1902 — *Марков Е.* Очерки Крыма. Картины Крымской жизни, истории и природы. С 257 картинами и рисунками. 3-е изд. М.; СПб.: Издание Товарищества М. О. Вольф, 1902. XI, [3], 520, IV с., 15 л. ил.

Мыц 1988 — *Мыц В. Л.* Некоторые итоги изучения средневековой крепости Фуна // Архитектурно-археологические исследования в Крыму / Отв. ред. С. Н. Бибиков. Київ: Наукова думка, 1988. С. 97–114.

Мыц 1991 — *Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. / Отв. ред. Г. Ю. Ивакин. Київ: Наукова думка, 1991. 164 с.

Новицкий 1911 — *Новицкий Я. П.* Народная память о Запорожье. Предания и рассказы, собранные в Екатеринославщине 1875–1905 гг. (Репринтное воспроизведение издания 1911 года). Рига: Спридитис, 1990. 118 с.: ил.

Отин 1994 — *Отин Є. С.* Лімнографічні терміни ільмень та ліман у топонімії Східної України та Подоння (до питання про взаємопроникнення і взаємодію суміжних близькоспоріднених онімічних полів) // Питання історичної ономастики / Відп. ред. О. П. Карпенко. Київ: Наукова думка, 1994. С. 53–63.

Отин 1997 — *Отин Е. С.* Избранные работы. Донецк: «Донетчина», 1997. 470 с.

Отин 1999 — *Отин Е. С.* Топонимия селений в бассейне реки Кундрючей (Красносулинский, Белокалитвенский и Усть-Донецкий районы Ростовской обл.) // Сельская Россия: прошлое и настоящее: Доклады и сообщения седьмой Российской научно-практической конференции (Тула, ноябрь 1999 г.) / Ред. А. В. Петриков, З. В. Рубцова. М.: Энциклопедия Российских деревень, 1999. С. 237–239.

Отин 2000 — *Отин Е. С.* Топонимия приазовских греков (историко-этимологический словарь географических названий). Донецк: Донецкий гос. ун-т; Мариуполь: [б. и.], 2000. 195 с.

Отин 2011 — *Отин Е. С.* Гидронимия Дона: монография в 2-х т. Т. 1: Верхний и Средний Дон. Донецк: Юго-Восток, 2011. 575 с.

Отин 2012 — *Отин Е. С.* Гидронимия Дона: монография в 2-х т. Т. 2: Нижний Дон. Донецк: Юго-Восток, 2012. 792 с.

Перепись 1710 — Перепись 1710 года: Азовская губерния: Переписная книга города Лебедяни и уезда новопоселенных сел и деревень переписи И. А. Дамогацкого (РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 1134. Л. 1–115).

Портоланы LIV–LXXIII — *Almagia R.* Monumenta Cartographica Vaticana, I, Citta del Vaticano, 1944. Славянски рукописи, документи и карти за българската история от Ватиканската апостолическа библиотека и секретния архив на Ватикана (IX–XVII век). София: Изд-во Наука и изкуство, 1978. LIV = Cod. pal. lat. 1362a, f. 2v-3r; LV = Cod. vat. lat. 2972, f. 107r; LVI = Pal. lat. 1362b; LVII = Borgiano XVI; LVIII = Borgiano V; LIX = Vat. lat. 9015; LX = Cod. vat. lat. 9016; LXI = Borgiano VII; LXII = Borgiano VIII; LXIII = Borgiano XIII; LXIV = Cod. pal. lat. 1886; LXV = Cod. Barb. lat. 4357; LXVI = Cod. barb. lat. 4431b; LXVII = Cod. barb. lat. 4394; LXVIII = Borgiano X; LXIX = Borgiano VI; LXX = Borgiano XI; LXXI = Cod. Urb. lat. 1710; LXXII = Borgiano IV; LXXIII = Vat. lat. 1428.

Струков 1876 — *Струков Д. М.* Древние памятники христианства в Тавриде. М.: Университетская типография М. Катков, 1876. 51 с.

Трубачев 1968 — *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. М.: Наука, 1968. 289 с.

Трубачев 1977 — *Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопросы языкознания. 1977. № 6. С. 13–29: карт.

Трубачев 1993 — *Трубачев О. Н.* К истокам Руси (наблюдения лингвиста). М.: Международный фонд славянской письменности и культуры, 1993. 68 с. (Славянские тетради).

Трубачев 1999 — *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.

Челеби 2008 — *Челеби Э.* Книга путешествия. Крым и сопредельные области: Извлечения из сочинения турецкого путешествен-

ника XVII века. Изд. 2-е, испр. и доп. / Пер., вступ. ст. и коммент. Е. В. Бахревского. Симферополь: Изд-во «ДОЛЯ», 2008. 272 с.

Шапошников 2004 — *Шапошников А. К.* Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Готия // Київська старовина. 2004. № 6. С. 74–115.

Шапошников 2005 — *Шапошников А. К.* Древнейшая ономастика Таврического полуострова. 1. Сурожская земля // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 111–125.

Шапошников 2007 — *Шапошников А. К.* Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Боспор Киммерийский // Студiї з ономастики та етимологiї. 2007 / Ред. кол.: В. П. Шульгач (вiдп. ред.) та iн. Київ: Пульсари, 2007. С. 316–326.

Шапошников 2008 — *Шапошников А. К.* Крачун и Коляда. Истоки славянской традиции. Этимологический и культурологический аспекты // Вестник Кыргызского Национального Университета им. Жусупа Баласагына. Серия 1(6). 2008. Вып. 2 (1–5, внепл.). Социальные и гуманитарные науки. Литературоведение. Языкознание. Культурология. С. 199–208.

Шапошников 2009 — *Шапошников А. К.* Семиотический метод описания языкового знака в практике этимологии и ономастики // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология. Материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / [Под ред. Е. Л. Березович]. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2009. С. 287–288.

Шапошников 2011 — *Шапошников А. К.* Древнейшая ономастика Таврического полуострова. Словарь древнейшей ономастики Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011: Сб. статей / Сост. Ю. А. Беляев. Симферополь: Универсум, 2011. С. 271–444.

Шапошников 2015 — *Шапошников А. К.* Новороссия первоначальная. Топонимические и топографические свидетельства (по состоянию на 1774/5 г.) // Реквием филологический. Памяти Е. С. Отина. Кн. 1. Сборник научных трудов / Гуманитарный центр «Азбука». К.: Издательский дом Дмитрия Бураго, 2015. С. 15–73.

Шапошников 2016 — *Шапошников А. К.* Северно-причерноморский ареал микро- и макротопонимии позднего праславянского языкового состояния // Nazwy terenowe i miejscowe w przestrzeni fizycznej. Geographical names in physical space /

Red. A. Gałkowski, R. Gliwa. Łódź: Wydawnistwo Uniwersytetu Łódzkiego, 2016. C. 123–135.

Шапошников 2017 — *Шапошников А. К.* Историческая топонимия и народные географические термины Новосербии XVIII–XX вв. // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2017. СПб.: Нестор-История, 2017. С. 539–632.

Шульгач 1998 — *Шульгач В. П.* Праслов'янський гідронімний фонд (фрагмент реконструкціі) / Відп. ред.: І. М. Железняк. Киïв: [б. в.], 1998. 337 с.

Эрдели 1984 — *Эрдели И.* Венгры на Дону // Маяцкое городище: труды советско-болгаро-венгерской экспедиции / [Отв. ред. С. А. Плетнева]. М.: Наука, 1984. С. 20–25.

Эрнст 1935 — *Эрнст Н. Л.* Историко-археологические памятники южного берега Крыма // Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма: Материалы районной планировки ЮБК. Симферополь: Государственное издательство Крым. АССР, 1935. С. 425–443.

CodCum — Codex Cumanicus. Ed. by Géza Kuun with the prolegomena to the Codex Cumanicus by Louis Ligeti / [Ed. by É. Apor, E. Shütz]. Budapest: Kőrösi Csoma Soc., 1981. cxxxiv, 395 p., portr.

DAI — Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. Gy. Moravcsik. Washington, 1967; Константин Багрянородный. Об управлении империей: Текст, перевод, комментарий / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. М.: Наука, 1991. 496 с.

Dubois de Montpereux 1843 — *Dubois de Montpereux F.* Voyage autour du Caucase, cher les Tcherkesses et les Abkhases, en Colhide, en Georgie, en Armenie et en Crimée. Peris, 1843. T. 6. 461 p.

Mayrhofer 1977 — *Mayrhofer M.* Iranisches Personennamenbuch herausgegeben von Manfred Mayrhofer. Bd. I. Die altiranischen Namen. Wien: Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaften, 1977. 113 p. (Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sonderpubtikation der Iranischen Kommission).

Santini 1777 — [*Santini.*] La Crimée, La Nouvelle Russie, les Tatares Nugay et d'Oczakow, les Zaporoviens, et partie de la Circassie. Venise: [G. Remondini], 1777. 1 carte.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 642–660. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201840

Некоторые аспекты исследования процессов морфемообразования в русских народных говорах

Л. Г. Яцкевич

В статье исследуются источники, предпосылки и направления процессов морфемообразования в русских народных говорах. Рассматриваются методы и основные задачи изучения этих процессов, такие, как выявление первичных корней, на основе которых формируются вторичные корни в диалектной сфере. Анализируются конкретные исходные праславянские корни, которые в свободном (не связанном) состоянии сохранились только в диалектных лексемах, а в литературном языке отсутствуют или обнаруживаются только в статусе связанных корней или субморфов. Прослеживаются процессы морфемообразования в говорах на базе исторических алломорфов исходного корня, а также на базе однокоренных праславянских основ, включающих в свой состав детерминативы. На отдельных примерах рассматривается первичный синкретизм праславянских корней как предпосылка для дальнейшего образования на их основе новых корневых морфем в говорах. Ставится задача определения языкового статуса как первичных, так и производных корневых морфем в русских народных говорах.

Ключевые слова: морфемообразование, праславянский, семантический синкретизм корня, исторические алломорфы, детерминативы, производные корни, сильные морфемы, слабые морфемы.

Создание «Словаря русских народных говоров» и других диалектных словарей подготовило базу для постановки новых задач исследования в области русской диалектологии. К ним относятся и проблемы изучения процессов морфемообразования в русских народных говорах.

Морфемообразование — сложный и многоаспектный исторический процесс. В силу того, что в русских говорах

сохранилось значительное количество слов праславянского и древнерусского происхождения, которые отсутствуют в современном литературном языке, диалектные словари, наряду с этимологическими и историческими словарями, дают ценный материал для наблюдения над процессом образования морфем в истории русского языка. Применительно к морфемному уровню языка вопросы эволюции обычно рассматриваются не как самостоятельная проблема, а в связи с исследованиями по этимологии и историческому словообразованию русского языка. Между тем эволюционные процессы имеют свою специфику на различных уровнях языка и отличаются исходными причинами, хотя, безусловно, между собой связаны.

В эволюционной морфемике исследование процессов морфемообразования и изменения функционального и структурного статуса морфем включает несколько этапов: 1) на основе этимологических исследований определяется исходный праславянский корень в системе исторически родственных слов одного этимологического гнезда; 2) на основе данных исторической морфонологии выявляется система исторических алломорфов этого корня; 3) на основе данных исторической лексикологии и диалектологии изучаются семантические процессы, происходящие в структуре производных слов, и выявляются исторические изменения в их морфемной структуре; 4) на основе полученных данных определяется морфемный статус этимологического корня в структуре современной лексемы: свободный (сильный) корень; связанный (слабый) корень; субморф в составе нового производного корня; звуковой комплекс в составе нового производного корня. Данная методика исследования эволюционных процессов в морфемике была использована в ряде работ вологодских лингвистов [Яцкевич 2002, 2006, 2008, 2011, 2015; Рыбакова 2003; Колесова 2007, 2008, 2012, 2015; Иванова 2017].

Далее рассматриваются основные задачи и методы изучения процессов морфемообразования в русских народных говорах.

1

Важной задачей является **выявление первичных корней**, на основе которых формируются вторичные корни в диалектной сфере в различные периоды развития русского языка. На кафедре русского языка Вологодского университета в течение последних двадцати лет проводились исследования исторических гнёзд с исходными праславянскими корнями, на базе которых образуются вторичные корни[1]. На основе данных исторических и диалектных словарей были выявлены следующие корни праславянского происхождения, продуктивные в сфере диалектного морфемообразования: *би-* (> *бой-*, *бей-*, *бид-*, *бич-*), *бер-* (> *бр-*, *бир-*, *бор-*, *берем-*), *год-* (> *год-*, *год-*, *год-/гож-*, *погод-*), *ли-* (> *лоj-*, *лё-*, *лы-*, *лаj-*, *слой-*), *ви-* (> *вин-*, *вил-*, *вил-*, *ваj-*, *выj-*, *вен-*, *вет-*),

[1]Под научным руководством Л. Г. Яцкевич подготовлены по данной теме следующие работы: *Григорьева М.* Эволюция корневого гнезда *би-(ть)* в русском языке. Дипломная работа. Вологда, 1998; *Григорьева М.* Эволюция корневого гнезда *би-(ть)* в русском языке // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. VI. Вологда, 1998. С. 39–52; *Мигунова О.* Структурно-семантические особенности исторического гнезда с корнем *пряг-/пряж-* в русском языке // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. IV. Вологда, 1996. С. 16–21; *Рыбакова И.* Эволюция корневого гнезда с вершиной *брать* (**бърати*) в истории русского языка // Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. VI. Вологда, 1998. С. 53–71; *Казакова О.* Эволюция исторического гнезда с корнем *год-* в русском языке. Дипломная работа. Вологда, 2000; *Рыбакова И. Ю.* Процессы гнездообразования и семообразования в историческом гнезде с этимологическим корнем **ber-*. Дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2003; *Фокина А. А.* Эволюция исторического гнезда с корнем **zi-*/**goj-*/**gaj-* в праслаянском и древнерусском периодах. Дипломная работа. Вологда, 2003; *Колесова И. Е.* Функциональная и семантическая дивергенция в историческом корневом гнезде с этимологическим корнем **lei-*. Дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2009; и др.

жи- (> *гој-*, *гај-*, *жил-*, *жир-*), *пи-* (> *пеј-* / *пј-* / *пој-* / *пај-*), *рез-* (> *рез-* // *реж-* // *раз-* // *раж-* // *роз-* // *рож-*) и др.

Отметим, что существует ряд исходных праславянских корней, которые в свободном (не связанном) состоянии сохранились только в диалектных лексемах в русских говорах, а в литературном языке совсем отсутствуют или обнаруживаются только в статусе связанных корней или субморфов. Приведем примеры таких **диалектных корней**.

Праславянский корень **-dob-* (ЭССЯ 5: 47) в свободном статусе сохранился только в говорах: ***доб*** 'хорош' *Сарафан-то доб у тебя. Вон на картоцке-то до цего доб!* (СВГ 2: 30; СРНГ 8: 72–73) и 'силён, здоров' (СРНГ 8: 72–73).

Праславянский корень **-bas-* (ЭССЯ 1: 162) также используется только в диалектных словах: ***баса*** 'красота' *Для басы наделато*; *Какая баса, я не ушла бы, всё глядела бы*; ***бас*** 'резное украшение на окнах дома, на наличниках' *Топерь-то эдаких басов на окнах уж не делают* (СВГ 1: 17).

Праславянский корень **-bai-* (ЭССЯ 1: 137) в говорах является свободным: ***бай*** 'веселый рассказчик, говорун' (СРНГ 2: 52), ***бая*** 'прозвище веселой говорливой женщины' (СРНГ 2: 167).

Составители «Этимологического словаря славянских языков» под редакцией О. Н. Трубачева рассматривают этимологическое родство праславянских корневых морфем **bat-* / *bot-*, привлекая материалы славянских и индоевропейских языков, а также русских говоров (ЭССЯ 1: 161, 164–167; ЭССЯ 2: 224; ЭССЯ 3: 101–103). По данным «Словаря вологодских говоров», а также «Словаря говоров Русского Севера» и «Словаря русских народных говоров», диалектизмы с рассматриваемыми праславянскими этимонами представлены очень широко в русских говорах. Причем исторический алломорф **bat-* сохранился как самостоятельный корень только в говорах: ***бат*** 'небольшая лодка, выдолбленная из цельного куска дерева' *Делали бат: дерево толстое выдолбили и ездили, по бокам приделывали крылья, чтобы оно*

не опрокинулось. В-Уст. Едково; ***бати́на*** *На батине плавала.* Сямж. Марковская (СГРС 1: 55, 56); ***ба́тник*** (СРНГ 2: 144); ***ба́тик*** *Батики-то уж стали ни к чему, всё через лаву ходят.* Верх. Берег. (СВГ 1: 19).

Только в говорах встречается свободный праславянский корень **-er-*: ***ер***, м. ‘плут’ Курск.; ***ера***, м. и ж. 1. ‘живой, бойкий человек’ Курск., Волог., Нижегор., Твер., Смол., Пенз., Оренб. 2. ‘непоседа, озорник, озорница’ Олон., Онеж., Нижегор., Самар., Кранояр. 3. ‘беспокойный, надоедливо-суетливый человек’ Перм., Свердл. 4. ‘вздорный, сварливый, неуживчивый человек’ Волог., Перм., Вят., Забайк. , Краснояр., Енис. // ‘неуступчивый человек’ Волог., Олон., Вят., Енис. 5. ‘сплетник, наушник’ Вят. 6. ‘двоедушный человек’ Волог., Арх., Вят. 7. ‘проходимец, пройдоха, плут’ Волог., Арх., Онеж. 8. ‘чрезмерно чувствительный, сладострастный, похотливый человек’ Волог., Костром. 9. ‘распутный, развратный, безнравственный человек’ Волог., Твер., Костром., Яросл., Пенз. 10. ‘человек, видавший виды, умеющий извлекать пользу для себя, тертый калач’ Волог. (СРНГ 8: 363).

Только в говорах в свободном состоянии используется праславянский по происхождению корень **pel-*: ***пела́***, ж. (чаще мн. ***пе́лы***, ***пелы́*** и ***пёлы***) ‘мякина’ Новг., Пск., Твер., Калин., Олон., КАССР, Арх., Петерб., Перм.; ‘отруби’ Пск.; ***пёлышки*** мн. ум.-ласк. к *пелы* Пск.; ***пели́нка*** ‘отдельный стебель, ость, оболочка колоса и т. п., из которых состоит мякина’ Пск.; ***пе́лка*** ‘старая, трухлявая древесина берёзы’ Арх., ‘мелкая овсяная мякина’ Пск., ‘деревянная лопатка, совок для веяния зерна’ Пск.; ***пело́вый*** ‘содержащий много мякины, плохо отвеянный (о зерне, хлебе)’ Новг. (СРНГ 25: 321–333).

2

При рассмотрении процессов морфемообразования необходим **учет данных исторической морфонологии**. Как известно, влияние звуковой эволюции на формирование но-

вых морфем в языке рассматривали в казанской школе. Так, В. А. Богородицкий писал: «Морфемы, благодаря фонетическим изменениям, разветвляются на две и более при одном и том же значении. <...> Если, с одной стороны, в языке в течение времени нарождаются новые разновидности морфем, то, с другой, вырабатываются и новые оттенки значений. Вместе с тем языку присуще стремление к выразительности, т. е. чтобы особые оттенки значения имели по возможности особое обозначение, благодаря чему может случиться, что одна разновидность морфемы закрепится за одним оттенком значения, другая — за другим и т. д., и, таким образом, произойдёт «дифференциация» морфем» [Богородицкий 1939: 182, 191].

Процессы структурной и семантической дивергенции морфем, о которой пишет В. А. Богородицкий, называя эти процессы «дифференциацией морфем», наиболее характерны, как известно, для русских народных говоров. Рассмотрим ряд примеров морфемообразования на основе исторических алломорфов одного этимологического корня.

Исторические алломорфы праславянского корня *-ži-* / *-goj-* / *-gaj-* подверглись функционально-семантической дивергенции и в русских народных говорах сохранились как самостоятельные корни: *жи-* (глагол *жить* в говорах имеет 27 знач. (СРНГ 9: 194–197)), *гой-* (***гой*** ‘уход, присмотр’, ***гоить*** ‘заживлять (раны), излечивать’ и еще 19 значений), *гай-* (***гаить*** ‘покрывать, укрывать’, ‘латать, чинить’ (СРНГ 6: 94)).

Исторические алломорфы праславянского корня **-li-* // **-lej-* // **-lьj-* // **-loj-* // **-laj-* // **-lě-* в русских народных говорах становятся самостоятельными корнями *ли-* (***лить***), *лоj-* (***лой*** ‘жир, топленое сало’ (СРНГ 17: 112)), *лё-* (***лёв***, ***лёва*** ‘послеродовое кровотечение’, ‘ливень, поток’ (СРНГ 16: 305), ***полёва*** ‘проливной дождь, ливень’ (СВГ 7: 137; СРНГ 29: 46) [Колесова 2007: 2015]), *лаj-* (***залай*** ‘низменность меж-

ду двумя пригорками’ (череп.) и ***улай*** ‘овраг’ (моск.) [Варбот 1984: 46–47]).

Следуя данным исторической морфонологии [Бернштейн 1974: 39], можно предположить, что праславянская морфема **-pel-* / **-pol-* могла быть представлена в славянских языках системой исторических алломорфов: **-pel-* / **-pol-* / **-pьl-* / **-pъl-* / **-pěl-* / **-pal-* / **-pil-* / **-pyl-* / **-plě-* / **-ple-* / **-pele-* / **-pla-* / **-plo-* / **-polo-* / *-$p^{ь}l_{o}$- / *-$p^{ъ}l_{o}$-. Однако, как отмечает С. Б. Бернштейн, «процессы генерализации морфем в различных славянских языках протекали по-разному». Поэтому «для восстановления полной картины славянского аблаута большое значение имеют диалектологические исследования» [Бернштейн 1974: 45]. По данным СРНГ, в русских говорах генетически родственными корню *пел-*, на наш взгляд, являются следующие исторические корни: *пеле-*: ***пе́ле́ва́***, ***пе́лево***, ***пелёва*** ‘мякина’; *пол-*: ***по́лно*** ‘большое количество кого-, чего-либо; много’, ***по́лный*** ‘богатый’, ***по́лстить*** ‘при обработке домотканого шерстяного полотна, выделке кожи давить, сжимать, мять для придания мягкости’; *пла-*: ***пла́сень*** ‘ровный плоский слой чего-либо, пласт’, ***пласко́вый***, ***пласто́вый*** ‘плоский’, ***пла́ха*** ‘широкая, толстая доска, обычно используемая для настилания пола, половица’; *пал-*: ***палица*** ‘деревянное орудие для обмолота льна’, ***па́лка*** ‘приспособление для глажения белья — деревянный зубчатый брусок с ручкой’; *пл-*: ***пля́щий*** ‘очень сильный, жгучий (о морозе)’; *пло-*: ***плоти́ца*** ‘мякина’, ***плоти́на*** ‘перхоть’; *поло-*: ***поло́ть*** ‘очищать зерно, крупу от сора и примесей’, ***полосова́ть*** ‘жалить (о пчелах)’; и другие корни [Яцкевич 2011, 2014]. Следует учесть также, что во многих указанных словах усложнение исторических алломорфов корня **-pel-* произошло за счет детерминативов.

3

При изучении морфемообразования на базе праславянских корней в русских народных говорах необходимо учитывать не только данные исторической морфонологии, но и наличие в структуре исконных слов **детерминативов** — словообразовательных элементов, исторически предшествующих суффиксу, которые представляли собой первую стадию линейного расширения корня [Откупщиков 1967; Козлова 1997: 35]. По данным этимологов, потенциально такими детерминативами могли быть: *-*p*-, *-*b*-, *-*t*-, *-*d*-, *-*s*-, *-*z*-, *-*k*-|*-*č*, *-*g*-|*-*ž*-, *-*x*-|*-*š*, *-*m*-, *-*n*-, *-*v*-, *-*j*-, *-*c*- [Откупщиков 1967; Козлова 1997: 36]; (ЭССЯ).

Так, на базе праславянского корня *-ži-/-goj-/-gaj-* с помощью указанных детерминативов образовались новые основы, которые в дальнейшем стали функционировать как самостоятельные корни, и в русских говорах, в свою очередь, сохранились как в составе непроизводных, так и производных основ:

жив-: ***живига*** ‘смола хвойных деревьев’; ***живица*** ‘непросохшее сено’; ***живой*** ‘родниковый, ключевой’; ***живот*** ‘имущество’; ***животина*** ‘скот’, ‘любое домашнее животное’, ‘любое живое существо’ (СВГ 2: 93);

жид-: ***жиделесь*** ‘влага, вода’; ***жидьё*** ‘жидкая часть супа, похлебки’; ***жидень*** ‘жидкий отстой свернувшегося молока, сыворотка’ (СВГ 2: 94);

жил-: ***жила*** ‘время жизни, жизнь’; ***жило*** ‘время жизни, жизнь’, ‘жилое помещение, жилье’; ***жилой*** ‘физически сильный. здоровый’;

жир-: ***жира*** ‘время жизни, жизнь’, ‘жилое помещение, жилье’; ***жировать*** ‘жить, находиться где-л.’, ‘гостить’; ***жировый*** ‘предназначенный для жилья’ (СВГ 2: 94–97).

Если в рассмотренных выше производных корнях в той или иной степени сохраняется семантическая связь с исходным корнем, то в основах, образованных на базе праславян-

ских корней *-*pel*-/*-*pol*-, такая связь требует специальной семантической реконструкции. Продуктивное морфемообразование на базе данных основ с детерминативами ранее рассматривалось в ряде исследований. Так, в 15 выпуске ЭССЯ приводится несколько индоевропейских корней с общим значением ‘лить’, и среди них корень *pel-/*pl- (лит. *pilti*, лтш. *pilt*, др.-инд. *pr*-, греч. πίμπλημι) (ЭССЯ 15: 158). Авторы словаря уточняют, что, хотя глагол с этим корнем в славянских языках не сохранился, однако, судя по семантике производного славянского слова **pьlnъ* (‘налитый’ → ‘наполненный’ → ‘полный’), он имел значение ‘наливать, наполнять’ (ЭССЯ 15: 159).

О. Н. Трубачев, рассматривая древнейшие связи праславянского с латинским, древнегреческим и другими индоевропейскими языками, приводит ряд слов с данным корнем: **polba* (русс. ***полба***), особое суффиксальное производное на *-*b*- от того же корня, что и лат. *puls* ‘каша из полбы’, *pultare* ‘толочь’ (ср. указание специалистов на невымолачиваемость зерна как на характерный признак полбообразных сортов пшеницы) [Трубачев 1991: 169, 170, 212, 219]; русск. диал. ***полоть*** ‘подбрасывать снег при гадании’, для которого устанавливаются параллели с греч. πάλλω ‘потрясать, встряхивать (в том числе жребий при гадании)’, а также с рядом аналогичных примеров в Полесье, в чешских и моравских диалектах [Трубачев 1991: 247]; древние латинско-славянские связи прослеживаются в названиях окружающей природы, *poludes* — **pola voda*, *paluden* — **polovodje* [Трубачев 1991: 23, 117, 150, 182, 215, 223]; **plugъ* (русск. ***плуг***) — отглагольное производное на *-*g*- (**plu-g*-: **pluti* ‘плыть’, ср. **stru-g*-), по мнению О. Н. Трубачева, колесный плуг показался человеку плывущим при сравнении с сохой, которая тащилась с трудом, таким образом первоначальное значение этого слова ‘рало на колесах’, «плывущее рало»* [Трубачев 1991: 91, 171, 211, 212].

Ж. Ж. Варбот, наряду с указанным значением ‘лить, течь, наполнять’, отмечает также значение ‘производить, рождать’. По мнению автора, «из славянской лексики к этому гнезду принадлежат, например, **pьlnъ(jь)*, **plodъ*, **plemę*, **plęgti* ‘плодиться, вырастать’» [Варбот 1984: 180]. В это же этимологическое гнездо автор включает слово *plojma* | *(-ьba)*; ср. белорусский диалектизм *пло́йма* ‘множество’: *пло́йма дзяцей*, *пло́йма л’асоў*, *пло́йма блох*, а также ‘сборище людей’, ‘орава’; слово ***пло́йма*** в западно-русских говорах: со значением ‘сборище людей’ (смол.); ‘множество’, ‘много детей в семье’ (брянск.) [Варбот 1989: 62–63].

А. Е. Аникин рассматривает на славянском материале праславянские реконструкции **pelz-* / **polz-* / **pьlz-*, семантическим стержнем которых является, по его мнению, значение ‘ползти, скользить’ (ср.: словен. *plaz* ‘крутой пригорок, откос, лесоспуск, оползень’; болг. диал. *плазей* ‘русло пересохшего потока на крутом лесистом склоне’, *плъзник* ‘крутой желоб в лесу, по которому опускают дрова’ и др.) [Аникин 1988: 28–40]. В частности, он указывает на возможность семантического развития ‘ползти, скользить’ > ‘след’ и на этом основании этимологизирует, например, словен. *plaz* и, возможно болг. *плезмина* ‘род, племя’ [Аникин 1988: 33].

Р. М. Козлова, на основе приведённого в монографии обширного праславянского гидронимического материала, считает, что индоевропейский корень **pel-* имел значение ‘широкий’, ‘раскинувшийся’ [Казлова 2000: 170, 189]. В качестве доказательств автор приводит большое количество славянских гидронимов, реконструируемых ею как праславянские лексемы: **Polta*, **Poltъ* и связанные с ними отношениями качественного аблаута **Pъltъ*, **Pъlta*, **Pъlto*, реконструкцию которых она осуществляет, например, на основе русских топонимов: ***Полтозеро*** — озеро в Шенкурском районе Архангельской области, ***Полтома*** — река в бассейне Пинеги, ***Палтъ*** — ручей на территории Никольского погоста, ***Пелтъ*** — ручей в бассейне Мегры, ***Полтинка*** — река в Грязо-

вецком районе Вологодской области, а также на основе многих гидронимов других славянских языков [Казлова 2000: 170–172]. См. также реконструкцию **Pъld-* на славянском гидронимическом материале [Казлова 2000: 186–191].

Подводить итог этимологическим исследованиям, посвященным корню **pel-*, преждевременно. Тем не менее, можно отметить, что указанные выше этимологии не противоречат друг другу, поскольку реконструкция проводилась авторами на различном языковом материале.

В результате проведенного исследования в русских говорах по материалам СРНГ были выявлены следующие производные диалектные корни: *-пелед-*[1], *-пелед-*[2]; *-пелег-*[1] и *-пелег-*[2]; *-пелей-*[1], *-пелей-*[2]; *-пелек-*; *-пелен-*[1], *-пелен-*[2], *-пелен-*[3]; *-пелес-*[1], *-пелес-*[2]; *-пелет-*; *-пелех-* [Яцкевич 2011, 2014]. См. также статьи о морфемообразовании на базе других праславянских основ с детерминативами [Колесова, Яцкевич 2015; Иванова 2017].

4

Одним из источников морфемообразования является **первичный синкретизм праславянских корней** и дальнейшая их семантическая специализации в структуре исторически однокоренных слов. По данным «Этимологического словаря славянских языков» и других словарей, к одному семантически синкретичному корню восходят, например, следующие производные пары корней: *пи-* (***пить***) и *пе-* (***петь***), *вид-* (***видеть***) и *вед-* (***ведать***). Праславянский корень **-bai-* был семантически синкретичным: **bajati* I ‘говорить, разговаривать’, ‘рассказывать’, ‘заговаривать, ворожить, колдовать’, ‘предсказывать, гадать’, ‘рассказывать сказки, выдумывать’ (ЭССЯ 1: 138–139) и **bajati* II ‘гореть, тлеть, мерцать’ (ЭССЯ 1: 139). Анализируя разные точки зрения на характер отношений между этими глаголами, О. Н. Трубачёв пришёл к выводу: «Мы считаем обе группы слов этимологически родственными на и.-е. уровне, о чём говорят и другие

этимологические аналогии, ср. **svьrkati*, **svьrčati* и др. Разграничение, имевшее следствием выделение особых праслав. **bajati* I и **bajati* II, наметилось ещё в дославянский период. Здесь уместно вспомнить, что ещё Бак придерживался мнения о тождестве и.-е. **bhā-* ‘говорить’ и др.-инд. **bhā-* ‘светить’, греч. φαίνω [Buck 1915], причём он представляет себе развитие знач. как ‘делать ясным’ > ‘говорить’. Мы склонны выводить всё из синкретической ономатопеи» (ЭССЯ 1: 139–140).

Типологически и генетически близок к рассмотренному выше корню и синкретичный корень **-bas-* (ЭССЯ 1: 162). Сема ‘красота’ составляет основное содержание диалектных слов с этим корнем: ***бас***, ***баса***, ***басъ***, ***баский*** и многих других производных от них. М. Фасмер делает обзор нескольких этимологических версий: 1) заимствование из скандинавских языков, 2) заимствование из коми, 3) слово индоевропейского происхождения, родственное с др.-инд. *Bhāsas* ‘свет, блеск’, *bhāsati* ‘светить, блестеть’ (Фасмер 1: 129–130). О. Н. Трубачёв считает, что основа *bas-* «нуждается в более широкой этимологической трактовке» (ЭССЯ 1: 162). Учитывая наличие в говорах двух разных значений у слова ***баской*** ‘красивый’ и ‘говорливый’, а также сравнивая с лат. *fās* (**bā-s*) ‘божественный закон’ и др.-инд. *bhāsate* ‘говорить’, он сближает это слово с *bajati* I, II (см. выше) и считает, таким образом, что в основе этих лексем лежит единое и.-е. *bhā-* ‘говорить’, ‘сиять’ (ЭССЯ 1: 162). О верности этой этимологии свидетельствует всё последующее развитие данного гнезда слов в истории русского языка. В нем очень рано, еще в праславянском, произошел процесс семантической дивергенции, который привел к образованию двух словообразовательных гнезд соответственно с интегральными семами ‘красота’ и ‘говорить’. Одно гнездо слов с интегральной семой ‘красота’ сохранилось в основном в северных говорах. В ЭССЯ (ЭССЯ 1: 162) приводится также сербохорв. диал. *nàbas* ‘красиво’, ‘превосходно’ и укр. *баский* ‘резвый, ретивый,

рьяный', 'ретивый, резвый (о коне)' (Картотека Украинского академического словаря). По подсчетам Т. В. Лебедевой, в русское диалектное гнездо входит 88 слов [Лебедева 2000].

5

Наблюдение над процессами морфемообразования предполагает использование **функционально-типологического анализа**. Исторические алломорфы одного этимологического корня в лексике русских народных говоров не только дифференцируются по звучанию или значению, но и приобретают во времени и пространстве **различный языковой статус в структуре слов**. В силу этого возникает задача функциональной типологии исторических алломорфов в современной диалектной лексике. Например, исторические алломорфы, восходящие к праславянскому корню *-*ěd-* (*ěda*, *ědati*, *ědivo*, *ěsti* и др.) (ЭССЯ 6: 38–41), в современных говорах представлены такими морфами: [-*ед*-] ***едак*** 'человек, обладающий хорошим аппетитом' Пск., Смол., Тул., Орл, Курск.; [-*ед'*-] ***едево*** 'пища, съестное, кушание' Казан., Сарат., Ворон., Вят.; [-*е*-] ***ем***; [-*jод*-] ***ёд*** 'яд' Новг. (СРНГ 8: 318–319); ***ёдово*** 'пища, съестное, кушание' Урал, Влад., Тул. (СРНГ 8: 322); [-*ежс*-] ***ежса*** 'пища, съестное, кушание' (СВГ 2: 71), Твер., Яросл., Влад., Костр., Смол., Тамб., Дон., Вят. и др. (СРНГ 8: 325); [-*ес*-] ***есва*** 'еда' (СВГ 2: 71); [-*jад*-] ***ядать*** 'есть' Пск. (Даль 4: 673); [-*jад'*-] ***яденьять*** 'есть' (СВГ 2: 130); ***объядь*** 'остатки недоеденного сена', 'собир. о маленьких детях' (СРНГ 22: 279); [-*jас*-] ***яса*** 'перемена кушания'; [-*jас'*-] ***ясти*** Зап. (Даль 4: 681). В результате функционально-типологического анализа выясняется, что эти морфы в современном диалектном языке сохранили статус алломорфов одной морфемы только в определённой части исторически однокоренных слов. В другой части этимонимов они подверглись дивергенции и образовали различные морфемы.

Алломорфами одной сильной морфемы являются морфы [-*ед*-]^1, [-*ед'*-]^1, [-*jод*-]^1, [-*ес*-]^1, [-*е*-]^1, [-*ежс*-]^1, [-*jад*-]^1,

[-*jaд’*-][1], [-*jac’*-][1], представленные в указанных выше однокоренных словах: ***е́дливо***, ***едево***, ***ёдово***, ***е́жа***, ***есва*** ‘еда, пища, кушание’, ***ядать***, ***яденьять***, ***ясти***, ***ем*** (общеязыковое). По сравнению с литературным языком, у рассматриваемой диалектной морфемы есть дополнительные алломорфы, появившиеся в результате различных фонетических процессов: [-*joд*-][1], [-*jaд*-][1], [-*jaд’*-][1]; алломорф [-*еж*-][1] появился в слове ***ежа***, восходящему к праславянскому суффиксальному производному слову **ědja* < **ěda* (ЭССЯ 6: 41), а последующие фонетические процессы привели к опрощению основы. См. также слово ***объежа*** ‘обжорство’ Пск., Твер. (СРНГ 22: 276). Некоторые алломорфы в диалектных словах имеют более широкую дистрибуцию. Например, алломорфы [-*ес*-][1] / [-*ес’*-][1] в вологодских говорах встречаются не только в слове ***есть***, но и в словах ***есва*** ‘еда’ и ***есвяный*** ‘имеющий хороший аппетит’, ‘прожорливый’ (СВГ 2: 74). Все указанные морфы употребляются в однокоренных словах и обладают семантической общностью.

Алломорфами разных сильных морфем являются в современных говорах и литературном языке следующие омонимичные морфы. Ср.: (1) алломорфы [-*jaд*-][1] ***ядать*** ‘есть’ Пск. (Даль 4: 673), ***ядный***, ***ядомый*** ‘относящийся к еде, съедобный’, ***ядом*** ‘еда’ (Даль 4: 673), [-*jaд’*-][1] ***яденьять*** ‘есть’ (СВГ 2: 130), ***объядь*** ‘остатки недоеденного сена’, ‘собир. о маленьких детях’ (СРНГ 22: 279) и алломорф [-*jaд*-][2] в словах ***яд***, ***ядовитый***; (2) морф [-*joд*-][1] ***ёдово*** ‘пища, съестное, кушание’ Урал., Влад., Тул. (СРНГ 8: 322) и [-*joд*-][2] ***ёд*** ‘яд’ Новг. (СРНГ 8: 318–319). Этимологическое родство этих алломорфов рассматривается в (ЭССЯ 6: 45–46).

Морфами разных **сильных и слабых морфем** являются в современных говорах и литературном языке следующие морфемы:

(1) алломорф **сильной** морфемы [-*ед*-][1] в диалектных словах ***едкий***, ***едко́й*** ‘съедобный’ (СВГ 2: 71), ***наедать***

‘начинать есть’, ***наеда*** ‘еда, питьё’ (СРНГ 19: 261) и мн. др. и алломорф **слабой морфемно связанной морфемы** [-*ед*-]^2 в словах с общим значением ‘надоедливый’: ***надоедный*** Арх., ***надоедучий*** Арх., ***надоедучный*** Арх., ***надоедуший*** Арх.; ***надоедник*** Казан., Нижегор., Влад., ***надоедуша*** Арх. (СРНГ 19: 242);

(2) алломорф **сильной** морфемы [-*ед*-]^1 в диалектных словах ***едкий***, ***едко́й*** ‘съедобный’ (СВГ 2: 71) и **морф слабой семантически связанной морфемы** [-*ед*-]^3 в словах ***едкий*** ‘разъедающий, разрушающий химически’ // ‘вызывающий сильное физическое раздражение’, ‘язвительный, колкий’ и производных от него (МАС I: 463).

Субморфом в составе корня -*обед*- является [-*ед*-]^4 в общеязыковом слове ***обед*** и производных от него диалектных словах ***обедальщик***, ***обеденка***, ***обеденник***, ***обедище***, ***обедье*** и др. (СРНГ 22: 25–28).

Функционально-типологический анализ исторических алломорфов в составе слов диалектного и литературного языка выявил результаты их разнонаправленной дивергенции.

Таблица № 1. Структурный статус исторических алломорфов этимологического корня *-*ěd*- в современных русских говорах

Алломорфы и варианты одной сильной морфемы	Морфы омонимичных морфем	Морфы сильной и слабой морфем	Субморф в составе сильной морфемы
[-*ед*-]^1		[-*ед*-]^1 — [-*ед*-]^2 [-*ед*-]^1 — [-*ед*-]^3	[-*ед*-]^4
[-*ед'*-]^1			
[-*jод*-]^1	[-*jод*-]^1 — [-*jод*-]^2		
[-*ес*-]^1			
[-*е*-]^1			
[-*еж*-]^1			
[-*jад*-]^1	[-*jад*-]^1 — [-*jад*-]^2		
[-*jад'*-]^1			
[-*jас'*-]^1			

Выводы

Наблюдения над эволюцией праславянских корней в истории русского языка позволяют сделать вывод о том, что причиной эволюции морфем являются не только исторические изменения их звуковой структуры, на что указывал В. А. Богородицкий [Богородицкий 1939: 182, 191], но и наличие в структуре языка внутренних противоречий. Данную причину языковой эволюции в своё время выдвинул М. В. Панов, который писал: «В языке существует качественно своеобразная борьба противоположностей, которая и определяет его саморазвитие. Эти противоположности можно назвать языковыми антиномиями, так как каждое конкретное разрешение любой их этих противоположностей порождает новые столкновения, новые противоречия в языке» [Панов 2007: 17]. Применительно к морфемной эволюции такой языковой антиномией, которая является внутренним двигателем изменений морфемы во времени и пространстве, оказывается противоречие между членимостью слова на морфемы, его словообразовательной мотивированностью и стремлением к идиоматичности лексического значения слова в силу его знаковой самостоятельности и независимости от составляющих его морфем, поскольку, по сравнению с морфемой, это единица более высокого семиотического уровня. В результате процесс морфемной дивергенции проходит в нескольких направлениях:

— на основе семантической специализации исторических алломорфов одной корневой морфемы в разных лексемах образуются новые корни;

— на основе семантической специализации исторически однокоренных основ с разными детерминативами в структуре образуются новые корни;

— на базе одного семантически синкретичного корня появляются разные омонимичные морфемы, проходя следующий путь развития: сильная первичная морфема $>$ слабая

морфема > новая вторичная сильная морфема, омонимичная исходной;

— при опрощении морфемной структуры слова появляется новая производная морфема, в составе которой исходная морфема является субморфом в результате прохождения ею следующих эволюционные этапов: сильная первичная морфема > слабая морфема > субморф;

— языковой статус новых морфем может быть различным: образуются как сильные (свободные) морфемы, так и слабые (связанные) морфемы.

Итогом данных эволюционных процессов является морфемообразование, наиболее широко представленное в русских народных говорах.

Литература

Аникин А. Е. Опыт семантического анализа праславянской омонимии на индоевропейском фоне. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1988. 126 с.

Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М.: Наука, 1974. 378 с.

Богородицкий В. А. Очерки по языковедению и русскому языку. 4-е изд., перераб. М.: Учпедгиз, 1939. 223 с.: 3 вкл. л.

Варбот Ж. Ж. Праславянская морфонология, словообразование и этимология / Отв. ред. О. Н. Трубачев. М.: Наука, 1984. 256 с.

Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. XIV // Этимология. 1986–1987 / Под ред. Ж. Ж. Варбот и др. М.: Наука, 1989. С. 55–63.

Иванова Е. Н. Отражение процессов морфемообразования в словах с общеславянскими корнями **-pi-* , **-pě-* в вологодских говорах // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого [Электронный ресурс]. 2017. № 2(10). Режим доступа: URL: http://www.novsu.ru/univer/press/eNotes1/i.1086055/?id=1312204

Козлова Р. М. Структура праславянского слова. Праславянское слово в генетическом гнезде. Гомель: [б. и.], 1997. 412 с.

Колесова И. Е. Процессы морфемообразования в историческом корневом гнезде глагола *лить* // Диалектное словообразование, морфемика, морфонология. Монография / Под ред. Е. Н. Шабровой. СПб.: Наука; Вологда: ВГПУ, 2007. С. 280–289.

Колесова И. Е. Состав корневых алломорфов и лексико-семантические зоны исторического корневого гнезда глагола *лить* в современных вологодских говорах // Говоры Вологодского края: аспекты изучения: Межвузовский сборник научных трудов / Отв. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 181–190.

Колесова И. Е. Динамика исторических корневых гнезд: процессы дивергенции и конвергенции в ИКГ с вершиной **-lei-*. Монография. Вологда: ВГПУ, 2012. 256 с.

Колесова И. Е. Процессы морфемообразования на основе этимологического корня **-lei-* в вологодских говорах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 3(64). С. 78–80.

Колесова И. Е., Яцкевич Л. Г. Процессы морфемообразования в историческом корневом гнезде с этимологическим корнем **-u̯ei-* // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 5(66). С. 85–87.

Лебедева Т. В. Структура и семантика корневых гнёзд с корнем *-бас-* в вологодских говорах. Дипломная работа. Научный руководитель Л. Г. Яцкевич. Вологда, 2000.

Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.

Панов М. В. Труды по общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры. Т. 1. 2004. 562 с.; Т. 2. 2007. 842 с.

Рыбакова И. Ю. Процессы гнездообразования и семообразования в историческом гнезде с этимологическим корнем **ber-*: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2003. 18 с.

Трубачев О. Н. Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. М.: Наука, 1991. 271 с.

Яцкевич Л. Г. Морфемика // Морфемика и словообразование русского языка: учеб. пособие / Отв. ред. Л. Г. Яцкевич; сост. М. В. Богданова. Вологда: Русь, 2002. С. 8–71.

Яцкевич Л. Г. Слова со связанными основами: учеб. пособие. Вологда: Легия, 2006. 176 с.

Яцкевич Л. Г. Эволюционные процессы в историческом корневом гнезде с алломорфами *-рез-*/*-реж-*/*-раз-*/*-раж-*/*-рож-* в вологодских говорах // Говоры вологодского края: аспекты изучения:

Межвузовский сб. научных трудов / Отв. ред. Л. Ю. Зорина. Вологда: ВГПУ, 2008. С. 168–181.

Яцкевич Л. Г. Эволюционные процессы морфемообразования на базе праславянского корня **-pel-* в русских народных говорах (Статья первая: исторический алломорф **-pel-*) // Вестник Вологодского государственного педагогического университета. 2011. № 2. С. 95–104.

Яцкевич Л. Г. Праславянская лексика в «Словаре вологодских говоров» // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Международной научной конференции (Ярославль, 15–16 апреля 2014 г.) / Отв. ред. О. Н. Скибинская, Т. К. Ховрина. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2014. С. 360–366.

Яцкевич Л. Г. Семантические и словообразовательные особенности этимологического гнезда слов с праславянскими корневыми морфами **bat-*/**bot-* в вологодских говорах // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 6(67). С. 107–113.

Buck C. D. Words of speaking saying in the Indo-European languages: First Paper // The American Journal of Philology. 1915. Vol. 36. № 1. P. 1–18.

Казлова Р. М. Беларуская і славянская гидранімія. Праславянскі фонд. Т. 1. Гомель: ГГУ, 2000. 260 с.

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 661–672. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201841

Список сокращений

Авдеева 2008 — Авдеева М. Т. Словарь украинских говоров Воронежской области: в 2-х т. Воронеж, 2008.

Акчим. сл. — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь): в 6-ти вып. / Под ред. Ф. Л. Скитовой. Пермь, 1984–2011.

Аникин 1997 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Новосибирск, 1997.

Аникин — Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 1–12. М.; СПб.; Новосибирск, 2007–2018.

Анненков 1878 — Анненков Н. И. Ботанический словарь: Справочная книга для ботаников, сельских хозяев, садоводов, лесоводов, фармацевтов, врачей ⟨...⟩ Новое издание. СПб., 1878.

АОС — Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой, Е. А. Нефедовой. Вып. 1–18. М., 1980–2017.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17-ти т. / Гл. ред. В. И. Чернышев, С. Г. Бархударов, В. В. Виноградов [и др.]. М.; Л., 1950–1965.

БЕР — Български етимологичен речник. Т. 1–6. София, 1971–2002.

БСЭ — Большая советская энциклопедия: в 30-ти т. / Гл. ред. А. М. Прохоров. 3-е изд. М., 1969–1978.

БТСДК — Большой толковый словарь донского казачества / Редкол.: В. И. Дегтярев, Р. И. Кудряшова, Б. Н. Проценко, О. К. Сердюкова. М., 2003.

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998. (и другие стереотипные издания).

Бурнашев — Бурнашев В. Опыт терминологического словаря сельского хозяйства, фабричности, промыслов и быта народного: в 2-х т. СПб., 1843–1844.

БФС — Ботанико-фармакогностический словарь: справочное пособие / Под ред. К. Ф. Блиновой, Г. П. Яковлева. М., 1990.

Васильев 2005 — Васильев Л. М. Системный семантический словарь русского языка. Уфа, 2005.

Воробьев 2005 — Воробьев В. М. Тверской топонимический словарь: Названия населенных пунктов. М., 2005.

Ганцовская 2007 — Ганцовская Н. С. Живое поунженское слово. Словарь народно-разговорного языка Е. В. Честнякова. Кострома, 2007.

Ганцовская 2015 — Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома; М., 2015.

Гемп 2004 — Гемп К. П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений. М.; Архангельск, 2004.

Герасимов 1910 — Герасимов М. К. Словарь уездного череповецкого говора. СПб., 1910.

Глухов 1988 — Глухов В. М. Словарь русской просторечно-диалектной фразеологии (собран в говорах Иловлинского р-на Волгоградской области). 1988. (Машинопись).

Грiнченко — Грiнченко Б. Д. Словарь української мови: у 4-х т. Київ, 1907–1909.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1863–1866 (1-е изд. и другие фототипические издания).

Даль, 6-е изд. — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. М., 1978–1980.

ДАРЯ 1997 — Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части России. Карты. Вып. 3. Ч. 1. Лексика / Ред. О. Н. Мораховская. Мн., 1997.

Дилакторский — Дилакторский П. А. Словарь областного вологодского наречия в его бытовом и этнографическом применении. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. / Изд. подгот. А. Н. Левичкин и С. А. Мызников. СПб., 2006.

Добровольский 1914 — Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Донское слово 2015 — Брысина Е. В., Супрун В. И., Кудряшова Р. И. Донское слово: школьный словарь казачьих говоров Волгоградской области. Волгоград, 2015.

Доп. Опыт — Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря». СПб., 1858.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: у 6-ти т. Київ, 1982–2012.

Ефремова 1996 — Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.

Желеховский 1886 — Желеховский Е. Малоруско-німецкий словар. Т. 1–2. Львів, 1886.

КАОС — Картотека Архангельского областного словаря. Кафедра русского языка филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Караулов 1980 — Караулов Ю. Н. Частотный словарь семантических множителей русского языка / Отв. ред. С. Г. Бархударов. М., 1980.

ККОС – Картотека Костромского областного словаря. Кафедра отечественной филологии и журналистики Костромского государственного универститета им. Н. А. Некрасова.

КЛАРНГ — Картотека Лексического атласа русских народных говоров. Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Климкова 2006 — Климкова Л. А. Микротопонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч. Ч. 1. Арзамас, 2006.

КрКОС — Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / Сост. Н. С. Ганцовская, Г. И. Маширова; отв. ред. Н. С. Ганцовская. Кострома, 2006.

КСГРС — Картотека Словаря говоров Русского Севера. Кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета.

КСРГК — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей. Межкафедральный словарный кабинет им. проф. Б. А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета.

КСРНГ — Картотека Словаря русских народных говоров. Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург.

Кузнецов 1915 — Кузнецов И. Д. Рыбопромышленный словарь Псковского водоема. По материалам, собранным участниками Псковской промыслово-научной экспедиции 1912–1913 года. Пг., 1915.

Кузнецов 1995 — Кузнецов А. В. Названия вологодских озер: словарь лимнонимов финно-угорского происхождения. Вологда, 1995.

Куликовский 1898 — Куликовский Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.

ЛАРНГ 2017 — Лексический атлас русских народных говоров: Т. 1. Растительный мир / Отв. ред. Т. И. Вендина. М.; СПб., 2017.

Леонтьев, Новикова 1989 – Леонтьев В. В., Новикова К. А. Топонимический словарь Северо-Востока СССР / [Науч. ред. Г. А. Меновщиков]. Магадан, 1989.

Лесников 2002 – Лесников С. В. Словарь русских словарей: более 3500 источников / Предисл. проф. В. В. Дубичинского М., 2002.

Либерис 1962 – Либерис А. Литовско-русский словарь. Вильнюс, 1962.

Линдберг, Герд — Линдберг Г. У., Герд А. С. Словарь названий пресноводных рыб СССР на языках народов СССР и европейских стран. Л., 1972.

Максимов 2002 — Максимов Б. Б. Фильтруй базар: Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск, 2002.

Максимчук 2012 — Максимчук Н. А. Шумячское Порубежье в именах и названиях. Ч. 1: Материалы к ономастическому лингвокраеведческому словарю. Смоленск, 2012.

МАС — Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. М., 1957–1960. (2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984).

Мелерович, Мокиенко 1997 — Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. М., 1997.

Мелерович, Мокиенко 2005 — Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Фразеологизмы в русской речи. Словарь. Изд. 3-е. М., 2005.

Мельниченко 1961 — Мельниченко Г. Г. Краткий ярославский областной словарь. Т. 1. Ярославль, 1961.

Меркурьев 1979 — Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.

Миртов 1929 — Миртов А. В. Донской словарь. Материалы к изучению лексики донских казаков. Ростов н/Д., 1929. (2-е изд. Волгоград, 2006).

Михайлова 2013 — Михайлова Л. П. Словарь экстенциальных лексических единиц в русских говорах. Петрозаводск; М., 2013.

Мосеев 2005 — Мосеев И. И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.

Муллонен 2008 — Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск, 2008.

Мурзаев 1984 — Мурзаев Э. М. Словарь народных географических терминов. М., 1984.

Мызников 2010 — Мызников С. А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.

НОС — Новгородский областной словарь: в 13-ти вып. / Отв. ред. В. П. Строгова. Новгород, 1992–2000.

НОС 2010 — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников; [авт.-сост. А. В. Клевцова и др.; ред. А. В. Клевцова, Л. Я. Петрова]. СПб., 2010.

НОССРЯ — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. / Под общ. рук. акад. Ю. Д. Апресяна. М.; Вена, 2004.

Ожегов — Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1949 (и др.).

ОЛА 2000 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 3. Растительный мир / Гл. ред. А. И. Подлужный. Минск, 2000.

ОЛА 2007 — Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Вып. 6. Домашнее хозяйство и приготовление пищи / Отв. ред. Т. И. Вендина. М., 2007.

Онишкевич 1984 — Онишкевич М. Й. Словник бойківських говірок: у 2-х т. Київ, 1984.

Опыт — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб., 1852.

ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии: в 12-ти вып. / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 1996–2018.

Пащенко 2015 — Пащенко В. А. Словарь фразеологизмов и иных устойчивых сочетаний Забайкальского края / Под научн. ред. Т. Ю. Игнатович. 2-е изд., испр. и доп. Чита, 2015.

Пекарский — Пекарский Э. К. Словарь якутского языка: в 3-х т. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 2008.

Піпаш, Галас 2005 — Піпаш Ю., Галас Б. Матеріали до словника гуцульських говірок. Костеська Поляна і Росішка Рахевського району Закарпатськоі области. Ужгород, 2005.

Подвысоцкий 1885 — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.

Полякова 2007 — Полякова Е. Н. Словарь географических терминов в русской речи Пермского края. Пермь, 2007.

ПОС — Псковский областной словарь с историческими данными / Ред. А. И. Лебедева, О. С. Мжельская, С. М. Глускина, Л. А. Ивашко, А. И. Корнев, И. С. Лутовинова и др. Вып. 1–27. Л./СПб., 1967–2017.

Преображенский — Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 3-х т. М.; Л., 1910–1949.

Программа ЛАРНГ — Программа собирания сведений для Лексического атласа русских народных говоров: в 2-х ч. / Отв. ред. И. А. Попов. СПб., 1994.

Радлов — Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий: в 4-х т. СПб., 1899–1911.

РАС — Караулов Ю. Н., Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Уфимцева Н. В., Черкасова Г. А. Русский ассоциативный словарь (Ассоциативный тезаурус современного русского языка). М., 1994. Кн. 1. Ч. 1; Кн. 2. Ч. 1; 1996. Кн. 3. Ч. 2; Кн. 4. Ч. 2; 1998. Кн. 5. Ч. 3; Кн. 6. Ч. 3.

РСС — Караулов Ю. Н., Молчанов В. И., Афанасьев В. А., Михалев Н. В. Русский семантический словарь: Опыт автомат. построения тезауруса: от понятия к слову / Отв. ред. С. Г. Бархударов. М., 1983.

РЭС — Русско-эстонский словарь: в 4-х т. / Под. ред. Х. Леэметс, Х. Сари. Таллин, 1984–1994.

СБГ — Словарь брянских говоров / Под ред. В. И. Чагишевой, В. А. Козырева. Т. 1–5. Л., 1976–1988.

СВГ — Словарь вологодских говоров: в 12-ти вып. / Ред. Т. Г. Паникаровская (Вып. 1–7); Т. Г. Паникаровская, Л. Ю. Зорина (Вып. 8–12). Вологда, 1983–2007.

СВорГ — Словарь воронежских говоров. Вып. 1–2 / Науч. ред. Г. Ф. Ковалёв. Воронеж, 2004–2007.

СВЯ — Зайцева М. И., Муллонен М. И. Словарь вепсского языка. Л., 1972.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Т. 1–6. Екатеринбург, 2001–2014.

Селигер — Селигер: материалы по русской диалектологии: Словарь. Вып. 1–7 / Гл. ред. А. С. Герд. СПб.; Тверь, 2003–2017.

Сергеева 2004 — Сергеева Л. Н. Материалы для идеографического словаря новгородских фразеологизмов. Великий Новгород, 2004.

Симина — Словарная картотека пинежских говоров, дар Г. Я. Симиной Словарной картотеке ИРЯЗ (ныне в КСРНГ в Институте лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).

СКЯМ — Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990.

СКЯП — Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994.

Слов. Акад. 1789–1794 — Словарь Академии Российской: в 6-ти ч. СПб., 1789–1794.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. / Гл. ред. С. Г. Бархударов, Ф. П. Филин, Д. Н. Шмелёв, Г. А. Богатова, В. Б. Крысько. Вып. 1–30. М., 1975–2015.

Смолицкая 2002 — Смолицкая Г. П. Топонимический словарь Центральной России. М., 2002.

СОГ — Словарь орловских говоров / Под ред. Т. В. Бахваловой. Вып. 1–4. Ярославль, 1989–1991. Вып. 5–15. Орёл, 1992–2008.

СПГ — Словарь пермских говоров: в 2-х т. / Под ред. А. Н. Борисовой, К. Н. Прокошевой. Пермь, 2000–2002.

СППП — Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина; научн. ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2001.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: в 6-ти т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2004.

СРГНО — Словарь русских говоров Новосибирской области / Под ред. А. И. Федорова. Новосибирск, 1979.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2-х т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.

СРГРМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия / Под ред. Р. В. Семенковой. Вып. 1–8. Саранск, 1978–2006.

СРГРМ 2013 — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия: В 2-х ч. / Под ред. Р. В. Семенковой. СПб., 2013.

СРГСУД — Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнения / Под. ред. А. К. Матвеева. Екатеринбург, 1996.

СРГЮП — Словарь русских говоров Южного Прикамья: в 3-х вып. / Науч. ред. И. А. Подюков. Пермь, 2010–2012.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка: в 3-х т. СПб., 1893–1912. (переизд. М., 1958).

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С. А. Мызников. Т. 1–50. М.; Л./СПб., 1965–2018.

СРС — Саамско-русский словарь / Н. Е. Афанасьева, Р. Д. Куруч, Е. И. Мечкина и др.; под ред. Р. Д. Куруч. М., 1985.

СРФ — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб., 1998.

СРФ, 3-е изд. — Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / Под ред. проф. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М., 2005.

ССГ — Словарь смоленских говоров: в 11-ти вып. / Под ред. А. И. Ивановой, Е. Н. Борисовой, Л. З. Бояриновой. Смоленск, 1974–2005.

ССКЗД — Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / Сост. Т. И. Жилина, М. А. Сахарова, В. А. Сорвачева; под ред. В. А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961.

СРСГСП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: в 3-х т. / Под ред. Г. А. Садретдиновой. Томск, 1992–1993.

СССПИ — Словарь-справочник «Слова о полку Игореве»: в 6-ти вып. / Сост. В. Л. Виноградова. М.; Л., 1965–1984.

Терещенко 1965 — Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М., 1965.

Толстой 1970 — Толстой И. И. Сербско-хорватско-русский словарь. Изд. 3-е испр. и доп. М., 1970.

Усачева 2003 — Усачева В. В. Славянская ихтиологическая терминология. Принципы и способы номинации. Обратный словарь. М., 2003.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1934–1940.

Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4-х т. / Перевод с нем. и предисловие О. Н. Трубачёва. М., 1964–1973. (и другие стереотипные издания).

Федотова, Бойко — Федотова В. П., Бойко Т. П. Словарь собственно-карельских говоров Карелии = Karjalan Varšinaismurtehien šanakirja. Петрозаводск, 2009.

Фелицына, Мокиенко 1999 — Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Школьный фразеологический словарь. М., 1999.

ФСРЛЯ — Фразеологический словарь литературного языка конца XVIII–XX вв.: в 2-х т. / Под ред. А. И. Федорова. М., 1997.

ФСРЯ — Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1967.

Чайкина 1988 — Чайкина Ю. И. Географические названия Вологодской области: топонимический словарь. Архангельск; Вологда, 1988.

Черных — Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 1993. (и другие стереотипные издания).

Шапошников 2010 — Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2-х т. М., 2010.

Шведова 1998 — Шведова Н. Ю. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений. М., 1998.

Шведова 2007 — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / Сост. Н. Ю. Шведова, Л. В. Куркина, Л. П. Крысин; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

Шипова 1976 — Шипова Е. Н. Словарь тюркизмов в русском языке. Алма-Ата, 1976.

Щекатов — Щекатов А. М. Словарь географический Российского государства, описывающий Азбучным порядком: в 7-ми ч. М., 1801–1809.

ЭвенкРС — Горцевская В. А., Колесникова В. Д., Константинова О. А. Эвенкийско-русский словарь. Л., 1958.

ЭвенРС — Цинциус В. И., Ришес Л. Д. Эвенско-русский словарь. Л., 1957.

Элиасов 1980 — Элиасов Л. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.

ЭСБМ — Этымалагiчны слоўнiк беларускай мовы / Рэд. В. У. Мартынаў, Г. А. Цыхун. Т. 1–13. Мн., 1978–2010.

ЭСГТ — Энциклопедический словарь географических терминов / Под ред. С. В. Колесник. М., 1968.

ЭСПИ — Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. / Ред. кол.: Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев, С. А. Семячко, О. В. Творогов (отв. ред.). СПб., 1995.

ЭСРЯШ — Этимологический словарь русского языка / Под ред. Н. М. Шанского. Вып. 1–8. М., 1963–1982.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева. Вып. 1–41. М., 1974–2018.

Янко 1998 — Янко М. П. Топонимичний словник України. Київ, 1998.

ЯОС — Ярославский областной словарь: в 10-ти т. / Под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1981–1991.

ЯОСД — Ярославский областной словарь: Дополнения: в 2 т. / Под науч. ред. Т. К. Ховриной. Ярославль, 2015.

ЯРС — Якутско-русский словарь. 25300 слов / Под ред. П. А. Слепцова. М., 1972.

Яшкін 2005 — Яшкін І. Слоўнік беларускіх мясцовых геаграфічных тэрмінаў. Тапаграфія. Гідралогія. Мінск, 2005.

Bańkowski 2000 — Bańkowski A. Etymologiczny słownik jezyka polskiega. T. 1, 2. Warszawa, 2000.

EES — Eesti etümoloogiasõnaraamat / Koost. ja toim. I. Metsmägi, M. Sedrik, S.-E. Soosaar. Tallinn, 2012.

Fraenkel — Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. I–II. Berlin, 1962, 1965.

Itkonen 1958 — Itkonen T. I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. Wörterbuch des Kolta- und Kolalappischen. O. I–II. Helsinki, 1958. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XV).

Janhunen 1977 — Janhunen J. Samojedischer Wortschatz. Gemeinsamojedische etymologien. Helsinki, 1977.

Kettunen 1938 — Kettunen L. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. Helsinki, 1938 (репринт 1999). (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. V).

Kiss 1988 — Kiss L. Földrajzi nevek etimológiai szótára. I–II. Budapest, 1988.

KKS — Karjalan kielen sanakirja. O. 1–6 / Päätoim. P. Virtaranta, R. Koponen. Helsinki, 1968–2005. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XVI).

Lehtiranta 1989 — Lehtiranta J. Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki, 1989. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. 200).

Lehtisalo 1956 — Lehtisalo T. Juraksamojedisches Wörterbuch. Helsinki, 1956. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XIII).

Monier-Williams 1964 — *Monier-Williams M. A.* Sanskrit-English dictionary etymologically and philologically arranged with special reference to cognate Indo-European languages. New edition, greatly enlarged and improved with the collaboration of E. Leumann, C. Capeller and other scholars, first edition 1899. Oxford, 1964.

Paasonens MW — H. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. B. I–VI / Zusammengest. von K. Heikkilä. Bearb. und hrsg. von M. Kahla. Helsinki, 1990–1999. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XXIII).

Pokorny — Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1. Bern—München, 1959.

SJP — Słownik języka polskiego. T. I–VIII / Red. J. Karłowicz, A. A. Kryński, W. Niedźwiedzki. Warszawa, 1900–1927. (Reprint. Warszawa, 1952–1953).

SKES — Toivonen Y. H., Itkonen E., Joki A. J., Peltola R. Suomen kielen etymologinen sanakirja. O. 1–7. Helsinki, 1955–1981. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae. XII).

Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. T. I–IV. Zagreb, 1971–1974.

Snoj 2016 — Snoj M. Slovenski etimološki slovar. Tretja izdaja. Ljubljana, 2016.

SP — Słownik prasłowiański. T. 1–8. Wrocław etc., 1974–2002.

SSAP — Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. O. 1–3 / Päätoim. E. Itkonen, U.-M. Kulonen. Helsinki, 1992–2000.

VES — Võru-eesti sõnaraamat. Võro-eesti synaraamat. Päält 15 000 tähüssyna. Kokko pandnuq Jüvä Sullõv. Tarto—Võro, 2002. (Võro Instituudi toimõndusõq. 12).

Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2018.
СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 673–691. ISSN 2658-6150 DOI: 10.30842/26586150201842

Указатель диалектной лексики

В указателе представлены только те слова, которые в текстах статей приведены в начальной форме, т. е. существительные в им. п., глаголы в инфинитиве и т. д. Словосочетания приводятся по алфавиту первого компонента.

Научное издание

Лексический атлас русских народных говоров

(Материалы и исследования)
2018

Печатается по решению Ученого совета
Института лингвистических исследований РАН

Подписано в печать 21.12.2018. Формат 60×90/16
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 43.25. Тираж 300 экз. Заказ №

Институт лингвистических исследований РАН
199053 Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Тел. (812)328-16-12
e-mail: larng@mail.ru
http://iling.spb.ru/

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии «   »
190000 Санкт-Петербург, ул.   , д.
Тел.

ISBN 978-5-6040925-7-6

9 785604 092576